ИСТОРІЯ
РУССКОЙ ЦЕРКВИ

МАКАРІЯ,
МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО и КОЛОМЕНСКАГО.

ТОМЪ XI.

ПАТРІАРШЕСТВО ВЪ РОССІИ.

КНИГА II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія с. Добродѣева, Троицкій пер., № 32.
1882.

ВХ
4185

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Февраля 1882 г.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
1095
59

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА III.

ПАТРІАРХЪ МОСКОВСКІЙ ФИЛАРЕТЪ И ДВА ЕГО ПРЕЕМНИКА.

I. Патріархъ Филаретъ Никитичъ.

стр.

Освобожденіе Филарета изъ плѣна 1
Встрѣчи ему предъ Москвою и въ Москвѣ 2
Избраніе, нареченіе и поставленіе Филарета въ патріарха іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ 3
Ставленая или настольная грамата патріарху Филарету . 7
Первое дѣйствіе патріарха Филарета — новая народная перепись 8
Вопросъ о справщикахъ книгъ, архимандритѣ Діонисіѣ и его товарищахъ 10
Рѣчь справщика Насѣдки, поданная Филарету 11
Пересмотръ дѣла о справщикахъ на соборѣ; посѣщеніе патріархомъ Ѳеофаномъ Сергіевой лавры, сношеніе съ восточными патріархами по вопросу о прилогѣ «и огнемъ» 12
Новое сочиненіе Насѣдки объ этомъ прилогѣ 15
Отвѣтныя посланія патріарховъ александрійскаго и іерусалимскаго 17
Вопросъ о православныхъ жителяхъ городовъ и уѣздовъ, уступленныхъ Швеціи 20
Вопросъ о перекрещиваніи латинянъ и препирательство

стр.

по этому вопросу крутицкаго митрополита Іоны съ патріархомъ Филаретомъ 23

Соборъ на митрополита Іону, раскаяніе его и соборное уложеніе о перекрещиваніи латинянъ 25

Вопросъ и соборное уложеніе или указъ о способѣ принятія бѣлорусцевъ въ православную церковь 30

Строгое выполненіе означенныхъ уложеній при Филаретѣ 33

Открытіе тобольской епархіи и два первые въ ней архіепископа 35

Удаленіе на покой крутицкаго митрополита Іоны и соборное оправданіе осужденнаго имъ прежде вологодскаго архіепископа Нектарія 41

Заботливость Филарета о печатаніи книгъ, типографія и напечатанныя въ ней книги 43

Разсылка книгъ, исправленіе прежде напечатанныхъ и сожженіе печатнаго Устава 1610 года 46

Употребленіе книгъ литовской печати, сожженіе Учительнаго евангелія и другихъ сочиненій Кирилла Транквилліона, отобраніе всѣхъ вообще книгъ литовской печати 47

Катихизисъ Лаврентія Зизанія, исправленіе, напечатаніе и значеніе этой книги 50

Уклоненіе князя Хворостинина въ латинскія заблужденія, наказаніе его и прощеніе 59

Прославленіе новыхъ святыхъ: Макарія унженскаго и Авраамія галицкаго 62

Принесеніе въ Москву ризы Господней изъ Персіи 63

Сказаніе дѣйственныхъ чиновъ или Уставъ московскаго успенскаго собора 66

Значеніе патріарха Филарета, какъ «великаго государя» 67

Патріаршая епархія, ея обширность и обширность въ ней власти патріарха Филарета, по новой царской граматѣ 68

Греческая школа въ Москвѣ при патріархѣ Филаретѣ . . 71

Необыкновенная судьба патріарха Филарета Никитича, его качества и кончина 74

стр.

II. Патріархъ Іоасафъ I.

Благословеніе патріарха Филарета на избраніе ему преемника 75
Происхожденіе и прежнее служеніе Іоасафа, его избраніе и поставленіе на патріаршество 76
Суздальскій архіепископъ Іосифъ Курчевичъ и постигшее его наказаніе 78
Безчиніе въ московскихъ церквахъ и нерадѣніе духовенства; «Память» или наказъ патріарха поповскимъ старостамъ Москвы 83
Безчиніе въ нижегородскомъ духовенствѣ и между самими церковными властями; «Лѣствица властемъ», данная патріархомъ 85
Отправка въ сибирскій край духовенства изъ Вологды и Москвы 88
Печатаніе книгъ, ихъ количество, допущенныя въ нихъ разности отъ прежнихъ изданій, справщики книгъ . . . 89
Приниженіе патріаршаго значенія при Іоасафѣ, отношеніе къ нему государя, участіе Іоасафа въ дѣлахъ гражданскихъ 92
Качества патріарха Іоасафа и его кончина 94

III. Патріархъ Іосифъ.

Избраніе и поставленіе его въ патріарха 95
Поученіе его къ духовенству и всей паствѣ 98
Полемика противъ лютеранизма: прибытіе въ Москву датскаго принца Вольдемара и предложеніе ему принять православіе 105
Переписка о томъ между патріархомъ Іоасафомъ и принцемъ Вольдемаромъ 106
Пренія о вѣрѣ нѣсколькихъ лицъ православнаго духовенства съ пасторомъ датскаго принца Фильгоберомъ . . . 107
Сущность этихъ преній и взглядъ русскихъ на лютеранство сравнительно съ латинствомъ 109
Соборъ въ Константинополѣ по ходатайству датскаго ко-

стр.

роля, рѣшеніе этого собора о значеніи лютеранскаго крещенія, отъѣздъ датскаго принца Вольдемара изъ Россіи 112

Наказы и распоряженія патріарха Іосифа касательно постовъ и воскресныхъ и праздничныхъ дней 114

Открытіе св. мощей угодниковъ Божіихъ, новыя чудотворныя иконы, новые праздники 116

Печатаніе книгъ, которыя и прежде издавались 118

Книги, напечатанныя въ первый разъ 120

Справщики книгъ и привнесеніе неправыхъ мнѣній въ печатныя книги 125

Предложенія московскому правительству завести въ Москвѣ греческое училище 129

Вызовъ ученыхъ старцевъ изъ Кіева, какъ отнеслись въ Москвѣ къ принесенной ими наукѣ; участіе ихъ въ исправленіи печатавшихся книгъ 132

Прибытіе въ Москву іерусалимскаго патріарха Паисія . . 136

Отъѣздъ старца Арсенія Суханова вмѣстѣ съ патріархомъ Паисіемъ, и «Пренія о вѣрѣ» Арсенія съ греками . . . 141

Предварительный разсказъ Арсенія о сожженіи московскихъ книгъ на Аѳонѣ 143

Первое преніе Арсенія съ греками 144

Второе преніе 148

Третье преніе и предшествовавшія ему обстоятельства . . 150

Четвертое и послѣднее преніе 154

Какъ смотрѣть на эти пренія Арсенія съ греками 159

Путешествіе Арсенія на востокъ и «Проскинитарій» . . . —

Никонъ: его рожденіе, воспитаніе, постриженіе въ монашество и служба въ санѣ игумена, архимандрита и новгородскаго митрополита 162

Недостатки въ богослуженіи: многогласіе и хомовое пѣніе; мѣры противъ нихъ 167

Сношеніе патріарха Іосифа съ цареградскимъ патріархомъ Парѳеніемъ по вопросу о многогласіи и другимъ. . . . 170

стр.
Соборъ въ Москвѣ по томуже вопросу и мѣры противъ хомоваго пѣнія 173
Сопротивленіе соборному рѣшенію московскихъ поповъ . . 175
Перенесеніе въ Москву мощей патріарха Іова и св. митрополита Филиппа; кончина патріарха Іосифа 176
Отношеніе царя Алексѣя Михайловича къ патріарху Іосифу, недостатки этого патріарха и милостыня по немъ . . . 179

IV. Общій взглядъ на тогдашнее состояніе церкви.

Значительная перемѣна въ церковномъ управленіи и судѣ; умноженіе несудимыхъ и тарханныхъ граматъ 182
Отличіе патріаршей епархіи, по управленію и суду, отъ другихъ епархій; патріаршіе Приказы. 187
Назначеніе каждаго изъ патріаршихъ Приказовъ 189
Подчиненіе духовенства другихъ епархій Приказу большаго Дворца 191
Уложеніе царя Алексѣя Михайловича и монастырскій Приказъ; что̀ измѣнило Уложеніе въ церковномъ управленіи и судѣ 193
Новыя жалованныя граматы государей духовенству на имѣнія; статьи Уложенія о церковныхъ имѣніяхъ 196
Сколько числилось крестьянскихъ дворовъ за патріаршею и прочими архіерейскими каѳедрами и за всѣми русскими монастырями 200
Государственныя подати и повинности церковныхъ крестьянъ 202
Новые монастыри 204
Обновленные монастыри и упоминаемые въ первый разъ . . 206
Монастыри приписные 208
Возвышеніе настоятелей нѣкоторыхъ монастырей и нравственное состояніе монастырей 209
Число церквей въ Москвѣ, иконы, иконописцы 210
Церковные обряды и обычаи 212
Школы, невѣжество и суевѣрія 215
Грубые пороки, забавы и развлеченія 217

стр.
Скудость духовной литературы, житія святыхъ, Сборники житій 219
Два слова Антонія Подольскаго 222
Сочиненія князя Семена Шаховскаго 227
Вѣротерпимость русскихъ къ иновѣрцамъ и отношеніе къ латинянамъ и протестантамъ 231
Сношенія съ православнымъ востокомъ: пришельцы съ востока въ Россію — при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ . . . 234
Пришельцы съ востока при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ . . 237
Посылка милостыни на востокъ отъ царя и патріарха 239
Чѣмъ служили восточные святители и другія духовныя лица московскому государю 240
Переходъ къ слѣдующей главѣ 241

ГЛАВА IV.

ЗАПАДНО-РУССКАЯ МИТРОПОЛІЯ ВЪ БОРЬБѢ СЪ УНІЕЮ, ПОДЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ МИТРОПОЛИТОВЪ.

I. Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ и возстановленіе имъ западно-русской іерархіи.

Прибытіе патріарха Ѳеофана въ Кіевъ и какъ отнеслось къ патріарху польское правительство 242
Первыя дѣйствія Ѳеофана въ Кіевѣ 244
Стеченіе къ Ѳеофану православныхъ изъ другихъ мѣстъ западно-русскаго края 246
Сношеніе Ѳеофана съ польскимъ королемъ 247
Согласіе Ѳеофана на возстановленіе западно-русской іерархіи и его благословенныя граматы городамъ и братствамъ 248
Рукоположеніе Ѳеофаномъ епископа перемышльскаго — Исаіи Копинскаго, митрополита кіевскаго — Іова Борецкаго и архіепископа полоцкаго — Мелетія Смотрицкаго 249

стр.

Кончина нареченнаго епископа владимірскаго — Леонтія Карповича, надгробная проповѣдь надъ нимъ и его достоинства 251
Благопріятныя обстоятельства для православныхъ при возстановленіи ихъ іерархіи 256
Первыя дѣйствія Мелетія Смотрицкаго въ его епархіи и Вильнѣ, преувеличенные слухи о торжествѣ православія, доносъ уніатскихъ духовныхъ властей королю 259
Отъѣздъ Ѳеофана изъ Кіева; рукоположеніе имъ, во время пути, трехъ новыхъ епископовъ: владимірскаго, луцкаго и холмскаго, и прощаніе съ провожавшими его 260
Грамата патріарха Ѳеофана ко всѣмъ православнымъ западно-русскаго края 263
Письмо Ѳеофана изъ Валахіи къ московскому патріарху Филарету Никитичу 264

II. Митрополитъ Іовъ Борецкій.

Клевета уніатскаго митрополита Рутскаго на патріарха Ѳеофана и на поставленныхъ имъ православныхъ архіереевъ, универсалъ короля — схватить ихъ 265
Гоненіе на православныхъ въ Вильнѣ, вслѣдствіе этого универсала. 270
Сочиненіе Мелетія Смотрицкаго въ защиту православныхъ и литературная полемика между двумя виленскими монастырями: свято-духовскимъ и троицкимъ . . 272
Дѣйствіе королевскаго универсала въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Вильны; протестъ митрополита Іова и православныхъ архіереевъ противъ клеветы уніатскихъ митрополита и владыкъ 276
Гоненіе полоцкаго архіепископа Кунцевича на православныхъ въ Полоцкѣ и Витебскѣ 277
Казаки выступаютъ защитниками своей православной іерархіи и вѣры, особенно гетманъ Сагайдачный 281
Соборъ 1621 года, созванный митрополитомъ Іовомъ въ

стр.

Кіевѣ, и составленное на соборѣ «Совѣтованіе о благочестіи» 284
Окружная грамата Іова ко всей духовной паствѣ 285
Вниманіе короля къ просьбѣ православныхъ Вильны . . . 287
Письмо канцлера Сапѣги къ архіепископу Іоасафу Кунцевичу въ защиту православныхъ 289
Отвѣтъ Кунцевича Сапѣгѣ и письма папы къ королю и митрополиту Рутскому 295
Сеймъ 1623 года; просьбы православныхъ на сеймъ, письмо папы къ королю, рѣшеніе сейма 296
Ложный слухъ объ отреченіи православныхъ архіереевъ и окружная грамата митрополита Іова въ опроверженіе этого слуха 301
Ненависть православныхъ къ Кунцевичу, попытки умертвить его и дѣйствительное его умерщвленіе въ Витебскѣ 304
Наказаніе жителей Витебска за умерщвленіе Кунцевича . 308
Тягостное положеніе православныхъ и новыя гоненія на нихъ въ разныхъ другихъ городахъ 310
Сеймъ 1625 года, просьбы казаковъ къ королю о православной іерархіи, оставшіяся безъ удовлетворенія . . . 313
Сношенія митрополита Іова и вообще западно-русскаго духовенства съ Москвою 315
Вступленіе польскаго войска въ Малороссію и тяжкое пораженіе казаковъ 320
Сеймы послѣдующихъ лѣтъ, новыя столкновенія православныхъ и уніатовъ 321
Попытки правительства и уніатскихъ владыкъ къ примиренію православныхъ съ уніатами 325
Подобная же попытка со стороны православныхъ: Мелетій Смотрицкій, его катихизисъ, отъѣздъ Мелетія на востокъ 328
Какія впечатлѣнія вынесъ Мелетій съ востока 331
Непріязненная встрѣча Смотрицкому на родинѣ отъ православныхъ и тяжкое его положеніе; брошюра объ отступничествѣ Борецкаго и Смотрицкаго 333

стр.
Смотрицкій ищетъ монастыря дерманскаго и тайно принимаетъ унію 333
Отпаденіе въ унію Кассіана Саковича и Кирилла Транквиліона Ставровецкаго 337
Забота Смотрицкаго о распространеніи уніи и письмо къ константинопольскому патріарху 339
Небольшой соборъ 1627 года въ Кіевѣ; первое извѣстіе о Петрѣ Могилѣ: порученіе отъ собора Смотрицкому . . . 343
Довѣріе къ Смотрицкому Іова Борецкаго и Петра Могилы; окружная грамата епископа Исаіи Копинскаго противъ Борецкаго и Смотрицкаго 345
Небольшой соборъ 1628 года въ Гродскѣ; разсужденіе Смотрицкаго о разностяхъ западной церкви отъ восточной; постановленіе собора 347
Окружная пригласительная грамата митрополита Іова на большой соборъ въ Кіевѣ, и сочиненіе Смотрицкаго: «Апологія» 348
Погрѣшности Смотрицкаго въ «Апологіи» и дѣйствіе ея на православныхъ 352
Соборъ въ Кіевѣ, судъ надъ Мелетіемъ Смотрицкимъ и его Апологіею, отреченіе Мелетія отъ нея и раскаяніе. . . . 355
Второе засѣданіе собора, двѣ граматы съ собора къ православнымъ, книга «Аполлія Апологіи» 359
«Протестація» Смотрицкаго противъ кіевскаго собора и другія сочиненія Смотрицкаго противъ православныхъ . . 361
Привѣтъ Смотрицкому изъ Рима 363
Мысль объ общемъ соборѣ православныхъ и уніатовъ во Львовѣ; два предварительные частные собора, уніатскій и православный 364
Что сталось съ предполагавшимся соборомъ во Львовѣ; послѣдніе годы Смотрицкаго и его кончина 367
Чинъ и устройство православной церкви во дни митрополита Іова 370
Новые монастыри 373
Раздача королемъ православныхъ монастырей 376

стр.
Православныя братства 376
Братство виленское, его училище и типографія 377
Братство львовское, его гимназія и типографія 379
Братство кіевское-богоявленское и его училище 381
Братство луцкое, его монастырь, училище и типографія . . 383
Частныя православныя типографіи 386
Типографія кіево-печерской лавры и достоинства нѣкоторыхъ ея изданій 387
«Палинодія» Захаріи Копыстенскаго 390
Достоинства митрополита Іова и кончина 393

III. Митрополитъ Исаія Копинскій.

Кандидаты на митрополитскую каѳедру, грамата короля кіевскому воеводѣ, избраніе Исаіи Копинскаго въ митрополита 397
Препятствія митрополиту Исаіи при избраніи его въ настоятеля кіево-михайловскаго монастыря 399
Письма Исаіи къ московскому государю и патріарху Филарету 401
Взаимныя отношенія Исаіи и Петра Могилы; основаніе послѣднимъ училища въ лаврѣ и соединеніе этого училища съ кіево-братскимъ 403
Посланіе Исаіи къ «юношескому» братству въ Луцкѣ 410
«Наказъ» Исаіи приходскому духовенству 411
Къ кіево-печерскому женскому монастырю приписываются два другіе, по благословенію Исаіи и Петра Могилы . . . 413
Князь Іеремія Вишневецкій: убѣжденія къ нему Петра Могилы и посланіе митрополита Исаіи . . . . . —
Смерть короля Сигизмунда III, приготовленія православныхъ къ конвокаціонному сейму и инструкціи посламъ . . 417
Книга «Синопсисъ», посланная на сеймъ виленскимъ святодуховскимъ братствомъ и учрежденіе коммисіи для разбора препирательствъ между православными и уніатами . 419
Первое засѣданіе коммисіи 423
Второе засѣданіе коммисіи 427

стр.
Три остальныя засѣданія 430
Проектъ соглашенія между уніатами и православными, составленный коммисіею 432
Неудовлетворительность проекта; приготовленія православныхъ и уніатовъ къ избирательному сейму, инструкціи посламъ, волненія на сеймѣ 433
«Статьи для успокоенія народа русскаго» или статьи примиренія уніатовъ и православныхъ, составленныя подъ предсѣдательствомъ королевича Владислава 436
Владиславъ избирается въ короли и утверждаетъ своею присягою эти статьи 440
Значеніе этихъ статей для православныхъ и, въ частности, для ихъ іерарховъ, поставленныхъ іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ. 441

IV. Митрополитъ Петръ Могила.

Избраніе православными кандидатовъ на митрополію и на епископіи — луцкую и мстиславскую 444
Коронація Владислава IV; споры на коронаціонномъ сеймѣ о статьяхъ примиренія; граматы новаго короля Петру Могилѣ на митрополію и Іосифу Бобриковичу на епископію мстиславскую; дипломъ короля всѣмъ православнымъ 447
Посвященіе Петра Могилы въ санъ митрополита во Львовѣ 452
Встрѣча новому митрополиту въ Кіевѣ 455
Столкновеніе Петра Могилы съ прежнимъ митрополитомъ Исаіею; отобраніе никольскаго монастыря и софійскаго собора 457
Королевскіе комисары для передачи православнымъ церквей и сопротивленіе уніатовъ 460
Жалованныя граматы Владислава IV православнымъ братствамъ: виленскому свято-духовскому, минскому и львовскому 463
Возстановленіе православныхъ братствъ: бѣльскаго и могилевскаго. 467
Новые православные братства и монастыри. 469

стр.

Нападеніе іезуитовъ и другихъ латинянъ на луцкій православный монастырь 472
Сеймъ 1635 года принялъ и утвердилъ статьи примиренія; грамата, данная уніатамъ 473
Грамата или привиллегія, данная православнымъ. 477
Протесты латинскаго и уніатскаго духовенства; предложеніе короля православнымъ избрать для себя своего особаго патріарха 480
Перемѣна къ лучшему въ положеніи православной церкви при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ 483
Митрополитская епархія: заботливость Могилы о возобновленіи церквей и монастырей въ Кіевѣ, сношенія съ Москвою . . . . . —
Возобновленіе женскаго флоровскаго монастыря въ Кіевѣ. 487
Заботливость Могилы о кіево-братскомъ училищѣ и вмѣстѣ объ училищѣ винницкомъ; брошюра Коссова въ защиту ихъ 489
Внѣшнее и внутреннее устройство кіево-братскаго училища, данное Петромъ Могилою; ректоры и преподаватели училища 493
Училище винницкое-гойское; успѣхи обоихъ училищъ . . . 496
Столкновеніе Могилы въ Кіевѣ съ уніатами и латинянами; публичный диспутъ Иннокентія Гизеля съ іезуитомъ Циховскимъ 498
Столкновеніе Могилы съ прежнимъ митрополитомъ Исаіею, кончина Исаіи 501
Бѣгство и переселеніе монаховъ густынскаго и ладинскаго монастырей въ московскіе предѣлы; возобновленіе густынскаго монастыря. 506
Положеніе православныхъ въ Вильнѣ; свято-духовъ монастырь и его училище 511
Новыя пожертвованія на свято-духовъ монастырь; заслуги Лаврентія Древинскаго для православной церкви. . . . 513
Монастыри, подвѣдомые виленскому свято-духову монастырю 515

стр.
Столкновенія православныхъ съ уніатами въ Вильнѣ 518
Положеніе православныхъ въ Минскѣ; посѣщеніе Минска Петромъ Могилою; минскіе монастыри. 519
Монастыри въ Слуцкѣ и другихъ мѣстахъ митрополичьей епархіи собственно въ Литвѣ. 523
Могилевская епархія: покушеніе на жизнь уніатскаго архіепископа въ Полоцкѣ; могилевскій епископъ Іосифъ Бобриковичъ и его кончина; посѣщеніе Могилева Петромъ Могилою. 525
Новый могилевскій епископъ Сильвестръ Коссовъ; епархіальный соборъ въ Могилевѣ; два могилевскіе монастыря: коадъ-юторъ Коссова 528
Столкновенія православныхъ съ уніатами въ Полоцкѣ . . . 532
Притѣсненіе православныхъ въ Витебскѣ; Марковъ монастырь 535
Притѣсненіе православныхъ въ Диснѣ 537
Новые православные монастыри въ могилевской епархіи. . 538
Львовская епархія: граматы короля и митрополита Петра Могилы львовскому братству; кончина львовскаго епископа Іереміи Тисаровскаго; новый епископъ Желборскій и его дѣйствія 540
Луцкая епархія: епископъ Александръ Пузина, ежегодные соборы въ луцкѣ; монастыри въ Луцкой епархіи; коадъюторъ луцкаго епископа 543
Перемышльская епархія: епископъ Сильвестръ Гулевичъ и постоянныя столкновенія его съ уніатскимъ епископомъ Крупецкимъ 546
Положеніе православныхъ *въ епархіяхъ*, оставшихся подъ властію *уніатскихъ епископовъ:* православные церкви и монастыри въ Пинскѣ, Каменцѣ Литовскомъ и Брестѣ,— игуменъ Аѳанасій Филиповичъ 549
Притѣсненіе православныхъ въ Дрогичинѣ и Бѣльскѣ . . . 554
Притѣсненіе православныхъ въ холмской епархіи. 558
Притѣсненіе православныхъ въ Смоленскѣ. 559
Ходатайства православныхъ на сеймахъ о выполненіи ста-

стр.

тей примиренія; рѣшеніе сейма 1641 года, протестъ уніятовъ 561
Попечительность Петра Могилы о внутреннемъ преуспѣяніи церкви: казнодѣи или проповѣдники въ Кіевѣ. 564
Изданіе Учительнаго Евангелія. 567
Книги для назидательнаго чтенія. 568
Печатаніе церковныхъ книгъ въ западно-русскихъ типографіяхъ, исправленіе этихъ книгъ и цензура 570
Забота Петра Могилы о составленіи православнаго катихизиса: нужда въ этомъ катихизисѣ; осужденіе катихизиса, изданнаго подъ именемъ Кирилла Лукариса 574
Кіевскій соборъ 1640 года: пригласительная на соборъ грамата Могилы и составъ собора 578
Обозрѣніе засѣданій соборныхъ. 582
Предметы занятій собора; главный предметъ — разсмотрѣніе «Православнаго Исповѣданія»; кто авторъ этого катихизиса 589
Разсмотрѣніе «Православнаго Исповѣданія» на Ясскомъ соборѣ и утвержденіе восточными іерархами; послѣдующая судьба книги 591
Изданіе Могилою краткаго катихизиса 596
Книга «Λιθοσ» Петра Могилы въ опроверженіе книги Кассіана Саковича 598
Большой Требникъ Петра Могилы. 604
Другія предпріятія Могилы на пользу церкви, имъ неоконченныя 611
Кончина митрополита Петра Могилы и его завѣщаніе. . 612
Заслуги этого митрополита и отзывы о немъ современниковъ 615

V. Общій взглядъ на состояніе западно-русской митрополіи.

Оно сдѣлалось теперь лучше, даже при Сигизмундѣ III, чѣмъ было прежде 617
Еще болѣе улучшилось при Владиславѣ IV. 619

стр.
Успѣхи уніи и ихъ непрочность; православнымъ открылся доступъ даже къ высшимъ должностямъ въ государствѣ 619
Жалкое положеніе сельскаго духовенства, какъ православнаго, такъ и уніатскаго 621
Состояніе монастырей, гораздо лучшее у православныхъ, чѣмъ у уніатовъ 622
Состояніе школъ, такъ же лучшее у православныхъ, чѣмъ у уніатовъ 626
Переходъ къ слѣдующей части 628

ГЛАВА III.

ПАТРІАРХЪ МОСКОВСКІЙ ФИЛАРЕТЪ И ДВА ЕГО ПРЕЕМНИКА.

I.

Одною изъ главныхъ заботъ царя Михаила Ѳедоровича, съ самаго избранія его на престолъ, была забота—освободить изъ плѣна своего отца, митрополита Филарета Никитича. Съ этою цѣлію еще въ 1613 г. всѣ представители русской земли, земскій соборъ, писали изъ Москвы, по волѣ своего государя, къ польскому королю Сигизмунду и предлагали ему прекратить войну и размѣняться плѣнными. Въ слѣдующемъ году такую же грамату послали московскіе бояре въ отвѣтъ польскимъ и литовскимъ панамъ радамъ, изъявившимъ согласіе начать переговоры,—о чемъ тогда же извѣстили и своихъ соотечественниковъ, находившихся въ плѣну у поляковъ, а къ Филарету Никитичу написалъ и самъ государь и послалъ къ нему срѣтенскаго игумена Ефрема, который и оставался при немъ до конца плѣна. Въ 1615 г. переговоры дѣйствительно начались, но не привели къ желанной цѣли; потомъ неразъ возобновлялись,

пока продолжалась война, но также не имѣли успѣха, и только къ концу 1618 г. (1 дек.) окончились заключеніемъ перемирія между Россіею и Польшею на четырнадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ. А размѣнъ плѣнныхъ, когда освободился изъ неволи и митрополитъ Филаретъ, послѣдовалъ только 1-го іюня 1619 г., при рѣкѣ Поляновкѣ, на рубежѣ за Вязьмою. Такимъ образомъ Филаретъ пробылъ въ плѣну (съ 13 апр. 1611 г.) восемь лѣтъ, полтора мѣсяца и два дня. Этотъ продолжительный плѣнъ, соединенный съ тяжкими лишеніями для Филарета, чрезвычайно возвысилъ его въ глазахъ всѣхъ сыновъ Россіи: на него смотрѣли, какъ на мученика, пострадавшаго за отечество и за православную вѣру отъ поляковъ (1).

Государь, обрадованный освобожденіемъ своего отца, пожелалъ устроить для него самую торжественную встрѣчу. Въ Можайскѣ его встрѣтили рязанскій архіепископъ Іосифъ, съ архимандритомъ и игуменомъ, бояринъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій да окольничій князь Волконскій. Подъ Звенигородомъ, въ Саввинѣ монастырѣ — архіепископъ вологодскій Макарій, съ двумя архимандритами, бояринъ Морозовъ да окольничій Пушкинъ. Въ селѣ Хорошовѣ — митрополитъ Крутицкій Іона, съ архимандритомъ троице-сергіева монастыря Діонисіемъ, бояринъ князь Трубецкой да окольничій Бутурлинъ. За пять верстъ отъ Москвы вышелъ на встрѣчу Филарету самъ государь со всѣмъ своимъ царскимъ сигклитомъ и безчисленнымъ множествомъ народа, и поклонился въ ноги своему отцу-митрополиту, а послѣдній также поклонился своему сыну-государю, между тѣмъ какъ свидѣтели этого трогательнаго свида-

(1) Собр. Госуд. Грам. III, №№ 7. 24—26.

нія проливали слезы. Въ самой Москвѣ встрѣтили Филарета духовныя власти съ крестами и иконами за каменнымъ городомъ, откуда онъ пошелъ въ соборы успенскій и благовѣщенскій для поклоненія святынѣ, и затѣмъ, посѣтивъ царя въ его палатахъ, остановился на троицкомъ подворьѣ. Это было 14-го іюня. Столица торжествовала; во всѣхъ церквахъ ея и монастыряхъ пѣлись благодарственные молебны со звономъ. Царь велѣлъ освободить узниковъ изъ темницъ, заложилъ въ Москвѣ церковь во имя пророка Елисея, празднуемаго 14-го іюня, и далъ обѣтъ сходить на богомолье по монастырямъ, въ которыхъ находились мощи и чудотворныя иконы, что̀ потомъ и исполнилъ (2).

Едва прошло нѣсколько дней со времени возвращенія митрополита Филарета, какъ совершилось его избраніе и нареченіе въ патріарха. Въ Москвѣ находился тогда іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, прибывшій къ намъ, ради милостыни, и въ первый разъ представлявшійся государю 19 апрѣля того года. Встрѣча этого патріарха, когда онъ приближался къ Москвѣ, и въ самой Москвѣ, а потомъ торжественный пріемъ его государемъ въ золотой палатѣ происходили по тому образцу, какъ прежде все это было устроено для цареградскаго патріарха Іереміи. Помѣщеніе Ѳеофану и его свитѣ дано было въ чудовомъ монастырѣ. Неизвѣстно, въ какой именно день, Ѳеофанъ держалъ совѣтъ съ митрополитами, архіепископами, епископами и всѣмъ освященнымъ соборомъ русской земли; но только на этомъ

(2) Дворцовые Разряды, I, 394—400, Спб. 1850; Собр. Госуд. Грам. III, № 43; Никон. Лѣт. VIII, 243. 244. 246; Новый Лѣтоп. во Временн. М. Истор. Общ. XVII, 185—186.

совѣтѣ всѣ единогласно положили просить митрополита Филарета Никитича, чтобы онъ воспринялъ на себя патріаршескій санъ: потому что вѣдали его „достойна быти таковому дѣлу, и мужа во ученіихъ божественныхъ апостолъ и отецъ зѣло изящна, и въ чистотѣ житія и благихъ правъ извѣстна; наипаче же и сего ради, яко по плоти той царевъ отецъ, и сего ради да будетъ царствію помогатель и строитель, и сирымъ заступникъ, и обидимымъ предстатель“. Филаретъ долго не соглашался, называлъ себя недостойнымъ, указывалъ на свою старость, на понесенныя имъ скорби и озлобленія, преждевременно изнурившія его, на свое желаніе посвятить себя безмолвному житію. Но когда, послѣ новыхъ, усиленныхъ, но напрасныхъ просьбъ, напомнили ему, какъ бы онъ не подвергся гнѣву Божію за свое непослушаніе мольбамъ цѣлаго собора и сопротивленіе волѣ Божіей, старецъ-митрополитъ далъ свое согласіе. Іюня 20-го былъ у государя патріархъ Ѳеофанъ, а 21-го царь и отецъ его, посовѣщавшись между собою, приговорили быть нареченію послѣдняго на патріаршество московское въ слѣдующій день. Въ этотъ день, послѣ молебствія въ успенскомъ соборѣ, іерусалимскій патріархъ, со всѣми прочими архіереями, прибылъ въ царскую золотую палату, гдѣ уже находился царь съ своими боярами, и, возвѣстивъ ему торжественно о состоявшемся избраніи отца его на патріаршество, просилъ объявить объ этомъ самому митрополиту Филарету и пригласить его для нареченія въ санъ патріарха. Царь послалъ для этого къ своему отцу двухъ архіереевъ и двухъ свѣтскихъ сановниковъ. И когда Филаретъ явился, то царь, сначала чрезъ думнаго своего дьяка Ивана Граматина, объявилъ ему объ его избраніи на патріаршество соборомъ, а потомъ сказалъ самъ, что хотя доселѣ не

смѣлъ просить его-своего родителя на патріаршество, зная его на то непроизволеніе, но теперь, видя праведныя судьбы Божіи, проситъ его покориться волѣ Божіей и воспринять патріаршескій престолъ. Филаретъ отвѣчалъ, что такъ какъ столь великое дѣло началось и совершается не по его хотѣнію и мысли, то онъ, видя неизреченныя судьбы Божіи, не противится волѣ Божіей, и царскому повелѣнію, и патріаршему благословенію, и пріемлетъ патріаршескій престолъ царствующаго града Москвы и всея великія Россіи. Тогда царь поздравилъ своего отца съ избраніемъ и нареченіемъ на патріаршество, и отпустилъ обоихъ патріарховъ и весь соборъ въ соборную церковь, откуда патріархъ Ѳеофанъ поѣхалъ къ себѣ, прочіе же архіереи отправились въ патріаршія палаты и возвели тамъ новонареченнаго патріарха на патріаршее мѣсто, и многолѣтствовали ему, при пѣніи пѣвчихъ. Затѣмъ царь посѣтилъ своего отца, чтобы поздравить его еще въ патріаршихъ палатахъ, а Филаретъ отстоялъ литургію въ успенскомъ соборѣ „подлѣ патріарша мѣста“ и, по окончаніи ея, угостилъ у себя своихъ архіереевъ и прочія власти обѣдомъ, къ патріарху же іерусалимскому Ѳеофану посылалъ съ кушаньями стольника князя Тюфякина. На другой день было еще „благовѣстіе патріаршее“. Филаретъ облачился въ соборной церкви, въ придѣлѣ Похвалы Богородицы, во всѣ святительскія ризы, и совершилъ въ алтарѣ краткое молебствіе, стоя въ царскихъ дверяхъ. Когда же, окончивъ молебствіе, онъ вышелъ изъ царскихъ дверей, то къ нему приблизились посланные отъ патріарха Ѳеофана вологодскій архіепископъ Макарій и коломенскій епископъ Рафаилъ, и сказали: „святѣйшій іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ и съ нимъ освященный соборъ призываютъ твою святыню на патріаршество

Богомъ спасаемаго царствующаго града Москвы и всея великія Россіи". Филаретъ отвѣчалъ: „такъ какъ святѣйшій господинъ нашъ и патріархъ великаго града Іерусалима и всея Палестины Ѳеофанъ и съ нимъ освященный соборъ судили меня, недостойнаго, быть въ таковомъ служеніи,—благодарю, и пріемлю, и нимало вопреки глаголю". Потомъ Филаретъ разоблачился, и соборный протопопъ и протодіаконъ повели его на патріаршій дворъ въ палату, гдѣ уже засѣдали на своихъ мѣстахъ патріархъ Ѳеофанъ, прочіе архіереи и духовенство. Филаретъ три раза поклонился собору, поцѣловалъ у Ѳеофана правыя колѣно, руку и ланиту, поцѣловался со всѣми другими архіереями и былъ посаженъ на особое сѣдалище. Протодіаконъ взялъ кадильницу и началъ кадить иконамъ, обоимъ патріархамъ и всему духовному чину, а пѣвчіе въ это время пѣли многая лѣта преосвященному патріарху московскому и всея Россіи Филарету. Такъ вполнѣ окончилось нареченіе его на патріаршество. Въ четвергъ, 24-го іюня, совершено было въ успенскомъ соборѣ іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ и прочими архіереями самое поставленіе Филарета Никитича въ санъ патріарха, по тому самому чину, по которому нѣкогда былъ поставленъ первый русскій патріархъ Іовъ, съ весьма незначительными отличіями въ подробностяхъ,—почему мы и не станемъ излагать этого священнодѣйствія. По случаю такого торжества царь устроилъ для знатнаго духовенства богатую трапезу въ своей золотой палатѣ. За однимъ столомъ сидѣлъ іерусалимскій патріархъ, за другимъ царь съ своимъ отцемъ-московскимъ патріархомъ, за третьимъ сидѣли прочіе архіереи, архимандриты и игумены. Посидѣвъ немного, Филаретъ всталъ изъ-за стола; совершилъ, по обычаю, шествіе на осляти во-

кругъ города и, возвратившись, снова сѣлъ за столъ. По окончаніи обѣда царь щедро обдарилъ обоихъ патріарховъ (3).

Патріархъ Ѳеофанъ, вмѣстѣ съ русскими іерархами, участвовавшими въ поставленіи Филарета, далъ новому патріарху ставленную грамату. Въ этой граматѣ, очень обширной, іерусалимскій первосвятитель сначала говоритъ лично отъ себя, какъ онъ отправился изъ Іерусалима въ Россію, какъ пріѣхалъ въ Москву, былъ здѣсь свидѣтелемъ торжественнаго возвращенія Филарета Никитича изъ Польши, и какъ совершилъ избраніе, нареченіе и поставленіе Филарета на патріаршество; потомъ, вмѣстѣ съ русскими святителями, обращается къ царю и проситъ его хранить къ святѣйшему патріарху московскому любовь, милость и въ духовныхъ вещахъ повиновеніе, какъ къ своему отцу и учителю; завѣщаваетъ вельможамъ, воинамъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ покоряться ему во всемъ, какъ „отцу отцемъ и крайнему святителю“; молитъ и убѣждаетъ самого Филарета, да блюдетъ истинную православную вѣру, какъ обѣщался предъ многими свидѣтелями, и да проходитъ ревностно и свято свое высокое служеніе; наконецъ, на основаніи граматы цареградскаго патріарха Іереміи и другихъ восточныхъ патріарховъ, утвердившихъ патріаршество въ Россіи

(3) Допол. А. И. II, № 76, стр. 200—201; Дворцов. Разряды, I, 391. 400—407. Подробный чинъ нареченія и поставленія Филарета Никитича на патріаршество, со всѣми рѣчами, какія говорили тогда царь и патріархи, напечатанъ въ Собр. Госуд. Грам. III, № 45, и въ Дополн. къ А. И. II, № 76, стр. 209—221. Статейнаго списка о пріѣздѣ къ намъ патріарха Ѳеофана не сохранилось; но въ Статейномъ спискѣ о пріѣздѣ въ Москву патріарховъ, александрійскаго Паисія и антіохійскаго Макарія, въ 1666 г., помѣщена для примѣра, подробная справка или выписка о томъ, какъ прежде въ 1619 г. происходили встрѣчи и пріемъ въ Москвѣ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана (Москов. главн. архив. Мин. иностр. дѣлъ, дѣла греч., Связка 45, № 9, л. 57—70).

и преподавшихъ русскимъ патріархамъ власть „поставляться своими митрополитами“, подтверждаетъ, и съ своей стороны, эту власть на всѣ послѣдующія времена. Грамата была написана на хартіи и скрѣплена какъ патріархомъ Ѳеофаномъ, такъ и русскими митрополитами, архіепископами и епископами, а за ними архимандритами и игуменами. До какой степени патріархъ Филаретъ дорожилъ этою граматою, видно изъ того, что когда она сгорѣла въ 1626 году, онъ нарочно писалъ къ патріарху Ѳеофану и просилъ его написать новую настольную грамату на мѣсто сгорѣвшей, для чего посылалъ ему и копію съ послѣдней. Ѳеофанъ исполнилъ просьбу Филарета Никитича, но написалъ ему новую грамату только отъ себя одного, и потому изложилъ ее нѣсколько иначе и гораздо короче. Въ тоже время Филаретъ созывалъ на соборъ своихъ русскихъ архіереевъ, и они, по желанію его, также написали ему новую настольную грамату, вмѣсто сгорѣвшей, за своими подписями и печатьми. О поставленіи своемъ на патріаршій престолъ Филаретъ Никитичъ, во имя братской любви и общенія, написалъ къ прочимъ патріархамъ: константинопольскому, александрійскому и антіохійскому (4).

Первое дѣйствіе новаго патріарха московскаго и всея Россіи было посвящено благу отечества. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ своей окружной граматѣ отъ 3 іюля 1619 г. къ воево-

---

(4) Первая ставленная грамата, данная патріарху Филарету, сгорѣвшая, но сохранившаяся въ копіи, напечатана въ Дополн. къ А. И. II, № 76, стр. 202—208. Вторая, присланная патріархомъ Ѳеофаномъ, напечатана въ Собр. Госуд. Грам. III, № 46. Третья, составленная русскими архіереями,—въ Собр. Госуд. Грам., III, № 74. Какъ доставлена въ Москву вторая грамата—см. въ Сношен. Россіи съ Востокомъ, II, 113. Объ извѣщеніи Филаретомъ прочихъ патріарховъ—Дополн. къ А. И. II, № 76, стр. 202.

дамъ и другимъ начальникамъ городовъ и областей, извѣщая всѣхъ о возвращеніи своего родителя изъ Польши, объ избраніи и поставленіи его на патріаршество, писалъ, что какъ только совершилось, Божіею помощію, то великое дѣло, „великій государь“, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ, вмѣстѣ съ митрополитами и архіепископами и всѣмъ освященнымъ соборомъ, приходилъ къ нему-государю, и совѣтовалъ ему объ устроеніи земли русской, разоренной и опустошенной польскими и литовскими людьми и своими ворами. Патріархъ и прочіе святители указывали на то, что подати собираются съ народа, по писцовымъ и дозорнымъ книгамъ, весьма несправедливо, такъ какъ писцы и дозорцы, которые посланы были послѣ московскаго разоренія сдѣлать народную перепись, писали тѣ книги пристрастно, отъ чего однимъ теперь легко, а другимъ тяжело и всѣмъ людямъ московскаго государства скорбь конечная; что многіе посадскіе люди изъ замосковныхъ и заукрайныхъ городовъ, уклоняясь отъ платежа податей, переселились въ Москву и другіе города, а многіе съ тоюже цѣлію заложились въ закладчики боярамъ и другимъ владѣльцамъ; многіе дѣйствительно потерпѣли разореніе и нуждаются въ льготахъ, и еще многіе терпятъ насилія и обиды отъ бояръ и всякихъ чиновъ и нуждаются въ оборонѣ. Царь созвалъ земскій соборъ и, вмѣстѣ съ патріархомъ и прочимъ духовенствомъ, а также съ боярами, окольничими и всѣми думными людьми московскаго государства, приговорилъ, чтобы обще-народная перепись была произведена вновь со всею справедливостію, и чтобы изъ всѣхъ городовъ были высланы въ Москву выборные люди, по два изъ духовенства, дворянства и посадскихъ, и сами подробно заявили правительству о мѣстныхъ нуждахъ своихъ

городовъ и уѣздовъ. Достойно замѣчанія, что уже въ этой своей граматѣ Михаилъ Ѳедоровичъ, въ первый разъ говоря объ отцѣ своемъ, какъ патріархѣ, предъ своими подданными, неоднократно называлъ его „великимъ государемъ“ и представлялъ его какбы соправителемъ своимъ въ государствѣ: ибо вызывалъ выборныхъ изъ городовъ съ тою цѣлію, какъ самъ выражался, „чтобы намъ и отцу нашему богомольцу Филарету Никитичу, Божіею милостію, патріарху московскому и всея Русіи, всякія ихъ нужи и тѣсноты и разоренья и всякіе недостатки были вѣдомы; а мы великій государь, съ отцемъ своимъ и богомольцемъ..., совѣтовавъ, по ихъ челобитью, прося у Бога милости, учнемъ о московскомъ государствѣ промышляти, чтобы во всемъ поправить, какъ лучше“ (5).

Второй вопросъ, на который патріархъ Филаретъ обратилъ свое вниманіе, былъ вопросъ о невинныхъ страдальцахъ за исправленіе церковныхъ книгъ, архимандритѣ троицкаго монастыря Діонисіѣ, старцѣ Арсеніѣ Глухомъ и священникѣ Иванѣ Насѣдкѣ, который хотя не томился въ заключеніи, но отлученъ былъ отъ церкви и отъ священнослуженія. Когда патріархъ іерусалимскій Ѳеофанъ прибылъ въ Москву, онъ нашелъ здѣсь еще „любопрящихся мнозехъ о прилозѣ (и огнемъ)“, какъ самъ свидѣтельствуетъ въ граматѣ, присланной имъ впослѣдствіи въ Россію, и скоро узналъ „отъ многихъ истинныхъ вѣдцовъ“, какая участь постигла людей, предлагавшихъ исключить этотъ прилогъ изъ извѣстной церковной молитвы. Ѳеофанъ понялъ, что они были правы; но своею властію не счелъ себя въ правѣ отмѣнить состоявшееся объ нихъ рѣшеніе собора. Онъ только

(5) Собр. Госуд. Грам. III, № 47; А. Э. III, № 105.

„подадѣ Діонисію руку помощи, да вознесется правда его“, и постарался немедленно облегчить его участь, можетъ быть, объяснивъ государю невинность справщиковъ: по крайней мѣрѣ, Діонисій освобожденъ былъ изъ своего заключенія еще до прибытія Филарета Никитича изъ Польши, и встрѣчалъ его въ селѣ Хорошовѣ, вмѣстѣ съ бывшимъ своимъ судіею и обвинителемъ крутицкимъ митрополитомъ Іоною (6). А лишь только Филаретъ сдѣлался патріархомъ, то Ѳеофанъ посовѣтовалъ ему пересмотрѣть дѣло объ осужденныхъ справщикахъ.

Въ тоже время одинъ изъ справщиковъ, Насѣдка, чтобы познакомить новаго патріарха съ своимъ дѣломъ, подалъ ему обширную „Рѣчь“, въ которой подробно изложилъ, за что онъ и его товарищи были обвинены. Рѣчь эту, состоящую изъ 30-ти главъ, хотя Насѣдка велъ и отъ своего лица, по справедливости должно назвать рѣчью отъ лица всѣхъ трехъ обвиненныхъ справщиковъ: потому что онъ помѣстилъ въ ней, большею частію дословно, почти все то, что мы видѣли въ рѣчи архимандрита Діонисія ко всѣмъ православнымъ христіанамъ и въ рѣчи или посланіи старца Арсенія къ боярину Салтыкову. Насѣдка только расположилъ все это въ другомъ порядкѣ, не говоря, откуда заимствовалъ, а отъ себя прибавилъ нѣсколько вставочныхъ разсужденій и объясненій и указалъ нѣсколько новыхъ примѣровъ поврежденія церковныхъ пѣсней и молитвъ. Въ первыхъ двѣнадцати главахъ онъ раскрывалъ, почему справщики исключили изъ молитвы на Богоявленіе прибавку „и огнемъ“; въ осталь-

(6) Дворц. Разряды, I, 396; Житіе преп. Діонисія, въ рукоп. Сборн. Тр. Серг. лавры, № 700, л. 109, а въ печатн. изд. стр. 61. Въ томъ же рукоп. Сборн., № 700, помѣщена, л. 418—432, и грамата патр. Ѳеофана, присланная къ намъ въ 1625 году (см. особенно л. 419 об.).

ныхъ 22-хъ—, почему они марали концы нѣкоторыхъ молитвъ, и привелъ многочисленные примѣры такихъ молитвъ. Въ рѣчи своей, поданной патріарху Филарету, Насѣдка сначала только униженно просилъ себѣ прощенія за тотъ соблазнъ и смуту, какіе произведены имъ въ царствующемъ градѣ (гл. 1); но потомъ именемъ Христа Бога и отвѣтственностію на страшномъ судѣ умолялъ первосвятителя не отвергнуть этой представляемой ему Рѣчи или просьбы, какъ еретической, а съ разсужденіемъ изслѣдовать ее, и если справщики заблудили отъ истины, обратить ихъ на путь правый, а если они вѣрны истинѣ, то оправдать ихъ (гл. 13). Вмѣстѣ съ своею рѣчью Насѣдка, какъ самъ свидѣтельствуетъ (въ гл. 12), представилъ Филарету и свое сочиненіе противъ Антонія подольскаго (7).

Спустя недѣлю послѣ поставленія Филарета Никитича, слѣдовательно 2-го іюля, оба патріарха повелѣли Іонѣ митрополиту крутицкому предложить дѣло Діонисія и его товарищей на соборѣ. Это былъ уже соборъ не одного московскаго духовенства, судившій прежде и осудившій исправителей Требника, но соборъ всѣхъ русскихъ архіереевъ, съ подчиненными имъ духовными лицами, въ присутствіи двухъ патріарховъ и самого государя. На соборѣ происходили многія пренія и изысканія отъ божественныхъ писаній; Діонисій стоялъ въ отвѣтѣ болѣе восьми часовъ и опровергалъ возраженія всѣхъ своихъ обвини-

(7) Рѣчь эта помѣщена въ томъ же Сборн. Тр.-Серг. лавры, № 700, л. 14, об.—213. Изъ того, что Насѣдка еще только проситъ себѣ здѣсь прощенія и умоляетъ Филарета Никитича; „не яростію, ни гнѣвомъ пріими ходое сіе и неразумное моленіе и прошеніе мое, не отрини, яко еретическо, но благоподражательно и съ разсужденіемъ истяжи“ (гл. 13),—неоспоримо слѣдуетъ, что Рѣчь эта подана была патріарху прежде, а не послѣ собора, оправдавшаго справщиковъ.

телей-клеветниковъ. И всѣ они были посрамлены вмѣстѣ съ крутицкимъ митрополитомъ Іоною. А преп. Діонисій былъ похваленъ и прославленъ отъ самого царя Михаила Ѳедоровича, и явился, какъ истинный страдалецъ, стоявшій крѣпко за божественное писаніе. Патріархи же и митрополиты и архіепископы и весь освященный соборъ удивлялись ему, цѣловали его всѣ любезно и благословляли его радостною душою. Діонисій съ великою честію и со многими дарами отпущенъ былъ въ лавру. Здѣсь онъ въ скоромъ времени имѣлъ радость принимать у себя своего главнаго благодѣтеля, патріарха Ѳеофана, пожелавшаго посѣтить знаменитую обитель русскую и поклониться мощамъ ея основателя. Діонисій, со всею братіею, сдѣлалъ Ѳеофану царскую встрѣчу и потомъ оказывалъ ему всевозможныя почести. Патріархъ совершилъ въ троицкомъ соборѣ литургію, присутствовалъ за братскою трапезою и почти непрестанно плакалъ; но плакалъ, какъ самъ объяснилъ, слезами радости, видя св. обитель, потерпѣвшую столько бѣдъ и скорбей во время продолжительной осады отъ враговъ, но спасенную милостію Божіею и теперь радующуюся и торжествующую. Пожелалъ видѣть всѣхъ тѣхъ иноковъ, которые во дни осады возлагали на себя броню, брали оружіе въ руки и крѣпко ратовали. Такихъ оказалось болѣе двадцати. Патріархъ всѣхъ ихъ благословилъ, любезно цѣловалъ и отпустилъ съ похвалами. Предъ отъѣздомъ изъ лавры, помолившись у мощей преп. Сергія, Ѳеофанъ снялъ съ себя клобукъ, положилъ его у ногъ великаго чудотворца, потомъ поцѣловалъ и съ молитвою возложилъ на главу архимандрита Діонисія, завѣщавъ, чтобы какъ Діонисій, такъ и преемники его носили этотъ клобукъ на благословеніе отъ іерусалимскаго патріарха, а братіи повелѣлъ

записать объ этомъ на память будущимъ родамъ. Вмѣстѣ съ Діонисіемъ оправданы были на соборѣ и его сотрудники: Арсеній и Насѣдка. Арсеній не только освобожденъ былъ изъ своего заточенія, но, какъ человѣкъ просвѣщенный и благонадежный, сдѣланъ былъ справщикомъ печатныхъ книгъ, и много лѣтъ потрудился на печатномъ дворѣ. А попъ села Клементьева Иванъ Насѣдка, не только получилъ разрѣшеніе священнодѣйствовать, но удостоился быть священникомъ и ключаремъ московскаго каѳедральнаго успенскаго собора. Согласившись на оправданіе Діонисія и его товарищей, Филаретъ Никитичъ не рѣшился, однакожъ, тотчасъ исключить изъ молитвы на Богоявленіе слово: *и огнемъ*. Онъ просилъ Ѳеофана, предъ самымъ выѣздомъ его изъ Москвы (4 февр. 1620 г.), посовѣтоваться объ этомъ съ прочими патріархами, выписать означенную молитву изъ древнихъ греческихъ богослужебныхъ книгъ и прислать за подписями всѣхъ патріарховъ, а до того времени приказалъ печатать ее въ Требникѣ, по прежнему, съ прибавленіемъ: *и огнемъ*, и только на полѣ припечатать: „быти сему глаголанію до соборнаго указу“. Патріархъ Ѳеофанъ, отпущенный изъ Москвы съ богатою милостынею, хотя обѣщался исполнить желаніе московскаго первосвятителя, не могъ исполнить этого скоро. Долго пробылъ онъ въ Кіевѣ, потомъ въ Валахіи, гдѣ находился еще въ двадцатыхъ числахъ марта слѣдующаго года. А когда возвратился къ своей паствѣ, то немало времени потребовалось на сношенія его съ прочими патріархами по возложенному у него порученію (8).

---

(8) Житіе преп. Діонисія, въ рукоп. Сборн. Тр.-Серг. лавры, № 700, л. 41 об. 109—110. 120 об.—127, въ печатн. изд. стр. 26. 61. 72—79; Дворцов.

Въ это-то время, когда въ Москвѣ ожидали отвѣта патріарховъ по занимавшему всѣхъ вопросу, ключарь успенскаго собора Иванъ Насѣдка, конечно, съ благословенія своего первосвятителя (иначе было невозможно), написалъ новое сочиненіе противъ незаконной прибавки: „и огнемъ“ въ богоявленской молитвѣ. Сочиненіе написано въ спокойномъ духѣ, безъ рѣзкой полемики, какою отличались прежнія сочиненія Насѣдки въ томъ же родѣ, и раздѣлено на сорокъ небольшихъ главъ съ особыми надписаніями. Первая озаглавлена: „о обновленіи апостольскомъ и о дѣйствѣ Духа Святаго надъ крещаемыми вѣрными не огненнымъ явленіемъ, но невидимымъ“. Вторая: „о крещеніи огняномъ и о муцѣ вѣчнѣй“. Третья: „о Бозѣ, яко не огнь есть Богъ, но дѣйство Его огнь“. Въ четвертой главѣ изложено то, что̀ „на соборѣ дано (было) крутицкому Іонѣ о самой молитвѣ, о нейже раздоръ“, и чѣмъ справщики доказывали незаконность въ ней прибавки — „и огнемъ“, и оправдывали себя. Въ слѣдующихъ главахъ говорится о крещеніи Господнемъ и о всемірномъ крещеніи, о раздѣленіи даровъ Св. Духа, о силѣ Св. Духа и Его дѣйствіяхъ, о различіи явленій Божіихъ и проч. и проч. Сочинитель до-

---

Разряд. I, 438. О клобукѣ патр. Ѳеофана нѣсколько иначе—въ Изборникѣ изъ Хронографовъ, *Попова*, стр. 207. Въ Статейномъ спискѣ о пріѣздѣ въ Москву другаго іерусалимскаго патріарха Паисія въ 1649 г., доселѣ сохранившемся, выведено для примѣра на справку, что п. Феофану дано было— 1) отъ государя: на пріѣздъ 357 р., на поставленіе патр. Филарета 377 р., на отпускѣ 281 р., и проч., а всего—1016 руб.; 2) отъ п. Филарета Никитича: на поставленіе его 297 р., съ государева и патріаршаго мѣста при поставленіи, за сукна и атласы 424 р., на отпускѣ 197 р.; 3) отъ вел. государыни старицы Марѳы Ивановны 180 р., и проч. Всего же п. Ѳеофану, дано въ Москвѣ на 2114 р. (Москов. главн. архив. Министер. иностр. дѣлъ, дѣла греческія, Связка 27, № 7).

казывалъ, что самъ Господь крестился водою и Духомъ, а не огнемъ; апостолы крестили водою и Духомъ, а не огнемъ; все освящается, слѣдовательно и вода, Духомъ Святымъ, а не огнемъ; въ Богѣ только три Лица, а нужно было бы допустить и четвертое, еслибы вода освящалась не однимъ Духомъ Святымъ, но и огнемъ, и под. Въ основу своихъ мыслей авторъ приводилъ мѣста изъ св. писанія, а больше изъ толковаго Евангелія и Апостола, изъ писаній Діонисія ареопагита, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Дамаскина, и еще больше изъ пѣсней и молитвъ церковныхъ. Но, раскрывая такимъ образомъ, во всѣхъ подробностяхъ, незаконность прибавки „и огнемъ“ въ молитвѣ на Богоявленіе, Насѣдка дѣлалъ, однакожъ, въ своемъ сочиненіи слѣдующія замѣтки: „а еже рещи—«Духомъ Святымъ и огнемъ», то съ греческими переводы достоитъ справитися“ (гл. 30), или въ другомъ мѣстѣ: „и аще въ греческихъ переводѣхъ будетъ писано, да будетъ се пріятно; аще ли же несть, мы-безумніи сего не вѣмы“ (гл. 27). Отсюда можно догадываться, что сочиненіе Насѣдки писано, когда еще не былъ полученъ отвѣтъ отъ восточныхъ патріарховъ, и имѣло цѣлію показать, что патріархъ Филаретъ поступилъ правильно, когда, съ одной стороны, призналъ на соборѣ незаконность прибавки „и огнемъ“ и оправдалъ прежде осужденныхъ справщиковъ, а съ другой—не рѣшился тотчасъ исключить этой прибавки изъ церковной молитвы, но просилъ навести справки о ней по греческимъ спискамъ и ожидаетъ отвѣта восточныхъ первосвятителей (9).

---

(9) Дополн. А. И. II, № 76, стр. 202; Дворц. Разряды, I, 488; Сношен. Россіи съ Востокомъ, I, 348; Древн. Росс. Вивліоѳ. XVI,

Наконецъ, 5 апрѣля 1625 г., слѣдовательно спустя болѣе пяти лѣтъ со времени отъѣзда іерусалимскаго патріарха изъ Москвы, прибыли отъ него къ нашему государю и патріарху послы — архимандритъ Кириллъ, келарь Акакій, да старецъ Германъ, и привезли отъ патріарховъ александрійскаго Герасима и іерусалимскаго Ѳеофана граматы и греческіе списки молитвы на Богоявленіе. Александрійскій патріархъ адресовалъ свою грамату (писанную еще въ 1623 г.) на имя самого государя Михаила Ѳедоровича, и, выражая ему свои привѣтствія и благожеланія, свидѣтельствовалъ, что кормчіе восточной церкви неуклонно сохраняютъ всѣ апостольскія преданія, писанныя и неписанныя, безъ всякихъ прибавленій и убавленій, и что онъ, при всѣхъ изысканіяхъ въ греческихъ книгахъ, нигдѣ не нашелъ прилога: „и огнемъ“ въ молитвѣ великаго освященія воды. Затѣмъ удивлялся, откуда появился этотъ прилогъ въ русской церкви, развѣ только „отъ нѣкіихъ мнѣномудрыхъ“, и выводилъ заключеніе: „тѣмъ же убо сему прилогу всячески не подобаетъ въ васъ пребывати, но паче отвержену быти далече“. Наконецъ, умолялъ государя не допускать у себя любопренія о такихъ вещахъ и неподвижно хранить преданія св. отцевъ, писанныя и неписанныя. Грамата іерусалимскаго патріарха была несравненно обширнѣе и обращена ко всѣмъ православнымъ христіанамъ и епископамъ великія и малыя Россіи. Сказавъ, что онъ самъ, когда находился въ Москвѣ, нашелъ многихъ любопрящихся о прилогѣ: „и огнемъ“ въ мо-

428: А. Э. III, № 166. Сочиненіе Насѣдки въ 40 главахъ—въ рукоп. Сборн. Троице-Серг. лавры № 700, л. 328—401. Тамъ же помѣщено сказаніе: „о совѣтованіи и бесѣдованіи святѣйшаго Филарета патріарха... съ Феофаномъ патріархомъ... о еже въ водоосвященіи огня прилозѣ“ (л. 410—412).

литвѣ на освященіе воды, и выразивъ недоумѣніе, „како, отъ древняго ли обычая, или отъ неуковъ и неписменныхъ мужей и неискусныхъ, множицею книги любодѣйствующихъ, удержася и случися сей прилогъ“, Ѳеофанъ старался доказать православнымъ „нелѣпость“ этого прилога. Вы ссылаетесь, — говорилъ первосвятитель, — на слова Іоанна крестителя о Христѣ: *Той вы крститъ Духомъ святымъ и огнемъ* (Матѳ. 3, 11). Но креститель разумѣлъ два различныхъ крещенія: крещеніе Духомъ Святымъ здѣсь и крещеніе огнемъ, геенское, въ жизни будущей, какъ видно изъ всего хода рѣчи. Когда Іоаннъ, какъ повѣствуетъ евангелистъ, увидѣлъ многихъ фарисеевъ и саддукеевъ, идущихъ къ нему креститься, то сказалъ имъ: „Порожденія ехидны! Кто внушилъ вамъ бѣжать отъ будущаго гнѣва? Сотворите же достойный плодъ покаянія. Уже и сѣкира при корнѣ деревъ лежитъ; всякое дерево, не приносящее добраго плода, срубаютъ и бросаютъ въ огонь. Я крещу васъ водою въ покаяніе; но идущій за мною... Онъ будетъ крестить васъ Духомъ Святымъ и огнемъ. Лопата Его въ рукѣ Его, и Онъ очиститъ гумно свое, и соберетъ пшеницу свою въ житницу, а солому сожжетъ огнемъ неугасимымъ“ (Матѳ. 3, 7—12). То есть, Іоаннъ сказалъ фарисеямъ и саддукеямъ: если вы идете ко мнѣ дѣйствительно съ покаяніямъ и принесете достойные плоды покаянія, то Христосъ креститъ васъ Духомъ Святымъ; а если идете ко мнѣ безъ покаянія и не принесете плодовъ покаянія, то не убѣжите отъ будущаго гнѣва: Христосъ креститъ васъ огнемъ, какъ бросаютъ въ огонь всякое дерево, не приносящее плода, и, какъ солому, сожжетъ огнемъ неугасимымъ. Въ подтвержденіе своего толкованія Ѳеофанъ привелъ слѣдующій тро-

царь изъ службы на Богоявленіе: „Огнемъ крещаетъ конечнымъ Христосъ невѣрующихъ и не богомудрствующихъ его, Духомъ же обновляетъ и водою благодати познающихъ того божество“. Далѣе Ѳеофанъ указывалъ на слова Спасителя къ апостоламъ: *Іоаннъ крестилъ естъ водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ* (Дѣян. 1, 5), безъ прибавленія: и „огнемъ“; на разные тексты св. писанія о всеосвящающей силѣ Духа Святаго; на церковныя молитвы, въ которыхъ выражается таже самая мысль, и объяснялъ, что если вѣровать, будто вода на Богоявленіе освящается не однимъ Духомъ Святымъ, но и огнемъ, то этимъ огонь представляется такимъ же божескимъ лицемъ, каковъ и Духъ Святый, и въ Богѣ, вмѣсто Троицы, вводится четверица. Удостовѣрялъ такъ же, подобно александрійскому патріарху, что не нашелъ нигдѣ въ греческихъ книгахъ прилога „и огнемъ“, и убѣждалъ: „тѣмъ же, о христолюбивыи, не подобаетъ глаголати: Духомъ твоимъ Святымъ и огнемъ, но довлѣетъ едино глаголати: „Духомъ твоимъ Святымъ“. Эти патріаршія граматы, принесенныя въ Москву, вмѣстѣ съ списками изъ греческихъ книгъ молитвы богоявленской на освященіе воды за подписями патріарховъ, разсѣяли, наконецъ, сомнѣнія патріарха Филарета, и онъ 9 декабря 1625 г. издалъ окружный указъ, которымъ предписывалъ духовнымъ властямъ отобрать изъ всѣхъ подвѣдомыхъ церквей печатные Требники, замарать въ нихъ прибавку: *и огнемъ*, равно какъ и сдѣланную касательно ея на полѣ замѣтку, съ тѣмъ, чтобы впредь эта прибавка никогда уже не читалась въ молитвѣ на Богоявленіе (10).

(10) Граматы патріарховъ александрійскаго и іерусалимскаго—въ рукописн. Сбор. Троице-Серг. лавры, № 700, первая—л. 412—418, вторая—л. 418—432.

Третій вопросъ, давно уже ожидавшій патріаршаго рѣшенія, касался православныхъ, отшедшихъ, по столбовскому договору (27 февр. 1617 г.), подъ владычество шведовъ. Еще при заключеніи этого договора шведы настаивали, чтобы въ уступленныхъ Швеціи городахъ: Корелѣ, Орѣшкѣ, Иваньгородѣ, Копорьѣ, и Ямѣ и въ ихъ уѣздахъ оставалось русское духовенство. Въ слѣдующемъ году, когда шведскіе послы приходили въ Москву для утвержденія столбовскаго договора, они просили, чтобы изъ названныхъ городовъ и уѣздовъ дозволено было игуменамъ, попамъ и дьяконамъ пріѣзжать, для поставленья и благословенья, къ новгородскому митрополиту, и чтобы митрополитъ принималъ ихъ и благословлялъ и разрѣшалъ въ духовныхъ дѣлахъ по прежнему. Но въ Москвѣ митрополиты, архіепископы и епископы, а съ ними и бояре, сказали, что совершеннаго отвѣта на это учинить не могутъ, потому что „въ то время въ россійскомъ государствѣ крайнего и высочайшаго святителя, святѣйшаго патріарха, не было“, и дѣло было отложено до избранія патріарха. Когда же патріаршій престолъ въ Москвѣ занятъ былъ, наконецъ, Филаретомъ Никитичемъ, тогда самъ митрополитъ новгородскій Макарій, переведенный въ Новгородъ изъ Вологды 22 іюля 1619 г., переѣзжая чрезъ Москву, спрашивалъ царя и патріарха: какъ относиться ему къ духовенству тѣхъ городовъ и уѣздовъ, которые уступлены Швеціи, давать ли этому духовенству антиминсы и благословеніе? Вмѣсто отвѣта царь и патріархъ въ

Первая помѣщена также и въ печатномъ Житіи преп. Діонисія, стр. 84—89, М. 1855. Указъ патр. Филарета—А. Э. III, № 166, и въ печатномъ Житіи преп. Діонисія, стр. 89—93. Какъ исполнялся этотъ указъ—Русск. Истор. Библіот. II, № 221.

августѣ прислали Макарію „образцовой списокъ граматы“, съ которою онъ долженъ былъ обратиться къ игуменамъ, попамъ и дьяконамъ означенныхъ городовъ и уѣздовъ. Этою граматою Макарій извѣщалъ ихъ, что, прибывъ недавно на новую свою каѳедру, новгородскую, онъ, съ благословенія святѣйшаго патріарха, не только не хочетъ отвергать и отлучать ихъ отъ себя, хотя они находятся теперь подъ иноземною властію, напротивъ желаетъ имѣть ихъ, по прежнему, членами своей духовной паствы; что они могутъ приходить къ нему по всѣмъ дѣламъ духовнымъ и получать отъ него благословеніе, посвященія на церковныя степени, антиминсы и все, относящееся къ благоустройству храмовъ, и что, съ повелѣнія великаго государя царя Михаила Ѳедоровича, пріѣздъ имъ въ его царскую отчину, по духовнымъ дѣламъ, будетъ вольный, и обидъ и задержанья и укоризненныхъ словъ, ни отъ кого и ни въ чемъ, имъ не будетъ, и сомнѣваться въ этомъ они не должны: потому что „благочестивая вѣра утѣсненья никому не творитъ, но паче всѣмъ всюду миръ и благословенье простираетъ“. Спустя три года Макарій снова обращался въ Москву съ вопросомъ: давать ли ему разрѣшеніе и благословеніе на исправленіе ветхихъ церквей и на постройку новыхъ и выдавать ли антиминсы христіанамъ, которые во множествѣ приходятъ къ нему съ просьбами о томъ изъ городовъ и уѣздовъ, отошедшихъ къ Швеціи? Царь и патріархъ отвѣчали (въ ноябрѣ 1622 г.) своими граматами новгородскому митрополиту и воеводѣ, чтобы митрополитъ относился къ этимъ христіанамъ, какъ ему уже было разрѣшено прежде, благословлялъ имъ постройку и обновленіе церквей, выдавалъ антиминсы, ставилъ поповъ и проч., но подъ условіемъ, если христіане тѣ будутъ

приходить къ нему и просить его по своимъ дѣламъ духовнымъ съ вѣдома и дозволенія мѣстныхъ шведскихъ градоначальниковъ и державцовъ, а не тайно, и чтобы въ такихъ случаяхъ сносился съ этими свѣтскими начальниками не самъ митрополитъ, лицо духовное, а новгородскій воевода, съ вѣдома и совѣта митрополичьяго. Скоро, однакожъ, шведы начали лютеранскую пропаганду между православными, находившимися подъ ихъ властію, и еще въ 1624 г. новгородскому воеводѣ велѣно было отвѣчать шведскимъ державцамъ, требовавшимъ выдачи перебѣжчиковъ, чтобы они—шведы „нашимъ людямъ въ вѣрѣ тѣсноты не чинили и не гонили, а учнутъ въ вѣрѣ тѣснить и гоненье чинить, и имъ по неволѣ будетъ бѣгать“. Въ слѣдующемъ году король Густавъ Адольфъ завелъ даже въ Стокгольмѣ, съ цѣлью тойже пропаганды, славянскую типографію, въ которой напечатанъ былъ лютеровъ катехизисъ на русскомъ языкѣ и на финскомъ славянскими буквами. И эта пропаганда была, вѣроятно, не безъ успѣха; потому что, когда въ 1629 г. новгородскіе воеводы спросили государя, пускать ли имъ въ кремль и софійскій соборъ для поклоненія угодникамъ Божіимъ русскихъ людей, которые приходятъ изъ уступленныхъ Швеціи городовъ и уѣздовъ и сами просятъ о томъ, отъ государя послѣдовалъ приказъ, чтобы воеводы предварительно развѣдывали, не пошатнулись ли эти русскіе люди въ православіи и не пристали ли къ лютеровой вѣрѣ: тѣхъ, которые окажутся еще твердыми въ православіи, пускать въ церкви, находящіяся въ посадѣ, но не въ кремль и не въ софійскій соборъ; а тѣхъ, которые уже пошатнулись въ православіи и пристали къ лютеровой вѣрѣ, не пускать и въ посад-

скія церкви, чтобы „нашей православной вѣрѣ поруганья не было“ ([11]).

Во второе лѣто патріаршества Филаретова, слѣдовательно не прежде начала послѣдней половины 1620 г., два московскихъ священника, Иванъ и Евѳимій, отъ церкви рождества Пресвятыя Богородицы въ Столечникахъ, возвѣстили патріарху, что митрополитъ сарскій и подонскій Іона не велѣлъ имъ крестить ляховъ Яна Слободскаго да Матвѣя Светицкаго, пожелавшихъ принять православіе, а велѣлъ только муропомазать и допустить къ св. причастію, и представили самую хартію, выписанную для нихъ, по митрополичьему указу, изъ извѣстнаго вопрошенія Кирикова новгородскому епископу Нифонту, о принятіи латинянъ чрезъ муропомазаніе. Филаретъ, какъ самъ выражается, не презрѣлъ такого раскола, и приказалъ Іонѣ стать предъ собою. Вмѣстѣ съ Іоною стали и священники Иванъ и Евѳимій и повторили на него тоже самое, что прежде сказали патріарху. Патріархъ замѣтилъ Іонѣ, что онъ вводитъ новое. Но Іона не покорился и утверждалъ, что латинянъ крестить не слѣдуетъ, что такъ писано на шестомъ вселенскомъ соборѣ, да и вездѣ писано въ божественномъ писаніи. Тогда патріархъ началъ объяснять Іонѣ отъ правилъ святыхъ апостоловъ и св. отцевъ, что еретическое крещеніе не есть крещеніе, но болѣе осквернѣніе, ссылаясь на 46 и 50 правила апостольскія, да на 19-е перваго вселенскаго собора. Затѣмъ первосвятитель напомнилъ митрополиту Іонѣ о патріархѣ Игнатіѣ, какъ онъ, угождая „еретикомъ латинскія вѣры“,

---

([11]) А. Э. Ш, №№ 107. 108. 127. 128. 155. 179; *Сахаров.* Обозр. Славяно-русск. библіогр., № 239.

ввелъ еретичку Марину въ успенскій соборъ, не крестивъ ее совершеннымъ крещеніемъ, а только мvропомазавъ, и потомъ обвѣнчалъ ее съ растрыгою, и удостоилъ обоихъ св. причащенія, и за то низринутъ былъ священноначальниками русской церкви отъ престола и отъ святительства. Напомнилъ и о патріархѣ Гермогенѣ, какъ онъ настоятельно требовалъ, чтобы королевичъ польскій Владиславъ, избранный на государство московское, былъ крещенъ по православному, и составилъ даже записку, выбранную изъ правилъ св. апостоловъ и отцевъ, о необходимости крестить еретиковъ при обращеніи ихъ въ православіе. Сказалъ также, что и самъ онъ - Филаретъ, по приказанію Гермогена, старался тогда изучить правила св. апостоловъ и отцевъ, и пришелъ къ убѣжденію, что всѣ еретики различныхъ еретическихъ вѣръ не имѣютъ истиннаго крещенія, и потому отъ всѣхъ еретическихъ вѣръ приходящихъ къ православію должно вновь крестить совершеннымъ крещеніемъ, и что „латиняне-папежники суть сквернѣйшіе и лютѣйшіе изъ всѣхъ еретиковъ, ибо они приняли въ свой законъ проклятыя ереси всѣхъ древнихъ, еллинскихъ, жидовскихъ, агарянскихъ и еретическихъ вѣръ, и со всѣми погаными язычниками, со всѣми проклятыми еретиками обще все мудрствуютъ и дѣлаютъ“. Въ заключеніе патріархъ сказалъ Іонѣ: какъ же ты начинаешь вводить въ царствующемъ градѣ противное правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ и велишь принимать латинянъ, „сущихъ, аки псовъ, и вѣдомыхъ враговъ Божіихъ“, не чрезъ крещеніе, а только чрезъ мvропомазаніе, а потомъ допускать ихъ къ св. причастію и вѣнчать на русскихъ дщеряхъ? Почему не хочешь быть единомышленнымъ съ митрополитами, архіепископами и епископами и со всѣмъ освящен-

нымъ соборомъ русской церкви, и не только не послѣдовалъ моему духовному совѣту, но не принялъ и ученія, которое я предложилъ тебѣ отъ правилъ св. апостоловъ и св. отцевъ? Ты прельстился умомъ и ищешь хвалы и чести отъ отверженныхъ отъ Христовой церкви. А я о таковой вводимой тобою еретической прелести и слышать не хочу и, по правиламъ святымъ, запрещаю тебѣ служить литургію до большаго собора.

Соборъ этотъ на крутицкаго митрополита Іону состоялся въ 16 день октября тогоже 1620 года. На соборѣ присутствовали, кромѣ патріарха, два митрополита: новгородскій Макарій и ростовскій Варлаамъ, три архіепископа: вологодскій Корнилій, суздальскій Арсеній, тверскій Пафнутій, и одинъ епископъ— коломенскій Рафаилъ. По открытіи засѣданія, патріархъ обратился къ Іонѣ съ обширною рѣчью. Сначала подробно напомнилъ ему, какъ призывалъ его къ себѣ, по жалобѣ двухъ московскихъ священниковъ, о чемъ и какъ бесѣдовалъ съ нимъ, и почему нашелся вынужденнымъ запретить ему священнослуженіе до собора. „И вотъ нынѣ, продолжалъ Филаретъ Никитичъ,—я созвалъ своихъ сыновъ, да разсудятъ вмѣстѣ со мною по правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ и да обличится расколъ, нововводимый тобою, да прекратится соблазнъ еретичества, какого со времени св. Владиміра никто въ Россіи не дерзнулъ сотворить, кромѣ низверженнаго патріарха Игнатія и тебя“. Вслѣдъ затѣмъ патріархъ старался опровергнуть, одно за другимъ, тѣ два основанія, на которыхъ Іона утверждалъ свое мнѣніе. Извѣстно, что 95-е правило VI вселенскаго собора, на которое указывалъ Іона, повелѣваетъ однихъ еретиковъ, каковы: аріане, македоніане, новаціане, присоединять къ православію чрезъ мyропомазаніе, а другихъ, каковы: павліане,

евноміане, монтанисты, манихеи, валентиніане, маркіониты, чрезъ крещеніе. Іона относилъ латинянъ къ еретикамъ перваго рода; но это, сказалъ патріархъ, несправедливо: латинянъ слѣдуетъ относить къ еретикамъ послѣдняго рода, потому что „въ латынскихъ ересехъ всѣ тѣ ереси есть—суть“. Опроверженіе, очевидно, произвольное и голословное. Что же касается, говорилъ Филаретъ, до отвѣта новгородскаго епископа Нифонта Кирику о принятіи латинянъ въ церковь чрезъ мyропомазаніе, то „такова указу“ нѣтъ нигдѣ, ни въ правилахъ апостольскихъ, ни въ правилахъ соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ, и св. отцевъ. А если и было такое правило въ древнія времена, то оно не можетъ имѣть силы теперь: ибо „послѣди того у латынянъ многія ереси учинилися, и послѣ седми вселенскихъ соборовъ Сергій патріархъ, со всѣми вселенскими патріархи и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, папежевъ—римскихъ еретиковъ изъ помяновенія извергоша, и конечному проклятію предаша“. Въ нашемъ же московскомъ государствѣ, съ самаго его основанія, никогда не бывало, чтобы еретиковъ латинянъ и другихъ еретиковъ не крестили. Не довольствуясь такимъ опроверженіемъ, патріархъ Филаретъ приказалъ еще читать, а Іону пригласилъ внимательно выслушать на соборѣ обширную записку или „собраніе“ изъ правилъ св. апостоловъ, св. соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ, и св. отцевъ, которое составилъ патріархъ Гермогенъ и дополнилъ самъ онъ-Филаретъ, въ доказательство необходимости крестить латинянъ, при обращеніи ихъ въ православіе. Въ собранныхъ здѣсь правилахъ вовсе не говорится о латинянахъ, а перечисляются лишь разные древніе еретики, которыхъ положено было крестить; но въ запискѣ вездѣ прибавлено, что латиняне приняли свои ереси

отъ тѣхъ еретиковъ, и слѣдовательно также должны быть крещены. И именно сказано, будто латиняне приняли: а) отъ мелхиседекіанъ, жидовъ и армянъ постъ въ субботу св. четыредесятницы, разрѣшеніе на сыръ и яйца по воскреснымъ днямъ четыредесятницы и празднованіе субботы; б) отъ монтанистовъ запрещеніе брака духовенству и совпаденіе празднованія пасхи съ іудейскою пасхою; в) отъ манихеевъ волхвованіе по теченію звѣздъ и запрещеніе брака духовенству; г) отъ евноміанъ обливательное крещеніе, вмѣсто погружательнаго; д) отъ аріанъ крещеніе въ одно погруженіе (?), запрещеніе молиться за умершихъ (?) и разрѣшеніе монахамъ ѣсть мясо; е) наконецъ, отъ мессаліанъ и василіанъ принятіе кающихся грѣшниковъ въ общеніе съ церковію безъ епитеміи (?). Тутъ латинянамъ приписаны и такія ереси, отъ которыхъ они совершенно свободны. Послѣ изложенія правилъ, съ примѣненіемъ ихъ къ латинянамъ, въ запискѣ указаны были еще слѣдующія ихъ ереси: ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, неправильное совершеніе таинствъ крещенія и муропомазанія, употребленіе опрѣсноковъ въ таинствѣ евхаристіи, ученіе о чистилищѣ и употребленіе новаго календаря. Наконецъ, приведена была въ запискѣ цѣликомъ извѣстная статья „о Фрязѣхъ и о прочихъ латыняхъ“, издавна помѣщавшаяся въ нашихъ кормчихъ, въ которой перечислено до 27-ми заблужденій латинскихъ, въ томъ числѣ, самыхъ мелочныхъ, и вовсе не относящихся къ вѣрѣ, или совсѣмъ чуждыхъ латинянамъ. Когда чтеніе записки было окончено, Филаретъ снова обратился къ обличенію Іоны и велѣлъ читать дѣло о тѣхъ иноземцахъ латинской вѣры, которыхъ онъ разрѣшилъ двумъ священникамъ принять въ церковь не чрезъ крещеніе, а чрезъ муропомазаніе. Іона, ставъ на со-

борѣ, отвѣчалъ, что не помнитъ, приходили ли, или не приходили, къ нему тѣ священники, и немного помедливъ, сказалъ: „была у меня книга правилъ, лежала на подворьѣ въ подклѣти у моего подъячаго, и я велѣлъ ту книгу списать себѣ; можетъ быть, самъ подъячій далъ тѣмъ священникамъ выписать изъ книги Кириково вопрошеніе“. Филаретъ приказалъ поставить священниковъ съ очей на очи съ Іоною и потребовалъ, чтобы они сказали истину по священству. Они показали, что приходили лично ко владыкѣ крутицкому съ своимъ недоумѣніемъ, и онъ сказалъ имъ: „есть де тому указъ“, и вынесъ отъ себя изъ кельи книгу, самъ пріискалъ и далъ имъ, чтобы они выписали изъ нея указъ. Іона опять отвѣчалъ, что не помнитъ. Тогда Филаретъ сказалъ: да ты же самъ не отвергалъ того, что свидѣтельствуютъ на тебя священники, когда они обличали тебя прежде здѣсь же предо мною на допросѣ, напротивъ сему доказывалъ, ссылаясь на шестой вселенскій соборъ, что латинянъ должно только мvропомазывать, а не крестить, и прибавилъ, что много латинянъ такъ принято въ церковь. Іона отвѣчалъ: я принялъ чрезъ мvропомазаніе одного только бѣлорусца, а того не помню, чтобы я говорилъ о многихъ. Филаретъ настаивалъ на своемъ и укорялъ Іону въ его противленіи и прекословіи. Наконецъ, Іона повинился предъ великимъ соборомъ, и билъ ему челомъ много, и прощенія просилъ, сознаваясь, что понималъ такъ 95-е правило VI вселенскаго собора „простотою, а не умышленіемъ“; обѣщался быть единомышленнымъ съ патріархомъ Филаретомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ и сказалъ: „и къ вашему соборному избранію отъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ на латинскую ересь о крещеніи хощу рукою своею приписати и по сему вашему со-

борному писанію хощу творити". Патріархъ, видя сокрушеніе и челобитье Іоны, его покаяніе и слезы и посовѣтовавшись съ прочими архіереями, снялъ съ него духовное запрещеніе и благословилъ ему, по прежнему, совершать литургію. Соборное изложеніе было подписано всѣми присутствовавшими святителями, въ томъ числѣ и Іоною, въ домѣ пречистыя Богородицы, въ 4-й день декабря 1620 г. (12). Въ этомъ изложеніи патріархъ Филаретъ не установилъ никакого новаго правила или правилъ для русской церкви, а только старался подтвердить издавна уже существовавшій въ ней (по крайней мѣрѣ, съ начала XVI вѣка) обычай перекрещивать латинянъ въ случаѣ обращенія ихъ къ православію. И потому напрасно думаютъ, не увлекся ли здѣсь Филаретъ своею непріязнію къ латинянамъ—полякамъ, которую они возбудили въ немъ недавнимъ разореніемъ Россіи и попытками ввести въ нее римскую вѣру, также притѣсненіями православнымъ въ Литвѣ и несправедливостями, оказанными ему лично. Нѣтъ, истинная причина, почему возникъ и укоренился въ Россіи этотъ

(12) Дѣяніе этого собора, подъ заглавіемъ: „Отъ божественныхъ писаній и отъ св. правилъ собраніе великаго господина, смиреннаго Филарета патріарха..., и сошедшихся къ нему митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ... о крещеніи латынъ и о ихъ ересехъ", или: „Соборное изложеніе", было напечатано при патріархѣ Іоасафѣ въ Иноческомъ Потребникѣ 1639 г. (л. 213—242), но напечатано не вполнѣ. Здѣсь сдѣланы пропуски въ рѣчи патріарха Филарета къ Іонѣ крутицкому, впрочемъ небольшія, и во всѣ не помѣщено сказанія о послѣдней части соборнаго Дѣянія, или о томъ, что произошло на соборѣ по прочтеніи собранія отъ правилъ, составленнаго Гермогеномъ и Филаретомъ, и чѣмъ окончился соборъ. Вполнѣ сохранилось Дѣяніе или Изложеніе этого собора въ рукописномъ Сборникѣ Троице-Сергіевской лавры, № 741, л. 46—100. Здѣсь-то и сказано, что соборъ происходилъ у патріарха Филарета 16 октября (л. 93), а соборное Изложеніе подписано въ дому Пресв. Богородицы, 4 декабря 1620 г. (л. 100).

обычай, почему русскіе требовали перекрещеванія латинянъ и до Филарета патріарха и при Филаретѣ, какъ видно изъ самаго соборнаго изложенія его, нами разсматриваемаго, заключалась въ томъ, что русскіе не имѣли вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній о заблужденіяхъ римской церкви, слишкомъ умножали число ихъ, преувеличивали значеніе многихъ изъ нихъ, вѣрили всему, что говорилось въ старинной статьѣ „о Фрязѣхъ и прочихъ латинахъ“ и въ другихъ подобныхъ статьяхъ, и вслѣдствіе того были убѣждены, будтобы латиняне суть злѣйшіе изъ всѣхъ еретиковъ, и ересь латинская содержитъ въ себѣ всѣ ереси. А ненависть къ полякамъ, воспитанная историческими обстоятельствами въ русскихъ, только еще болѣе утверждала ихъ въ этомъ предубѣжденіи противъ латинянъ.

Спустя двѣнадцать дней послѣ того, какъ подписано было соборное изложеніе о способѣ принятія латинянъ, поляковъ и другихъ въ православную церковь, патріархъ Филаретъ вновь созвалъ соборъ, чтобы рѣшить еще, какъ принимать „самихъ бѣлорусцевъ, приходящихъ отъ польскаго и отъ литовскаго государства въ православную вѣру нашу греческаго закона, въ державу московскаго государства , и хотящихъ быти съ нами вкупѣ *христіаны* (т. е. православными)“. Это было, можно сказать, лишь второе засѣданіе прежняго собора: потому что на немъ присутствовали всѣ тѣже святители, вмѣстѣ съ митрополитомъ сарскимъ Іоною, и къ нимъ прибавился только одинъ, недавно произведенный архіепископъ сибирскій и тобольскій Кипріанъ. Въ началѣ засѣданія Филаретъ сказалъ присутствовавшимъ: „когда я былъ въ польскомъ и литовскомъ государствѣ, я видѣлъ многія церковныя несогласія у самихъ христіанъ (т. е. у православныхъ), которые называются тамъ

бѣлорусцами. Они именуются православными, а многіе изъ нихъ не соблюдаютъ правилъ и преданій св. апостоловъ, св. соборовъ и св. отцевъ. Въ одномъ домѣ у нихъ, у отца съ дѣтьми, у мужа съ женою, у господина съ рабами, три или четыре вѣры: одинъ держитъ вѣру христіанскую (православную), другой папежскую, третій лютерскую, иной кальвинскую, иной новокрещенскую, иной аріанскую, и всѣ вмѣстѣ на одной трапезѣ ѣдятъ и пьютъ, и совокупляются бракомъ, а иніи вмѣстѣ и молитву творятъ. Многіе изъ нихъ молятся и за низверженнаго папу во время литургіи, на эктеніяхъ и литіяхъ, и называются уніатами, потому что приняли унію или соединеніе съ папежниками. Архіереи ихъ и все духовенство признаютъ надъ собою власть папы и древнее преданіе св. апостоловъ и св. отцевъ не все содержатъ. Иные тамъ, ради напастей и гоненій, покорились папѣ; многіе омрачились еретичествомъ и влаются всякимъ вѣтромъ ученія, противнаго истинной вѣрѣ христіанской, а иные терпятъ бѣды и напасти ради нашей христіанской вѣры и пребываютъ непреклонными въ папино ученіе“. Объяснивъ такимъ образомъ, почему необходимо разрѣшить вопросъ, какъ принимать въ православную церковь бѣлорусцевъ, между которыми существуетъ столько разновѣрія, патріархъ занялся, вмѣстѣ съ соборомъ, обсужденіемъ этого вопроса и, наконецъ, соборне приговорилъ: а) когда кто либо придетъ къ намъ, въ русскую державу, изъ польскаго и литовскаго государства и скажетъ, что онъ бѣлорусецъ и есть истинный христіанинъ греческаго закона, то такого прежде испытывать, какъ онъ вѣруетъ и истинно ли крещенъ въ три погруженія или крещенъ чрезъ обливаніе; если самъ скажетъ, что онъ крещенъ въ своей землѣ, а у нихъ въ крещеніи обли-

ваютъ, а не погружаютъ, то его, при принятіи въ православную церковь, совершенно крестить въ три погруженія, и если не мvропомазанъ, то и мvропомазать; б) равно, если бѣлорусецъ скажетъ, что онъ крещенъ въ христіанскую вѣру, но попъ, крестившій его, поминаетъ папу за божественною литургіей, (т. е. принялъ унію), то и такого бѣлорусца совершенно крестить въ три погруженія, и онъ долженъ еще проклинать латинскую ересь; в) а которые скажутъ про себя, что они крещены въ греческую вѣру чрезъ троекратное погруженіе и мvропомазаны, тѣхъ, хотябы и не было на то свидѣтелей, не крестить вновь и не мvропомазывать, но только велѣть имъ поститься недѣлю и исповѣдаться, и если они на исповѣди предъ духовникомъ по совѣсти подтвердятъ, что говорятъ правду о своемъ крещеніи, то ихъ, съ разрѣшенія архіерейскаго, считать такими же христіанами, какъ и всѣхъ, крещенныхъ въ московскомъ государствѣ; д) бѣлорусцевъ, которые крещены обливаніемъ и причащались въ костелахъ, или хотябы и не причащались, крестить въ три погруженія, но именъ ихъ не перемѣнять, и они должны еще проклинать латинскую ересь, только при крещеніи не говорить „младенческаго отрицанія“; е) бѣлорусцевъ, которые скажутъ о себѣ, что они были въ иной вѣрѣ и перешли изъ той вѣры въ христіанскую въ совершенныхъ лѣтахъ и крещены въ Литвѣ отъ русскаго попа, который молится за папу, также крестить совершеннымъ крещеніемъ, и они должны произносить, при крещеніи, и латинское, и еретическое, и младенческое, отрицанія. Излагая такія правила о способѣ принятія бѣлорусцевъ въ русскую церковь, патріархъ и соборъ дѣлаютъ замѣчаніе, что они не новое преданіе вводятъ, а поновляютъ и укрѣ-

пляютъ древнее, послѣдуя заповѣдямъ св. апостоловъ и св. отцевъ; но самыхъ заповѣдей этихъ не приводятъ. Настоящее соборное изложеніе подписано патріархомъ и прочими святителями въ дому пресвятыя Богородицы 16 декабря 1620 года ([13]).

Издавъ такія постановленія относительно латинянъ и бѣлорусцевъ, патріархъ Филареть самъ первый старался и выполнять эти постановленія со всею строгостію. Къ нему на патріаршій дворъ передавались изъ государева Разряда иноземцы для распросовъ объ ихъ вѣрѣ. И Филаретъ приказывалъ, по окончаніи распросовъ, разсылать всѣхъ иноземцевъ латинскаго и протестантскаго исповѣданія, мущинъ и женщинъ, по монастырямъ, мужскимъ и женскимъ, и всѣхъ крестить по православному. Въ числѣ этихъ иноземцевъ часто находились бѣлорусцы и вообще пришельцы изъ литовско-польскаго государства, не одни уніаты, но и православные, нерѣдко монахи, іеродіаконы, іеромонахи, даже игумены, и всѣ они, хотя были крещены православными священниками, а иные пострижены въ православныхъ кіевскихъ и другихъ обителяхъ и получили священство отъ православныхъ архіереевъ, греческихъ или западнорусскихъ, принуждены были, по приказанію патріарха, вновь креститься чрезъ троекратное погруженіе, если сознавались, что крещены чрезъ обливаніе. Такимъ образомъ, въ теченіе одного года (11 сент. 1623—22 авг. 1624) крещено было нѣсколько десятковъ латинянъ и бѣлорусцевъ, по приказанію Филарета.

([13]) Этотъ „Указъ, како изыскивати и о самѣхъ бѣлорусцевъ, иже приходящихъ отъ польскаго и отъ литовскаго государства въ православную вѣру нашу...“ находится въ томъ же рукописномъ лаврскомъ Сборникѣ, № 741, л. 100—108, и напечатанъ вполнѣ въ томъ же иноческомъ Потребникѣ 1639 года, л. 242—247.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ пришелъ къ нему одинъ изъ бывшихъ уніатскихъ архіепископовъ, пожелавшій возвратиться къ православной церкви. Филаретъ приказалъ и его вновь крестить, какъ крещеннаго прежде чрезъ обливаніе. Это былъ нѣкто Аѳиногенъ Крыжановскій, который въ 1630 г., іюня 24, явился въ Путивль, и далъ здѣсь воеводамъ слѣдующее о себѣ показаніе: постриженъ онъ былъ въ мозырскомъ свято-духовскомъ монастырѣ, и въ 1628 г. рукоположенъ во іеромонаха кіевскимъ митрополитомъ Іовомъ въ кіево-печерской лаврѣ. Но какъ только возвратился въ свой мозырскій монастырь, княгиня—жена Адама Вишневецкаго взяла его, Аѳиногена, въ свой брагинъ монастырь въ архимандрита, а потомъ, едва прошелъ годъ, изгнала его. Онъ отправился къ уніатскому митрополиту Велямину Рутскому, который не только принялъ его въ унію, но и поставилъ во Владимірѣ волынскомъ, вмѣстѣ съ двумя другими уніатскими епископами, архіепископомъ хорвацкой земли, и далъ ему ставленную архіерейскую грамату. Около полугода служилъ онъ архіепископомъ у митрополита Рутскаго, а теперь желаетъ покаяться и вновь принять православіе. Затѣмъ Аѳиногенъ вручилъ путивльскимъ воеводамъ письмо о немъ густынскаго игумена Ѳеодосія къ царю и патріарху и свою ставленную архіерейскую грамату и просилъ переслать въ Москву. Царь велѣлъ пропустить Аѳиногена въ столицу, а патріархъ, послѣ предварительнаго испытанія Аѳиногена, велѣлъ присоединить его къ православной церкви чрезъ крещеніе, опредѣлилъ въ угрѣшскій монастырь и вскорѣ сдѣлалъ его тамъ даже келаремъ. Но Аѳиногенъ, воспользовавшись монастырскими доходами, задумалъ воротить себѣ архіерейское достоинство и, чрезъ посредство какого-то князя далматскаго Ивана Алберта, находившагося въ Моск-

вѣ, рѣшился послать письмо да четыре сорока соболей турецкому пашѣ, чтобы тотъ заставилъ цареградскаго патріарха Кирилла Лукариса написать грамату прощальную ему-Аѳиногену и разрѣшилъ ему быть, по прежнему, архіепископомъ, а другіе четыре сорока соболей и нѣсколько денегъ назначилъ послать самому Кириллу Лукарису. Все это обнаружилось, и разгнѣванный Филаретъ послалъ (17 іюня 1632) Аѳиногена Крыжановскаго въ нижегородскій печерскій монастырь, велѣлъ держать этого чернеца-вора въ хлѣбнѣ на цѣпи скованнаго и потомъ допросить на правежѣ объ его замыслахъ и о деньгахъ, что онъ воровски собралъ съ вотчинъ николо-угрѣшскаго монастыря. Аѳиногенъ сознался во всемъ, и найденныя у него деньги были отобраны (14).

Въ числѣ святителей, подписавшихъ соборное изложеніе о способѣ принятія бѣлорусцевъ въ русскую церковь, находился, какъ мы упомянули, и недавно произведенный архіепископъ сибирскій и тобольскій Кипріанъ. Онъ былъ первымъ архіереемъ открытой тогда тобольской епархіи. По мѣрѣ того, какъ устроялись въ сибирскомъ краѣ монастыри и церкви, болѣе и болѣе чувствовалась тамъ потребность въ антиминсахъ и священникахъ, которыхъ трудно было доставать изъ Россіи. Еще въ 1611 году воеводы сибирскіе писали къ вологодскому архіепископу Сильвестру, что „въ Тобольскѣ и во всѣхъ сибирскихъ городахъ у многихъ приходскихъ церквей поповъ нѣтъ, и за тѣмъ стоятъ безъ пѣнья, и многіе люди безъ поповъ помираютъ безъ причастья,

---

(14) Русск. Историч. Библіот. II, №№ 150. 166, стр. 510, 597. Объ Аѳиногенѣ Крыжановскомъ еще—Москов. главн. арх. Мин. иностр. дѣлъ, дѣла малороссійскія, годъ 1630, іюня 28, № 3. Здѣсь же и копія съ ставленной граматы, данной Аѳиногену митрополитомъ рутскимъ.

а младенцы безъ крещенья, и многія церкви поставлены вновь, а стоятъ неосвящены для того, что въ сибирскихъ городахъ антиминсовъ нѣтъ", почему и просили прислать въ Сибирь антиминсовъ и священниковъ, хотя пять или шесть (15). Оказывалась настоятельная потребность назначить для сибирскихъ христіанъ особаго архіерея, который бы постоянно жилъ между ними и заботился о ихъ духовныхъ нуждахъ. Бывшія тогда смутныя и крайне-тяжкія обстоятельства отечества и церкви не дозволяли правительству удовлетворить этой потребности. Но какъ только они прошли, то въ 1620 г., изволеніемъ царя Михаила Ѳедоровича и совѣтомъ и благословеніемъ патріарха Филарета и всего освященнаго собора, открыта въ Тобольскѣ архіерейская каѳедра, и 8-го сентября рукоположенъ для занятія ея архіепископъ сибирскій и тобольскій Кипріанъ, бывшій прежде хутынскимъ архимандритомъ и доказавшій свою приверженность къ православной вѣрѣ и къ Россіи во время покоренія новгородской области шведами. Царь и патріархъ щедро надѣлили Кипріана всѣмъ необходимымъ, дали ему служилыхъ людей, отпустили съ нимъ многихъ монаховъ изъ разныхъ русскихъ монастырей, и царь назначилъ, какъ для архіепископа, такъ и для всей его свиты, достаточное жалованье жизненными припасами. Кипріанъ прибылъ въ Тобольскъ 30-го мая 1621 года; но еще на пути къ нему, промедливъ нѣсколько въ городѣ Верхотурьѣ, сдѣлалъ тамъ свои первыя архипастырскія распоряженія. Въ Верхотурьѣ существовалъ небольшой монастырь никольскій, основанный прежде какимъ-то Іоною пошехонцемъ на мірскія подаянья, и состоявшій всего изъ шести монаховъ: Кипріанъ

(15) Акты, относ. до юрид. быта Россіи, II, № 192, стр. 603.

далъ въ этотъ монастырь игумена Германа, постриженника іосифова монастыря, и поставилъ попа старца Ѳеодосія. Въ томъ же городѣ многія старицы, постригшіяся отъ мужей своихъ, не имѣли пристанища и жили въ мірѣ: Кипріанъ, переговоривъ съ верхотурскими посадскими людьми, построилъ для старицъ храмъ и монастырь женскій, во имя покрова пресв. Богородицы, далъ имъ попа и причетниковъ. Въ верхотурскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Ницѣ жили русскіе христіане, а церкви не имѣли: Кипріанъ послалъ къ нимъ соловецкаго старца Серапіона, съ званіемъ строителя, и чернаго попа Христофора, и велѣлъ строителю воздвигнуть имъ храмъ во имя преображенія Господня да соловецкихъ чудотворцевъ. Въ томъ же уѣздѣ находились два, прежде еще основанные, монастыря, христорождественскій на Тагилѣ и введенскій на рѣкѣ Невьѣ: въ первый отпустилъ Кипріанъ стараго игумена Авраамія да съ нимъ послалъ старца строителя Варлаама, а во второй поставилъ строителемъ старца Стахѣя, постриженника юрьевскаго новгородскаго монастыря, да чернаго попа Ѳеопемпта, постриженника горицкаго переславльскаго монастыря. О распоряженіяхъ своихъ Кипріанъ тогда же извѣстилъ государя, и государь, граматою отъ 28 іюля, во всѣ эти монастыри и церкви назначилъ денежное и земельное жалованье, и велѣлъ сдѣлать имъ подробную опись и доставить въ Москву ([16]). Нѣтъ основанія сомнѣваться, что Кипріанъ

([16]) Записки, къ сибирской исторіи служащія, въ древн. Росс. Вивліоѳ. III, 135—136; А. И. Ш, №№ 93. 96. 103. О Кипріанѣ, когда онъ былъ еще архимандритомъ хутыня монастыря, — *Соловьев.* Истор. Россіи, IX, 92—93. 96—97 и дал. По Росписи новгород. владыкъ, Кипріанъ былъ взятъ изъ хутыня монастыря на сибирскую архіепископію 15 генв. 1621 года (Собр. Русск. Лѣт. III, стр. 188).

продолжалъ такого же рода дѣятельность и послѣ прибытія въ свою епархіальную резиденцію. Но едва протекло съ тѣхъ поръ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ ему суждено было испытать большое огорченіе. Патріархъ Филаретъ прислалъ къ нему свою грамату отъ 11 февр. 1622 года, и въ ней писалъ: „мы узнали отъ воеводъ и отъ приказныхъ людей, которые прежде бывали въ Сибири, что въ сибирскихъ городахъ многіе служилые и тамошніе люди живутъ не по-христіански, не по преданіямъ св. апостоловъ и св. отцевъ, а по своимъ сквернымъ похотямъ. Многіе русскіе люди и иноземцы, литовцы и нѣмцы, крестившіеся въ нашу православную вѣру, крестовъ на себѣ не носятъ и постныхъ дней не хранятъ, пьютъ и ѣдятъ и всякія скаредныя дѣла дѣлаютъ вмѣстѣ съ бусурманами; живутъ съ татарками некрещеными, какъ съ своими женами; женятся даже на своихъ родныхъ и двоюродныхъ сестрахъ и дочеряхъ. Многіе служилые люди закладываютъ своихъ женъ, за деньги, своей же братьи для блудной жизни, а бѣдныхъ вдовъ и дѣвицъ насильно берутъ къ себѣ, отнимаютъ женъ у людей работныхъ и женятъ ихъ на иныхъ женахъ.. А попы сибирскихъ городовъ тѣмъ ворамъ не запрещаютъ, напротивъ молитвы имъ творятъ и вѣнчаютъ ихъ не по закону. Многіе мужья и жены въ болѣзняхъ постригаются, а оздоровѣвъ разстригаются, сбрасываютъ черничецкое платье и живутъ въ своихъ домахъ блудно. Въ мужскихъ и дѣвичьихъ монастыряхъ старцы и старицы живутъ вмѣстѣ съ мірскими людьми и ничѣмъ отъ нихъ не рознятся. Иные служилые люди привозятъ изъ Москвы многихъ женокъ и дѣвокъ, держатъ у себя за женъ, продаютъ ихъ другимъ или обращаютъ въ своихъ крѣпостныхъ. А воеводы того не брегутъ, и тѣхъ людей отъ такого воровства не унимаютъ, для своей корысти,

и попамъ приказываютъ вѣнчать ихъ насильно... И о томъ тебѣ, нашему сыну и богомольцу, сказываютъ бѣдные люди, у которыхъ насильно отняты жены и отданы за другихъ или порабощены, равно вдовы и дѣвицы, что онѣ осквернены и порабощены насильствомъ, и о многихъ другихъ безчинствахъ тебя извѣщаютъ, и бьютъ челомъ... А ты о томъ небрежешь и дѣлать такія дѣла не возбраняешь, и наказанія виновнымъ, духовнаго и тѣлеснаго, никакого отъ тебя нѣтъ, и къ намъ о томъ ни о чемъ не пишешь"... Затѣмъ патріархъ преподавалъ Кипріану обширныя наставленія, чтобы онъ имѣлъ неослабное попеченіе о порученномъ ему стадѣ, поучалъ христіанъ словомъ истины, убѣждалъ, умолялъ, обличалъ непослушныхъ, запрещалъ ихъ, отлучалъ и даже предавалъ градскимъ казнямъ, но только съ великою осмотрительностію. Эта патріаршая грамата, любопытная по содержащимся въ ней свѣдѣніямъ о тогдашнихъ нравахъ въ Сибири, едва ли была справедлива по отношенію къ сибирскому архіепископу. Что онъ могъ сдѣлать въ полгода противъ всѣхъ этихъ безобразій, которыя укоренялись въ краѣ впродолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій? Кипріанъ написалъ въ Москву, что онъ вовсе не находитъ себѣ содѣйствія со стороны свѣтскихъ властей, а встрѣчаетъ только противодѣйствіе, что „въ сибирскихъ городахъ служилые и всякихъ чиновъ люди, въ духовныхъ дѣлахъ, его и его десятильниковъ слушать и подъ судъ къ нему ходить не хотятъ и научаютъ между собою шумѣть противъ него, а воеводы имъ въ томъ потакаютъ". И государь своею граматою (отъ 29 авг. 1622) приказывалъ сибирскимъ воеводамъ, чтобы они ни въ какія духовныя дѣла архіепископа Кипріана не вступались, и служилыхъ и всякихъ чиновъ людей отъ всякаго дурнаго дѣла унимали, а которые начнутъ не-

слушать архіепископа и его десятильниковъ въ духовныхъ дѣлахъ, тѣмъ велѣли чинить наказаніе, смотря по винѣ и какъ о томъ напишетъ архіепископъ или скажутъ его десятильники, и смотря по дѣлу и по сыску. Въ томъ же году государь утѣшилъ Кипріана и другою своею милостію: пожаловалъ ему, по его просьбѣ, на рѣкѣ Ницѣ, 200 десятинъ пашни, да сѣнныхъ покосовъ на 800 копенъ. Послѣ этого пастырская дѣятельность Кипріана пошла успѣшнѣе: онъ „по государеву указу и по патріаршу благословенію, невѣрныхъ многихъ крестилъ въ православную христіанскую вѣру, и домъ Софѣи Премудрости Божіей въ Сибири устроилъ, и слабость многую въ беззаконныхъ женитвахъ и въ иныхъ многихъ духовныхъ дѣлахъ исправилъ и утвердилъ, по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ“. Скоро мнѣніе о Кипріанѣ до того измѣнилось въ Москвѣ, что патріархъ Филаретъ захотѣлъ избрать его въ ближайшаго помощника себѣ, и 15 февраля 1623 г., по государевой и патріаршей граматѣ, онъ уже оставилъ Тобольскъ и отправился въ царствующій городъ, гдѣ и произведенъ (12 дек. 1624) въ санъ митрополита сарскаго или крутицкаго ([17]). На тобольскую каѳедру назначенъ былъ новый архіепископъ Макарій, рукоположенный (19 дек. 1624) изъ игуменовъ костромскаго богоявленскаго монастыря. При отправленіи этого архіепископа на епархію, ему дана была, по приказанію царя и патріарха, „Память“ (8 фев. 1625), какъ вступить ему на свою каѳедру и править епархіею, и въ особенности какъ поступать при обращеніи къ христіанству татаръ и другихъ иновѣрцевъ, очень сходная съ тою, ка-

([17]) Собр. Госуд. Грам. III, № 60; А. И. III, № 113; Русск. Историч. Библіот. II, № 127; Роспис. Новг. влад., въ Собр. Русск. Лѣт. III, 188; Древн. Росс. Вивл. III, 141—142.

кая дана была нѣкогда первому архіепископу казанскому Гурію. При Макаріѣ также совершались обращенія сибирскихъ инородцевъ къ христіанству. Напримѣръ, въ 16 день генваря 1633 года, по государевой и патріаршей граматѣ, крестили въ Тобольскѣ, на рѣчкѣ Иртышѣ, князя Никифора Алачева Юрьевича Лобана, мать его княгиню Анну, жену его княгиню Агаѳію, да двухъ сыновъ его князей Симеона и Исидора ([18]).

Кипріанъ былъ вызванъ изъ Тобольска на Крутицу въ Москвѣ, чтобы занять мѣсто извѣстнаго митрополита Іоны, который болѣе шести лѣтъ правилъ патріаршествомъ, а теперь, волею или неволею, удалился на покой въ спасо-прилуцкій монастырь. Повидимому, митрополитъ этотъ обладалъ довольно просвѣщеннымъ умомъ, отстаивая мысль, что не должно перекрещивать латинянъ при обращеніи ихъ къ православію, хотя потомъ и покорился соборному опредѣленію о перекрещиваніи ихъ. Но онъ имѣлъ недоброе сердце, что̀ и засвидѣтельствовалъ, когда обвинилъ и подвергъ тяжкому наказанію совершенно невинныхъ справщиковъ книгъ и затѣмъ еще глумился всенародно надъ однимъ изъ нихъ, архимандритомъ Діонисіемъ. Также несправедливо и жестоко поступилъ Іона, во время своего управленія патріаршествомъ, и съ вологодскимъ архіепископомъ Нектаріемъ, котораго, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, безъ всякаго разслѣдованія и суда, лишилъ (около 1616 г.) каѳедры и сана и сослалъ, въ качествѣ простаго старца, въ кирилловъ монастырь. Узнавъ объ этомъ въ 1621 г., можетъ быть, по

([18]) Древн. Росс. Вивліоѳ. III, 142—143. 154. Память, данная Макарію, напечатана въ Опис. государств. архива старыхъ дѣлъ *Иванова*, стр. 263, Москв. 1850. А память или наказъ Гурію см. въ нашей Истор. Русск. Церкви, VI, 341.

жалобѣ самого же Нектарія, патріархъ Филаретъ вызвалъ его въ Москву, и здѣсь на соборѣ распрашивали его и дѣлали подробныя разысканія, за что онъ такъ пострадалъ. И пришли къ заключенію, и объявили самому Нектарію, что онъ „отлученъ отъ святительства неповинно, не по дѣлу, безъ сыску". Хотѣли уже подписывать приговоръ, какъ патріархъ обратилъ вниманіе на одно изъ показаній Нектарія, что онъ, находясь въ кирилловѣ монастырѣ, при прежнемъ игуменѣ (Флавіанѣ) причащался въ епитрахили, а при теперешнемъ (Савватіѣ) безъ епитрахили, потому что игуменъ не позволилъ ему причащаться въ епитрахили. Филарету это показалось сомнительнымъ; онъ подумалъ, не своею ли волею Нектарій причащался безъ епитрахили, и потребовалъ письменныхъ объясненій отъ игумена кириллова монастыря Савватія и соборнаго старца Евстафія, у котораго Нектарій, вѣроятно, находился подъ началомъ, а двухъ бывшихъ духовниковъ его вызвалъ даже въ Москву. И только тогда, когда игуменъ отвѣчалъ, что дѣйствительно онъ не дозволялъ Нектарію, несмотря на всѣ его просьбы, причащаться въ епитрахили, потому что Нектарій присланъ былъ въ монастырь въ качествѣ простаго старца, а не архіепископа, и когда потвердили тоже самое и соборный старецъ и духовникъ Нектарія, патріархъ рѣшился, наконецъ, уступая притомъ новымъ просьбамъ Нектарія, разрѣшить его и благословилъ „святительская вся дѣйствовати" и совершать божественную литургію (въ маѣ 1621 г.). Случай, показывающій съ какою строгостію относился Филаретъ къ самымъ, повидимому, незначительнымъ отступленіямъ въ церковной обрядности. Разрѣшенному Нектарію приказано было жить на богоявленскомъ подворьѣ впредь до назначенія ему каѳедры, и онъ оставался

въ Москвѣ до смерти вологодскаго архіепископа Корнилія (17 март. 1625 г.), когда вновь занялъ свою прежнюю каѳедру, на которой и скончался (3 іюня 1626 г.). Митрополитъ Іона, осудившій нѣкогда Нектарія, былъ свидѣтелемъ его оправданія на соборѣ, и просилъ прощенія у патріарха и у самого Нектарія ([19]). Вотъ за такіе-то и, можетъ быть, другіе подобные поступки митрополитъ Іона и долженъ былъ, наконецъ, расплатиться потерею своей каѳедры.

Съ самаго вступленія своего на патріаршій престолъ Филаретъ Никитичъ обратилъ свое вниманіе на печатаніе богослужебныхъ книгъ, которое во дни междупатріаршества совершалось очень медленно, и, „зельною ревностію одержимъ бывъ къ божественнымъ книгамъ, повелѣлъ печатанію строитися безпрестанно и предавать книги по всей русской землѣ св. Божіимъ церквамъ“ ([20]). Въ 1620 г. типографія перенесена была изъ Кремля, гдѣ помѣщена была временно послѣ разоренія ея поляками, на прежнее свое мѣсто, на старый печатный дворъ, на Никольскомъ крестцѣ, и имѣла уже семь книгопечатныхъ становъ. Справщиками при ней являются люди, болѣе или менѣе образованные книжнымъ ученіемъ и знакомые съ грамматикою и риторикою, каковы были: старецъ Арсеній Глухой, старецъ Антоній Крыловъ, священникъ-ключарь Иванъ Васильевъ Насѣдка или Насѣдкинъ, богоявленскій игуменъ Илія и свѣтское лицо—Григорій Онисимовъ. Первый и два послѣдніе, несомнѣнно, знали, и греческій языкъ. При типографіи находилось особое помѣщеніе

([19]) Грамата о разрѣшеніи архіеп. Нектарія—въ Чтен. М. Истор. Общ. 1866, III, отд. V, 8—10; *Суворов.* Опис. Вологод. Соф. собора, стр. 64.

([20]) *Строев.* Опис. старопеч. книгъ Царскаго, стр. 442—448.

„Правильня“, гдѣ занимались справщики, съ состоявшими при нихъ чтецами и писцами, и вели исправленіе текста и корректуру печатавшихся книгъ. Въ пособіе этимъ справщикамъ царь и патріархъ „повелѣста отъ градовъ книги харатейныя добрыхъ переводовъ древнихъ собрати и отъ тѣхъ древнихъ божественныхъ писаній стихословія исправляти, яже неисправленіемъ отъ преписующихъ и многолѣтнихъ обычаевъ погрѣшена быша“, и такимъ образомъ положили начало знаменитой впослѣдствіи типографской библіотеки ([21]). При Филаретѣ Никитичѣ вышло изъ московской типографіи больше книгъ, нежели сколько было напечатано ихъ во все предшествовавшее время отъ ея начала. Изданы были всѣ двѣнадцать Миней мѣсячныхъ: печатаніе ихъ продолжалось одинадцать лѣтъ; книги за сентябрь и октябрь вышли въ 1619 г., а книга за августъ въ 1630-мъ году. Служебникъ издавался шесть разъ (1620. 1623. 1627. 1630. 1632. 1633). Часословъ—пять разъ (1628. 1631 — дважды. 1632. 1633). По четыре раза изданы были: Апостолъ (1621. 1623. 1631. 1633), Требникъ (1623. 1625. 1633—дважды) и Минея общая (1623. 1626. 1629. 1632). По три раза: Евангеліе (1627. 1628. 1633), Псалтырь (1620. 1624. 1632), Псалтырь слѣдованная (1626. 1628. 1632), Уставъ церковный (1631. 1633—дважды), Тріодь постная (1621. 1628. 1630). По два раза: Тріодь цвѣтная (1621. 1630), Шестодневъ (1625. 1626), Евангеліе учительное (1629. 1633). По одному разу: Октоихъ (1631) и Каноникъ (1631). Всѣ эти книги печатались по благословенію

([21]) *Румянцев.* Древнія зданія москов. печатнаго двора, въ „Древностяхъ“, изд. Моск. Археолог. Общ., II, отд. I, 3—7. 13. 23. 28. 32; *Строев.* Опис. старопеч. книгъ Царск., № 99.

святѣйшаго патріарха Филарета. Въ послѣсловіяхъ многихъ изъ нихъ сказано, что онѣ и свидѣтельствованы были самимъ же Филаретомъ ([22]). Въ тѣхъ же послѣсловіяхъ нерѣдко упоминается, что книги были исправлены и напечатаны по древнимъ харатейнымъ славянскимъ спискамъ; но нигдѣ не замѣчено, чтобы хоть одна книга сличалась и съ греческимъ текстомъ и съ греческими списками. Значитъ, и при Филаретѣ Никитичѣ исправленіе книгъ совершалось такъ же, какъ прежде. Лучше и образованнѣе были теперь справщики; но и они, ограничиваясь только славянскими списками, хотя и древними, не могли избѣжать многихъ погрѣшностей, въ чемъ сознавались и сами въ послѣсловіяхъ къ книгамъ и просили себѣ снисхожденія у православныхъ. Давъ приказаніе исправлять книги по харатейнымъ спискамъ и печатать, царь и патріархъ имѣли въ виду „въ единогласіе привести вся потребы и чины церковнаго священноначалія“: эта цѣль дѣйствительно достигалась, но не вполнѣ; такъ какъ въ разныхъ изданіяхъ одной и тойже книги допускались нѣкоторыя разности. Напримѣръ, въ Служебникѣ 1633 г., по вынутіи Агнца изъ просфоры, положено кажденіе въ монастыряхъ, а по вынутіи частицъ изъ прочихъ просфоръ, положены молитвы, произносимыя священникомъ и діакономъ: въ прежнихъ филаретовскихъ Служебникахъ ничего этого нѣтъ. Въ Требникахъ 1625 и 1633 г. есть чинъ на чадотвореніе и братотвореніе, молитвы надъ виномъ и медомъ, молитвы надъ солію: въ Требникѣ 1623 г. этого чина и молитвъ нѣтъ. Впрочемъ, такія разности совсѣмъ уже ничтожны сравнительно съ

([22]) См. въ Обозр. Славяно-русск. библіогр. *Сахарова*, въ Очеркѣ Славяно-русск. библіогр. *Ундольскаго*, въ Описаніяхъ старопеч. книгъ *Строева*.

тѣми разностями, какія представляли между собою рукописныя богослужебныя книги, прежде употреблявшіяся въ церквахъ. А съ другой стороны весьма важно и то, что печатаніемъ книгъ предотвращалась возможность дальнѣйшаго умноженія этихъ разностей на будущее время.

Печатая въ такомъ огромномъ количествѣ богослужебныя книги, царь и патріархъ разсылали ихъ по городамъ для раздачи въ церкви, монастыри и торговымъ людямъ въ лавки и приказывали брать за книги „деньги по той цѣнѣ, во что тѣ книги стали въ печати, безъ прибыли, чтобъ тѣми книгами св. Божія церкви просвѣщались, и имя бы Божіе славилось, а за нихъ бы, государей, Бога молили“. Въ нѣкоторые же церкви и монастыри, напримѣръ, сибирскаго края, книги разсылались даже безплатно ([23]). Вмѣстѣ съ тѣмъ патріархъ Филаретъ отнюдь не запрещалъ употреблять и книгъ, которыя были напечатаны въ Москвѣ при прежнихъ патріархахъ и во дни междупатріаршества; только не считалъ этихъ книгъ свободными отъ недостатковъ и погрѣшностей, которые и старался исправлять или устранять въ своихъ изданіяхъ. Такъ, въ Служебникахъ 1602 и 1616 годовъ, въ чинѣ крещенія, было напечатано, что „если младенецъ боленъ, то въ купѣли должна быть вода теплая, и (священникъ) погрузитъ его въ водѣ по выю, и *возливаетъ* ему на главу воду отъ купѣли десною рукою трижды, глаголя: крещается рабъ Божій...“ Такого правила Филаретъ, по своему строгому взгляду на обливательное крещеніе, разумѣется, не могъ допустить и не допустилъ ни въ одномъ изъ напечатанныхъ при немъ Служебникахъ. Еще

([23]) Русск. Историч. библіот. II, №№ 124. 128.

гораздо строже поступилъ онъ съ церковнымъ Уставомъ, напечатаннымъ въ 1610 году и употреблявшимся уже болѣе двадцати лѣтъ, въ томъ числѣ болѣе десяти при немъ самомъ, патріархѣ Филаретѣ. Въ іюлѣ 1633 года онъ издалъ окружную грамату, которою приказывалъ отобрать экземпляры этого устава изъ всѣхъ церквей и монастырей Россіи и прислать въ Москву для сожженія, по той причинѣ, какъ объяснялось въ граматѣ, что „тѣ уставы печаталъ воръ, бражникъ, троицкаго-сергіева монастыря крылошанинъ, чернецъ Логинъ, безъ благословенія святѣйшаго Ермогена, патріарха московскаго и всея Русіи, и всего священнаго собора, и многія въ тѣхъ уставѣхъ статьи напечатаны не по апостольскому и не по отеческому преданію, своимъ самовольствомъ“. Уставъ дѣйствительно былъ отобранъ и сожженъ (24). Но нѣкоторые экземпляры его уцѣлѣли доселѣ. И что же оказывается? Въ предисловіи къ книгѣ прямо сказано, что она благословлена и свидѣтельствована патріархомъ Гермогеномъ. Остается предположить одно изъ двухъ: или Филаретъ Никитичъ не зналъ объ этомъ, или призналъ это ложью, считая невѣроятнымъ, чтобы Гермогенъ могъ пропустить и одобрить такую книгу (25).

Равнымъ образомъ Филаретъ долгое время не запрещалъ употребленія и тѣхъ церковныхъ книгъ, которыя печатались въ разныхъ литовскихъ типографіяхъ и были приносимы въ Россію: такія книги находились даже въ его собственной библіотекѣ (26).

---

(24) А. Э. III, № 228; Каталогъ книгъ библіотеки патріарха Филарета—въ Сборн. *Муханова*, № 204. стр. 376, изд. 2.

(25) *Строев.* Опис. старопеч. книгъ Царскаго, стр. 48—54.

(26) Каталогъ книгъ библіот. патр. Филарета, въ Сборн. *Муханова*, № 204, стр. 376—377. При патріархѣ Іовѣ также употреблялись у насъ книги, напе-

Но съ 1627 г., когда привезена была въ Москву изъ Литвы, въ значительномъ числѣ экземпляровъ, книга Кирилла Транквилліона Ставровецкаго „Учительное Евангеліе“, взглядъ Филарета на книги литовской печати измѣнился. Игуменъ никитскаго монастыря Аѳанасій, кіевлянинъ, которому поручено было сдѣлать выписки изъ книги Транквилліона, донесъ (1 октября) патріарху, что этой книги „всякому вѣрному христіанину и въ домѣ держати и чести недостоитъ“, такъ какъ она уже осуждена въ Кіевѣ соборомъ архипастырей за содержащіяся въ ней ереси, и читать ее запрещено православнымъ подъ страхомъ проклятія ([27]). Царь и патріархъ велѣли Аѳанасію указать самыя ереси, и онъ одни мѣста въ книгѣ, которыя считалъ еретическими, подчеркнулъ, а противъ другихъ сдѣлалъ помѣтки. Тогда царь и патріархъ велѣли еще разсмотрѣть книгу богоявленскому игумену Иліи и соборному ключарю Ивану Насѣдкѣ. Эти послѣдніе нашли въ ней, кромѣ указанныхъ Аѳанасіемъ, и многія другія погрѣшности и ереси и (3 ноября) изложили ихъ въ 61 статьѣ. Критики были слишкомъ придирчивы, и иное называли ересью по одному лишь недоразумѣнію и непониманію литовскаго языка ([28]). Получивъ такое свидѣтельство о книгѣ, царь и патріархъ издали (1 дек.) окружную грамату, въ которой,

---

чатанныя въ литовскихъ типографіяхъ, и въ числѣ книгъ его собственной библіотеки, которыя онъ пожертвовалъ въ 1606 г. въ старицкій монастырь, упоминается немало книгъ *литовской печати* (Описн. книга старицк. монаст., въ Историч. Библіот. Твер. епархіи, т. I, стр. 38—40).

([27]) Учительное Евангеліе Транквилліона дѣйствительно, какъ увидимъ, было осуждено кіевскимъ православнымъ соборомъ, и автору было предложено исправить книгу и подвергнуть ее цензурѣ; но онъ не согласился и сдѣлался уніатомъ.

([28]) „Списокъ со свитка укоризненна Кириллу Транквилліону“—Опис. рукоп. Моск. Синод. библ., отд. II, 3, № 294, стр. 437—439.

объявляя, что въ этой книгѣ „сыскались многія ереси и супротивства древнимъ учительнымъ евангеліямъ и инымъ св. отецъ божественнымъ книгамъ“, указывали: „на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ, литовскія печати (не только) учительныя евангелья архимандрита Кирилла Транквилліона Ставровецкаго, (но) и иныя книги его Кириллова слогу (хотя онѣ вовсе не были разсмотрѣны) собрати и на пожарѣхъ сжечь, чтобъ та ересь и смута въ мірѣ не была“. Этого мало: указывали еще объявить всѣмъ людямъ, чтобы „впредь никто никакихъ книгъ литовскія печати и письменныхъ литовскихъ не покупали“, а кто „учнетъ литовскія книги какія нибудь покупати“, тѣмъ быть отъ царя въ великомъ градскомъ наказаніи, а отъ патріарха въ проклятіи. Въ Москвѣ 4-го декабря дѣйствительно сожжены были, рукою пристава, всенародно 60 книгъ учительнаго евангелія Транквилліонова, „за слогъ еретическій и составы, обличившіеся въ книгѣ“. Подозрѣніе противъ всѣхъ вообще литовскихъ книгъ не прекращалось, и въ февралѣ слѣдующаго 1628 года царь и патріархъ приказали переписать во всемъ государствѣ, сколько въ каждой церкви книгъ московской печати и письменныхъ, сколько книгъ литовскихъ, печатныхъ и письменныхъ, давно ли послѣднія находятся въ той или другой церкви, и не останутся ли церкви безъ пѣнья, если отобрать литовскія книги. Приказали также объявить настоятелямъ монастырей и священникамъ, что царь и патріархъ уже опредѣлили разослать по всѣмъ церквамъ, въ замѣнъ литовскихъ книгъ, книги московской печати: апостолы, псалтыри, часовники и проч., и только до тѣхъ поръ, т. е. до полученія московскихъ книгъ, дозволяется держать при церквахъ литовскія книги, чтобы въ церквахъ безъ пѣнья не было. Наконецъ, приказали отобрать

литовскія печатныя и письменныя книги у всѣхъ частныхъ лицъ, которые держали ихъ въ своихъ домахъ, отписать объ этихъ книгахъ и ждать указа, какъ поступить съ ними ([29]).

Нѣсколько прежде, чѣмъ въ государствѣ московскомъ постигла такая участь сочиненія западно-русскаго писателя Кирилла Транквилліона и началось гоненіе вообще противъ литовскихъ книгъ, изъ Литвы принесена была въ Москву книга, какой тамъ еще никогда не бывало, не печатная, а рукописная, не богослужебная, а излагавшая ученіе вѣры, подъ названіемъ: „Катихизисъ“. Авторъ книги, Лаврентій Зизаній Тустановскій, братъ извѣстнаго Стефана Зизанія, столько ратовавшаго противъ уніи въ Вильнѣ, былъ сначала, вмѣстѣ съ нимъ, дидаскаломъ во львовскомъ братскомъ училищѣ, откуда въ 1592 году перешелъ въ Брестъ, въ тамошнее братское училище, а оттуда въ Вильну, гдѣ и издалъ въ 1596 году свои азбуку и славянскую грамматику. Потомъ былъ педагогомъ у князя Богдана Соломерецкаго (въ 1600 г.), и чрезъ нѣсколько времени у князя Александра Константиновича Острожскаго, воеводы волынскаго, въ галицкомъ городкѣ Ярославлѣ. Здѣсь сдѣлался священникомъ и проповѣдникомъ въ мѣстной православной церкви и получилъ санъ протоіерейства. А изъ Ярославля, по смерти этого послѣдняго князя, переселился въ городокъ Корецъ, къ княгинѣ Аннѣ Ходкевичевнѣ Корецкой, почему и началъ называться „протопопою Корецкимъ“.

([29]) Собр. Госуд. Грам. III, № 77; Дворц. Разряды, I, стр. 980—981; II, 821—822. Такъ какъ указъ царя и патріарха о сожженіи учительнаго Евангелія Транквилліонова состоялся, несомнѣнно, въ декабрѣ 1627 года, то невозможно допустить, чтобы критика на эту книгу была представлена имъ еще въ 1622 г., какъ помѣчено въ одной рукописи Царскаго (№ 398, л. 126—152).

Въ 1626 году, 24 апрѣля, Лаврентій Зизаній прибылъ въ Путивль съ двумя сынами своими Иваномъ и Александромъ, и объявилъ воеводамъ, что идетъ въ Москву бить челомъ о милостынѣ: потому что изъ Ярославля поляки его выгнали; церковь, при которой служилъ онъ, разорили, и имѣнія его отняли. Изъ Корца выѣхалъ на масляной недѣлѣ къ кіевскому митрополиту Іову Борецкому; прожилъ въ Кіевѣ семь недѣль, стараясь собрать свѣдѣнія, что̀ постановлено королемъ польскимъ на послѣднемъ сеймѣ, и желаетъ сообщить эти свѣдѣнія въ Москвѣ, кому государь укажетъ. Привезъ письма отъ митрополита Іова къ царю, патріарху и другимъ лицамъ, да два письма отъ епископа Исаіи изъ прилуцкаго монастыря къ царю и патріарху. Спустя мѣсяцъ, Лаврентій, по приказу государеву, отпущенъ былъ изъ Путивля въ Москву, и здѣсь принятъ былъ съ честію царемъ и патріархомъ. Царь велѣлъ дать Лаврентію квартиру и отпускать пищу, и дозволилъ ему, въ іюлѣ, сходить на богомолье въ троице-сергіеву лавру, гдѣ также онъ былъ принятъ съ честію (30). Но не для одной милостыни приходилъ въ Москву Лаврентій, почему и долженъ былъ оставаться въ ней очень долго. Онъ принесъ въ Москву, можетъ быть, съ вѣдома и благословенія кіевскаго митрополита Іова, свой катихизисъ, и, представляя рукопись Филарету, „билъ челомъ государю святѣйшему патріарху, чтобъ ее исправити“. Филаретъ приказалъ исправить ее богоявленскому игумену Иліѣ и книжному справщику Григорію Онисимову, которые и сдѣлали свои испра-

(30) А. З. Р. IV, № 33, стр. 43, и № 154; Москов. главн. архив. Мин. иностр. дѣлъ, дѣла греческ., Связк. 4, № 15; *Максимович*. Сочин. I, 191, Кіев. 1876.

вленія съ его одобренія. Когда рукопись была, такимъ образомъ, исправлена, при участіи самого патріарха, онъ приказалъ тѣмъ же довѣреннымъ лицамъ напечатать ее и отдать напечатанную книгу Лаврентію, а о тѣхъ статьяхъ, которыя исправлены, „поговорити съ нимъ любовнымъ обычаемъ и смиреніемъ нрава“. Такихъ собесѣдованій было три. Иногда онѣ касались только описокъ или неточныхъ выраженій въ сочиненіи Лаврентія, отъ которыхъ самъ же онъ вскорѣ отказывался, приписывая ихъ то своему „переводчику“, т. е. переписчику, то своему литовскому языку. Но иногда касались истинъ вѣры и другихъ предметовъ, и обнаруживали, что какъ Лаврентій, такъ и его московскіе собесѣдники нечужды были нѣкоторыхъ ложныхъ мнѣній.

Напримѣръ, во время *перваго собесѣдованія*, которое происходило 18 февраля 1627 г., по приказанію патріарха, на государевомъ казенномъ дворѣ, въ нижней палатѣ, предъ государевымъ бояриномъ Иваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ да предъ думнымъ дьякомъ Ѳедоромъ Лихачевымъ, игуменъ Илія и Онисимовъ замѣтили Лаврентію: у тебя не вѣрно сказано, что божество пострадало съ плотію; не пострадалъ Богъ съ плотію, но пострадалъ Богъ плотію, а божествомъ пребысть безстрастенъ. Лаврентій сначала отстаивалъ свою мысль, указывая на то, что во Христѣ божество и человѣчество соединены въ одну ѵпостась нераздѣльно, и слѣдовательно страдали вмѣстѣ, но потомъ уступилъ и похвалилъ сдѣланную поправку. У Лаврентія было написано: „души православныхъ христіанъ, которые умерли съ покаяніемъ, находятся въ первомъ адѣ, а подъ ними въ другомъ мѣстѣ—души некрещеныхъ. Противъ этого Лаврентію сказали отъ имени самого патріарха, что души покаявшихся христіанъ во адъ не бываютъ сведены, а отходятъ въ

мѣста свѣтлыя и пребываютъ въ руцѣ Божіей. Лаврентій сослался на молитвы церкви въ день пятидесятницы о содержимыхъ во адѣ, объ ослабленіи и утѣшеніи ихъ. Ему отвѣчали: „то утѣшеніе и ослабленіе бываетъ душамъ грѣшнымъ, не покаявшимся, а покаявшихся души всегда находятся въ веселіи и радости неизреченной. А что ты говоришь: за чѣмъ же объ нихъ молится церковь, то церковь молится о всѣхъ, не только умершихъ безъ покаянія и отошедшихъ во адъ, да получатъ они отраду на время, въ которое приносится о нихъ жертва Богу, но молится и о скончавшихся съ покаяніемъ и пребывающихъ во свѣтѣ, молится и о всѣхъ святыхъ (?), да не только о всѣхъ святыхъ, но и о самой пречистой Богородицѣ (?)“. Еще у Лаврентія было написано: „можно крестить человѣка и не въ освященной водѣ“. Игуменъ Илья сказалъ: „у насъ про такое дѣло въ правилахъ не обрѣтается и, по милости Божіей, вездѣ въ русской землѣ крестятъ въ освященной водѣ“. Лаврентій замѣтилъ: „да у васъ греческихъ правилъ нѣтъ“. Тогда собесѣдники его отвѣчали: „всѣхъ греческихъ старыхъ переводовъ (списковъ) правила у насъ есть, а новыхъ переводовъ греческаго языка и всякихъ книгъ не пріемлемъ, потому что греки нынѣ живутъ въ тѣснотахъ великихъ между невѣрными, и по своихъ воляхъ печатати имъ книгъ своихъ не умѣть, и для того вводятъ иныя вѣры въ переводы греческаго языка, что хотятъ. И намъ такихъ новыхъ переводовъ греческаго языка не надобно, хотя что̀ и есть въ нихъ отъ новаго обычея напечатано, и мы тотъ новый вводъ не пріемлемъ“. И Лаврентій сказалъ: „мы такъ же новыхъ переводовъ греческаго языка не пріемлемъ; они искажены“. Подъ конецъ перваго собесѣдованія игуменъ Илія всталъ, держа въ рукахъ книгу, и сказалъ: „да

ужъ ты, Лаврентіе, не кручинься; для того тѣ статьи тебѣ и объявлены, которыя были въ твоей книгѣ не прямо написаны, и тѣ всѣ статьи святѣйшій киръ Филареть самъ исправилъ и, исправя, намъ велѣлъ напечатати, и, напечатавъ, тебѣ отдати. И говоря ту рѣчь, книгу ему отдалъ. И Лаврентій книгу взялъ честно, и цѣловалъ любезно, и говорилъ: спаси Богъ государя святѣйшаго Филарета, патріарха московскаго и всея Русіи, что онъ, великій государь, наше прошеніе исполнилъ".

Второе собесѣдованіе происходило 19-го февраля, по приказанію патріарха, у протопопа Лаврентія на подворьѣ, и ни боярина Черкасскаго, ни дьяка Лихачева здѣсь уже не было. Въ этотъ разъ игуменъ Илія и Онисимовъ указали Лаврентію нѣсколько весьма неудачныхъ мыслей и выраженій въ его ученіи о Пресв. Троицѣ, каковы: „единымъ часомъ прежде всѣхъ бысть три Лица", или: „Отецъ Сына роди, какъ рожаетъ орелъ орла и соколъ сокола". Лаврентій сознавался, что ему „спростовалося", и просилъ прощенія. Потомъ его спросили: „о какихъ четырехъ судахъ Божіихъ ты возвѣщаешь въ своей книгѣ?" Лаврентій, между прочимъ, отвѣчалъ: „а когда душа отъ тѣла разлучится, не судъ ли ей отъ Бога изыдетъ, гдѣ ей быти повелитъ?" Московскіе богословы сказали: „да ты прямо говоришь, гдѣ ей быти повелитъ: это есть повелѣніе, а не судъ (?). Судъ бо единъ всѣмъ общъ будетъ, егда пріидетъ Сынъ человѣческій во славѣ своей"... Лаврентій, съ своей стороны, спросилъ: „а какъ вы думаете о младенцахъ, которые раждаются отъ вѣрныхъ родителей: вѣрны они или невѣрны?".... „Отъ вѣрныхъ родителей, отвѣчали Илія и Онисимовъ, и младенцы вѣрны, а отъ невѣрныхъ—невѣрны". Лаврентій возразилъ: „да какъ же вы называете вѣрнымъ младенца не крещенаго? Пока

не крестится, онъ не можетъ быть вѣрнымъ". На это былъ отвѣтъ: „не крещеный, хотя и вѣренъ, но еще не въ ликѣ святыхъ, а когда крестится, тогда причитается къ лику святыхъ" и проч.

Въ самомъ началѣ *третьяго собесѣдованія*, происходившаго 20 февраля у Лаврентія же на подворьѣ, онъ сказалъ пришедшимъ къ нему собесѣдникамъ: „я много себя понудилъ и прошелъ едва не всю книгу: она зѣло добра и мудра; но иное, мнѣ кажется, изъ моего въ ней пропущено". Игуменъ Илія и Онисимовъ отвѣчали: „мы пропустили, что велѣлъ намъ святѣйшій патріархъ, что было написано у тебя о кругахъ небесныхъ и о планетахъ, и о зодіакѣ, и о затмѣніи солнца, о громѣ и молніи, о Перунѣ, о кометахъ и о прочихъ звѣздахъ, потому что тѣ статьи изъ книги Астрологіи; а книга Астрологія взята отъ волхвовъ еллинскихъ и отъ идолослужителей и съ правовѣріемъ нашимъ не сходна". Лаврентій: „воленъ Богъ да государь святѣйшій Филаретъ; я ему, государю, о томъ и бить челомъ пріѣхалъ, чтобъ мое недоумѣніе исправилъ; а то и самъ вѣдаю, что въ моей книгѣ много и не дѣла написано". Илія и Онисимовъ: „да перемѣнили мы твое выраженіе въ молитвѣ Господней: да освятится имя твое. Имя Божіе не освящается, но освящаетъ". Лаврентій: „по греческому языку такъ говорится, что освятится имя твое. Кто у васъ умѣетъ по гречески?" Илія и Онисимовъ: „умѣемъ по гречески столько, что не дадимъ ни у какой рѣчи никакого слога ни убавить, ни приложить. Да есть у нашего государя царя переводчики греческаго языка, и грамотѣ умѣютъ, и псалмы въ церкви говорятъ, и они произносятъ: да святится, а не освятится. И вотъ уже осмое столѣтіе идетъ, какъ греческая грамата переложена на русскій языкъ, а никогда не слыхано, чтобы кто говорилъ:

да освятится“..... Лаврентій: „мнѣ казалось, что все равно: да освятится, или: да святится, и я въ томъ виноватъ“. Илія и Онисимовъ: „да мы же перемѣнили написанное у тебя: можно крестить, во обстояніи, и діакону, и клирику, и иноку, и мірянину, если гдѣ попа не будетъ“. Лаврентій: „я написалъ то не отъ себя; до меня то написано въ правилахъ Августина епископа, да Никифора патріарха царяграда“. Илія и Онисимовъ: „правила Никифора, цареградскаго патріарха, мы знаемъ, а того правила въ нихъ нѣтъ. Знаемъ и Августина; но его правилъ и прочихъ писаній въ греческихъ переводахъ нѣтъ, потому что его писанія искажены отъ латинскихъ мудрецовъ на ихъ еретическій обычай. И у насъ писаній Августина нѣтъ, а если бы гдѣ и нашлись, мы ихъ не принимаемъ, потому что ученія его латынскаго обычая. Есть у латынянъ и другой толковникъ, Іеронимъ; но и его писаній мы не принимаемъ по томуже.... Ты, Лаврентій, прилагаешь новый вводъ въ Никифоровы правила, и мы думаемъ, что тотъ вводъ у тебя отъ латинскаго обычая; у насъ въ греческихъ переводахъ Никифоровыхъ правилъ того нѣтъ“. Лаврентій: „греческихъ правилъ у васъ нѣтъ; откуда у васъ взялись греческія правила?“ Илія и Онисимовъ: „Кипріанъ, митрополитъ кіевскій, когда пришелъ изъ Царьграда на русскую митрополію, привезъ съ собою тогда правильные книги христіанскаго закона съ правилами на грѣческомъ языкѣ, и перевелъ на славянскій языкъ, и, Божіею милостію, донынѣ пребываютъ безъ всякихъ смутовъ и прикладовъ новыхъ вводовъ. Да и многія книги греческаго языка, старыхъ переводовъ, есть у насъ; а иныя которыя книги, печатныя, греческагожъ языка входятъ къ намъ, и, будетъ, сойдутся съ старыми переводами, мы ихъ принимаемъ

и любимъ; а будетъ что въ нихъ приложено новое, мы тѣхъ не принимаемъ, хотя онѣ тиснуты и на греческомъ языкѣ, потому что греки живутъ нынѣ въ великихъ тѣснотахъ, въ странахъ невѣрныхъ, и не могутъ печатать по своему обычаю". Лаврентій: „и мы новыхъ переводовъ греческаго языка книгъ не принимаемъ. Я думалъ, что въ Никифоровыхъ правилахъ то написано; но нынѣ слышу, что у васъ того нѣтъ, ино и я того не принимаю: простите меня, Бога ради". Въ заключеніе этого третьяго и послѣдняго собесѣдованія игуменъ Илія и Онисимовъ спросили Лаврентія: „скажи намъ, Лаврентій, что еще имѣешь ты договорить съ нами о сей книгѣ? Есть ли у тебя рѣчь къ намъ или нѣтъ?" Лаврентій отвѣчалъ: „я всегда радъ бесѣдовать съ вами и избирать лучшее. А книгу государскаго жалованья я проходилъ всю, и прилѣжно потрудился при васъ и безъ васъ, и много просвѣщенія обрѣлъ душѣ моей. И дивлюся великой премудрости православнаго государя, святѣйшаго киръ Филарета, патріарха московскаго и всея Руси: каковъ разумъ, каковъ смыслъ, какову великую, Богомъ дарованную, премудрость имѣетъ въ себѣ! Какъ онъ, государь, столь великую книгу, а въ невеликое время, учинилъ! Во истину Богъ дѣйствуетъ въ немъ". И, взявъ книгу, Лаврентій прикладалъ ее къ персямъ своимъ, обнималъ руками и любезно цѣловалъ ее всюду. Тѣмъ и окончились собесѣдованія ([31]).

Само собою разумѣется, что Филаретъ „учинилъ", т. е. исправилъ столь великую книгу не самъ непосредственно, а

([31]) Преніе о катихизисѣ Лаврентія было напечатано *Тихонравовымъ* въ Лѣтопис. русск. литер. и древн., 1859, кн. IV, отд. II, 80—100, и вновь издано, особою книжкою, Обществомъ Любит. древней письменности въ С.-Петерб. 1878 г., № XVII.

чрезъ подручныхъ ему людей, которые потому не разъ проговаривались, бесѣдуя съ Лаврентіемъ: „мы перемѣнили у тебя“, хотя прежде и сказали, что самъ патріархъ ее исправилъ. Что̀ книга — Катихизисъ Лаврентія Зизанія была напечатана въ 1627 году, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: она находилась, въ числѣ печатныхъ книгъ, въ библіотекѣ самого патріарха Филарета, и въ нѣсколькихъ экземплярахъ сохранилась донынѣ; въ самомъ „Преніи“ о ней довольно ясно говорится, что она была напечатана еще до начала преній, а изъ уцѣлѣвшей отъ того времени записной книги московскаго типографскаго архива (№ 6) видно, что печатаніе Лаврентіева катихизиса окончилось около 29-го генваря 1627 г., слѣдовательно дѣйствительно прежде пренія о немъ. Но замѣчательно, ни въ одномъ изъ сохранившихся экземпляровъ этого катихизиса нѣтъ выходнаго листа: не знакъ ли, что хотя катихизисъ былъ напечатанъ, но осторожный патріархъ не рѣшился и не дозволилъ выпустить его въ свѣтъ изъ типографіи для употребленія вѣрующими ([32])? Катихизисъ, и притомъ въ такомъ обширномъ видѣ, въ первый разъ появлялся въ русской церкви и былъ напечатанъ; но, кажется, въ Москвѣ не понимали тогда достаточно высокаго руководственнаго значенія этой книги. Патріархъ поручилъ ее исправить только двумъ книжникамъ, и затѣмъ, разсмотрѣвъ и одобривъ исправленія, велѣлъ книгу напечатать,

([32]) Сборн. *Муханова*, № 204, стр. 376. 380. Печатные экземпляры Большаго Катихизиса 1627 г. находятся: въ библіотекахъ Хлудова, Солдатенкова и два въ московскомъ публичномъ Музеѣ (Каталогъ печ. книгъ Хлудова, № 93; Рукоп. Ундольскаго, № 419; Обозр. сл.-русск. библіогр. *Сахарова*, № 235; Отчетъ Моск. публичн. и Румянц. Муз. за 1876—1878 г., стр. 68—69, М. 1879).

а не подвергъ ее предварительно самому тщательному и подробному разсмотрѣнію на соборѣ: не потому ли она и не была выпущена изъ типографіи въ свѣтъ? Катихизисъ, напечатанный Филаретомъ, какъ въ то время не могъ быть названъ выраженіемъ вѣрованія всей русской церкви и служить символическою книгою для всѣхъ ея чадъ, такъ и нынѣ не можетъ считаться свидѣтелемъ о тогдашнемъ вѣрованіи всей нашей церкви. Это—не болѣе, какъ сочиненіе одного литовскаго протопопа, исправленное двумя московскими грамотѣями и одобренное однимъ московскимъ патріархомъ: въ строгомъ смыслѣ, оно можетъ служить свидѣтельствомъ только объ ихъ вѣрованіи.

Если такъ строгъ былъ патріархъ Филаретъ къ литовскимъ книгамъ, опасаясь, чтобы онѣ не привнесли въ Россію латинскихъ и другихъ еретическихъ заблужденій, тѣмъ болѣе не могъ онъ щадить самихъ русскихъ, когда они дѣйствительно увлекались этими заблужденіями, какъ и случилось съ княземъ Иваномъ Хворостининымъ. Еще во дни перваго самозванца, принадлежа къ числу его приближенныхъ и находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ поляками и ихъ ксендзами, князь Иванъ поколебался въ православной вѣрѣ, хулилъ ее, не соблюдалъ постовъ и прочихъ ея уставовъ, за что и сосланъ былъ, при царѣ Василіѣ Ивановичѣ Шуйскомъ, въ іосифовъ монастырь подъ начало. Но этотъ урокъ не принесъ пользы. Съ воцареніемъ Михаила Ѳедоровича князь снова началъ сноситься съ поляками и ихъ попами, соединился съ ними въ вѣрѣ, принималъ отъ нихъ латинскія книги и латинскіе образа, которые и найдены въ его домѣ во время обыска, совершеннаго по приказанію государя. Государь, впрочемъ, пощадилъ князя и только далъ ему строгій наказъ, чтобы онъ не знался

съ еретиками, не перенималъ ихъ ереси, и латинскихъ книгъ и образовъ у себя не держалъ. Снисхожденіе не вразумило Хворостинина: онъ сдѣлался еще смѣлѣе. Не только на словахъ, но и въ письмахъ порицалъ православную вѣру и угодниковъ Божіихъ; запрещалъ своимъ людямъ ходить въ церковь, а которые ходили, тѣхъ билъ и мучилъ, и говорилъ, что молиться не для чего, что воскресенія мертвыхъ не будетъ; поносилъ, на словахъ и въ письмахъ, вообще московскихъ людей, отзываясь, что они „сѣютъ землю рожью, а живутъ все ложью“, что кланяются своимъ образамъ только по подписямъ, а если какой образъ не подписанъ, то и не кланяются ему, и что „на Москвѣ людей нѣтъ, все людъ глупый, жити не съ кѣмъ“, и проч. Сдѣланъ былъ новый обыскъ въ домѣ князя, и найдены многія латинскія книги и иконы. Да и самъ князь про свою совѣсть объявилъ, что у него тамъ сомнѣнія о вѣрѣ. Тогда патріархъ Филаретъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, опредѣлилъ послать князя Ивана Хворостинина „для исправленья“ въ кирилло-бѣлозерскій монастырь, и приказалъ дать князю въ монастырѣ особую келью, поручить его доброму старцу, не давать князю никакихъ книгъ, кромѣ церковныхъ, и строго наблюдать, чтобы онъ никуда не выходилъ изъ обители, и никто къ нему не приходилъ и не приносилъ книгъ и писемъ, и чтобы онъ ежедневно исправлялъ келейное правило и ежедневно посѣщалъ церковныя службы. Не прошло и года, какъ князь Хворостининъ принесъ покаяніе и исповѣдался въ своихъ грѣхахъ; монастырскія власти удостоили его даже св. причастія, и извѣстили о всемъ патріарха. Патріархъ остался недоволенъ и отвѣчалъ властямъ (6 ноября 1623), что онѣ поступили неосмотрительно и безъ его благословенія; послалъ къ нимъ „учи-

тельный свитокъ", содержавшій подробное исповѣданіе православной вѣры; велѣлъ составить въ монастырской трапезѣ большой соборъ, пригласить туда князя Ивана Хворостинина, прочитать на соборѣ въ слухъ всѣхъ учительный свитокъ, и допросить князя, вѣруетъ ли онъ въ Пресв. Троицу и во всѣ догматы, которые содержитъ соборная апостольская церковь. Когда князь скажетъ, что вѣруетъ, и никакой ереси не содержитъ, и въ воскресеніи мертвыхъ нисколько не сомнѣвается, тогда велѣть ему, чтобы онъ велегласно произнесъ на соборѣ весь символъ вѣры. По произнесеніи символа, допросить князя, вѣруетъ ли онъ также всему тому, что написано въ учительномъ свиткѣ, и когда скажетъ, что вѣруетъ всему тому, и кается со слезами въ своихъ согрѣшеніяхъ, и впредь обѣщаетъ исправиться, тогда велѣть ему подписать свитокъ, по статьямъ, своею рукою и сдѣлать на немъ приписку, что онъ-князь всему тому вѣруетъ и чаетъ воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Монастырскія власти исполнили приказаніе патріарха и отослали ему учительный свитокъ съ подписью и припискою князя. Въ декабрѣ тогоже года царь и патріархъ велѣли отпустить изъ кириллова монастыря князя Хворостинина, и къ нему самому послѣдовалъ указъ, въ которомъ подробно были перечислены его вины, а въ заключеніе было сказано, что царь и патріархъ, по своему милосердію, пожаловали его, велѣли взять къ Москвѣ и быть ему во дворянѣхъ по прежнему ([33]).

([33]) А. Э. III, №№ 147. 149; Собр. Госуд. Грам. III, № 90. Въ этой послѣдней грамотѣ годъ написанія ея показанъ невѣрно: дѣло о возвращеніи Хворостинина въ Москву было не въ 1632 г., а въ концѣ 1623 г. (А. Э. III, № 149).

Еще предъ пріѣздомъ Филарета Никитича изъ Польши въ Москву, здѣсь получены были извѣстія, что въ унженскомъ макарьевскомъ монастырѣ (нынѣ костромской епархіи) у гроба препод. Макарія унженскаго († 1504), многіе больные получаютъ чудесныя исцѣленія. Вскорѣ по вступленіи Филарета на патріаршій престолъ, для разслѣдованія этихъ чудесъ послана была коммисія. И въ началѣ сентября 1619 г., когда благочестивый царь, исполняя свой обѣтъ, данный по случаю возвращенія его отца изъ плѣна, совершалъ свое путешествіе по св. обителямъ, патріархъ уже извѣщалъ его, что достовѣрность чудесныхъ исцѣленій у гроба преп. Макарія подтвердилась. Посланные распрашивали самихъ исцѣлившихся и свидѣтелей ихъ исцѣленія, также ихъ родителей, родственниковъ и отцовъ духовныхъ, и, по общему свидѣтельству и сыску, оказалось до 50 человѣкъ, дѣйствительно исцѣлившихся, изъ которыхъ иные были больны лѣтъ по тридцати, иные по двадцати, иные по двѣнадцати, десяти, восьми и менѣе. Кромѣ того 23 человѣка сами сказывали о своихъ исцѣленіяхъ, хотя свидѣтелей представить не могли „для далека“, т. е. по ихъ отдаленности. „И по тому, государь, свидѣтельство,—продолжалъ патріархъ, — *по нашему общему духовному совѣту о Святѣмъ Дусѣ*, проповѣдати дѣла Божія преславно есть, и угоднику Его, препод. отцу Макарію, честь воздаяти такожъ, якожъ и прочимъ святымъ, преп. отцемъ“. Эти же самыя слова повторилъ Филаретъ и въ письмѣ отъ 10 сентября къ своему сыну, и благословлялъ его немедленно исполнить свое царское обѣщаніе къ препод. чудотворцу Макарію и воздать ему такую же честь, какъ и прочимъ препод. отцамъ. Судя по приведеннымъ словамъ патріарха, причтеніе преп. Макарія унженскаго

къ лику святыхъ совершилось тогда соборомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ, конечно, установленъ въ честь его и праздникъ 25 іюля ([34]). Спустя годъ, послана была такая же коммисія въ чухломскій городецкій монастырь (нынѣ костромской епархіи) для разслѣдованія чудесъ, совершавшихся при гробѣ основателя того монастыря, преп. Авраамія галицкаго († 1375). Членами коммисіи были архимандритъ Корнилій изъ крестовоздвиженскаго монастыря да игуменъ костромскаго богоявленскаго монастыря Макарій съ товарищами. Они производили разслѣдованіе по росписи, поданной имъ настоятелемъ и братіею обители; лично распрашивали получившихъ исцѣленія и свидѣтелей, при томъ бывшихъ, и другихъ людей, и письменный актъ своего свидѣтельствованія и обыска, за подписомъ и судейскихъ людей, отправили въ разрядную канцелярію къ царю и патріарху. На основаніи этого акта, засвидѣтельствовавшаго достовѣрность чудесныхъ исцѣленій у гроба преп. Авраамія чухломскаго и галицкаго, онъ (въ 1621 г.) причтенъ, безъ сомнѣнія, соборомъ къ лику святыхъ, и ему положено праздновать въ день его кончины, 20 іюля, и совершать службу по церковному чиноположенію ([35]).

Въ 1625 г., 25 февраля, прибылъ въ Москву, а 11 марта представлялся царю Михаилу Ѳеодоровичу и отцу его патріарху Филарету посолъ отъ персидскаго шаха Аббаса, грузинецъ Урусамбекъ и правилъ имъ обоимъ отъ шаха поклонъ. А послѣ по

([34]) Письма русскихъ государей, I, №№ 18. 19. 22; Никон. лѣт. VIII 246. Царь пошелъ изъ Москвы на Унжу къ Макарію чудотворцу 22 августа (Дворц. Разр. I, стр. 413).

([35]) Чухломскій авраамієвъ городецкій монастырь, стр. 25, Кострома 1859; *Пр. Островск.* Историч. записки о Костромѣ, стр. 81, Костр. 1864.

клона поднесъ патріарху золотой ковчегъ, украшенный драгоцѣнными камнями, и сказалъ: „государь мой Аббасъ шахъ прислалъ къ тебѣ, великому государю, золотой ковчегъ, а въ немъ великаго и славнаго Христа срачица“. О намѣреніи шаха прислать этотъ подарокъ извѣстно было въ Москвѣ еще прежде отъ русскихъ пословъ, находившихся въ Персіи, Коробьина и Кувшинова, которымъ тогда же поручено было собрать о ризѣ Господней подробныя свѣдѣнія; но послы, при всѣхъ стараніяхъ, могли узнать только, что шахъ досталъ ее изъ Грузіи, что въ Грузіи ее чествовали и отъ нея совершалось много чудесъ; а подлинно ли она риза Господня и какова она, объ этомъ никто ничего не могъ сказать. Патріархъ принялъ отъ шахова посла золотой ковчегъ, и въ тотъ же день осматривалъ его на своемъ святительскомъ дворѣ, съ Кипріаномъ митрополитомъ сарскимъ и подонскимъ, съ Нектаріемъ, архіепископомъ вологодскимъ, грекомъ, проживавшимъ въ Москвѣ, съ архимандритами, игуменами и протопопами. И, при осмотрѣ, оказалась въ ковчегѣ „часть нѣкая полотняная, кабы красновата, походила на мели, или, будетъ, отъ давнихъ лѣтъ лице измѣнила, а ткана во льну“. При этомъ патріарха смутило то, что въ ковчегѣ „подъ ризою писаны были страсти Спасовы латинскимъ письмомъ, а латиняне еретики“. Черезъ недѣлю (18-го марта) патріархъ сказалъ царю: „святыня, что называютъ Христовою срачицею, прислана отъ иновѣрнаго царя; истиннаго свидѣтельства о ней нѣтъ, а невѣрныхъ слово безъ испытанія во свидѣтельство не пріемлется. Надобно пѣть молебны, носить святыню ту къ болящимъ, возлагать на нихъ и молить Бога, чтобы Онъ самъ открылъ о ней истину“. Положено было во всей Москвѣ поститься цѣлую недѣлю, во всѣхъ церквахъ

и монастыряхъ совершать молебствія, носить ризу Господню къ больнымъ и возлагать на нихъ. И не прошло еще недѣли, какъ отъ этой святыни начали совершаться многія чудесныя исцѣленія. Царь и патріархъ поручили Кипріану, митрополиту крутицкому, съ двумя архимандритами и двумя игуменами, произвесть надлежащее разслѣдованіе, и получивъ удостовѣреніе, что чудеса дѣйствительно совершились, приговорили быть въ царскихъ палатахъ собору 26-го марта. На соборѣ торжественно объявлено было царскому синклиту и всему народу о чудесахъ отъ ризы Господней и опредѣлено было: поставить ковчегъ съ нею въ успенскомъ соборѣ и учредить въ честь ея празднованіе 27-го марта, а составленіе службы на этотъ праздникъ поручить митрополиту сарскому Кипріану ([36]). Когда служба была составлена и напечатана, царь и патріархъ разослали (въ генв. 1626) свои граматы по всему государству, съ подробною росписью чудесъ, совершившихся отъ ризы Господней и съ службою ей, и приказывали прочитать тѣ граматы по всѣмъ церквамъ всенародно и затѣмъ пѣть благодарственные молебны со звономъ, а впредь ежегодно совершать празднованіе ризѣ Господней 27-го марта по ново-составленной въ честь ея службѣ ([37]). Отпуская персидскихъ пословъ, — а они выѣхали изъ Москвы 26-го мая 1625 г., — патріархъ отправилъ съ ними къ шаху Аббасу посланіе, въ которомъ благодарилъ его за присланную въ даръ святыню—ризу Господню, убѣждалъ шаха принять правую христіанскую вѣру и предо-

([36]) Дворц. Разряды, I, 661—667; II, 761—822 (здѣсь самое подробное сказаніе о всемъ событіи); Никон. лѣт. VIII, 248—250; *Попов.* Изборн. изъ хронографовъ, 425—427.

([37]) Собр. Госуд. Грам. III, № 73; А. Э. III, № 168.

стерегалъ его отъ латинскаго ксендза, котораго, какъ слышно было въ Москвѣ, шахъ пригласилъ въ свою страну (38).

Установляя новые праздники для всей русской церкви, издавая для нея богослужебныя книги и, въ томъ числѣ, церковный уставъ, опредѣлявшій чинъ и порядокъ церковныхъ службъ на всѣ праздники, гдѣ бы они ни совершались, патріархъ Филаретъ въ третье лѣто своего святительства (1622) приказалъ составить въ частности „Сказаніе дѣйственныхъ чиновъ св. соборныя церкви успенія пресв. Богородицы, матере церквамъ царствующаго града Москвы и всея великія Русіи". Это особенный уставъ собственно для Москвы на тѣ церковные праздники и торжества, которыя совершались въ ней, большею частію, при участіи самого патріарха и царя. Къ числу такихъ праздниковъ, кромѣ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ, обще-христіанскихъ, относились храмовые праздники главныхъ московскихъ церквей и монастырей, праздники въ честь московскихъ святителей и другихъ угодниковъ, московскіе крестные ходы и под. Всѣхъ этого рода праздниковъ показано уставомъ: въ сентябрѣ восемь, въ октябрѣ пять, въ ноябрѣ семь, въ декабрѣ пять, въ генварѣ только одинъ, въ февралѣ, мартѣ и маѣ по пяти, въ іюнѣ четыре, въ іюлѣ семь и въ августѣ девять; только въ апрѣлѣ не показано ниодного. Замѣчанія устава о каждомъ изъ праздниковъ неодинаковы: иногда онъ кратко говоритъ, въ какой церкви бывали патріархъ и царь, въ день праздника, на вечернѣ, утрени и литургіи; совершалъ ли богослуженіе самъ патріархъ, или только присутствовалъ на немъ; или также кратко упоми-

(38) Дворц. Разр. I, 696; Опис. рукоп. М. Синод. библ., № 327, л. 116. Посланіе составлено было не самимъ патріархомъ, а княземъ Шаховскимъ.

наетъ, откуда и куда совершался крестный ходъ; но иногда довольно подробно опредѣляетъ, какъ происходило патріаршее священнослуженіе, какъ происходили крестные ходы, какъ встрѣчалъ патріархъ царя, что̀ говорилъ ему и проч. Нельзя сомнѣваться, что Филаретъ Никитичъ не самъ установилъ всѣ тѣ чины и порядки, какіе описаны въ настоящемъ уставѣ, что они существовали или постепенно вводились еще при прежнихъ патріархахъ, какъ видно и изъ самаго устава. Но патріархъ Филаретъ приказалъ изложить эти чины въ письмени, пересмотрѣлъ ихъ, отчасти измѣнилъ и положилъ въ успенскомъ соборѣ для постояннаго руководства (39).

Значеніе московскаго патріарха въ лицѣ Филарета Никитича достигло такой степени, какой оно не достигало никогда, ни прежде, ни послѣ. Онъ былъ не только патріархомъ, но и „великимъ государемъ“, не по одному имени, а въ дѣйствительности. Онъ соцарствовалъ своему сыну и, вмѣстѣ съ нимъ, правилъ московскимъ государствомъ. Подданные писали и подавали свои челобитныя не одному царю, но вмѣстѣ и великому государю, святѣйшему патріарху; бояре дѣлали свои доклады о государственныхъ дѣлахъ предъ царемъ и патріархомъ; многіе указы издавалъ царь, многія граматы жаловалъ не отъ своего только имени, но и отъ имени своего отца, великаго государя и патріарха. Иностранные послы представлялись царю и патріарху вмѣстѣ, въ царскихъ палатахъ, а если патріархъ почему либо тамъ не присутствовалъ, то представлялись ему особо въ патріаршихъ палатахъ, съ тѣми же самыми церемо-

(39) Опис. рукоп. М. Синод. библіот., № 396. А цѣликомъ уставъ этотъ напечатанъ въ Древн. Росс. Вивліоѳ. VI, 162—223.

ніями, какъ прежде представлялись царю. Изъ переписки, какую вели царь и патріархъ, когда одинъ изъ нихъ отлучался изъ Москвы на богомолье, видно, что они извѣщали тогда другъ друга о текущихъ государственныхъ дѣлахъ и спрашивали другъ у друга совѣта, что царь охотно принималъ совѣты своего отца и иногда отдавалъ на его волю поступить, какъ признаетъ нужнымъ, и патріархъ дѣйствительно распоряжался иногда по своему личному усмотрѣнію, безъ указаній отъ царя (40).

Простирая свою власть на все московское государство, какъ соправитель царя и великій государь, Филаретъ Никитичъ имѣлъ еще у себя особую, весьма обширную область въ томъ же государствѣ, которою и вѣдалъ почти безъ всякихъ ограниченій, какъ патріархъ, или точнѣе, какъ главный епархіальный архіерей. Мы уже знаемъ, что патріаршею епархіею сдѣлалась та самая, какою прежде правили московскіе митрополиты, и что еще при митрополитахъ она была очень велика и очень разбросана. Но доселѣ мы не въ состояніи были точно обозначить всѣ мѣста, которыя она обнимала, и составить хотя приблизительное понятіе о ея размѣрахъ. Теперь мы имѣемъ къ тому возможность. Въ 1625 г., мая 20-го, царь Михаилъ Ѳедоровичъ, по совѣту и по прошенію своего отца, пожаловалъ ему свою грамату на его патріаршую область, и въ граматѣ, прежде всего, перечислилъ самыя мѣста, входившія въ составъ этой области. Во дни патріарха Филарета она заключала въ себѣ болѣе сорока горо-

(40) А. И. III, № 92, п. III, IV. V. VII. IX. X. XXIII; №№ 102. 167; Собр. Госуд. Грам. III, №№ 52. 55; Письма Русск. Госуд. I, №№ 14. 17. 23. 25. 29. 267. 269. 294. 298.

довъ, съ ихъ пригородами и уѣздами и нѣсколько еще особыхъ десятинъ, а города тѣ находились въ шестнадцати нынѣшнихъ губерніяхъ или епархіяхъ, и именно: въ московской—Москва, Дмитровъ, Звенигородъ, Серпуховъ, Можайскъ, Руза, Волоколамскъ; владимірской—Владиміръ, Переславль Залѣсскій, Юрьевъ Польскій, Гороховецъ; костромской—Кострома, Плесъ, Юрьевецъ Повольскій, Кинешма, Лухъ, Галичъ; нижегородской — Нижній-Новгородъ, Балахна, Арзамасъ; калужской — Боровскъ, Мосальскъ; орловской — Брянскъ, Сѣвскъ, Карачевъ; курской—Курскъ, Бѣлгородъ, Рыльскъ, Путивль, Осколъ; воронежской — Валуйки; тамбовской — Темниковъ; симбирской — Алатырь, Курмышъ; тверской — Ржевъ; псковской—Торопецъ; новгородской — Бѣлозерскъ; казанской — Ядринъ; вятской—Вятка; архангельской — Пинега, Кевролъ, Мезень и проч. Во всей этой обширной церковной области патріарху Филарету, по означенной граматѣ его сына, были подчинены не только всѣ монастыри и церкви, соборныя, ружныя и приходскія, всѣ монашествующіе въ монастыряхъ, мужскихъ и женскихъ, съ ихъ слугами и службинами, все духовенство и причтъ церквей, соборныхъ, ружныхъ и приходскихъ, но и всѣ монастырскіе и церковные вотчинные крестьяне и всякіе монастырскіе и церковные люди. Патріархъ имѣлъ право и власть вѣдать и судить всѣхъ этихъ своихъ подчиненныхъ не только въ дѣлахъ духовныхъ, но и во всякихъ дѣлахъ „управныхъ“ (т. е. недуховныхъ, гражданскихъ), какія имѣли они между собою и въ какихъ били на нихъ челомъ люди сторонніхъ вѣдомствъ, кромѣ лишь дѣлъ „разбойныхъ и татиныхъ и кровавыхъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ право взимать со всѣхъ этихъ своихъ подчиненныхъ пошлины, по

уложенью, и налагать свои святительскія дани и оброки на все духовенство и на пустошныя церковныя земли, по своему усмотрѣнію. Чтобы понять значеніе жалованной граматы царя Михаила Ѳедоровича патріарху Филарету, надобно помнить, что тогда почти всѣ, болѣе значительные, монастыри въ Россіи и многія церкви, соборныя, ружныя, даже приходскія, имѣли несудимыя и тарханныя граматы; а по этимъ граматамъ — а) обитатели монастырей и духовенство церквей, равно какъ ихъ слуги и крестьяне, подлежали власти своихъ епархіальныхъ архіереевъ только по дѣламъ духовнымъ, а по всѣмъ другимъ дѣламъ и во всякихъ искахъ на нихъ отъ постороннихъ лицъ находились внѣ зависимости отъ своихъ архіереевъ и подлежали суду самого государя, или Приказу его большаго дворца; б) многіе изъ такихъ монастырей и церквей, съ своимъ духовенствомъ, освобождались отъ взноса разныхъ пошлинъ, какія обыкновенно собирались на епархіальныхъ владыкъ. Слѣдовательно своею жалованною граматою патріарху Михаилъ Ѳедоровичъ какбы разомъ уничтожилъ всѣ несудимыя и тарханныя граматы, какія были у монастырей и церквей патріаршей области, и отчасти поступился для своего отца своими собственными правами или правами своего Приказа большаго дворца, о чемъ и замѣтилъ въ самой граматѣ: „а по нашему указу вѣдали ихъ (монастыри и церкви патріаршей области) судомъ и управою, кромѣ духовныхъ дѣлъ, во всякихъ дѣлѣхъ въ Приказѣ большаго дворца“. Иски свои на сторонникъ людей всѣ монашествующія и духовныя лица патріаршей области и ихъ крестьяне должны были вчинать, по этой жалованной граматѣ, въ свѣтскихъ приказахъ, которымъ тѣ лица подлежали; но для трехъ московскихъ монастырей, троицко-сергіева,

вознесенскаго дѣвичьяго и ново-дѣвичьяго, сдѣлано было исключеніе. Всѣмъ монашествующимъ этихъ монастырей, ихъ слугамъ и крестьянамъ предоставлено было вчинать иски и на всякихъ сторонніхъ людехъ въ приказахъ патріарха Филарета, и такимъ образомъ судебно-гражданская власть его распространялась и за предѣлы его вѣдомства (41). Можно сказать, что царь Михаилъ Ѳедоровичъ пожаловалъ своему отцу такія права въ его епархіи, какихъ не жаловалъ никому изъ другихъ епархіальныхъ архіереевъ; что патріархъ Филаретъ въ своей церковной области былъ полнымъ владыкою и господиномъ и пользовался архипастырскою властію въ такой степени, далѣе которой власть эта никогда въ Россіи, ни прежде, ни послѣ, не простиралась.

Въ послѣдніе годы своей жизни патріархъ Филаретъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, государемъ, обратилъ вниманіе и на школу. Въ началѣ сентября 1632 года пріѣхалъ въ Москву протосинкеллъ александрійскаго патріарха, архимандритъ Іосифъ, человѣкъ ученый и знавшій славянскій языкъ. Онъ еще въ 1620 г., будучи іеромонахомъ, посланъ былъ александрійскимъ патріархомъ Кирилломъ Лукарисомъ въ Кіевъ и другіе города западно-русскаго края „для науки и утвержденія вѣры“, и провелъ въ этихъ занятіяхъ около двухъ лѣтъ. А въ мартѣ 1623 года приходилъ и въ Москву за милостынею, и, получивъ ее отъ государя, скоро удалился. Теперь Іосифу предложено было остаться въ Москвѣ на службѣ. И когда онъ

---

(41) А. Э. III, № 164; Собр. Госуд. Грам. III, № 71. Прежде, по указу государеву, „Троицкой Сергѣевъ монастырь и вотчины монастырскіе велѣно (было) вѣдати, всякими дѣлы, въ одномъ Приказѣ большаго Дворца“ (Дополн. А. И. II, № 37).

изъявилъ согласіе, то царь и патріархъ дали ему грамату отъ 19 сент. 1632 г., въ которой говорили: „быти ему въ нашемъ государствѣ и служити намъ духовными дѣлы, переводити ему греческіе книги на словенской языкъ и учити на учительномъ дворѣ малыхъ робятъ греческаго языка и грамотѣ, да ему же переводити книги съ греческаго языка на словенскій языкъ на латиньскіе ереси. А корму ему, Іосифу, давати по полтинѣ на день, да дьякону ево Григорію по гривнѣ на день. Да ему же, протосинкелу Іосифу дана келья каменная...; да ему же давати нашего жалованья на всякой годъ въ приказѣ по десяти аршинъ камки-куѳтерю да по сороку куницъ“. Въ апрѣлѣ слѣдующаго, 1633 года, Іосифъ состоялъ еще на своей службѣ: потому что, лишившись въ этомъ мѣсяцѣ дьякона своего Григорія, двукратно подавалъ просьбы, чтобы жалованье, отпускавшееся послѣднему, выдавалось впредь попу Ѳеодору, находившемуся при немъ, Іосифѣ. Въ томъ же году цареградскій патріархъ Кириллъ Лукарисъ, отвѣчая нашему государю и патріарху благодарственнымъ письмомъ за присланные ему въ предшествовавшемъ году съ архимандритомъ Амфилохіемъ подарки, въ числѣ которыхъ находились отъ Филарета двѣ книги московской печати, псалтырь слѣдованная да общая минея, посылалъ и отъ себя нашему патріарху, на греческомъ языкѣ, книгу Вариносъ, три книги Геннадія Схоларія противъ латинянъ и три книги александрійскаго патріарха Мелетія, и писалъ: „пусть увидитъ ихъ преподобный протосинкеллъ, господинъ Іосифъ. Онъ учинилъ разумно и свято, что остался у великаго государя и у твоего преблаженства: мы всегда почитали его здѣсь, какъ мужа учительнаго и честнаго. Не пожелаетъ ли онъ перевесть тѣ книги на русскій языкъ? Я нынѣ хотѣлъ

было прислать къ вамъ, великимъ государямъ, учителя Киріака отъ св. горы аѳонской; но онъ ѣхать не могъ, потому что старъ и безсиленъ. Сказывалъ мнѣ архимандритъ Амфилохій, чтобы прислать къ вамъ, великимъ государямъ, иного учителя, и я буду впередъ сыскивать". Значитъ, не довольствуясь однимъ учителемъ—Іосифомъ, царь и его отецъ желали имѣть и другаго изъ Греціи же. Но это письмо цареградскаго патріарха привезено въ Москву только 6 декабря 1633 г., и уже не застало въ живыхъ Филарета Никитича. А послѣ его кончины, спустя четыре съ небольшимъ мѣсяца, скончался и протосинкеллъ Іосифъ: въ 24 день февраля 1634 г. царь государь указалъ дать „своего государева жалованья въ Симоновъ монастырь по гречинѣ по протосингелѣ Іосифѣ вѣчной поминокъ, для его многіе службы и иноземства, сто рублей". И греческая школа, заведенная Іосифомъ въ Москвѣ, вѣроятно, тогда же закрылась (42).

---

(42) Моск. главн. Архив. Министер. иностр. дѣлъ, дѣла греческія, год. 7130—7131, № 2 (по каталогу этихъ дѣлъ стр. 22); Связка 11, №№ 2 и 5; Связк. 12, № 1. О поминкѣ по Іосифѣ—тамъ же Связк. 12, № 10. Не упоминаемъ о греко-латинской школѣ, съ ея начальникомъ Арсеніемъ грекомъ, заведенной будтобы при патр. Филаретѣ, которую видѣлъ въ Москвѣ, будтобы въ 1633 г., Олеарій и о которой говоритъ онъ будтобы на 280 страницѣ своей книги, вышедшей въ Шлезвигѣ 1647 года (*Филар.* Истор. Русск. церкви, IV, § 21, стр. 154). Олеарій былъ въ Москвѣ не только въ 1634 г., но и въ 1636, 1639 и 1643 годахъ и послѣ, и въ первомъ изданіи своей книги, т. е. Шлезвигскомъ 1647 года, на стр. 280, о греко-латинской школѣ въ Москвѣ вовсе не упоминаетъ. Онъ говоритъ объ этой школѣ уже въ изданіи своей книги 1656 года, весьма много дополненномъ, и разумѣетъ, конечно, школу, заведенную въ Москвѣ патр. Никономъ, о которомъ также упоминаетъ въ этомъ изданіи, и находившуюся подъ управленіемъ извѣстнаго Арсенія грека (см. *Олеарія* „Подр. Описаніе путешествія въ Московію", Чтен. М. Истор. Общ. 1868, IV, отд. IV, стр. 308. 310, а также Предисловіе къ этому переводу).

Необыкновенна была судьба патріарха Филарета Никитича. Родной племянникъ царя Ивана Васильевича IV и двоюродный братъ царя Ѳедора Ивановича, онъ насильно сосланъ былъ въ монастырь Борисомъ Годуновымъ и постриженъ, хотя потомъ и получилъ санъ ростовскаго митрополита. Много потерпѣлъ онъ отъ разбойническихъ шаекъ втораго самозванца, отстаивая свою соборную церковь въ Ростовѣ и своихъ духовныхъ чадъ, хотя вслѣдъ затѣмъ и удостоился высокихъ почестей отъ самого самозванца. Еще болѣе потерпѣлъ, когда отправленъ былъ посломъ къ польскому королю и нѣсколько лѣтъ томился въ польской неволѣ, отстаивая съ непоколебимою твердостію интересы своего отечества. Сдѣлавшись патріархомъ и великимъ государемъ, онъ былъ твердою опорою для своего юнаго сына, опытнымъ совѣтникомъ и мудрымъ руководителемъ во всемъ, обуздалъ своеволіе бояръ, проявившееся въ первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича, укротилъ „сильниковъ“ земли, укрѣпилъ и возвысилъ царскую власть. По современному свидѣтельству, Филаретъ не отличался богословскимъ образованіемъ, такъ какъ и не готовился съ молодыхъ лѣтъ на служеніе церкви. Потому неудивительно, если онъ, наравнѣ со всѣми своими современниками-соотечественниками, смотрѣлъ на латинство, какъ на злѣйшую изъ ересей, какъ на совокупность ересей; но онъ дѣйствовалъ по глубокому убѣжденію и по пламенной ревности о православіи. Этимъ и объясняются его не безошибочныя постановленія о перекрещиваніи латинянъ и бѣлорусцевъ, крещенныхъ черезъ обливаніе, преданіе огню сочиненій Кирилла Транквилліона, преслѣдованіе вообще литовскихъ книгъ, письменныхъ и печатныхъ. Тоюже самою ревностію и заботливостію охранить русскую церковь отъ всякихъ

прираженій латинства и другихъ ересей и заблужденій объясняются та осмотрительность, осторожность, строгость иногда до мелочей, какія обнаруживалъ Филаретъ при изданіи богослужебныхъ книгъ, опасаясь измѣнить или исключить даже одно какое либо слово, при исправленіи катихизиса Лаврентія Зизанія, при установленіи праздниковъ въ честь новоявленныхъ Святыхъ и въ честь ризы Господней. Свою правдивость на судѣ онъ явилъ предъ всѣми, когда оправдалъ невинныхъ страдальцевъ архимандрита Діонисія и старца Арсенія и возстановилъ въ правахъ вологодскаго архіепископа Нектарія. Представляя въ лицѣ своемъ необыкновенное сочетаніе двухъ высшихъ служеній на землѣ, царскаго и патріаршескаго, Филаретъ Никитичъ достойно исполнилъ свое призваніе. Онъ скончался 1-го октября 1633 года, имѣя около 80-ти лѣтъ отъ роду, и самъ указалъ и благословилъ себѣ преемника на патріаршей каѳедрѣ ([43]).

II.

Объ избраніи и поставленіи преемника патріарху Филарету Никитичу сохранилось слѣдующее краткое, но знамена-

([43]) Дворц. Разряды, II, 348. Отзывъ александрійскаго патріарха Герасима о патр. Филаретѣ Никитичѣ—Собр. госуд. грам. III, № 105, стр. 355. Благопріятные о патр. Филаретѣ отзывы—Авраамія Палицына (Сказ. объ осадѣ Троице-Серг. мон., 43—44) и Никоновой Лѣтописи (VIII, 245). Менѣе благопріятный—астраханскаго архіепископа (1641—1655) Пахомія: „Сей Филаретъ патріархъ московскій и всея Русіи,—говоритъ Пахомій,—возрасту и сану былъ средняго, божественныя писанія *отчасти* разумѣлъ, нравомъ опалчивъ и мнителенъ, а владителенъ таковъ былъ, яко и самому царю боятися его; боляръ же и всякаго чина царскаго синклита зѣло точаше заточеньями необратными и инѣми наказаньми; до духовнаго же чину милостивъ былъ и не сребролюбивъ; всякими же царскими дѣлами и ратными владѣлъ, а въ граматахъ и въ челобитныхъ писали имя его съ вичемъ“ (*Попов.* Изборн. изъ хроногр., стр. 316).

тельное, свидѣтельство современника: „въ лѣто 7142 (1634) поставленъ бысть на великій престолъ московскаго государства въ патріархи—Пскова и великихъ Лукъ Іосафъ архіепископъ, по изволенію царя Михаила Ѳедоровича всея Русіи и по благословенію Филарета патріарха: понеже былъ дворовой сынъ боярской, во нравахъ же и житіи добродѣтеленъ былъ, а ко царю не дерзновенъ“ (44). Патріархъ Филаретъ, безъ сомнѣнія, понималъ, что то необыкновенно-высокое значеніе, какимъ онъ пользовался въ церкви и въ государствѣ, не вполнѣ приличествовало бы другому патріарху; что если царь Михаилъ Ѳедоровичъ съ покорностію подчинялся совѣтамъ своего отца и богомольца, и благодушно переносилъ силу его власти, то навѣрно не согласится тогоже переносить отъ его преемника, и что, слѣдовательно, если этотъ преемникъ будетъ смѣлый и „ко царю дерзновенный“, и захочетъ подражать своему предмѣстнику, то между царемъ и новымъ патріархомъ неизбѣжны будутъ столкновенія ко вреду церкви и государства. Потому-то, можетъ быть, и рѣшился, предъ своею кончиною, самъ указать и благословить преемника себѣ въ лицѣ смиреннаго и благочестиваго архіепископа псковскаго Іоасафа.

Іоасафъ, родомъ изъ боярскихъ дѣтей, принялъ монашеское постриженіе въ соловецкомъ монастырѣ; потомъ служилъ при новгородскомъ митрополитѣ Исидорѣ († 1619), бывшемъ прежде соловецкимъ игуменомъ; въ 1621 г. сдѣланъ архимандритомъ псково-печерскаго монастыря, а 1-го генваря 1627 г. посвященъ въ санъ псковскаго архіепископа. Здѣсь пришлось ему

---

(44) Архіеп. Пахомій—въ Изборн. изъ хроногр., *Попова*, стр. 318.

однажды подвергнуться царскому гнѣву. Въ 1632 году пріѣхали въ Псковъ изъ Москвы нѣмцы съ граматою, которою дозволялось имъ ставить въ Псковѣ нѣмецкій дворъ, свободно входить въ городъ и торговать въ немъ. Псковичи не согласились, и послали къ государю челобитную, чтобы нѣмцамъ въ Псковѣ не быть; подъ челобитною подписался и архіепископъ Іоасафъ. Это признали въ Москвѣ за сопротивленіе верховной власти, и у архіепископа патріархъ „отнялъ благословеніе и службу“. Скоро, однакожъ, псковичи собрали три тысячи рублей и отправили къ государю, — и нѣмцамъ велѣно было копать рвы для гостинаго двора около Пскова, а не въ самомъ городѣ. Вслѣдъ затѣмъ и архіепископъ получилъ разрѣшеніе отъ патріарха. Само собою разумѣется, что хотя Іоасафъ избранъ былъ на патріаршескую каѳедру еще прежде, но установленная форма патріаршаго избранія соблюдена была и надъ нимъ. Въ 31-й день генваря 1634 г. новгородскій митрополитъ Кипріанъ и съ нимъ другіе архіереи, по приказанію государя, избрали въ успенскомъ соборѣ трехъ кандидатовъ на патріаршество: Варлаама митрополита ростовскаго, Варлаама архіепископа вологодскаго и Іоасафа архіепископа псковскаго, и прямо изъ собора принесли актъ избранія въ палаты государя. Государь велѣлъ посольскому думному дьяку прочитать этотъ актъ, и указалъ быть патріархомъ Іоасафу архіепископу псковскому. Немедленно Іоасафъ былъ введенъ тѣмъ же думнымъ дьякомъ и поставленъ предъ государемъ. Государь сказалъ новоизбранному патріарху рѣчь и выслушалъ отъ него рѣчь, а затѣмъ повторилось тоже, что было при избраніи патріарха Іова. На другой день, 1-го февраля, совершилось нареченіе Іоасафа на патріаршество подобно тому, какъ прежде происходило на-

реченіе или „благовѣстіе“ патріарха Филарета Никитича. Наконецъ, 6-го февраля Іоасафъ былъ поставленъ въ патріарха по тому самому чину, какъ ставились прежніе наши патріархи, съ весьма незначительными отличіями. Въ тотъ же день, по обычаю, у царя была трапеза для новаго патріарха и всего знатнаго духовенства и бояръ, и патріархъ удостоился сидѣть за однимъ столомъ съ государемъ, а въ опредѣленное время вставалъ изъ-за стола и совершалъ вокругъ города шествіе на осляти,—при чемъ осла водили бояринъ князь Юрій Сушелевъ, окольничій Михаилъ Салтыковъ и патріарховъ бояринъ Семенъ Колтовскій ([45]). Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, извѣщая всѣхъ четырехъ восточныхъ патріарховъ о кончинѣ своего отца, извѣщалъ также, что „священнымъ соборомъ, подъ предсѣдательствомъ преосвященнѣйшаго митрополита новгородскаго киръ Кипріана, избранъ и законно поставленъ великія россійскія церкви патріархомъ псковскій архіепископъ, святѣйшій киръ Іоасафъ, мужъ благоразумный, правдивый, благоговѣйный и наученный всякой добродѣтели“. Патріархи отвѣчали, что утверждаютъ своимъ согласіемъ это законное рукоположеніе святѣйшаго патріарха киръ Іоасафа и обѣщались прислать ему свои братскія привѣтственныя граматы ([46]).

Едва прошелъ мѣсяцъ со времени посвященія патріарха

([45]) *Архим. Досиѳея*—Лѣтописецъ соловецкій, стр. 62, Москв. 1833; Собр. Русск. Лѣтоп. IV, 334; Дворц. Разряды, II, 362—363; *Попов.* Изборн. изъ хроногр. стр. 428. Чинъ избранія, нареченія и поставленія псковскаго архіепископа Іоасафа на патріаршество сохранился въ Государственномъ Древлехранилищѣ, находящемся въ палат. Теремнаго Дворца (Памятники письменные, Прилож., рубрика I, №№ 11 и 12).

([46]) Собр. госуд. Грам. III, № 105; *Муравь.* Сношен. Россіи съ Восток. II, 168—169.

Іоасафа, какъ ему пришлось употребить одну изъ самыхъ строгихъ мѣръ противъ одного изъ участвовавшихъ въ этомъ посвященіи іерарховъ, суздальскаго архіепископа Іосифа Курчевича. Этотъ Іосифъ, извѣстный также подъ именемъ Іезекіиля Курцевича, былъ прежде игуменомъ или архимандритомъ трехтемировскаго монастыря, находившагося подъ патронатствомъ казаковъ. Въ генварѣ 1621 года поставленъ іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ, посѣтившимъ трехтемировскій монастырь, во епископа владимірскаго и брестскаго. Въ началѣ 1623 г., по волѣ князя Жеславскаго, получилъ въ управленіе дерманьскій монастырь, съ званіемъ его архимандрита, и здѣсь старался будтобы склонять монаховъ къ уніи, а непреклонныхъ преслѣдовалъ и грабилъ, если вѣрить одному изъ послѣднихъ ([47]). Въ Москву прибылъ въ октябрѣ 1625 года; въ слѣдующемъ году присутствовалъ здѣсь на соборѣ святителей и, вмѣстѣ съ ними, подписалъ новую настольную грамату патріарху Филарету въ замѣнъ сгорѣвшей, а въ августѣ тогоже года получилъ архіепископію суздальскую ([48]). Недобрую славу пріобрѣлъ онъ въ своей новой епархіи. Въ 1630 году нѣсколько посадскихъ жителей Суздаля жаловались царю Михаилу Ѳедоровичу, что архіепископъ суздальскій Іосифъ, воспользовавшись ихъ отсутствіемъ изъ дома, прислалъ на посадъ въ полночь своихъ боярскихъ дѣтей, со многими дво-

---

([47]) Памятн. кіевск. Коммис. II, стр. 46; Лѣтоп. густын. монастыря, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1848, VIII, отд. II, стр. 15; Русск. Истор. библіот. II, № 166, стр. 635—636.

([48]) Москов. главн. арх. Минист. иностр. дѣлъ, дѣла греческія, Связк. 4, №№ 1 и 3; Собр. Госуд. Грам. III, № 74, стр. 296; *Строев.* Списки іерарховъ, стр. 656.

ровыми людьми, и разграбилъ ихъ кожевни, не смотря на крики и вопли женъ и дѣтей и убѣжденія сбѣжавшагося народа, и что вообще „отъ насильства и грабежу архіепископлева“ на посадѣ жить невозможно. Жители Шуи также жаловались на Іосифа, называя его „иноземцемъ“, что онъ прислалъ къ нимъ, „по мздѣ и накупу“, попа Алексѣя и сына его Ѳедора, которые, „стакавшись съ архіепископскими намѣстниками, съ иноземцами же, кіевлянами“, учинили имъ тяжкіе налоги и притѣсненія ([49]). Наконецъ, этого архіепископа суздальскаго постигла тяжкая кара. До насъ дошла царская грамата отъ 21 марта 1634 г. о ссылкѣ Іосифа Курцевича въ сійскій монастырь (холмогорскаго уѣзда) подъ крѣпкое начало „за его безчинство, что онъ живетъ не по святительскому чину, дѣлаетъ многіе непристойные дѣла“. Іосифъ еще не былъ лишенъ архіерейства, и въ монастырѣ велѣно было ему „быти во властелинскомъ чину съ понагѣею“; но запрещено было пускать его въ церковь до полученія указа. Съ архіепископомъ отпущены были изъ Суздаля только одинъ іеромонахъ да два мірянина, поваръ и прислужникъ, которые и должны были жить при немъ въ его кельи, и еще посланы были двадцать стрѣльцовъ съ головою Иларіономъ Лопухинымъ для постояннаго наблюденія, чтобы архіепископъ не ушелъ изъ монастыря и ничего худаго надъ собою не учинилъ. Въ монастырѣ приказано было: приставить къ Іосифу іеромонаха строгой жизни, который бы держалъ его подъ крѣпкимъ

([49]) Чтен. Моск. Истор. Общ. 1863, I, отд. V, стр. 2—3; *Соловьев.* Ист. Россіи, IX, 444. Снес. Лѣтоп. занятій Археогр. Комм. II, отд. III—IV, стр. 54.

началомъ; не давать въ келью архіепископа ни бумаги ни чернилъ; неусыпно сторожить, чтобы онъ не ушелъ изъ обители и къ нему не приходили никакіе сторонніе люди; ежедневно совершать въ кельѣ его правило по монастырскому обычаю, и если архіепископа постигнетъ болѣзнь, то послать къ нему духовнаго отца и предъ смертію причастить его св. таинъ; да и самъ игуменъ, по временамъ, приходилъ бы въ келью архіепископа и „на истину архіепископа приводилъ, чтобъ его въ чувство привести“ ([50]). Недолго пришлось ждать новаго указа: въ началѣ мая Іосифъ привезенъ былъ въ сійскій монастырь, а 14 сентября послана туда грамата патріарха Іоасафа, которою окончательно рѣшилась участь несчастнаго архіепископа. Дѣло его разсматривалось на соборѣ. Здѣсь сами келейники Іосифа и многіе другіе „иноземцы“, прибывшіе съ нимъ изъ Кіева и служившіе при немъ, показали, что онъ постоянно ѣлъ мясное, вмѣстѣ съ блудницею, которую имѣлъ у себя, и не дозволялъ имъ вновь креститься въ православную вѣру, хотя они были только обливанцы, а между тѣмъ позволялъ имъ жениться на православныхъ христіанкахъ, ходить въ православные храмы, приступать къ св. христовымъ тайнамъ, и разсказали про многія другія его злыя дѣла, которыя онъ не только самъ творилъ, но „разбойническимъ обычаемъ“ научалъ творить и своихъ скверныхъ слугъ и о которыхъ не подобаетъ и говорить во избѣжаніе соблазна. Выслушавъ всѣ эти показанія и взявъ во вниманіе, что Іосифъ и самъ доселѣ некрещенъ (т. е. чрезъ троекратное погруженіе), какъ и прочіе еретики вѣры папежской или люторской, отцы собора постановили снять съ него свя-

([50]) А. Э. III, № 249.

тительскій санъ и панагію, и признали, что Іосифъ недостоинъ не только носить святительскій санъ, но и быть въ общеніи съ вѣрными, а долженъ быть „въ чину плачущихся и рыдающихъ: не менши бо и онъ здѣсь (въ Россіи) восхотѣлъ содѣяти Исидора треклятаго митрополита и Игнатія патріарха, ихъ же церкви соборная проклинаетъ“. Изложивъ все это въ своей граматѣ въ сійскій монастырь, патріархъ Іоасафъ приказывалъ, чтобы монастырскія власти собрали всѣхъ своихъ священниковъ и иноковъ, поставили предъ собою бывшаго архіепископа Іосифа и прочли предъ всѣми присланную грамату, а потомъ сняли съ Іосифа святительскій санъ и панагію и облекли его въ чернеческое платье, и чтобы находившійся при Іосифѣ стрѣлецкій голова Иларіонъ Лопухинъ отвезъ его, по государевой граматѣ, въ соловецкій монастырь. Изъ соловецкаго монастыря въ 1640 г. Іосифъ, можетъ быть, по просьбѣ его, перемѣщенъ въ казанскій зилантовъ монастырь, гдѣ 15 іюля 1642 г. и скончался, и погребенъ въ главной монастырской церкви ([51]).

Спустя два года послѣ ссылки архіепископа Іосифа въ сійскій монастырь, туда же сосланъ былъ и архимандритъ новгородскаго хутынскаго монастыря Ѳеодоритъ. Въ царской граматѣ (отъ 26 генв. 1636), которая одна только и сохранила объ этомъ извѣстіе, вовсе не сказано, въ чемъ провинился Ѳеодо-

---

([51]) Русск. Истор. Библіот. II, № 160; *Бычков.* Опис. Сборн. публичн. библіот. I, стр. 145; Истор. Росс. іерарх. I, 340—341, изд. 2. По другимъ извѣстіямъ, этотъ Іосифъ еще живъ былъ и находился въ Казани въ 1658 году, когда встрѣчалъ, 3-го генваря за городомъ, съ освященнымъ соборомъ и множествомъ народа, вновь прибывшаго изъ Москвы казанскаго митрополита Лаврентія,—изъ чего можно заключать, что Іосифу возвращенъ былъ даже святительскій санъ (*Любарск.* Сборн. древностей Казан. епархіи, стр. 77, Казань, 1868).

рить и за что онъ осужденъ, а велѣно только сійскому игумену принять Ѳеодорита въ монастырь и держать его въ хлѣбнѣ, на цѣпи и въ железахъ, съ большимъ береженьемъ, въ хлѣбню же носить ему и пищу, какъ и прочей братіи; а если онъ начнетъ скорбѣть и просить отца духовнаго, то посылать къ нему духовнаго отца и давать ему причастіе св. христовыхъ таинъ невозбранно ([52]).

Патріарху Іоасафу сдѣлалось извѣстнымъ отъ многихъ, что въ Москвѣ и загородныхъ мѣстахъ, по церквамъ соборнымъ и приходскимъ, чинятся мятежи, соблазнъ и нарушеніе вѣры. Пѣніе церковное говорятъ наскоро, голосовъ въ пять, шесть и болѣе, со всякою небрежностію. А міряне стоятъ въ церкви съ безстрашіемъ, во время св. пѣнія творятъ неподобныя бесѣды со смѣхомъ, поученія св. отцевъ презираютъ, наставленій отъ священниковъ не пріемлютъ и самихъ священниковъ поносятъ и укоряютъ. Иные же священники и сами бесѣдуютъ и безчинствуютъ въ церкви, и, угождая мірянамъ, не поучаютъ ихъ благочинію и благоговѣнію. Обѣдни служатъ безъ часовъ, начиная только отпустомъ; во дни великаго поста совершаютъ церковныя службы весьма скоро, не по правиламъ, а по своему умышленію; на св. недѣлѣ тотчасъ послѣ обѣдни отпѣваютъ и вечерню, для своихъ пьянственныхъ нравовъ; воскресные и праздничные дни заутрени поютъ очень поздно и съ большою поспѣшностію, а положенныхъ поученій и житій святыхъ, въ назиданіе православнымъ, не читаютъ. Пономари по церквамъ молодые, безъ женъ. Дѣти поповскіе и мірскихъ людей, во время церковной службы, безчинствуютъ въ алтарѣ. Нищіе, во вре-

([52]) А. Э. III, № 190.

мя св. пѣнія, ходятъ по церквамъ съ безстрашіемъ, человѣкъ по десятку и больше, и производятъ смуту и мятежъ, иногда бранятся, иногда и дерутся. Иные полагаютъ на блюдахъ пелены и свѣчи и говорятъ, что собираютъ на созиданіе церквей; иные притворяются малоумными, а послѣ оказываются цѣлоумными; иные ходятъ въ образѣ пустынническомъ, въ черныхъ одеждахъ и въ веригахъ, распустивъ волосы; а иные во время св. пѣнія ползаютъ въ церквахъ, творятъ искъ и производятъ большой соблазнъ въ простыхъ людяхъ... и проч. Слыша о такомъ крайнемъ безчиніи въ св. Божіихъ церквахъ, о такомъ нерадѣніи духовенства, патріархъ Іоасафъ далъ, 14 авг. 1636 года, на имя своего тіуна Ивана Манойлова и одного изъ главныхъ поповскихъ старостъ въ Москвѣ, никольскаго попа Панкратія, свою „Память“, и приказалъ, чтобы они собрали всѣхъ поповскихъ старостъ, прочитали имъ эту Память и велѣли списать ее и, въ спискахъ, разослать по всѣмъ московскимъ и загороднымъ церквамъ. Въ Памяти патріархъ наказывалъ: а) чтобы священники и діаконы жили со всякимъ благочиніемъ и попеченіемъ о своихъ церквахъ, и церковное пѣніе исправляли по преданію св. апостоловъ и св. отцевъ; пѣніе въ церкви велѣли говорить голоса въ два, а по нуждѣ въ три, шестопсалміе же только въ одинъ голосъ, и въ тѣ поры ни псалтыри, ни каноновъ говорить не дозволяли; б) чтобы православные христіане стояли въ церкви со страхомъ и благоговѣніемъ, слушали церковное пѣніе и поученія, и неподобныхъ бесѣдъ между собою не творили; в) чтобы заутрени въ воскресные и праздничные дни пѣли священники, по разсужденію, не очень поздно и не очень скоро, читали на заутреняхъ для народа учительныя евангелія, поученія и житія св. отцевъ, повѣсти изъ прологовъ и статьи изъ

другихъ учительныхъ книгъ, какія есть въ церкви; г) чтобы часы велѣли говорить передъ обѣднею, а не послѣ заутрени, и съ усердіемъ заботились о соблюденіи всего церковнаго правила; д) чтобы учили своихъ духовныхъ дѣтей и прочихъ христіанъ, приходящихъ въ церковь, страху Божію и всякому благочинію, и наставляли ихъ, какъ молиться Богу и Его угодникамъ, какъ по христіански проводить праздники и воскресные дни, какъ вообще отсѣкать злые нравы и исполнять заповѣди Божіи; е) чтобы пономарей при церквахъ молодыхъ и неженатыхъ не держали; ж) мірянамъ и поповскимъ дѣтямъ входить въ алтарь не позволяли; з) нищимъ ходить по церкви во время богослуженія и просить милостыни запрещали, а велѣли имъ стоять и просить милостыни внѣ церкви, въ притворѣ церковномъ... Въ заключеніе Памяти патріархъ приказывалъ тіуну Манойлову и никольскому попу Панкратію прочитывать ее почаще поповскимъ старостамъ въ своей тіунской избѣ, куда они собираются, и напоминать имъ, чтобы они тщательно наблюдали за исполненіемъ ея и соблюденіемъ церковнаго благочинія „въ своихъ сорокахъ“, а о неисправныхъ и нерадивыхъ священникахъ извѣщали патріарха ([53]).

Но не въ одной Москвѣ были такіе священники и допускались тогда подобныя безчинія. Архимандритъ нижегородскаго печерскаго монастыря Макарій, на котораго, какъ видно, возложено было главное наблюденіе за всѣмъ нижегородскимъ духовенствомъ, доносилъ, вскорѣ по вступленіи въ свою должность, патріарху Іоасафу: „спасскій протопопъ Владиміръ съ братіею упивается и на соборъ, въ соборную церковь для мо-

([53]) А. Э. III, № 264.

лебныхъ пѣній по воскресеньямъ.... мало ходятъ; протопопъ архангельскій Іосифъ съ братіею на соборъ такъ же мало ходятъ, а оправдывается тѣмъ, что онъ сидитъ у твоихъ государевыхъ святительскихъ духовныхъ дѣлъ на десятинничьемъ дворѣ. Равно и отъ посадскихъ церквей попы и дьяконы на соборъ многіе не ходятъ; а если когда и придутъ нѣкоторые въ соборную церковь, то или войдутъ въ алтарь, или станутъ въ самой церкви но за столпами, да тутъ и простоятъ, не облачаясь въ священныя ризы, все считаются между собою о мѣстахъ, и никто не соглашается стать послѣ другаго. Архимандритъ твоего домоваго благовѣщенскаго монастыря Ѳерапонтъ на соборъ не ѣздитъ, потому что протопопы въ соборной церкви мѣста ему не даютъ; такъ же Духова монастыря игумену Владиміру и самсоновскаго монастыря игумену Варсанофію протопопы мѣстъ не даютъ. Изстари изъ тѣхъ монастырей и изъ зачатіевскаго дѣвичьяго игумены, попы и дьяконы прихаживали на соборъ въ соборную церковь съ образами, нынѣ же совсѣмъ не ходятъ. А на посадѣ у приходскихъ церквей живутъ съ образами по два и по три попа, но на соборъ также не приходятъ. Я много разъ говорилъ на соборѣ нижегородскимъ протопопамъ и попамъ соборныхъ и приходскихъ церквей, что они на соборъ къ молебному пѣнію не приходятъ; но они меня не слушаютъ“ (54). Случались нарушенія благочинія и между церковными властями, когда онѣ съѣзжались въ Москву на соборы, и участвовали здѣсь въ соборныхъ богослуженіяхъ, и приглашались къ царю для трапезы или къ патріарху для совѣщаній. Тутъ проявлялось своего рода мѣстничество; иные хотѣли стоять и

(54) Русск. Истор. Библіот. II, № 212, стр. 959.

сидѣть выше другихъ, и отъ того происходили столкновенія. Для устраненія этого патріархъ Іоасафъ составилъ „Лѣствицу властемъ“, въ которой ясно указалъ каждому изъ архіереевъ и монастырскихъ настоятелей свое мѣсто. Архіереи поставлены въ Лѣствицѣ въ слѣдующемъ нисходящемъ порядкѣ: *митрополиты*: новгородскій, казанскій, ростовскій, сарскій; *архіепископы*: вологодскій, суздальскій, рязанскій, тверскій, астраханскій, сибирскій, псковскій; *епископъ* коломенскій. Настоятели монастырей—въ такомъ: *архимандриты*: троице-сергіева монастыря, рождественскаго владимірскаго, чудова, ново-спасскаго, юрьевскаго новгородскаго, симоновскаго, свіяжскаго, андроніевскаго, преображенскаго казанскаго, ипатскаго костромскаго, печерскаго нижегородскаго, хутынскаго новгородскаго; *игуменъ* кирилло-бѣлозерскаго монастыря; *архимандриты*: горицкаго переславскаго, лужецкаго можайскаго, богоявленскаго ростовскаго; *игумены*: богоявленскаго костромскаго, богоявленскаго изъ-за ветошнаго ряду; *архимандритъ* спасскаго ярославскаго монастыря; *игумены*: пафнутіевскаго боровскаго, іосифо-волоколамскаго; *архимандритъ* спасскаго суздальскаго; *игуменъ* антоніевскаго новгородскаго; *архимандритъ* печерскаго псковскаго; *игумены*: соловецкаго, желтоводскаго унженскаго; *архимандриты*: спасскаго рязанскаго, каменнаго вологодскаго, отроча тверскаго, возмицкаго волоколамскаго, даниловскаго переяславскаго; *игумены*: ферапонтовскаго бѣлозерскаго, борисоглѣбскаго ростовскаго; *архимандритъ* солотчинскаго рязанскаго; *игумены*: прилуцкаго вологодскаго, болдина дорогобужскаго, вяжицкаго новгородскаго, духовскаго новгородскаго, сторожевскаго звенигородскаго, павлова вологодскаго, глушицкаго вологодскаго, колязинскаго, корпніевскаго вологодскаго, никитскаго

переяславскаго, колоцкаго можайскаго и угрѣшскаго. Перечислены здѣсь настоятели только 46-ти главнѣйшихъ монастырей, обыкновенно призывавшіеся на соборы въ Москву, и, замѣчательно, нѣкоторые игумены поставлены выше архимандритовъ, конечно, по относительной важности самихъ монастырей ([55]).

Въ сибирскомъ краѣ, хотя уже утвердилось христіанство и былъ свой постоянный архіерей, жившій въ Тобольскѣ, все еще ощущалась крайняя нужда въ достойныхъ священнослужителяхъ. Въ 1635 г., царь Михаилъ Ѳедоровичъ писалъ вологодскому архіепископу Варлааму, чтобы онъ выбралъ въ Вологдѣ и во всей своей епархіи протопопа для Тобольска, да двухъ поповъ черныхъ и трехъ бѣлыхъ для Тобольска и другихъ городовъ Сибири, и чтобы всѣ выбранные были „люди добрые, крѣпкожительные и духовные учители, а не бражники“. Спустя нѣсколько недѣль царь приказалъ тому же архіепископу увеличить число духовныхъ лицъ, назначаемыхъ для Сибири и именно избрать: архимандрита, протопопа, пять поповъ черныхъ, да десять или двѣнадцать поповъ бѣлыхъ. Воля государя была исполнена архіепископомъ. А такъ какъ и въ Москвѣ записались своею волею ѣхать въ Сибирь два попа черныхъ да шесть поповъ бѣлыхъ, то государь велѣлъ отправить всѣхъ ихъ вмѣстѣ съ избранными въ вологодской

([55]) Эта „Лѣствица властемъ“ напечатана *архим. Досиѳеемъ* въ Опис. Соловецк. монастыря, III, стр. 263—267. Въ ней названы по именамъ всѣ тѣ епархіальные архіереи и монастырскіе настоятели, которые были тогда, когда она составлялась, и новгородскимъ митрополитомъ названъ Аѳоній, который вступилъ на свою каѳедру 8 марта 1635 года, а рязанскимъ архіепископомъ—Антоній, скончавшійся 15 февр. 1637 года. Откуда и можно заключать о времени составленія Лѣствицы.

епархіи: „потому что въ Сибири поповъ надобно много“. Всѣмъ отправленнымъ назначено было, на подъемъ и проѣздъ, изъ государевой казны жалованье, а бѣлымъ попамъ дана возможность продать свои дома и хозяйства и взять съ собою свои семейства ([56]).

Исправленіе и печатаніе богослужебныхъ книгъ при патріархѣ Іоасафѣ продолжалось прежнимъ порядкомъ и безостановочно. Всѣхъ книгъ напечатано теперь 23. Большая часть изъ нихъ (16) были тѣже самыя, которыя печатались и при патріархѣ Филаретѣ, и также изданы теперь, почти всѣ, по нѣскольку разъ. Псалтырь издана теперь семь разъ (1634—дважды. 1635. 1636. 1637. 1638. 1640). По четыре раза изданы: псалтырь слѣдованная (1634. 1636. 1638. 1640), потребникъ (1634. 1636. 1637. 1639), минея общая (1635. 1636. 1637. 1638) и часословъ (1635. 1637. 1638. 1640). По три раза: евангеліе (1634. 1637. 1640), служебникъ (1635. 1637. 1640) и тріодь цвѣтная (1635. 1638. 1640). По два раза: апостолъ (1635. 1638), тріодь постная (1635. 1638), каноникъ (1636. 1640—1641) и шестодневъ (1635. 1640). По одному разу: евангеліе учительное (1639), октоихъ (1638), минея мѣсячная, только за два мѣсяца, сентябрь (1636) и декабрь (1636), и уставъ церковный, оконченный уже по смерти патріарха Іоасафа (1641). Иногда книги печатались съ прежнихъ изданій безъ перемѣны: такъ требники и служебники 1635 и 1637 годовъ перепечатаны съ требника и служебника 1623 года. Иногда же печатались съ прибавленіями или дополненіями: наприм., въ требникъ (мірскій) 1639 г. прибав-

([56]) Русск. Истор. Библіот. II, № 164, стр. 582.

лены цѣлыя три главы: 40-ая, излагающая извѣстное постановленіе московскаго собора 1620 г., 42-ая статья о святительскомъ судѣ и 46-ая—чинъ на новолѣтіе 1-го сентября. Но, что важнѣе, иногда въ новыхъ изданіяхъ книгъ измѣнялись или совсѣмъ отмѣнялись статьи, напечатанныя въ прежнихъ изданіяхъ. Напримѣръ, въ филаретовскомъ требникѣ 1623 г. было сказано: „аще случится младенца два или три крестити, то коемуждо младенцу особо молитвы глаголати и все послѣ, дованіе св. крещенія и крестити“ (л. 102); а въ іоасафовскомъ требникѣ 1639 г. напротивъ положено: „аще случится два или три крестити и множае, то глаголемъ молитвы обще всѣмъ, а не особо всякому, и все послѣдованіе св. крещенія, точію имя глаголемъ коемуждо свое“ (л. 103). Въ томъ же филаретовскомъ требникѣ положенъ особый „чинъ погребенію священническому“ (гл. 29); а въ требникѣ 1639 г., іоасафовскомъ, этотъ чинъ отмѣненъ, какъ составленный будтобы „отъ ерека Еремея, попа болгарскаго“ (л. 301 об.). Кромѣ книгъ, печатавшихся и прежде, при патріархѣ Іоасафѣ напечатаны были еще семь книгъ въ первый разъ, именно: азбука (1634. 1637), анѳологіонъ (1637), трефолой, въ четырехъ книгахъ, по три мѣсяца въ каждой (1637—1638), трефологой съ службами собственно русскимъ святымъ (1637), потребникъ иноческій (1639), святцы (1639) и житіе святителя Николая чудотворца съ службою ему (1640). Къ числу книгъ, изданныхъ при этомъ патріархѣ, можно отнести и тѣ, которыя напечатаны, вѣроятно, по его же указанію, хотя и послѣ его смерти, до избранія его преемника, именно: житіе святителя Николая съ службою ему (1641), псалтырь (1641), часословъ (1641), служебникъ (1641), потребникъ (1642), и напечатанныя въ первый разъ: прологъ

за первую половину церковнаго года, съ сентября по мартъ (1641) и книга Маргаритъ, собраніе нѣсколькихъ словъ св. Іоанна Златоуста, съ прибавленіями (1641) ([57]). Вообще можно сказать, что при патріархѣ Іоасафѣ издано книгъ, судя по числу названій ихъ, не только не меньше, но даже больше, нежели при патріархѣ Филаретѣ, и это тѣмъ замѣчательнѣе, что первый патріаршествовалъ только шесть лѣтъ, а послѣдній четырнадцать. Зависѣть это могло частію отъ того, что нѣкоторыя книги при Іоасафѣ печатались уже съ готовыхъ изданій, а не пересматривались, не повѣрялись предварительно, частію же и отъ умноженія числа книгопечатныхъ становъ въ московской типографіи, которыхъ при Филаретѣ, наприм. въ 1620 г., было семь, а при Іоасафѣ, въ 1640 г., уже двѣнадцать ([58]). Для сличенія и исправленія книгъ, приготовлявшихся къ печати, требовались старинныя рукописи изъ монастырей, какъ потребованы были, наприм., въ 1640 г., изъ кириллова монастыря харатейные прологи и четьи-минеи. Для выбора новыхъ справщиковъ потребованы были въ 1641 г. изъ всѣхъ русскихъ монастырей въ Москву „старцы добрые и черные попы и дьяконы, житіемъ воздержательны и крѣпкожительны и грамотѣ горазди“, которые должны были явиться въ Приказъ большаго дворца государеву боярину, князю Алексѣю Михайловичу Львову, завѣдывавшему и печатнымъ дворомъ ([59]). Изъ числа трудившихся надъ изданіемъ книгъ во дни патріарха Іоасафа болѣе другихъ

([57]) О всѣхъ названныхъ книгахъ см. въ Обозр. Слав.-русск. библіогр. *Сахарова* и въ Очеркѣ Слав.-русск. библіогр. *Ундольскаго*.

([58]) *Румянцев.* Древнія зданія моск. печатн. двора, примѣч. 41, въ Древностяхъ Моск. Археолог. Общ. II, отд. I, стр. 28.

([59]) А. Э. III, №№ 296. 302.

извѣстенъ Василій Ѳедоровъ Бурцевъ, подъячій патріаршаго двора, обыкновенно печатавшій свое имя на своихъ изданіяхъ. Книги печатались теперь, какъ помѣчено въ каждой, повелѣніемъ царя Михаила Ѳедоровича и благословеніемъ патріарха Іоасафа, но ни въ одной не сказано, чтобы она была и свидѣтельствована самимъ патріархомъ ([60]).

Значеніе патріарха московскаго и всея Россіи, во дни патріарха Іоасафа, осязательно принизилось. Его уже не величали великимъ государемъ, а титуловали только великимъ господиномъ: это названіе усвоялось ему и въ царскихъ оффиціальныхъ бумагахъ, и въ граматахъ его собственныхъ и подчиненныхъ ему лицъ, и въ печатавшихся при немъ книгахъ ([61]). Царь-государь уже не ставилъ имени патріарха на ряду съ своимъ или послѣ своего, даже вовсе не упоминалъ о патріархѣ не только въ своихъ указахъ по дѣламъ государственнымъ, но и въ граматахъ по дѣламъ церковнымъ, не упоминалъ и въ такихъ случаяхъ, когда, казалось, слѣдовало бы упомянуть, напримѣръ, въ граматѣ въ сійскій монастырь о ссылкѣ туда суздальскаго архіепископа Іосифа, въ граматѣ вологодскому архіепископу Варлааму о посылкѣ священнослужителей въ сибирскіе города, въ граматѣ въ кирилловъ монастырь о присылкѣ изъ него въ Москву книгъ для печатнаго

([60]) *Сахаров.* Обозр. Слав.-русск. библіогр., №№ 300. 310. 313. 327. 335. 337. 357. 374. 379. 384. 387. 394, а также послѣсловія тогдашнихъ печатныхъ книгъ.

([61]) А. Э. Ш, №№ 264. 274; Русск. Истор. Библіот. II, №№ 160. 202. 203. 212; *Строев.* Опис. старопеч. книгъ Толстова, №№ 85. 89; Прибавл. къ Опис. старопеч. книгъ, №№ 50. 53. Впрочемъ, въ одномъ наказѣ священнику о сборѣ церковныхъ пошлинъ мы встрѣтили, что патріархъ Іоасафъ названъ „великимъ государемъ“ (Русск. Истор. Библіот. II, № 157).

дѣла (62). Случалось впрочемъ, что Михаилъ Ѳедоровичъ обращался и къ патріарху Іоасафу даже по государственнымъ дѣламъ, какъ водилось прежде. Однажды государь объявилъ на соборѣ всякихъ чиновъ людямъ многія неправды крымскаго хана противъ государевыхъ посланниковъ и гонцевъ, какъ онъ позволялъ ихъ грабить и всячески притѣснять, подвергать позору и мученію, хотя и продолжалъ принимать казну, которая, по старинѣ, посылалась изъ Москвы въ Крымъ „для дружбы и любви“. Царь спрашивалъ, что предпринять противъ хана. На этомъ соборѣ патріархъ съ духовенствомъ почему-то не присутствовалъ. Но государь приказалъ послать изъ посольскаго Приказа письменное увѣдомленіе о происходившемъ на соборѣ къ патріарху, чтобы онъ далъ свой совѣтъ. „И я, богомолецъ твой,—письменно же отвѣчалъ патріархъ Іоасафъ Михаилу Ѳедоровичу, — со всѣмъ освященнымъ соборомъ даемъ мысль свою. Нашъ долгъ молить и просить Бога и пречистую Богородицу и великихъ святителей московскихъ и всея Россіи Петра, Алексѣя и Іону, о мирѣ всего міра и о благостояніи св. Божіихъ церквей и о твоемъ многолѣтнемъ здравіи и всего твоего семейства: потому что ты отъ высшей Божіей десницы поставленъ самодержцемъ всея Россіи... А тебѣ, государь, принявшему отъ Вышняго управленіе православнымъ родомъ человѣческимъ, подобаетъ пещися не о себѣ только, но соблюдать и спасать отъ треволненія и всѣхъ, находящихся подъ твоею властію, все ввѣренное тебѣ стадо Божіе... Намъ, богомольцамъ твоимъ, прилично напоминать тебѣ, какъ царю и владыкѣ, по твоему остроумію и Богомъ данной тебѣ мудрости.

(62) А. Э. III, №№ 249. 296; Русск. Истор. Библіот. II, № 164.

А ты, боговѣнчанный царь, поревнуй, какъ ревновалъ прежде, равноапостольному царю Константину и благовѣрному великому князю Владиміру... Ты глава всѣмъ: покажи ревность и благочестіе, чтобы тебѣ, какъ можно, освободить своихъ посланниковъ изъ бесерменскихъ рукъ и отъ злаго мученія и позоровъ. Твоя царская казна отъ того не оскудѣетъ: когда Богъ, своею милостію, освободитъ твоихъ посланниковъ отъ такого злаго мученія, тогда можно будетъ отказать крымцамъ, за ихъ многую неправду, въ той казнѣ, какая посылалась въ Крымъ, по старинѣ, для дружбы и любви. Въ украйныхъ же городахъ пристойно тебѣ, государь, устроить ратныхъ людей, конныхъ и пѣшихъ, по твоему государеву усмотрѣнію, какъ тебѣ Богъ извѣститъ. А о томъ, что̀ учинить крымцамъ за мученіе твоихъ людей, намъ, твоимъ богомольцамъ, не пристойно написать такого совѣта, чтобы учинить воздаяніе. Разсудить объ отмщеніи врагамъ и что̀ учинить имъ—дѣло, государь, твое и твоихъ бояръ и ближнихъ людей и всего твоего царскаго сигклита, а не насъ, твоихъ государевыхъ богомольцевъ“ (63).

Патріархъ Іоасафъ былъ строгій инокъ, смиренный и благочестивый; помнилъ мѣсто своего монашескаго постриженія—соловецкую обитель, и почти ежегодно дѣлалъ въ нее свои пожертвованія, то церковными облаченіями, то печатными книгами, то деньгами. Но существованіе его, какъ патріарха, мало было замѣтно въ свое время, и такимъ же остается въ исторіи. Кончина Іоасафа послѣдовала 28 ноября 1640 года (64).

---

(63) Документъ этотъ напечатанъ въ Приложеніи къ XI тому Исторіи *Соловьева*, стр. III—IV, а потомъ въ Запискахъ отдѣленія Русск. и Славянск. археологіи, II, стр. 372—374.

(64) *Досиѳ.* Лѣтописецъ Соловецкій, стр. 62—64; Опис. Солов. монастыря, 1, 227—228; *Попов.* Изборн. изъ хроногр. стр. 392. 428.

III.

Болѣе года русская церковь оставалась безъ первосвятителя. Царь почему-то медлилъ избраніемъ новаго патріарха, можетъ быть, отыскивая лице, которое бы вполнѣ соотвѣтствовало такому высокому служенію. А можетъ быть, эта медленность произошла и отъ того, что нескоро съѣхались въ Москву русскіе святители, которыхъ государь извѣстилъ своею граматою о кончинѣ прежняго патріарха и пригласилъ къ избранію новаго. По зову государя явились въ Москву три митрополита: Аѳоній новгородскій, Варлаамъ ростовскій, Серапіонъ сарскій, два архіепископа: Серапіонъ суздальскій, Моисей рязанскій и одинъ епископъ—Рафаилъ коломенскій, со множествомъ архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ и священниковъ, а прочіе святители, которые не могли, по разнымъ причинамъ, явиться, прислали свои повольныя граматы. Когда прибывшіе въ Москву іерархи представились государю, онъ просилъ ихъ, прежде всего, вознести усердныя молитвы къ Богу, да даруетъ Онъ церкви своей новаго верховнаго пастыря и учителя. А когда они удалились, велѣлъ приготовить шесть жребіевъ и написать на нихъ имена, на каждомъ жребіи по одному имени, тѣхъ шести лицъ, которыхъ самъ же предварительно избралъ (въ томъ числѣ двухъ архіепископовъ: Серапіона суздальскаго и Пахомія астраханскаго, одного архимандрита симонова монастыря Іосифа и трехъ игуменовъ: московскаго богоявленскаго монастыря Іону, соловецкаго—Маркелла и псковскаго святогорскаго—Макарія); запечаталъ всѣ эти жребіи своею царскою печатью и отослалъ, чрезъ боярина своего князя Алексѣя Михайловича Львова, въ

соборную церковь къ находившимся тамъ святителямъ съ тѣмъ, чтобы они, помолившись Богу и пречистой Богородицѣ, вынули предъ ея чудотворною иконою, владимірскою, одинъ изъ присланныхъ жребіевъ, „кого Богъ изволитъ и пречистая Богородица избереть быти патріархомъ“, и тотъ жребій прислали нераспечатаннымъ къ государю. Святители взяли сначала три жребія, положили ихъ въ драгоцѣнную панагію, которую носили прежніе патріархи, поставили панагію въ кіотѣ на пеленѣ предъ чудотворною иконою владимірской Богоматери, и начали молебствіе. По окончаніи молебна, старшій изъ архіереевъ, новгородскій митрополитъ Аѳоній велѣлъ ростовскому митрополиту Варлааму вынуть одинъ изъ трехъ, находившихся въ панагіи, жребіевъ и держать въ рукахъ, а два остальные отложить. Потомъ положили въ туже панагію другіе три жребія изъ шести, присланныхъ царемъ, поставили ее предъ тоюже чудотворною иконою на пеленѣ, вновь совершили молебствіе, и изъ панагіи вынуть еще одинъ жребій митрополитомъ сарскимъ Серапіономъ, а два остальные отложены. Наконецъ, въ туже панагію положили два, прежде вынутые изъ нея, жребія, и поставили ее предъ чудотворною иконою Богоматери. По окончаніи третьяго молебствія, одинъ изъ этихъ двухъ жребіевъ вынулъ архіепископъ суздальскій Серапіонъ и поднесъ митрополиту Аѳонію и всему собору. Аѳоній, не распечатывая жребія, отдалъ его князю Львову для доставленія государю. Царь распечаталъ жребій предъ всѣмъ своимъ царскимъ синклитомъ и объявилъ, что „благоволи Богъ и пречистая Богородица быти патріархомъ Іосифу, архимандриту симонова монастыря“, и тотчасъ же послалъ князя Львова въ соборную церковь возвѣстить о томъ самому архимандриту Іосифу предъ всѣмъ освященнымъ собо-

ромъ. Такое необычайное избраніе Іосифа на патріаршество совершилось 20 марта 1642 года. На слѣдующій день происходило нареченіе, а 27 марта и самое посвященіе Іосифа въ патріарха, въ присутствіи государя. Въ день посвященія, по обычаю, у государя былъ обѣдъ, на который были приглашены патріархъ и прочія духовныя власти. Но, какъ замѣчено въ современномъ описаніи всей этой церемоніи, когда новый патріархъ прибылъ въ царскія палаты и благословилъ встрѣтившаго его государя, государь „въ руку и въ клобукъ патріарха не цѣловалъ“; когда велѣлъ государь патріарху сѣсть за своимъ царскимъ столомъ, то патріархъ „сѣлъ отъ государя съ сажень, или мало больши“. Изъ-за стола патріархъ скоро поднялся, чтобы совершить обычное шествіе на осляти, для благословенія Москвы, и снова возвратился къ царской трапезѣ, по окончаніи которой государь пожаловалъ его своими подарками. На другой день патріархъ продолжалъ свое шествіе на осляти по Москвѣ; на третій былъ у государя, поднесъ ему свои дары, и окончилъ шествіе на осляти по Москвѣ. А осля подъ патріархомъ водили: бояринъ Василій Петровичъ Шереметьевъ, окольничій князь Андрей Ѳедоровичъ Литвиновъ-Мосальскій, да патріарховъ бояринъ Василій Ѳедоровичъ Яновъ. Въ четвергъ на свѣтлой недѣли, 14 апрѣля, велѣлъ государь патріарху быть у себя въ золотой палатѣ: патріархъ, сопровождаемый прочими святителями, принесъ праздничное поздравленіе сперва царю, потомъ царицѣ въ ея палатѣ, царевичу Алексѣю Михаиловичу и тремъ царевнамъ, при чемъ поднесъ царицѣ, царевичу и царевнамъ свои дары, и отъ всѣхъ ихъ удостоился получить такіе же подарки ([65]).

([65]) Выходы Государей, стр. 101—102; Дворцов. Разряды, II, 675—676.

Вступивъ на патріаршую каѳедру, Іосифъ счелъ своимъ долгомъ обратиться къ своей духовной паствѣ съ архипастырскимъ „поученіемъ“, которое тогда же было напечатано и распространено по Россіи. Это обширное поученіе состоитъ изъ трехъ частнѣйшихъ. Въ первомъ, подъ заглавіемъ: „поученіе велікаго господина, святѣйшаго Іосифа, патріарха *московскаго и всея великія Русіи*, архіереомъ, и священноинокомъ, и мірскимъ іереомъ, и всему священному чину“ (л. 1—16), первосвятитель повторяетъ, по мѣстамъ дословно, тѣже самыя основныя мысли, какія, сколько извѣстно, еще со временъ кіевскаго митрополита Кирилла II наши архіереи излагали въ своихъ поученіяхъ „къ попомъ“, или въ такъ называемомъ „святительскомъ поученіи“, которое раздавали всякому новопоставленному священнику (65). Только патріархъ Іосифъ присовокупилъ къ этимъ мыслямъ нѣкоторыя тексты изъ священнаго писанія, выписки изъ св. Златоуста и наставленія отъ собственнаго лица. „Послушайте,—начинаетъ онъ,—сыны и братія нашего смиренія о Господѣ, архіерейскій и священноиноческій и іерейскій преподобный и священный соборъ! По благодати Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и по апостольскому завѣщанію,

---

Подробные чины избранія Іосифа на патріаршество и церемоній, происходившихъ послѣ его поставленія, напечатаны въ Древн. Росс. Вивліоѳ. VI, 223—261. Астраханскій архіепископъ Пахомій, который самъ находился тогда въ числѣ кандидатовъ на патріаршество, выразился въ своемъ хронографѣ, что Іосифъ „поставленъ бысть въ патріархи по жребію, а не царскимъ изволеніемъ“ (*Попов.* Изборн. изъ хроногр., 319; снес. 394. 429). Въ одномъ хронографѣ, принадлежащемъ нашей собственной библіотекѣ, замѣчено, что симоновскій архимандритъ Іосифъ, поставленный теперь въ патріарха, былъ „родомъ владимерогородецъ“ (Рукоп. № 77). Родной братъ его былъ во Владимірѣ протоіереемъ (А. Э. IV, № 57, стр. 84).

(66) Нашей Истор. Русск. Церкви, V, 132; А. И. I, № 109; А. З. Р. III, № 31.

которое я принялъ отъ Спасителя нашего,... къ вамъ мое слово". Въ самомъ словѣ, прежде всего, указываетъ на высоту пастырскаго служенія и его отвѣтственность предъ Богомъ: „всѣ мы, по благодати, данной намъ отъ Бога, называемся земными ангелами и небесными человѣками, и свѣтомъ, и солію земли... Мы съ ангелами предстоимъ у престола Господня, сводимъ Духа Святаго съ небеси, и претворяемъ хлѣбъ въ плоть Христову и вино въ кровь Его, невидимо для людей, что̀, впрочемъ, многіе святые видѣли и нынѣ достойные видятъ. Мы просвѣщаемъ людей божественнымъ крещеніемъ. Мы если свяжемъ на земли, Богъ не разрѣшитъ на небеси; если разрѣшимъ на земли, Богъ не свяжетъ на небеси. Нами преподаетъ Господь тайны спасенія человѣческому роду. Насъ поставилъ пасти свое стадо словесныхъ овецъ, за которыхъ Христосъ Богъ нашъ пролилъ плотію свою честную кровь. Намъ предалъ талантъ, который имѣетъ истязать отъ насъ во второе свое пришествіе на праведномъ своемъ судѣ"... Потомъ убѣждаетъ пастырей достойно проходить свое высокое званіе и заботиться какъ о своемъ спасеніи, такъ и о спасеніи всей своей паствы: „Посему отнынѣ молю васъ, сыны и братія о Господѣ, соблюдите себя чистыми отъ всякаго грѣха и вознесите Богу молитву и слезы за себя и за всѣхъ, да обратитъ въ благовѣріи пребывающихъ къ дѣланію добрыхъ дѣлъ.... Сохраните себя отъ всякихъ скверныхъ сатанинскихъ дѣлъ, какъ говоритъ Златоустъ, отвергните отъ себя пьянство и объяденіе, чуждайтесь тяжбы, вражды и хулы другъ на друга, и сквернаго мздоимания, клятвы и лжи, скупости, ненависти и лукавства. Сему внимайте, сему учитесь, къ сему другъ друга понуждайте, какъ бы вамъ стать непорочными на страшномъ и грозномъ судѣ

во второе пришествіе Христово, и какъ каждому изъ васъ воздать слово о людяхъ своей паствы..... Простецъ согрѣшившій за свою одну душу дастъ отвѣтъ Богу, а іерей за многихъ.... Послушайте, что сказалъ Богъ пророкомъ Іезекіилемъ: *сыне человѣчь, стража дахъ тя дому израилеву, да слышиши слово отъ устенъ моихъ и воспретиши имъ отъ мене; внегда глаголю беззаконнику: смертію умреши, и не возвѣстиши ему..., беззаконникъ же той въ беззаконіи своемъ умретъ, крови же его отъ руки твоея взыщу...* и проч. (Іез. 3, 17—22). Послушайте и Іоанна Златоустаго, просвѣщающаго своимъ ученіемъ всѣ концы вселенныя, какъ онъ восхваляетъ священство и какъ претитъ нерадивымъ священнослужителямъ.... Посему, сыны и братія, слыша такія страшныя прещенія Божіи и поученія св. отцевъ, убойтеся, устыдитесь и смирите себя: ибо страшно впасть въ руки Бога живаго. На то мы и позваны, чтобы намъ показать собою образъ благочестія и тѣмъ привести людей ко спасенію“.... Вслѣдъ за этими общими наставленіями пастырямъ церкви о ихъ священномъ долгѣ, патріархъ преподаетъ имъ и нѣкоторые частные уроки. „Къ сему же, чада мои, божественныя писанія любите и въ нихъ поучайтесь: ибо чтеніе писаній отверзаетъ намъ небеса... Ложныхъ же книгъ не читайте, отъ еретиковъ уклоняйтесь и общенія съ ними не имѣйте... Если кто изъ васъ самъ чего либо не уразумѣетъ, тотъ да вопрошаетъ наше смиреніе... Если кто будетъ сопротивляться преданію соборной церкви и нашему поученію по указанію св. отцевъ, вы возвѣщайте о томъ нашему смиренію, и мы... общимъ праведнымъ судомъ месть воздадимъ и на истинный путь наставимъ... Дѣтей своихъ духовныхъ неослаб-

но учите страху Божію... Разумѣйте, кого отлучить отъ тѣла Христова и отъ церкви и на какое время; если же кто самъ недоумѣетъ, то да вопрошаетъ вѣдущаго... Всякое церковное пѣніе исполняйте со страхомъ, по чину и по уставу, особенно же божественную литургію..., и никогда не входите въ церьковь, имѣя вражду на клеврета своего.... Никому изъ простыхъ людей не позволяйте входить во св. алтарь... Блюдите и вашихъ собственныхъ дѣтей, да не осквернятся блудомъ прежде брачнаго времени... Челядь же свою учите страху Божію, а гладомъ не морите, ни наготою, ни босотою не томите". Въ заключеніе патріархъ говоритъ: „Все это, любя васъ, написалъ я, и если вы сохраните завѣщанное нами, то Бога возвеселите, и ангеловъ удивите, и отъ нашего смиренія примете на себя благословеніе, и молитва ваша услышана будетъ отъ Бога, и земли нашей отъ иновѣрныхъ бесерменскихъ странъ брань облегчится, и милость Божія на вся страны русскія земли умножится..... Молитесь и за меня, грѣшнаго, да вашими молитвами подастъ мнѣ Богъ крѣпость паствы и прощеніе грѣховъ"....

Второе поученіе Іосифа озаглавлено: „поученіе христолюбивымъ княземъ и судіямъ и всѣмъ православнымъ христіаномъ" (л. 16—40 об.). Здѣсь патріархъ рѣзко порицаетъ современниковъ за ихъ нечестіе, и вмѣстѣ не только учитъ и убѣждаетъ ихъ, но и повелѣваетъ имъ исправиться, какъ облеченный высшею церковною властію. „Всѣмъ повелѣваемъ имѣть въ умѣ страхъ Божій, ибо извѣстно, что всѣ, возлюбившіе Бога и ходящіе въ заповѣдяхъ Его, сподобляются Его милости и благодати. Но нѣкоторые только имя христіанское на себѣ носятъ, а будучи омрачены окаянно діаволомъ, впа-

дають въ клятвы, и въ хулы, и въ тѣлесныя нечистоты, и безстудно творятъ содомскій грѣхъ, чего нѣтъ и между безсловесными... Симъ всѣмъ завѣщеваемъ содержать въ умѣ страхъ Божій и грядущій судъ и удаляться отъ таковыхъ нечистотъ... Учимъ васъ отъ св. писаній, что за такіе грѣхи грады Содомъ и Гоморра и другіе окрестные, съ живущими въ нихъ, до конца погублены были... А что сказать о тѣхъ, которые о Богѣ ротятся и клянутся и крестъ цѣлуютъ ротою, и призываютъ Бога на погубленіе свое? Тѣмъ запрещаемъ, судомъ святительства и царства, находиться въ соединеніи съ нами, и учимъ словомъ Господнимъ: *не клянитеся всяко, ни небомъ, ни землею*.... Проповѣдуемъ всѣмъ христіанамъ, да удаляются отъ лютыхъ прегрѣшеній, каковы: рота, клевета, лесть, лжесвидѣтельство, убійство..., блудъ, прелюбодѣяніе, содомское блуженіе, скотоблуженіе, пьянство и проч.... Повелѣваемъ начальникамъ городовъ казнить по закону хулниковъ, ротниковъ, мужеложниковъ, убійцъ, растлителей дѣвства.... Въ каждой странѣ свои законы, и каждая держится своихъ обычаевъ... А мы, принявши истинный законъ отъ Бога, осквернились беззаконіями разныхъ странъ, заимствовавъ отъ нихъ злые обычаи,—за то и терпимъ томленіе отъ тѣхъ странъ.... Итакъ оставимъ путь злобы, конецъ котораго—пагуба, и познаемъ путь Божій, возводящій на небо". Къ этимъ своимъ обличеніямъ и наставленіямъ патріархъ присовокупилъ нѣсколько небольшихъ словъ или отрывковъ, извѣстныхъ по рукописямъ, каковы: а) „слово Сирахово на немилостивыя судіи и князи, иже неправдою судятъ"; б) „слово о гордости"; в) „слово о судіяхъ и о властелѣхъ, емлющихъ мзду и неправду судящихъ"; г) „слово Аввакума пророка на обидящія и насильствующія"; д) „слово св. Василія

о судіяхъ и о властелѣхъ"; е) „слово иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго о милостыни, како подобаетъ отъ праваго труда творити милостыню, а не отъ лихоимства". Впрочемъ надобно замѣтить, что и это второе поученіе Іосифа ему не принадлежитъ, а цѣликомъ заимствовано имъ изъ кормчихъ XVI вѣка, гдѣ оно помѣщалось подъ заглавіемъ: „поученіе *епископле* всѣмъ христолюбивымъ княземъ и всѣмъ правовѣрнымъ христіаномъ боголюбивымъ",—равно какъ оттуда же заимствованы и всѣ приложенія къ поученію: слово Спрахово, слово о гордости, слово о судіяхъ и другія (67). Въ заключеніе послѣдняго приложенія, заимствованнаго изъ Златоуста, Іосифъ выразился: „посему молю васъ, разсуждайте сами собою о всякой вещи и понуждайте себя творить заповѣди Господни, да обрящете покой душамъ вашимъ".

И непосредственно за тѣмъ патріархъ такъ озаглавилъ третье свое поученіе: „Посемъ еще паки рцемъ къ чистителемъ іереомъ христіанскаго народа" (л. 40—48),—чѣмъ ясно показалъ, что три поученія его, напечатанныя вмѣстѣ, составляютъ собственно одно поученіе. Въ послѣднемъ поученіи Іосифъ преподаетъ пастырямъ наставленія преимущественно каноническаго свойства. „Слушайте, сыны и братья нашего смиренія о Господѣ, что̀ говоритъ правило. Если говоритъ: да извержется, то уже изверженъ; если говоритъ: да отлучится, то отлучится на время со-

(67) См. Кормч. Троице-Серг. лавры, № 205, л. 337. 574—576, по Опис. ч. I, 336. 338; Кормч. Царскаго, № 217, л. 457. 815—817, по Опис. стр. 181. 184. Это же самое поученіе епископле къ княземъ и всѣмъ правовѣрнымъ христіаномъ, со всѣми означенными приложеніями, помѣщено и въ рукоп. Сборникѣ Троице-Серг. лавры, XVII в., № 741, л. 171—190, по Опис. ч. III, 135.

отвѣтственно грѣху.... Если впадетъ попъ или дьяконъ въ блудъ или другой грѣхъ, возбраняющій священство, да отлучится и не служитъ. Не должно служителю Божію, имѣющему на кого гнѣвъ, входить въ олтарь, но прежде примириться, и тогда начинать службу. Не прилично попу носить красныхъ (свѣтлыхъ) одеждъ и короткихъ, но смиренныя и длинныя. Всѣ церковныя службы онъ долженъ совершать со страхомъ и трепетомъ.... Не должно подавать св. даровъ недостойнымъ, пребывающимъ во грѣхахъ, возбраняющихъ причащеніе, пока не понесутъ эпитиміи и не покаятся.... Внимай, іерей, что должно причащать людей отъ части владычней, отъ которой самъ пріобщаешься, а не отъ частей богородичной, предтечевой и прочихъ, какъ поступаютъ нѣкоторые священники, невѣдающіе писанія.... Антидоръ раздавать сперва чтецамъ, и потомъ простымъ людямъ. Чтецы и клирики не должны подавать божественныхъ даровъ простецамъ, а простецы да не касаются къ св. сосудамъ и не входятъ въ олтарь.... Умѣющіе божественныя писанія могутъ писать свои согрѣшенія на хартіи и подавать отцамъ духовнымъ, а прочіе должны исповѣдывать свои грѣхи устно.... Женщинъ повелѣваемъ исповѣдывать при отверстыхъ дверяхъ церкви во избѣжаніе соблазна. Священноинокамъ заповѣдуемъ не принимать на исповѣдь мірскихъ людей, мужей и женъ, кромѣ крайней нужды.... Юный священноинокъ и мірской іерей никакъ да не дерзнетъ принять даже одну душу къ исповѣди.... Священноинокъ да не принимаетъ черницъ на исповѣдь“... и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что и это третье поученіе Іосифа заимствовано имъ, если не цѣликомъ, то по частямъ, изъ какихъ либо прежнихъ сборниковъ ([68]).

([68]) Поученіе патріарха Іосифа напечатано безъ означенія года. Нѣкото-

Первые годы патріаршествованія Іосифа ознаменовались въ Москвѣ довольно жаркою и продолжительною полемикою противъ лютеранизма, въ которой принималъ участіе и самъ патріархъ. Въ 1643 г., октября 28, по приказу государя, было объявлено патріарху, что государь посылалъ въ Данію для переговоровъ съ королемъ Христіаномъ IV одного проживавшаго въ Москвѣ иностранца, Петра Марселиса, и что вслѣдствіе этихъ переговоровъ скоро прибудетъ въ Москву сынъ короля, датскій королевичъ Вольдемаръ для сочетанія законнымъ бракомъ съ царевною Ириною Михайловною,—объявлено съ тѣмъ, чтобы патріархъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, молился Богу и пречистой Богородицѣ о счастливомъ окончаніи начинающагося дѣла. Въ началѣ слѣдующаго года Вольдемаръ дѣйствительно прибылъ въ Москву, съ посольствомъ отъ датскаго короля и пасторомъ своимъ Матвеемъ Фильгоберомъ, и 28 генваря представился царю. Черезъ десять дней (8 февр.) патріархъ Іосифъ, по царскому приказу, послалъ къ королевичу бывшаго въ Швеціи резидентомъ Димитрія Францбекова и велѣлъ ему сказать: „великій святитель, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, сильно обрадовался, что васъ, великаго государскаго сына, Богъ принесъ къ великому государю нашему для сочетанья законнымъ бракомъ съ царевною Ириною Михайловною: и вамъ бы, государскому сыну, съ великимъ государемъ нашимъ, съ царицею и ихъ благородными дѣтьми и

рые ученые относили изданіе этой книги къ 1642 г. (*Сахаров.* Обозр. Слав.-русск. библіогр., № 412). А въ рукописной Кормчей XVII вѣка, въ которой помѣщено собственно послѣднее изъ трехъ поученій Іосифа, подъ заглавіемъ: „Поученіе Іосифа, патр. Москов. и всея Русіи, къ чистителемъ іереомъ христіанскаго народа“, на полѣ помѣчено: „лѣта 7152 году“, т. е. 1644-го (Ундольск. Славяно-русск. Рукоп., № 29, л. 352).

съ нами, богомольцами своими, вѣрою соединиться". Королевичъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ перемѣнить своей вѣры; въ договорѣ, заключенномъ Марселисомъ, прямо сказано, что ему, королевичу, принужденія въ вѣрѣ не будетъ, и если теперь его царское величество не изволитъ дѣлать по статьямъ того договора, то пусть прикажетъ отпустить его, королевича, назадъ къ отцу. Францбековъ замѣтилъ, что теперь ѣхать ему, королевичу, назадъ въ свою землю было бы не честно, а лучше бы онъ поразмыслилъ и согласился поговорить о вѣрѣ отъ книгъ съ духовными людьми. Королевичъ отвѣчалъ: „я самъ граматенъ лучше всякаго попа; библію прочелъ пять разъ и всю ее помню; если царю и патріарху угодно поговорить со мною отъ книгъ, я готовъ говорить и слушать". Скоро онъ объяснился съ царемъ и на словахъ и письменно, и стоялъ на одномъ, что перемѣнить вѣры не можетъ, ссылался на договоръ, на волю отца. Царь отвѣчалъ, что вовсе не хочетъ принуждать его, королевича, къ перемѣнѣ вѣры, а лишь проситъ и молитъ его о томъ, потому что иначе и законному браку его съ царскою дочерью никакъ быть нельзя. Королевичъ просилъ отпуска въ Данію; но царь не отпустилъ. Онъ все надѣялся, что королевича можно склонить къ принятію православія силою убѣжденій, и приказалъ дѣйствовать патріарху.

21 апрѣля явился къ королевичу посланный отъ патріарха и сказалъ: „послалъ меня къ тебѣ государевъ отецъ и богомолецъ, святѣйшій Іосифъ, патріархъ московскій и всея Россіи, велѣлъ о твоемъ здоровьѣ спросить и извѣстить тебя: слухъ до него дошелъ, что ты, государь королевичъ, у царскаго величества отпрашивался къ себѣ, а любительнаго великаго дѣла, для чего пріѣхалъ, съ царскимъ величествомъ не

хочешь совершить. Такъ святѣйшій Іосифъ о томъ къ твоему величеству совѣтное, за своею печатью, письмо прислалъ, чтобъ тебѣ пожаловать вычесть и любительно отвѣтъ учинить". Въ письмѣ патріархъ убѣждалъ королевича не упрямиться, послушаться царя-государя и соединиться съ нимъ въ вѣрѣ; потомъ кратко объяснялъ различіе между православнымъ исповѣданіемъ и лютеранскимъ, и наконецъ вновь убѣждалъ королевича принять православіе и креститься въ три погруженія, присовокупляя, что возметъ грѣхъ на себя, если королевичъ считаетъ это грѣхомъ. Черезъ два дня королевичъ прислалъ отвѣтное письмо къ патріарху, заключавшее въ себѣ двадцать одну статью, и говорилъ, что твердость въ вѣрѣ нельзя называть упрямствомъ и въ дѣлахъ вѣры надобно больше слушаться Бога, чѣмъ людей; доказывалъ правоту своего лютеранскаго исповѣданія и достаточность обливательнаго крещенія; просилъ патріарха походатайствовать предъ царемъ объ отпускѣ его, королевича, въ Данію вмѣстѣ съ датскими послами, и, между прочимъ, писалъ: „вы призываете насъ соединиться съ вами въ вѣрѣ и говорите, что если мы видимъ въ этомъ грѣхъ, то вы, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, возмете грѣхъ тотъ на себя. Мы думаемъ, что всякъ грѣхи свои несетъ самъ; если же вы убѣждены, что, по своему смиренію и святительству, можете брать на себя чужіе грѣхи, то сдѣлайте милость, возмите на себя грѣхи царевны Ирины Михайловны, и позвольте ей вступить съ нами въ бракъ". Патріархъ отправилъ къ принцу второе посланіе, въ которомъ изложилъ опроверженія и возраженія на каждую изъ статей его отвѣтнаго письма.

Но скоро поняли, что такая переписка, происходящая негласно, не можетъ привести ни къ чему, и рѣшились испы-

тать послѣднее средство—устныя открытыя пренія. Въ 28 день мая государь указалъ „сѣдѣти для отвѣта противу королевичева попа Матѳея“ благовѣщенскому протопопу Никитѣ, протопопу черниговскому (т. е. церкви во имя черниговскихъ мучениковъ, находившейся въ Москвѣ) Михаилу да успенскому ключарю Ивану Насѣдкѣ и пригласить еще на помощь, какіе найдутся въ Москвѣ, искусныхъ въ божественномъ писаніи грековъ. И 2-го іюня, въ домѣ Димитрія Францбекова, состоялось, при посредствѣ переводчиковъ, первое преніе, въ которомъ со стороны православныхъ принимали участіе преимущественно ключарь Насѣдка и греки: архимандритъ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана Анфимъ, архимандритъ метеорскаго монастыря Парѳеній да князь Дмитрій Албертосъ Далматскій. Главнымъ предметомъ спора былъ вопросъ о крещеніи обливательномъ, но касались вопросовъ и о почитаніи святыхъ и о значеніи іерархіи. Всѣ участвовавшіе въ преніи, т. е. Насѣдка, греки и пасторъ Фильгоберъ написали о немъ свои особыя записки и прислали въ посольскій приказъ. Фильгоберъ съ похвалою отзывался о своихъ противникахъ, „старорускомъ священникѣ“ и двухъ грекахъ, какъ о людяхъ искусныхъ и знающихъ дѣло, но жаловался, что они слишкомъ упрямы, что ничего не можетъ быть тяжелѣе, какъ говорить съ такими людьми, которые языкамъ и свободнымъ наукамъ не учились, и не скоро могутъ понять правду, и билъ челомъ, чтобы его пощадили и впредь такихъ сходокъ и преній не дозволяли. Пренія дѣйствительно прекратились, по крайней мѣрѣ, надолго; но къ нимъ обѣ стороны какбы подготовлялись. Государь приказалъ (10 авг.) ключарю Насѣдкѣ сдѣлать выписки изъ книгъ противъ доказа-

тельствъ пастора Фильгобера, изложенныхъ въ его запискѣ, относительно обливательнаго крещенія. А Фильгоберъ написалъ цѣлую „тетрадь въ десть“ въ защиту и подтвержденіе своихъ мыслей, и 4-го іюля 1645 г. подалъ ее въ посольскій приказъ. Тогда, по волѣ государя, состоялось второе и послѣднее преніе съ пасторомъ Фильгоберомъ, и велось въ присутствіи самого королевича Вольдемара тремя лицами—протопопомъ черниговскимъ Михаиломъ, ключаремъ Насѣдкою и строителемъ костромской геннадіевой пустыни Исаакіемъ. Оно направлено было собственно противъ послѣдней тетради Фильгобера, но вмѣстѣ и противъ отвѣтнаго письма королевича на посланіе патріарха и противъ записки Фильгобера послѣ перваго пренія; при чемъ русскіе въ своихъ отвѣтахъ немало пользовались выписками изъ книгъ, сдѣланными еще прежде ключаремъ Насѣдкою. Это второе и послѣднее преніе также описано, и даетъ намъ возможность составить ясное понятіе о сущности происходившихъ споровъ.

Пасторъ датскаго королевича отстаивалъ, что обливательное крещеніе, совершаемое у лютеранъ, есть истинное и дѣйствительное, и что несправедливо требуютъ отъ королевича, чтобы онъ крестился еще въ другой разъ, именно чрезъ погруженіе. Пасторъ говорилъ и писалъ: „истинно есть крещеніе или въ три погруженія или въ три поливанія или въ три покропленія“, потому что „сила крещенія не въ водѣ настоитъ, но въ дѣйствѣ Св. Духа, который въ крещеніи обильно на насъ изливается“.... Слово—βαπτίζω крещаю, отъ котораго происходитъ βαπτισμός крещеніе, означаетъ не только погружать, но чаще обмывать, обливать, окроплять.... Св. Іоаннъ предтеча крестилъ народъ и самого Господа Іисуса водою, а

не въ водѣ, т. е. чрезъ обливаніе, а не чрезъ погруженіе въ Іорданѣ... Обрѣзаніе въ ветхомъ завѣтѣ совершалось однажды: такъ и духовное обрѣзаніе—крещеніе въ новомъ завѣтѣ должно совершаться однажды.... И соборы, какъ вселенскіе, такъ и помѣстные, запрещали крестить въ другой разъ даже тѣхъ, которые получили крещеніе отъ еретика, если только оно совершено во имя Отца и Сына и Св. Духа... Недавно пріѣзжалъ въ Польшу патріархъ цареградскій Іеремія, и онъ также запретилъ крестить вторично всякаго, кто крещенъ во имя Отца и Сына и Св. Духа... Да и вашъ государь Иванъ Васильевичъ, отдавая дочь свою Елену за польскаго короля, не требовалъ отъ него, чтобы онъ принялъ греческую вѣру и вновь крестился"... и проч. Русскіе, съ своей стороны, говорили и писали въ отвѣтъ пастору: отнюдь не все равно въ крещеніи—погрузить, облить или окропить; крещеніемъ, по апостолу, мы *спогребаемся* Христу *въ смерть* (Рим. 6, 3. 4), а это спогребеніе возможно только чрезъ погруженіе въ водѣ, а не чрезъ обливаніе ею или окропленіе... Потому-то правила св. апостоловъ, св. соборовъ и св. отцевъ единогласно повелѣваютъ крестить въ три погруженія... Греческое—βαπτισμός, крещеніе, означаетъ именно погруженіе и только погруженіе (это особенно отстаивали греки во время перваго пренія), а обливаніе или окропленіе по гречески называется иначе..... Св. Іоаннъ предтеча крестилъ народъ и самого Христа не водою, а *въ водѣ*—ἐν ὕδατι, какъ свидѣтельствуютъ всѣ евангелисты (Матѳ. 3, 11; Марк. 1, 8; Лук. 3, 16; Іоан. 1, 26), слѣдовательно чрезъ погруженіе, а не чрезъ обливаніе или окропленіе... Крещеніе дѣйствительно не повторяемо, но только крещеніе истинное т. е. чрезъ троекратное погруженіе. А обли-

вательное крещеніе, совершаемое у лютеранъ, не есть истинное, но еретическое, и потому даже вовсе „нѣсть крещеніе, но паче осквернение“, и крещенныхъ такимъ крещеніемъ правила апостольскія (прав. 47 и 50) и соборныя (1 вселен. соб. прав. 8 и 9) крестить снова не только не запрещаютъ, но повелѣваютъ... „Да у васъ нѣтъ и священнаго чина поставленія, по преданію апостолъ и св. отецъ. Мы въ правду вѣдаемъ, что и ты, Матвей, не священъ, ни рукоположенъ съ возложеніемъ руку священничества; такъ же ты самъ и не крещенъ и не освященъ: како тебѣ и инѣхъ крестити и освящати? И какъ вамъ другихъ святити и крестити, когда вы сами ни отъ кого не освящены?... У васъ нѣтъ ни святителя, ни церкви, ни св. иконъ Христа Бога, пречистой Его Матери и святыхъ, Ему угодившихъ; вы не почитаете ихъ, ни св. мощей. Нѣтъ у васъ такъ же и св. постовъ..., церкви ваши не святы, потому что въ нихъ нѣтъ антиминсовъ съ мощами мучениковъ... Всѣ чины и уставы церковные у васъ отринуты... Патріархъ Іеремія, бывшій недавно въ Польшѣ, будто бы запретилъ крестить вновь тѣхъ, которые крещены во имя Отца и Сына и Св. Духа. Но и у насъ патріархъ Іеремія былъ же, а ничего такого не говорилъ. Онъ, безъ сомнѣнія, запрещалъ крестить въ другой разъ тѣхъ, которые крещены истиннымъ крещеніемъ, а не тѣхъ, которые крещены отъ еретиковъ, зная, что «еретическое крещеніе нѣсть крещеніе, но осквернение»... Государь Иванъ Васильевичъ выдалъ свою дочь за польскаго короля Александра, крещеннаго хотя чрезъ обливаніе, но вѣры не люторской, а латинской. Мы знаемъ, что папа и всѣ римляне еретики, отпали отъ православной церкви еще при королѣ Карлѣ и за то прокляты отъ св. отецъ вѣчною клятвою, почему и не имѣемъ съ

ними никакого общенія, какъ съ вѣдомыми еретиками. Но все-таки у нихъ лучше, чѣмъ у васъ: это мы говоримъ не къ похвалѣ ихъ, а желая вашу злѣйшую вѣру еретическую явну учинити. Хотя ихъ ученіе еретическое, но только у нихъ есть поставленіе кардиналовъ, арцыбискуповъ отъ папы; а у васъ, лютеранъ, и того худаго ничего нѣтъ, ни именуется. Государь Иванъ Васильевичъ отдалъ свою дочь за польскаго короля, по его прошенію, отдалъ потому, что желалъ быть съ нимъ въ любви и совѣтѣ, для утвержденія мирнаго“.... и проч. Во время состязаній своихъ о значеніи обливательнаго крещенія, совершаемаго у лютеранъ, пасторъ Фильгоберъ и его русскіе оппоненты касались еще догматовъ православной церкви о почитаніи иконъ и о призываніи святыхъ. Но какъ возраженія перваго, такъ и опроверженія послѣднихъ были самыя обыкновенныя и общеизвѣстныя. Потому мы и не станемъ излагать ихъ ([69]).

Необходимо присовокупить, что въ то самое время, какъ въ Москвѣ происходили такія жаркія пренія съ датскимъ принцемъ Вольдемаромъ о значеніи лютеранскаго крещенія, этимъ же вопросомъ занимались и въ Константинополѣ. Отецъ принца, датскій король писалъ къ польскому королю, польскій къ молдавскому воеводѣ Василію, а послѣдній къ новому цареградскому патріарху Парѳенію и просилъ его, чтобы разсудили: признавать ли крещеніе лютеранское и кальвинское, или нѣтъ. Патріархъ совѣщался со многими учеными людьми, въ томъ чи-

([69]) Собр. Госуд. Грам. III, № 117; Опис. рукоп. М. Синод. библіот., II, 3, №№ 279—281; Опис. рукоп. Царскаго, № 398, л. 347. 382 об.; Матеріалы для исторіи русско-церк. полемики противъ лютеранъ въ первой половинѣ XVII столѣтія, въ Правосл. Собесѣдн. 1861, II, 241—276. 391—418; *Соловьев.* Истор. Россіи, IX, 324—341. 351; X, 122—123. Часть пренія съ пасторомъ Фильгоберомъ, какое вели русскіе богословы относительно св. крещенія, напечатана въ Книгѣ о вѣрѣ, изд. въ Москвѣ 1648 г., л. 283 об.—288.

слѣ съ славившимся тогда учителемъ Мелетіемъ Сиригомъ, и созвалъ соборъ, на которомъ, послѣ многихъ разысканій и совѣщаній, рѣшили, что крещеніе лютеранское—не въ крещеніе, и лютеранъ надобно крестить вновь: потому что они не крещаются чрезъ троекратное погруженіе, а только окропляются, и не водою, а разными пахучими жидкостями, да и самые попы ихъ не освящены. Польскій король писалъ также къ кіевскому митрополиту Петру Могилѣ, а Могила просилъ цареградскаго патріарха, чтобы онъ послалъ къ московскому государю извѣстнаго ему Мелетія Сирига и не велѣлъ во второй разъ крестить королевича Вольдемара. Но патріархъ и соборъ не приняли ходатайства кіевскаго митрополита. О всемъ этомъ царь Михаилъ Ѳедоровичъ получилъ разомъ (25 Марта 1645 г.) три посланія: отъ цареградскаго грека Ивана Петрона, отъ халкидонскаго митрополита Даніила и отъ Мелетія Сирига, который извѣщалъ вмѣстѣ, что засѣданія собора продолжались двадцать дней, но соборованіе еще не окончилось: хотятъ созвать больше архіереевъ ([70]). Такія извѣстія съ востока могли служить сильнымъ возбужденіемъ для московскихъ книжниковъ въ ихъ состязаніяхъ съ принцемъ Вольдемаромъ. Какъ ни старался, однакожъ, царь Михаилъ Ѳедоровичъ склонить датскаго королевича къ принятію православной вѣры, чтобы потомъ выдать за него свою дочь, сколько ни трудились, по волѣ царя, русскіе богословы доказать пастору Фильгоберу недѣйствительность лютеранскаго крещенія и необходимость для королевича креститься по православному, всѣ эти старанія и труды остались безуспѣшными. И эта безуспѣшность чрезвычайно огорчала царя и ги-

([70]) Москов. главный архив. Министер. иностр. дѣлъ, дѣла греч., Связк. 23, № 30; *Мурав.* Сношен. Россіи съ Восток. II, 290—293. 300—308.

бельно повліяла на его здоровье: 4-го іюля 1645 г. происходило послѣднее преніе состязавшихся о вѣрѣ, а 16-го іюля Михаилъ Ѳедоровичъ скончался. Новый государь Алексій Михайловичъ, которому также заявилъ Вольдемаръ о своемъ нежеланіи креститься вновь, не сталъ удерживать королевича въ Москвѣ, и 17 августа онъ былъ отпущенъ, со всѣмъ датскимъ посольствомъ, въ Данію.

Строгое исполненіе церковныхъ уставовъ и узаконеній, какъ духовенствомъ, такъ и мірянами, было также предметомъ постоянной заботливости патріарха Іосифа, какъ и его предмѣстника. Въ 1646 году, предъ наступленіемъ великаго поста, Іосифъ, по приказанію царя Алексѣя Михайловича, разослалъ окружный наказъ всему духовному чину и всѣмъ православнымъ христіанамъ, чтобы соблюдали наступающій св. постъ въ чистотѣ, и отъ пьянства, и отъ неправды, и отъ всякаго грѣха удалялись; приходили къ церквамъ Божіимъ и стояли въ нихъ со страхомъ и трепетомъ и съ любовію, въ молчаніи, безъ всякихъ шепотовъ, и молились со слезами и сокрушеннымъ сердцемъ о своихъ грѣхахъ; чтобы протопопы и попы призывали православныхъ къ покаянію и поучали, и начинали вечерни и утрени въ ризахъ, а иноковъ и всякихъ сборщиковъ, которые ходятъ по церквамъ съ образами и съ блюдами и съ пеленами и просятъ подаяній, равно и нищихъ, просящихъ милостыни, отнюдь не пущали въ церковь во время богослуженія: потому что отъ ихъ крику и писку православнымъ неслышно бываетъ божественнаго пѣнія и чтенія, и въ церкви Божіи приходятъ они, какъ разбойники, съ палками, подъ которыми скрываются небольшія желѣзныя копья, и бываетъ у нихъ между собою драка до крови и смрадная брань. Патріархъ приказывалъ протопоповъ, поповъ и діаконовъ, которые начнутъ

ходить безчинно и пьянствовать, смирять большимъ смиреніемъ и быть имъ въ великомъ запрещеніи, а о мірянахъ, которые будуть непослушны своимъ духовнымъ отцамъ въ соблюденіи поста и покаянія, доносить ему-патріарху, и присовокупляхъ, что на всѣхъ ихъ за ихъ непослушаніе и безчинство будеть государевъ указъ. Въ 1647 г., по указу государеву (17 марта), патріархъ, митрополиты, архіепископы и епископы, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, уложили: по правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ, въ воскресный день отнюдь не подобаетъ православнымъ христіанамъ работать, но должно приходить въ церкви Божіи на молитву; въ субботу вечеромъ переставать отъ всякаго дѣла за три часа до ночи, какъ только начнутъ благовѣстить къ вечернѣ, прекращать торговлю, затворять ряды и торговыя бани, и въ бани не ходить; утромъ въ воскресный день не отпирать рядовъ и ничѣмъ не торговать до пятаго часу дня, а какъ только минетъ четыре часа, отворять ряды и торговать харчами и всякими товарами; кормъ же скотской, овесъ и сѣно, продавать во всѣ дни и часы невозбранно; въ праздники господскіе поступать такъ же, какъ и въ воскресные дни; когда бываютъ крестные ходы, тогда въ рядахъ ничѣмъ не торговать и рядовъ не отпирать, пока изъ ходу съ крестами не придутъ въ соборную церковь, а потомъ торговать; въ зимнюю же пору, когда въ днѣ бываетъ семь часовъ, открывать въ воскресные дни торговлю въ началѣ четвертаго часа дня, въ субботу же вечеромъ переставать отъ всякаго дѣла за часъ до ночи. Это уложеніе было разослано по всей Россіи и прочитано по церквамъ всему народу ([71]).

([71]) А. Э. IV, №№ 19. 321. 324.

Во дни патріарха Іосифа нерѣдко совершались открытія мощей угодниковъ Божіихъ и явленія чудотворныхъ иконъ, установлялись въ честь тѣхъ и другихъ праздники, или созидались церкви, а для мощей устроялись раки. Въ 1641 г., по указу царя Михаила Ѳедоровича, новгородскій митрополитъ Аѳоній, съ тремя настоятелями новгородскихъ монастырей и всѣмъ своимъ соборнымъ духовенствомъ, свидѣтельствовалъ (30 авг.) мощи преп. Александра Свирскаго; а въ 1643 г., по указу тогоже государя, перенесъ (5 декабря) эти нетлѣнныя мощи изъ николаевской церкви свирскаго монастыря въ церковь преображенія Господня, и здѣсь переложилъ въ новую сребропозлащенную раку, которую устроилъ и прислалъ изъ Москвы самъ государь ([72]). Въ 1645 г., 5 генваря, открыты мощи благовѣрнаго великаго князя Георгія Всеволодовича († 1238), и раку для нихъ серебряную, въ которой онѣ доселѣ открыто почиваютъ во владимірскомъ успенскомъ соборѣ, устроилъ „по обѣщанію“ патріархъ Іосифъ, какъ гласитъ ея надпись ([73]). Въ 1647 г. суздальскій архіепископъ Серапіонъ донесъ государю и патріарху, что въ суздальскомъ уѣздѣ, въ дворцовомъ селѣ Глумовѣ явилась чудотворная икона Божіей Матери казанскія, и что для разслѣдованія совершившихся отъ нея чудесъ онъ посылалъ ключаря соборной церкви и своего приказнаго человѣка, которые и убѣдились въ достовѣрности этихъ чудесъ. Царь и патріархъ приказали архіепископу, чтобы онъ самъ съѣздилъ на мѣсто явленія чудотворной иконы, допросилъ тѣхъ,

---

([72]) А. Э. III, № 325; Сказаніе объ обрѣтеніи мощей преп. Александра Свирскаго см. въ Житіи его, стр. 84—91, С. п. б. 1830.

([73]) *Доброхотов.* Памятн. Владиміра Клязен., 79, М. 1849; Прологъ 23 генваря и 19-го мая.

надъ которыми совершились чудеса, равно какъ и свидѣтелей, записалъ показанія тѣхъ и другихъ и, за подписями ихъ и ихъ отцевъ духовныхъ, прислалъ въ судный патріаршій приказъ. Въ томъ же году царево-кокшайскій воевода Спиридоновъ писалъ государю о явленіи чудотворной иконы св. женъ мvроносицъ, прислалъ самую роспись чудесныхъ исцѣленій, совершившихся отъ нея, и билъ челомъ отъ лица всѣхъ жителей Царево-Кокшайска и „новокрещеныхъ“ татаръ, чтобы имъ дозволено было воздвигнуть церковь на мѣстѣ явленія чудотворной иконы. Государь велѣлъ снять списокъ съ нея и оставить въ Царево-Кокшайскѣ, а подлинную икону прислать въ Москву съ подобающею честію, и разрѣшилъ построить на мѣстѣ явленія ея церковь во имя св. женъ мvроносицъ. Въ 1648 г., 22-го октября, въ день празднованія казанской иконѣ Богоматери, Богъ даровалъ царю Алексѣю Михайловичу сына Димитрія, и признательный царь повелѣлъ, чтобы этотъ праздникъ, доселѣ праздновавшійся въ одной только Москвѣ, по случаю освобожденія ея отъ поляковъ, впредь праздновался всегда во всѣхъ городахъ и во всемъ царствѣ. Въ томъ же году, по опредѣленію собора и повелѣнію государя, свидѣтельствованы были, 7-го ноября, мощи преп. Кирилла новоезерскаго вологодскимъ архіепископомъ Маркелломъ и найдены нетлѣнными, а въ 1651 г. для нихъ прислана изъ Москвы, при царской граматѣ, серебряная рака ([74]). Въ 1649 г., по указу царя и благословенію патріарха Іосифа, свидѣтельство-

([74]) А. Э. IV, №№ 40. 323; IV, № 20. Слово на обрѣтеніе мощей преп. Кирилла новоезер., въ Чтен. М. Истор. Общ. 1864, III, отд. V, I—II; *Филаретъ.*, Русск. Святые, февр. 4-го, стр. 163.

ваны были архіепископомъ тверскимъ Іоною мощи благовѣрной княгини Анны кашинской, супруги великаго князя Михаила Ярославича тверскаго, а въ слѣдующемъ году перенесены изъ-подъ деревянной соборной церкви въ каменный воскресенскій соборъ кашинскій ростовскимъ митрополитомъ Варлаамомъ, въ присутствіи самого царя Алексѣя Михайловича и всего его семейства (75). Въ 1652 г., 19-го генваря, въ присутствіи самого государя и патріарха Іосифа, послѣдовало торжественное открытіе мощей преп. Саввы сторожевскаго, звенигородскаго чудотворца, который причтенъ былъ къ лику святыхъ еще соборомъ 1549 года (76).

Но главнымъ дѣломъ во дни патріарха Іосифа, по которому патріаршествованіе его доселѣ остается памятнымъ въ нашей церкви, было печатаніе книгъ. Оно совершалось и теперь точно такъ же, какъ при прежнихъ патріархахъ, на основаніи однихъ славянскихъ списковъ, безъ сличенія съ гре-

---

(75) „Во 157 году (1649), по указу царя Алексѣя Михайловича... и великаго господина святѣйшаго Іосифа..., свидѣтельствовали мощи благовѣрной великой княгини Анны преосвященой Іона архіепископъ тверской и кашинскій, да андроніева монастыря архимандритъ Сильвестръ, да данилова монастыря игуменъ Іоанъ... И послѣ того свидѣтельства на другой годъ царь Алексѣй Михайловичь изволилъ пріити въ Кашинъ съ своею царицею и съ своими сестрами, а съ нимъ былъ преосвящ. Варлаамъ митрополитъ ростовскій, и мощи благов. княгини Анны досматривали и, по досмотру, изъ-подъ соборныя успенія деревянныя церкви въ каменномъ гробу перенесли въ соборную воскресенскую каменную церковь, и обязавъ, запечатали гробъ своими царскими печатьми. А въ перенесеніе гробъ съ мощами великій государь несъ самъ на рамѣхъ своихъ зъ бояры“ (Досмотръ или свидѣтельствованіе мощей благов. кн. Анны, въ Рукоп. Сборн. Император. Публ. библ. Древлехр. Погодина № 1608, л. 7—30, по Опис. Сборниковъ этой библіот., *Бычкова*, I, № 39).

(76) Дворцов. Разр. III, 296—297; *Смирнов.* Опис. савв.-сторожев. монастыря, стр. 27.

ческими; только теперь число неисправностей и погрѣшностей въ книгахъ, по малограмотности или небрежности справщиковъ, гораздо болѣе увеличилось, а что всего важнѣе—теперь преимущественно внесены въ печатныя книги тѣ роковыя мнѣнія и погрѣшности, которыя вскорѣ сдѣлались основами и отличительными вѣрованіями русскаго раскола. Самый обширный отдѣлъ книгъ, изданныхъ при патріархѣ Іосифѣ, составляютъ книги богослужебныя и отчасти учебныя, издававшіяся и прежде. Книга псалтырь, богослужебная и вмѣстѣ учебная, напечатана была восемь разъ (1642. 1645. 1647. 1648—дважды. 1649. 1650. 1651). Затѣмъ по пяти разъ напечатаны: часословъ, также книга богослужебная и учебная (1643. 1646. 1651—дважды. 1652), и потребникъ (1646. 1647. 1649. 1651. 1652). По четыре раза: евангеліе (1644—дважды. 1648. 1651) и служебникъ (1646. 1647. 1650. 1651). По три раза: псалтырь слѣдованная (1642. 1647. 1649), минея общая (1643. 1644. 1650) и тріодь постная (1642. 1648. 1650). По два раза: апостолъ (1644. 1648), октоихъ (1644. 1649), святцы (1646. 1648), каноникъ (1646. 1651) и шестодневъ (1646. 1650). По одному разу: евангеліе учительное (1642), прологъ—за первую половину церковнаго года (1642) и за вторую (1643), житіе святителя Николая, со службою ему (1643), минея мѣсячная за всѣ двѣнадцать мѣсяцевъ въ двѣнадцати книгахъ (1644—1646), молитвословъ (1647), тріодь цвѣтная (1648) и уставъ церковный (1651) (77). Книги печатались, какъ и прежде, по благословенію патріарха; но служебникъ 1651-го года изданъ по благословенію всего освященнаго собора, о чемъ и

(77) См. Славяно-русск. библіографіи Сахарова иУндольскаго.

сказано въ предисловіи къ этому служебнику. При изданіи пролога въ 1642 г. государь приказалъ присовокупить къ древнимъ угодникамъ Божіимъ и „своея русскія земли великихъ святителей и чудотворцовъ московскихъ и иныхъ градовъ, преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ, гдѣ который просіялъ добрыми своими дѣлы, и великихъ князей русскихъ, которые такожде просіяли“ (послѣслов.). Вообще же книги, изданныя при патріархѣ Іосифѣ, въ иномъ сходны съ изданіями іовлевскими, въ другомъ съ филаретовскими, въ третьемъ съ іоасафовскими, а во многомъ разногласятъ со всѣми. Наприм., въ служебникѣ іосифовскаго изданія положено, чтобы тѣ самыя молитвы, которыя произноситъ священникъ при вынутіи частицъ изъ просфоръ: 2, 3, 4, 5, 6 и 7, произносилъ вмѣстѣ и діаконъ, а подъ конецъ чина проскомидіи напечатано восемь указовъ относительно разныхъ дѣйствій литургіи: во всѣхъ прежнихъ служебникахъ ничего этого нѣтъ ([78]).

Другой отдѣлъ книгъ, изданныхъ при патріархѣ Іосифѣ, составляютъ книги, прежде неиздававшіяся въ Москвѣ и теперь напечатанныя въ первый разъ. Сюда принадлежатъ:

1. Книга учебная — Грамматика Славянская (1648 г.), изданная, какъ „первая отъ седмихъ наукъ свободныхъ, въ наученіе православнымъ, паче же дѣтемъ сущимъ, еюже и къ прочимъ, аще кто восхощетъ, яко дверію, благолѣпотнѣ и

([78]) Подробное и наглядное указаніе разностей въ книгахъ, изданныхъ при первыхъ пяти патріархахъ нашихъ, представлено въ трудѣ іеромонаха Филарета: „Опытъ сличенія церковныхъ чинопослѣдованій, по изложенію церковно-богослужебныхъ книгъ московской печати, изданныхъ первыми пятью россійскими патріархами“ (Напеч. въ журналѣ „Братское Слово“ 1875 года и особою брошурою).

безтруднѣ, возшествіе сотворитъ“ (предислов.). Это собственно перепечатка извѣстной грамматики Мелетія Смотрицкаго.

2. Житія русскихъ святыхъ, вмѣстѣ съ службами имъ: житіе преп. Саввы сторожевскаго (1646) и житія преп. Сергія и Никона радонежскихъ (1646). Эти книги, очевидно, слѣдуетъ отнести къ богослужебнымъ.

3. Писанія св. отцевъ и учителей церкви: Слова св. Ефрема Сирина, числомъ 112 (1643. 1647); Поученія Аввы Дороѳея (1652), которыя двукратно изданы были и вмѣстѣ съ Словами св. Ефрема Сирина (1652); Лѣствица преп. Іоанна лѣствичника (1647); Толкованіе на всѣ четыре евангелія блаж. Ѳеофилакта, архіепископа болгарскаго (1649) и Соборникъ поучительныхъ словъ изъ сочиненій: Анастасія Синаита, Василія великаго, Григорія богослова, Григорія двоеслова, Епифанія Кипрскаго, Іоанна Дамаскина, Іоанна Златоустаго, Кирилла епископа туровскаго и многихъ другихъ. Большая часть этихъ отеческихъ писаній читались въ церквахъ для поученія народа, иныя читались за трапезой въ иноческихъ обителяхъ, а всѣ могли употребляться и въ домахъ вообще православныхъ христіанъ для назидательнаго чтенія.

4. Книги апологетическія и полемическія. Это не оригинальныя сочиненія, а сборники изъ прежнихъ сочиненій, какъ греческихъ, такъ и русскихъ и особенно появившихся въ западной Россіи, направленные преимущественно противъ латинянъ и протестантовъ разныхъ толковъ, въ защиту православной вѣры. Таковъ „Соборникъ о чести св. иконъ и о поклоненіи“, изданный въ 1642 году. Здѣсь помѣщено двѣнадцать статей противъ иконоборцевъ, древнихъ и новыхъ, какъ то: слово царя Константина Порфирогенита о нерукотворенномъ

образѣ Христовомъ; два посланія Григорія, папы римскаго, къ императору Льву Исаврину о св. иконахъ; слово константинопольскаго патріарха Германа къ томуже императору о св. крестѣ и иконахъ; слово Іоанна Дамаскина къ царю Константину Копрониму о св. иконахъ; слово обличительное на новыхъ еретиковъ: Лютера, Кальвина и Ѳеодосія Косаго, инока оптиной пустыни Зиновія, и проч. Такова же и такъ-называемая „Кириллова книга“ (1644), которую царь Михаилъ Ѳедоровичъ приказалъ „отъ св. писаній учинити на еретики и на раскольники нашея православныя христіанскія вѣры, на римляны и латыни, на лютори же и калвини..., и пустити ю во всю свою русскую землю всякому православному христіанину, хотящему ея прочитати, и божественныя догматы вѣдѣти, и та еретическая уста заграждати“ (послѣслов.). „Кирилловою“ она называется по первой, помѣщенной въ ней, статьѣ, довольно обширной и подраздѣленной на девять главъ, подъ названіемъ: „книга иже во святыхъ отца нашего Кирилла, архіепископа іерусалимскаго, на осмый вѣкъ“. Это собственно 15-е огласительное слово св. Кирилла, но не въ своемъ подлинномъ видѣ, а распространенное и произвольно истолкованное Стефаномъ Зизаніемъ, которое первоначально, въ 1596 г., было напечатано въ Вильнѣ на польскомъ и литовско-русскомъ языкахъ, а теперь въ славянскомъ переводѣ перепечатано въ Москвѣ. Здѣсь, не въ словѣ св. отца, а въ толкованіяхъ или дополненіяхъ Зизанія, доказывается, что кончина міра и второе пришествіе Христово должны послѣдовать въ восьмомъ вѣкѣ, который уже насталъ, и что антихристъ уже пришелъ на землю и царствуетъ въ лицѣ римскаго папы. Послѣ слова св. Кирилла, съ прибавленіями Зизанія, помѣщены въ Кирилловой книгѣ еще 48 статей

или главъ, заимствованныхъ изъ разныхъ книгъ, печатныхъ и рукописныхъ, и направленныхъ противъ еретиковъ и раскольниковъ. Въ первыхъ 25 главахъ (о Пресв. Троицѣ, о божествѣ и человѣчествѣ І. Христа, о божествѣ и исхожденіи Св. Духа, объ иконахъ, о постѣ, о таинствѣ евхаристіи, о почитаніи и призываніи святыхъ и проч.) перепечатана вновь, только въ славянскомъ переводѣ, почти вся „книга о вѣрѣ единой, святой, соборной и апостольской церкви“, изданная въ 1619 г. Захаріемъ Копыстенскимъ въ Кіевѣ, противъ протестантовъ, въ особенности новокрещеновъ. Еще въ 10 главахъ (37—46) также перепечатана цѣликомъ вся „книжица“ въ десяти статьяхъ, изданная, въ 1598 г., въ Острогѣ противъ латинянъ, и содержащая въ себѣ, между прочимъ, семь посланій Мелетія, александрійскаго патріарха. Глава 27-ая о ересяхъ латинскихъ заимствована изъ „Соборнаго изложенія“ 1620 г. патріарха Филарета; главы 34-ая и 35-ая объ опрѣснокахъ и о премѣненіи праздниковъ перепечатаны изъ „книги о вѣрѣ“ острожскаго пресвитера Василія, изданной въ 1588 г. княземъ Острожскимъ въ Острогѣ; глава 36-ая, слово на латиновъ — изъ сочиненій Максима грека, и проч. Кириллова книга была собрана и напечатана въ Москвѣ въ то самое время, когда тамъ происходили состязанія о вѣрѣ съ пасторомъ датскаго королевича Вольдемара, и собиралъ ее одинъ изъ участвовавшихъ въ состязаніяхъ, протопопъ черниговскаго собора въ Москвѣ Михаилъ Роговъ „съ прочими избранными мужи“, и ею уже пользовался самъ патріархъ во второмъ своемъ посланіи къ Вольдемару ([79]). Извѣстенъ и третій такой же сбор-

([79]) *Сахаров.* Обозр. Слав.-русск. библіогр., № 442; Опис. рукоп. М. Синод. библ. III, 3, стр. 371—372.

никъ, изданный тогда въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: „книга о вѣрѣ“ (1648). Надъ составленіемъ этого сборника потрудился игуменъ кіевскаго михайловскаго монастыря Нафанаилъ, и потрудился, какъ самъ говоритъ: „прегрѣшеній ради моихъ, иже въ школахъ латинскихъ отъ езуитовъ вмалѣ не прелщенъ бихъ, яко да сіе малымъ симъ трудомъ исправлю“ (предислов.). Въ сборникѣ своемъ онъ помѣстилъ тридцать главъ „не отъ своего умышленія“, а заимствованныхъ изъ другихъ сочиненій, существовавшихъ тогда въ западной Россіи, въ томъ числѣ десять главъ изъ „Палинодіи“ Захарія Копыстенскаго, тогда еще рукописной (именно: 3, 17, 18, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28), нѣкоторыя, впрочемъ, не сполна. Книга направлена противъ разныхъ иновѣрцевъ, но наиболѣе противъ латинянъ и особенно уніатовъ, говоритъ объ отступленіи ихъ и представляетъ (въ гл. 24) даже самое исповѣданіе вѣры, которое произнесли въ Римѣ Потѣй и Терлецкій предъ папою. По просьбѣ протопопа московскаго благовѣщенскаго собора Стефана Вонифатьева, царскаго духовника, Нафанаилъ прислалъ свою книгу—компиляцію въ Москву; здѣсь книгу перевели на славянскій языкъ и напечатали, съ прибавленіемъ отъ себя въ концѣ только небольшой статьи о крещеніи, взятой изъ преній съ капланомъ датскаго королевича Вольдемара ([80]). Такимъ образомъ оказывается, что двѣ весьма важныя книги, напечатанныя въ Москвѣ при патріархѣ Іосифѣ и доселѣ наиболѣе уважаемыя нашими раскольниками, книга Кириллова и книга о вѣрѣ, не суть произведенія московскія, а составлены почти исключительно изъ сочиненій западно-русской церкви.

([80]) *Сахаров.* тамъ же № 503; Русск. Истор. Библіот. IV, примѣч. 29.

5. Книги руководственныя въ дѣлахъ вѣры и церковнаго управленія. Разумѣемъ, вопервыхъ, „Собраніе краткія науки о артикулахъ вѣры..., ради ученія и вѣдѣнія всѣмъ православнымъ христіаномъ, наипаче же дѣтемъ учащимся“ (1649): это краткій катихизисъ митрополита Петра Могилы, изданный въ 1645 г. на польскомъ и литовско-русскомъ языкахъ, въ Кіевѣ, потомъ въ 1646 г.—во Львовѣ, и теперь на славянскомъ языкѣ и съ нѣкоторыми измѣненіями напечатанный въ Москвѣ. А вовторыхъ—„книгу Кормчую“ (1650). Она напечатана была по спискамъ ея, фамиліи рязанской или кирилловской, т. е. съ правилами, большею частію, сокращенными, и съ толкованіями преимущественно Аристина. Но выпущена въ свѣтъ не тотчасъ по отпечатаніи, а спустя два года, когда была освидѣтельствована уже новымъ патріархомъ съ освященнымъ соборомъ и подверглась нѣкоторымъ, впрочемъ, весьма немногимъ и несущественнымъ измѣненіямъ ([81]).

Нельзя не отдать справедливости справщикамъ книгъ, бывшимъ при патріархѣ Іосифѣ: они трудились съ большимъ усердіемъ и напечатали столько книгъ (36 названій), сколько не печаталось ни при одномъ изъ прежнихъ патріарховъ. Это были лица, избранныя преимущественно изъ среды духовенства, бѣлаго и монашествующаго. Болѣе извѣстные изъ нихъ: ключарь успенскаго собора священникъ Иванъ, а съ 1650 г. іеромонахъ Іосифъ Насѣдка, главный дѣйствователь въ преніяхъ съ датскимъ королевичемъ Вольдемаромъ, внесшій часть ихъ въ печатную книгу о вѣрѣ, и протопопъ черниговскаго собора

([81]) *Сахаров.* тамъ же №№ 510. 519. 555. О всѣхъ прочихъ поименованныхъ книгахъ см. тамъ же и въ Библіогр. Ундольскаго.

Михаилъ Стефановъ Роговъ, составитель книги Кирилловой; менѣе извѣстные: архимандритъ андроніевскаго монастыря Сильвестръ, протопопъ александро-невскаго собора Іоакимъ, старцы: Савватій, Евѳимій и Матѳей и свѣтскія лица: Шестой Мартемьяновъ, Захарій Аѳанасьевъ и Захарій Новиковъ ([82]). Къ

([82]) Росписки всѣхъ названныхъ лицъ въ полученіи ими жалованья изъ типографіи по должности справщиковъ сохранились въ Расходныхъ книгахъ Печатнаго приказа, уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени (*Румянцев.* Древн. зданія москов. печатнаго двора, въ „Древностяхъ“ Моск. Археолог. Общ. II, отд. I, примѣч. 67). Что же касается до мнѣнія, будто справщиками книгъ при патріархѣ Іосифѣ были явившіеся потомъ расколоучителями: протопопъ Аввакумъ, попъ Никита-пустосвятъ, діаконъ Ѳеодоръ и другіе, то оно вовсе не подтверждается означенными Расходными книгами Печатнаго приказа. Мнѣніе это основывали обыкновенно на свидѣтельствѣ Игнатія, митрополита сибирскаго и тобольскаго, изложенномъ въ третьемъ посланіи его, гл. 11 и 12. Но Игнатій не называетъ тѣхъ расколоучителей собственно *справщиками*, а упомянувъ о протопопѣ Аввакумѣ, попахъ: Лазарѣ суздальскомъ и Никитѣ-пустосвятѣ, также о Ѳеодорѣ діаконѣ (придворнаго благовѣщенскаго собора), Нероновѣ (протопопѣ казанскаго московскаго собора) и благовѣщенскомъ протопопѣ, царскомъ духовникѣ Стефанѣ Вонифатьевѣ, говоритъ только, что они „имѣяху дерзновеніе къ самодержцемъ“, что „святѣйшій патріархъ московскій Іосифъ, мужъ престарѣлый, все исправленіе книгъ возложи на *совѣтъ* вышеупомянутыхъ протопоповъ и поповъ“, и что они-то „*посовѣтоваша*“ помѣстить въ книгѣ о вѣрѣ *мнимое* Ѳеодоритово слово о крестномъ знаменіи и „вложиша“ тоже слово и въ другія печатавшіяся книги (Три посл. Игнатія, митр. сибирскаго, стр. 91—95, Казань 1855). И, дѣйствительно, если не всѣ упомянутыя Игнатіемъ лица, то двое послѣднихъ: казанскій протопопъ Іоаннъ Нероновъ и особенно царскій духовникъ Вонифатьевъ имѣли тогда большое дерзновеніе предъ государемъ и были вообще лица самыя сильныя и авторитетныя въ московскомъ духовенствѣ (Житіе прот. Неронова, въ Матеріал. для исторіи русск. раскола, I, 272 — 280, Москв. 1875). Имъ-то и могъ довѣрить престарѣлый патріархъ главное завѣдываніе изданіемъ книгъ, и они, вмѣстѣ съ своими единомышленниками, могли своими совѣтами оказывать вліяніе, какъ на справщиковъ, такъ и на самое печатаніе книгъ. О Вонифатьевѣ же и положительно извѣстно, что его „тщательствомъ“ издана книга о вѣрѣ (*Сахаров.* Обозр. Сл.-русск. библіогр. № 503). А Аввакумъ протопопъ, какъ самъ показываетъ въ автобіографіи, былъ весьма близкимъ человѣкомъ у Вонифатьева и у казанскаго протопопа Неронова (*Субботин.* Матеріалы для исторіи раскола, V, 16—17).

сожалѣнію, эти справщики, можетъ быть, и лучшіе грамотѣи и начетчики своего времени, были недостаточно подготовлены къ своему дѣлу, и при всемъ усердіи исправлять книги, наполнили ихъ, при печатаніи, множествомъ ошибокъ, въ которыхъ и сами сознавались, прося себѣ прощенія ([83]). Еще болѣе прискорбно, что они, можетъ быть, и подъ давленіемъ другихъ, болѣе сильныхъ лицъ, пользовавшихся довѣріемъ престарѣлаго патріарха, привнесли въ печатныя книги нѣсколько неправыхъ мнѣній, послужившихъ впослѣдствіи поводомъ къ расколу, каково особенно мнѣніе о двуперстіи для крестнаго знаменія. Мы знаемъ, что это мнѣніе, появившееся не прежде второй половинѣ XV вѣка между русскими книжниками, мало по малу усиливаясь, было утверждено ими на стоглавомъ соборѣ (1551) въ качествѣ догмата и сдѣлалось обязательнымъ для всѣхъ. Но проводить его въ народныя массы, пріучить русскихъ, чтобы они крестились двумя перстами, а не тремя, какъ научились креститься отъ предковъ, съ незапамятныхъ временъ, было весьма трудно для духовенства. Да и сами духовные могли не всѣ относиться къ новому ученію сочувственно. По крайней мѣрѣ, есть достовѣрныя свидѣтельства, что не только къ концу XVI, но и до сороковыхъ годовъ XVII столѣтія троеперстіе для крестнаго знаменія употреблялось еще въ Россіи ([84]).

Арсеній Сухановъ въ своемъ „Преніи о вѣрѣ съ греками“ говоритъ: „у насъ книги правятъ избранные люди и безпристани надъ тѣмъ сидятъ, а надъ тѣми людьми надзираютъ, по государеву указу, митрополитъ и архимандритъ и протопопы, кому государь укажетъ, и о всякомъ дѣлѣ докладываютъ государя и патріарха“ (см. далѣе примѣч. 97).

([83]) См., напримѣръ, послѣсловія къ книгѣ Кирилловой (1644), къ апостолу 1649 года, къ поученіямъ св. Ефрема Сирина и Аввы Дорооея 1652 года.

([84]) Нашей Исторіи Русск. Церкви, VIII, 116—122. 127—129.

И изъ всѣхъ книгъ, напечатанныхъ въ Москвѣ со времени открытія въ ней типографіи до патріарха Іосифа, ученіе о двуперстіи помѣщено было только въ одной—въ большомъ катихизисѣ Лаврентія Зизанія (1627). Между тѣмъ при патріархѣ Іосифѣ распоряжавшіеся печатаніемъ книгъ помѣстили это ученіе въ нѣсколькихъ книгахъ, именно: въ предисловіяхъ къ псалтыри (1642) и слѣдованной псалтыри (1642), издававшихся потомъ нѣсколько разъ; въ книгѣ Кирилловой (гл. 14), въ книгѣ о вѣрѣ (гл. 9) и въ маломъ катихизисѣ. Въ послѣднемъ, перепечатанномъ съ кіевскаго изданія, сдѣлали даже порчу, и тамъ, гдѣ въ подлинникѣ говорилось только о трехъ перстахъ для крестнаго знаменія, поименовали ихъ по своему и прибавили еще о двухъ перстахъ. Чрезъ всѣ эти книги и особенно чрезъ псалтырь, по которой обучалось молодое поколѣніе, ученіе о двуперстіи начало распространятся съ необычайною быстротою, такъ что съ наступленіемъ второй половины XVII вѣка одни только люди престарѣлые продолжали еще держаться древняго, троеперстнаго крестнаго знаменія, и не хотѣли принимать новаго, двуперстнаго ([85]). Равнымъ образомъ, хотя еще стоглавый соборъ утвердилъ мнѣніе о сугубой аллилуіи, во всѣхъ книгахъ, изданныхъ въ Москвѣ до патріарха Іосифа, въ которыхъ только говорится объ употребленіи аллилуіи, обыкновенно печаталось: „аллилуіа трижды“, или:

([85]) Игнатій митрополитъ тобольскій свидѣтельствуетъ: „едины точію зѣло престарѣлыя люди того арменскаго ученія непріяша и едва спасошася, и не внимаху прелести нововводнаго сего двоперстнаго сложенія, но троичнаго въ перстѣхъ сложенія крѣпцѣ держахуся; новіи же и секрати, сирѣчь младіи, начаша на оныхъ книгахъ въ хулѣ арменской велемудрствовати“ (Три посланія *Игнатія*, стр. 96).

„аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа“; но издатели книгъ при Іосифѣ начали печатать: „аллилуіа, аллилуіа, слава Тебѣ, Боже“, или: „аллилуіа, аллилуіа, слава Тебѣ, Боже, дважды“ (86).

Впрочемъ, въ послѣдніе годы патріаршествованія Іосифа начинался уже, въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и вообще церковности, замѣтный поворотъ къ лучшему. Еще въ 1640 г., апрѣля 7, кіевскій митрополитъ Петръ Могила, „паче всѣхъ прошеній своихъ“, билъ челомъ царю Михаилу Ѳедоровичу, чтобы онъ приказалъ соорудить въ Москвѣ особый монастырь, въ которомъ могли бы жить старцы и братія общежительнаго кіевскаго братскаго монастыря и обучать дѣтей боярскихъ и простаго чину граматѣ греческой и славянской, объясняя, что это было бы угодно Богу, честно для царскаго величества и во всѣхъ странахъ преславно, и выражалъ свою готовность прислать въ Москву старцевъ съ учителями, какъ только царю будетъ угодно (87). Но царь Михаилъ Ѳедоровичъ, почему-то, не воспользовался предложеніемъ кіевскаго іерарха. Въ 1645 г. пріѣхалъ въ Москву отъ цареградскаго патріарха Парѳенія палеопатрасскій митрополитъ Ѳеофанъ. Въ половинѣ апрѣля онъ представилъ царю Михаилу Ѳедоровичу патріаршія граматы и подарки, а 27 іюня прислалъ отъ себя, чрезъ своего пристава, въ посольскій приказъ челобитную на имя государя. Здѣсь говорилъ онъ, что паписты и лютеране имѣютъ на востокѣ типографіи, печатаютъ въ нихъ для грековъ множество книгъ, церковныхъ и свято-отеческихъ, примѣшивая

(86) См., напримѣръ, Іосифовскій Служебникъ 1651 г., л. 305. 312 об.; Служебникъ 1652 г., л. 307. 315; Часословъ 1652 года, л. 4. 31. 57. 66 и др.
(87) А. Ю. и З. Р. III, №№ 33. 44.

туда свои заблужденія и ереси, и тѣмъ смущаютъ православныхъ, а самимъ грекамъ турки, по наущенію отъ нѣмцевъ, не дозволяютъ печатать греческихъ книгъ, и когда покойный патріархъ Кириллъ Лукарисъ завелъ-было въ Царьградѣ свою типографію и началъ издавать греческія книги, нѣмцы оклеветали его предъ турками, и типографія была закрыта. Потому митрополитъ и просилъ теперь Михаила Ѳедоровича, чтобы онъ повелѣлъ завести греческую типографію въ Москвѣ и вызвалъ греческаго учителя „учить русскихъ дѣтей философіи и богословію на греческомъ языкѣ и русскомъ“. И тогда,— объяснялъ митрополитъ,—будетъ обоюдная польза: для грековъ будутъ печататься книги безъ поврежденій, по древнимъ харатейнымъ спискамъ, которыхъ много на св. горѣ аѳонской; а для русскихъ подготовятся знающіе люди, которые и начнутъ для нихъ переводить эти неповрежденныя греческія книги, или исправлять по нимъ свои, еще прежде переведенныя ([88]). Отправившись изъ Москвы уже по смерти Михаила Ѳедоровича † 16 іюля 1645 г.), митрополитъ Ѳеофанъ встрѣтилъ въ Кіевѣ „премудраго учителя“, архимандрита великой константинопольской церкви Венедикта, у котораго нѣкогда и самъ учился, и немедленно написалъ (отъ 18 октября) новому московскому государю Алексѣю Михайловичу письмо, рекомендуя этого ученаго грека, какъ человѣка, вполнѣ способнаго завести въ Москвѣ греческую типографію и училище, а самого Венедикта убѣдилъ ѣхать для того въ Москву. Венедиктъ прибылъ въ Путивль 18 февр. 1646 г., а чрезъ нѣсколько времени и въ

([88]) Москов. главн. архив. Минист. иностр. дѣлъ, дѣла греч., Связк. 23, № 32; *Муравьев.* Сношенія Россіи съ Востокомъ, II, 309. 332—337.

Москву, и подалъ въ посольскій приказъ двѣ челобитныя, въ которыхъ, между прочимъ, изложилъ свѣдѣнія о самомъ себѣ. Онъ, какъ писалъ въ челобитныхъ, уже пріѣзжалъ въ Москву при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ въ годъ рожденія Алексѣя Михайловича, и получилъ тогда щедрую милостыню на свой монастырь св. Софіи, хотя на возвратномъ пути милостыню ту отняли поляки. Въ монастырѣ своемъ онъ имѣлъ училище и болѣе всего заботился „о томъ, чтобы образовать въ немъ учителей, преподавъ имъ полное церковное ученіе и священное богословіе“. И въ настоящій разъ онъ направлялся въ Москву за милостынею же для своего монастыря, но былъ задержанъ въ Кіевѣ митрополитомъ Петромъ Могилою, который желалъ оставить его въ своемъ великомъ училищѣ для преподаванія эллинскаго языка. Когда же митрополитъ палеопатрасскій Ѳеофанъ объявилъ ему, Венедикту, что его зовутъ въ Москву „для ученія и печати“, то онъ поспѣшилъ сюда въ надеждѣ заслужить у государя своими трудами большія милости для своей обители. И теперь онъ выражалъ полную готовность заняться въ Москвѣ обученіемъ и печатнымъ дѣломъ, которое зналъ вполнѣ, и умолялъ царя и патріарха Іосифа дать ему, Венедикту, отвѣтъ, согласны ли оставить его въ Москвѣ для этой цѣли, или нѣтъ: такъ какъ, прибавлялъ,—„другіе даютъ здѣсь совѣтъ противный, думая, что они великіе мудрецы и ученые“. Отвѣтъ былъ данъ письменный и заключалъ въ себѣ такого рода наставленія ученому греку: таланты даются отъ Бога; никто не долженъ самъ величать себя учителемъ и богословомъ, а только принимать таковую похвалу изъ чужихъ устъ; св. Павелъ, потрудившійся болѣе всѣхъ апостоловъ и высоко парившій въ богословіи, считалъ себя меньшимъ изъ

всѣхъ ихъ; особенно же при патріархѣ неприлично и крайне дерзко младшему по сану называть себя учителемъ и богословомъ; надобно помнить, какъ Господь обличалъ книжниковъ и фарисеевъ, которые любили величать себя учителями... Венедиктъ, очевидно, не понравился московскимъ книжникамъ, и предложеніе его было отвергнуто, и добрый государь, отпуская Венедикта изъ Москвы (въ маѣ 1647 года), велѣлъ только выдать ему на его монастырь своего жалованья 40 соболей ([89]).

Скоро однакожъ и въ Москвѣ принуждены были сознать нужду въ наукѣ и въ ученыхъ людяхъ. Въ 1649 г., 14 мая, царь Алексѣй Михайловичъ самъ писалъ къ преемнику Петра Могилы, кіевскому митрополиту Сильвестру Коссову, и просилъ его прислать въ Москву старцевъ—учителей, извѣстныхъ своимъ знаніемъ греческаго и латинскаго языковъ, именно Арсенія Сатановскаго и Дамаскина Птицкаго, о чемъ еще прежде писалъ къ черниговскому епископу Зосимѣ по случаю отсутствія въ то время митрополита изъ Кіева. Побужденіемъ къ этому послужило то обстоятельство, что въ Москвѣ задумали

([89]) Москов. главн. арх. Министер. иностр. дѣлъ, дѣла греч., Связк. 24, № 15; *Муравьев.* Сношен. Россіи съ Востокомъ, III, л. 530 об.—537. 538 об. Эта *третья* часть извѣстнаго Сборника, совсѣмъ уже приготовленная къ печати и пропущенная цензурою, осталась въ рукописи и подарена А. Н. Муравьевымъ въ библіотеку московской духовной академіи, гдѣ и хранится. Рукопись составляетъ огромную книгу въ листъ, помѣчена по листамъ (отъ л. 523 до 990) и излагаетъ, на основаніи документовъ московскаго главнаго архива Министерства иностранныхъ дѣлъ, „сношенія россійской церкви съ восточною въ царствованіе Алексѣя Михайловича“. Надобно однакожъ замѣтить, что и эта третья часть, подобно двумъ первымъ, составлена безъ надлежащаго вниманія къ дѣлу: нѣкоторые документы, притомъ весьма важные, здѣсь вовсе опущены; другіе указаны и изложены невѣрно или неполно, и годы въ документахъ означены, очень часто, неточно. Необходимо обращаться къ подлинникамъ, хранящимся въ означенномъ архивѣ.

было напечатать всю славянскую библію и желали исправить ее предварительно не по славянскимъ спискамъ, какъ правились доселѣ печатавшіяся книги, но по греческому тексту,— чего московскіе справщики сдѣлать были не въ состояніи. Митрополитъ Сильвестръ поспѣшилъ исполнить желаніе московскаго государя и прислалъ къ нему изъ кіево-братскаго училищнаго монастыря двухъ честныхъ учителей—священно-иноковъ: Арсенія Сатановскаго и Епифанія Славеницкаго, „на службу царскому величеству избранныхъ“, и третьяго учителя и проповѣдника Слова Божія, священно-инока Ѳеодосія Сафоновича съ просительною граматою (отъ 20 іюня) о милостыни кіево-братскому монастырю (90). Между тѣмъ одинъ изъ любимцевъ царя, молодой постельничій Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, по его царскому изволенію и благословенію патріарха Іосифа, еще до отправленія царемъ письма къ митрополиту Коссову, построилъ въ двухъ верстахъ отъ Москвы, по кіевской дорогѣ, близъ церкви св. Андрея Стратилата, монастырь точно такой, какого желалъ нѣкогда Петръ Могила. И благодаря, безъ сомнѣнія, вліянію царскаго письма, посланнаго въ Кіевъ, Ртищевъ успѣлъ еще въ томъ же 1649 г. вызвать въ свой монастырь на жительство изъ кіевопечерской лавры, изъ межигородскаго и другихъ кіевскихъ монастырей „иноковъ, изящныхъ во ученіи грамматики словенской и греческой, даже до риторики и философіи, хотящимъ тому ученію внимати“. Всѣхъ иноковъ прибыло тогда изъ Кіева, конечно, съ благословенія митрополита Сильвестра Коссова, до тридцати. Старцы-

(90) Собр. Госуд. Грам. III, № 136; А. Ю. и З. Россіи, III, №№ 261—264.

иноки немедленно открыли свое обученіе для всѣхъ желающихъ, и первымъ въ числѣ желающихъ былъ самъ Ртищевъ, который дни посвящалъ своимъ служебнымъ занятіямъ при дворѣ, а ночи нерѣдко просиживалъ въ своемъ андреевскомъ монастырѣ надъ греческою грамматикою и въ бесѣдахъ съ учеными мужами ([91]). Новая наука, принесенная изъ Кіева, произвела различное дѣйствіе на москвичей. Нашлись лица, которыя отозвались на голосъ ея съ большимъ сочувствіемъ и даже пожелали отправиться въ самый Кіевъ для полнаго своего образованія, въ чемъ и пособлялъ имъ тотъ же Ртищевъ. Но нашлись и такіе, которые отнеслись къ ней съ большимъ подозрѣніемъ и увидѣли въ ней страшную опасность для вѣры. Въ 1650 г., апрѣля 3, заявилъ окольничему Ивану Андреевичу Милославскому чернецъ Саулъ, что есть за нимъ государево дѣло, и просилъ про тотъ его извѣтъ доложить государю. Окольничій доложилъ,—и чернецъ Саулъ сказалъ предъ государемъ: „въ нынѣшнюю зиму, 5 марта, приходили къ нему, Саулу, въ келью Иванъ Васильевичъ Засѣцкій да Лука Тимоѳеевичъ Голосовъ да благовѣщенскаго собора дьячекъ Константинъ Ивановъ, и между собою шептали: учится у кіевлянъ Ѳедоръ Ртищевъ греческой граматѣ, а въ той граматѣ и еретичество есть; а бояринъ де Борисъ Ивановичъ (Морозовъ) держитъ отца духовнаго для прилики людской, а еретичество де знаетъ и держитъ“. Государь велѣлъ разслѣдовать дѣло. И дьячекъ Константинъ Ивановъ въ разспросѣ показалъ (показанія двухъ другихъ лицъ не сохранились): „нынѣшняго года на масляницѣ, дня не помню, провожали мы, Лука Голосовъ, Иванъ Засѣцкой да я, Константинъ, отъ Благо-

([91]) Древн. Росс. Вивліоѳ. VI, 403; XVIII, 400—402.

вѣщенья протопопа къ нему на дворъ, и, проводивъ, пришли къ воротней кельѣ, къ старцу Саулу, и сѣли на лавкѣ. И говорили мнѣ Лука и Иванъ: „извѣсти благовѣщенскому протопопу (Стефану Вонифатьеву), что онъ, Лука, у кіевскихъ чернецовъ учиться не хочетъ; старцы не добрые, онъ де въ нихъ добра не позналъ, добраго ученія у нихъ нѣтъ; теперь онъ манитъ Ѳедору Ртищеву, боясь его, а впередъ учиться никакъ не хочетъ“. Да Лука же говорилъ: „кто по латыни научится, тотъ де съ праваго пути совратится. Да и о томъ вспомяни протопопу: поѣхали въ Кіевъ учиться Перфилка Зеркальниковъ да Иванъ Озеровъ, а грамату проѣзжую Ѳедоръ (Ртищевъ) промыслилъ; поѣхали они доучиваться у старцевъ-кіевлянъ по латыни, и какъ выучатся и будутъ назадъ, то отъ нихъ будутъ великія хлопоты; надобно ихъ до Кіева не допустить и воротить назадъ. И такъ они (старцы кіевляне) всѣхъ укоряютъ и ни во что ставятъ благочестивыхъ протопоповъ Ивана и Стефана (т. е. Неронова и Вонифатьева, считавшихся первыми знаменитостями въ московскомъ духовенствѣ) и другихъ; враки де вракуютъ они, слушать у нихъ нечего; про то ничего не знаютъ, чему учатъ“. И Константинъ говорилъ: „въ прошломъ 1649 г., лѣтомъ, попъ Ѳома, сосѣдъ мой, спрашивалъ меня: скажи, пожалуй, какъ быть? Дѣти мои духовные Иванъ Озеровъ да Перфилій Зеркальниковъ просятся въ Кіевъ учиться. Я, Константинъ, ему сказалъ: не отпускай, Бога ради; Богъ на твоей душѣ это взыщетъ. А Ѳома молвилъ: радъ бы не отпустить, да они безпрестанно, со слезами, просятся, и меня мало слушаютъ, и ни во что ставятъ“. Потомъ Лука и Иванъ про боярина Бориса Ивановича Морозова говорили между собою тихонько: „Борисъ де Ивановичъ держитъ отца духовнаго для прилики людской, и

началъ жаловать кіевлянъ; а это уже явное дѣло, что туда уклонился, къ такимъ же ересямъ“ (92). Кіевляне, однакожъ, не унывали и, вмѣстѣ съ преподаваніемъ наукъ для желающихъ, начали принимать участіе и въ исправленіи печатавшихся книгъ. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что когда въ 1650 г. была уже отпечатана, по славянскимъ спискамъ, книга Шестодневъ, ее сличили съ греческимъ текстомъ и, нашедши въ ней нѣкоторыя несогласія съ послѣднимъ, припечатали исправленія ихъ въ концѣ книги, чтобы всю ее не перепечатывать: это сличеніе и исправленія могли сдѣлать, конечно, не московскіе справщики, а кіевляне (93).

Въ томъ же 1649 г., когда вызваны были изъ Кіева ученые иноки, случилось въ Москвѣ и другое весьма важное событіе. Въ нее прибылъ іерусалимскій патріархъ Паисій, который уже приходилъ къ намъ въ 1636 г. отъ имени іерусалимскаго патріарха Ѳеофана для сборовъ на гробъ Господень, будучи тогда только игуменомъ (94). О прибытіи Паисія довольно подробныя свѣдѣнія, сообщаетъ статейный списокъ, сохранившійся доселѣ. Въ генварѣ 1649 г. государь получилъ извѣстіе изъ Путивля отъ воеводы Плещеева, что туда прибылъ іерусалимскій патріархъ Паисій, съ большою свитою, въ которой находились: архимандритъ его Филимонъ, келарь старецъ Аѳанасій, казначей Іоасафъ, архидіаконъ Парѳеній, попъ Даніилъ, уставщикъ старецъ Арсеній, два діакона Максимъ и Парѳеній,

---

(92) Москов. главн. архив. Министер. иностр. дѣлъ, дѣла приказныя 1650 года, Связк. 246, № 31.

(93) *Сахаров.* Обозр. библіогр., № 521.

(94) Дворц. Разр. III, 111—119; Выходы Госуд., 119; Сношен. Россіи съ Восток. II, 175—177.

два старца келейника Мелетій и Іоакимъ, патріаршій племянникъ бѣлецъ Харитонъ Ивановъ и племянникъ прежняго іерусалимскаго патріарха Ѳеофана бѣлецъ Павелъ Ивановъ, дѣтей боярскихъ и слугъ 25 человѣкъ. Алексѣй Михайловичъ тотчасъ же приказалъ выслать въ Калугу на встрѣчу патріарху сани съ царской конюшни да царскаго жалованья ему—двѣ шубы, соболью подъ камкою и песцовую подъ тафтою, какія высланы были прежде пріѣзжавшему патріарху Ѳеофану. Послалъ такъ же государь нарочнаго отъ себя Ѳедора Мякинина, чтобы онъ встрѣтилъ Паисія въ Калугѣ и привѣтствовалъ царскимъ именемъ; потомъ провожалъ до Москвы и дорогою распросилъ: онъ ли держитъ нынѣ патріаршество іерусалимское, или кто иной на его мѣстѣ; за чѣмъ ѣдитъ къ государю, и везетъ ли какой приказъ отъ прочихъ патріарховъ? Мякининъ въ точности исполнилъ волю государя и извѣстилъ его со словъ Паисія: патріаршество іерусалимское держитъ онъ самъ, въ Москву ѣдитъ, чтобы поздравить и благословить царя-государя, отъ прочихъ патріарховъ никакого приказа съ нимъ нѣтъ. Въ 26 день генваря былъ торжественный въѣздъ патріарха въ Москву. Здѣсь встрѣтилъ и привѣтствовалъ его отъ имени государя князь Мышецкій и проводилъ до чудова монастыря, гдѣ назначено было Паисію на первыхъ порахъ остановиться и откуда потомъ перешелъ онъ на кирилловское подворье. Въ самомъ монастырѣ онъ встрѣченъ былъ архимандритомъ Кирилломъ и всею братіею съ крестами и свѣчами, и прикладался къ св. мощамъ и иконамъ. Князю Мышецкому данъ былъ наказъ постоянно состоять при патріархѣ Паисіѣ, заботиться о содержаніи его и относиться къ нему съ такою же честію, какъ и къ первопрестольнику русской церкви; но вмѣстѣ велѣно было не допускать къ

Паисію никого изъ гречанъ или турокъ или иныхъ иноземцевъ (подобно тому, какъ было въ пріѣздъ къ намъ патріарха Іереміи), а если отъ московскаго патріарха или иныхъ властей и бояръ будутъ приходить съ кормомъ къ Паисію, тѣхъ допускать. Спустя два дня (29 генв.) государь посылалъ думнаго дьяка Михаила Волошенникова поговорить съ патріархомъ Паисіемъ. Патріархъ объявилъ, что пріѣхалъ бить челомъ о милостыни для искупленія гроба Господня, находящагося въ великомъ и неоплатномъ долгу. Дорогою чрезъ польскую землю, въ Винницѣ, Шаргородѣ и другихъ городахъ до Кіева убѣждалъ поляковъ не посягать впредь на православную вѣру. Въ Кіевѣ приказывалъ отъ себя гетману Хмельницкому не соглашаться съ бусурманами для пролитія христіанской крови, а сослаться съ московскимъ государемъ о помощи противъ ляховъ. О себѣ сообщилъ, что уже четыре года патріаршествуетъ въ Іерусалимѣ, и на время своего отсутствія поручилъ вѣдать духовныя дѣла виѳлеемскому митрополиту; вообще же о патріархахъ передалъ, что трое изъ нихъ, александрійскій, антіохійскій и іерусалимскій, всегда живутъ между собою въ союзѣ и общеніи, а у цареградскаго патріарха съ своими властями бываютъ по временамъ смуты, и часто его смѣняютъ. Относительно гроба Господня сказалъ, что православнымъ христіанамъ приходить къ нему для молитвы свободно, только турки берутъ по семи ефимковъ съ человѣка, и что на гробъ Господень благодать Св. Духа нисходитъ, по прежнему, въ великую субботу, огнемъ небеснымъ. Февраля 4-го государь торжественно принималъ у себя патріарха Паисія и всю его свиту въ своей золотой палатѣ, облеченный во весь царскій нарядъ и окруженный боярами, окольничими и дворянами въ золотомъ платьѣ. Встрѣ

тилъ патріарха на полсажени отъ своего престола, и просилъ благословенія. Патріархъ благословилъ царя и цѣловалъ его въ руку. Затѣмъ привѣтствовалъ его рѣчью и поднесъ ему свои дары: три образа—Спасителя, Богородицы и Николая чудотворца, части мощей св. Меркурія, Ѳеклы, Пантелеимона и другихъ, а такъ же удостоился получить отъ царя жалованье: кубокъ серебряный-позлащенный, нѣсколько кусковъ бархата, атласа, камки, два сорока соболей и 200 рублей деньгами, всего же на 426 рублей. Отпуская Паисія, государь велѣлъ ему идти въ соборную церковь (такъ когда-то велѣно было антіохійскому патріарху Іоакиму царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ) къ святѣйшему патріарху Іосифу, который готовился въ то время служить литургію и въ полномъ святительскомъ санѣ стоялъ на облачальномъ амвонѣ, имѣя по сторонамъ митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ и прочее духовенство. Паисій, по входѣ въ успенскій соборъ, приложившись къ св. иконамъ и мощамъ, приблизился къ святѣйшему Іосифу, который для встрѣчи его сошелъ на сажень съ амвона, и оба патріарха цѣловались между собою о Христѣ, а всѣ прочія духовныя лица приняли у Паисія благословеніе. Мѣсто ему было приготовлено въ церкви у задняго столпа по правую сторону; но онъ, когда началась литургія, объявилъ чрезъ переводчика, что желалъ бы стоять въ алтарѣ и посмотрѣть службу, вслѣдствіе чего, на маломъ входѣ, по приказанію Іосифа, введенъ былъ діакономъ и двумя иподіаконами чрезъ царскія двери въ алтарь, и всю обѣдню стоялъ на орлецѣ у царскихъ дверей съ правой стороны. Послѣ представленія государю Паисій прислалъ въ посольскій приказъ списокъ рѣчи своей, произнесенной предъ государемъ, въ которой, выражая ему раз-

ныя благожеланія, между прочимъ, говорилъ: „да сподобитъ тебя Богъ пріять превысочайшій престолъ великаго царя Константина, прадѣда твоего..., да будешь новый Моусей, да освободишь насъ отъ плѣненія нечестивыхъ, какъ онъ освободилъ сыновъ Израильскихъ отъ рукъ Фараона". Предъ наступленіемъ великаго поста прислалъ въ посольскій приказъ новую бумагу, въ которой, разсуждая о важности этого поста, высказывалъ государю пожеланія—провести св. четыредесятницу здраво, радостно, невредимо, и потомъ увидѣть свѣтъ святаго воскресенія. Февраля 22-го государь, по просьбѣ Паисія, отпустилъ его со всею его свитою въ троицкій сергіевъ монастырь и приказалъ сдѣлать ему такую же встрѣчу и такой же пріемъ, какіе обыкновенно дѣлаютъ тамъ московскому патріарху и сдѣланы были іерусалимскому патріарху Ѳеофану. Марта 2-го Паисій прислалъ въ посольскій приказъ письмо на имя государя, умоляя его освободить св. мѣста Іерусалима отъ власти агарянъ и еретиковъ и повелѣть русскимъ архіереямъ, монастырямъ и вельможамъ, чтобы они сдѣлали вспоможеніе на гробъ Господень. Послѣ перваго, оффиціальнаго пріема, государь еще нѣсколько разъ принималъ у себя патріарха Паисія. Въ мартѣ дважды, въ день именинъ Алексѣя Михайловича, 17-го числа, и въ день Благовѣщенія, Паисій удостоился быть приглашеннымъ къ царской трапезѣ, вмѣстѣ съ патріархомъ Іосифомъ,— причемъ, замѣчательно, „сидѣли оба патріарха съ государемъ за однимъ столомъ: подлѣ государя сидѣлъ Іосифъ патріархъ московскій и всея Русіи, а подлѣ Іосифа патріарха сидѣлъ Паисій патріархъ іерусалимскій". Въ апрѣлѣ Паисій одинъ былъ приглашенъ государемъ въ село Покровское, гдѣ такъ же удостоился раздѣлять съ царемъ трапезу. Съ наступленіемъ

мая іерусалимскій святитель началъ помышлять объ отъѣздѣ изъ Москвы, и 7-го числа былъ уже на отпускѣ у государя. Государь принялъ его торжественно, какъ и въ первый разъ. Думный дьякъ Волошенниковъ прочиталъ отъ имени государя рѣчь патріарху, въ которой, между прочимъ, говорилъ: „въ какомъ насиліи св. мѣста отъ безбожныхъ турокъ, мы съ болѣзнію души и сердца нашего слышимъ; но волѣ Божіей никто противиться не можетъ. Господь вѣдаетъ то, что ко спасенію нашему устроилъ; мы однакожъ непрестанное попеченіе имѣемъ, чтобы Онъ отвратилъ свой праведный гнѣвъ и возвратилъ св. градъ Іерусалимъ въ руки благочестивыхъ царей. И мы, великій государь, васъ, отцовъ и богомольцовъ нашихъ, въ забвеніи не положимъ, и нашимъ царскимъ жалованьемъ и милостынею, что̀ Богъ дастъ, впредь не оставимъ“. Затѣмъ патріарху и объявлено было государево жалованье соболями на 4000 рублей. Въ концѣ мая (27-го числа) Паисій еще разъ былъ у государя въ селѣ Покровскомъ, и получилъ отъ него соболей на 300 рублей, столько же отъ государыни, и отъ царевенъ на 400 рублей. Къ 25 числу іюня онъ прибылъ изъ Москвы въ Путивль, а 3-го іюля выѣхалъ изъ Путивля на порубежный литовскій городъ Конотопъ ([95]).

Какъ ни кратковременно было пребываніе іерусалимскаго патріарха въ Москвѣ, оно не осталось безплоднымъ для русской церкви. Паисій успѣлъ замѣтить въ ней нѣкоторыя разности отъ чиновъ и обрядовъ восточной церкви и „новшества“, какимъ особенно показалось употребленіе двуперстія для крестна-

([95]) Москов. главн. архив. Мин. иностр. дѣлъ, дѣла греч., Связк. 27, № 7; *Муравь.* Снош. Россіи съ Восток. III, 587 об.—605; Дворцов. Разряд. III, 113—119.

го знаменія, и не скрывалъ своихъ впечатлѣній ([96]). Замѣчанія Паисія сильно подѣйствовали на царя и патріарха Іосифа, и они рѣшили отправить на востокъ надежнаго человѣка, чтобы онъ на мѣстѣ изучилъ тамошніе церковные чины и обряды и представилъ о нихъ свѣдѣнія. Выборъ палъ на строителя богоявленскаго монастыря въ Кремлѣ, принадлежавшаго троице-сергіевой лаврѣ, старца Арсенія Суханова, знавшаго греческій языкъ. Арсеній выѣхалъ изъ Москвы 10-го іюня, вмѣстѣ съ патріархомъ Паисіемъ, и промедлилъ при немъ слишкомъ долго въ Яссахъ, откуда два раза, съ граматами его, пріѣзжалъ въ Москву, въ первый разъ 11-го декабря 1649 г., въ другой 8 дек. 1650 года. Во время послѣдняго пріѣзда онъ, какъ самъ говоритъ, подалъ въ посольскій приказъ „Статейный списокъ“, который сохранился донынѣ. Въ этомъ спискѣ, представляющемъ собою какбы дневникъ Арсенія, онъ помѣстилъ, между прочимъ, и свои „пренія о вѣрѣ“, какія имѣлъ съ патріархомъ Паисіемъ и другими греками, — пренія въ высшей степени любопытныя: такъ какъ они свидѣтельствуютъ, до какой уже степени доходили тогда разногласія между русскими и греками особенно по вопросу о перстосложеніи для крестнаго знаменія, и какъ смотрѣли тогда русскіе, или частнѣе, русскіе книжники, подобные Суханову, на грековъ и свою отечественную церковь ([97]).

([96]) *Патр. Никона* Слово Отвѣщат., въ Скрижали 1656 г., л. 1 об.

([97]) *Суханов.* Проскинитарій, стр. 12, Казань, 1870. Подлинный Статейный списокъ Арсенія, заключающій въ себѣ и преніе его о вѣрѣ, сохранился въ москов. главномъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ, въ отдѣлѣ: „греческія дѣла“, Связка 27, № 8. А за чѣмъ Арсеній два раза возвращался въ Москву, и самыя граматы патр. Паисія къ царю и царя къ Паисію, равно какъ граматы митрополита Сильвестра Коссова и Гетмана Богдана Хмельницкаго и другихъ къ царю—тамъ-же Связк. 27, № 22.

Предварительно, предъ изложеніемъ своихъ преній съ греками о вѣрѣ, Арсеній разсказываетъ, что когда онъ, послѣ перваго пріѣзда въ Москву, возвращался изъ нея къ патріарху Паисію, то на пути, въ молдавской землѣ, имѣлъ ночлегъ 30 марта 1650 г. въ сербскомъ монастырѣ Васлуѣ, бывшемъ метохіею святогорскаго зографскаго монастыря. Здѣсь игуменъ монастыря и братія, сидя за трапезою, сказывали Арсенію: былъ у нихъ на аѳонской горѣ нѣкто честный и святой старецъ, родомъ сербъ, жилъ въ скитѣ и держалъ у себя книги московскія, и крестился крестнымъ знаменіемъ по-московски, какъ писано въ книгѣ Кирилла іерусалимскаго (т. е. Кирилловой), что напечатана въ Москвѣ, да и прочихъ томужъ училъ. Узнали про то греки, и сошлись всѣ изъ всѣхъ монастырей, и того сербина съ московскими книгами поставили на соборѣ, и испытали его во всемъ. Онъ далъ имъ отвѣтъ по книгѣ Кирилловой, какъ писали блаженный Ѳеодоритъ и Мелетій александрійскій и за ними Максимъ грекъ. И греки, выслушавъ отвѣтъ, назвали московскія книги еретическими. Тогда старецъ сказалъ: есть у нихъ старинная книга сербская, писанная лѣтъ за 130, и въ ней о сложеніи перстовъ сказано, какъ и въ московскихъ печатныхъ книгахъ. Принесли книгу на соборъ, и она слово въ слово сошлась съ московскими. Греки разъярились на старца, и хотѣли его сжечь съ книгами. Но смилостивились надъ старцемъ, не сожгли его, а всякимъ жестокимъ смиреніемъ смиряли его и безчестили, и привели его къ присягѣ, что впредь ему такъ не креститься и другихъ не учить; самыя же книги московскія, бывшія у него, книгу Кириллову, многосложный свитокъ и псалтырь съ возслѣдованіемъ, взяли и сожгли, равно какъ и старую сербскую книгу. Раз-

сказавъ про этотъ случай, сербскіе монахи и ихъ игуменъ говорили Арсенію, что греки горды и издавна ненавидятъ сербовъ, что когда еще сербы и болгары крестились и просили переложить для нихъ св. писаніе на славянскій языкъ, греки имъ отказали; что когда потомъ Кириллъ философъ, происходившій будтобы отъ отца болгарина и матери гречанки и съ дѣтства навыкшій языкамъ греческому, латинскому и славянскому, приходилъ въ Царьградъ и просилъ у патріарха благословенія *сложить славянскую грамату и переложить отъ греческаго на славянскій языкъ книги*, греки это запретили Кириллу, и онъ принужденъ былъ обратиться къ папѣ Адріану, который и благословилъ его на святое дѣло; что греки искали убить за то св. Кирилла, и онъ скрывался отъ нихъ у дальнихъ славянъ до конца своей жизни... „Потому ненавидятъ насъ, сербовъ, греки,—заключили свой разсказъ сербскіе иноки,—что мы по славянскимъ книгамъ служимъ, и имѣемъ своихъ архіепископа, и митрополитовъ, и епископовъ, и поповъ; а грекамъ хотѣлось бы, чтобы они у насъ владычествовали“.

Въ 9-й день апрѣля 1650 г. Арсеній прибылъ, наконецъ, въ Терговище, въ мутьянской землѣ, гдѣ имѣлъ пребываніе патріархъ Паисій въ своемъ патріаршемъ монастырѣ, и здѣсь-то, спустя полмѣсяца, начались у Арсенія съ греками пренія о вѣрѣ. Всѣхъ преній было четыре. *Первое* происходило 24 апрѣля. Въ патріаршемъ монастырѣ сидѣли за трапезою съ патріархомъ митрополитъ браиловскій Мелетій, архимандриты Аѳимъ и Филимонъ, попъ Макарій, Іоасафъ, дидаскалъ Малахія и вся братія, и бесѣдовали о сложеніи перстовъ и какъ креститься рукою. Обратился патріархъ къ старцу Арсенію и, показывая ему свою руку съ тремя сложенными пер-

стами, спросилъ: „такъ ли вы креститесь?“ Арсеній, сложа персты руки своей, какъ написано въ Кирилловой книгѣ, отвѣчалъ: „вотъ какъ мы крестимся“. Патріархъ: „кто вамъ такъ велѣлъ?“ Арсеній: „есть у насъ о томъ писано въ св. книгахъ, да и Максимъ грекъ съ св. горы, вашъ же гречинъ, такъ же писалъ“. Патріархъ: „Максимъ тотъ еретикъ“. Арсеній: „нѣтъ владыко святый, ты, не зная его, зовешь еретикомъ, ради только сложенія перстовъ, что васъ обличаетъ. Прежніе патріархи, въ своихъ граматахъ къ нашему великому князю, называли Максима вторымъ Златоустомъ; у насъ въ Россіи онъ много писалъ, и въ писаніи его не обрѣтается никакой ереси. А вы покажите отъ писанія, гдѣ то написано, что тремя перстами креститься“. Патріархъ: „писалъ о томъ Дамаскинъ иподіаконъ“. Арсеній: „Дамаскина иподіакона мы не знаемъ, и книги его у насъ въ Россіи нѣтъ; есть книга преп. Іоанна Дамаскина, да онъ о сложеніи перстовъ ничего не писалъ“. Патріархъ и греки: „не Іоаннъ Дамаскинъ то писалъ, но нѣкто по имени Дамаскинъ, иподіаконъ и студитъ; а какъ умеръ онъ, тому лѣтъ съ семдесять“. Арсеній: „тому вашему Дамаскину не вѣрю, потому что былъ послѣ седьмаго вселенскаго собора спустя многое время, и откуда онъ, каково и когда было житіе его, у васъ не написано, и знаменіями и чудесами отъ Бога онъ не свидѣтельствованъ. Покажите мнѣ свидѣтельство отъ древнихъ св. писаній“. Мелетій митрополитъ и архимандриты: „когда ты не вѣришь Дамаскину, ино о томъ пишетъ Іоаннъ Златоустъ“. Арсеній: „покажи мнѣ, гдѣ Златоустъ пишетъ“. Патріархъ велѣлъ принесть греческую книгу Іоанна Златоуста, напечатанную въ Венеціи; и въ книгѣ прочли, что надобно креститься крестообразно, а какъ

слагать персты, не написано. Арсенія просили объяснить значеніе двуперстія, и онъ объяснилъ по Ѳеодоритову слову. Тогда патріархъ, сложивъ три перста, и показывая ихъ, сказалъ: „мы, греки, всѣ такъ крестимся, и эти три перста знаменуютъ образъ Пресвятой Троицы". Арсеній: „есть и у насъ три перста во образъ Пресв. Троицы, да не тѣ, которыя ты складываешь; только мы крестъ Христовъ воображаемъ на лицѣ двумя перстами, которые значатъ два естества во Христѣ, божество и человѣчество, и снитіе съ небесъ на землю: ибо на крестѣ страдалъ единъ Сынъ Божій, а не Троица. Да и у васъ образъ Спаса въ церкви написанъ такъ, какъ мы крестимся". Патріархъ: „то благословенная рука; такъ подобаетъ благословлять, а не креститься". Арсеній: „то Дамаскинъ васъ учинилъ, что людей благословлять двумя перстами, а себя крестомъ знаменать тремя перстами. У насъ одно знаменіе креста: какъ святитель благословляетъ людей, такъ и на себѣ образъ креста изображаемъ". Патріархъ: „да откудажъ вы то взяли; вѣдь вы крещеніе приняли отъ грековъ?" Арсеній: „вы прежде насъ сдѣлались христіанами, а мы послѣ; скажите жъ мнѣ, откуда и отъ кого и въ какое время вы то приняли, чтобы креститься тремя перстами". Архимандритъ Филимонъ: „нигдѣ о томъ у насъ не написано, но мы сами такъ изначала приняли". Арсеній: „хорошо ты сказалъ, что вы сами такъ изначала приняли, и мы такъ изначала приняли отъ св. апостола Андрея, и блаженный Ѳеодоритъ такъ пишетъ и другіе. Чѣмъ же вы лучше насъ? И у насъ Богу угодившихъ много, что и у васъ было. Если вы приняли вѣру отъ апостоловъ, то и мы отъ апостола Андрея, а хотя бы и отъ грековъ, то отъ тѣхъ, которые непорочно сохраняли правила св. апостоловъ,

седми вселенскихъ соборовъ и богоносныхъ отцевъ, а не отъ нынѣшнихъ, которые не хранятъ апостольскихъ правилъ, и въ крещеніи обливаются и окропляются, а не погружаются въ купѣли, и книгъ своихъ и науки у себя не имѣютъ, но принимаютъ отъ нѣмцевъ"... Архимандритъ Филимонъ: „одни вы на Москвѣ такъ креститесь, а въ польской землѣ русскіе крестятся, какъ и мы греки". Арсеній:... „у васъ въ Терговищи есть книга изъ польской земли печатная, и въ ней писано о крестномъ знаменіи слово въ слово по нашему; книга та у втораго логоѳета Дришта—славянская грамматика". На этихъ словахъ патріархъ и всѣ замолчали и, вставъ изъ-за трапезы, пошли кручиноваты, что хотѣли оправдаться св. книгами, да нигдѣ не сыскали, и то имъ стало за великій стыдъ. Когда всѣ вышли изъ-за трапезы въ монастырь, Мелетій митрополитъ, попъ Макарій и старецъ Іоасафъ сказали Арсенію: „откудажъ вы вѣру приняли, какъ не отъ насъ грековъ". Арсеній: „мы вѣру приняли отъ Бога, а не отъ васъ, и крещеніе приняли изначала отъ св. апостола Андрея, а не отъ васъ. Скажите, отъ кого вы греки приняли крещеніе". Архимандритъ Филимонъ: „мы приняли крещеніе отъ Христа и отъ апостоловъ и отъ Іакова брата Господня". Арсеній: „вы неправду говорите; вы, греки, живете въ Греціи, Македоніи, по сю страну Царяграда, подлѣ бѣлаго моря и около Селуня къ аѳонской горѣ,— а Христосъ и Іаковъ, братъ Господень, проповѣдывали въ Іерусалимѣ, а въ Іерусалимѣ грековъ не было, все жиды и арабы тогда жили, да и нынѣ въ Іерусалимѣ и около него живутъ арабы и сиріане, а грековъ нѣтъ, кромѣ васъ немногихъ, приходящихъ туда старцевъ, живущихъ у патріарха; іерусалимскіе же старцы все арабы, по монастырямъ живутъ

и у патріарха. Вы крещеніе приняли по вознесеніи Господнемъ отъ апостола Андрея и прочихъ; въ то время, какъ св. апостолъ Андрей былъ въ Царьградѣ, приходилъ онъ чернымъ моремъ и къ намъ, и мы отъ него тогдажъ приняли крещеніе, а не отъ грековъ". Оканчивая этимъ изложеніе своего перваго пренія съ греками, Арсеній присовокупилъ, что бесѣдовавшіе съ нимъ греки, увидѣвъ дидаскала Лигоридія, не бывшаго за трапезою, подозвали его къ себѣ и передали ему о происходившемъ преніи, и Лигоридій, выслушавъ отъ Арсенія свидѣтельства о сложеніи перстовъ, будтобы сказалъ грекамъ: „хорошо у нихъ, лучше нашего", и что этотъ же дидаскалъ, когда патріархъ повелѣлъ ему пріискать свидѣтельства отъ писаній въ оправданіе грековъ, будтобы отвѣчалъ: „невозможно отъ писаній найти такихъ оправданій", — за что и оскорбился на него патріархъ.

Второе преніе происходило 9-го мая. По окончаніи трапезы съ братіею, патріархъ велѣлъ Арсенію идти за собою въ келлію и сказалъ: „вчера мнѣ мой старецъ Іоасафъ говорилъ отъ твоего имени, чтобы я велѣлъ кому побесѣдовать съ тобою о лѣтописцѣ; для чего это тебѣ надобно?" Арсеній: „владыко святый, не знаю, отъ чего у насъ съ вами лѣта отъ рождества Христова, по лѣтописцамъ, не сходятся". Патріархъ: „да какъ тебѣ думается, у насъ ли потеряно или у васъ; говори со мною". Арсеній: „съ тобою говорить о томъ не съумѣю, либо рѣчь въ задоръ пойдетъ, какъ бы мнѣ тебя на гнѣвъ не привесть; вели кому другому со мною говорить и рѣчи наши записывать". Патріархъ: „скажи мнѣ, съ кѣмъ бы тебѣ хотѣлось говорить, съ дидаскаломъ ли Лигоридіемъ или съ дидаскаломъ—митрополитомъ Власіемъ". Арсеній: „тѣ люди науки

высокой; съ ними говорить не съумѣю; наука у нихъ такова, что они стараются не истину сыскать, но только переспорить и замять истину многословіемъ; наука та у нихъ іезуитская. Дай мнѣ кого либо изъ своихъ архимандритовъ". Патріархъ: „почему ты не хочешь говорить съ ними? Они у насъ дидаскалы, люди ученые". Арсеній: „потому что въ латинской наукѣ много лукавства, а истину лукавствомъ нельзя сыскать". Патріархъ: „если ты съ дидаскалами говорить не хочешь, то мнѣ одному о такомъ важномъ дѣлѣ нельзя дать тебѣ отвѣта, а нужно писать ко всѣмъ патріархамъ. Невозможно въ такомъ дѣлѣ погрѣшить четыремъ патріархамъ: если у васъ съ нами не сходится по лѣтосчисленію, то у васъ потеряно, а у насъ, у всѣхъ четырехъ патріарховъ, полное согласіе". Арсеній: „а мнѣ думается, что погрѣшено у васъ; ибо, по взятіи Царяграда турками, латиняне выкупили всѣ греческія книги, и у себя переправя напечатали и вамъ роздали. А что ты говоришь, что вамъ, патріархамъ, невозможно погрѣшить, то апостолъ Іуда и со Христомъ жилъ, а погрѣшилъ, такъ же и Петръ апостолъ трижды отрекся отъ Христа, да изъ патріарховъ въ Царьградѣ были еретики, и въ Александріи, и въ Римѣ, и заводили многія ереси. Отъ того и царство ваше разорилось, и нынѣ у васъ въ Царьградѣ ведется, что сами своихъ патріарховъ давите, а иныхъ въ воду сажаете, и нынѣ у васъ въ Царьградѣ четыре патріарха. А что ты говоришь, будто вы греки—источникъ всѣмъ намъ въ вѣрѣ, то вы высокую (гордую) рѣчь говорите. Источникъ вѣры—Христосъ Богъ". Патріархъ: „вѣра отъ Сіона произошла, и все, что есть добраго, произошло отъ насъ: ино, мы корень и источникъ всѣмъ въ вѣрѣ, и вселенскіе соборы у насъ же были". Арсеній: „ты

правду говоришь, что отъ Сіона произошла вѣра и соборы были у васъ. И мы держимъ ту вѣру, которая произошла отъ Сіона и подкрѣплена вселенскими соборами; а вы греки той вѣры не держите, но только словомъ говорите. Въ 50-мъ правилѣ св. апостоловъ, которое они писали въ Сіонѣ, т. е. въ Іерусалимѣ, и въ правилахъ вселенскихъ соборовъ заповѣдано креститься въ три погруженія; а вы не погружаетесь при крещеніи, но обливаетесь и покропляетесь. Св. апостолы въ своихъ правилахъ повелѣли вѣрнымъ съ еретиками не молиться въ церкви; а вы, греки, молитесь въ одной церкви вмѣстѣ съ армянами, римлянами и франками, и святыню имъ даете на обѣдни. Напрасно вы называетесь источникомъ въ вѣрѣ всѣмъ: первое евангеліе написалъ Матѳей, спустя восемь лѣтъ по вознесеніи Христовомъ, на еврейскомъ языкѣ, къ увѣровавшимъ іудеямъ, а не къ грекамъ; то есть первый источникъ въ вѣрѣ... А что соборы вселенскіе были у васъ, то на соборахъ были не одни греки, но и римляне и со всей вселенной. Да и вселенскіе соборы — не источникъ вѣры: они собирались на еретиковъ, разорявшихъ вѣру Христову, преданную намъ отъ апостоловъ, и только подкрѣпляли преданіе апостольское, а не вновь вѣру составляли. Вѣра изначала произошла отъ Христа Бога и предана апостоламъ, а апостолы, принявъ отъ Христа, передали вѣру во весь міръ. Вы, греки, называете себя источникомъ для всѣхъ вѣрныхъ, какъ папа называетъ себя главою церкви. Мы же говоримъ вамъ, что и папа не глава церкви, и греки не источникъ всѣмъ. А если и были источникомъ, то нынѣ онъ пересохъ; вы и сами страдаете отъ жажды: какъ же вамъ напаять весь свѣтъ изъ своего источника?“...

Третье преніе происходило 3-го іюня; но ему предшество-

вали нѣкоторыя обстоятельства, о которыхъ предварительно и разсказываетъ Арсеній. Мая 11-го дидаскалъ Григорій, родомъ русинъ, жившій у терговицкаго митрополита Стефана, передалъ Арсенію, что охридонскій епископъ Даніилъ, находясь у митрополита Стефана, говорилъ: „споритъ со мною Арсеній, какъ креститься рукою; будетъ онъ въ турецкой землѣ, сломаютъ ему рога. Было у насъ на аѳонской горѣ такое дѣло: въ русскомъ монастырѣ крестился одинъ старецъ по московскимъ книгамъ, и святогорскіе старцы, собравшись всѣ, соборнѣ осудили его и предали его турку въ темницу, а когда онъ оттуда освободился, то мы закляли его впередъ такъ не креститься и другихъ не учить, московскія же книги я присудилъ сжечь, и онѣ сожжены“. Въ 1-й день іюня попъ патріарха Паисія Іоасафъ, послѣ вечерни, сказалъ Арсенію: „я спрашивалъ въ церкви у епископа Даніила, онъ ли присудилъ сжечь книги московскія на аѳонской горѣ, и онъ въ томъ не заперся, а сознался при многихъ свидѣтеляхъ. Разсказалъ я о томъ патріарху; онъ подивился, старецъ же Амфилохій, прилучившійся у патріарха, подтвердилъ, что книги московскія пожжены на аѳонской горѣ при немъ“. На слѣдующій день послѣ утрени патріархъ позвалъ Арсенія къ себѣ въ келью и распрашивалъ: „гдѣ ты слышалъ и давно ли о сожженіи государевыхъ книгъ на аѳонѣ греками?“ Арсеній: „слышалъ я въ Васлуѣ отъ старцевъ зографскаго монастыря, да и въ Терговищи отъ многихъ людей, да и епископъ охридонскій Даніилъ похвалялся, что онъ присудилъ сжечь тѣ книги“. Патріархъ: „напрасно; государь царь такимъ врагамъ еще милостыню даетъ; прямо изъ за той своей гордости мы и царство свое погубили; если бы и ересь въ книгахъ сыскали, то слѣдовало бы то мѣсто помарать, а

книгъ не жечь". И призвавъ старца своего Амфилохія, очевидца событія, патріархъ распрашивалъ его подробно предъ Арсеніемъ. Амфилохій передалъ, что святогорскіе старцы, собравшись всѣ, надѣли на себя епитрахили, а старца серба поставили среди церкви въ ризахъ, судили его, называли еретикомъ и самого заставили положить книги на огонь, что сожжены именно двѣ великія книги московскія въ десть, а третья въ полдесть; что имя старцу тому Дамаскинъ, и борода у него до самой земли, какъ у Макарія великаго. Въ 3-й день іюня призвалъ патріархъ митрополита Власія и своихъ архимандритовъ къ себѣ, равно и старца Арсенія, и спрашивалъ его: „какъ ты думаешь о вчерашнемъ дѣлѣ и чего отъ насъ хочешь". Арсеній: „владыко святый, не мое то дѣло; если государь царь Алексѣй Михайловичъ узнаетъ о немъ, то святогорскіе старцы, когда будутъ въ Москвѣ бить челомъ о милостынѣ, сами дадутъ государю отвѣтъ, за что жгли государевы книги. Я только прошу спросить епископа Даніила, за что они государевы книги пожгли, какую ересь въ нихъ сыскали". Позванъ былъ епископъ Даніилъ, стали его допрашивать, и онъ заперся, и говорилъ, что московскихъ книгъ на Аѳонѣ не жгли, а сожгли только сербскую книгу, писанную лѣтъ за 130, и что есть письмо о томъ съ аѳонской горы къ терговицкому митрополиту Стефану. Но старецъ Амфилохій, самовидецъ дѣла, ставъ по приказанію патріарха предъ лицемъ епископа, подтвердилъ прежнее свое показаніе. Тогда Арсеній, взявъ у патріаршаго дидаскала Малахіи печатную книгу грамматику и разогнувъ ее, поднесъ къ патріарху и сказалъ: „вы говорите, что ваши греческія книги правятъ въ Венеціи и въ аглицкой землѣ ваши православные греки. Эта книга напечатана въ Ве-

неціи, а въ книгѣ напечатана самая главная римская ересь: „и въ Духа Святаго, иже отъ Отца и Сына исходящаго“. Вотъ такія книги слѣдовало бы вамъ сожигать. Въ нашихъ же книгахъ ереси нѣтъ; государь царь у насъ православный, ереси никакой не любитъ; книги правятъ у насъ люди избранные, и безпрестанно надъ тѣмъ сидятъ; а надъ тѣми людьми надзираютъ, по государеву указу, митрополитъ, и архимандритъ, и протопопы, кому государь укажетъ, и о всякомъ дѣлѣ докладываютъ государю и патріарху“. Патріархъ: „не хорошо сдѣлали; мы и латинскихъ книгъ не сжемъ; но что ересь, то мараемъ въ нихъ“. Послѣ этого епископъ Даніилъ былъ отпущенъ, а къ митрополиту терговицкому Стефану послали, чтобы далъ письмо, присланное съ аѳонской горы касательно сожженія московскихъ книгъ. И началось третье преніе.

Митрополитъ Власій: „о крестномъ знаменіи ни евангелистъ, ни апостолъ, никто не писалъ, какъ слагать персты; то предоставлено нашему изволенію; подобаетъ только крестообразно творить крестъ, а то все хорошо, и ереси и хулы на Бога въ томъ нѣтъ. Мы складываемъ персты великій съ двумя верхними во образъ Троицы и тѣми крестимся; а вы складываете великій перстъ съ двумя нижними во образъ Троицы, а двумя верхними креститесь; то же добро — одинъ крестъ Христовъ воображается: только намъ мнится, что наше лучше, мы старѣе“. Арсеній: „знаю, владыко, что вы старѣе; но старая одежда требуетъ починки; когда церковь каменная или палата попортится, надо починить. Много у васъ преданія апостольскаго и отеческаго развалилось, а починить, т. е. исправить, не хочете. Надмѣваясь гордостію, называете себя источникомъ для всѣхъ въ вѣрѣ; а между тѣмъ въ крещеніи, вмѣсто по-

груженія, обливаетесь и покропляетесь; такъ же о крестномъ знаменіи, оставивъ преданія блаженнаго Ѳеодорита и прочихъ, держитесь новаго своего учителя, Дамаскина иподіакона. Въ церкви у васъ Спасовъ образъ написанъ и руку держитъ, какъ мы крестимся, и какъ блаженный Ѳеодоритъ писалъ". Патріархъ и митрополитъ: „такъ благословлять подобаетъ, а не креститься". Арсеній: „у насъ, по древнему, и для благословенія и для крестнаго знаменія одинъ крестъ. Мнѣ думается, что изначала и вы крестились, какъ мы нынѣ, и какъ въ церкви на иконѣ у васъ и у насъ Спасова рука пишется. А то вамъ написалъ новый вашъ учитель Дамаскинъ иподіаконъ, и сдѣлалъ вамъ въ одномъ крестѣ три креста, людей велѣлъ крестить пятью перстами, а себя тремя; мы же старое преданіе держимъ, какъ пишетъ блаженный Ѳеодоритъ. Вы сказали, что армяне такъ слагаютъ персты, какъ мы; но если и армянинъ добро дѣлаетъ и, по древнему преданію, крестится, чѣмъ то виновато? А если и грекъ измѣнитъ старое преданіе, чѣмъ то право?"...

Четвертое и послѣднее преніе происходило 4-го іюня. Преніе это вели съ Арсеніемъ патріаршій старецъ Іоасафъ и другіе греки. Іоасафъ: „не добро у васъ на Москвѣ дѣлаютъ, что въ другой разъ крестятъ христіанъ". Арсеній объяснилъ, что на Москвѣ вновь крестятъ только тѣхъ, кто крещенъ неправильно, чрезъ обливаніе, римлянъ и ляховъ: ибо „еретическое крещеніе нѣсть крещеніе, но паче осквернение". Іоасафъ: „почему же у васъ вновь не крестятъ грековъ, когда и они обливаются въ крещеніи, а не погружаются?" Арсеній: „потому что мы не знаемъ этого; а если свѣдаютъ въ Москвѣ про ваше обливаніе, то и васъ станутъ крестить". Іоасафъ: „нестаточное

то, чтобы насъ снова крестить; не гораздо у васъ то дѣлаютъ, и нашъ патріархъ хочетъ писать объ этомъ къ другимъ патріархамъ, и, согласившись, будутъ о томъ въ Москву писать къ государю и патріарху". Арсеній: „если добре будутъ писать, ино послушаютъ; а станете писать противно св. апостоламъ, то на Москвѣ и четырехъ патріарховъ не послушаютъ; знаютъ на Москвѣ древнее преданіе и безъ четырехъ патріарховъ". Іоасафъ: „невозможно не послушати четырехъ патріарховъ, о чемъ ни станутъ писать, одинъ или четверо". Арсеній: „отъ чего невозможно? Папа и главный былъ у четырехъ патріарховъ, да вотъ нынѣ его не слушаютъ". Іоасафъ: „папа еретикъ, потому не слушаютъ его". Арсеній: „а и то неправославное жъ дѣло, что св. апостолы велѣли крестить въ три погруженія, а четыре патріарха обливаютъ или покропляютъ, и то есть папина ересь". Іоасафъ: „да какъ вамъ не послушать четырехъ патріарховъ; кого же вамъ слушать?" Арсеній: „если, по преданію св. отецъ, станутъ писать, послушаютъ, а не по преданію, не послушаютъ; могутъ на Москвѣ и четырехъ патріарховъ отринуть, какъ папу, если неправославны будутъ... Мы на Москвѣ живемъ и объ одномъ патріархѣ съ митрополитами, архіепископами и епископами; то, вѣдь, вамъ, грекамъ, нельзя ничего дѣлать безъ четырехъ вашихъ патріарховъ. Когда въ Царьградѣ былъ благочестивый царь, единый подъ солнцемъ, онъ учинилъ четырехъ патріарховъ да папу въ первыхъ, и тѣ патріархи были въ одномъ царствѣ подъ единымъ царемъ, и на соборахъ собирались по его царскому изволенію. А нынѣ, вмѣсто того царя, на Москвѣ, государь царь благочестивый, единый царь благочестивый во всей подсолнечной, и царство его христіанское Богъ прославилъ. И

устроилъ нашъ государь царь у себя, вмѣсто папы, въ царствующемъ градѣ Москвѣ патріарха, а вмѣсто четырехъ патріарховъ — на государственныхъ мѣстахъ четырехъ митрополитовъ: ино у насъ на Москвѣ возможно и безъ четырехъ патріарховъ вашихъ править законъ Божій. Нынѣ у насъ царь благочестивый; а патріархъ имѣетъ подъ собою митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, — потому и патріархъ. А вашъ патріархъ александрійскій надъ кѣмъ патріархъ? У него только двѣ церкви во всей епархіи, и ни одного митрополита, архіепископа и епископа... Живутъ ваши четыре патріарха и безъ папы, когда онъ уклонился въ ересь, такъ и мы нынѣ можемъ безъ вашего ученія быть... Напрасно вы хвалитесь, что мы отъ васъ крещеніе приняли: мы приняли крещеніе отъ св. апостола Андрея, который изъ Византіи приходилъ чернымъ моремъ до Днѣпра, а Днѣпромъ до Кіева, а оттуда до Новгорода. Потомъ великій князь Владиміръ крестился въ Корсунѣ отъ тѣхъ христіанъ, которые крещены находившимся тамъ въ изгнаніи Климентомъ папою римскимъ. Изъ Корсуня взялъ Владиміръ въ Кіевъ мощи Климентовы, и митрополита, и весь священный чинъ. И мы, какъ приняли вѣру и крещеніе отъ св. апостола Андрея, такъ и держимъ, и въ крещеніи погружаемся по апостольскому 50-му правилу. А вы, греки, апостольскаго правила не храните, въ купѣли въ три погруженія не креститесь, но, по новому римскому уставу, обливаетесь и покропляетесь. И потому явно, что мы крещеніе отъ апостоловъ приняли, а не отъ васъ, грековъ.... У васъ въ Греціи такъ же и у валаховъ не сыщешь ни одного человѣка, крещеннаго правымъ крещеніемъ, и вы мало не соединяетесь съ римлянами. Да вы и лѣта отъ рождества Христова потеряли; пи-

шете: въ нынѣшнемъ во 7158, а отъ рождества Христова 1650 году,—тогда какъ ваши же греческіе лѣтописцы всѣ свидѣтельствуютъ, что Христосъ родился въ 5500 году (а не въ 5508). Это вы заняли отъ римлянъ; ибо школъ еллинскаго ученія не имѣете, и книги вамъ печатаютъ въ Венеціи, и учиться ходите въ Римъ и въ Венецію, и дидаскалы у васъ всѣ оттуда, навыкшіе тамъ еретическимъ обычаямъ; а каковы дидаскалы ваши, тому и васъ учатъ, а вы во всемъ ихъ слушаете. Все доброе, бывшее у васъ, перешло, благодатію Христовою, къ намъ въ Москву". И архимандриты говорили: „что отъ насъ къ вамъ перешло, скажи явно". Арсеній: „первое, былъ у васъ царь благочестивый, а нынѣ нѣтъ; и вмѣсто его воздвигъ Богъ на Москвѣ благочестиваго царя, и нынѣ у насъ государь царь православный, одинъ сіяетъ благочестіемъ во всей подсолнечной, и Христову церковь отъ всякихъ ересей защищаетъ. И еще скажу вамъ: на второмъ вселенскомъ соборѣ было положено считаться константинопольскому патріарху вторымъ по римскомъ ради царствующаго града; а нынѣ чѣмъ величаться вашему патріарху? Не можетъ патріархъ вашъ по городу со крестами ходить, и на своей главѣ креста носить, также и на церкви креста имѣть, или на осляти ѣздить и даже въ колокола звонить. Нынѣ ему не только противъ римскаго, но и противъ московскаго епископа невозможно величаться. Вмѣсто того у насъ нынѣ на Москвѣ патріархъ, не только какъ вторый по римскомъ, но какъ первый епископъ римскій, какъ древній благочестивый папа, украшается, нося на главѣ своей бѣлый клобукъ Сильвестра папы римскаго...., и весь святительскій и священническій и иноческій чинъ въ московскомъ государствѣ красится, какъ прежде было въ Римѣ...

Въ прежнее время много было у васъ монастырей и преподобныхъ, а нынѣ и церквей нѣтъ; бусурманы ими завладѣли и построили изъ нихъ мечети; много было у васъ и св. мощей, и вы ихъ разносили по разнымъ землямъ, а нынѣ у васъ мощей святыхъ нѣтъ. У насъ же древнихъ св. мощей много, и риза Господа нашего Іисуса Христа у насъ же, и въ нашей землѣ многихъ прославилъ Богъ угодниковъ, и иныхъ прославляетъ; мощи ихъ лежатъ нетлѣнны и чудеса творятъ". Вслѣдъ за этимъ Арсеній прочелъ грекамъ повѣсть о бѣломъ клобукѣ, въ которой, между прочимъ, предсказывалось, что какъ ветхій Римъ отпалъ отъ вѣры гордостію, такъ и въ новомъ Римѣ—Константинополѣ агарянскимъ насиліемъ христіанская вѣра погибнетъ, а на третьемъ Римѣ — на русской землѣ возсіяетъ благодать Св. Духа; что всѣ христіанскія царства сойдутся въ одно царство русское православія ради, и что патріаршескій чинъ отъ Константинополя данъ будетъ русской землѣ во времена своя, и будутъ первые послѣдними и послѣдніе первыми ([98]).

([98]) Нужно замѣтить, что послѣдніе листы въ Статейномъ спискѣ Арсенія Суханова, гдѣ излагается четвертое его преніе съ греками, очень повредились, вѣроятно, отъ сырости, и истлѣли, одни только по мѣстамъ, а другіе до половины и болѣе. Мы старались возстановить поврежденное и истлѣвшее по двумъ другимъ, позднѣйшимъ спискамъ этого самаго „Пренія о вѣрѣ": по списку нашей библіотеки, № 15, и по списку библіотеки московской духовной Академіи, № 408. Послѣдній списокъ заключаетъ въ себѣ только выписку пренія о вѣрѣ изъ Статейнаго списка Арсенія Суханова почти безъ перемѣнъ. А первый, вмѣстѣ съ преніемъ о вѣрѣ, представляетъ какбы комментарій на это преніе, составленный въ 1673 г. (л. 20 об.) какимъ-то ярымъ раскольникомъ. Придѣлавъ къ пренію о вѣрѣ свое вступленіе, составитель комментарія приводитъ потомъ, по частямъ, самое преніе, и къ каждой части присовокупляетъ свое обширное толкованіе съ рѣзкими обличеніями противъ грековъ и восхваленіями раскольническихъ мнѣній.

Подлинность разсмотрѣннаго нами сочиненія, сохранившагося въ подлинникѣ, не можетъ подлежать сомнѣнію. Арсеній, защищая двуперстіе для крестнаго знаменія, не сказалъ ничего новаго, чего бы не было въ Стоглавѣ и въ тогдашнихъ московскихъ печатныхъ книгахъ. Раскольникомъ его за это называть нельзя: мнѣніе о двуперстіи раздѣляли тогда или должны были раздѣлять всѣ въ Россіи, сами іерархи. Также и греки говорили въ защиту троеперстія то, что могли сказать на первыхъ порахъ, безъ дальнихъ справокъ и изысканій; а слова митрополита Власія о значеніи того и другаго перстосложенія заслуживаютъ полнаго уваженія. Равнымъ образомъ и сказанное Арсеніемъ о погружательномъ и обливательномъ крещеніи, о паденіи греческаго царства и церкви и о возвышеніи Россіи и русской церкви вполнѣ соотвѣтствовало тому, что было принимаемо тогда въ Россіи. Надобно помнить, что Арсеній записывалъ свои пренія съ греками не во время самыхъ преній, а уже послѣ. И потому неудивительно, если, по свойственной человѣку слабости, старался выставить себя побѣдителемъ, а соперниковъ своихъ унизить, и если, съ одной стороны, записалъ, можетъ быть, не все, что говорили греки, а съ другой—прибавилъ отъ себя, при изложеніи преній, немало и такого, чего не говорилъ во время преній. Во всякомъ случаѣ эти пренія, записанныя Арсеніемъ, представляютъ одно изъ самыхъ яркихъ свидѣтельствъ о тогдашнемъ религіозномъ настроеніи умовъ въ нашемъ отечествѣ.

Въ 24 день февраля 1651 года Арсеній снова отпущенъ былъ изъ Москвы къ іерусалимскому патріарху Паисію, съ тѣмъ, чтобы, если и теперь патріархъ не поѣдетъ въ Іеруса-

лимъ, Арсеній одинъ ѣхалъ туда, какъ можно. При чемъ въ посольскомъ приказѣ думный дьякъ Волошенниковъ, государевымъ словомъ, сказалъ Арсенію, чтобы онъ, „будучи въ греческихъ странахъ, помня часъ смертный, писалъ бы въ правду, безъ прикладу“: не намекъ ли это на то, что поданный уже Арсеніемъ Статейный списокъ не показался писаннымъ въ правду, безъ прикладу? Паисій дѣйствительно и теперь не поѣхалъ въ Іерусалимъ (99), и Арсеній, добывъ себѣ за деньги проѣзжую грамату чрезъ Валахію, 5-го мая 1651 года выѣхалъ изъ Яссъ, и одинъ отправился на востокъ. Былъ въ Константинополѣ, посѣтилъ архипелагскіе острова, проѣхалъ въ Египетъ, гдѣ бесѣдовалъ съ александрійскимъ патріархомъ Іоанникіемъ; довольно долго прожилъ въ Іерусалимѣ, и оттуда чрезъ малую Азію, Грузію и кавказскія горы возвратился на родину. Въ Москву прибылъ 7 іюня 1653 г., уже по смерти патріарха Іосифа, и представилъ царю свой „Проскинитарій“

---

(99) *Суханов.* Проскинитарій, стр. 12. Старецъ чудова монастыря Пахомій, который отправился-было въ Іерусалимъ съ патріархомъ Паисіемъ, но потомъ отпущенъ былъ имъ въ Москву изъ Молдавіи, показалъ въ Путивлѣ, на возвратномъ пути, въ Февралѣ 1650 г., что патріархъ Паисій остается жить въ мутьянской землѣ, а въ Іерусалимъ ѣхать опасается, боясь опалы отъ султана, да и по старой недружбѣ цареградскаго патріарха Парѳенія, и думаетъ прожить долго въ Мутьянахъ, до самой смерти Парѳенія, какъ о томъ говорили ему, Пахомію, іерусалимскаго патріарха черный попъ Даніилъ и старецъ Ѳеона (Москов. главн. архив. Мин. иностр. дѣлъ, дѣла греч., Связк. 28, № 9). Грекъ Исаія Остафьевъ, пріѣзжавшій въ Москву изъ Царьграда въ генварѣ 1652 г. и на пути видѣвшійся съ патріархомъ Паисіемъ въ городѣ Терговищахъ, также говорилъ, что Паисій въ мутьянской землѣ и въ Царьградъ ѣхать боится; тамъ про него молва, что онъ ѣздилъ къ гетману и въ московское государство безъ султанскаго вѣдома, тогда какъ ему дозволено было только побывать въ мутьянской землѣ и въ волошской ради милостыни; да у него и съ цареградскимъ патріархомъ несогласіе (тамъ же л. 648).

(поклонникъ), въ которомъ изложилъ свои путевыя замѣтки, описаніе св. града Іерусалима и описаніе чиновъ и обрядовъ греческой церкви. Изъ книги старца Арсенія русскіе могли убѣдиться, что на востокѣ дѣйствительно многое въ церковныхъ службахъ, обрядахъ и обычаяхъ совершается не такъ, какъ въ Россіи, что тамъ, въ частности, троятъ аллилуію, а не двоятъ, употребляютъ на проскомидіи только пять просфоръ, а не семь; творятъ крестные ходы вокругъ церкви противъ солнца, а не посолонь; допускаютъ крещеніе чрезъ обливаніе, въ случаѣ болѣзни крещаемыхъ, и, по выздоровленіи, не перекрещиваютъ ихъ чрезъ погруженіе, считая, значитъ, обливательное крещеніе дѣйствительнымъ (100). Но, весьма замѣчательно, во всемъ своемъ Проскинитаріѣ Арсеній ничего не говоритъ о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія, и впродолженіе всего своего путешествія по востоку ни съ кѣмъ не заводилъ рѣчи о такомъ важномъ въ то время предметѣ, даже съ александрійскимъ патріархомъ, которому предложилъ до тридцати вопросовъ. Чѣмъ объяснить это, если не догадкою, что Арсеній еще прежде вдоволь наговорился съ греками о крестномъ знаменіи и изложилъ свои мысли о томъ въ особомъ Статейномъ спискѣ или преніи? Не станемъ обозрѣвать подробно содержанія Проскинитарія: онъ напечатанъ и всякому доступенъ. Но замѣтимъ, что изложенныя въ немъ свидѣтельства Арсенія о многихъ церковно-богослужебныхъ разностяхъ между русскими и греками естественно должны были возбуждать вопросы, гдѣ сохранилась истина и гдѣ допущены отступленія отъ нея, у

(100) Проскинитарій *Арсенія Суханова*, стр. 11—14. 51. 54. 83. 198—199. 235—236, издан. Казан. 1870.

грековъ ли или у насъ, и указывали на необходимость основательно заняться рѣшеніемъ этихъ вопросовъ, внимательнѣе пересмотрѣть наши церковныя книги и позаботиться о болѣе строгомъ исправленіи ихъ.

Третьимъ важнымъ событіемъ 1649 года, совершившимся въ Москвѣ, было поставленіе на каѳедру новгородской митрополіи Никона, того самаго Никона, которому вскорѣ выпалъ жребій принять на себя великій трудъ такого пересмотра и исправленія нашихъ церковныхъ чинопослѣдованій. Никонъ родился въ маѣ 1605 года въ селѣ Вельемановѣ (нынѣ княгининскаго уѣзда нижегородской губерніи) отъ крестьянина Мины, и названъ Никитою. Лишившись матери вскорѣ послѣ своего рожденія, онъ много терпѣлъ въ дѣтствѣ отъ своей злой мачихи, имѣвшей у себя дѣтей отъ прежняго мужа, и когда началъ подростать, отданъ былъ отцемъ учиться граматѣ. Грамата далась Никитѣ скоро; но когда онъ отъ учителя воротился въ домъ отца, то началъ-было ее забывать. И потому, чтобы не забыть ее совершенно и болѣе навыкнуть божественному ученію, онъ рѣшился, тайкомъ отъ отца, взявъ у него нѣсколько денегъ, удалиться въ обитель Макарія желтоводскаго. Здѣсь, чрезъ посредство какого-то старца, внесши за себя денежный вкладъ, Никита былъ принятъ на жительство съ крилошанами, и посѣщая ежедневно съ великимъ усердіемъ храмъ Божій, хорошо изучилъ церковныя службы, чтеніе и пѣніе. Возвратившись домой, по просьбѣ отца, незадолго предъ его смертію, Никита чрезъ нѣсколько времени, по совѣту родственниковъ, вступилъ въ бракъ и нашелъ себѣ причетническое мѣсто въ какомъ-то селѣ, въ которомъ скоро сдѣлался и священникомъ, на двадцатомъ году своей жизни. Московскіе

купцы, узнавшіе о его достоинствахъ, уговорили его перейти на священническое мѣсто въ Москву. Десять лѣтъ прожилъ Никита въ супружествѣ, имѣлъ трехъ дѣтей; но, лишившись ихъ, одного за другимъ, уговорилъ жену свою поселиться въ московскомъ алексѣевскомъ монастырѣ, далъ за нее вкладъ, построилъ для нея келью, а самъ удалился на Бѣло-Озеро въ анзерскій скитъ (на островѣ анзерскомъ, въ 20-ти верстахъ отъ соловецкаго монастыря), и принялъ тамъ постриженіе, съ именемъ Никона, отъ самого основателя скита, преп. Елеазара. Скоро Елеазаръ отправился въ Москву для сбора пожертвованій на сооруженіе храма въ своемъ скиту и взялъ съ собою Никона. Но, возвратившись изъ Москвы, гдѣ собралъ до пяти сотъ рублей, не спѣшилъ приступать къ постройкѣ. Никонъ сталъ напоминать своему настоятелю, чтобы онъ начиналъ постройку; совѣтывалъ, по крайней мѣрѣ, отдать деньги въ соловецкій монастырь для храненія и, наконецъ, осмѣлился укорить Елеазара и братію въ сребролюбіи. Настоятель сдѣлалъ иноку строгое замѣчаніе,—и огорченный Никонъ рѣшился удалиться съ анзерскаго острова, гдѣ провелъ три года, и перешелъ въ бѣлозерскую кожеозерскую пустынь. Здѣсь, братія, видя его суровые иноческіе подвиги, не замедлили избрать его себѣ въ игумена. И Никонъ въ 1643 году посвященъ былъ въ этотъ санъ новгородскимъ митрополитомъ Аѳоніемъ. Спустя три года, когда Никонъ прибылъ въ Москву, по дѣламъ своего монастыря, и представился царю, еще семнадцатилѣтнему юношѣ, то произвелъ на него самое глубокое и отрадное впечатлѣніе. Царь пожелалъ имѣть кожеозерскаго игумена настоятелемъ своей царской обители, и патріархъ тогда же (1646 г.) произвелъ Никона въ архимандрита новоспасскаго московскаго монастыря. А чтобы

чаще видѣть излюбленнаго архимандрита и пользоваться его бесѣдами, царь приказалъ ему каждую пятницу пріѣзжать къ заутренѣ въ придворную церковь. Во время этихъ бесѣдъ Никонъ сталъ ходатайствовать за обидимыхъ и угнетенныхъ, вдовъ и сиротъ, и тѣмъ еще болѣе привлекъ къ себѣ впечатлительное сердце молодаго государя. Алексѣй Михайловичъ поручилъ ему принимать челобитныя отъ всѣхъ, нуждающихся въ царской милости и управѣ. И когда Никонъ привозилъ эти челобитныя, которыя, во множествѣ, подавались ему и въ обители его и на пути во дворецъ, царь выслушивалъ ихъ тотчасъ послѣ заутрени, не выходя изъ церкви, и тутъ же давалъ по нимъ рѣшенія. Имя Никона сдѣлалось славнымъ во всей Москвѣ, и въ немъ увидѣли большаго человѣка. Когда новгородскій митрополитъ Аѳоній, по дряхлости и слабости, отказался отъ своей каѳедры (7 генв. 1649 г.) и отошелъ на покой въ хутынь монастырь, то, по желанію царя, на эту высшую, послѣ патріаршей, каѳедру избранъ былъ новоспасскій архимандритъ Никонъ. И 11-го марта онъ былъ посвященъ въ митрополита новгородскаго въ успенскомъ соборѣ святѣйшимъ патріархомъ Іосифомъ ([101]). Находившійся тогда въ Москвѣ іерусалимскій

([101]) *Шушеринъ*, Извѣстіе о рожденіи и о житіи патр. Никона, 1 — 13, Москв. 1871; Собр. Русск. Лѣт. III, 190. 273. Сохранились два разсказа о Никонѣ, когда онъ былъ еще послушникомъ въ желтоводской обители. Онъ ходилъ иногда въ близъ лежавшее село Кириково къ учительному и благочестивому священнику Ананіи, чтобы слушать его наставленія, и однажды попросилъ себѣ у него рясы. Но Ананія отвѣчалъ: „юноша избранный, не прогнѣвайся на меня; ты, по благодати Св. Духа, будешь носить рясы лучше этой; будешь ты въ великомъ чинѣ патріархомъ“. Въ другой разъ, когда Никонъ съ своими товарищами отправился къ томуже священнику, они зашли къ какому-то Мордвину гадальщику. Тотъ посмотрѣлъ всѣмъ имъ на руки, и сказалъ каждому по своему гаданію. Но когда посмотрѣлъ внимательно

патріархъ Паисій легко замѣтилъ и отличилъ Никона. Въ письмѣ своемъ предъ наступленіемъ великаго поста, поданномъ въ посольскій приказъ на имя государя, Паисій, подъ самый конецъ, присовокупилъ: „находясь въ прошедшіе дни у вашей милости, я говорилъ съ преподобнымъ архимандритомъ спасскимъ Никономъ, и полюбилась мнѣ бесѣда его. Онъ мужъ благоговѣйный, и досужій и преданный вашему царскому величеству. Прошу, да будетъ онъ имѣть свободу приходить къ намъ для собесѣдованій на досугѣ, безъ запрещенія вашего величества". Въ другомъ письмѣ на имя государя, посланномъ въ посольскій приказъ уже по рукоположеніи Никона въ архіерейскій санъ, Паисій выражался: „прославляю благодать Божію, которою просвѣтилъ васъ Духъ Святый, чтобы избрать и возвести на св. престолъ митрополіи новгородской такого честнаго мужа и преподобнаго священноинока, господина архимандрита Никона. Онъ достоинъ утверждать церковь Христову и пасти словесныя Христовы овцы... Я, богомолецъ вашъ, очень тому обрадовался. И если будетъ позволеніе вашего царскаго величества, то и мы отъ благодати, что̀ имѣемъ отъ св. мѣстъ, подаримъ ему одну мантію" ([102]). Государь, вѣрно, далъ позволеніе: потому что Паисій, дѣйствительно, подарилъ Никону мантію при своей граматѣ (отъ 5 мая), въ которой написалъ: „видя его Никона добродѣтели и достоинства и не имѣя ничего, чтобы оставить ему въ даръ, мы дали

въ руки Никона, то съ ужасомъ воскликнулъ: „ты либо царь будешь, либо патріархъ", и поклонился ему въ землю (Житіе Иларіона, митрополита суздальскаго, стр. 19—20, Казань, 1868).

([102]) Москов. главн. арх. Министр. иностр. дѣлъ, дѣла греч., Связк. 27, № 7; *Мурав.* Сношен. съ Восток. III, л. 600 об. и 602 об.

ему власть и благословили его носить мантію съ червленными источниками во всѣ дни жизни своей, и никто его о томъ да не истязуетъ“ ([103]). Никону-то, какъ сильному у государя, сообщалъ Паисій и свои замѣчанія объ отступленіяхъ русской церкви, особенно о двуперстіи, и, конечно, не безъ совѣтовъ Никона, состоялась извѣстная поѣздка Арсенія Суханова на востокъ и вызовъ кіевскихъ ученыхъ въ Москву. Отпустивъ своего любимца въ Новгородъ, царь поручилъ ему имѣть наблюденіе и надъ гражданскими властями, посѣщать темницы, выслушивать узниковъ и освобождать невинно осужденныхъ. И Никонъ вполнѣ оправдалъ довѣріе царское и высшей духовной власти. Онъ весьма часто совершалъ божественныя службы, говорилъ собственныя проповѣди и поученія, которыми привлекалъ множество народа, владѣя голосомъ сильнымъ и пріятнымъ. Устроилъ въ Новгородѣ для убогихъ сиротъ четыре новыя богадѣльни, испросивъ на нихъ ежегодное пособіе отъ государя; во время голода открылъ въ своемъ домѣ большую

([103]) Собр. Госуд. Грам. III, № 135. Въ этой послѣдней граматѣ Паисій вовсе не говоритъ, что онъ рукоположилъ Никона или участвовалъ въ его рукоположеніи въ митрополита, а говоритъ только: „въ тѣ дни, когда мы находились (εὑρέθημεν) въ Москвѣ..., *рукоположиша* (ἐχαροτόνησαν) *и возведоша* (ἀνεβήβασαν) (слѣдовательно не мы, но другіе) Никона на престолъ митрополіи великаго Новгорода“.... А лѣтописи наши (—III, 190. 273) усвояютъ это дѣйствіе одному патріарху Іосифу. Сохранилась доселѣ подлинная настольная грамата митрополиту Никону за подписью патріарха Іосифа, въ которой послѣдній говоритъ, что именно онъ „смиренный Іосифъ, патріархъ царствующаго града Москвы и всея великія Росіи“, съ митрополитами — Варлаамомъ ростовскимъ и Серапіономъ сарскимъ, архіепископами—Маркелломъ вологодскимъ, Моусеемъ рязанскимъ и Іоною тверскимъ и епископомъ Рафаиломъ коломенскимъ, поставилъ новоспасскаго архимандрита Никона въ митрополита Новгороду (Москов. главн. архив. мин. иностр. дѣлъ, дѣла духовныя, годъ 1659, март. 15).

палату, называвшуюся погребною, и кормилъ въ ней ежедневно отъ ста до трехсотъ и болѣе приходившихъ бѣдныхъ, а другимъ раздавалъ милостыню, и когда въ Новгородѣ случилось возмущеніе въ мартѣ 1650 г., то хотя самъ много пострадалъ отъ бунтовщиковъ и былъ совершенно избитъ ими, но своею твердостію и увѣщаніями къ народу, и особенно своими вѣстями, которыя находилъ возможность пересылать государю, несмотря на всѣ препятствія, много способствовалъ къ прекращенію мятежа,—за что и удостоился отъ государя великихъ милостей. Алексѣй Михайловичъ велъ съ Никономъ частую переписку, и каждую зиму приглашалъ его къ себѣ въ Москву, и удерживалъ его здѣсь на цѣлые мѣсяцы. Никонъ имѣлъ уже возможность, будучи только митрополитомъ, оказывать огромное вліяніе на церковныя дѣла, и пользовался ею ([104]).

Зло, противъ котораго боролись власти церковныя около столѣтія и котораго не могли одолѣть, составляло такъ называемое многогласіе при отправленіи общественнаго богослуженія. Церковныя службы, какъ положено совершать ихъ по уставу, казались длинными и утомительными; а между тѣмъ опускать что либо изъ предписаннаго уставомъ, считали тяжкимъ грѣхомъ. И вотъ чтобы сократить службы и выполнить всѣ требованія устава, придумали и мало по малу привыкли отправлять службы разомъ многими голосами: одинъ читалъ, другой въ тоже время пѣлъ, третій говорилъ эктеніи, четвертый—возгласы и проч. И изъ всего выходила такая путаница звуковъ, что почти ничего нельзя было понять. Еще на стоглавомъ со-

([104]) *Шушерин.* Изв. о рожд. и о житіи патр. Никона, 10 — 13; Записки Русск. Отд. Археолог. II, 505; *Солов.* Истор. Россіи X, 172—204.

борѣ царь Иванъ Васильевичъ жаловался на чтеніе и пѣніе по церквамъ въ два, въ три голоса, и соборъ постановилъ совершать службу Божію „чинно и не мятежно, а вкупѣ псалмовъ и псалтыри не говорить и каноновъ вдругъ не канонархать и не говорить по два вмѣстѣ“ (гл. 16). Ко времени патріарха Гермогена это „великое неисправленіе“ еще усилилось: многіе, со слезами, сказывали ему, что церковныя службы отправляются „голоса въ два и въ три, и въ четыре, а индѣ и въ пять и въ шесть“. При патріархѣ Іоасафѣ это безчиніе въ церквахъ простерлось еще далѣе: читали и пѣли уже „голосовъ въ пять и въ шесть, и больши, со всякимъ небреженіемъ“. И самъ патріархъ, уступая укоренившемуся обычаю, дозволялъ „говорити голоса въ два, а по нуждѣ въ три“; только шестопсалміе велѣлъ читать въ одинъ голосъ и въ то время не пѣть псалтыри и каноновъ. Во дни патріарха Іосифа нашлись люди, какъ находились и въ прежнее время, которые возмущались этимъ безобразнымъ обычаемъ и желали его искоренить. Таковъ былъ Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, который обращался и къ патріарху, и къ прочимъ архіереямъ, и къ знатнѣйшимъ царедворцамъ, и хлопоталъ объ устроеніи въ церквахъ, по древнему чину, единогласія вмѣсто многогласія. Ртищеву усердно помогали протопопы Нероновъ и Вонифатьевъ, стараясь дѣйствовать въ томъ же духѣ на московское духовенство; помогалъ также и Никонъ, будучи еще новоспасскимъ архимандритомъ. ([105]). Другое, столько же закоренѣлое зло, касавшееся, впрочемъ, собственно церковнаго пѣнія, а не

([105]) А. Э. III, № 264; Древн. Росс. Вивліоѳ. XVIII, 402 — 403; Житіе прот. Неронова, въ Матеріал. для исторіи русск. раскола, I, 273—274. 277, изд. братствомъ св. Петра митрополита.

всей церковной службы, состояло въ томъ, что въ пѣніи произносили слова, не какъ въ рѣчи, а растягивали иногда до безмыслія, перемѣняли въ нихъ полугласныя буквы на гласныя, прибавляли новыя гласныя, отнимали согласныя, переносили ударенія. Это такъ называемое „хомовое“ или „раздѣльнорѣчное“ пѣніе, въ противоположность древнему пѣнію „на рѣчь“, начавшееся у насъ еще въ XV вѣкѣ, постепенно усиливалось, и въ первой половинѣ XVII-го достигло крайностей. Преп. Діонисій, архимандритъ троице-сергіева монастыря, справедливо укорялъ пресловутаго въ свое время головщика и уставщика Логгина за то, что онъ своимъ пѣніемъ только смущаетъ братію въ церкви и вводитъ въ смѣхъ, когда, на прим., поетъ: „Аврааму и сѣменѝ его до̀ вѣка“, и проч. Около половины XVII вѣка инокъ Евфросинъ написалъ „Сказаніе о различныхъ ересѣхъ и о хуленіихъ на Господа Бога и на пречистую Богородицу, содержимыхъ отъ невѣдѣнія въ знаменныхъ книгахъ“, разумѣя подъ ересями и хуленіями тѣ искаженія словъ, какимъ подвергались они при пѣніи, напримѣръ: Сопасо (Спасъ), во монѣ (во мнѣ), пожеру, волаемо, людеми и под. Онъ свидѣтельствовалъ, что подобныя искаженія и ереси въ знаменныхъ (нотныхъ) книгахъ безчисленны, и призывалъ всѣхъ, отцевъ и братій, соединиться и прибѣгнуть къ благочестивому царю и патріарху Іосифу съ мольбою, чтобы они повелѣли исправить нотныя церковныя книги по древнимъ харатейнымъ спискамъ и ввести вновь нарѣчное пѣніе, вмѣсто раздѣльнорѣчнаго. Вступивъ на новгородскую каѳедру, Никонъ, своимъ примѣромъ и вліяніемъ, сдѣлалъ то, надъ чѣмъ безуспѣшно трудились другіе. Онъ строго запретилъ многогласіе при совершеніи богослуженія во всѣхъ новгородскихъ церквахъ

и, вмѣсто раздѣльнорѣчнаго, „первѣе повелѣ въ своей соборной церкви греческое и кіевское пѣніе пѣти...., и на славу прибравъ клиросы предивными пѣвчими и гласы преизбранными“, устроилъ „пѣніе одушевленное, паче органа бездушнаго, и таковаго пѣнія, якоже у митрополита Никона,—говоритъ его біографъ,—ни у кого не было“. Царь, когда услышалъ этихъ пѣвчихъ, съ которыми Никонъ обыкновенно пріѣзжалъ въ Москву, тотчасъ завелъ такое же пѣніе и у себя въ придворной церкви. И вслѣдъ за тѣмъ „нача великій государь о *единогласномъ* и *нарѣчномъ* пѣніи въ церквахъ промышленіе творити; ему же въ семъ богоспасаемомъ дѣлѣ великій помощникъ и поборникъ бысть преосвященный Никонъ митрополитъ; а святѣйшій Іосифъ, патріархъ московскій, за обыкновенность, тому доброму порядку прекословіе творяше, и никакоже хотя оное древнее неблагочиніе на благочиніе премѣнити“ ([106]).

Вопросъ о единогласіи или многогласіи въ церковномъ богослуженіи московскій патріархъ считалъ слишкомъ важнымъ. Потому опасался рѣшить этотъ вопросъ самъ, а обратился за рѣшеніемъ его, какъ и нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ, къ цареградскому патріарху и собору. Въ началѣ 1650 г. пріѣзжалъ въ Москву съ вѣстями къ государю отъ цареградскаго патріарха Парѳенія грекъ Ѳома Ивановъ, и былъ за благословеніемъ у святѣйшаго Іосифа. Послѣдній упросилъ Ѳому доставить его письмо „о церковныхъ великихъ потребахъ“ все-

([106]) Житіе архим. Діонисія, стр. 66, М. 1855; *Сахаров.* Изслѣдов. о русск. церк. пѣніи 11—15. 28; *Бычков.* Опис. рукоп. Сборн. Импер. Публ. библіотеки, I, 83; *Шушерин.* Извѣстіе о рожд. и о житіи патр. Никона, 13—14.

ленскому патріарху и достать у него и у собора отвѣтную грамату на это письмо. Грекъ Ѳома исполнилъ просьбу нашего первосвятителя, и въ декабрѣ (8 числа) тогоже года привезъ ему двѣ граматы изъ царьграда, писанныя въ 16 день августа. Одну изъ граматъ, начало которой, къ сожалѣнію, не сохранилось, патріархъ Парѳеній прислалъ лично отъ себя, и говорилъ въ ней нашему патріарху: „если и иное что̀ понадобится вашему блаженству, то, съ братскою о Христѣ любовію, пусть пишетъ намъ и присылаетъ вопросы о исправленіяхъ церковныхъ. Ибо великая церковь Христова (т. е. константинопольская), благодатію Св. Духа, есть начало инымъ церквамъ и должна исправлять въ нихъ неисправное. И она на прошенія никогда безотвѣтною не бываетъ“... Другую грамату Парѳеній прислалъ отъ лица всего своего собора. Здѣсь также сначала говорилъ: „просите, и дастся вамъ.... во всякое время всякое разрѣшеніе недоумѣній.... Наша святая, истинная, великая церковь вселенскаго престола пріяла отъ Господа силу отверзать вѣрующимъ смыслъ божественнаго ученія и утверждать въ разумѣніи истинной и пресвѣтлой вѣры христіанской.... Ибо нашъ престолъ есть источникъ и начало всѣмъ церквамъ, и подаетъ жизнь всѣмъ благочестивымъ христіанамъ во всѣ церкви..., соблюдая доднесь всѣ догматы благочестія“... За тѣмъ излагалъ самые вопросы, присланные нашимъ патріархомъ, и отвѣты собора на эти вопросы. Первый вопросъ: „можно ли многимъ архіереямъ и ереямъ служить божественную литургію на двухъ потирахъ?“ Отвѣтъ: „архіереи заступаютъ мѣсто Господа Іисуса, а священники — апостольскій ликъ, и, совокупляясь Св. Духомъ во едино, совершаютъ божественную службу на одномъ потирѣ.....

Ибо и самъ Господь явился своимъ ученикамъ на тайной вечери съ единымъ потиромъ, и преподалъ имъ пречистое тѣло свое и пречистую кровь свою, и повелѣлъ церквамъ, да совершается божественная служба на одномъ потирѣ, каковой чинъ, по преданію св. апостоловъ, и содержится по всѣмъ церквамъ". Второй вопросъ: „подобаетъ ли въ службахъ по мірскимъ церквамъ и по монастырямъ соблюдать единогласіе?" Отвѣтъ: „св. апостолъ Павелъ въ 1-мъ посланіи къ коринѳянамъ, главѣ 14-й, пишетъ: *въ церкви хощу пять словесъ умомъ моимъ глаголати, да и ины пользую, нежели тмы словесъ языкомъ* (ст. 19)... И труба если вострубитъ несогласно, кто постоитъ въ битвѣ? Такъ и молитвѣ подобаетъ быть съ постояннымъ разумомъ и душевнымъ спокойствіемъ...; и чтеніе должно совершаться со тщаніемъ, въ слухъ всѣмъ слышащимъ, съ совершеннымъ разумомъ, единогласно, а не всѣми разомъ...; и пѣвцамъ, по уставу св. шестаго собора, подобаетъ пѣть согласно, а не рыканіемъ неподобнымъ..., пѣть тропари по чину на правомъ и на лѣвомъ клиросѣ, по одному или по два, а не многимъ... Когда случится священнику или діакону читать эктеніи, то народу въ то время говорить: „Господи, помилуй," по уставу церковному, всѣмъ единымъ гласомъ съ тихостію и молчаніемъ, а пѣвчимъ пѣть однимъ..." Третій вопросъ: „нѣкоторыя жены оставляютъ мужей своихъ по нелюбви и постригаются, а мужья оставляютъ женъ своихъ". Отвѣтъ: „по уложенію благочестивыхъ царей, великаго Юстиніана и другихъ: если мужъ оставитъ жену или жена мужа и пострижется, и одинъ изъ супруговъ останется въ мірѣ, то такому подобаетъ инымъ бракомъ совокупиться безъ запрещенія,—какъ о томъ написано въ законахъ, въ

13-й главѣ о разрѣшеніи брака". Четвертаго и послѣдняго вопроса не излагаетъ соборная грамата, а прямо говоритъ: „на четвертый вопросъ находится объясненіе въ правилахъ св. апостоловъ и соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ", и затѣмъ приводитъ правила, которыя гласятъ, что не можетъ быть епископомъ, ни пресвитеромъ, ни діакономъ, ни вообще состоять въ клирѣ, взявшій въ супружество вдову, или отверженную отъ супружества, или блудницу, или рабыню, или позорищную (Апост. 18), равно какъ и второбрачный или имѣвшій наложницу (Апост. 17; св. Васил. вел. 12), и что пресвитеръ, впадшій въ блудъ или прелюбодѣйство, совсѣмъ отлучается отъ общенія церковнаго (Неокесар. 1) ([107]). Читая эти вопросы нашего патріарха Іосифа, за рѣшеніемъ которыхъ обращался онъ къ константинопольской каѳедрѣ, невольно подумаешь: вотъ что̀ считалъ онъ „великими церковными потребами"; вотъ чего не умѣлъ или не осмѣливался рѣшить онъ самъ съ одними русскими святителями и всѣмъ освященнымъ соборомъ!

Въ девятый день февраля 1651 года, слѣдовательно спустя два-три мѣсяца послѣ того, какъ получены были въ Москвѣ изъ Царьграда соборные отвѣты на посланные туда вопросы о церковныхъ потребахъ, въ томъ числѣ и вопросъ о единогласіи, царь Алексѣй Михайловичъ призвалъ въ свои царскія палаты патріарха Іосифа, митрополитовъ—Никона новгородскаго, Варлаама ростовскаго, Сераніона сарскаго, архіепископовъ—Маркелла вологодскаго, Іону тверскаго, со всѣмъ

([107]) Москов. главный арх. министер. иностр. дѣлъ, дѣла греческ., Связк. 29, № 8.

освященнымъ соборомъ, и весь свой царскій синклитъ, и держалъ съ ними совѣтъ, какъ бы искоренить многогласное пѣніе въ церквахъ, утвердившееся отъ небреженія,—при чемъ напоминалъ въ своей рѣчи о стоглавомъ соборѣ, и о патріархѣ Гермогенѣ, дѣйствовавшихъ противъ этого безчинія. И всѣ присутствовавшіе на совѣтѣ, съ царемъ во главѣ, уложили (самъ патріархъ болѣе не прекословилъ), чтобы во всемъ московскомъ государствѣ по церквамъ и монастырямъ пѣли чинно, безмятежно и единогласно, псалмы и псалтырь говорили въ одинъ голосъ, тихо и не спѣшно, со всякимъ вниманіемъ, и обратившись лицемъ къ царскимъ дверямъ; чтобы пѣвцы не пѣли въ то время, когда священникъ говоритъ эктеніи и произноситъ возгласы, а священники не говорили эктеній и возгласовъ, когда еще поютъ пѣвцы; чтобы тропари и избранные псалмы не пѣлись разомъ на двухъ крылосахъ, а пѣлись поочередно, сперва на одномъ, потомъ на другомъ; чтобы псаломщики не читали въ то время, когда происходитъ пѣніе... и проч. Тѣхъ же, которые начнутъ церковное пѣніе и чтеніе совершать небрежно и пѣть и читать не единогласно, велѣно было ссылать подъ крѣпкое начало и смирять въ монастыряхъ монастырскимъ смиреніемъ. Въ слѣдующемъ (1652) году царь принялъ мѣры и противъ раздѣльнорѣчнаго пѣнія: велѣлъ собрать въ Москву изъ разныхъ мѣстъ до 14-ти лучшихъ дидаскаловъ, т. е. музыкальныхъ учителей и вмѣнилъ имъ въ обязанность пересмотрѣть и исправить знаменныя (нотныя) книги, чтобы всякое церковное пѣніе было истиннорѣчное и вездѣ, въ городахъ, обителяхъ и селахъ, устроилось равночинно и доброгласно, хотя, къ сожалѣнію, по наступившимъ тяжелымъ обстоя-

тельствамъ времени (война и моръ), эта коммисія не могла окончить своего дѣла ([108]).

Уложеніе о единогласіи въ отправленіи церковныхъ службъ встрѣтило въ Москвѣ упорное сопротивленіе со стороны нѣкоторыхъ священниковъ. Чрезъ нѣсколько дней по изданіи этого уложенія, гавриловскій попъ Иванъ доносилъ царю (13 февр. 1651), что никольскій попъ Прокофій, гдѣ ни сойдется съ нимъ, говоритъ: „заводите де вы, ханжи, ересь новую, единогласное пѣніе...; бѣса де имате въ себѣ, всѣ ханжи..., и протопопъ благовѣщенскій (Вонифатьевъ) такой же ханжа". А 11-го февраля въ тіунской избѣ патріарха, куда обыкновенно сходилось много поповъ, происходилъ большой шумъ: лукинскій попъ Савва съ товарищами кричалъ: „мнѣ де къ выбору, который выборъ о единогласіи, руки не прикладывать; наперед бы де велѣли руки прикладывать о единогласіи бояромъ и околничимъ, любо ли де имъ будетъ единогласіе". И когда попъ гавриловскій Иванъ замѣтилъ Саввѣ и его товарищамъ, что они презираютъ уставъ св. отецъ, повелѣніе государево и святительское благословеніе, то они отвѣчали: „намъ де хотя умереть, а къ выбору о единогласіи рукъ не прикладывать; ты де, ханжа, еще молодой, ужь де ты былъ у патрі-

([108]) А. Э. IV, № 327; *Строев.* Дополн. къ Опис. старопеч. книгъ, № 79, стр. 132—134; *архим. Досиѳея* Опис. соловецк. монаст., III, 225. О хорахъ пѣвчихъ дьяковъ и подъяковъ, царскихъ, патріаршихъ и другихъ архіереевъ см.—*Разумовск.* Церк. пѣніе въ Россіи, отд. II, гл. I, стр. 70—73, М. 1867; о патріаршихъ пѣвчихъ, въ „Древностяхъ" Моск. Археол. Общ., М. 1868, ноябрь—дек., стр. 241—253; Государевы пѣвчіе дьяки XVII вѣка, въ Сборникѣ на 1873 г., изд. Обществомъ древне-русск. искусства, стр. 153, М. 1873; Расходная книга новгор. митрополита Никона, во Времен. М. Истор. Общ. XIII, отд. II, стр. 19.

арха въ смиреньѣ, а нынѣ у патріарха въ смиреньѣ будешь же". Непокорные, очевидно, расчитывали на сочувствіе имъ патріарха. Попъ же Саввы Стратилата Андрей отъ лица своихъ товарищей сказалъ, „чтобъ имъ съ казанскимъ протопопомъ (Нероновымъ, ревновавшимъ о единогласіи) въ единогласномъ пѣніи дали жеребей, и будетъ ево вѣра права, и они де и всѣ учнутъ пѣть и говорить (единогласно)". Царь приказалъ произвесть распросъ этимъ непокорнымъ священникамъ, и они на распросѣ принесли повинную ([109]).

Въ началѣ 1652 года пришла государю Алексѣю Михайловичу благочестивая мысль, или, быть можетъ, она подана ему, какъ думаютъ, хотя неизвѣстно на какомъ основаніи, митрополитомъ Никономъ, который дѣйствительно находился тогда въ Москвѣ,—мысль перенести въ московскій успенскій соборъ мощи трехъ московскихъ святителей, много пострадавшихъ отъ свѣтскихъ властей за правду и приверженность къ вѣрѣ и отечеству: митрополита Филиппа изъ соловецкаго монастыря, патріарха Іова изъ Старицы и патріарха Гермогена изъ чудова монастыря. Объ осуществленіи этой мысли государь совѣщался, 11-го марта, съ патріархомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и въ тотъ же день послалъ за мощами Іова въ Старицу ростовскаго митрополита Варлаама, съ архимандритами, игуменами и другими духовными лицами, и своего боярина Михаила Михайловича Салтыкова, съ стольниками, стряпчими и дворянами, а за мощами святителя Филиппа въ Соловки—новгородскаго митрополита Никона, съ разными ду-

([109]) Записки Русск. Отдѣленія Археол. Общества, II, 394—397.

ховными лицами, и своего боярина князя Ивана Никитича Хованскаго съ свѣтскою свитою ([110]). Никонъ повезъ къ святителю Филиппу молебную грамату отъ государя, который писалъ въ ней: „Ничто столько не печалитъ души моей, пресвятый владыко, какъ то, что ты не находишься въ нашемъ богохранимомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, во св. соборной церкви успенія пресв. Богородицы, вмѣстѣ съ бывшими до тебя и по тебѣ святителями, чтобы, ради вашихъ совокупныхъ молитвъ, всегда неподвижною пребывала св. соборная и апостольская церковь и вѣра Христова, которою спасаемся. Молю тебя, приди сюда и разрѣши согрѣшеніе прадѣда нашего, царя и великаго князя Іоанна, совершенное противъ тебя неразсудно, завистію и несдержанною яростію. Хотя я и неповиненъ въ досажденіи тебѣ, но гробъ прадѣда приводитъ меня въ жалость, что ты со времени изгнанія твоего и доселѣ пребываешь вдали отъ твоей святительской паствы. Преклоняю предъ тобою санъ мой царскій за согрѣшившаго противъ тебя, да отпустишь ему согрѣшеніе его своимъ къ намъ пришествіемъ, и да упразднится поношеніе, которое лежитъ на немъ, за изгнаніе тебя. Молю тебя о семъ, о священная глава, и преклоняю честь моего царства предъ твоими честными мощами, повергаю на умоленіе тебя всю мою власть...“ ([111]).

([110]) *Платон.* Церк. Росс. Исторія, II, 67. 235; Дворц. Разр. III, 296 — 297. 300 — 301. Но здѣсь не точно показано, будто царь отправилъ оба посольства за св. мощами 20-го марта: это случилось 11-го марта, какъ свидѣтельствуютъ Выходы государей (стр. 255) и Расходная книга митрополита Никона, которая велась изо дня въ день съ величайшею точностію (Времен. М. Истор. Общ. XIII, отд. II, 42 и слѣд.).

([111]) Собр. Госуд. Грам. III, № 147. Тогда же послана была грамата къ святителю Филиппу и отъ патріарха Іосифа (Переписная книга домовой казны патр. Никона, во Временн. М. Истор. Общ. XV, отд. II, стр. 108.

Между тѣмъ, пока Никонъ совершалъ свое путешествіе въ Соловки за мощами митрополита Филиппа, въ Москву принесены были изъ Старицы мощи патріарха Іова 5-го апрѣля. Здѣсь встрѣчали ихъ за тверскими воротами, при безчисленномъ стеченіи народа, самъ царь и патріархъ и шли потомъ за ними до успенскаго собора. Патріархъ почти всю дорогу плакалъ и говорилъ царю: „вотъ де смотри, государь, каково хорошо за правду стоять: и по смерти слава“. А когда мощи Іова принесли въ церковь и поставили, патріархъ спросилъ царя: „кому въ ногахъ у него лежать?“ Царь отвѣчалъ: „тутъ Гермогена положимъ“ (который, значитъ, еще не былъ перенесенъ въ успенскій соборъ). На это Іосифъ патріархъ молвилъ: „пожалуй де, государь, меня тутъ грѣшнаго погребите“. И съ того самаго дня заболѣлъ сильною лихорадкою, а чрезъ десять дней, 15-го апрѣля, въ великій четвергъ, скончался въ страшныхъ мукахъ, какъ извѣщалъ о томъ, чрезъ нѣсколько времени, со всею подробностію, Алексѣй Михайловичъ своего любимца Никона, находившагося уже на возвратномъ пути изъ соловецкой обители, съ мощами св. Филиппа ([112]). Мощи эти принесены въ Москву, спустя почти три мѣсяца по смерти патріарха Іосифа, 9-го іюля. Здѣсь встрѣчены были съ величайшею торжественностію самимъ царемъ, всѣмъ освященнымъ соборомъ и несмѣтными толпами народа, и сначала поставлены были на лобномъ мѣстѣ, потомъ перенесены въ успенскій соборъ, гдѣ десять дней стояли посреди церкви, наконецъ переложены въ новую серебряную раку и поставлены на дес-

([112]) Дворц. разряды, III, 304—306; Выходы госуд., 257; А. Э. IV, № 57, стр. 77—81, и № 331.

ной странѣ успенскаго собора у придѣла великомученика Димитрія солунскаго ([113]).

Патріархъ Іосифъ, подобно своему предмѣстнику Іоасафу, титуловался только „великимъ господиномъ“, а не „государемъ“ ([114]). Въ какой мѣрѣ уважалъ его царь Михаилъ Ѳедоровичъ, свѣдѣній не сохранилось. Но молодой государь Алексѣй Михайловичъ, котораго, еще шестнадцатилѣтняго юношу, Іосифъ вѣнчалъ на царство, и которому едва исполнилось 23 года предъ кончиною Іосифа, питалъ глубокое уваженіе къ старцу первосвятителю. Всего яснѣе это выразилось въ тѣхъ письмахъ, въ которыхъ царь описывалъ Никону послѣдніе дни и кончину патріарха. Здѣсь Алексѣй Михайловичъ, съ полною искренностію, величалъ его своимъ великимъ отцемъ, и пастыремъ, великимъ святителемъ и государемъ, и разсказывалъ, какъ, посѣтивъ его, уже больнаго, цѣлый часъ дожидался его, государя, въ крестовой, пока его вывели, какъ цѣловалъ его руку, кланялся ему въ землю, цѣловалъ его въ ногу; какъ, по смерти патріарха, оплакивалъ его самыми горькими слезами и „надсѣлся, плачучи“; какъ, послѣ погребенія его, полторы недѣли ежедневно ходилъ въ его палаты и самъ описывалъ оставшееся послѣ него имущество, чтобы другіе не раскрали всего. Въ послѣдніе свои годы патріархъ Іосифъ не могъ, однакожъ, не видѣть и не чувствовать, какъ видѣли и всѣ въ Москвѣ, что благочестивый государь явно предпочитаетъ ему новгородскаго митрополита Никона, и что, по совѣтамъ этого своего „собин-

([113]) Дворц. разр. III, 321; Выходы госуд., 260; Новый Лѣтоп., во Временн. XVII, 197. Снес. Собр. Госуд. Грам. III, №№ 149—154; Расходная книга митр. Никона, во Временн. XIII, отд. II, 54—58.

([114]) А. Э. III, № 322; IV, №№ 321. 323. 324. 325—328 и др.

наго друга", дѣлаетъ все, иногда прямо наперекоръ волѣ патріарха, какъ поступилъ, наприм., при введеніи единогласія въ церквахъ. Скорбь и подозрѣнія запали въ душу старца, и подъ конецъ своей жизни онъ постоянно твердилъ своимъ приближеннымъ: „перемѣнить меня, скинуть меня хотятъ; а будетъ де и не отставятъ, я де и самъ, за соромъ, объ отставкѣ стану бить челомъ",—хотя царь Алексѣй Михайловичъ, когда Іосифъ уже скончался, передавая эти слова его Никону, писалъ: „а у меня и отца моего духовнаго, ей, ни на умѣ того не бывало, и помыслить страшно на такое дѣло. Прости, владыко святый, хотябы и еретичества держался (патріархъ), и туть мнѣ какъ одному отставить его безъ вашего собору? Чаю, аще и въ дальнемъ ты разстояніи съ нами, грѣшными, едино тожъ речеши, что отнюдь того не бывало, чтобы его, свѣта, отставить или ссадить съ безчестіемъ; ты сему помышленію нашему свидѣтель". Какъ правитель церкви, Іосифъ не оставилъ о себѣ доброй памяти. Мы уже замѣчали, что въ самомъ важномъ, совершавшемся тогда у насъ, церковномъ дѣлѣ, въ исправленіи и печатаніи богослужебныхъ книгъ, онъ, по свидѣтельству одного современника, совершенно положился на протопоповъ — совѣтниковъ Вонифатьева, Неронова и другихъ, и самъ нимало о томъ не заботился. А вотъ что̀ писали о немъ, спустя шесть лѣтъ послѣ его кончины, представители московскаго духовенства въ своей челобитной къ государю: „патріаршая область огромная; иныя мѣста верстъ на 800 отъ Москвы, и прежде тамошніе попы ставились у ближнихъ архіереевъ: патріархъ Іосифъ это запретилъ, желая собрать себѣ имѣніе, и теперь такъ остается. Іосифъ же попамъ перехожихъ грамать давать не велѣлъ по городамъ съ десятильническихъ

дворовъ, а велѣлъ давать на Москвѣ изъ казеннаго приказа, хотя обогатить дьяка своего Ивана Кокошилова, да подъячихъ. Перехожая становилась иному беззаступному попу рублей по 6, 7, 10 и 15, кромѣ своего харчу; волочились недѣль по 20 и по 30; а иной, бѣдный, поживетъ въ Москвѣ недѣль десять и больше, да проѣстъ рублей пять, шесть и больше, и уѣдетъ безъ перехожей; многіе по два и по три раза для перехожихъ въ Москву пріѣзжали, а безъ нихъ попадьи и дѣти ихъ скитались межъ дворовъ". Пристрастіе Іосифа къ стяжательности обнаружилось предъ всѣми послѣ его смерти. Одной келейной, т. е. его собственной, казны осталось 13400 рублей слишкомъ и множество серебряныхъ сосудовъ, блюдъ, сковородъ, кубковъ, весьма цѣнныхъ, да домовой патріаршей казны 15000 рублей. Самъ царь, описывавшій все это имущество, при всемъ своемъ уваженіи къ почившему, не скрывалъ однакожъ, что „онъ, государь, копилъ деньги", намѣреваясь купить себѣ на нихъ вотчину; что всѣ дары, царскіе, святительскіе, камки, атласы и всякіе приносные, онъ „отдавалъ въ домовую казну, да деньги, по оцѣнкѣ, за всякій аршинъ ималъ въ свою келью", и что всѣ, служившіе при немъ и на его патріаршемъ дворѣ, были „въ конецъ бѣдны", потому что „онъ, свѣтъ, у нихъ жалованья гораздо много убавилъ". Никакого завѣщанія о своихъ деньгахъ и прочемъ имуществѣ патріархъ Іосифъ не оставилъ, и царь, по своему усмотрѣнію, раздалъ ихъ: на милостыню и выкупъ плѣнныхъ—болѣе трехъ тысячъ, родственникамъ почившаго 800 рублей, въ московскіе монастыри 800 рублей, патріаршаго двора всякихъ чиновъ людямъ двѣ тысячи рублей, патріаршимъ посельскимъ старцамъ и служилымъ боярскимъ дѣтямъ 1200 рублей, казанскому

митрополиту на окупъ церковныхъ мѣстъ двѣ тысячи; на монастырскія и церковныя строенья, также въ Володиміръ и въ украйные города на сорокоусты и на милостыню болѣе двухъ тысячъ, и проч. „Ни по которомъ патріархѣ, писалъ царь, такой милостыни не бывало“ ([115]).

IV.

Во второй четверти XVII вѣка, при царяхъ Михаилѣ Ѳедоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ, совершилась значительная перемѣна въ управленіи и судѣ русской церкви, подготовлявшаяся, впрочемъ, съ давняго времени. Дѣйствующимъ руководствомъ по церковному управленію и суду оставалась еще у насъ, послѣ кормчей книги, книга „Стоглавъ“ или „соборное уложеніе“ стоглаваго собора. А по этому уложенію, вѣдомству церковнаго управленія и суда подлежали: все духовенство, бѣлое и монашествующее, не только въ дѣлахъ духовныхъ, но и въ гражданскихъ, или „управныхъ“, за исключеніемъ разбоя, душегубства и татьбы съ поличнымъ, и всѣ міряне въ дѣлахъ духовныхъ и нѣкоторыхъ другихъ, указанныхъ въ уставѣ св. Владиміра, и кромѣ того, какъ съ духовенства, такъ отчасти и съ мірянъ собирались, по управленію и суду, извѣстныя пошлины на епархіальныхъ архіереевъ. Несудимыя же граматы, которыми монастыри и церковные причты освобождались отъ подсудности своимъ архіереямъ по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ, а иногда и отъ взноса церковныхъ пошлинъ, прямо названы въ

([115]) А. Э. IV, № 57, стр. 78—86; *Соловьев.* Истор. Россіи, XI, 290.

уложеніи стоглаваго собора противными священнымъ правиламъ. Между тѣмъ царь Иванъ Васильевичъ, и послѣ стоглаваго собора, не переставалъ, хотя изрѣдка, давать несудимыя граматы монастырямъ и церковнымъ причтамъ, а за нимъ давали и его ближайшіе преемники. Съ возшествіемъ на престолъ царя Михаила Ѳедоровича число такихъ несудимыхъ граматъ не только не уменьшилось, но еще увеличилось. Въ 1620 г. вологодскій архіепископъ Корнилій писалъ Михаилу Ѳедоровичу, что ему-архіепископу нечѣмъ строить соборный храмъ св. Софіи, совершенно разоренный въ смутное время, и нечѣмъ содержать архіерейскій домъ и платить жалованье своимъ дворовымъ людямъ: потому что не съ кого собирать церковныя дани. Не только монастыри, имѣющіе вотчины въ вологодской епархіи, каковы троице-сергіевъ, спасо-каменный, прилуцкій, корнильевскій и другіе, но и бояре, стольники, боярскія дѣти, имѣющіе вотчины въ тойже епархіи, повыпросили себѣ у государя жалованныя тарханныя граматы, и по нимъ не позволяютъ въ своихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ архіепископу судить поповъ и собирать съ духовенства дани и пошлины, а воеводы и всякіе приказные люди защищаютъ тѣхъ поповъ и не велятъ имъ судиться у архіепископа и платить ему пошлины. Архіепископъ билъ челомъ, чтобы царь приказалъ во всей вологодской архіепископіи тарханныя граматы „оставить“, т. е. отмѣнить, и всему духовенству быть подъ судомъ у своего архіерея и платить ему церковную дань. Царь дѣйствительно издалъ указъ (19 декабря), чтобы по всей вологодской епархіи воеводы и всякіе приказные люди, а равно и тѣ, которымъ даны были имъ-государемъ жалованныя граматы, въ духовныя дѣла не вступались, и чтобы всякаго церковнаго чина люди судимы были въ духов-

ныхъ дѣлахъ у архіепископа и платили ему церковную дань; но прямо и ясно тарханныхъ граматъ не отмѣнилъ. Въ слѣдующемъ же году (3 февр.) вновь далъ несудимую грамату сійскому антоніеву монастырю, имѣвшему вотчины и въ вологодской епархіи, и въ граматѣ говорилъ, что въ тѣхъ монастырскихъ вотчинахъ поповъ и дьяконовъ, также монастырскихъ прикащиковъ, слугъ и крестьянъ, вологодскій архіепископъ и его десятильники и пошлинники, „не судятъ ни въ чемъ и пошлинъ съ нихъ не емлютъ никакихъ“, а судятъ ихъ, во всѣхъ искахъ на нихъ четвертные дьяки, у кого Двинская земля въ приказѣ будетъ, на три срока: на Рождество Христово, на Троицынъ день и на Семенъ день ([116]). И замѣчательно, что въ этомъ отношеніи царь не дѣлалъ никакого различія между архіереями, и жаловалъ несудимыя граматы въ епархіи не только архіепископовъ, но и митрополитовъ и самого патріарха. Напримѣръ, въ 1621 г., 3 февраля, пожаловалъ несудимую грамату игумену и братіи темниковскаго пурдышевскаго монастыря, находившагося въ епархіи патріарха, а въ граматѣ было сказано: „отъ отца нашего, великаго государя, святѣйшаго патріарха Филарета... десятилники къ нимъ въ монастырь не въѣзжаютъ и ихъ не судятъ и кормовъ своихъ съ нихъ не емлютъ, а въ духовномъ дѣлѣ судитъ ихъ, на Москвѣ, великій государь отецъ нашъ, святѣйшій патріархъ; а кому будетъ на игуменѣ и на старцахъ, и на монастырскихъ служкахъ, и на крестьянѣхъ, искати, и ихъ въ тѣхъ искѣхъ судятъ, на Москвѣ, въ приказѣ казанскаго дворца, въ годъ на три сроки: на Рождество

([116]) Лѣтоп. занятій Археогр. Коммис. II, отд. II, 8—12; А. И. III, № 95.

Христово, на Троицынъ и на Семень день". Равнымъ образомъ и въ граматѣ (отъ 17 сент. 1621) вяжицкому монастырю новгородской епархіи говорилось, что игумена съ братіею, монастырскихъ слугъ и крестьянъ, во всѣхъ искахъ на нихъ, судятъ на Москвѣ въ приказѣ большаго дворца на тѣже три срока, и только въ духовномъ дѣлѣ игумена и братію судитъ новгородскій митрополитъ; такъ же и поповъ въ монастырѣ и въ монастырскихъ селахъ митрополитъ „не судитъ ни въ чемъ, опричь духовныхъ дѣлъ" ([117]). Новгородскій митрополитъ Макарій принесъ жалобу государю, что въ городахъ Двинѣ, Холмогорахъ, Каргополѣ, Турчасовѣ и Вагѣ, которые, съ ихъ уѣздами, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, были отчислены отъ новгородской епархіи къ вологодской, а при Ѳедорѣ Ивановичѣ вновь причислены къ новгородской, настоятели монастырей и церковные причты ни въ чемъ его-митрополита и его десятильниковъ не слушаютъ, у него не судятся и пошлинъ ему не даютъ, ссылаясь на полученныя ими царскія граматы, и просилъ граматы тѣ отмѣнить. Царь, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ Филаретомъ, пожаловалъ митрополиту грамату (8 февр. 1622) и велѣлъ ему во всѣхъ означенныхъ городахъ, какъ по всей новгородской митрополіи, вѣдать и судить во всякихъ духовныхъ дѣлахъ по прежнему, какъ было изстари, посылать въ города и уѣзды своихъ дѣтей боярскихъ и десятильниковъ, собирать церковныя дани по книгамъ, какъ бывало прежде, и архимандритовъ и игуменовъ съ братіею, ихъ слугъ и крестьянъ, протопоповъ, поповъ, дьяконовъ и весь причетъ церковный, такъ же и мірянъ, „вѣдати и судити во

([117]) А. И. III, №№ 94. 104.

всякихъ дѣлѣхъ“, по царскому указу и по соборному уложенію; а настоятелямъ монастырей и церковнымъ причтамъ, имѣвшимъ у себя несудимыя граматы, объявилъ, что граматы тѣ должны быть не въ граматы. Это же самое подтвердилъ государь и въ граматѣ, пожалованной новгородскому митрополиту 6-го авг. 1623 г., хотя здѣсь, вмѣсто словъ: „вѣдати и судити во всякихъ дѣлѣхъ“, сказано уже было: „вѣдати и судити во всякихъ *духовныхъ* дѣлѣхъ“ ([118]). Но спустя мѣсяцъ съ небольшимъ царь далъ несудимую грамату николаевскому корельскому монастырю новгородской епархіи (12 сент.); еще чрезъ два съ небольшимъ мѣсяца—двинскому архангельскому монастырю тойже епархіи (28-го ноября); еще чрезъ два мѣсяца — ладожскому васильевскому монастырю тойже епархіи (25 февр. 1624), и во всѣхъ этихъ граматахъ говорилось, что митрополитъ новгородскій и его тіуны настоятелей и чернецовъ и всего церковнаго причта, и слугъ монастырскихъ и крестьянъ „не судятъ ни въ чемъ, опрочи духовнаго дѣла; а будетъ кому чего искати на нихъ, ино ихъ сужу язъ царь и великій князь, или язъ кому прикажу“, на три извѣстные срока ([119]).

([118]) А. Э. III, №№ 123. 139. Такую же грамату государь далъ въ 1623 году рязанскому архіепископу Антонію, а въ 1627 г. коломенскому епископу Рафаилу, и объявлялъ въ граматѣ этимъ монастырямъ и всѣмъ духовнымъ лицамъ епархіи, что если кому изъ нихъ пожалованы прежде несудимыя граматы, то граматы тѣ должны быть не въ граматы (Русск. Истор. Библіот. II, №№ 131. 137, стр. 421. 443).

([119]) А. И. III, №№ 123. 126. 129. Надобно замѣтить, что у нашихъ архіереевъ и въ настоящій періодъ оставались тѣже самыя служебныя лица по епархіальному управленію и суду, какія существовали прежде: намѣстники, десятинники, поповскіе старосты, бояре, боярскія дѣти, тіуны, приставы и другіе; что епархіи, по прежнему, были раздѣлены на десятины, и что на

Въ виду такихъ обстоятельствъ положеніе Филарета Никитича было довольно затруднительное. Онъ, конечно, понималъ, что правительство стремится освободить, мало по малу, духовенство, монашествующее и мірское, изъ подсудности архіереямъ по всѣмъ дѣламъ недуховнымъ и подчинить своему собственному суду, и, какъ соправитель своему сыну-царю, не могъ или не хотѣлъ противиться этому намѣренію правительства. Но, съ другой стороны, какъ патріархъ, считалъ для себя неприличнымъ покориться такой участи наравнѣ съ прочими архіереями. И вотъ, по его совѣту и по прошенію, царь Михаилъ Ѳедоровичъ пожаловалъ ему, 20 мая 1625 года, извѣстную уже намъ грамату, которою во всей, обширнѣйшей, патріаршей области, все духовенство, монашествующее и мірское, всѣ монастыри и церкви, съ ихъ слугами и крестьянами, во всякихъ дѣлахъ, духовныхъ и гражданскихъ, кромѣ „разбойныхъ, татныхъ и кровавыхъ“, во всякихъ искахъ на нихъ, подчинены были управленію и суду патріарха и обязывались платить ему всякаго рода церковныя пошлины. Исключеніе сдѣлано было только для одного московскаго каѳедральнаго успенскаго собора: 25-го мая тогоже года царь пожаловалъ ему тарханную грамату, въ которой предоставлялъ патріарху судить протопопа съ братіею, и весь причетъ церковный, и ихъ вотчинныхъ людей и крестьянъ, только въ духовномъ дѣлѣ, а „кому будетъ чего искати на протопопѣ съ братіею,—говорилъ государь,—или на ихъ прикащикѣхъ, ино ихъ сужу язъ

архіереевъ собирались въ ихъ епархіяхъ прежніе сборы: святительская данъ, подъѣздъ, казенная и десятильничья пошлина, вѣнечная пошлина, новичныя, перехожія, благословенныя гривны и проч. (Русск. Истор. Библіот. II,№№ 119. 131. 137. 157. 204; А. Э. III, №№ 123. 139).

царь и великій князь, безпошлинно, въ году на три (извѣстные) сроки ([120]). Съ этого времени патріаршая область или епархія, по управленію и суду, явно начала какбы выдѣляться изъ круга прочихъ нашихъ епархій: въ патріаршей области все духовенство, бѣлое и черное, по всѣмъ своимъ дѣламъ, духовнымъ и гражданскимъ, оставалось въ подчиненіи своему архипастырю, тогда какъ въ прочихъ епархіяхъ и церковные причты и особенно монастыри, по дѣламъ гражданскимъ, болѣе и болѣе освобождались, чрезъ несудимыя граматы, изъ подсудности своимъ архіереямъ и подчинялись приказу большаго дворца. Около этого же времени самое устройство управленія и суда при каѳедрѣ патріарха получило нѣкоторое преобразованіе. Прежде, по уложенію стоглаваго собора, каждый архіерей, въ управленіи своею епархіею, дѣйствовалъ чрезъ своихъ намѣстниковъ, поповскихъ старостъ, десятильниковъ и проч.; въ управленіи своими церковными имѣніями — чрезъ своего дворецкаго, прикащиковъ, посельскихъ и проч.; при каѳедрѣ каждаго епархіальнаго архіерея существовало два суда, безъ особыхъ названій: одинъ по дѣламъ духовнымъ для духовенства и мірянъ, гдѣ судилъ самъ архіерей съ архимандритами и другими духовными лицами; другой по дѣламъ недуховнымъ, также для духовенства и мірянъ, гдѣ судилъ архіерейскій бояринъ или дворецкій, съ градскими старостами, цѣловальниками и дьякомъ, которыхъ назначалъ самъ государь, и съ двумя или тремя поповскими старостами и десятскими, перемѣнявшимися каждую недѣлю, по очереди, — не упоминаемъ о судахъ десятильничьихъ; казною же архіерейскою, въ которую

([120]) А. Э. III, № 164; А. И. III, № 133.

поступали пошлины, по управленію и суду, со всей епархіи, завѣдывалъ одинъ казначей. А если вѣрить запискѣ 1610 — 1613-го года о царскомъ дворѣ, то при патріаршей каѳедрѣ, даже и по духовнымъ дѣламъ, судили одни свѣтскіе судьи: патріаршій бояринъ да дворецкій, да съ ними два дьяка, и доносили дѣла предъ патріарха, и всѣ эти судьи давались отъ государя ([121]). Теперь при каѳедрѣ патріарха, бывшаго вмѣстѣ и государемъ или соправителемъ своего сына, видимъ правительственныя и судебныя учрежденія, которыя, по примѣру царскихъ такого же рода учрежденій, называются приказами. И именно уже съ 1620 года упоминаются патріаршіе приказы: дворцовый и казенный; съ 1622 года — судный приказъ на патріаршемъ дворѣ и съ 1628 года—патріаршій разрядъ или разрядный приказъ, хотя, разумѣется, всѣ они могли явиться и прежде ([122]).

Патріаршіе приказы имѣли, каждый, свое особое назначеніе, на что̀ отчасти указываютъ и самыя ихъ названія; но нѣкоторые изъ нихъ въ началѣ еще не довольно ясно были очерчены. Въ *дворцовомъ приказѣ* сосредоточивалось высшее управленіе и судъ надъ всѣми вотчинами и крестьянами патріаршаго дворца, равно надъ всякими приказными и дворовыми людьми, служившими при патріаршемъ дворцѣ, или въ патріаршихъ вотчинахъ и высшее завѣдываніе доходами съ этихъ вотчинъ и выполненіемъ ими государственныхъ повинностей ([123]). Но сюда же велѣно было доставить, напримѣръ,

([121]) Нашей Истор. Русск. Церкви, VIII, 202—206; А. И. II, № 355, стр. 422.

([122]) Акты, относящ. до юрид. быта Россіи, I, № 52, IX; Сборн. *Муханов.*, № 140; Русск. Истор. Библіот. II, № 166; А. Э. III, № 177.

([123]) *Горчаков.* О земел. владѣніяхъ русск. митроп. и патріарховъ, приложен., стр. 87—89. 110—115.

въ 1625 году—подробную роспись требникамъ и служебникамъ, въ которыхъ, по приказанію патріарха, замазано было слово: „и огнемъ“; а въ 1628 г.—отписку о поведеніи въ нижегородскомъ печерскомъ монастырѣ церковнаго дьячка Семейки Григорьева, находившагося тамъ на епитиміи, по обвиненію въ волшебствѣ и под. ([124]). *Казенный приказъ* завѣдывалъ патріаршею казною: назначеніемъ даней и пошлинъ съ церквей и монастырей епархіи, сборомъ всякаго рода пошлинъ на патріарха, домовыми патріаршими монастырями, и отчетами о всѣхъ вообще приходахъ и расходахъ патріаршей казны. Область этого приказа была уже опредѣлена съ бо́льшею точностію, нежели другихъ ([125]). Въ *судномъ приказѣ* производились судъ и расправа надъ духовенствомъ и мірянами патріаршей епархіи по всѣмъ подлежащимъ дѣламъ, хотя извѣстны только нѣкоторыя частныя дѣла, производившіяся въ этомъ приказѣ, каковы: о незаконныхъ вкладахъ и продажахъ недвижимыхъ имѣній въ монастыри ([126]). Въ *патріаршемъ разрядѣ* или разрядномъ приказѣ вѣдались дѣла, кажется, преимущественно административнаго характера: сюда, наприм., требовались свѣдѣнія о поведеніи лицъ, сосланныхъ на епитимію въ монастыри; велѣно было доставить для сожженія церковные уставы, напечатанные Логгиномъ, также учительное евангеліе и другія книги Транквилліона; поступали вѣдомости изъ монастырей о числѣ собранныхъ денегъ и даточныхъ людей для государевой службы,—хотя, съ другой стороны, сюда же выз-

---

([124]) А. Э. III, №№ 166. 177. 226; Русск. Истор. Библіот. II, № 195.

([125]) А. И. III, № 92, п. XXII; А. Э. III, № 178.

([126]) Сборн. *Муханова*, № 140; Историч. Опис. Ниловой пустыни, стр. 115, Тверь, 1867.

ваны были на судъ старецъ-соловаръ и слуга симонова монастыря за причиненные ими будтобы убытки троицкому монастырю ([127]). Адамъ Олеарій, бывшій въ Москвѣ нѣсколько разъ при патріархахъ Іоасафѣ и Іосифѣ, не упоминаетъ о дворцовомъ патріаршемъ приказѣ, а о трехъ остальныхъ говоритъ слѣдующее: „Патріархъ имѣетъ свои особые три приказа, именно: 1) разрядный, въ которомъ ведутся списки всѣхъ церковныхъ имѣній, записи на эти имѣнія, и помѣщаются въ архивъ; 2) судный, въ которомъ патріархъ производитъ свой судъ и расправу, и 3) казенный, въ который вносится и сохраняется казна и ежегодный приходъ патріарха“. Во всѣхъ патріаршихъ приказахъ, по нашимъ документамъ, засѣдали только свѣтскія лица: въ дворцовомъ—патріаршій дворецкій и патріаршій дьякъ; въ казенномъ—два патріаршихъ дьяка; въ судномъ—два патріаршихъ боярина да два дьяка; въ разрядномъ—два боярина, одинъ государевъ, другой патріаршій, и два дьяка. Но Олеарій пишетъ, что „патріархъ поставлялъ въ эти приказы для управленія своихъ извѣстныхъ людей изъ духовнаго званія, которые и доносили ему обо всемъ, доставляли отчеты и исполняли его приказанія и приговоры“ ([128]).

Между тѣмъ въ другихъ епархіяхъ духовенство и особенно монастыри болѣе и болѣе переходили, вслѣдствіе несудимыхъ граматъ, изъ подчиненія своимъ епархіальнымъ архіереямъ подъ власть государева приказа большаго дворца. Монастыри, не

([127]) Русск. Истор. Библіот. II, № 150, стр. 510—516; А. Э. III, №№ 177. 198. 228; Собр. Госуд. Грам. III, № 77; А. И. III, № 175.

([128]) А. Э. III, №№ 178. 226; А. И. III, № 92, ст. XXII; Сборн. *Муханова*, № 140; *Олеарій*, Подробное Опис. путешествія въ Московію и Персію, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1868, IV, отд. IV, 295.

довольствуясь тѣмъ, что въ искахъ на нихъ сторонних лицъ судились не въ мѣстныхъ судебныхъ учрежденіяхъ, а въ одномъ приказѣ большаго дворца, и только въ три извѣстные срока, испрашивали еще себѣ у государя граматы, чтобы и свои иски на сторонних лицъ вести въ томъ же одномъ приказѣ большаго дворца, а не въ разныхъ судахъ, хотя, съ другой стороны, по жалобѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ въ 1641 г., государь приказалъ производить впредь иски на монастыри и вообще на лица и учрежденія духовнаго вѣдомства не въ три положенные срока, а безсрочно ([129]). Дошло до того, что монастыри начали не слушаться своихъ епархіальныхъ архіереевъ даже и не въ гражданскихъ дѣлахъ, наприм., монастыри вологодской епархіи не хотѣли принимать старцевъ-епитимійцевъ, которыхъ присылалъ къ нимъ подъ начало мѣстный архіепископъ, безъ царскаго указа,—и архіепископъ принужденъ былъ бить челомъ государю, и государь приказалъ (март. 1639), чрезъ вологодскаго воеводу, монастырямъ, чтобы они принимали епитимійцевъ, присылаемыхъ архіепископомъ ([130]). Самъ государь, чрезъ приказъ своего большаго дворца, простиралъ свою исключительную власть на всю экономическую и на всю правительственную часть монастырей, и слалъ въ монастыри свои граматы не только, напримѣръ, о поставкѣ даточныхъ людей и о сборѣ денегъ на жалованье ратнымъ людямъ, но и противъ безпорядковъ, происходившихъ въ монастыряхъ, и о введеніи новыхъ порядковъ во внутреннемъ управленіи мона-

---

([129]) А. Э. III, № 250; *Досиѳея*, Опис. Соловецк. мон., III, 130; А. И. III, № 92, ст. XXXIII; № 158.

([130]) А. Э. III, № 285.

стырей,—не говоримъ уже о томъ, что самъ государь назначалъ настоятелей и настоятельницъ въ монастыри: это было съ давняго времени и прежде (131). Только нѣкоторымъ архіереямъ, наприм., новгородскому, царь дѣлалъ снисхожденіе, и подтверждалъ за ними право самимъ „вѣдать и судить своихъ архіерейскихъ приказныхъ людей и дьяковъ, и дѣтей боярскихъ, и крестьянъ, и всякихъ домовыхъ службниковъ во всякихъ исцовыхъ искѣхъ“ (грам. отъ 27-го окт. 1645) (132).

Наконецъ, когда въ 1648 году царь Алексѣй Михайловичъ призналъ за благо дать всѣмъ своимъ подданнымъ общее „Уложеніе“, по которому бы „московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго и до меньшаго чина, судъ и расправа была во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ ровно“, онъ далъ вмѣстѣ въ томъ же законодательномъ кодексѣ общее уложеніе и для всего духовенства по дѣламъ гражданскимъ. Царь „указалъ монастырскому приказу быти особно“, т. е. чтобы монастырскій приказъ, доселѣ существовавшій только въ видѣ отдѣленія въ приказѣ большаго дворца и едва упоминавшійся, сдѣлался самостоятельнымъ судебно-гражданскимъ учрежденіемъ для всѣхъ лицъ духовнаго званія и вѣдомства (за исключеніемъ одного патріарха) (133). Здѣсь долженъ былъ совершаться „судъ во всякихъ истцовыхъ искѣхъ на митрополитовъ

(131) А. Э. III, №№ 225. 262. 274. 275. 284. 294. 298.

(132) А. Э. IV; № 3.

(133) Предисловіе къ Уложенію. Тоже—въ Собр. Госуд. Грам. III, № 129. Монастырскій приказъ упоминается еще въ 1611 году (А. З. Р. IV, № 183, ст. DCCLI, стр. 403; Собр. Госуд. Грам. II, № 219). Но онъ, вѣрно, существовалъ только въ качествѣ отдѣленія въ приказѣ большаго дворца: потому что дѣла о монастыряхъ производились въ этомъ послѣднемъ приказѣ (А. И. III, № 162; А. Э. III, № 277 и др.).

архіепископовъ, епископовъ, ихъ приказныхъ и дворовыхъ людей, ихъ дѣтей боярскихъ и крестьянъ, на монастыри, на архимандритовъ, игуменовъ, строителей, келарей, казначеевъ, на рядовую братію, монастырскихъ слугъ и крестьянъ, на поповъ и церковный причтъ“ (Уложен. гл. XIII, ст. 1). Учрежденіемъ такого суда для духовенства произведена была весьма ощутительная перемѣна въ управленіи нашей церкви. Прежде приказу большаго дворца, или существовавшему въ немъ, въ видѣ особаго отдѣленія, монастырскому приказу, подлежали, по суду, только тѣ монастыри и духовныя лица, которыя имѣли несудимыя граматы: теперь этому приказу подчинены всѣ монастыри и всѣ лица духовнаго званія и вѣдомства, и несудимыя граматы упразднены. Прежде монастыри и духовныя лица судились въ приказѣ большаго дворца только въ искахъ на нихъ со стороны лицъ другихъ вѣдомствъ: теперь въ монастырскомъ приказѣ всѣ духовныя лица должны были судиться „во всякихъ истцовыхъ искахъ“, слѣдовательно и во всѣхъ взаимныхъ ихъ искахъ между собою, что̀ являлось уже прямымъ вмѣшательствомъ гражданской власти въ дѣла церкви. Прежде архіереи и настоятели привиллегированныхъ монастырей подлежали, въ искахъ на нихъ сторонннихъ лицъ, непосредственному суду самого государя, какъ, по крайней мѣрѣ, выражалось въ жалованныхъ имъ граматахъ, хотя въ послѣдніе годы предъ Уложеніемъ и они, мало по малу, начали уже судиться въ приказѣ большаго дворца (Уложен. гл. XIII, ст. 1): теперь же прямо было узаконено, что митрополиты, архіепископы и епископы, во всѣхъ искахъ на нихъ, должны вѣдаться въ монастырскомъ приказѣ, и такимъ образомъ церковь въ лицѣ высшихъ своихъ представителей явно подчинялась суду вла-

стей гражданскихъ. Правда, въ Уложеніи не опредѣленъ личный составъ монастырскаго приказа, и въ немъ засѣдали въ началѣ и духовныя лица, наприм., чудовскій архимандритъ, троицкій и новоспасскій келари. Но скоро духовныя лица были вытѣснены оттуда и въ приказѣ остались одни мірскіе судьи ([134]). По Уложенію только патріархъ, его приказные и дворовые люди, дѣти боярскія, крестьяне и всякихъ чиновъ люди, живущіе въ патріаршихъ домовыхъ вотчинахъ, были изъяты во всякихъ дѣлахъ изъ вѣдомства монастырскаго приказа и оставлены подъ судомъ самого патріарха (гл. XII, ст. 1). Но всѣ монастыри и все вообще духовенство патріаршей области, по исковымъ дѣламъ, не были изъяты изъ вѣдомства этого приказа. Надобно еще сказать, что, при неясности и неопредѣленности положеній, касавшихся монастырскаго приказа, Уложеніе Алексѣя Михайловича давало поводъ къ разнымъ злоупотребленіямъ со стороны лицъ, засѣдавшихъ въ приказѣ, къ ихъ столкновеніямъ съ духовными властями и вмѣшательству въ духовныя дѣла. Уложеніе, въ его оригинальномъ спискѣ, подписали, „по государеву указу“ (окт. 1648), и патріархъ Іосифъ, и всѣ другіе архіереи, и весь освященный соборъ, подписалъ, вмѣстѣ съ прочими, и Никонъ, бывшій тогда еще новоспасскимъ архимандритомъ, хотя въ душѣ былъ очень недоволенъ Уложеніемъ, какъ обнаружилось впослѣдствіи ([135]). Чтобы успокоить своего любимца, вскорѣ сдѣлавшагося новгородскимъ митрополитомъ, царь Алексѣй Михайловичъ [не за-

([134]) А. Э. IV, №№ 62. 68. 82. 102; *Котоших.* О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, гл. VII, п. 24.

([135]) См. Мнѣніе патр. Никона объ Уложеніи—въ Запис. Русск. отд. Археологич. Общ. II, 423 и слѣд.

медлилъ сдѣлать для него отступленіе отъ своего Уложенія: далъ ему несудимую грамату (6 февр. 1651), такую же, какая дана была нѣкогда патріарху Филарету Никитичу, и предоставилъ Никону во всей новгородской епархіи „монастыри, и архимандритовъ и игуменовъ и братью, и соборныхъ церквей протопоповъ и поповъ и дьяконовъ, и всѣхъ ружныхъ и приходскихъ церквей поповъ и дьяконовъ и причетниковъ, и монастырскихъ служекъ и крестьянъ вѣдать судомъ и управою во всякихъ управныхъ дѣлѣхъ, опричь разбойныхъ и татныхъ и убивственныхъ“ ([136]).

Не могло быть угоднымъ духовенству Уложеніе царя Алексѣя Михайловича и своимъ рѣшеніемъ вопроса о церковныхъ имѣніяхъ. Еще въ 1580 г. соборомъ и синклитомъ, съ утвержденія государя, было постановлено, чтобы владыки и монастыри довольствовались только тѣми имѣніями, какими уже владѣли, и не покупали себѣ новыхъ земель и вотчинъ, не принимали ихъ въ закладъ, и чтобы вотчинники своихъ вотчинъ по душамъ въ монастыри не отдавали, а давали бы деньгами, сколько будетъ стоить жертвуемая вотчина, и только бѣднымъ монастырямъ, которымъ нечѣмъ жить, дозволено было бить челомъ государю о пожалованіи ихъ землею. Потому-то при первыхъ нашихъ патріархахъ, Іовѣ и Гермогенѣ, какъ мы видѣли, наши государи, лишь подтверждали владыкамъ и монастырямъ прежнія жалованныя имъ граматы на земли и вотчины, а вновь жаловали земельныя владѣнія только новымъ архіерейскимъ каѳедрамъ и новымъ монастырямъ. Тоже про-

([136]) А. Э. IV, № 50. Никонъ тогда же опубликовалъ эту грамату по всей своей епархіи. *Досиѳ.* Опис. Соловецк. монаст. III, 218.

должалось и при патріархѣ Филаретѣ и двухъ его преемникахъ. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ далъ подтвердительныя граматы, напримѣръ, патріарху Филарету на ржевскую десятину (1619 г.), митрополиту новгородскому Макарію (1623) и коломенскому епископу Рафаилу (1627) на всѣ ихъ владѣнія, также монастырямъ: николаевскому корельскому, васильевскому ладожскому, вяжицкому, кирилло-бѣлозерскому, іосифоволоколамскому, троицкому астраханскому, покровскому суздальскому, симонову и другимъ на всѣ ихъ владѣнія. Въ этихъ граматахъ подтверждались и всѣ прежнія права и привиллегіи духовныхъ владѣльцевъ по управленію и суду въ ихъ вотчинахъ ([137]). А когда основалась новая архіерейская каѳедра въ Сибири и возникло тамъ нѣсколько новыхъ монастырей, царь не замедлилъ назначить и каѳедрѣ и монастырямъ жалованье и надѣлить ихъ землями ([138]). Инымъ монастырямъ, не жалуя новыхъ земель и вотчинъ, жаловалъ или подтверждалъ другія льготы, доставлявшія имъ средства для жизни. Пожаловалъ, наприм., граматы монастырямъ: спасо-прилуцкому на безпошлинную продажу 14000 пудовъ соли, соловецкому на такую же продажу 100000 пудовъ соли, кирилло-бѣлозерскому на такую же продажу 40000 пудовъ соли, архангельскому на такую же продажу 7000 пудовъ соли, никольскому пѣсношскому на взиманіе таможенныхъ пошлинъ въ селѣ Рогачевѣ, васильевскому ладожскому на безпошлинную ловлю рыбы на монастырскихъ тоняхъ, успенскому староладожскому на такую

([137]) А. Э. III, №№ 109. 114. 133. 139; А. И. III, №№ 97. 104. 108. 111. 119. 120; Доп. А. И. II, № 77; Русск. Истор. Библіот. II, №№ 137. 239.

([138]) А. И. III, №№ 93. 103; Русск. Истор. Библіот. III, №№ 127. 129.

же ловлю рыбы въ Волховѣ ([139]). Духовенству новгородскаго софійскаго собора приказалъ выдавать, по прежнему, денежную и хлѣбную ругу и предоставилъ пользоваться сборомъ вѣнечной пошлины въ Новгородѣ и новгородскихъ пятинахъ; серпуховскому протопопу съ братіею также подтвердилъ (1624) прежде пожалованныя имъ граматы ([140]). Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ Михаилъ Ѳедоровичъ не переступалъ предѣловъ упомянутаго постановленія 1580 года. Но въ другихъ дѣйствіяхъ онъ переступилъ эти предѣлы. Онъ началъ раздавать села и земли и такимъ духовнымъ владѣльцамъ, которые отнюдь не были бѣдны и имѣли, чѣмъ жить: пожаловалъ своему отцу, патріарху Филарету, въ 1619 г., двѣ трети варзужской волости въ двинской землѣ и дозволилъ ему принять село Бѣли съ деревнями, вкладомъ отъ частнаго лица, въ 1621 г. пожаловалъ село Ярымово и сельцо Мартово съ деревнями въ муромскомъ уѣздѣ и село Сельну въ переяславскомъ уѣздѣ, въ 1626 г. — порожнее дворовое и огородное мѣсто въ Москвѣ за никитскими воротами, въ 1631 г. село Дмитровское въ московскомъ уѣздѣ; патріарху Іоасафу въ 1636 г. —пустопорожнее мѣсто въ Астрахани подъ дворъ для рыбнаго промысла; саввино - сторожевскому монастырю въ 1644 г. сельцо Иванково съ семью пустошами. Въ тоже время дозволилъ духовнымъ владѣльцамъ пріобрѣтать себѣ новыя владѣнія покупкою: патріарху Филарету въ 1631 г. проданы, по указу царя, ненаселенныя земли изъ дворцовыхъ имѣній; а патріархомъ Іосифомъ въ 1644 г. куплены населенныя и нена-

([139]) А. И. III, №№ 79. 146. 217; А. Э. III, №№ 110. 117. 283; Русск. Истор. Библіот. II, № 126.

([140]) А. Э. III, №№ 282. 306; Чтеніе М. Истор. Общ. 1869, II, отд. V, 1—6.

селенныя земли отъ частныхъ лицъ ([141]). Разрѣшилъ также дѣлать и принимать въ монастыри и архіерейскіе домы земельные вклады, когда въ 1628 г. приказалъ писать въ жалованныхъ вотчинныхъ граматахъ: „вотчинникомъ, которымъ, по государеву указу, вотчины даны за службу, и ихъ дѣтемъ, и внучатомъ и правнучатомъ, *выслуженные вотчины* волно продати и заложити и *въ монастыръ по душамъ дати*“, хотя эти вкладныя вотчины и могли быть потомъ выкуплены родственниками вкладчиковъ или казною (Уложен. гл. XVII, ст. 42). И потому, наприм., патріаршій домъ получилъ вкладами: отъ неизвѣстнаго загородный дворъ въ Москвѣ за мясницкими воротами и отъ чернаго попа Іоиля Киселева половину деревни Лысчиково съ пашнею, лугами, лѣсами и всякими угодіями въ нижегородскомъ уѣздѣ ([142]). Такимъ образомъ духовенству вновь открывались всѣ главные пути къ увеличенію своихъ земельныхъ владѣній. Но Уложеніе царя Алексѣя Михайловича разомъ преградило эти пути слѣдующею статьею: „впредь съ нынѣшняго уложенія патріарху и митрополитомъ и архіепископомъ и епископомъ и въ монастыри ни у кого родовыхъ и выслуженныхъ и купленыхъ вотчинъ *не покупати* и въ закладъ не имати, и за собою не держати, и *по душамъ* въ вѣчной поминокъ *не имати* ни которыми дѣлы...; а вотчинни-

---

([141]) А. И. III, № 82; Акт. до юрид. быта Россіи, I, № 63, ст. XXI; № 64, ст. II; № 147, ст. XXVI; № 149, ст. XII; *Горчаков.* О земел. влад. русскихъ митр. и патр., прилож. стр. 32. 36. 85; Переписн. книга домовой казны патріарха, во Временн. XVI, отд. II, 70. 73; *Смирнов.* Опис. Савв.-Сторож. монаст., стр. 122.

([142]) Временн. М. Истор. Общ. XV, отд. II, 76; *Горчаков.* О земел. влад. росс. митр. и патр., прилож., стр. 74—76.

комъ никому вотчинъ въ монастыри не давати“ (гл. XVII, ст. 42). Не довольствуясь этимъ, стольники и стряпчіе и дворяне московскіе и всѣ выборные люди русской земли, присутствовавшіе при составленіи Уложенія, били челомъ государю, чтобы онъ велѣлъ отобрать у патріарха и прочихъ архіереевъ, и у монастырей, и у протопоповъ и поповъ всѣ вотчинныя земли, которыя даны имъ или пріобрѣтены ими послѣ 1580 года, вопреки состоявшемуся тогда постановленію, и раздать служилымъ людямъ и бѣднымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. И царь приказалъ (9 ноября 1648) немедленно сдѣлать и представить ему выписку, сколько съ 1580 по 1648 годъ, вотчинныхъ земель пожаловано государями архіереямъ, монастырямъ и церквамъ, сколько куплено ими самими или принято въ залогъ и сколько дано имъ отъ разныхъ лицъ вкладами на вѣчный поминокъ, хотя ни откуда не видно, чтобы царь дѣйствительно отобралъ потомъ у духовенства всѣ эти вотчины ([143]). Кромѣ того въ Уложеніи было узаконено, также къ огорченію духовенства: „а будетъ кто вотчинникъ, какова чину ни буди, или вдова постригутся, а за ними родовые или выслуженные или купленные вотчины, и имъ тѣхъ вотчинъ въ монастыри не отдавати, а самимъ тѣми вотчинами, постригшися, не владѣти“, между тѣмъ какъ доселѣ въ Россіи вотчинники, и послѣ постриженія своего въ монашество, свободно располагали своими вотчинами и могли давать ихъ вкладами въ монастыри и церкви (Уложен. гл. XVII, ст. 43).

Допуская мысль, что послѣ такихъ узаконеній, изложенныхъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича, церковныя имѣнія у

([143]) А. Э. IV, № 33.

насъ не увеличивались или мало увеличивались въ первые годы, мы имѣемъ возможность составить довольно вѣрное понятіе о размѣрѣ этихъ имѣній около половины XVII вѣка. Въ 1655 г. за патріархомъ числилось 6432 крестьянскихъ двора, а за новгородскимъ митрополитомъ 1432 двора (144). Въ 1661 г., 18-го декабря, взята изъ монастырскаго приказа подробная „Роспись“, сколько было тогда за всѣми монастырями въ Россіи крестьянскихъ дворовъ. Всѣхъ монастырей, владѣвшихъ вотчинами, насчитано въ Росписи 476. Изъ числа ихъ только шесть имѣли, каждый, болѣе двухъ тысячъ крестьянскихъ дворовъ, именно: троице-сергіевъ 16382 двора, кирилло-бѣлозерскій 3855 дворовъ, спасскій въ Ярославлѣ 3819, симоновъ въ Москвѣ 2192, печерскій въ Нижнемъ 2147, чудовъ 2120. Десять монастырей имѣли, каждый, отъ тысячи до двухъ тысячъ крестьянскихъ дворовъ, именно: ново-спасскій 1976, спасо-евѳиміевъ въ Суздали 1835, вознесенскій дѣвичій въ Москвѣ 1601, покровскій въ Суздали 1560, ново-дѣвичій въ Москвѣ 1469, рождественскій во Владимірѣ 1473, макаріевъ-колязинскій 1403, печерскій въ Псковѣ 1325, борисоглѣбскій въ Ростовѣ 1372, богородицкій въ Свіяжскѣ 1247. Отъ пятисотъ до тысячи дворовъ имѣли, каждый, 18 монастырей, въ томъ числѣ іосифо-волоколамскій 991 дворъ; отъ ста до пятисотъ дворовъ — 80 монастырей, въ томъ числѣ саввино-сторожевскій 138 дворовъ, боголюбовъ 233, соловецкій 202, александро-свирскій 181. Эти-то 120 монастырей, владѣвшихъ сотнями и тысячами крестьянскихъ дворовъ, и можно назвать

(144) *Горчаков.* О земел. влад. русск. митр. и патр., 343; нашей Истор. Русск. Церкви, VIII, 234, примѣч. 291.

болѣе или менѣе богатыми монастырями. Но они составляли только одну четверть общаго числа тогдашнихъ владѣльческихъ монастырей, а остальныя три четверти, 356 монастырей уже никакъ нельзя назвать богатыми. Изъ нихъ 60 монастырей имѣли, каждый, отъ пятидесяти до ста дворовъ, 177 монастырей — отъ десяти до пятидесяти дворовъ, въ томъ числѣ донской 32 двора, а 103 монастыря имѣли, каждый, менѣе десяти дворовъ, многіе по три, по два, даже по одному. Наиболѣе такихъ бѣдныхъ монастырей было въ новгородской и псковской епархіяхъ. Всего же за 476 владѣльческими нашими монастырями находилось тогда 87907 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ. Наконецъ, по свидѣтельству Котошихина, писавшаго о Россіи въ 1666—1667 г., за нашимъ патріархомъ числилось болѣе 7000 дворовъ, за четырьмя митрополитами 12000, за прочими архіереями 16000, за монастырями 83000, и слѣдовательно за всѣмъ духовенствомъ — 118000 дворовъ ([145]).

Крестьяне церковныхъ вотчинъ, патріаршихъ, митрополичьихъ и прочихъ, отбывали, подобно крестьянамъ другихъ земель, всѣ государственныя подати и повинности, и при этомъ не только не пользовались какими либо льготами, напротивъ обложены были даже больше, чѣмъ другіе крестьяне. Въ 1620 г., когда сборъ податей производился еще съ сохъ (соха—условное пространство населенной и обработываемой земли), составлена

([145]) Записки русск. отдѣл. Археологич. Общ., II, 401—422. А земли, напримѣръ, у Кирилло-бѣлозерскаго монастыря было въ 1631 году 23690 четвертей (А. Э. III, № 193). *Котоших.* О Россіи въ царств. Ал. Мих., гл. XI, ст. 6. Въ 1637 г. за Кирилло-бѣлозерскимъ монастыремъ числилось, по писцовымъ книгамъ: 25490 четвертей земли, 2101 дворъ крестьянъ и бобылей и самихъ крестьянъ и бобылей 2834 человѣка (А. Э. III, № 274; А. И. III, № 198). Отсюда можно видѣть, какъ малолюдны были эти дворы.

была „Книга сошному и вытному письму“, по распоряженію правительства, и въ ней положено было считать на каждую соху въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ по 800, по 400, по 200 четвертей земли и т. д., а въ монастырскихъ и церковныхъ земляхъ — по 600, по 300, по 150 четвертей и т. д. Слѣдовательно, съ церковныхъ земель положено было собирать податей болѣе, противъ другихъ земель, въ пропорціи 4 : 3 ([146]). Патріархъ и прочіе архіереи, монастыри и церкви должны были собирать съ своихъ вотчинъ и доставлять правительству: а) стрѣлецкія деньги и стрѣлецкій хлѣбъ на содержаніе стрѣльцовъ— постояннаго войска, б) ямскія деньги на содержаніе почтъ въ государствѣ, в) полоняничныя деньги на выкупъ плѣнныхъ, г) деньги и хлѣбъ на жалованье ратнымъ людямъ и содержаніе ихъ въ военное время, д) даточныхъ людей на ратную службу съ полною обмундировкою. И, напримѣръ, въ 1637 г. положено было взять въ вотчинахъ патріарха, митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ и большихъ монастырей съ десяти дворовъ по человѣку, а въ вотчинахъ всѣхъ свѣтскихъ земле-владѣльцевъ съ двадцати дворовъ по человѣку ([147]). Иногда духовные вотчинники, вмѣсто даточныхъ людей, пѣшихъ и конныхъ, по требованію правительства, платили ему деньгами; иногда отдавали ему, на время войны, всю ратную сбрую, какая у нихъ имѣлась; иногда поставляли подводы съ съѣстными припасами для ратныхъ людей и под. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, кромѣ сборовъ съ церковныхъ крестьянъ на жалованье

([146]) *Горчаков.* О земел. влад. русск. митр. и патр. стр., 413—415.

([147]) А. И. III, №№ 132. 198. 200. 286; IV, № 51; А. Э. III, №№ 211. 225. 274. 275; Уложен. VII, 1; VIII, 1; Собр. Русск. Лѣт. IV, 322—335.

ратнымъ людямъ, правительство приглашало самихъ архіереевъ и монастырскія власти дѣлать для тойже цѣли добровольныя приношенія „неоскудно“, какъ изъ архіерейской и монастырской казны, такъ и изъ своихъ келейныхъ денегъ, и собирать такія же приношенія со всѣхъ архіерейскихъ приказныхъ людей и боярскихъ дѣтей и со всѣхъ иноковъ и монастырскихъ служекъ. А иногда прямо брало изъ монастырей на военныя издержки опредѣленную сумму, по своему усмотрѣнію: напримѣръ, въ 1632 г. взяло 10000 руб. изъ соловецкаго монастыря, который въ слѣдующіе два года пожертвовалъ еще отъ себя добровольно 3852 руб. (146). Дѣлались также сборы съ монастырскихъ и церковныхъ земель и на другія случайныя государственныя нужды, напримѣръ, для построенія городковъ и остроговъ на Украйнѣ противъ набѣговъ крымскихъ татаръ. Нѣкоторые монастыри должны были еще, по временамъ, давать пріютъ плѣннымъ татарамъ, кормить ихъ и одѣвать на свой счетъ (149).

Кромѣ тѣхъ 476 монастырей, которые имѣли крестьянъ и почти всѣ основаны были еще до исхода XVI вѣка, были у насъ монастыри, не имѣвшіе крестьянъ и содержавшіеся то небольшими участками земли, то царскою ругою, денежною и хлѣбною, то какими либо угодьями—мельницами, рыбною ловлею, то добровольными приношеніями и пособіями отъ православныхъ христіанъ. Къ числу такихъ монастырей, за весьма малыми исключеніями, принадлежали и монастыри, явившіеся

---

(148) А. Э. Ш, №№ 193. 211. 212. 273. 284; А. И. Ш, № 201; Доп. А. И. II, № 59; Собр. Госуд. Грам. Ш, № 101; *Досиѳ.* Лѣтоп. Соловецк. мон. 60; Опис. Солов. мон., Ш, 127. 137. 138.

(149) А. Э. Ш, №№ 195. 289; IV, № 25.

у насъ при патріархахъ Филаретѣ и двухъ его ближайшихъ преемникахъ. Одни изъ этихъ монастырей основаны теперь вновь, другіе только возобновлены, третьи въ первый разъ теперь упоминаются, хотя время происхожденія ихъ съ точностію неизвѣстно. Въ Москвѣ основаны теперь монастыри: а) ѳеодоровскій въ 1626 г. патріархомъ Филаретомъ, по обѣту, у никитскихъ воротъ; б) знаменскій въ 1631 г. царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, въ Зарядьѣ у стараго государева двора, т. е. бывшаго дома бояръ Романовыхъ; в) страстный, дѣвичій, въ 1641 г., по повелѣнію государя, у тверскихъ воротъ на мѣстѣ, гдѣ встрѣчена была чудотворная икона Богоматери—Одигитріи, именуемой страстною, перенесенная въ Москву изъ села Палецъ, вотчины князя Бориса Лыкова; г) андреевскій, иначе преображенскій, около 1648 г. окольничимъ Ѳедоромъ Ртищевымъ, у воробьевыхъ горъ, для ученыхъ старцевъ, прибывшихъ изъ Кіева. Изъ числа этихъ московскихъ монастырей только одинъ знаменскій, созданный самимъ царемъ, имѣлъ крестьянъ 230 дворовъ: царь надѣлилъ его своими родовыми имѣніями, бывшими за его матерію инокинею Марѳою Ивановною, скончавшеюся 27 генваря 1631 года. Въ другихъ мѣстахъ основаны монастыри: а) въ Сѣвскѣ спасскій въ 1619 г.; б) въ 20-ти верстахъ отъ Соловокъ анзерскій скитъ въ 1620 г. преп. Елеазаромъ анзерскимъ; в) въ Воронежѣ—акатовъ алексѣевскій въ 1620 г. и покровскій женскій въ 1623 году: оба эти монастыря имѣли крестьянъ, первый 30 дворовъ, послѣдній 46; г) въ Верхотурьѣ покровскій женскій въ 1621 г.; д) въ 30-ти верстахъ отъ Алапаевска невьянскій богоявленскій въ 1621 г.; е) въ Лебедяни яблонова троицкая пустынь въ 1621 году; ж) близъ Уржума спасскій въ 1624 г.; з) въ Вяткѣ спасо-преображенскій въ 1624 г.;

и) въ 30 верстахъ отъ Суздаля золотниковская пустынь въ 1624 г.; і) въ 15-ти верстахъ отъ Костромы игрицкій богородичный около 1624 г.; к) въ Лысковѣ рождественскій женскій въ 1624 г.; л) въ Бѣлевѣ крестовоздвиженскій женскій въ 1625 г. игуменьею Маріею Палицыною; м) въ 17-ти верстахъ отъ Казани седмиезерская вознесенская пустынь около 1625 г.; н) въ кадыевскомъ уѣздѣ (нынѣ костромской епархіи) новословенская богородицкая пустынь въ 1629 г.; о) въ 50 верстахъ отъ Нижняго оранскій богородичный въ 1634 г. дворяниномъ Петромъ Гладковымъ, въ монашествѣ Павломъ; п) въ 75-ти верстахъ отъ Торжка могилевская или нигилевская пустынь въ 1634 г.; р) въ Козловѣ троицкій около 1635 года: имѣлъ 7 дворовъ крестьянъ; с) въ Каргополѣ хергозерскій около 1635 г. монахами Сергіемъ и Логгиномъ; т) въ Алатырѣ кіево-николавскій, женскій, въ 1639 г., по граматѣ царя Михаила Ѳедоровича, монахинями, переселившимися сюда изъ прилуцкаго ладинскаго монастыря; у) въ Вязникахъ благовѣщенскій въ 1641 г. „на убогихъ домахъ“; ф) подъ Мещовскомъ георгіевскій женскій около 1642 года царицею Евдокіею Лукьяновною, супругою Михаила Ѳедоровича: имѣлъ 62 двора крестьянъ; х) въ Муромѣ троицкій, женскій, въ 1642 году: имѣлъ 4 двора крестьянъ; ц) подъ Гороховцемъ николаевскій въ 1643 году: имѣлъ 15 дворовъ крестьянъ; ч) въ Царевококшайскѣ мvроносицкая пустынь въ 1647 г.; ш) близъ Юрьевца-Повольскаго кривоезерская троицкая пустынь въ 1648 г.; щ) въ 90 верстахъ отъ Шенкурска верхошеремская вознесенская пустынь въ 1650 году.

Возобновлены монастыри: а) въ Старой Ладогѣ успенскій въ 1619 г.; б) въ Болховѣ оптинъ троицкій въ 1620 г.; в) подъ

Козельскомъ оптина введенская пустынь около 1625 г.; г) въ Угличѣ богоявленскій, женскій, въ 1629 г. великою государынею, инокинею Маѳою Ивановною: имѣлъ 36 дворовъ крестьянъ; д) въ Переяславлѣ Залѣсскомъ борисоглѣбскій въ 1642 году: имѣлъ 1 дворъ крестьянъ. Болѣе 20 монастырей упоминаются въ первый разъ: а) въ Москвѣ запконоспасскій съ 1620 г. и перервенскій никольскій съ 1623 года: послѣдній имѣлъ 18 дворовъ крестьянъ; б) въ Нижнемъ Новгородѣ зачатейскій съ 1622 г. и происхожденскій съ 1625 г.; в) въ Ростовѣ бѣлогостицкій съ 1621 г., андреевскій съ 1624 г., рождественскій женскій съ 1632 г.; г) подъ Рыльскомъ волынская николаевская пустынь съ 1622 г.; д) въ 30-ти верстахъ отъ Казани рапфская пустынь съ 1620 г.; е) въ грязовецкомъ уѣздѣ кохтыжская іоанно-богословская пустынь съ 1621 г.; ж) въ Торопцѣ николаевскій особный съ 1623 г.; з) въ Перемышлѣ резванскій николаевскій съ 1624 г.; и) на Клязмѣ любецкій съ 1630 г.; і) въ Самарѣ спасо-преображенскій съ 1631 г.; к) въ Вереѣ спасскій съ 1631 г.; л) въ Арзамасѣ николаевскій съ 1634 г.; м) въ Путивлѣ борисоглѣбскій съ 1634 г.; н) въ Бѣлгородѣ рождественскій, женскій, съ 1635 г.; о) въ Лысковѣ казанскій съ 1634 г.; п) въ Переяславлѣ Залѣсскомъ вознесенскій, женскій, съ 1635 г.; р) въ Суздали троицкій, женскій, съ 1643 г., и Николаевскій, женскій, съ 1643 г.; с) въ Можайскѣ благовѣщенскій съ 1648 г., и друг. ([150]).

([150]) О всѣхъ названныхъ монастыряхъ см. въ Исторіи Росс. Іерархіи и у *Строева*—Списки іерарховъ и пастоятелей монастырей, по Указателямъ, приложеннымъ въ концѣ обоихъ изданій. О нѣкоторыхъ изъ этихъ монастырей—въ „Росписи“ о количествѣ крестьянъ у монастырей (Записк. Русск. Отд. Археолог. Общ. II, 401—422) и въ отдѣльныхъ описаніяхъ монастырей, напримѣръ, Опис. Моск. Знаменскаго мон. *Сергія*, стр. 14, М. 1869.

Трудно понять, съ какою цѣлію правительство допускало такое размноженіе монастырей, и притомъ небольшихъ и достаточно необезпеченныхъ. Еще въ новыхъ городахъ, каковы: Бѣлгородъ, Воронежъ и другіе, основаніе монастырей, мужскихъ и женскихъ, могло имѣть значеніе; но зачѣмъ учреждались они тамъ, гдѣ и безъ того ихъ было много, въ Москвѣ, Суздали, Ростовѣ, Нижнемъ? Многіе незначительные монастыри оказывались неспособными продолжать свое существованіе сами собою, и потому, какъ бывало и прежде, приписывались къ другимъ монастырямъ, болѣе состоятельнымъ, или къ архіерейскимъ домамъ. Въ числѣ домовыхъ патріаршихъ монастырей упоминаются: резванный николаевскій въ Перемышлѣ съ 1624 г., любецкій на Клязмѣ съ 1630 г., спасопреображенскій въ Самарѣ съ 1648 года. Къ вологодскому архіерейскому дому были приписаны въ 1620 г. монастырьки Николы чудотворца мокрой пустыни въ вологодскомъ уѣздѣ и въ 1649 г. кохтыжская іоанно-богословская пустынь въ грязовецкомъ уѣздѣ на рѣкѣ Кохтыжѣ; къ новгородскому архіерейскому дому приписанъ въ 1651 г. нѣмчиновъ монастырь въ холмскомъ уѣздѣ псковской епархіи. Къ троице-сергіеву монастырю приписаны монастыри: сыпановъ троицкій, въ нерехтскомъ уѣздѣ, въ 1629 г.; рождественскій въ Новосилѣ въ 1631 г.; чердынскій богословскій въ 1632 году. Къ сійскому монастырю приписаны: чирцова пустынь, въ мезенскомъ уѣздѣ, съ 1620 г., лявленскій монастырь, въ 32 верстахъ отъ Архангельска, съ 1633 г., ивановскій, покровскій и кривецкій монастыри на рѣкѣ Двинѣ. Къ саввино-сторожевскому монастырю приписаны: въ 1628 г. спасская толоконцева пустынь въ нижегородскомъ уѣздѣ; въ 1651 г. девять монастырей: воскре-

сенскій высокій въ Москвѣ, ольговъ успенскій въ 10-ти верстахъ отъ Рязани, спасскій зарѣцкій въ рязанскомъ уѣздѣ, троицкій переницкій въ томъ же уѣздѣ, николаевскій медвѣдскій въ ладожскомъ уѣздѣ, николаевскій съ Валку въ Псковѣ, стефановскій въ Лугу близъ Пскова, рождественскій пурдышевскій въ Темниковѣ, николаевскій Веневъ въ веневскомъ уѣздѣ; въ 1652 г. четыре монастыря: воскресенскій тереховъ въ рязанскомъ уѣздѣ, предтечевъ кибергашскій въ суздальскомъ уѣздѣ, никитскій въ дмитровскомъ уѣздѣ, николаевская мамонтова пустынь въ тамбовскомъ уѣздѣ. Юрьевскій новгородскій монастырь имѣлъ 15, а александровскій — 18 приписныхъ монастырей, хотя время приписанія каждаго изъ нихъ къ тому или другому монастырю съ точностію неизвѣстно.

Настоятели нѣкоторыхъ, болѣе значительныхъ, монастырей были возведены въ санъ архимандритовъ: кирилло-бѣлозерскаго монастыря въ 1649 г., саввино-сторожевскаго въ 1650 г., московскаго богоявленскаго, новгородскаго антоніева, новгородскаго вяжицкаго, тихвинскаго успенскаго и соловецкаго въ 1651 г., іосифо-волоколамскаго въ 1652 году. А настоятелю и архимандриту троице-сергіева монастыря, кромѣ другихъ привиллегій, которыми онъ пользовался еще со временъ митрополита московскаго Макарія, патріархъ Филаретъ Никитичъ даровалъ (23-го іюня 1633 г.) право, „для почести тоя великія, пречестныя обители, и свѣщею осѣняти, якоже достоитъ епископу“ (151). На нравственное состояніе монастырей отчасти

(151) А. Э. III, № 202; IV, № 53; А. И. III, № 84; Опис. троице-серг. лавры, 172—173; Опис. Савв.-Сторож. мон. 103—114; Опис. Солов. мон., III, 226; а о прочихъ названныхъ монастыряхъ см. по Указат. въ Истор. Росс. іерарх. и у *Строев.* въ Списк. іерарх. и настоятелей. О настольной граматѣ патр. Филарета троице-сергіевскому настоятелю, архим. Нектарію отъ 23 іюня 1633 г.—*Бычков.* Опис. рукоп. Импер. публичн. библ. II, 226.

указываютъ царскія и архіерейскія граматы, неразъ повторявшіяся, о недержаніи въ монастыряхъ хмѣльныхъ напитковъ, о соблюденіи въ монастыряхъ церковнаго благочинія и вообще монастырскаго устава ([152]).

Вмѣстѣ съ умноженіемъ монастырей умножались и церкви, особенно въ Москвѣ. Какъ ни дорого обошелся ей пожаръ 1611 года, когда поляки выжгли и разрушили въ ней почти всѣ церкви, черезъ два-три десятилѣтія храмовъ въ Москвѣ считалось уже болѣе, чѣмъ было прежде этого пожара. По свидѣтельству Адама Олеарія, въ одномъ Кремлѣ находилось до 50 каменныхъ церквей, а во всей Москвѣ болѣе 2000. „Въ первомъ изданіи моего путешествія, говоритъ онъ, я опредѣлилъ число ихъ до 1500, что̀ показалось удивительнымъ и даже невѣроятнымъ; но я показалъ тогда еще мало, какъ дознался я это изъ послѣдующихъ вѣрныхъ извѣстій, частію отъ нашихъ соотечественниковъ, нѣсколько уже лѣтъ прожившихъ въ Москвѣ, частію же отъ самихъ московитянъ, которые въ прошедшемъ году жили у насъ, въ Голштиніи, нѣсколько времени, и съ которыми я ежедневно видѣлся и бесѣдовалъ. Эти-то лица единогласно сообщили мнѣ, что въ городѣ Москвѣ находится болѣе 2000 церквей, монастырей и часовень. Почти чрезъ каждые пять домовъ стоитъ часовня (капелла). Каждый большой бояринъ строитъ себѣ свою часовню, содержитъ на свой счетъ своего священника, и одинъ съ домочадцами своими слушаетъ у себя божественную службу. По приказанію теперешняго патріарха, вслѣдствіе часто случающихся пожаровъ,

---

([152]) А. Э. III, № 331; IV, №№ 37. 322. 325. 328; Дополн. А. И. II, № 64; *Иванов.* Опис. госуд. архива старыхъ дѣлъ, стр. 302.

большая часть часовень деревянныхъ сломаны, и на мѣсто ихъ выстроены каменныя; но онѣ небольшія и нѣкоторыя внутри не выше 15-ти футовъ... Въ Москвѣ, по множеству церквей и часовень, нѣсколько тысячъ колоколовъ, которые во время богослуженія производятъ такой многообразный звонъ и гулъ, что непривыкшій къ нему не можетъ слышать его безъ особеннаго удивленія... По множеству церквей, въ Москвѣ числится до 4000 поповъ или священниковъ: ибо въ нѣкоторыхъ церквахъ, которыя считаются хоть сколько нибудь большими, состоитъ по 6, по 8 и даже по 10 поповъ“... „Въ церквахъ своихъ, продолжаетъ тотъ же Олеарій, русскіе имѣютъ великое множество образовъ, развѣшанныхъ кругомъ по стѣнамъ... Образа считаются необходимыми для молитвы, а потому они находятся не только въ церквахъ и при всѣхъ торжественныхъ церковныхъ ходахъ, но и у каждаго на дому, въ покояхъ и комнатахъ, для того, чтобы во время моленья всякій могъ имѣть икону предъ глазами своими“. При такой потребности въ иконахъ многіе у насъ занимались иконописаніемъ. У государя были свои иконописцы, „жаловалные и кормовые“, и они, по порученію его, вмѣстѣ съ „городовыми“ иконописцами, въ числѣ которыхъ находились и діаконы, въ 1642 году заново подписали стѣннымъ письмомъ по золоту весь успенскій соборъ въ Москвѣ съ его придѣлами, а въ 1650 г. подобнымъ образомъ подписали весь соборъ въ саввино-сторожевскомъ монастырѣ. Патріархъ, нѣкоторые другіе архіереи и монастыри имѣли также своихъ иконописцевъ. У троице-сергіева монастыря въ 1624 г. было въ подмонастырскомъ селѣ Клементьевѣ восемь дворовъ иконописцевъ, получавшихъ отъ монастыря денежное жалованье и отсыпной хлѣбъ, а въ 1641 г. была при лаврѣ

иконная слобода съ 15-ю дворами иконописцевъ, и упоминаются въ числѣ иконописцевъ нѣкоторые и изъ братіи. Эти лаврскіе иконописцы расписали въ 1635 г. троицкій соборъ въ лаврѣ и никоновскую церковь. Въ Москвѣ, недалеко отъ Кремля, по свидѣтельству Олеарія, существовалъ особый иконный рядъ, гдѣ исключительно продавались иконы, при чемъ русскіе не называли этой продажи продажею или куплею, а говорили, что они вымѣниваютъ иконы на деньги ([153]).

О новыхъ праздникахъ въ русской церкви, о церковномъ пѣніи, вообще о богослуженіи и богослужебныхъ книгахъ нами сказано уже въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь остается упомянуть развѣ только о нѣкоторыхъ частныхъ церковныхъ обрядахъ и обычаяхъ, заслуживающихъ вниманія. Обрядъ пещнаго дѣйствія предъ Рождествомъ Христовымъ и обрядъ шествія на осляти въ недѣлю Ваій, появившіеся у насъ около половины прошлаго столѣтія, совершались и теперь при всѣхъ архіерейскихъ каѳедрахъ, по прежнему чину. Адамъ Олеарій самъ былъ очевидцемъ въ Москвѣ, какъ патріархъ совершалъ въ вербное воскресенье свое шествіе на осляти (собственно на лошади, покрытой попоной, съ длинными ушами, на подобіе ослиныхъ) изъ успенскаго собора въ церковь входа во Іерусалимъ и обратно, и какъ царь, въ богатой одеждѣ и съ короной на головѣ, поддерживаемый подъ руки двумя знатнѣйшими вельможами, во всю дорогу велъ на длинномъ поводу лошадь патріарха, за что

([153]) *Олеарій*, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1868, III, отд. IV, 111. 113; IV, отд. IV, 332. 345. 350; *Забѣлин.* Матеріалы для истор. Русск. иконописи, во Временн. VII, отд. II, 5—12; іером. *Арсеній*, Истор. свѣд. объ иконопис. въ троиц.-серг. лаврѣ, въ Сборникѣ на 1873 г., изд. Общ. древне-русск. искуства, отд. I, 120—121.

и получалъ потомъ отъ послѣдняго, каждый разъ, по 200 рублей ([154]). Въ чинѣ избранія и поставленія архіереевъ произошли нѣкоторыя перемѣны. Избраніе архіереевъ совершалось, какъ и прежде, соборомъ іерарховъ; но потомъ патріархъ несъ имена избранныхъ, трехъ или четырехъ, къ государю, и государь утверждалъ одного изъ нихъ, посовѣтовавшись съ патріархомъ. При поставленіи архіереевъ царь всегда присутствовалъ въ успенскомъ соборѣ и сидѣлъ на амвонѣ среди церкви вмѣстѣ съ патріархомъ, по правую его сторону, во все время, пока поставляемый читалъ исповѣданіе вѣры. По окончаніи же самаго поставленія или рукоположенія, царь тотчасъ подходилъ къ царскимъ дверямъ и спрашивалъ патріарха: на какомъ зачалѣ развернулось евангеліе надъ поставляемымъ при его рукоположеніи, и затѣмъ уходилъ изъ успенскаго собора въ свою благовѣщенскую церковь, гдѣ и слушалъ литургію. Въ день поставленія всякаго архіерея, епископа, архіепископа и митрополита, въ патріаршей крестовой палатѣ бывалъ обѣдъ, и когда подавалось третье кушанье, новопоставленный вставалъ изъ-за стола и, принявъ благословеніе у патріарха, ѣхалъ на осляти, съ крестомъ въ рукахъ, сперва къ царю для преподанія ему благословенія, потомъ вокругъ Кремля, сопровождаемый духовенствомъ и хоромъ пѣвчихъ, у каждыхъ воротъ кремлевскихъ читалъ молитву и кропилъ ихъ св. водою, и, возвратившись къ патріарху, снова садился за столъ. При рукоположеніи священниковъ каждому изъ нихъ подстригались на макушкѣ во-

---

([154]) Древн. Росс. Вивліоѳ. VI, 363—390; Выходы госуд., 30. 43. 155. 203; Чтен. М. Истор. Общ. 1861, I, отд. III, 8. 33; *Олеарій*, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1868, III, отд. IV, 90.

лосы и каждому возлагалась на голову суконная шапочка, называвшаяся скуфьею. Эта шапочка считалась священною и ее никогда не снимали священники (155). Погребеніе архіерея могло совершаться только архіереемъ, и потому случалось, что тѣло скончавшагося владыки оставалось непогребеннымъ слишкомъ долго. Напримѣръ, тобольскій архіепископъ Макарій скончался 24-го іюля 1635 г., а погребенъ былъ 31-го мая 1636 г. новоприбывшимъ тобольскимъ архіепископомъ Нектаріемъ, т. е. спустя почти годъ послѣ смерти; другой тобольскій же архіепископъ, Герасимъ, скончался 16 іюля 1650 г., а погребенъ 13 мая 1652 г. преемникомъ его Симеономъ, т. е. спустя почти два года послѣ смерти (156). Съ 1633 года становится извѣстнымъ обрядъ или „дѣйство страшнаго суда“, совершавшееся въ недѣлю мясопустную. Въ Москвѣ оно происходило иногда въ самомъ успенкомъ соборѣ, а большею частію на площади за алтаремъ успенскаго собора. Туда, послѣ заутрени, при колокольномъ звонѣ открывался изъ успенскаго собора крестный ходъ, въ которомъ принимали участіе самъ патріархъ, въ полномъ облаченіи, и государь. Въ числѣ другихъ иконъ выносима была большая икона страшнаго суда. Ее полагали среди площади на аналоѣ, а предъ нею ставили столъ съ водосвятною чашей и свѣчами. Для царя приготовлялось мѣсто подлѣ патріаршаго. Пѣлись стихиры, читались пареміи. Потомъ самъ патріархъ читалъ евангеліе, представляющее картину страшнаго суда, и вслѣдъ за патріархомъ тоже евангеліе громогласно повторяли четыре діакона, обращенные къ народу

(155) А. И. IV, № 1; *Олеарій* въ Чтен. М. Истор. Общ. 1868, IV, отд. IV, 351.

(156) Древн. Росс. Вивліоѳ. III, 155. 178. Такъ же новгородскій митрополитъ Аѳоній не былъ погребенъ одинадцать недѣль, пока не прибылъ для погребенія его архіепископъ псковскій Макарій (Собр. Русск. Лѣт. III, 189).

на четыре стороны свѣта, а иногда только одинъ протодіаконъ, стоявшій лицомъ противъ патріарха. По окончаніи евангелія патріархъ освящалъ воду, кропилъ ею сперва царя, потомъ духовенство, сунклитъ и народъ, осѣняя всѣхъ св. крестомъ, и возвращался съ крестнымъ ходомъ въ успенскій соборъ. Такое же дѣйство страшнаго суда совершалось въ Новгородѣ и другихъ епархіальныхъ городахъ ([157]).

Въ дѣлѣ науки и просвѣщенія русскіе не подвинулись ни на шагъ. Въ школахъ, какія у нихъ были, учили только читать и писать,—не говоримъ о греческомъ училищѣ въ Москвѣ, которое открылось-было подъ конецъ жизни патріарха Филарета и не оставило по себѣ никакихъ слѣдовъ, ни объ андреевскомъ училищномъ монастырѣ въ Москвѣ, едва начавшемъ свои дѣйствія ([158]). И невѣжество, самое полное невѣжество, а съ нимъ и всякаго рода суевѣрія, по прежнему, господствовали въ московскомъ государствѣ, не только между мірянами, но и среди духовенства, не только въ простомъ народѣ, но и въ высшихъ слояхъ общества. Въ 1625 году верхотурскіе воеводы писали къ государю, что въ Верхотурье прибылъ изъ Москвы протопопъ Іаковъ, служившій у прежняго архіепископа тобольскаго Кипріана, и что у прибывшаго, при осмотрѣ его имущества, они нашли „въ коробьѣ траву багрову, да три корени, да камокъ перхчевать бѣлъ“, а потому спрашивали, какъ имъ поступить. И царь далъ имъ приказъ, чтобы они выслали протопопа и коробью „съ воровскимъ кореньемъ“ въ Москву, съ приставомъ, и чтобы приставъ пред-

([157]) Выходы государей, стр. 9; Древн. Росс. Вивліоѳ., XI, 2—10; Чтен. М. Истор. Общ. 1861, I, отд. III, 28.

([158]) *Олеарій*, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1868, III, отд. IV, 165.

ставилъ ихъ здѣсь въ приказъ казанскаго дворца царскому боярину и дьякамъ. Въ 1648 г. архимандритъ нижегородскаго печерскаго монастыря и вся братія извѣщали государя, что ихъ церковный дьячекъ Семейка Григорьевъ держитъ у себя какія-то „недобрыя, ересныя“ книги или тетради, которыя будтобы поднялъ на дорогѣ, и прислали къ царю самого Семейку съ тетрадями. Царь нашелъ, что тетради тѣ „гадалныя, имянуются Рафли“, и велѣлъ тетради сжечь, а дьячка возвратить въ тотъ же монастырь подъ начало, заковать въ ножныя желѣза, держать цѣлый годъ на черныхъ монастырскихъ службахъ и не давать несчастному св. причастья. Въ 1632 г. псковскіе водводы донесли царю, что, по словамъ лазутчиковъ, въ литовскихъ городахъ „баба вѣдунья наговариваетъ на хмѣль, который изъ Литвы возятъ въ наши города, чтобъ тѣмъ хмѣлемъ въ нашихъ городѣхъ на люди навесть моровое повѣтріе“. Царь приказалъ воеводамъ объявить въ Псковѣ и по всѣмъ слободамъ и селамъ, чтобы никто, подъ страхомъ смертной казни, у литовскихъ людей хмѣлю не покупалъ, а если кто купитъ и будетъ обличенъ, такого казнить смертію безъ пощады. Въ 1647 г., по указу государеву, сосланъ былъ въ кирилло-бѣлозерскій монастырь подъ крѣпкое начало крестьянинъ Мишка Ивановъ, за какое-то „чародѣйство и за наговоръ“. А въ слѣдующемъ году началось гоненіе противъ табака, и изданъ былъ царскій указъ, чтобы вездѣ у торговцевъ отобрать табакъ и сжечь, и чтобы впредь нигдѣ его не сѣять и не продавать, тѣхъ же, кто станетъ продавать, „бить по торгамъ кнутомъ нещадно“ ([159]).

([159]) А. И. III, № 137; А. Э. III, №№ 176, 197; IV, № 18; Собр. Госуд. грам. III, № 133; Уложеніе, гл. XXV, ст. 16.

Вмѣстѣ съ невѣжествомъ и суевѣріями господствовали въ русскомъ народѣ и прежніе грубые пороки. „Порокъ пьянства, свидѣтельствуетъ Олеарій, распространенъ въ русскомъ народѣ одинаково во всѣхъ состояніяхъ, между духовными и свѣтскими, высшими и низшими сословіями, между мужчинами и женщинами, старыми и малыми, до такой степени, что если видишь на улицахъ тамъ и сямъ пьяныхъ, валяющихся въ грязи, то не обращаешь на нихъ и вниманія, какъ на явленіе самое обычное... И знатные бояре, даже царскіе великіе послы... тоже не знаютъ никакой мѣры въ употребленіи предлагаемыхъ имъ крѣпкихъ напитковъ, и льютъ ихъ въ себя, какъ воду, такъ что совершенно теряютъ человѣческій смыслъ, а иногда и до смерти опиваются... Въ бытность нашу въ Москвѣ, тамъ вездѣ находились открытые питейные домы; при такомъ удобствѣ простой народъ все, что заработывалъ, приносилъ въ кабакъ, и такъ долго засиживался тамъ, что, пропивши заработокъ, снималъ съ себя платье, даже рубашку, и оставлялъ ее продавцу за водку“. Такими же рѣзкими чертами изображаетъ Олеарій распутство русскихъ во всѣхъ его видахъ, даже содомство, ихъ сквернословіе, вѣроломство, разбои и убійства. „Не проходитъ ночи, говоритъ онъ, чтобы на утро не найдено было на улицахъ Москвы нѣсколько мертвыхъ тѣлъ. Такія убійства часто совершаются въ большіе праздники, особенно на масляной недѣли, когда русскіе цѣлые дни пьянствуютъ до безумія. Въ бытность нашу въ Москвѣ, въ теченіи 11-ти дней ноября, было поднято 15 человѣкъ убитыхъ, какъ оказалось по счету въ земскомъ дворѣ“ ([160]).

([160]) *Олеарій*, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1868, III, отд. IV, 168—188.

Противъ всѣхъ этихъ пороковъ правительство принимало весьма строгія мѣры, наприм., за блудное дѣло патріархъ Филаретъ Никитичъ однажды сослалъ въ монастырь боярскаго сына, въ другой разъ—стольника подъ крѣпкое начало, и велѣлъ держать ихъ тамъ въ оковахъ на хлѣбнѣ и употреблять на всякую черную монастырскую работу. Но никакія мѣры не могли остановить зла ([161]). Самыя забавы и развлеченія у русскихъ оставались прежнія, и отзывались то суевѣріями язычества, то безнравственностію. Такъ смотрѣло на нихъ и правительство, и старалось ихъ преслѣдовать. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ въ маѣ 1627 г. приказалъ биричу кричать на всѣхъ площадяхъ и улицахъ Москвы, чтобы впредь за Старое Ваганково (гдѣ происходили народныя игрища) никакіе люди „несходились на безлѣпицу“; а кто будетъ ходить, тѣхъ приказалъ бить кнутомъ на торжищахъ. Къ концу тогоже года патріархъ Филаретъ Никитичъ также велѣлъ биричу кричать по рядамъ и по улицамъ, чтобы „съ кобылками не ходили и на игрища не сходились, и тѣмъ смуты православнымъ не было, и коледы и овсеня и плуги не кликали“, а ослушникамъ угрожалъ опалою отъ государя и своимъ запрещеніемъ. Патріархъ Іоасафъ, въ своей граматѣ 1636 года, сильно вооружался противъ того, что въ праздничные дни христіане ходили по улицамъ и безчинствовали, „вмѣсто духовнаго торжества воспріимше игры и кощуны бѣсовскія, повелѣвающе медвѣдчикомъ и скомрахомъ на торжищахъ и на распутіяхъ сатанинскія игры творити, и въ бубны бити, и въ сурны ревѣти, и руками плескати, и плясати, и иная непо-

([161]) А. Э. III, №№ 177. 226.

добная дѣяти", и что многіе люди, не только молодые, но и старые, вели въ тѣже дни кулачные бои великіе, даже до смертоубійства, такъ что многіе въ тѣхъ играхъ безъ покаянія пропадали. Самое же подробное перечисленіе тогдашнихъ народныхъ суевѣрій и суевѣрныхъ, а отчасти и безнравственныхъ, игръ и обычаевъ находится въ граматахъ царя Алексѣя Михайловича къ воеводамъ въ Бѣлгородъ и другіе украйные и замосковные города, также и въ сибирскіе (1648 г.): царь строго повелѣвалъ запрещать тѣ игры и обычаи, а всякаго, кто не станетъ слушаться, бить батогами ([162]).

Немного находилось людей, даже въ средѣ духовенства, которые любили заниматься чтеніемъ книгъ и обогащали свой умъ познаніями, а еще менѣе — такихъ, которые и сами рѣшались писать сочиненія. И потому наша духовная литература въ разсматриваемое нами время представляется крайне скудною. Мы уже упоминали о поученіи патріарха Іосифа къ духовенству, тогда же напечатанномъ; о службѣ, составленной сарскимъ митрополитомъ Кипріаномъ въ честь ризы Господней и также напечатанной; о двухъ напечатанныхъ тогда катихизисахъ, большомъ и маломъ, которые оба принесены въ Москву изъ западной Россіи, и о двухъ напечатанныхъ сборникахъ догматическаго и полемическаго содержанія, книгѣ Кирилловой и книгѣ о вѣрѣ, составленныхъ преимущественно изъ сочиненій западно-русскаго же происхожденія. Теперь можемъ указать еще немногое. Вопросъ о прилогѣ: „и огнемъ" въ извѣстной молитвѣ на Богоявленіе, рѣшенный соборомъ еще въ

([162]) А. И. III, № 92, ст. VIII. X; IV, № 35; А. Э. III, № 35; *Иванов.* Опис. Госуд. архива старыхъ дѣлъ, стр. 296.

началѣ патріаршествованія Филарета Никитича, не переставалъ волновать умы и въ въ послѣдствіи. По крайней мѣрѣ, митрополитъ новгородскій Аѳоній счелъ нужнымъ написать въ 1639 г., „поспѣшеніемъ“ самого патріарха Іоасафа, небольшое сочиненіе: „о духовной силѣ и о благодати, невидимо подаваемой свыше дѣйствіемъ Св. Духа въ крещеніи и въ день пятидесятный“. Здѣсь авторъ старался оправдать и защитить рѣшеніе московскаго собора и восточныхъ патріарховъ объ исключеніи изъ молитвы слова: „и огнемъ“ ([163]). Другой вопросъ, также рѣшенный патріархомъ Филаретомъ на соборѣ, о недѣйствительности обливательнаго крещенія и о необходимости крещенія чрезъ троекратное погруженіе для всѣхъ христіанъ инославныхъ, обращающихся къ православію, вновь былъ возбужденъ, какъ мы видѣли, и подвергся подробнѣйшему обсужденію во время споровъ русскаго духовенства съ датскимъ королевичемъ Волдемаромъ и его пасторомъ, и тогда ключарь Иванъ Насѣдка, по приказанію царскому, собралъ вмѣстѣ и изложилъ въ письмени „Возраженія“, какія онъ и его товарищи дѣлали противъ обливательнаго крещенія ([164]). Открытіе мощей новоявленныхъ угодниковъ Божіихъ и установленіе въ честь ихъ праздниковъ подавало поводъ къ составленію или обнародованію житій ихъ и сказаній объ нихъ. Такъ явились: а) житіе преп. Макарія унженскаго, желтоводскаго, прославленнаго въ 1619 г., извѣстное въ двухъ редакціяхъ, краткой и обширной; б) житіе преп. Кирилла ново-

([163]) Рукоп. Моск. Синод. библіот. № 273, л. 148—162, по Опис. II, 3, стр. 356—357.

([164]) Рукоп. тойже библ. № 279, л. 248—467, по Опис. II, 3, стр. 374.

езерскаго, которое еще въ 1648 г., предъ открытіемъ мощей его, было представлено братіею новоезерскаго монастыря боярину Морозову, и в) житіе благовѣрной княгини Анны Кашинской, вмѣстѣ съ повѣстію объ обрѣтеніи мощей ея въ 1649 году ([165]). Другіе писали житія или сказанія и повѣсти о подвижникахъ благочестія, мѣстно чтившихся. По благословенію новгородскаго митрополита Макарія (1619 — 1626), написано житіе преп. Артемія веркольскаго однимъ жителемъ Верколы. По благословенію вологодскаго архіепископа Варлаама (1626 — 1645),—житіе преп. Галактіона вологодскаго однимъ изъ иноковъ мѣстной обители. Неизвѣстный инокъ соловецкаго монастыря написалъ житіе преп. Германа соловецкаго вскорѣ по обрѣтеніи мощей его въ 1627 году. Другой инокъ тогоже монастыря, Сергій, впослѣдствіи ипатьевскій архимандритъ, бывшій очевидцемъ перенесенія мощей Іоанна и Логгина яренгскихъ въ 1638 г., составилъ сказаніе объ нихъ. Вскорѣ послѣ 1626 г., составлена повѣсть объ открытіи мощей преп. Адріана пошехонскаго и о чудесахъ, затѣмъ послѣдовавшихъ, бывшимъ очевидцемъ этихъ чудесъ. Около 1644 г. написано житіе преп. Адріана и Ѳерапонта монзенскихъ; въ 1647 г.—краткое житіе московскаго юродиваго Іоанна, Большаго-Колпака, „рукою многогрѣшнаго простаго монаха, а не ермонаха“; въ 1649 г.—житіе преп. Тихона лухомскаго, и въ томъ же году записаны очевидцемъ 25

([165]) Списки житія Макарія унженскаго—въ Рукоп. троице-серг. лавры, № 679, л. 595, и № 694, л. 340. Житіе Кирилла новоезер.—тамъ же № 696, л. 75, а слово на открытіе мощей его—въ Чтен. М. Истор. Общ. 1864, III, отд. V, 1—11. О житіи Анны Кашинской—*Бычков.* Опис. рукоп. Сборн. Импер. публ. библіот., I, стр. 147.

чудесъ преп. Герасима вологодскаго ([166]). Вообще житія святыхъ, какъ и прежде, были самымъ любимымъ литературнымъ занятіемъ для нашихъ книжниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, если не составляли сами новыхъ житій, то старались собирать прежнія житія въ сборники. Одинъ изъ такихъ сборниковъ составленъ, по порученію архимандрита троице-сергіева монастыря Діонисія, монахомъ Германомъ Тулуповымъ изъ Старицы въ 1627—1632 годахъ; другой—священникомъ посадской церкви тогоже монастыря Іоанномъ Милютинымъ и его сыновьями въ 1646 — 1654 годахъ. Оба сборника представляютъ собою чети-минеи въ родѣ макарьевскихъ, содержатъ немало новыхъ житій, написанныхъ послѣ митрополита Макарія, и отличаются отъ его чети-миней еще тѣмъ, что излагаютъ почти исключительно одни житія и другія статьи историческаго содержанія ([167]).

Болѣе другихъ замѣчательными писателями того времени у насъ можно назвать инока Антонія Подольскаго и князя Семена Ивановича Шаховскаго. Отъ Антонія Подольскаго, о которомъ мы уже упоминали, дошли до насъ, кромѣ нѣсколькихъ небольшихъ статей, два полныхъ и довольно обширныхъ слова: слово о пьянствѣ, написанное въ 1620 году, и слово о царствіи небесномъ и о славѣ Святыхъ, написанное въ 1626 году. Оба слова показываютъ въ авторѣ человѣка съ научнымъ образованіемъ, съ довольно развитымъ умомъ и діалек-

---

([167]) О всѣхъ этихъ житіяхъ—*Ключевск.* Древне-русск. житія святыхъ, стр. 323—332.

([167]) Чети-минеи Германа Тулупова—въ библіотекѣ троице-серг. лавры. №№ 665. 668. 671—677. 679. 681. 694. 695. А Милютинскія чети-минеи—въ М. Синод. библіотекѣ,—и Оглавленіе ихъ напечатано мѣстнымъ библіотекаремъ, о. архим. Іосифомъ.

тикою. Оба написаны не такъ, какъ писались тогда въ Москвѣ подобныя сочиненія нашими грамотѣями-самоучками, а такъ, какъ начали тогда составляться проповѣди въ западной Руси подъ вліяніемъ тамошнихъ училищъ и схоластики. Въ словахъ этихъ болѣе отчетливости, порядка и стройности, нежели въ прежнихъ словахъ, но за то и болѣе искуственности, отвлеченности и мертвыхъ хитросплетеній, чѣмъ естественности, простоты и жизни.

Слово о пьянствѣ Антоній начинаетъ такъ: „Срамъ для царя—терпѣть убожество по нуждѣ: срамъ и для нашего горняго, безплотнаго ума самовольно омрачаться вліяніями тѣла и не имѣть свѣтлости въ мысляхъ. Какъ мракъ противенъ солнцу, такъ и умному свѣту души противно омраченіе мысленное, которое бываетъ отъ невоздержной и пьянственной жизни... Двоякое пьянство различаютъ св. отцы, омрачающее нашъ умъ: первое пьянство — это измѣненіе ума отъ ярости, страха и унынія, которыя приводятъ въ изступленіе душу и омрачаютъ ея мысли; второе же пьянство бываетъ намъ отъ невоздержнаго и безмѣрнаго воспріятія вина и сикера,—о немъ-то наше слово“. Въ самомъ словѣ Антоній, прежде всего, изображаетъ гибельныя послѣдствія пьянства: „пьянство, бывающее отъ вина и сикера, есть отчужденіе отъ Бога, изступленіе изъ себя, превращеніе уму, отгнаніе памяти, разслабленіе крѣпости. Пьянство есть забвеніе смерти, безстрашіе будущаго суда, наставленіе лѣности, отецъ презорству, подпора безстудію, облако гордости, болѣзнь тѣлу, тщета души, расточеніе мыслей, сердечный червь, безвременная смерть..., дому разореніе, богатству тать.... Пьяный, воистину, есть скверна предъ Богомъ, смрадъ ангеламъ, игралище бѣсамъ, другъ лжи, ножъ

любви.... Воистину, многопотопна и прелестна страсть сія, и многіе, болѣзнующіе симъ недугомъ, *отъ нихъ же первый есмь азъ*, потопляются, какъ олово въ водѣ"... Затѣмъ излагаетъ убѣжденія беречься этой страсти, бороться съ нею, убѣгать отъ нея; сравниваетъ ее съ другими страстями, сребролюбіемъ, сластолюбіемъ, тщеславіемъ, и объясняетъ, что она всѣхъ ихъ гибельнѣе. Обращается къ страждущимъ этимъ недугомъ и говоритъ: „гдѣ поставлю тебя, о подобный мнѣ пьяница, между людьми или между безсловесными животными? Между людьми? Но ты творишь безсловесное. Между скотами? Но ты хуже скота: ибо скотъ получилъ отъ Творца безсловесное существо; а ты, будучи словесенъ и разуменъ, омрачаешь словесный санъ и пріобщаешься псамъ и свиніямъ"... Обращается къ самому себѣ и говоритъ: „что дѣлать мнѣ? Вижу, что погибаю отъ себя, и опять тоже творю... О горе моему невоздержанію! Мысль моя, какъ вѣтеръ; желаніе воздерживаться, какъ роса; крѣпость моя, какъ паутина, раздираемая вѣтромъ.... Скажу душѣ моей: воззри въ превыспренній міръ, душа моя, и восхвали, воспой создавшаго тебя, въ Троицѣ единаго Бога нашего. Что же душа? Какъ я воззрю? (отвѣчаетъ): око мое помрачилось и не можетъ видѣть горняго. Сама я—горняя сожительница и горняго происхожденія, но одебелѣла отъ земнаго и пребываю въ земныхъ дѣяніяхъ"... Заключеніе начинаетъ слѣдующими словами: „и такъ, любимицы мои, страдающіе, какъ и я, симъ недугомъ, подобаетъ намъ, прежде всего, воспоминать смерть внезапную, и страшный будущій судъ Божій, и грозное мученіе, и вѣчное нескончаемое блаженство"... и проч.

Другое свое слово Антоній самъ раздѣлилъ на шесть ста-

тей. Въ первой статьѣ, составляющей какбы вступленіе въ слово, изложивъ мысли о непостижимомъ и неизреченномъ существѣ единаго триипостаснаго Бога, Творца и Промыслителя, и о воплощеніи Сына Божія, пріобрѣтшаго для насъ царство небесное, сочинитель взываетъ: „итакъ пріидите, лики правовѣрныхъ и соборы всѣхъ вѣрующихъ, и вострубимъ въ златокованную трубу, восхвалимъ и возблагодаримъ Создателя за неизглаголанную Его милость... Презримъ временное: ибо мы призваны къ вѣчному пиршеству и непрестанному веселію, уготованному для насъ на небеси“... Во второй статьѣ старается общими чертами изобразить царство небесное: „По истинѣ, здѣсь плачь, тамъ веселіе; здѣсь юдоль плачевная, тамъ утѣшеніе; здѣсь путь, тамъ жилище; здѣсь гостинница нѣкая, тамъ вѣчное обиталище; здѣсь сѣяніе, тамъ жатва и собираніе въ житницы; здѣсь дѣланіе, тамъ воздаяніе; здѣсь трудъ, тамъ покой; здѣсь желанія, тамъ исполненіе желаній... Тамъ ангельское пѣснопѣніе, пророковъ ликованіе, апостоловъ празднество, мучениковъ свѣтлое радованіе, святителей славословіе, преподобныхъ чудное веселіе, праведныхъ и всѣхъ святыхъ непрестанное пѣснословіе... Дивно, о боголюбивые, жилище на небеси, гдѣ воспѣвается и хвалится неизреченными гласами ангельскими препѣтый и пребожественный живоначальный Свѣтъ“... Въ третьей статьѣ продолжаетъ изображать царство небесное болѣе частными чертами: „Дивно жилище на небеси, гдѣ нѣтъ боязни грѣха, но надежда незыблемая и непрестанная любовь къ Богу..... гдѣ нѣтъ ни брани, ни зависти, ни попеченія объ имуществѣ, но все покой, все тишина, все благодушіе, и радость, и миръ вѣчный. Дивно жилище, гдѣ нѣтъ ласкателей, но вѣчные други...; нѣтъ сна, ни дреманія очей, но неусыпная бодрость и

безтрудная жизнь...; нѣтъ клятвы, клеветы и лжи, но все истинно, все праведно...; нѣтъ тьмы, ни ночи, но все день, все свѣтъ, все сладостный покой"... Въ четвертой статьѣ излагаетъ уже подробности ученія о царствѣ небесномъ, и въ восьми небольшихъ отдѣленіяхъ говоритъ: о славѣ святыхъ, о величествѣ святыхъ, о чести святыхъ, о возрастѣ святыхъ, объ обителяхъ святыхъ, о богатствѣ святыхъ, о нетлѣніи святыхъ, о пребываніи святыхъ. Въ пятой статьѣ показываетъ ничтожество земныхъ благъ предъ небесными: „Посмотришь ли на здѣшнія прекрасныя и позлащенныя палаты: знай, что это дѣла комаровъ и дѣтскія игрушки и клѣтки сравнительно съ небесными палатами. Помыслишь ли о виссонныхъ тканяхъ: это паутинное пряденіе и умышленіе муравья.... Честь ли и слава прельщаютъ тебя: помни, что тамъ нарекутся всѣ сынами Бога живаго.... Всякая здѣшняя красота житейская есть сонъ, тѣнь и мечта; вода, мимо текущая; трава, скоро увядающая; свѣча скоро угасающая".... Наконецъ, въ шестой, заключительной статьѣ убѣждаетъ своихъ слушателей, какъ странниковъ земли, не пристращаться къ землѣ, отвергнуться грѣха и всѣхъ земныхъ похотѣній, возлюбить небо, творить добро и приготовляться къ царству небесному ([168]). Нельзя

([168]) Сильвестръ Медвѣдевъ, составившій во второй половинѣ XVII вѣка „Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ" (напеч. въ Чтен. М. Истор. Общ. 1846 г.), назвалъ только два сочиненія Антонія Подольскаго: 1) слово о пьянствѣ и 2) слово о царствіи небесномъ и славѣ святыхъ. Первое слово въ наши дни напечатано въ Правосл. Собесѣдникѣ 1862, I, 283—288. 369—385. Второе также напечатано въ Правосл. Собесѣдникѣ 1864, I, 108—126. 227—246. Но нынѣ сдѣлались извѣстными еще до пяти небольшихъ сочиненій Антонія Подольскаго, занимающихъ въ рукописи только по нѣскольку четвертокъ (Рукоп. *Ундольскаго*, № 526), именно: а) посланіе къ нѣкоему (л. 17—24), б) слово о прелѣстнемъ семъ и видимомъ нами свѣтѣ (л. 24—29), в) слово о человѣчестѣй плоти (л. 29 об.—33 об.), г) слово о чести родителей своихъ (л. 33 об.—34 об.), д) слово о піянствѣ и о блудѣ (л. 34 об.). Второе, третье и пятое слова—не суть ли только отрывки изъ двухъ, нами раз-

не замѣтить, что это послѣднее слово Антонія Подольскаго крайне растянуто и вообще неудачно: множество въ немъ повтореній, много напыщенности и бездушныхъ восклицаній.

Князь Семенъ Ивановичъ Шаховскій, который упоминается на царской службѣ, то въ званіи воеводы, то въ другихъ должностяхъ, съ 1614-го по 1646 г. ([169]), замѣчателенъ, какъ писатель, по обилію и разнобразію своихъ сочиненій. Наибольшій отдѣлъ этихъ сочиненій составляютъ посланія, и между ними, прежде всего, обращаютъ на себя вниманіе тѣ, которыя, хотя отчасти, знакомятъ насъ съ судьбою самого автора. Въ посланіи къ другу, неизвѣстному по имени, князь выражаетъ свою скорбь, что отлученъ отъ церкви, лишенъ лицезрѣнія царскаго, заключенъ въ темницу, и благодаритъ друга за его утѣшительныя письма. Въ другомъ посланіи къ другу, какому-то Семену Гавриловичу, благодаритъ его за то, что этотъ послѣдній не только посѣтилъ его, князя, въ темницѣ, но и принесъ ему все потребное, и обѣщался ежедневно помогать ему въ его скорбяхъ. За что же постигла князя такая участь? Въ посланіи къ патріарху Филарету Никитичу онъ самъ указываетъ свою вину,— говоритъ, что, по смерти трехъ своихъ женъ, изъ которыхъ съ первою прожилъ три года, со второю полтора, а съ третьею только девятнадцать недѣль, онъ, будучи еще юнымъ, вступилъ въ четвертый бракъ съ дѣвицею, жилъ съ нею два года и имѣлъ отъ нея дѣтей, а теперь лишенъ супружества и дѣтей.... Со-

---

смотрѣнныхъ, словъ Антонія Подольскаго? Его участіе въ передѣлкахъ хронографа и предисловіе къ одному списку хронографа—см. *Попова* Обзоръ хронографовъ, I, 242—252.

([169]) Родословная князей Шаховскихъ, въ Древн. Росс. Вивліоѳ. IX, 279—281.

знавая свое беззаконіе, князь просилъ себѣ у патріарха помилованія и уврачеванія, чтобы отъ унынія не впасть въ отчаяніе. Когда же это было? Въ посланіи къ архіепископу сибирскому и тобольскому Кипріану, еще до отбытія его изъ Москвы на епархію (рукоположенъ 8 сент. 1620 г., а прибылъ въ Тобольскъ 30 мая 1621 г.), князь Шаховскій, прося его ходатайства предъ патріархомъ о дозволеніи ему, князю, жить съ своею четвертою женою, выражался, что страждетъ уже третій годъ,—значитъ, подвергся наказанію еще въ 1619 г. при самомъ началѣ патріаршества Филаретова, если даже не раньше. Но не за бракъ только четвертый страдалъ князь, а вмѣстѣ и за какое-то государственное преступленіе, въ которомъ обвинялся. Въ посланіи къ томуже Кипріану, сдѣлавшемуся уже митрополитомъ крутицкимъ (съ 12 дек. 1624), Шаховскій снова умолялъ его о ходатайствѣ предъ патріархомъ и писалъ, что и въ мысли никогда не имѣлъ чего либо недобраго противъ государя, которому со всею вѣрностію служилъ доселѣ, не щадя головы своей на браняхъ, и готовъ служить до послѣдняго своего издыханія; что вовсе не находился и въ Москвѣ въ тѣ дни, когда совершено другими такое беззаконіе, и если въ чемъ согрѣшилъ предъ государемъ, то по невѣдѣнію или по небреженію нѣкоему, а отнюдь не по лукавству или умыслу, и что минуло уже четыре года, какъ онъ за это терпитъ, „гонимъ, и прогонимъ, и всячески озлобленъ, и расхищенъ“. Писалъ также Шаховскій посланіе къ какому-то князю Ивану Андреевичу и просилъ его ходатайства и заступленія.

Можно думать, что въ 1625 г. князь Шаховскій былъ, наконецъ, помилованъ и даже пользовался нѣкоторою благосклонностію патріарха: такъ какъ послѣдній поручилъ ему

составить извѣстное уже намъ посланіе, въ которомъ Филаретъ Никитичъ благодарилъ персидскаго шаха Аббаса за присланную имъ святыну — ризу Господню и убѣждалъ его принять св. крещеніе ([170]). Въ числѣ другихъ посланій князя есть маловажныя: въ одномъ онъ поздравляетъ своего знакомаго съ рожденіемъ сына или дочери, въ другомъ преподаетъ утѣшеніе вдовѣ, неутѣшно скорбѣвшей объ умершемъ мужѣ ([171]). Но есть и, болѣе или менѣе, важныя, касавшіяся то истинъ вѣры, то правилъ церкви, то ея обрядовъ и богослужебныхъ книгъ. Таковы посланія: а) къ нѣкоему любомудрецу, безсмысленно говорившему, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ, вмѣсто человѣческой души, принялъ Духа Святаго; б) къ князю Ивану Хворостинину, препиравшемуся о шестомъ вселенскомъ соборѣ, будто онъ не обрѣтается въ книгѣ священныхъ правилъ; в) къ нѣкоимъ, препиравшимся о бракахъ и говорившимъ, что бракъ крѣпокъ, какимъ бы образомъ ни сочетался, и законенъ, если даже вступаютъ въ бракъ безъ соизволенія родителей, самовластіемъ жениха или невѣсты, и под.; г) къ вопросившему о четвертомъ бракѣ, какимъ законоположеніемъ св. отцевъ онъ воспрещается. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ князь приводитъ отеческія правила, доказывающія преступность четвертаго брака; но замѣчаетъ, что надобно оказывать снисхожденіе къ немощи человѣческой, какъ поступали митрополитъ московскій Макарій и патріархъ Іовъ, а „если кто начнетъ по

([170]) Всѣ названныя семь посланій кн. Шаховскаго находятся въ рукоп. Сборн. Моск. Синод. библ. № 327, л. 68. 85. 93. 96. 105 об. 116. 198, по Опис., II, 3, стр. 696—700.

([171]) Первое—въ томъ же Сборн. М. Синод. библ., № 327. л. 91. Второе—въ Рукоп. Моск. дух. Академіи, № 214, л. 185.

священнымъ и отеческимъ правиламъ творить судъ согрѣшающимъ, не обращая вниманія на человѣческую немощь, то нужно истребить не одно четверобрачіе, но и третій бракъ при дѣтяхъ отъ первыхъ женъ, истребить также постриженіе первыхъ женъ въ монахини и слѣдующее затѣмъ вступленіе во второй бракъ“ (172). Таковы же посланія князя: д) къ нѣкоему другу, вопросившему, отъ чего повелось инокамъ не ѣсть мяса; е) къ митрополиту крутицкому Кипріану, ж) къ боярину князю Ивану Борисовичу Черкасскому и з) къ старцу Варлааму, бывшему архимандриту суздальскаго Богоявленскаго монастыря. Въ трехъ послѣднихъ посланіяхъ авторъ давалъ отвѣты на предложенные ему вопросы о книжныхъ описяхъ,— рѣшалъ недоумѣнія, считать ли тѣ или другія мѣста во вновь-напечатанныхъ книгахъ описями или подлинными словами текста, и высказывалъ желаніе, чтобы, при печатаніи книгъ, „прилежно проницали въ книги и благолѣпно исправляли ошибки, сдѣланныя въ простотѣ невѣдѣнія“ (173).

Нескуденъ и другой классъ сочиненій князя Шаховскаго, съ характеромъ историческимъ. Сюда относятся: а) слово о пожарѣ московскомъ (бывшемъ 3 мая 1626 г.), б) повѣсть преславна о принесеніи ризы Господней въ царствующій городъ Москву, в) повѣсть о убіеніи царевича Димитрія, г) повѣсть о нѣкоемъ мнисѣ, како послася отъ Бога на царя Бориса во отмщеніе крове праведнаго царевича Димитрія, д) слово похвальное тремъ московскимъ святителямъ: Петру, Алексію и

---

(172) Всѣ четыре—въ Рукоп. Моск. дух. Академіи, № 214, л. 79 об. 116. 137 об. 189.

(173) Первое—въ Сборн. М. Синод. библіот., № 327, л. 163 об. Три послѣднія—въ Рукоп. Моск. дух. Акад., № 214, л. 91 об. 196 об. 204 об.

Іонѣ, и е) слово похвальное Христа ради юродивымъ Прокопію и Іоанну, устюжскимъ чудотворцамъ ([174]).

Третій и послѣдній отдѣлъ сочиненій князя Шаховскаго составляютъ церковныя службы, молитвы и пѣснопѣнія. Онъ составилъ: а) службу и канонъ на положеніе ризы Господней; б) канонъ Софіи—Премудрости Божіей; в) канонъ Христа ради юродивымъ Прокопію и Іоанну, устюжскимъ чудотворцамъ; г) канонъ тремъ святителямъ московскимъ—Петру, Алексію и Іонѣ; д) молитвы: Господу Іисусу Христу, животворящему кресту, Богородицѣ, Предтечѣ, Силамъ безплотнымъ, апостоламъ, пророкамъ, святителямъ, преподобнымъ, мученикамъ, преп. женамъ и мученицамъ, святителямъ московскимъ, св. царямъ и княземъ, препод. отцамъ русскимъ; молитвы за царя, за патріарха; молитвы—преп. Димитрію вологодскому, Макарію унженскому; е) акаѳистъ преп. Сергію, радонежскому чудотворцу, написанный въ 1650 г. и доселѣ употребляющійся въ церкви ([175]).

По отношенію къ иновѣрцамъ, христіанамъ и нехристіа-

([174]) Первыя пять—въ Рукоп. Моск. дух. Ак., № 214, л. 149. 213 об. 287. 362. 387. Вторая повѣсть—въ Рукописи библіотеки Москов. Чудова монастыря, № 280, л. 1—51 и въ Сборн. Импер. Публ. библ., *Бычков.* Опис. II, 307. А послѣднее слово—въ Рукоп. *Ундольск.*, № 362, л. 197, и въ Рукоп. библіотеки Моск. Чудова мон., № 280, л. 52—104.

([175]) Служба и канонъ на положеніе ризы Господней и всѣ перечисленныя молитвы—въ Рукоп. Моск. дух. Ак., № 214, л. 405. 427. 430. Каноны Софіи Божіей и двумъ названнымъ устюжскимъ чудотворцамъ—въ Рукописи Москов. Синодал. библ. № 1009, л. 1. 17. Канонъ тремъ святителямъ московскимъ—въ Рукоп. Моск. дух. Ак., № 201, л. 341, и № 203, л. 222. А объ акаѳистѣ препод. Сергію—въ Опис. рукописей тр.-серг. лавры, ч. III, ст. 174. Извѣстна еще „Копія со списка князя Семена Шаховскаго записки", которая есть краткій журналъ его съ 1601 по 1649 годъ (Опис. библіот. Моск. Общ. Исторіи и Древн., I, № 227, стр. 110).

намъ, русскіе продолжали держаться правила вѣротерпимости. „Не слышно, писалъ Олеарій, чтобы русскіе насильно кого обращали въ свою вѣру; напротивъ, каждому они предоставляютъ свободу совѣсти, хотябы это были ихъ подданные, или рабы... Всякаго же, добровольно обращающагося въ ихъ вѣру, они охотно принимаютъ, и даже доставляютъ ему содержаніе на все время его жизни... Они терпятъ всякаго рода вѣроисповѣданія и охотно ведутъ дѣла съ разными народностями, съ лютеранами, кальвинистами, армянами, татарами, персіанами и турками; но папистовъ и жидовъ не любятъ... Ненависть русскихъ къ латинской церкви исконная и какбы прирожденная; предки ихъ приняли ее отъ грековъ и передали ее въ наслѣдство своимъ потомкамъ“. Особенно усилилась эта ненависть со времени самозванцевъ, когда латиняне—поляки причинили столько зла Россіи и русской церкви, и іезуиты пытались насадить латинство въ самой Москвѣ. Послѣ того русскіе старались удаляться отъ латинянъ и не пускать ихъ къ себѣ. Въ 1627 г. французскій король Людовикъ XIII присылалъ въ Москву посольство, чтобы исходатайствовать своимъ подданнымъ дозволеніе вести торговлю въ Россіи и имѣть тамъ латинскую церковь: въ этой просьбѣ было отказано на отрѣзъ ([176]). Въ 1631 г., предъ началомъ войны подъ Смоленскомъ, царь Михаилъ Ѳедоровичъ, отправляя за границу, для найма ратныхъ людей въ русскую службу, своихъ уполномоченныхъ, далъ имъ наказъ нанимать всякихъ солдатъ,

([176]) *Олеарій*, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1868, IV, отд. IV, 323. 369. 374. по свидѣтельству Олеарія, многіе латиняне тогда у насъ крестились (тамъ же 316).

кромѣ французовъ, а французовъ и иныхъ людей римской вѣры „однолично не наймовать“. Когда же въ числѣ иностранныхъ капитановъ, призванныхъ въ Россію, оказалось нѣсколько и католиковъ, то имъ выдано было вознагражденіе за пріѣздъ, и они тотчасъ же, съ надежными проводниками, вывезены были за границу. Въ условіяхъ договора, заключеннаго, въ 1634 г., съ голштинцами, о дозволеніи имъ вести торговлю черезъ Россію съ Персіею и имѣть въ Россіи складочныя мѣста, прямо было сказано: „а костеловъ имъ своей вѣры на тѣхъ мѣстѣхъ не ставити, а пѣнье по ихъ вѣрѣ совершати въ домѣхъ, а не въ костелахъ; а римскія вѣры поповъ и учителей и никакихъ латынскія вѣры людей съ собою имъ въ московское государство не привозити и тайно у себя не держати; а кто привезетъ и учнетъ держати тайно, и тѣхъ казнити смертію“ (177). Напротивъ, протестанты, хотя русскіе считали ихъ вѣру еще худшею латинской, допускались въ Россію по дѣламъ торговымъ и промышленнымъ и принимались на царскую службу. Въ самой Москвѣ они имѣли свои домы и свободно отправляли свое богослуженіе. Нѣсколько времени у лютеранъ была церковь даже въ Кремлѣ, и тамъ же построили-было изящную церковь, подлѣ своей деревянной часовни, и кальвинисты, безъ дозволенія правительства. Но, по настоянію патріарха, обѣ эти церкви были разрушены, и нѣмцамъ дозволено было ставить себѣ молитвенные домы только внѣ Кремля, въ большомъ городѣ. Потомъ, въ 1643 г., вслѣдствіе жалобъ русскихъ священниковъ, по указу царя Михаила Ѳедоровича, и тѣ „нѣмецкія избы, кото-

(177) Собр. Госуд. Грам. III, № 83; А. И. III, № 181.

рыя поставлены были въ бѣломъ каменномъ и въ земляномъ городѣ для мольбы и обѣденъ, были сломаны, и впредь нѣмецкимъ избамъ въ бѣломъ каменномъ и въ земляномъ городѣ для мольбы и обѣденъ быти не велѣно, а велѣно имъ пріискать мѣсто за земляным городомъ, гдѣ имъ впредь для богомолья поставить избу съ комнатою". Такое мѣсто, по избранію самихъ нѣмцевъ, въ томъ же году имъ было отведено за земляным городомъ на пахатномъ полѣ между фроловскими и покровскими воротами, и нѣмцы построили тамъ свою кирху. Царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ нѣмцамъ селиться за Яузою на Кукуѣ, гдѣ и первоначально жили одни нѣмцы, и назвалъ то поселеніе новою иноземскою слободою. Нѣмцы здѣсь хорошо устроились, и лютеране имѣли у себя двѣ нѣмецкія церкви, а кальвинисты одну голландскую и другую англійскую ([178]). Уложеніе Алексѣя Михайловича только подтвердило прежнее распоряженіе и узаконило: „а въ которыхъ нѣмецкихъ дворѣхъ поставлены нѣмецкія кирки, и тѣ кирки сломати, и впредь въ Китаѣ и въ бѣломъ и въ земляномъ городѣ на нѣмецкихъ дворѣхъ киркамъ не быти, а быти имъ за городомъ за земляным, отъ церквей Божіихъ въ дальнихъ мѣстѣхъ" (гл. XIX, ст. 40).

Съ посѣщенія Москвы іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ возобновились сношенія Россіи съ православнымъ востокомъ, прервавшіяся-было въ смутное для нея время. Главною цѣлію этихъ сношеній, какъ и прежде, была милостыня изъ Россіи бѣдствовавшимъ христіанамъ востока. Не прохо-

([178]) *Олеарій*, тамъ же 369—372; А. И. III, № 225; Собр. Госуд. Грам. III, № 116.

рило рѣшительно ни одного года, когда бы не являлось къ намъ за нею нѣсколько, иногда даже множество пришельцевъ: митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, простыхъ иноковъ, иногда и мірянъ, изъ всѣхъ восточныхъ патріархатовъ, съ Аѳона, изъ Сербіи, Болгаріи и Молдавіи. Приходившіе обыкновенно приносили съ собою свидѣтельства о своей личности и нуждахъ, а многіе и ходатайства, отъ лицъ, достойныхъ уваженія, преимущественно отъ патріарховъ. Чаще всѣхъ присылали такія свидѣтельства и ходатайства къ нашему царю и патріарху іерусалимскіе патріархи Ѳеофанъ и Паисій и цареградскіе Кириллъ Лукарисъ и Парѳеній. Всѣ эти пришельцы останавливались на границѣ, въ Путивлѣ, изрѣдка и въ Воронежѣ, Архангельскѣ, Орѣшкѣ, объявляли о себѣ мѣстнымъ воеводамъ, представляли имъ свои документы, а воеводы доносили о пришедшихъ царю. Царь давалъ приказъ, кого изъ нихъ пропустить въ Москву и кому выдать царскую милостыню на границѣ: такъ поступали, большею частію, съ тѣми, которые не имѣли у себя никакихъ свидѣтельствъ или уже неразъ приходили въ Россію за милостынею. Въ Москвѣ снова разсматривали документы пришедшихъ и распрашивали ихъ. Потомъ они представлялись царю, патріарху, подносили имъ отъ лица своихъ патріарховъ, или своихъ монастырей, или отъ себя лично, мощи святыхъ, частицы креста Христова, иконы, панагіи и под., и получали отъ царя и патріарха милостыню, нерѣдко очень щедрую, деньгами, соболями и другими предметами. Нѣкоторые проживали въ Москвѣ довольно долго, по году и болѣе; иные же оставались навсегда въ Россіи. Къ сожалѣнію, въ числѣ этихъ пришельцевъ бывали и обманщики.

Такъ, въ 1623 г., прибылъ съ горы синайской, изъ монастыря неопалимыя купины, митрополитъ Іеремія, и получилъ милостыню на означенную обитель. Но находившіеся при немъ архидіаконъ и старецъ донесли, что Іеремія, бывшій нѣкогда митрополитомъ въ Родосѣ, лишенъ сана вселенскимъ патріархомъ, ходилъ въ Римъ, принялъ тамъ латинство, служилъ съ папою, и теперь не хочетъ возвращаться на Синай и отдать милостыню обители: это подтвердили и другіе греки, бывшіе тогда въ Москвѣ. И патріархъ Филаретъ Никитичъ горько жаловался на такой обманъ въ письмѣ къ вселенскому патріарху. Въ томъ же году явился въ Россію съ аѳонской горы изъ зографскаго монастыря старецъ Мелетій, будтобы посланный всею братіею. Но, по распросамъ и справкамъ въ посольскомъ приказѣ, оказалось, что Мелетій—бѣглецъ изъ означенной обители, и потому его тотчасъ выслали изъ Путивля за рубежъ. Въ 1628 г. пріѣхалъ въ Москву митрополитъ метаморфосскій Неофитъ, который также, по самому тщательному разслѣдованію, оказался лишеннымъ сана въ Царьградѣ: за свой обманъ Неофитъ сосланъ былъ въ оковахъ въ свіяжскій монастырь, а когда бѣжалъ оттуда и былъ схваченъ въ Казани, то, по приказанію государя, заключенъ въ городскую тюрьму. Болѣе всѣхъ пришельцевъ произвелъ смутъ въ Москвѣ митрополитъ веррійскій Аверкій. Онъ прибылъ въ 1628 году, съумѣлъ понравиться патріарху Филарету, и своимъ вліяніемъ немало вредилъ другимъ грекамъ. По его доносу, сосланы были въ Нижній Новгородъ, въ дудинъ монастырь, архимандритъ синадскаго митрополита Григорій и его двоюродный братъ, бѣлецъ Косьма. Но за нихъ заступился седунскій митрополитъ Паисій, находившійся въ Москвѣ, просилъ

разслѣдовать дѣло, и сосланные были возвращены. На востокѣ узнали объ интригахъ Аверкія и строго его осуждали. Самъ Ѳеофанъ, іерусалимскій патріархъ, въ 1630 г. жаловался на злословіе и своекорыстіе Аверкія въ письмѣ къ Филарету Никитичу, и извѣщалъ, что уже двадцать лѣтъ, какъ Аверкій изгнанъ изъ веррійской епархіи, и что онъ человѣкъ лукавый и злоупотребляетъ довѣріемъ къ нему Филарета. Филаретъ защищалъ Аверкія предъ Ѳеофаномъ письмомъ отъ 17 іюня 1631 г. Но самъ же потомъ, вмѣстѣ съ соборомъ, судилъ и осудилъ Аверкія по какому-то духовному дѣлу, и сослалъ его на заточеніе въ Кострому, откуда онъ освобожденъ только въ 1636 г., по ходатайству цареградскаго патріарха, и отпущенъ въ Грецію ([179]).

Съ воцареніемъ Алексѣя Михайловича злоупотребленія грековъ, приходившихъ къ намъ, еще увеличились. Въ 1645 году самъ цареградскій патріархъ Парѳеній писалъ (отъ 15 дек.) нашему государю, что нѣкоторые чернецы и торговые люди пріѣзжаютъ къ его царскому величеству съ ложными граматами и давалъ совѣтъ вѣрить только тѣмъ, которые будутъ представлять граматы за патріаршими печатями. Въ слѣдующемъ году Алексѣй Михайловичъ предписалъ (19 ноября) путивльскимъ воеводамъ: не вѣрить и тѣмъ пришельцамъ, которые будутъ представлять граматы и за печатями патріарховъ или другихъ духовныхъ властей, но за печатями открытыми, а не за глухими; самихъ пришельцевъ, если заявятъ, что гра-

([179]) Москов. главн. арх. министер. иностр. дѣлъ, дѣла греч., 7131 годъ, № 5; Связк. 2, №№ 3. 9; Связк. 6, №№ 11. 13; Связк. 8, № 22; Связк. 9, № 7; Связк. 12, № 1; Связк. 14, №№ 13. 18; *Муравьев.* Сношенія Россіи съ Востокомъ, II, 10—17. 24—26. 53—56. 60. 104. 110—121. 146. 178—179.

маты ихъ только о милостынѣ, удерживать въ Путивлѣ, а граматы ихъ присылать въ Москву, откуда и будутъ приходить приказы, кому и сколько пожаловать милостыни; если же скажутъ, что граматы о государевыхъ дѣлахъ, т. е. съ разными извѣстіями къ государю отъ греческихъ церковныхъ властей, то допрашивать, о чемъ именно, и затѣмъ пропускать пришельцевъ въ Москву, объявивъ имъ, что, въ случаѣ обмана съ ихъ стороны, имъ не будетъ въ Москвѣ за ту ложь ни жалованья, ни корму, ни милостыни. Такіе же наказы воеводамъ—путивльскому, брянскому, сѣвскому и рыльскому повторялись въ 1648 и 1649 годахъ. Несмотря на все это, обманы не прекращались: нѣкоторые смѣло объявляли въ Путивлѣ, что ѣдутъ въ Москву съ граматами о тайныхъ государевыхъ дѣлахъ, расчитывая, что въ Москвѣ получатъ и помилованіе за обманъ и больше милостыни, чѣмъ въ Путивлѣ, и пропускались въ Москву. Въ началѣ 1650 г. старецъ чудова монастыря Пахомій, котораго взялъ-было съ собою іерусалимскій патріархъ Паисій изъ Москвы въ Іерусалимъ для поклоненія святынѣ, но вскорѣ отпустилъ назадъ, оставшись жить въ Молдавіи, передалъ на допросѣ путивльскому воеводѣ слѣдующій разсказъ, который слышалъ въ Яссахъ отъ одного серебряныхъ дѣлъ мастера: „простые греки бѣльцы наряжаются въ чернеческія платья и ѣдутъ въ Россію бить челомъ о милостынѣ, и граматы отъ патріарховъ пишутъ, и руки патріаршія подписываютъ, сами своими руками, и печати поддѣлываютъ: я самъ сдѣлалъ тѣмъ грекамъ разныхъ патріаршихъ печатей до сорока. Выдаютъ себя за старцевъ, пріѣзжающихъ изъ дальнихъ палестинскихъ мѣстъ, между тѣмъ какъ всѣ живутъ въ молдавской землѣ, и тамъ же надѣваютъ на себя чернеческія платья. Получивъ въ Россіи государево

жалованье, только пропиваютъ его, и табакъ за него покупаютъ“ (180).

Не ограничиваясь тою милостынею, какая раздавалась грекамъ, приходившимъ въ Россію, царь и патріархъ посылали еще сами на востокъ свои дары для раздачи духовнымъ властямъ, церквамъ и монастырямъ. Въ 1623 г. русскіе посолы Кондыревъ и Бормосовъ раздали, за здравіе государя, въ Царьградѣ, Іерусалимѣ и на св. горѣ аѳонской 1206 золотыхъ, антіохійскому патріарху 144 золотыхъ и александрійскому 140; да отъ патріарха Филарета передали цареградскому патріарху 500 золотыхъ на поминъ души усопшаго князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго. Въ слѣдующемъ году, чрезъ другихъ своихъ пословъ, послалъ еще государь заздравную о себѣ милостыню цареградскому патріарху семь сороковъ соболей и іерусалимскому одинъ сорокъ соболей, а Филаретъ Никитичъ первому два сорока соболей. Въ 1625 г. отпущено: въ Іерусалимъ къ св. гробу чаша серебряная для освященія воды и 100 золотыхъ; въ придѣлъ къ Распятію, что̀ на голгоѳѣ, 300 золотыхъ, самому патріарху три сорока соболей, да отъ государевой матери два сорока соболей; въ Виѳлеемъ церкви Рождества Христова 20 золотыхъ и митрополиту 20 золотыхъ, патріарху александрійскому три сорока соболей; на св. гору аѳонскую ватопедской обители 100 руб. отъ царя и 100 руб. отъ патріарха. Въ 1629 г. роздано царскими послами: іерусалимскому патріарху 170 рублей, антіохійскому 200 ефим-

---

(180) Моск. главн. архив. мин. иностр. дѣлъ, дѣла греч., Св. 24, № 18; Св. 25, №№ 6. 9; Св. 26, № 32; Св. 27, № 29; Св. 28, № 9; *Мурав.* Спош. Россіи съ Восток. III, 542. 550 об. 552—553 об. 576. 622. 624.

ковъ, на синайскую гору 52 золотыхъ и проч.; а въ слѣдующемъ году цареградскому патріарху Кириллу отъ царя десять сороковъ соболей и отъ Филарета Никитича семь сороковъ, серебряная чаша и четыре образа въ окладахъ. Въ 1634 г. послалъ государь, на поминъ души отца своего Филарета Никитича, ко всѣмъ патріархамъ востока и для раздачи тамошнимъ церквамъ и монастырямъ 1700 рублей. Въ 1645 г., незадолго предъ своею кончиною, царь Михаилъ Ѳедоровичъ послалъ заздравной милостыни цареградскому патріарху пять сороковъ соболей, а іерусалимскому и александрійскому по четыре сорока соболей ([181]). Посылалъ также восточнымъ патріархамъ свои дары и царь Алексѣй Михайловичъ: напримѣръ въ 1646 г. послалъ александрійскому патріарху Іоанникію—архіерейское облаченіе, святительскую шапку, св. иконы и четыре сорока соболей; въ 1650 г. цареградскому патріарху Парѳенію соболями на 500 рублей и потомъ еще три сорока соболей ([182]).

Восточные святители и другія духовныя лица, получавшіе столько пособій отъ московскаго государя, старались служить ему, чѣмъ только могли. Они тщательно собирали и сообщали ему, письменно и устно, извѣстія не только о церковныхъ событіяхъ на востокѣ, какъ то: о перемѣнѣ патріарховъ, о разореніяхъ церквей и монастырей турками и под., но и о

([181]) Москов. главн. архив. мин. иностр. дѣлъ, дѣла греч., Св. 2, №№ 1. 3; Св. 3, № 5; Св. 7, № 21; Св. 8, № 23; Св. 12, № 6; Св. 13, № 7; Св. 23, № 40; *Мурав.* Сношен. Россіи съ Восток. II, 15. 32—33. 76—79. 105—107. 151—152. 172. 345.

([182]) Москов. главн. архив. мин. иностр. дѣлъ, дѣла греч., Связк. 25, № 24; Связк. 28, № 27; Связк. 29, № 8; Сношен. Россіи съ Восток. III, 560 об. 626 об. 635.

политическихъ дѣлахъ въ Турціи, въ Крыму, въ Валахіи, Молдавіи, Польшѣ, Малороссіи и другихъ странахъ. Чаще другихъ сообщали такія извѣстія въ Москву патріархи: цареградскіе Парѳеній и Іоанникій, и іерусалимскіе Ѳеофанъ и Паисій, митрополиты: халкидонскій Даніилъ и тырновскій Даніилъ, архимандриты цареградскіе: Амфилохій и Венедиктъ. Цареградскіе патріархи принимали подъ свое покровительство государевыхъ пословъ, приходившихъ къ султану, давали имъ наставленія, охраняли и защищали ихъ въ случаяхъ нужды. Іерусалимскіе патріархи Ѳеофанъ и Паисій благотворно дѣйствовали на малороссійскихъ казаковъ, убѣждая ихъ не поднимать оружія противъ своихъ единовѣрцевъ, живущихъ въ великой Россіи, и покориться московскому государю ([183]).

Со времени патріарха Ѳеофана, который посѣтилъ Москву и поставилъ ей новаго патріарха, а потомъ посѣтилъ Кіевъ и поставилъ здѣсь новаго митрополита, сношенія восточно-русской церкви съ западно-русскою сдѣлались гораздо чаще, чѣмъ были прежде. О нѣкоторыхъ изъ этихъ сношеній мы уже упоминали; о другихъ будемъ имѣть случай сказать въ слѣдующей главѣ.

([183]) Москов. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла греч., Связк. 24, №№ 13. 15; Св. 25, №№ 3. 16. 22, и друг.; *Мурав.* Сношн. съ Восток. III, 529. 531. 546. 556. 559. 574 об. 576 об. 578. 582 об. 585. об. 608—610. 612. 614—619. 632. 643—654. 659—661.

ГЛАВА IV.

ЗАПАДНО-РУССКАЯ МИТРОПОЛІЯ ВЪ БОРЬБѢ СЪ УНІЕЮ, ПОДЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ МИТРОПОЛИТОВЪ.

I.

Патріархъ Ѳеофанъ, простившись съ царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ 4-го февраля 1620 года, выѣхалъ изъ предѣловъ московскаго государства чрезъ пограничный городъ Путивль и, направляясь къ Кіеву, посѣтилъ на пути и благословилъ густинскую обитель, незадолго предъ тѣмъ основанную подъ городомъ Прилуками. Здѣсь встрѣтили святителя множество казаковъ и самъ гетманъ Сагайдачный, славный своими воинскими подвигами и страшный для враговъ. Казаки провожали патріарха во всю дорогу до Кіева, гдѣ остановился онъ, подобно другимъ православнымъ странникамъ, въ странноприимномъ домѣ недавно образовавшагося богоявленскаго братства, учредили вокругъ этого дома постоянную стражу, и, по выраженію лѣтописи, „аки пчелы матицу свою, тако святѣйшаго отца и пастыря овцы словесныи отъ волковъ противныхъ стрежаху“ (184). Ѳеофанъ прибылъ въ Кіевъ въ половинѣ великаго

(184) Дворц. разряды, I, 438; Лѣтопись густын. монастыря, составл. въ 1670 г. и напеч. въ Чтен. Моск. Ист. Общ. 1848, VIII, отд. II, стр. 11—12. Только годъ пребыванія патр. Ѳеофана въ Кіевѣ показанъ въ этой лѣтописи неточно, именно 1621-й, вмѣсто 1620.

поста 1620 года, слѣд. около 22 числа марта,—такъ какъ пасха въ томъ году была 16 апрѣля, и почти полтора мѣсяца не позволялъ себѣ никакихъ духовныхъ распоряженій во владѣніяхъ польскаго короля, ожидая отъ него разрѣшенія. Равно и православные, не зная воли своего правительства, опасались входить въ открытыя сношенія съ патріархомъ, который считался подданнымъ турецкаго султана, бывшаго тогда въ явной враждѣ съ Польшею ([185]). А правительство польское смотрѣло на Ѳеофана подозрительно; думало, что онъ посланъ былъ изъ Константинополя въ Москву съ порученіемъ возбудить ее противъ Польши, и потому ѣхалъ туда не чрезъ Литву, какъ ѣздили прежде восточные іерархи, но избралъ себѣ путь необычный черезъ Орду, и опасалось, какъ бы онъ не возбудилъ волненій, особенно между казаками. Это ясно высказывалъ канцлеръ и гетманъ коронный Станиславъ Жолкевскій въ письмѣ къ воеводѣ кіевскому Ѳомѣ Замойскому, и поручалъ ему внимательно слѣдить за всѣми дѣйствіями Ѳеофана. Впрочемъ, не желая обнаруживать этихъ подозрѣній и предъ народомъ, тотъ же канцлеръ и гетманъ увѣдомилъ, наконецъ, отъ 5-го мая войта, райцевъ и гражданъ кіевскихъ, что онъ доводилъ до свѣдѣнія короля о пріѣздѣ въ Кіевъ патріарха іерусалимскаго, что они поступили хорошо, принявъ съ пристойною учтивостію такого великаго человѣка и знатнаго гостя, что для сопровожденія его до волошской границы король назначилъ коморника своего Почановскаго, да и они могутъ дать

([185]) *Смотрицк.* Verificatia Niewinnosci, powtore wydana, w Wilnie Roku 1621, л. 4. 5. 14. Сохранилось, впрочемъ, извѣстіе, что патріархъ Ѳеофанъ въ день Пасхи совершилъ торжественное богослуженіе въ кіево-печерской лаврѣ (Русск. Истор. Библіот. II, № 166, стр. 635).

отъ себя проводниковъ. Отъ того же 5-го мая канцлеръ далъ знать и всѣмъ обывателямъ украинскимъ, волынскимъ и подольскимъ о назначеніи Почановскаго сопровождать іерусалимскаго патріарха до границы, и приглашалъ всѣхъ оказывать ему вездѣ на пути полное вниманіе и уваженіе, какъ къ человѣку честному и знатному ([186]). Съ этого времени и начались открытыя дѣйствія Ѳеофана.

Мая 17-го онъ издалъ первую свою грамату, въ которой объявлялъ свое благословеніе „всѣмъ въ православіи сіяющимъ, иже въ малой Россіи, изряднѣе же обывателямъ кіевскимъ", благословлялъ, въ частности, и утверждалъ на вѣчныя времена сопряженное союзомъ любви о Господѣ и подвизающееся о непорочной вѣрѣ кіевское братство и выражалъ свое согласіе на основаніе при немъ братства юношескаго, т. е. изъ молодыхъ людей, единомышленнаго и послушнаго о Господѣ старѣйшему братству, по примѣру прочихъ благочестивыхъ братствъ, существовавшихъ во многихъ городахъ литовско-польскаго государства. Затѣмъ патріархъ посѣтилъ всѣ кіевскія церкви, начиная съ успенской, находившейся среди Кіева (какъ назывался тогда собственно Подолъ) и считавшейся соборною, вмѣсто софійской; посѣтилъ монастыри, не только кіевскіе: печерскій, пустынный - николаевскій, златоверхій-михайловскій, кирилловскій, но и довольно отдаленные отъ Кіева: межигорскій и трехтемировскій, бывшій подъ патронат-

---

([186]) Письмо канцлера къ Замойскому папеч. у *Голубев.* Матер. для исторіи западно-русск. церкви, въ концѣ примѣчанія къ № 37, въ Труд. Кіев. Дух. Акад. 1878 года. А обѣ граматы канцлера въ Кіевъ и ко всѣмъ обитателямъ южно-русскаго края—у *Смотрицк.* Veritic. Niewinnosci, powtore wydan., л. 7 об.—8.

ствомъ казаковъ; посѣтилъ и домы многихъ христолюбцевъ въ Кіевѣ, и вездѣ былъ встрѣчаемъ съ великими почестями и полною христіанскою любовію. О всемъ этомъ онъ свидѣтельствуетъ самъ во второй своей граматѣ, которую выдалъ 26-го мая. Здѣсь онъ, благословляя вновь всѣхъ жителей Кіева и кіевское братство, въ особенности благословлялъ новозаложенную церковь братства во имя Богоявленія и Благовѣщенія пресв. Богородицы, страннопріимный домъ братскій, и при немъ школу наукъ еллино-славянскаго и латинскаго письма; выражалъ желаніе, чтобы въ школѣ находились, для воспитанія духовнаго, какъ молодые иноки, живя въ общежитіи, порядкомъ монастырскимъ, по чину св. Василія, такъ и мірскія христіанскія дѣти, и объявлялъ, что онъ, имѣя полномочіе и позволеніе отъ константинопольскаго патріарха Тимоѳея, настоящаго архипастыря и отца митрополіи кіевской, равно и отъ патріарховъ — александрійскаго Кирилла и антіохійскаго Аѳанасія, водружаетъ, на память своего пребыванія въ Кіевѣ, крестъ при богоявленской церкви кіевскаго братства и учреждаетъ патріаршую ставропигію, которая не должна подлежать, на вѣчныя времена, никакому духовному начальству и суду, кромѣ самой патріаршеской константинопольской каѳедры. А Ѳеофанъ дѣйствительно имѣлъ грамату отъ патріарха Тимоѳея, которою предоставлялось ему, Ѳеофану, совершать всякія архіерейскія священнодѣйствія и распоряженія въ епархіяхъ, подвѣдомыхъ цареградской каѳедрѣ, какія только посѣтитъ онъ во время своего путешествія. Кромѣ того, при Ѳеофанѣ находился и экзархъ константинопольскаго патріарха Арсеній, архимандритъ великой церкви, который однимъ уже присут-

ствіемъ своимъ подтверждалъ справедливость словъ Θеофана о данномъ ему полномочіи ([187]).

Скоро начали стекаться въ Кіевъ православные со всего западно-русскаго края, духовные и міряне, чтобы принять благословеніе отъ іерусалимскаго святителя. Религіозное возбужденіе этихъ православныхъ было тогда весьма велико. Іерусалимскій патріархъ посѣтилъ ихъ лично; а патріархи константинопольскій Тимоѳей и александрійскій — Кириллъ Лукарисъ въ тоже время прислали имъ свои граматы, и оба утѣшали ихъ въ скорбяхъ и гоненіяхъ отъ враговъ, оба убѣждали стоять твердо и непоколебимо въ правовѣріи: первый прислалъ свою грамату чрезъ своего экзарха Арсенія, а второй — чрезъ своего протосинкелла, іеромонаха Іосифа, которому поручалъ ходить изъ города въ городъ по всей западной Россіи и всѣхъ утверждать въ вѣрѣ и предохранять отъ увлеченія въ унію, латинство и лютеранство ([188]). Еще въ маѣ пришли въ Кіевъ къ патріарху Θеофану послы отъ могилевскаго православнаго братства, и Θеофанъ, по просьбѣ ихъ, далъ имъ грамату (отъ 19 мая), которою благословлялъ и утверждалъ ихъ братство: грамата была подписана какъ Θеофаномъ, такъ и экзархомъ цареградскаго патріарха Арсеніемъ. Затѣмъ, въ числѣ многихъ другихъ священниковъ, пришелъ

([187]) Памятн. Кіев. Коммис. II, №№ 3. 4. Грамата константинопол. патріарха Тимоѳея, данная патр. Θеофану, напеч. въ Verific. Niewinnosci, л. 15—16.

([188]) Грамата Тимоѳея—въ Памятн. Кіев. Коммис. I, № 5. Грамата Кирилла Лукариса отъ 29 мая 1620 г.—въ Вѣстникѣ западн. Россіи, 1869, кн. IX, отд. I, № 2, стр. 43. О протосинкеллѣ Іосифѣ—Москов. главн. архив. министер. иностр. дѣлъ, дѣла греч., годъ 7130, № 2; *Муравь.* Сношен. Россіи съ Восток., II, 5—7.

въ Кіевъ къ патріарху Θеофану изъ Слуцка пресвитеръ Андрей (Мужиловскій), и разсказалъ, что владѣлецъ Слуцка, князь Янушъ Радивилъ, каштелянъ виленскій, покровительствуетъ въ своемъ городѣ православнымъ церквамъ, и дозволилъ, десять лѣтъ тому назадъ, основать при церкви преображенія Господня православное братство, которое болѣе и болѣе растетъ и умножается. Θеофанъ благословилъ и утвердилъ своею граматою (отъ 6-го іюня) это слуцкое братство и,ославъ въ церковь братства свой крестъ для водруженія на престолѣ, призналъ ее ставропигіею цареградскаго патріарха, не подвластною никому изъ мѣстныхъ архіереевъ: грамату подписалъ и экзархъ Арсеній. Пришелъ также къ Θеофану знакомый ему игуменъ чернчицкаго монастыря Исаакій Борисковичъ, — (около семи лѣтъ прожилъ онъ на востокѣ у александрійскаго патріарха Мелетія, въ качествѣ его ученика и синкелла, и потомъ пятнадцать лѣтъ на горѣ аѳонской), — и билъ челомъ отъ лица православныхъ дворянъ русскихъ и обывателей волынскихъ и вмѣстѣ отъ гражданъ города Луцка, членовъ новоучрежденнаго луцкаго братства, чтобы патріархъ благословилъ созидаемую ими братскую церковь во имя воздвиженія креста Господня. Θеофанъ уполномочилъ самого Исаакія водрузить при строющейся церкви крестъ, и своею граматою (отъ 20 іюня), подписанною и экзархомъ Арсеніемъ, призналъ эту церковь ставропигіальною, подчиненною исключительно одному вселенскому патріарху ([189]).

О дѣйствіяхъ Θеофана начали доходить до короля разные

([189]) Виленск. Археогр. Сборн. II, № 43, стр. 58; Собр. Минск. грам. № 78; Памятн. Кіев. Коммис. I, № 4.

неблагопріятные слухи, и Θеофанъ счелъ нужнымъ отправить къ нему своихъ чернецовъ съ письмомъ, въ которомъ, вѣроятно, объяснялъ свои дѣйствія и намѣренія и просилъ объ отсрочкѣ для своего пребыванія въ Кіевѣ. Чернецы были приняты короннымъ подканцлеромъ, луцкимъ бискупомъ Андреемъ Липскимъ, и представлены королю, какъ о томъ извѣщалъ патріарха самъ бискупъ (отъ 1 авг.). А на письмо Θеофана отвѣчалъ самъ король своимъ письмомъ (отъ 1 авг.), въ которомъ говорилъ, что, не смотря на всѣ слухи, не имѣетъ противъ него подозрѣній, благосклонно сноситъ его пребываніе въ своихъ владѣніяхъ, дозволяетъ ему все, о чемъ онъ просилъ, и что приказалъ уже своему коморнику сопровождать его до границы, въ заключеніе же приглашалъ патріарха даже посѣтить свой королевскій дворъ, если найдетъ то для себя удобнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ король дѣйствительно послалъ (отъ 31 іюля) свой приказъ коморнику Почановскому, чтобы онъ сопровождалъ патріарха до границы, и универсалъ къ обывателямъ украинскимъ и волынскимъ, чтобы они оказывали патріарху надлежащее вниманіе и уваженіе ([190]).

Къ 15-му августа, храмовому празднику кіево-печерской лавры, по древнему благочестивому обычаю, собралось въ Кіевъ безчисленное множество православныхъ, духовныхъ и мірянъ, пановъ и простонародія, со всѣхъ сторонъ Литвы и Польши и всѣ просили патріарха Θеофана, чтобы онъ поставилъ для нихъ православнаго митрополита и епископовъ. Θеофанъ сна-

([190]) Verific. Niewinn. л. 8—12. Отсюда помянутыя письма короля и подканцлера къ патр. Θеофану перепечатаны у *Коялов.* Литов. церк. Унія, II, примѣч. 150.

чала не соглашался, потому что боялся короля и ляховъ. Но потомъ „святѣйшаго патріарху взяша на рамена и опеку свою благочестивое войско (козаки) и гетманъ, глаголемый Петръ Сагайдачный“,—и патріархъ согласился. Онъ далъ совѣтъ, чтобы православные сами избрали и представили ему кандидатовъ для занятія архіерейскихъ каѳедръ въ кіевской митрополіи (191). А между тѣмъ пока происходило это избраніе, Ѳеофанъ не переставалъ раздавать свои благословенныя граматы городамъ и братствамъ. Такъ, 7-го сентября онъ послалъ изъ города Бѣлой церкви, гдѣ, слѣдовательно, тогда находился, благословенную грамату жителямъ Львова, въ которой восхвалялъ ихъ ревность по вѣрѣ, ихъ школу и типографію, и подтверждалъ всѣ права львовскаго братства, какъ патріаршей ставропигіи. Разослалъ потомъ граматы жителямъ города Минска (въ сентябрѣ) и города Рогатина, благословляя, въ особенности, и утверждая существовавшія тамъ братства; — также гражданамъ Перемышля (отъ 18 окт.), убѣждая ихъ стоять твердо и непоколебимо въ православной вѣрѣ; подтвердилъ уставъ виленскаго свято-духовскаго братства и проч. (192).

Когда лица для занятія архіерейскихъ каѳедръ были избраны, Ѳеофанъ рѣшился совершить посвященіе ихъ съ возможною осторожностію и тайною: такъ какъ не было испро-

(191) Verific. Niewinn. л. 6 об.; Лѣтоп. Густин. монастыря, стр. 13, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1848, VIII, отд. II. Одна изъ гаматъ Ѳеофановыхъ, писанная тогда (отъ 13 авг.) къ православнымъ, какъ можно догадываться изъ ея содержанія, города Перемышля, съ совѣтомъ избрать кандидата на епископскую каѳедру, сохранилась (*Голубев.* Матеріал. для истор. зап.-русск. церк., № 37, въ Труд. Кіев. Ак. 1878 г.).

(192) А. З. Р. IV, №№ 219. 220; Вѣстн. юго-западн. и западн. Россіи, годъ 1, Сент., отд. I, стр. 101; Вѣстн. западн. Россіи, 1869, кн. VIII, отд. I, стр. 25; *Голубев.* Матер. для истор. зап.-русск. церк. № 36.

шено на то дозволенія отъ короля. Первымъ рукоположенъ былъ во епископа на каѳедру перемышльскую межигорскій игуменъ Исаія Копинскій. Это происходило 6-го октября въ богоявленской церкви кіево-братскаго монастыря ночью; окна церкви были закрыты и завѣшаны; богослуженіе совершалось тихо при пѣніи одного патріаршаго пѣвца Гавріила. Въ рукоположеніи Исаіи, вмѣстѣ съ патріархомъ, принимали участіе болгарскій митрополитъ изъ Софіи Неофитъ, издавна уже пребывавшій въ западно-русскомъ краѣ, и стагонскій епископъ Авраамій, какъ и сказано въ настольной граматѣ, данной тогда Исаіи. Спустя три дня, 9-го октября въ тойже братской богоявленской церкви и такимъ же точно образомъ посвященъ былъ на митрополію кіевскую и галицкую игуменъ златоверхаго михайловскаго монастыря Іовъ Борецкій, бывшій прежде ректоромъ львовскаго училища и потомъ кіево-братскаго ([193]). Въ

([193]) Лѣтоп. Густын. монаст., стр. 14. Что Исаія посвященъ былъ во епископа въ богоявленской церкви братскаго монастыря, свидѣтельствуетъ современникъ, духовный сынъ Исаіи, старецъ Іосифъ (Русск. Истор. Библіот. II, № 166, стр. 663). Что посвященіе Исаіи и потомъ Іова Борецкаго въ этой именно церкви совершено тайно, при закрытыхъ окнахъ, свидѣтельствуетъ другой современникъ Кассіанъ Саковичъ, бывшій тогда ректоромъ кіево-братскаго богоявленскаго училища, хотя впослѣдствіи и уклонившійся въ унію; не отвергаетъ и Петръ Могила (свидѣтельства ихъ приведены *Голубев.* въ Матер. для Истор. зап.-русск. ц., № 37, примѣч., стр. 259 — 260). О пребываніи тогда Неофита софійскаго и Авраамія стагонскаго въ Кіевѣ при патр. Ѳеофанѣ есть также современныя свидѣтельства (Русск. Истор. Библ. II, № 166, стр. 612. 635). Копія съ настольной граматы, данной патр. Ѳеофаномъ епископу Исаіи, находится въ Москов. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла малороссійскія, годъ 1622, дек. 6—17 и окт. 1623. Въ концѣ граматы помѣчено: «писана сія дѣянія лѣта 7128 году, а отъ рождества Христова 1621, индиктіона 4-го». Объ участіи софійскаго митрополита Неофита и епископа стагонскаго Авраамія въ рукоположеніи Іова Борецкаго и другихъ архіереевъ свидѣтельствуетъ самъ патр. Ѳеофанъ (Архивъ юго-западн. Россіи, ч. I, т. V, № 1, стр. 3).

числѣ кандидатовъ, избранныхъ на архіерейскія мѣста, находился и знаменитый архимандритъ виленскаго свято-духовскаго монастыря Леонтій Карповичъ, и считался номинатомъ или нареченнымъ именно на епископство владимірское и брестское. Но Леонтій лежалъ тогда въ тяжкой болѣзни и не могъ самъ ѣхать въ Кіевъ, а послалъ только отъ себя на поклонъ патріарху, въ качествѣ послушника своего, славнаго ученостію, Мелетія Смотрицкаго, не имѣвшаго еще и пресвитерскаго сана (194). Несмотря, однакожъ, на это, когда Мелетій пріѣхалъ въ Кіевъ, то послы, прибывшіе съ нимъ изъ Вильны отъ тамошнихъ православныхъ пановъ и другихъ обитателей съ великими дарами къ патріарху, упросили послѣдняго посвятить и Мелетія въ архіереи, — и Θеофанъ посвятилъ его на архіепископію полоцкую, при участіи митрополита Іова и епископовъ — Исаіи перемышльскаго и Авраамія стагонскаго. Само собою разумѣется, что сначала Мелетій былъ рукоположенъ въ діакона, потомъ во пресвитера и наконецъ во епископа: это совершилось впродолженіе семи недѣль, и слѣд. епископскій санъ получилъ Мелетій, около половины октября, если допустить, что онъ прибылъ въ Кіевъ къ 15 августа или вскорѣ затѣмъ (195). По крайней мѣрѣ, несомнѣнно, что къ ноябрю Мелетій возвратился уже въ Вильну, съ именемъ архіепископа полоцкаго.

Здѣсь Мелетій уже не засталъ въ живыхъ своего „старшаго“, архимандрита Леонтія Карповича. Прошло шесть не-

---

(194) Самъ Мелетій въ первомъ отвѣтѣ своемъ подкоморію троцкому на листъ короля, говоритъ: od starszego mego, iako posłusznik, w nawiedzenie iego zesłany bylem (Verific. Niewinn., л. 13).

(195) Лѣтоп. Густын. монастыря, стран. 14—15.

дѣль, какъ Леонтій скончался; но тѣло его еще не было предано землѣ. Мелетій, уже избранный, на мѣсто скончавшагося, въ санъ архимандрита виленскаго Свято-Духова монастыря, при первомъ же своемъ священнослуженіи въ святодуховской церкви, 2-го ноября, совершилъ отпѣваніе и погребеніе своего бывшаго наставника и отца и произнесъ надъ нимъ слово, которое вслѣдъ затѣмъ было напечатано подъ заглавіемъ: „Казанъе на честный погребъ пречестного и превелебнаго мужа, господина и отца, господина отца Леонтія Карповича, *номината епископа* володимерского и берестенского, архимандрита виленского презъ Мелетія Смотриского, см. (т. е. смиреннаго) архіепископа полоцкого, владыку витепского и мстиславского, *електа* архимандрита виленского, отправованное въ Вилни року отъ воплощенія Бога Слова 1620, ноября 2 дня“. Въ приступѣ къ этому „казанью“ Мелетій объяснялъ своимъ слушателямъ, что первой его духовной бесѣдѣ, которую онъ обязанъ, по обычаю, сказать имъ съ церковной каѳедры, какъ ихъ новый архипастырь, суждено быть бесѣдою сѣтованія и скорби по случаю кончины ихъ общаго господина и отца. И, обращаясь къ самому покойнику, говорилъ: „ты, вѣрно, дивишься, велебный и нынѣ уже блаженный господинъ мой и отецъ, что я, твой сынъ и слуга, принялъ на себя вести рѣчь съ этого, для меня необычнаго, а твоего властнаго, мѣста... Съ этого мѣста ты исполнялъ свое посольство къ этимъ благочестивымъ людямъ, ввѣренное тебѣ Богомъ и церковію. Съ этого мѣста и я начинаю исполнять посольство къ тѣмъ же людямъ, ввѣренное мнѣ Богомъ и высшею церковною властію... Отсюда я привѣтствую тебя, господина моего и отца по духу; отсюда творю тебѣ и мой

обычный сыновній поклонъ. Отсюда готовъ бы отдать тебѣ и отчетъ, какъ я исполнилъ данное мнѣ тобою порученіе; но вѣрую, что теперь ты, вмѣстѣ со святыми, все видишь въ Богѣ, котораго созерцаешь лицемъ къ лицу, и не нуждаешься въ моемъ отчетѣ... Лучше я приступлю, сколько достанетъ моего мелкаго разума, къ изображенію твоихъ достоинствъ, отличавшихъ тебя въ жизни, вполнѣ надѣясь, что, по твоей любви ко мнѣ, ты простишь слабости моего слова"... Въ самомъ „казаньи" ораторъ сначала раскрываетъ мысль, что есть пять видовъ жизни и смерти, и именно: жизнь естественная — соединеніе души съ тѣломъ и смерть естественная — разлученіе души съ тѣломъ; жизнь благодатная — единеніе человѣка съ Богомъ, начинающаяся чрезъ таинство крещенія, и смерть грѣховная — разлученіе человѣка отъ Бога, совершающаяся чрезъ грѣхъ; жизнь чувственная, когда человѣкъ, отступивъ отъ Бога, живетъ для себя и для свѣта, и смерть благочестивая, когда человѣкъ, умирая для грѣха, живетъ для добра и для Бога, и дѣлается ему жертвою духовною, благопріятною; жизнь житейская — мірская, которую составляютъ, по апостолу, *похоть плотская*, *похоть очесъ и гордость житейская* (Іоан. 2, 16), и смерть уединенія — удаленіе отъ всѣхъ мірскихъ попеченій и суеты и пребываніе въ Богѣ; наконецъ, жизнь славная или животъ вѣчный и смерть геенская или мука вѣчная. Разъяснивши довольно подробно всѣ эти пять видовъ жизни и смерти, Мелетій сдѣлалъ замѣчаніе, что изъ нихъ угодны Богу только три вида жизни: жизнь естественная, благодатная и славная, и три вида смерти: смерть естественная, смерть благочестивая и смерть уединенія, и затѣмъ началъ прилагать, по порядку, каждый изъ этихъ

видовъ жизни и смерти къ жизни Леонтія Карповича. Такія искуственныя рамки видимо стѣсняли проповѣдника, и онъ не избѣгъ натяжекъ и повтореній въ своемъ словѣ. Леонтій, какъ видно изъ этого слова, былъ сынъ священника и происходилъ изъ шляхетской фамиліи; предки его и современные родичи жили въ пинскомъ повѣтѣ, въ своихъ помѣстьяхъ. Когда ему не было еще и тридцати лѣтъ, онъ за свою приверженность къ православію, по проискамъ уніатовъ, взятъ былъ изъ обители въ темницу, и цѣлые два года терпѣлъ всякаго рода лишенія, поношенія, оковы, былъ влачимъ по судилищамъ, переводимъ изъ одного заключенія въ другое, и явился непоколебимымъ исповѣдникомъ и мученикомъ. „Свидѣтельствомъ терпѣливости этого святаго исповѣдника и мученика, говорилъ Мелетій, указывая на его гробъ, служатъ самыя язвы, натертыя оковами на этомъ честномъ тѣлѣ, которое хотя уже шесть недѣль пребываетъ мертвымъ, но, благодатію живущаго въ немъ пресвятаго и животворящаго Духа, остается неповрежденнымъ и неиздающимъ запаха“. Изображая затѣмъ добродѣтели Леонтія, какъ инока, какъ пресвитера, какъ архимандрита, Мелетій говорилъ, между прочимъ: „вообще онъ былъ словомъ и дѣломъ инокъ-подвижникъ, хотя отъ природы былъ сложенія очень слабаго, здоровья очень плохаго и надломленъ во всѣхъ тѣлесныхъ силахъ двугодичнымъ заключеніемъ въ оковахъ... Знаютъ его высокія достоинства братія, которые съ нимъ жили и которымъ онъ былъ вождемъ; знаете и вы, православные, которые близко видѣли его и которымъ онъ былъ учителемъ; знаетъ, наконецъ, и вся Вильна, которая полна его добродѣтелями и въ которой провелъ онъ всѣ лѣта своей жизни... Учительскую свою обязанность онъ проходилъ ревностно и не-

усыпно, какъ устно, такъ и писаніями: это извѣстно не только вамъ, православнымъ, постояннымъ слушателямъ его поученій, но и самимъ иновѣрцамъ... Ничто не удерживало его отъ божественной службы и ежедневнаго приношенія безкровной жертвы, какъ и отъ частаго проповѣданія спасительнаго евангельскаго ученія, ни слабость здоровья, ни повѣтріе, ни лютая непогода"... и проч. Въ заключеніе ораторъ приглашалъ своихъ слушателей благодарить Бога, даровавшаго имъ и теперь взявшаго отъ нихъ такого настоятеля, отца, пастыря и учителя, и молить Господина жатвы, да пошлетъ на ниву свою новаго подобнаго дѣлателя, и дѣйствительно излилъ предъ Богомъ самую о томъ молитву. Это „казанье" свое Мелетій посвятилъ Іову Борецкому, „митрополиту кіевскому и галицкому и всея Россіи", и въ посвященіи, подписанномъ 8-го ноября, называлъ Леонтія Карповича другомъ и братомъ Іова, а самого Іова — окомъ и головою русской церкви, и выражалъ благожеланіе, да сохранитъ его Богъ для этой церкви на многія лѣта, „во всякое богомерзской, скотско понынѣ въ ней юродѣвшей, апостасіи попраніе и испразненіе" ([196]). Вмѣстѣ

([196]) Экземпляръ этого „Казанья" Мелетія Смотрицкаго есть въ библ. кіево-михайловскаго монастыря, за № 129. Называя въ этомъ „казаньи" своемъ надъ гробомъ Карповича церковную каѳедру въ свято-духовомъ монастырѣ *мѣстомъ* для себя *необычнымъ*, Мелетій свидѣтельствуетъ, что при Карповичѣ, будучи только простымъ монахомъ и послушникомъ, онъ еще не проповѣдывалъ въ церкви названнаго монастыря, и тѣмъ опровергаетъ свидѣтельство Суши, будто Мелетій еще въ то время весьма часто произносилъ въ свято-духовской церкви краснорѣчивыя проповѣди, которыми возбудилъ такое къ себѣ уваженіе и любовь, что его называли отцемъ православія (Saulus et Paulus, p. 18 — 20). Мужиловскій въ своемъ Антидотумѣ и Диплицъ въ своей Антопологіи прямо говорили Смотрицкому, что онъ всего-то сказалъ только три проповѣди въ продолженіе своего служенія православной церкви (Снес. примѣч. 276 и текстъ, къ которому оно относится).

съ надгробнымъ словомъ Мелетія въ Вильнѣ тогда же было напечатано и другое небольшое сочиненіе, выражавшее скорбь православныхъ объ ихъ великой потерѣ, подъ заглавіемъ: „Лямент (Плачь) у свѣта убоихъ на жалостное преставленіе... отца Леонтія Карповича“ (197). Не въ одной Вильнѣ такъ высоко цѣнили этого замѣчательнаго дѣятеля: не менѣе цѣнили его и въ Кіевѣ. Захарія Копыстенскій, архимандритъ кіевской лавры, въ сочиненіи своемъ, писанномъ въ 1621 г., оставилъ о Леонтіѣ слѣдующій отзывъ: „блаженный Леонтій Карповичь, архимандритъ виленскій, мужъ богодухновенный, въ языкѣ греческомъ и латинскомъ знамените бѣглый, оборонца благочестія“ (198). А строгости монашеской его жизни отдавали справедливость даже ярые уніаты (199).

Надобно признать, что православные съумѣли воспользоваться благопріятными обстоятельствами для поставленія своихъ архипастырей. Польша была тогда крайне озабочена войною съ Турціею. Гетманъ Станиславъ Жолкевскій, перешедши съ войскомъ Днѣстръ (2 сент.), устремился на встрѣчу турецкимъ и татарскимъ полчищамъ; но не въ силахъ былъ выдержать ихъ натиска и, постепенно отступая, разбитъ былъ ими и самъ погибъ подъ Цецорою 7 октября. Татары вторглись въ Подолію, разорили край и увели съ собою множество плѣнныхъ. Поляки пришли въ ужасъ предъ угрожавшею опасностію и облеклись въ трауръ. Въ это-то время и начались въ

---

(197) *Ундольск.* Очеркъ Слав.-русск. библіогр., № 240.

(198) *Копыстен.* Палинод., въ Русс. Истор. Библіот., изд. Археогр. Комм. IV, стр. 913.

(199) Напримѣръ, извѣстный уніатскій епископъ Яковъ Суша въ книгѣ: Saulus et Paulus..., p. 21—22.

Кіевѣ рукоположенія православныхъ архіереевъ. Король разослалъ пословъ къ иностраннымъ дворамъ съ просьбою о помощи, но не получилъ ее ни отъ кого. Онъ поспѣшилъ созвать въ Варшавѣ сеймъ въ началѣ ноября, чтобы принять мѣры для спасенія отечества. На этомъ сеймѣ одинъ изъ православныхъ депутатовъ, чашникъ земли волынской Лаврентій Древинскій сказалъ свою знаменитую рѣчь, въ которой, изобразивъ самыми яркими красками, притѣсненія и бѣдствія, какія терпѣли православные въ Литвѣ и Польшѣ за свою вѣру, смѣло говорилъ королю: „теперь, конечно, въ виду страшной опасности для республики, ваше величество едвали небольшую часть ратниковъ потребуете отъ народа греко-русскаго исповѣданія. Но какъ же этотъ народъ подставитъ свою грудь на защиту вашей державы, если останется неудовлетвореннымъ въ своихъ нуждахъ и просьбахъ? Какъ можетъ онъ употреблять свои усилія, чтобы добыть вамъ вѣчный миръ, не имѣя внутренняго мира и покоя въ своемъ домѣ? Станетъ ли онъ искренно, съ мужествомъ и ревностію гасить своею кровію горящія стѣны отечества, когда видитъ, что не хотятъ угасить пламени, отъ котораго пылаютъ его домашнія стѣны?“ Въ заключеніе Древинскій просилъ короля, именемъ всей своей братіи, сжалиться надъ православными, которые уже болѣе двадцати лѣтъ на каждомъ сеймѣ и сеймикѣ напрасно умоляютъ о сохраненіи своихъ правъ и вольностей; просилъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, митрополитъ и владыки уніатскіе были въ послушаніи константинопольскаго патріарха, а церковныя имѣнія ихъ, если не вдругъ, то по смерти ихъ непремѣнно были переданы законнымъ владѣльцамъ, т. е. православнымъ влады-

камъ ([200]). Въ отвѣтъ на эту рѣчь Древинскаго король, вмѣстѣ съ сеймомъ, вновь утвердилъ, для успокоенія православныхъ, сеймовую конституцію 1607 года и обѣщался впредь раздавать церковныя бенефиціи согласно съ нею ([201]). А въ конституціи 1607 г., какъ мы знаемъ, король запрещалъ всякое преслѣдованіе и притѣсненіе православнымъ за ихъ вѣру, предоставлялъ имъ полную свободу въ отправленіи богослуженія, подтверждалъ всѣ права и привиллегіи, дарованныя имъ его предками, равно какъ и права православныхъ братствъ, и удостовѣрялъ, что впредь будетъ давать православнымъ православныхъ владыкъ, архимандритовъ и игуменовъ и имъ только раздавать церковныя имѣнія, назначенныя для нихъ издавна. Замѣчательно, что Древинскій вовсе не упомянулъ въ своей рѣчи о новыхъ православныхъ владыкахъ, уже тогда поставленныхъ въ Кіевѣ, хотя, какъ писало впослѣдствіи свято-духовское братство, православные намѣренно извѣстили объ этихъ владыкахъ своихъ пословъ, отправлявшихся на сеймъ, особою бумагою, которая и была прочитана въ посольскомъ колѣ, и поручили имъ довести о томъ до свѣдѣнія короля и просить его, чтобы онъ утвердилъ православныхъ владыкъ своею инвеститурою ([202]). Вѣроятно, поступить такъ послы сочли неблаговременнымъ. Король и сеймъ были озабочены тогда исключительно однимъ—изысканіемъ средствъ къ отраженію враговъ. Сеймъ утвердилъ все, что предложено было съ этою цѣлію королемъ, и, между прочимъ, постановилъ призвать на помощь

([200]) *Шмидт.* Исторія Польши, II, 204—205; *Бантышъ-Каменск.* Истор. Изв. объ Уніи, подъ 1620 годомъ.

([201]) Volumina Legum, III, p. 184, Petersb. 1859.

([202]) Verific. Niewinnosc., л. 40—41.

и казацкое войско. А король еще съ сейма поспѣшилъ отправить своего посла и письмо (отъ 10 ноября) къ патріарху Ѳеофану, прося его, чтобы онъ склонилъ запорожцевъ быть послушными королевской волѣ и двинуться на борьбу съ врагами Рѣчи посполитой,—о чемъ просилъ потомъ Ѳеофана, конечно по соизволенію короля, и епископъ краковскій письмомъ изъ Варшавы (отъ 1 дек.) ([203]).

Но если допустить, что въ началѣ ноября, когда открылся сеймъ, посвященіе православныхъ іерарховъ въ Кіевѣ оставалось еще тайною для короля и другихъ латинскихъ и уніатскихъ властей, то вскорѣ затѣмъ оно не могло не огласиться: потому что новый полоцкій архіепископъ Мелетій Смотрицкій, какъ только возвратился въ Вильну изъ Кіева, тотчасъ будтобы разослалъ универсалы о своемъ назначеніи въ Полоцкъ, Витебскъ, Мстиславъ и по всей полоцкой епархіи чрезъ своихъ чернецовъ. А самъ, поселившись въ свято-духовскомъ монастырѣ, какъ свидѣтельствовали впослѣдствіи его враги, началъ совершать службы будтобы въ саккосѣ,—что считалось въ кіевской митрополіи принадлежностію однихъ митрополитовъ,—со всею торжественностію, къ общей радости православныхъ и изумленію уніатовъ и латинянъ; ставилъ поповъ и діаконовъ не только для епархіи полоцкой, но и для виленской или митрополитской, считавшейся подъ властію уніатскаго митрополита. Въ Вильнѣ пронеслись слухи, быстро распространившіеся и по всей Литвѣ и Бѣлорусіи, что дѣло православныхъ на сеймѣ восторжествовало и унія уничтожена, что уніатскимъ митрополиту и епископамъ дано будетъ вознагражденіе

([203]) Volumina Legum, III, p. 181; Verific. Niewiun. л. 28 и слѣд.

въ римской церкви, а ихъ мѣста и имѣнія король предоставляетъ православнымъ митрополиту и владыкамъ, что митрополитъ Іовъ Борецкій будетъ въ Вильну къ празднику Богоявленія (6 янв.), и находится уже недалеко отъ нея въ имѣніяхъ князя Огинскаго, съ нѣсколькими сотнями казацкой конницы, намѣреваясь овладѣть митрополіею, а Мелетій Смотрицкій тогда же будетъ въ Полоцкѣ. Многіе уніаты въ Вильнѣ до того были поражены, что хотѣли будтобы бросить унію и перейти въ латинство. Все это происходило во время отсутствія уніатскаго митрополита Велямина Рутскаго изъ Вильны и уніатскаго архіепископа полоцкаго Іоасафа Кунцевича изъ Полоцка: оба они находились на сеймѣ въ Варшавѣ. Но лишь только возвратились они съ сейма, то немедленно донесли обо всемъ королю. Весьма вѣроятно, что многое въ означенныхъ слухахъ было преувеличено, искажено или вымышлено самими доносчиками, какъ и утверждало впослѣдствіи свято-духовское братство; но, повторяемъ, въ такомъ видѣ дѣло было представлено королю, ревностному покровителю уніи, и православнымъ естественно было ожидать для себя горькихъ послѣдствій ([204]).

Можетъ быть, потому-то патріархъ Ѳеофанъ и счелъ за лучшее ускорить свой отъѣздъ. Въ самомъ началѣ 1621 года, именно 5-го января, онъ подписалъ настольную грамату одному изъ поставленныхъ имъ архіереевъ, доселѣ сохранившуюся въ отрывкѣ, можетъ быть, самому митрополиту Іову Борецкому, а 7-го совсѣмъ распрощался съ Кіевомъ, проживъ въ немъ

([204]) Какъ излагали дѣло доносчики—Sowita Wina, str. 73—76, w Wilnie 1621. Что отвѣчало на это впослѣдствіи свято-духовское братство — Obrona Verificaciey..., str. 49. 112—113. 116—117, w Wilnie 1621; Elenchus, str. 8, Wiln. 1622.

девять съ половиною мѣсяцевъ, ровно столькоже, сколько прежде пробылъ въ Москвѣ. На прощаніе патріархъ далъ кіевлянамъ еще одну и послѣднюю грамату. Въ ней онъ благословлялъ всѣхъ благочестивыхъ обитателей малой Россіи и, въ особенности, кіевлянъ и членовъ кіевскаго братства, духовныхъ и мірскихъ, всякаго возраста и состоянія; выражалъ свою радость и благодарилъ Бога, что удостоился видѣть знаменитый градъ Кіевъ, процвѣтающій благочестіемъ, и слышать о другихъ ревнителяхъ истинной вѣры, давалъ наставленіе „не ослабѣвать духомъ и не скорбѣть тѣломъ“ среди искушеній и притѣсненій отъ отступниковъ, но быть благодушными и готовыми на прогнаніе врага, всего же болѣе заботиться о взаимной братской любви, и вновь утверждалъ кіевское богоявленское братство на вѣчныя времена ([205]). Въ тотъ же день (7-го янв.) Ѳеофанъ прибылъ въ трехтемировскій монастырь, сопровождаемый святителями, казаками и множествомъ народа. Здѣсь, прежде всего, онъ вручилъ гетману Сагайдачному и всему войску запорожскому свою грамату, въ которой убѣждалъ ихъ исполнить волю короля, итти на войну противъ турокъ и, между прочимъ, говорилъ: „эта ваша покорность и знатная услуга можетъ до того угодить королю, что онъ согласится признать и утвердить возстановленную мною вашу русскую іерархію, разумѣю митрополита и епископовъ, посвященныхъ мною на мѣсто отпавшихъ отъ константинопольскаго престола“ ([206]). Потомъ посвятилъ трехтемировскаго архимандрита

([205]) Отрывокъ настольной граматы (въ славянскомъ переводѣ), данной Ѳеофаномъ какому-то епископу въ Кіевѣ 5 генв. 1621 г.—въ Москов. глав. архивѣ мин. иностр. дѣлъ, дѣла греческ., Связк. 2, № 1; Памятники Кіев. Коммис. II, № 5.

([206]) Эта грамата, подписанная 7 генв. 1621 года, напечатана въ Verific. Niewiun., между л. 28—29.

Іезекіиля (Іосифа) Курцевича на епископство владимірское и брестское. Изъ Трехтемирова до самой границы патріарха провожали самъ гетманъ Сагайдачный и до трехъ тысячъ казаковъ, вмѣстѣ съ святителями и множествомъ дворянъ и духовенства. На четыре дня Ѳеофанъ остановился въ городѣ Бѣлой церкви и поставилъ здѣсь чернчицкаго игумена Исаакія Борисковича на епископство луцкое и острожское. Изъ Бѣлой церкви направился въ имѣніе православнаго князя Стефана Четвертинскаго, городъ Животовъ, прогостилъ здѣсь три дня,—потому что зима была очень лютая,—и посвятилъ игумена мелецкаго Паисія Ипполитовича на епископство холмское. На пинское же епископство не поставилъ новаго святителя, а назначилъ грека Авраамія епископа стагонскаго. Изъ Животова пріѣхалъ, наконецъ, въ пограничный городъ Бушъ, гдѣ и простился со всѣми, провожавшими его, и отправился съ валахами въ городъ Яссы. Прощаніе было весьма трогательное, такъ что и святители, и гетманъ, и все войско плакали. Патріархъ сталъ на городской площади, и долго поучалъ святителей и мірянъ держаться твердо православія и любви и съ покорностію переносить гоненія и скорби; читалъ разрѣшительную молитву, тогда какъ всѣ преклонили предъ нимъ головы и пали ницъ на землю; снялъ съ казаковъ грѣхъ, тяготившій ихъ совѣсть и состоявшій въ томъ, что они недавно ходили, съ польскимъ королевичемъ Владиславомъ, на единовѣрную Москву и убѣждалъ ихъ впередъ не ходить на Москву ([207]).

([207]) Лѣтоп. Густын. монаст., стр. 15—17. О пребываніи патр. Ѳеофана въ Животовѣ упоминаетъ Захарія Копыстенскій въ своемъ посвященіи князю Стефану Четвертинскому книги «Бесѣды св. Іоанна Златоустаго на 14 посланій св. ап. Павла», Кіевъ 1623. А о томъ, что гетманъ и казаки прово-

Прощаясь съ западно-русскимъ краемъ, патріархъ Ѳеофанъ оставилъ свою грамату и всѣмъ православнымъ, въ немъ обитавшимъ. Здѣсь, призывая на православныхъ Божіе благословеніе, онъ, прежде всего, изрекалъ анаѳему на всѣхъ владыкъ, отступившихъ отъ православія въ унію, какъ уже умершихъ, такъ и живыхъ, которыхъ перечислялъ по именамъ, равно и на мірянъ, упорно пребывавшихъ въ отступничествѣ и уніи. Потомъ извѣщалъ, что онъ, по уполномоченности отъ константинопольскаго патріарха и имѣя при себѣ его экзарха и двухъ благочестивыхъ архіереевъ, поставилъ для кіевской митрополіи православныхъ митрополита и епископовъ, которыхъ также перечислилъ поименно, и убѣждалъ оказывать имъ всякую честь и послушаніе въ дѣлахъ церковныхъ, какъ истиннымъ пастырямъ. Далѣе завѣщавалъ, чтобы русскіе епископы, въ случаѣ смерти митрополита, по трудности сношеній съ цареградскимъ патріархомъ, сами поставляли новаго, законно избраннаго, митрополита, а послѣдній уже послѣ, когда окажется удобнымъ, испрашивалъ себѣ патріаршее утвержденіе, и чтобы учрежденныя теперь по разнымъ городамъ западной Россіи ставропигіи цареградскаго патріарха, по невозможности постоянныхъ сношеній съ нимъ, оставались въ подчиненіи своимъ епархіальнымъ архіереямъ во всѣхъ дѣлахъ и судахъ церковныхъ. Наконецъ, объявлялъ всѣмъ, что онъ замѣтилъ

жали патріарха до самой границы, говорится и въ Verific. Niewinnoscie, между л. 28—29. Настольную грамату епископу луцкому Исаакію патр. Ѳеофанъ подписалъ 30 генваря 1621 года, и въ ней упоминаетъ о митрополитѣ кіевскомъ Іовѣ, епископѣ владимірскомъ Іезекіилѣ—Іосифѣ Курцевичѣ и епископѣ перемышльскомъ Исаіи, какъ участвовавшихъ въ поставленіи Исаакія. Грамата эта, въ славянскомъ переводѣ, сохранилась въ дѣлѣ о пріѣздѣ въ Москву епископа луцкаго Исаакія—въ Москов. главн. архив. министер. иностр. дѣлъ, дѣла греческ., Связк. 2, № 10.

въ малой Россіи нѣсколько церковныхъ обычаевъ, противныхъ благочестію, и потому, вмѣстѣ съ находящимися при немъ архіереями и многими другими духовными лицами, опредѣлилъ исключить эти обычаи изъ церкви и запретить. Первый изъ нихъ состоялъ въ томъ, что мірянъ причащали чрезъ троекратное подаяніе имъ св. даровъ лжицею изъ потира, съ отдѣльнымъ произношеніемъ именъ Отца, Сына и Св. Духа: патріархъ повелѣвалъ причащать мірянъ только чрезъ единократное подаяніе имъ св. даровъ лжицею. Вторый — въ томъ, что по мѣстамъ причащали не частицами отъ агнца, а частицами, изъятыми изъ другихъ просфоръ. Третій—въ томъ, что праздновали десятую пятницу (по пасхѣ), какъ особый праздникъ. Четвертый—въ томъ, что совершали на поминальной недѣлѣ поминовеніе усопшихъ на ихъ могилахъ съ музыкою и кормами: патріархъ повелѣвалъ поминать покойниковъ только молитвами въ церквахъ и милостынями. Пятый—въ томъ, что при вѣнчаніи давали новобрачнымъ пить какое-то питье съ пѣніемъ канона: „тѣло Христово пріимите“... Эту послѣднюю свою грамату патріархъ поручилъ митрополиту Іову обнародовать по всѣмъ церквамъ кіевской митрополіи для всеобщаго свѣдѣнія ([208]).

Когда патріархъ Ѳеофанъ совсѣмъ выѣхалъ изъ предѣловъ польскаго государства, въ генварѣ ли, или въ февралѣ, съ точностію неизвѣстно. Но въ мартѣ онъ уже находился въ Валахіи, и отъ 12-го марта писалъ къ московскому патріарху Филарету Никитичу: „вѣдомо тебѣ буди, пресвятѣйшій владыко, что мы, вашими св. молитвами и милостію благочести-

([208]) Архив. юго-западн. Россіи, ч. I, т. V, № 1. На граматѣ помѣчено, будто она дана въ Кіевѣ, лѣта 1620. Но въ ней перечислены по именамъ и тѣ епископы, которые поставлены Ѳеофаномъ уже по выѣздѣ его изъ Кіева въ генварѣ 1621 года.

ваго царя, и помощію всеблагаго Бога, освободились отъ сопротивныхъ вашей вѣрѣ; вмѣстѣ съ воинскими людьми, кіевляне проводили насъ до рубежа воложскаго, и нынѣ пребываемъ въ Волохахъ, величая державу царствія вашего“ (209).

II.

Возстановленіе патріархомъ Ѳеофаномъ православной іерархіи въ западной Россіи было тяжкимъ ударомъ для уніи и угрожало ей непріятными послѣдствіями. Почему уніатскій митрополитъ Рутскій, съ своими клевретами, рѣшился въ самомъ началѣ подорвать всякое значеніе этой іерархіи. Онъ старался убѣдить короля, что Ѳеофанъ вовсе не патріархъ, а самозванецъ, обманщикъ и шпіонъ турецкаго султана, и что поставленные Ѳеофаномъ епископы — тоже самозванцы, измѣнники и возмутители народа. Поступокъ крайне недобросовѣстный! Ѳеофанъ былъ тогда несомнѣнно іерусалимскимъ патріархомъ. Ни въ Москвѣ, ни въ южной Россіи никто не сомнѣвался въ его патріашескомъ достоинствѣ. Объ этомъ свидѣтельствовала грамата цареградскаго патріарха, которую имѣлъ у себя Ѳеофанъ и всѣмъ показывалъ; свидѣтельствовали экзархъ цареградскаго патріарха Арсеній, лично находившійся при Ѳеофанѣ въ Кіевѣ, и другіе греки. Да и самъ Рутскій зналъ и былъ убѣжденъ, что Ѳеофанъ не самозванецъ, а истинный патріархъ: потому что, когда впослѣдствіи Смотрицкій перешелъ въ унію, Рутскій принялъ его, какъ

(209) Москов. главн. арх. министр. иностр. дѣлъ, дѣла греч., годъ 7130, № 1; *Муравьев.* Сношен. Россіи съ Восток., II, стр. 2.

архіепископа, и призналь дѣйствительнымъ его архіерейское посвященіе отъ Θеофана, какъ призналь и папа. А между тѣмъ не устыдился теперь увѣрять короля, что Θеофанъ самозванецъ, самозванцы и поставленные имъ архіереи, и въ началѣ февраля 1621 г. успѣлъ выпросить у короля граматы и универсалы, которыми повелѣвалось схватить этихъ самозванцевъ, измѣнниковъ и бунтовщиковъ ([210]). Канцлеръ Левъ Сапѣга, къ которому граматы присланы были для приложенія къ нимъ печати, отъ 9-го февраля писалъ Рутскому: „въ тѣхъ граматахъ и универсалахъ его королевской милости нѣкоторыя вещи мнѣ не понравились. Вопервыхъ, въ нихъ написано, будто Смотрицкій и Борецкій, по предварительному соглашенію съ самимъ султаномъ турецкимъ, посвященіе получили отъ того самозванца, который себя патріархомъ іерусалимскимъ называетъ: ужъ трудно обличить ихъ, сговаривались ли они съ самимъ турецкимъ султаномъ! Нужно было попросту написать такъ, какъ я написалъ (значитъ, грамата первоначально составлена была еще прежде, можетъ быть, въ генварѣ). Другая вещь: ихъ велѣно ловить. И это мнѣ не нравится, потому что, не обличивши, трудно каждаго хватать. Важнѣе же всего: какъ бы это не повело къ большому возмущенію и кровопролитію. Да и на запорожскихъ казаковъ нужно оглядываться, чтобы они не сдѣлали намъ чего худаго: потому что тотъ самозванецъ *находится* между ними (значитъ, или Θеофанъ тогда еще не выѣхалъ изъ предѣловъ польскихъ, или канцлеръ не зналъ о его выѣздѣ). А у нихъ сила много значитъ, и они высоко чтятъ его, и чуть-чуть не благоговѣютъ предъ нимъ, какъ предъ Богомъ. По-

([210]) Verific. Niewinn., л. 3—4.

этому хотя мнѣ тѣхъ документовъ не слѣдовало бы утверждать печатью, однако я приказалъ приложить печати. Только прошу вашу милость, чтобы ваша милость, осторожно и не торопясь, пустили въ ходъ эти граматы“ ([211]). Совѣтъ канцлера былъ принятъ; разсылку грамать пріостановили и рѣшились прежде, хотя для соблюденія формы, обслѣдовать дѣло и обличить виновныхъ. Король прислалъ въ Вильну (4 марта) нѣсколько сенаторовъ. Они имѣли свои засѣданія впродолженіе трехъ дней, призывали къ себѣ многихъ лучшихъ людей, духовныхъ и свѣтскихъ, а также земскія и городскія власти, и выслушивали ихъ показанія. Наконецъ, донесли королю, что виною всѣхъ смутъ въ народѣ какой-то Смотрицкій, который назвалъ себя владыкою полоцкимъ, ставилъ поповъ не только для полоцкой епархіи, но и для митрополіи, и отправлялъ публично въ Вильнѣ всѣ архіерейскія служенія, разсылалъ свои универсалы по разнымъ странамъ вел. княжества литовскаго, объявляя, что теперешніе (т. е. уніатскіе) митрополитъ и владыки прокляты, а на ихъ мѣста поставлены новые (т. е. православные) ([212]). Митрополитъ Рутскій, съ своей стороны, позвалъ (12 марта) Смотрицкаго на духовный судъ, по жалобамъ полоцкаго архіепископа

([211]) Вилен. Археогр. Сборн. II, № 29.

([212]) Sowita Wina, str. 62—63. А Смотрицкій впослѣдствіи удостовѣрялъ, что онъ вовсе не ставилъ поповъ для полоцкой епархіи и митрополіи, а поставилъ только поповъ для своего братскаго свято-духовскаго монастыря изъ своихъ монаховъ и для тѣхъ православныхъ, которые жили на грунтахъ братскихъ; никакихъ универсаловъ не разсылалъ, а только послалъ отвѣтный листъ, «ресалютовалъ», полочанамъ на ихъ привѣтствіе; листъ этотъ былъ показанъ полоцкому воеводѣ и заключалъ въ себѣ одни пастырскія наставленія; такіе же листы послалъ къ шляхтѣ и мѣщанамъ по своей епархіи для наставленія православныхъ, а отнюдь не для возмущенія; монаховъ никакихъ также не разсылалъ и проч. (Obrona Verificaciey, str. 116—117).

Іоасафа Кунцевича и виленскаго троицкаго архимандрита Льва Кріушы или Кревзы: первый жаловался, что Смотрицкій незаконно отнимаетъ у него епархію, ставитъ въ нее поповъ, шлетъ въ нее свои универсалы, которыми возмущаетъ противъ него духовную паству; послѣдній—на то, что Смотрицкій называется архимандритомъ, тогда какъ въ Вильнѣ можетъ быть только одинъ архимандритъ, и этотъ архимандритъ — онъ Кревза. Прошли три дня (19—21 марта), въ которые Смотрицкій долженъ былъ лично явиться на судъ. Смотрицкій не явился, считая себя вовсе неподсуднымъ уніатскому митрополиту, — и Рутскій приговорилъ, что Смотрицкій вовсе не епископъ, а если посвященъ, то посвященъ незаконно, и предалъ его проклятію ([213]). И вотъ послѣ этого-то уже, когда Смотрицкаго будтобы обличили въ винѣ судомъ свѣтскимъ и духовнымъ, король и повелѣлъ обнародовать слѣдующій универсалъ (отъ 22 марта): „объявляемъ, что какой-то Смотрицкій и Борецкій, какъ они сами себя называютъ, и нѣкоторые другіе изъ нашихъ подданныхъ, сговорившись съ подданнымъ турецкаго государя, врага христіанской вѣры и нашего, вновь идущаго на насъ войной, дерзнули, безъ воли, вѣдома, одобренія и позволенія нашего, принять отъ того самозванца, якобы іерусалимскаго патріарха, присланнаго въ нашъ край шпіономъ, посвященіе на митрополичью каѳедру и другія должности русскаго вѣроисповѣданія. А все это дѣлалось внушеніями, совѣтами, помощію и средствами нѣкоторыхъ виленскихъ мѣщанъ изъ среды магистрата и другихъ, которые часто посылали свои посланія къ тому обманщику. Они, при большомъ стеченіи народа и поповъ вилен-

([213]) Виленск. Археогр. Сборн. VI, № 144, стр. 357.

скихъ, отправляли Смотрицкаго въ Кіевъ, а потомъ рукоположеннаго псевдовладыкой ввели въ Вильну, приняли его, складчиной доставили ему содержаніе, помогали ему пользоваться принадлежностями присвоеннаго имъ себѣ титула въ церкви и другихъ мѣстахъ, съ пышными церемоніями и въ одеждахъ, ему несвойственныхъ, подчинялись его правленію, приказаніямъ, и теперь содержатъ его, помогаютъ ему и во всемъ подражаютъ. Затѣмъ, возмутивъ нѣкоторыхъ другихъ изъ нашихъ подданныхъ между казаками и людьми разныхъ сословій, отклоняютъ ихъ отъ должнаго повиновенія, что̀, въ случаѣ объявленія войны, можетъ произвесть бунтъ и подвергнуть государство величайшей опасности. Посему, заботясь о поддержаніи нашей королевской власти, приказываемъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ развѣдывать, гдѣ находятся эти подозрительные люди, хватать ихъ, вмѣстѣ съ ихъ товарищами, какъ шпіоновъ и возмутителей республики, заключать въ темницы и, по мѣрѣ вины, наказывать въ урокъ всѣмъ шпіонамъ и измѣнникамъ Рѣчи посполитой“ ([214]). Такимъ образомъ гнѣвъ короля обрушился не только на православныхъ владыкъ, но преимущественно на православныхъ гражданъ Вильны, членовъ свято-духовскаго братства, столько ненавистнаго Рутскому: такъ какъ они будтобы были всему виною и всѣхъ возмущали, даже казаковъ, между тѣмъ какъ казаки-то и упросили патріарха Θеофана

([214]) Подлинникъ универсала хранится въ архивѣ уніатск. митроп. при Св. Синодѣ, за № 53; а въ русскомъ переводѣ напечатанъ въ Вѣстникѣ западн. Россіи, годъ III, декабрь, отд. I, № 5. Впрочемъ, въ Полоцкъ отправленъ былъ этотъ универсалъ нѣсколько въ другомъ видѣ, и, вѣроятно, въ томъ самомъ, въ какомъ изложенъ былъ первоначально: потому что помѣченъ еще 1-мъ числомъ февраля, а не 22-мъ марта (Вилен. Археогр. Сборн. I, № 138, стр. 355—356).

посвятить русскимъ новыхъ архіереевъ, и всю отвѣтственность приняли на себя. Но казаковъ боялись, а съ беззащитными гражданами Вильны надѣялись свободно расправиться.

Въ Вильну пришелъ универсалъ 24 марта, въ Лазареву субботу, и тотчасъ былъ опубликованъ. Съ понедѣльника страстной седмицы начали хватать самыхъ богатыхъ и знатныхъ православныхъ купцовъ города, тащили ихъ въ ратушу, которая обыкновенно на эту великую недѣлю запиралась; здѣсь допрашивали ихъ, подвергали пыткамъ, и однихъ сажали на ратушу, другихъ подъ ратушу, въ подземную темницу. Членовъ ратуши, которыхъ заподозрили въ приверженности къ православію, иныхъ отставили отъ лавицы, другихъ подвергли аресту въ самой ратушѣ. У ремесленниковъ отбирали ключи отъ ихъ привиллегій и общихъ кассъ, а которые не хотѣли отдавать, тѣхъ принуждали пытками и, какъ измѣнниковъ, исключали изъ цеховыхъ сходокъ. И эти преслѣдованія и истязанія продолжались всю страстную седмицу. На улицахъ Вильны раздавались вопли и стоны православныхъ. Нѣкоторые изъ заключенныхъ просили, хоть на короткое время, освобожденія изъ темницы, чтобы въ такіе дни побывать въ церкви, исповѣдаться и пріобщиться св. таинъ, и предлагали за себя въ заложники своихъ женъ, дѣтей, но напрасно. На святодуховскій монастырь дѣлали нападенія; въ ограду его бросали камни, горящія полѣнья, стрѣлы. Въ скорби и слезахъ встрѣтили православные великій праздникъ воскресенія Христова и провели всю свѣтлую седмицу ([215]). Такое жестокое и, по

([215]) Verific. Niewinn., л. 3. 45—46. Не довольствуясь такимъ притѣсненіемъ православныхъ въ Вильнѣ, нѣкоторые ярые уніаты—Левонъ Мамоничъ, Петръ

убѣжденію православныхъ, совершенно несправедливое гоненіе только еще усиливало въ нихъ приверженность къ тѣмъ, изъ-за кого они страдали, и ненависть къ гонителямъ уніатамъ. Патріархъ Ѳеофанъ, котораго король назвалъ самозванцемъ и шпіономъ, сдѣлался предметомъ особеннаго уваженія. Его изображеніе, какъ святыню, вывѣсили на стѣнахъ свято-духова монастыря, на большой улицѣ, въ видѣ хоругви. А одинъ изъ братчиковъ, Евстратій Жиловскій; нарочно отправился въ нѣмецкую землю, отпечаталъ тамъ множество этихъ изображеній, открыто привезъ ихъ въ Вильну, нанялъ особую лавочку, и даромъ раздавалъ и роздалъ всѣ православнымъ, какъ святыню ([216]).

Коптевичъ и другіе отъ имени всего виленскаго уніатскаго свято-троицкаго братства возобновили тогда свою жалобу на членовъ православнаго свято-духовскаго братства, будто они незаконно присвоили себѣ королевскія граматы и привиллегіи, данныя собственно свято-троицкому братству, незаконно владѣютъ принадлежащими послѣднему домами и грунтами, незаконно имѣютъ школу и типографію, пользуются доходами съ имѣній свято-троицкаго братства, и просили короля отнять все это у свято-духовскаго монастыря и братства и взыскать съ нихъ пятьдесятъ тысячь копъ литовскихъ,—и король граматою отъ 10-го іюля 1621 года потребовалъ главныхъ свято-духовскихъ братчиковъ на свой задворный судъ. Замѣчательно начало этой граматы послѣ королевскаго титула: «подданнымъ нашимъ Василю Игнатовичу, *Максиму Герасимовичу*, Григорію Дудце *попомъ* церкви новое и старшимъ братства тоежъ церкви, яко вы ее называете, Светаго Духа, в месте виленскомъ будущое (*Максимомъ Герасимовичемъ-попамъ* назвать здѣсь Мелетій Смотрицкій, бывшій уже архіепископомъ полоцкимъ), такъ тежъ мещаномъ нашимъ виленъскимъ Якиму Сысоевичу, Ильи Тупечину, Олхиму Кравцу Исаку Волковичу, Филипу Сенчиловичу, Семену Красовъскому, Ивану Шитику, Левонови ковалю, Яну Котовичу, Стефанови шевцу, Петрови мельнику, Богданови Симоновичу, Адаму Хмельнику, Богдану Борысовичу, Юрью Хоцеевичу, Василю Закревскому, Василю Барановичу, Васиаю Друговине, Василю Кулаковскому, Крыштофу Василевичу и всѣмъ вамъ, которые се взываете братею братства Святаго Духа и якимъ колвекъ способомъ належите до того братства»... Подлинникъ этой граматы находится въ виленскомъ Свято-Духов. монастырѣ и значится въ Дополнит. Оп. подъ № 1, на стр. 419.

([216]) Судебный позывъ свято-духов. братству 1624 г., напечат. у *Коялов.* Литов. церк. Унія, II, примѣч. 209, стр. 357—358.

Мелетій Смотрицкій, который, въ продолженіе гоненія на православныхъ въ Вильнѣ, съумѣлъ уберечься за стѣнами своего монастыря, отнюдь не переставалъ, какъ увѣряли уніаты, совершать архіерейскія священнослуженія и разсылать свои посланія по епархіи полоцкой ([247]), и въ тоже время писалъ въ защиту православныхъ сочиненіе, которое святодуховское братство издало отъ своего имени, подъ заглавіемъ: Verificatia Niewinnoscie (оправданіе невинности), сряду два раза въ началѣ апрѣля и въ половинѣ іюня. Для показанія невинности своей и вообще православныхъ братство говорило— а) что оно не прежде вошло въ сношенія съ патріархомъ Ѳеофаномъ, какъ уже послѣ того, когда самъ король написалъ къ нему, дозволилъ ему пребываніе въ своихъ владѣніяхъ, приглашалъ его даже къ своему двору, и что не одни православные признавали Ѳеофана патріархомъ, но и самъ король и его сенаторы, духовные и свѣтскіе: для очевидности, въ концѣ, напечатаны самыя ихъ письма къ Ѳеофану; б) что Ѳеофанъ былъ дѣйствительно патріархъ, а не самозванецъ, имѣлъ грамату и уполномоченность отъ константинопольскаго патріарха, былъ не врагъ, а благожелатель Польши, какъ свидѣтельствуетъ его грамата къ казакамъ: обѣ эти граматы патріарховъ также напечатаны въ книгѣ, и в) что, наконецъ, православные, испрашивая себѣ у Ѳеофана посвященіе митрополита и епископовъ, вовсе не думали оскорблять короля, нарушать его право патронатства по отношенію къ православной іерархіи въ Литвѣ и Польшѣ; они испросили себѣ у патріарха только то, о чемъ могли просить и что онъ могъ дать

([247]) Sowita Wina, str. 76.

имъ на основаніи церковныхъ каноновъ; но потомъ имѣли намѣреніе испросить инвеституру и утвержденіе своимъ новымъ владыкамъ и отъ короля, и вполнѣ надѣялись получить просимое, на основаніи торжественныхъ обѣщаній короля, выраженныхъ въ сеймовомъ постановленіи 1607 года и другихъ: тутъ напечатаны церковные каноны, относящіеся къ дѣлу, и постановленія польскихъ королей, сеймовъ, трибуналовъ въ пользу православныхъ. Затѣмъ братство излагало въ книгѣ свои жалобы на тѣ несправедливости и обиды, какія терпѣли православные отъ уніатовъ, особенно въ Вильнѣ, и довольно подробно объясняло, что литовская унія вовсе непохожа на флорентійскую. Тогда, говорило братство, обѣ церкви, римская и греческая, соединились на правахъ равенства; латинянинъ точно такъ же могъ называться уніатомъ въ отношеніи къ греку, какъ грекъ въ отношеніи къ латинянину; обѣ стороны оставались при своихъ пастыряхъ и при своихъ членахъ вѣры. Литовскіе же уніаты отступились отъ своего законнаго патріарха и подчинились папѣ; отступились и отъ православныхъ вѣрованій и приняли латинскія; обязались содержать все, что постановлено не только на флорентійскомъ, но и на тридентійскомъ соборѣ: для доказательства въ книгѣ напечатана самая присяга, произнесенная Потѣемъ и Терлецкимъ въ Римѣ ([218]). Безмолствовать въ виду такой книги уніаты не могли, и завя-

([218]) Объ изданіи братствомъ книги: Verific. Niewinnosci—еще отъ 5 апрѣля 1621 г. свидѣтельствуетъ митрополитъ Евгеній, и говоритъ, что она напечатана была тогда, неизвѣстно гдѣ, на 94 страницахъ (Опис. Кіево-Соф. собора, стр. 157). А въ томъ экземплярѣ этой книги, который у насъ находился подъ руками, въ самомъ концѣ, на оборотѣ послѣдняго 68-го листа, помѣчено: w Wilnie Roku 1621, Czerwca dnia 16.

залась въ Вильнѣ жаркая литературная полемика между двумя монастырями, православнымъ—свято-духовскимъ и уніатскимъ-троицкимъ. Въ отвѣтъ на эту книгу троицкіе монахи скоро издали свою книгу подъ названіемъ: Sowita Wina (сугубая вина), сочиненную будтобы самимъ митрополитомъ Рутскимъ. Здѣсь доказывалось, что схизматики, т. е. православные, и ихъ новые архіереи очень виновны. Они нарушили королевское право патронатства или подаванья: потому что должны были напередъ, еще до посвященія своихъ владыкъ, испросить имъ у короля инвеституру и утвержденіе; король подаетъ не одни церковныя бенефиціи или имѣнія, но и самыя церковныя достоинства. Несмотря на всѣ письма короля и его сенаторовъ къ Ѳеофану и на всѣ церковные каноны и гражданскія привиллегіи, дарованныя въ Литвѣ схизматикамъ, они не должны были принимать посвященіе отъ этого чужеземца: такъ какъ и константинопольскій патріархъ не имѣетъ никакихъ правъ въ литовско-русскомъ краѣ, а имѣетъ ихъ одинъ папа, верховный пастырь всего христіанства. Схизматики посвятили своихъ владыкъ, вопреки церковныхъ правилъ, на каѳедры, еще занятыя (т. е. уніатскими владыками). Схизматики несправедливо жалуются на обиды и притѣсненія отъ уніатовъ, напротивъ сами причиняютъ имъ разныя обиды словомъ и дѣломъ. Не хорошо поступилъ Смотрицкій, а уніаты поступаютъ хорошо. Противъ этой книги, изложенной въ двѣнадцати небольшихъ отдѣлахъ, свято-духовское братство скоро издало новое сочиненіе Смотрицкаго, подъ именемъ: Obrona Verificaciey (защита оправданія), въ которомъ авторъ по порядку разбиралъ и опровергалъ, одну за другою, всѣ двѣнадцать главъ разсматриваемаго имъ сочиненія. Троицкіе монахи, съ своей стороны,

не замедлили выпустить въ свѣтъ двѣ новыя брошюры, изъ которыхъ одна была названа: List do Zakonnikow monast. Sw. Ducha (напеч. въ августѣ), а другая: Examen Obrony. Здѣсь уже начались прямая брань, насмѣшки и упреки, направленные противъ свято-духовскаго братства и особенно противъ Смотрицкаго. Братство порицали за то, что оно, нѣсколько лѣтъ назадъ, отказалось, къ стыду своему, отъ публичнаго диспута съ уніатами, на который прежде само же изъявило согласіе; также за то, будто братство возбуждаетъ казаковъ обращаться къ королю съ дерзскими требованіями, и проч. Смотрицкому подробно припоминали его прежнія сношенія съ вождями уніи, его склонность къ уніи, ревность о ней и называли его измѣнникомъ, честолюбцемъ и проч. Полемика перешла и въ слѣдующій, 1622-й, годъ. Въ началѣ февраля свято-духовское братство напечатало брошюру: Elenchus pism uszczypliwych (опроверженіе ѣдкихъ писемъ) и при ней другую: Appendix na Examen Obrony Verificaciey. Тутъ Смотрицкій называлъ своихъ противниковъ невѣждами и недобросовѣстными, наполнившими свои книжки ложью, клеветами и всѣмъ, что могла внушить слѣпая ненависть; опровергалъ эти клеветы, одну за другою; и снова отстаивалъ дѣло православныхъ — посвященіе ихъ митрополита и епископовъ. „Вы спрашиваете, говорилъ онъ, между прочимъ, — искали мы духовныхъ каѳедръ? Отвѣчаемъ: искали, потому что уже 26 лѣтъ онѣ оставались праздными, будучи заняты нашими апостатами. Спрашиваете: приняли наши духовные вожди посвященіе отъ того гречина? Отвѣчаемъ: приняли отъ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, ибо церковь наша русская не могла жить безъ духовныхъ, какъ тѣло безъ души. Спрашиваете: позволялъ ли

посвящаться отъ него король своими письмами? Отвѣчаемъ: тѣми письмами, которыя онъ писалъ къ патріарху, не запрещалъ и не позволялъ,— но своими королевскими обѣщаніями, повторенными на нѣсколькихъ сеймахъ, дать намъ архипастырей, посвященныхъ нашимъ патріархомъ, позволялъ... Спрашиваете наконецъ: позволилъ король нашимъ епископамъ занять ихъ епископскія каѳедры? Отвѣчаемъ: не позволялъ; но они и не занимаютъ этихъ каѳедръ, а спокойно ожидаютъ, полагаясь на милость короля“ (—л. 9). На книгу Смотрицкаго: Elenchus — въ томъ же году издалъ свой: Antelenchus — настоятель троицкаго монастыря Анастасій Селява. Онъ, впрочемъ, не входилъ въ подробности и остановился только на главныхъ обвиненіяхъ противъ уніи, изложенныхъ въ книгѣ противника, и старался доказать верховную власть папы надъ всею церковію, состоятельность уніи и несостоятельность схизмы—православія ([219]).

Какое дѣйствіе имѣлъ королевскій универсалъ противъ православныхъ архіереевъ и мірянъ въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Вильны? Всѣ эти архіереи, послѣ прощанія съ патріархомъ Ѳеофаномъ въ городѣ Бушѣ, возвратились въ Кіевъ вмѣстѣ съ войскомъ запорожскимъ, и одни до времени проживали въ Кіевѣ, напримѣръ, епископъ Исаія Копинскій на подворьѣ межигорскаго монастыря, другіе же, вѣроятно, въ своихъ прежнихъ монастыряхъ ([220]). А въ Кіевѣ и вообще въ тамошнемъ краѣ, подъ охраною казаковъ, православные владыки могли быть безопасными отъ всякихъ нападеній. Мало того: митрополитъ

([219]) Почти всѣми означенными книгами мы пользовались изъ виленскихъ библіотекъ: публичной и духовной семинаріи.

([220]) Лѣтоп. Густынск. монастыря, стр. 17.

Іовъ, если вѣрить уніатскому свидѣтельству, дѣйствовалъ даже слишкомъ смѣло. „Онъ въ то самое время, когда по городамъ прибивались для опубликованія королевскіе универсалы, чтобы его схватить, прибивалъ также свои указы, чтобы священники ѣхали къ нему на соборъ, и имѣлъ въ Кіевѣ соборъ съ священниками, а въ Житомірѣ соборъ съ дворянами“ ([221]). Но если владыки православные ничего тогда не потерпѣли, за то преданные имъ міряне, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ некому было ихъ защищать, потерпѣли весьма много. Въ 15 день мая митрополитъ Іовъ, вмѣстѣ со всѣми своими архіереями, подалъ протестъ на митрополита и епископовъ уніатскихъ за то, что они возмущаютъ народъ противъ православныхъ владыкъ, законно поставленныхъ іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ, и преслѣдуютъ православныхъ. Въ протестѣ этомъ, послѣ указанія на недавнее гоненіе, какому подверглись православные въ Вильнѣ, говорилось: „въ Могилевѣ, Минскѣ и Оршѣ (у православныхъ) отобраны церкви; въ Перемышлѣ умерщвлены въ тюрмѣ 24 человѣка мѣщанъ; въ Ярославлѣ, Кременцѣ, Гроднѣ и Пинскѣ отняты церкви; въ Брестѣ Дороѳея съ братьями вбросили въ колодезь; въ Красноставѣ ворвались въ каменную церковь и многихъ въ церкви убили; тоже сдѣлали въ Сокалѣ, Бельскѣ и Буснѣ, и взрослыхъ безъ покаянія предавали смерти, а дѣтей безъ крещенія“ ([222]).

Болѣе всѣхъ уніатскихъ владыкъ неистовствовалъ полоцкій

([221]) Sowita Wina, str. 77. На это Смотрицкій отвѣчалъ: «что дѣлалось тогда въ Кіевѣ, по отдаленности, не знаемъ; но знаемъ, что такой разумный мужъ, какъ Іовъ Борецкій, не позволитъ себѣ ничего, похожаго на rebellie (возмущеніе)» (Obrona Verific., str. 114).

([222]) Напеч. у *Петрушев.* въ Сводной галицко-русск. лѣтописи съ 1600 по 1700 г., подъ 1621 годомъ, стр. 58—59.

архіепископъ Кунцевичъ. Втеченіе трехъ лѣтъ, какъ мы уже упоминали, онъ умѣлъ носить личину, такъ что полочане не могли съ точностію рѣшить для себя, уніатъ онъ или православный. И потому, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что въ Кіевъ прибылъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, знатнѣйшіе изъ нихъ пришли къ своему владыкѣ и просили его, если онъ дѣйствительно православный архіерей, какимъ онъ выдаетъ себя, отправиться вмѣстѣ съ ними и на ихъ счетъ къ іерусалимскому первосвятителю для принятія отъ него благословенія. Кунцевичъ изъявилъ свое согласіе. Вѣсть объ этомъ пронеслась по городу и обрадовала народъ. Но когда всѣ приготовленія къ дорогѣ были кончены, и оставалось только ѣхать, Кунцевичъ внезапно отказался. Этимъ онъ оттолкнулъ отъ себя полочанъ: они увидѣли въ немъ обманщика. А когда вслѣдъ затѣмъ въ Полоцкъ поставленъ былъ патріархомъ Ѳеофаномъ новый архіепископъ, Мелетій Смотрицкій, и прислалъ сюда свое архипастырское посланіе, полочане рѣшительно отказались повиноваться Іоасафу Кунцевичу, и признали своимъ владыкою Мелетія. Кунцевичъ, находившійся тогда на сеймѣ въ Варшавѣ, выпросилъ себѣ у короля, предъ возвращеніемъ въ епархію, увѣщательныя граматы къ непокорнымъ. Съ этими граматами явился онъ въ полоцкую городскую ратушу, сопровождаемый всѣми духовными и свѣтскими властями и самимъ воеводою, по приказанію котораго туда же собрались и всѣ жители города. По прочтеніи королевскихъ граматъ, Кунцевичъ всенародно сознался, что онъ уніатъ, покоряется римскому престолу, и спросилъ полочанъ: будутъ ли и они и хотятъ ли быть такими же? Ему отвѣчали: мы не уніаты и никогда не будемъ уніатами. И со всѣхъ сторонъ раздались крики: смерть обманщи-

ку, смерть гонителю вѣры, смерть душехвату. Народъ съ яростію бросился въ ратушу, мущины и женщины, съ камнями и оружіемъ въ рукахъ, и власти едва могли спастись сами и спасти архіепископа ([223]). Съ этого времени и начались открытыя гоненія Кунцевича противъ православныхъ въ Полоцкѣ, подобныя тѣмъ, какія и прежде происходили въ Могилевѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ его епархіи. Уже 9-го февраля 1621 г. канцлеръ Левъ Сапѣга писалъ къ уніатскому митрополиту Рутскому: „не одинъ я, но и другіе весьма охуждаютъ то, что ксендзъ владыка полоцкій слишкомъ жестоко началъ поступать въ дѣлахъ вѣры, и очень надоѣлъ и омерзѣлъ народу какъ въ Полоцкѣ, такъ и вездѣ. Давно я предостерегалъ его, просилъ и увѣщавалъ, чтобы онъ такъ жестоко не дѣйствовалъ; но онъ, имѣя свои соображенія, болѣе упрямыя, нежели основательныя, не хотѣлъ слушать нашихъ совѣтовъ. Дай Богъ, чтобы послѣдствія его распоряженій и суровыхъ дѣйствій не повредили Рѣчи-посполитой. Ради Бога, прошу вашу милость, вразуми его, чтобы онъ прекратилъ и оставилъ такую суровость въ этихъ дѣлахъ, и скорѣе, добровольно, уступилъ могилевцамъ ихъ церкви, не дожидаясь того, чтобы они сами и безъ просьбы отобрали ихъ у него... Пожалуста, ваша милость, держи его на вожжахъ“ ([224]). Къ іюню мѣсяцу 1621 г. въ Полоцкѣ уже всѣ церкви и монастыри были отняты у православныхъ Кунцевичемъ, какъ свидѣтельствуетъ подлинная запись одного изъ полоцкихъ православныхъ дворянъ, Ивана Стабровскаго, которою онъ отдавалъ (10 іюня) своимъ единовѣрцамъ, по этому случаю, домъ

([223]) *Смотрицк.* Obrona Verific., str. 115—116; Elenchus..., str. 10, Wiln. 1622; *Суша*, Жизнь Кунцевича, стр. 51—61.

([224]) Вилен. Археогр. Сборн. II, № 29, стр. 30—31.

брата своего въ Полоцкѣ для отправленія тамъ православнаго богослуженія ([225]). Тоже самое повторилось и въ Витебскѣ. Три года жители Витебска признавали Кунцевича своимъ архипастыремъ: потому что, какъ объясняли они впослѣдствіи, онъ не дѣлалъ ни малѣйшей отмѣны ни въ обрядахъ, ни во всей старожитной вѣрѣ греческаго закона; напротивъ, все отправлялъ по правиламъ св. соборовъ и св. отцевъ. Но когда въ Витебскъ принесена была какимъ-то монахомъ Сильвестромъ грамата Мелетія Смотрицкаго, въ которой онъ объявляль себя законнымъ архіепископомъ полоцкимъ, поставленнымъ отъ патріарха, а Кунцевича называль отступникомъ; когда грамата эта прочитана была предъ народомъ въ ратушѣ, тогда жители Витебска отказались отъ повиновенія Кунцевичу и признали своимъ владыкою Смотрицкаго, о чемъ и составили письменный актъ, а затѣмъ отобрали изъ-подъ вѣдѣнія Кунцевича всѣ свои церкви. Кунцевичъ явился лично въ Витебскъ, приказалъ прочитать предъ народомъ, въ присутствіи свѣтскихъ властей, тѣже самыя королевскія граматы, которыя читаны были въ Полоцкѣ, и также возбудилъ противъ себя взрывъ ненависти въ слушателяхъ: они побросали свои шапки въ кучу, — что̀ служило знакомъ клятвы на смертоубійство, — и тутъ же едва не умертвили Кунцевича. Несмотря на такое раздраженіе, Кунцевичъ чрезъ нѣсколько времени, при содѣйствіи свѣтскихъ властей, вновь отнялъ у православныхъ Витебска всѣ ихъ церкви ([226]).

([225]) Запись напеч. *Говорск.* въ Вѣстникѣ юго-западн. и западн. Россіи, годъ I, окт., отд. 1, № 9, стр. 32.

([226]) Слѣдственное дѣло о убіеніи Кунцевича, напеч. у *Стебельск.* Przydatek do Chronologii..., III, str. 307—310. Снес. *Суша*, Жизнь Кунцев., стр. 72.

Казаки оставались единственною защитою для православныхъ. Въ казакахъ на ту пору крайне нуждалось польское правительство. Многочисленное турецкое войско (до 300 тысячъ) уже перешло Дунай и приближалось къ Хотину. Король послалъ къ казакамъ ксендза Оборницкаго и поручилъ ему склонить ихъ на свою сторону всякими обѣщаніями. Ксендзъ, исполнивъ порученіе, писалъ къ королю изъ-подъ Кіева отъ 21-го іюня 1621 года, что казаки присягнули на вѣрность ему въ числѣ 40000, но подъ условіемъ, чтобы исполнено было ихъ желаніе, т. е. чтобы митрополитъ Борецкій и другіе владыки, посвященные патріархомъ Ѳеофаномъ, были утверждены въ своихъ достоинствахъ; а если этого не будетъ, то гетманъ (наказный) Бородавка грозилъ забрать всю шляхту въ неволю и сказалъ: „предъ войскомъ запорожскимъ трепещетъ Польша, Турція и цѣлый свѣтъ“ (227). Затѣмъ и главный гетманъ всего войска запорожскаго, Сагайдачный, по словамъ уніатовъ, „пріѣхавъ съ какимъ-то чернецомъ, подалъ королю отъ имени казаковъ просьбу на письмѣ... Казаки предлагали свои услуги подъ условіемъ, если они получатъ то, чего просятъ“. А въ просьбѣ своей они настаивали, чтобы уніатскіе владыки были свергнуты, православные же утверждены на своихъ епархіяхъ (228). Король, конечно, далъ обѣщаніе, и въ авгу-

(227) Relacye Nuncyuszów Apostolskich, II, str. 124—125, 1864; *Lucaszewicz* Geschichte der reformirten Kirchen in Litthauen, I, 109.

(228) List do Zakonnikow..., str. 14. Объ этомъ посольствѣ Сагайдачнаго свидѣтельствуетъ и Смотрицкій, но отвергаетъ, будто просьбу, которую подалъ Сагайдачный королю, составляли въ виленскомъ свято-духовомъ монастырѣ Elenchus, str. 10). Да и канцлеръ Левъ Сапѣга, въ извѣстномъ письмѣ своемъ къ полоцкому архіепископу Кунцевичу, писалъ: «по словамъ вашимъ только нѣкоторые монахи епархіи Борецкаго и Смотрицкаго и нѣсколько кіевскихъ дво-

стѣ гетманъ Сагайдачный съ своими сорока тысячами казаковъ былъ уже у Днѣстра. Между тѣмъ въ половинѣ августа, когда казаки находились уже въ походѣ, въ Варшавѣ открылся, наконецъ, вальный сеймъ, который назначенъ былъ на іюль. Явились на сеймъ депутаты и отъ православнаго духовенства, въ числѣ ихъ и епископъ владимірскій Іосифъ Курцевичъ, и отъ всего запорожскаго войска, и представили туже самую просьбу, съ которою недавно обращался къ королю гетманъ Сагайдачный. Король, по обычаю, не хотѣлъ исполнить своего обѣщанія православнымъ; но и дать имъ рѣшительный отказъ опасался. Потому велѣлъ объявить, что такъ какъ сеймъ теперь созванъ короткій, ради однихъ вопросовъ по военному времени, то обсужденіе просьбы православныхъ отлагается до слѣдующаго сейма, а теперь для предварительнаго разсмотрѣнія ея назначается особая коммисія ([229]). Такое рѣшеніе, хотя и не отнимало надежду у православныхъ, не могло не огорчить ихъ и, особенно казаковъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе честно исполнили принятое на себя предъ королемъ обязательство: они храбро сражались противъ турокъ и были главными виновниками побѣды, одержанной польскимъ войскомъ подъ Хотиномъ и окончившейся заключеніемъ мира (8-го октября). Недоволь-

---

рянъ противоборствуютъ уніи. Напротивъ, просьба королю подана не отъ нѣкоторыхъ только кіевскихъ чернецовъ, но отъ всего войска запорожскаго съ требованіемъ, чтобы Борецкаго и Смотрицкаго въ ихъ епархіяхъ утвердить, а васъ и другихъ свергнуть. Относительно объясненія Сагайдачнаго можно сказать, что *сочиненіе его предрагоцѣнное* (*Бант.-Каменск.* Истор. Изв. объ Уніи, стр. 71, Вильна 1866). Очевидно, что предрагоцѣннымъ сочиненіемъ Сагайдачнаго названа здѣсь поданная имъ королю просьба.

([229]) *Harasiew.* Annal. eccl. Ruthen., p. 260; *Евген.* Опис. Кіево-Соф. Собора, стр. 157. Объ этой коммисіи говоритъ и Сапѣга въ письмѣ къ Курцевичу (*Бант-Каменск.* Истор. Извѣст. объ Уніи, стр. 72).

ство казаковъ и недовѣріе къ королю скоро выразилось. Когда Сагайдачный, тяжело израненный въ битвѣ, возвратился въ Кіевъ (ок. 14 ноября), гдѣ имѣлъ собственный домъ, казаки, обыватели кіевскіе, подали ему, гетману, и всему запорожскому войску просьбу, въ которой, между прочимъ, говорили: „старайтесь о митрополитѣ православномъ и о церкви св. Софіи, чтобы быть ему подъ благословеніемъ патріаршимъ...; смилуйтесь о свободѣ угнетенныхъ братьевъ нашихъ и православныхъ церквей во Львовѣ, Перемышлѣ, въ Брестѣ, Вильнѣ, Могилевѣ и во всемъ королевствѣ польскаго короля, и сами промышляйте о христіанствѣ. А чрезъ своихъ пословъ, которыхъ мы посылаемъ до короля, мы никогда ничего не добьемся: ибо ляхи издавна привыкли больше обольщать насъ хитростію и обѣщаніями, нежели исполненіемъ обѣщанія". Какъ бы въ отвѣтъ на это, гетманъ и все запорожское войско вписались въ кіевское богоявленское братство, и такимъ образомъ открыто приняли на себя обязательство быть покровителями и защитниками православія во всемъ краѣ ([230]). Король думалъ задобрить казаковъ. По ходатайству королевича Владислава, бывшаго главнымъ вождемъ польской рати и свидѣтелемъ храбрости казаковъ подъ Хотиномъ, Сигизмундъ III прислалъ гетману и всему запорожскому войску свою похвальную грамату (отъ 12 генв. 1622) за ихъ военные подвиги, и вмѣстѣ—четыреста тысячъ битыхъ талеровъ для раздачи войсковой черни, четыре тысячи червонцевъ гетману съ старшинами и особо гетману — королевскую хоругвь, булаву въ три тысячи талеровъ и цѣпь въ пятьсотъ

([230]) Вилен. Археогр. Сборн. I, № 90, стр. 265; *Сакович.* Вирши на погребеніе Сагайдачнаго, напеч. у *Максимовича* въ Собр. его сочинен. I, стр. 386.

галеровъ. Сагайдачный благодарилъ короля за милость и подарки письмомъ отъ 15 февраля; но тутъ же жаловался на польскихъ магнатовъ, помѣщиковъ, которые, во время его отсутствія съ войскомъ, дѣлали крайнія притѣсненія прочимъ казакамъ, остававшимся дома. А вскорѣ, когда убѣдился, что ему уже не поправиться отъ болѣзни, отпуская королевскаго врача, который приставленъ былъ къ нему королевичемъ Владиславомъ еще подъ Хотиномъ, Сагайдачный въ послѣдній разъ написалъ королю, въ концѣ марта, и просилъ, чтобы король запретилъ польскимъ панамъ на Украинѣ притѣснять народъ казацкій, и чтобы особенно не возстановлялъ уніи и предоставилъ православнымъ держаться своихъ древнихъ апостольскихъ и отеческихъ догматовъ и преданій ([231]). Между тѣмъ, готовясь къ смерти, Сагайдачный дѣлалъ послѣднія свои распоряженія на пользу православной церкви: онъ пожертвовалъ нѣсколько тысячъ на кіевскій братскій богоявленскій монастырь и его училище; отказалъ полторы тысячи червонныхъ золотыхъ „на школу братства львовскаго, на науку и на цвиченья бакаларовъ ученыхъ“, опредѣлилъ вклады и другимъ православнымъ монастырямъ, церквамъ и школамъ, и въ исполнители своего духовнаго завѣщанія избралъ самого митрополита Іова и будущаго своего преемника въ гетманствѣ Олифера Голуба. Скончался доблестный мужъ 10 апрѣля, и погребенъ митрополитомъ Іовомъ въ кіево-братскомъ монастырѣ при церкви училища ([232]).

Хотя король не исполнилъ, на сеймѣ 1621 года, своего

([231]) А. Ю. и З. Россіи, II, № 47; *Самуила Величко* Лѣтоп. событій въ юго-западн. Россіи, I, прилож. стр. 37—51.

([232]) Архив. юго-западн. Россіи, ч. III, т. I, № 74; *Максимовичъ*. Собр. сочин. I, 377—380.

обѣщанія казакамъ, но, подъ охраною ихъ, митрополитъ Іовъ свободно совершалъ дѣйствія своего управленія церковію. Еще въ томъ же году, только послѣ хотинской побѣды, онъ созывалъ соборъ, на которомъ и держалъ съ своими сопастырями „Совѣтованіе о благочестіи“. Совѣщались именно о томъ, какъ сохранять и распространять въ западно-русскомъ народѣ вѣру и догматы восточной церкви, и что дѣлать, чтобы впредь у этого народа православные митрополиты и епископы не прекращались. Съ этою цѣлію составлены были 24 правила, въ которыхъ, между прочимъ, говорилось: а) прежде всего, митрополитъ, епископы, архимандриты, игумены и вообще все духовенство должны очиститься отъ грѣховъ и жить цѣломудренно и свято, и по правиламъ церковнымъ управлять самими собою, церквами и монастырями; б) должны искренно, отъ всего сердца, любить вѣру восточной церкви и патріарховъ и быть готовыми умереть за эту вѣру; в) должны ревностно проповѣдывать ее въ церквахъ и по домамъ, и на всѣхъ мѣстахъ, какъ сами, такъ и чрезъ своихъ учениковъ, и повсюду явственно возвѣщать, что вѣра восточной церкви есть истинная и спасеніе въ ней несомнѣнное, а въ римской церкви и въ другихъ сборищахъ, отъ нея происшедшихъ, нѣтъ истинной вѣры и невозможно достигнуть спасенія; г) на іерейство посвящать достойныхъ и несомнѣнныхъ ревнителей благочестія даромъ, а не изъ корысти; д) возбуждать и приготовлять къ святому мученичеству какъ самихъ себя, такъ и мірянъ, чтобы радостно переносили за вѣру расхищеніе своихъ имуществъ, притѣсненія отъ властей и оковы, и вкушали самую смерть; е) писать и печатать въ защиту православія книги, но только прежде напечатанія представлять ихъ на разсмотрѣніе и одобреніе мужамъ богомуд-

рымъ; ж) созывать, по церковнымъ правиламъ, соборы, на которыхъ епископы прежде сами должны себя исправлять, а за тѣмъ устроять и то, что относится къ духовному клиру и мірянамъ; з) учреждать по городамъ школы и братства; и) поставить въ Черкасахъ епископа; і) стараться заблаговременно о достойныхъ и премудрыхъ преемникахъ и имѣть ихъ въ готовности, чтобы архіерейскія каѳедры тотчасъ же замѣщались, какъ только сдѣлаются праздными, и преемство епископовъ не прекращалось; к) не гнѣваться на младшихъ и низшихъ степенью, еслибы они архіереямъ и другимъ начальникамъ что нибудь напоминали, или отъ чего ихъ предостерегали; л) послать къ константинопольскому патріарху за благословеніемъ, помощью и совѣтомъ; равно и на св. гору аѳонскую, чтобы вызвать и привезти оттуда преп. мужей русскихъ: блаж. Кипріана и Іоанна, прозваніемъ Вишенскаго, и прочихъ, процвѣтающихъ жизнію и благочестіемъ; а также и впредь посылать русскихъ, расположенныхъ къ благочестію, на Аѳонъ, какъ въ школу духовную; м) если уже нельзя обращать самихъ папистовъ и ихъ исчадіе, т. е. аріанъ, евангеликовъ, лютеранъ, то, по крайней мѣрѣ, всѣми мѣрами стараться объ обращеніи русскихъ, отступившихъ отъ православія, и особенно дворянъ, которые, по отступленіи, сильно вредятъ своимъ бывшимъ единовѣрцамъ ([233]).

Совѣщаясь съ своими сопастырями о нуждахъ церкви, митрополитъ Іовъ къ концу тогоже года (15 декабря) обра-

([233]) Памятн. Кіев. Коммис. I, отд. I, № 32, стр. 224—251. Въ этомъ соборномъ «совѣщаніи о благочестіи» упоминается о хотинской побѣдѣ, какъ уже бывшей (—стр. 236); откуда и слѣдуетъ, что соборъ состоялся послѣ означенной побѣды.

тился съ окружною граматою и ко всей своей духовной паствѣ. Здѣсь онъ напоминалъ, что нѣтъ мѣста въ державѣ польскаго короля, гдѣ бы, въ теченіе уже 27-ми лѣтъ, апостаты—уніатскіе владыки не возбуждали короля и другихъ начальниковъ противъ вѣрныхъ и невинныхъ его подданныхъ — православныхъ, и не подвергали ихъ самымъ тяжкимъ гоненіямъ; что эти апостаты несправедливо домогаются быть отцами и пастырями русскаго народа, когда сами отступили отъ верховнаго пастыря и отца, константинопольскаго патріарха, возродившаго всю землю русскую св. крещеніемъ, и что послѣдовать имъ значитъ смертельно согрѣшить и вмѣстѣ съ ними подпасть вѣчному проклятію. А потому кто устоялъ противъ уніи, тотъ долженъ благодарить Бога; а увлекшіеся ею должны покаяться и возвратиться въ лоно матери—церкви. Теперь время къ тому самое благопріятное: такъ какъ Господь послалъ западно-русской церкви свое благословеніе отъ св. града Іерусалима. Теперь русскіе имѣютъ для всѣхъ своихъ епархій православныхъ епископовъ, законно поставленныхъ, и въ важнѣйшихъ своихъ духовныхъ нуждахъ могутъ притекать „до богоспасаемаго мѣста Кіева, втораго рускаго Іерусалима“, къ своему „властному святителю“, митрополиту ([234]).

Надобно сознаться, что, послѣ сейма 1621 года, само польское правительство, повидимому, стало нѣсколько внимательнѣе и справедливѣе относиться къ просьбамъ и жалобамъ православныхъ. Члены виленскаго свято-духовскаго братства били челомъ королю, чтобы онъ приказалъ разслѣдовать все,

([234]) *Голубев.* Матеріал. для ист. западно-русск. ц. № 38, въ Труд. Кіев. дух. Ак. 1878.

въ чемъ они обвиняются и за что недавно осудилъ ихъ мѣстный городской судъ, и давали обѣщаніе оправдаться и доказать свою невинность. Вслѣдствіе этого король прислалъ въ Вильну свою грамату отъ 22 генв. 1622 года. Здѣсь, прежде всего, довольно подробно перечислялись вины свято-духовскихъ братчиковъ, состоявшія въ томъ, что они — а) построили себѣ, безъ позволенія короля и благословенія митрополита Іосифа Рутскаго, свято-духовскую церковь и самовольно отправляютъ въ ней свое богослуженіе; б) избираютъ себѣ церковныхъ старостъ изъ шляхетнаго или дворянскаго сословія, тогда какъ и дворяне могутъ въ королевскихъ городахъ только покупать себѣ пляцы и домы, но не имѣютъ права строить церквей, безъ королевскаго разрѣшенія; в) отняли у свято-троицкаго монастыря привиллегіи, дома и пляцы, издавна наданные ему, и незаконно присвояютъ своему свято-духовскому монастырю; г) возмущаются противъ назначеннаго королемъ митрополита Рутскаго и привлекаютъ его къ отвѣтственности въ трибунальный и другіе свѣтскіе суды, которымъ онъ, по своему духовному сану, не подлежитъ; д) признали за іерусалимскаго патріарха турецкаго шпіона, и выпросили себѣ у него, безъ позволенія короля, новаго митрополита и епископовъ; е) печатали въ своей типографіи книги, оскорбительныя для королевскаго величества. Потомъ король говорилъ въ граматѣ, что, во вниманіе къ просьбѣ челобитчиковъ и для предотвращенія смутъ въ Вильнѣ, онъ назначилъ и посылаетъ туда особую коммисію изъ своихъ пановъ, радъ и урядниковъ, на половину католиковъ и уніатовъ и на половину православныхъ, и уполномочилъ ихъ выслушать обвиняемыхъ со всею подробностію,

виновныхъ покарать и порѣшить это дѣло окончательно ([235]). Что̀ сдѣлала эта коммисія, не знаемъ; но важно здѣсь то, что король уважилъ просьбу православныхъ и хотѣлъ дать имъ судъ безпристрастный, назначивъ въ составъ судной коммисіи на половину — ихъ единовѣрцевъ.

Еще знаменательнѣе были дѣйствія канцлера литовскаго Льва Сапѣги, который, казалось, принялъ на себя роль открытаго апологета православныхъ противъ уніи. Онъ и прежде неоднократно напоминалъ полоцкому архіепископу Іоасафу Кунцевичу, чтобы тотъ не поступалъ съ православными жестоко. Но теперь, когда Кунцевичъ вздумалъ письменно предъ нимъ оправдывать себя, отвѣчалъ (12 марта 1622 г.) на эти оправданія самымъ полнымъ ихъ опроверженіемъ. „Не хотѣлъ бы я,—писалъ Сапѣга,—вступать съ вашимъ преосвященствомъ въ переписку и споры; но видя упорство, съ какимъ вы отстаиваете свои мнѣнія, не внимая никакимъ убѣжденіямъ, нахожу себя вынужденнымъ отвѣчать, вопреки моему желанію, на неосновательное письмо ваше. Признаюсь, что и я заботился объ уніи и что было бы неблагоразумно оставить это дѣло; но мнѣ никогда и на умъ не приходило то, что вы будете привлекать къ ней столь насильственными мѣрами. Всевышній зоветъ къ себѣ кротко: *пріидите ко мнѣ вси...*, а не хочетъ и не пріемлетъ рабовъ, влекомыхъ насильно. Вамъ трудно отрекаться отъ этого, когда васъ уличаютъ жалобы, поданныя русскими начальникамъ польскимъ и литовскимъ. Развѣ вамъ не-

([235]) Подлинная грамата находится въ архивѣ полоцкой духовн. консисторіи, Связк. 30, № 8, и напечатана въ Вѣстникѣ юго-зап. и западн. Россіи, годъ I, т. III, февр., отд. I, № 26, стр. 29.

извѣстенъ ропотъ неразсудительнаго народа и выражаемое имъ желаніе лучше принять турецкое подданство, чѣмъ терпѣть такое притѣсненіе своей вѣры и благочестія? По вашимъ словамъ, уніи противятся только нѣкоторые монахи изъ епархій Борецкаго и Смотрицкаго и нѣсколько лицъ изъ кіевской шляхты; но прошеніе королю, чтобы онъ утвердилъ въ тѣхъ епархіяхъ Борецкаго и Смотрицкаго, а васъ съ прочими удалилъ, подано не нѣсколькими монахами, а всѣмъ запорожскимъ войскомъ. Горе тому, кто легковѣренъ! Въ этомъ прошеніи обстоятельства уніи являются совсѣмъ въ новомъ видѣ. А мало ли получаемъ мы жалобъ на сеймахъ не отъ монаховъ только, но отъ всей Украйны и Руси? Руководясь не столько любовію къ ближнему, сколько суетою и личными выгодами, вы злоупотребленіемъ своей власти, своими поступками, противными священной волѣ и приказаніямъ рѣчи посполитой, зажгли тѣ опасныя искры, которыя всѣмъ намъ угрожаютъ пагубнымъ и всеистребляющимъ пожаромъ. Вы пишете, „что и политика обращаетъ на нихъ (православныхъ) вниманіе“, а я прибавлю: не только политика, но и правительство; ибо отъ повиновенія ихъ больше пользы для края, нежели отъ вашей уніи. Поэтому вы должны соображать власть свою и обязанности пастыря съ волею короля и намѣреніями правительства,—помня, что власть ваша ограничена и что затѣи ваши, противныя спокойствію и общей пользѣ, будутъ сочтены оскорбленіемъ величества. Вы пишете „объ обращеніи отщепенцовъ“ и проч. Нужно заботиться объ ихъ обращеніи и о томъ, чтобы было *едино стадо и единъ пастырь*; но нужно это дѣлать благоразумно и сообразно съ обстоятельствами времени, какъ дѣло, зависящее отъ свободнаго согласія; нужно заботиться,

чтобы наша ревность и желаніе единовѣрія основывались на правилахъ любви, по слову св. Павла. Но вы уклонились отъ наставленій св. апостола, а потому неудивительно, что находящіеся подъ вашею властію вышли изъ повиновенія къ вамъ. Что касается опасностей, угрожающихъ вашей жизни, на это можно сказать: каждый самъ бываетъ причиною своего несчастія. Нужно умѣть пользоваться благопріятными обстоятельствами, а не предаваться безразсуднымъ увлеченіямъ,—особенно, когда дѣло идетъ о перемѣнѣ вѣры. „Я обязанъ, говорите вы, подражать епископамъ“ и проч. Подражать св. епископамъ въ терпѣніи, славословіи Бога, подражать, напр., Златоустому и другимъ великимъ іерархамъ,—дѣло похвальное; но нужно подражать имъ и въ благочестіи, учительствѣ, долготерпѣніи и примѣрной жизни. Прочитайте житія всѣхъ благочестивыхъ епископовъ, прочитайте творенія Златоустаго, — вы не найдете тамъ ни жалобъ, ни протестовъ, ни намека на судебные процессы и позвы къ суду..., а найдете только то, что способствуетъ къ умноженію славы Божіей, назиданію человѣческихъ душъ. А посмотримъ на ваши дѣянія: вы наполнили земскіе суды, магистраты, трибуналы, ратуши, епископскія канцеляріи позывами, тяжбами, доносами, чѣмъ не только нельзя распространить уніи, но можно расторгнуть и послѣдній союзъ любви въ обществѣ и наполнить сеймы и управы разладомъ и ссорами. Пишете, „что они (т. е. апостолы и угодники Божіи) не взирали ни на царя, ни на кесаря и проч.“ Нѣтъ! Всемогущій Богъ велитъ уважать ихъ, ибо *противляяйся власти Божію велѣнію противляется; нѣсть власть аще не отъ Бога*. И Христосъ сказалъ: *воздадите Божія Богови, и кесарева кесареви*. Потому вы и каждый должны

помнить, что всѣ люди, исполняя законъ Божій, должны повиноваться волѣ своего государя. Еще пишете: „если неправовѣрные нападаютъ на меня, то я поневолѣ долженъ защищаться“. Поистинѣ, не тому учитъ насъ Христосъ. Ведомый *яко овча на заколеніе*, имѣя для своей защиты *легіоны ангеловъ*, Онъ молился за враговъ своихъ: такъ должно поступать и вамъ. Долгъ мудраго употребить всѣ мѣры благоразумія прежде, чѣмъ взяться за оружіе, и не писать колкихъ писемъ къ начальству его корол. величества, не отвѣчать угрозами, какъ это дѣлаете вы. Апостолы и другіе святые никогда такъ не поступали. Продолжаете: „вольно вамъ топить уніатовъ, рубить имъ головы“. Нѣтъ! не должно такъ поступать съ ними; потому что божественное евангеліе строго внушаетъ всѣмъ мстителямъ, въ томъ числѣ и вамъ: мнѣ отмщеніе, азъ воздамъ. Сколько апостоловъ, учениковъ Господнихъ, сколько христіанъ запечатлѣло своею кровію славу распятаго Господа, претерпѣло ради Его жесточайшія муки! И однако нигдѣ нѣтъ въ св. писаніяхъ ниодной ихъ жалобы или протестовъ на Нероновъ, Тиверіевъ, Діоклеціановъ, но *„идяху радующеся отъ лица собора, яко за имя Господа Іисуса сподобишася безчестіе пріяти.* „На сеймахъ, продолжаете вы, поднимаются голоса не только вредные для уніи, но для всего правовѣрнаго духовенства римскаго“. Кто же тому причиною? Одна унія—виновница всѣхъ этихъ несчастій! Когда вы дѣлаете насиліе совѣсти человѣческой, запираете церкви для того, чтобы люди погибали безъ богослуженія, безъ христіанскихъ обрядовъ и таинствъ, какъ невѣрные; когда злоупотребляете милостями и властію короля, вы обходитесь безъ насъ; а когда нужно усмирять смуты, возбужденныя въ народѣ вашимъ безпутствомъ, вы

хотите нами запирать двери. Оттого противная сторона думаетъ, что мы съ вами составили заговоръ, направленный къ насилію совѣсти и нарушенію всеобщаго спокойствія, чего, конечно, не бывало. Довольно и того, что вы съ нами въ уніи, такъ и берегите эту унію про себя, и въ *званіи, въ неже звани бысте*, оставайтесь себѣ спокойно, не подвергайте насъ общенародной ненависти, а себя явной опасности и всеобщему нареканію. „Непринимающихъ уніи, пишете дальше, слѣдовало бы изгнать изъ государства". Избави Богъ нашу отчизну отъ этого безразсудства! Давно уже въ нашихъ странахъ водворилась римско-католическая вѣра, и пока она не имѣла подражательницы себѣ въ дѣлѣ благочестія и подчиненія святому отцу (папѣ), до тѣхъ поръ славилась своею любовію къ спокойствію, могуществомъ внутри и внѣ государства. Но какъ только связалась съ какою-то сварливой и безпокойною подругой, терпитъ, по ея милости, на каждомъ сеймѣ, на каждомъ собраніи народномъ, на каждомъ уѣздномъ засѣданіи, разные раздоры и нареканія. Лучше бы, кажется, было сдѣлать разрывъ съ этою неугомонною союзницей; потому что мы никогда не видали въ нашей отчизнѣ такихъ нестроеній, какія посѣяла среди насъ эта благовидная унія... „Отдавать, говорите, церкви на поруганіе" и проч. Но печатать и запирать церкви и глумиться надъ кѣмъ либо, развѣ не есть пагубное разрушеніе братскаго единомыслія и взаимнаго согласія?.. Укажите, кого вы пріобрѣли, кого уловили такою суровостію вашею, строгостію, печатаніемъ и запираніемъ церквей. Окажется, что вы потеряли и тѣхъ, которые были вамъ послушны въ Полоцкѣ. Изъ овецъ вы превратили ихъ въ козлищъ, навлекли опасность на государство, а, можетъ быть, погибель и всѣмъ намъ католикамъ.

Вмѣсто радости, пресловутая ваша унія надѣлала намъ только хлопотъ, безпокойствъ, раздоровъ, и такъ намъ опротивѣла, что мы желали бы лучше остаться безъ нея: такъ много, по ея милости, мы терпимъ безпокойствъ, огорченій и докукъ. Вотъ плодъ вашей пресловутой уніи! Сказать правду, она пріобрѣла извѣстность только смутами и раздорами, которые произвела въ народѣ и въ цѣломъ краѣ. Если — избави Богъ — отчизна наша потрясется (вы своею суровостію пролагаете къ тому торную дорогу), что тогда будетъ съ вашею уніею? „По крайней мѣрѣ, пишете вы, я получилъ въ этомъ дѣлѣ предписаніе верховнаго пастыря или его намѣстника“ и проч. Противиться верховному пастырю есть проклятое покушеніе; но я увѣренъ, что еслибы св. отецъ (папа) зналъ всѣ тѣ смуты, какія породила ваша унія въ нашей отчизнѣ, онъ далъ бы позволеніе на все, чему вы у насъ такъ упорно противитесь. Мы знаемъ изъ опыта снисхожденіе св. отца, который, будучи отцомъ, а не отчимомъ церкви Христовой, такъ мудро управляетъ ею, что весьма многое разрѣшилъ въ нѣкоторыхъ странахъ, для ихъ общественнаго блага, что у насъ запрещено, какъ грѣхъ смертный. Въ силу всего сказаннаго, король приказываетъ вамъ распечатать и отпереть церковь ихъ (православныхъ) въ Могилевѣ, о чемъ и извѣщаю васъ, по его волѣ. Если же и послѣ настоящаго напоминанія вы этого не сдѣлаете, то, по повелѣнію его величества, я самъ прикажу распечатать и отдать церковь, дабы они въ своихъ церквахъ отправляли свое богослуженіе. Жидамъ и татарамъ позволено въ областяхъ королевства имѣть свои синагоги и мечети; а вы печатаете христіанскія церкви! Оттого и ходитъ вездѣ молва, что они (православные) лучше хотятъ быть въ подданствѣ невѣрныхъ турокъ,

чѣмъ терпѣть такое насиліе своей совѣсти. „Но,—возражаете,—справедливо ли дѣлать такое снисхожденіе для сомнительнаго спокойствія въ будущемъ?“ Не только справедливо, но и необходимо! Потому что, если мы станемъ еще болѣе стѣснять ихъ религію, то произойдутъ неизбѣжные раздоры въ обществѣ. Повсюду уже раздается молва, что они навсегда желаютъ разорвать всякую съ нами связь. Что касается до полочанъ и иныхъ противъ васъ возмутителей; то, можетъ статься, они и въ самомъ дѣлѣ таковы, а все таки скажу, что вы сами расположили ихъ къ возмущенію. Они были вамъ послушны, не оставляли вашей церкви, но вы сами отъ себя оттолкнули ихъ... Мы не хотимъ, чтобы эта, столь пагубная для насъ, унія до конца погубила насъ. Вотъ отвѣтъ на письмо ваше! Желалъ бы я на будущее время быть свободнымъ отъ состязанія съ вами. Прошу только Всевышняго о ниспосланіи вамъ вожделѣнныхъ для васъ благъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о ниспосланіи вамъ духа кротости и любви къ ближнему“ ([236]).

Кунцевичъ, однакожъ, нимало не образумился, но написалъ (22 апрѣля) къ канцлеру Сапѣгѣ новое письмо, въ которомъ утверждалъ, что никогда никого насильно не привлекалъ къ уніи, а только защищался отъ нападеній, и защищался

([236]) Письмо Сапѣги къ Кунцевичу напечатано въ русскомъ переводѣ у *Бант.-Каменск.* Истор. Извѣст. объ Уніи, стр. 70—79, а въ подлинникѣ съ русскимъ переводомъ въ Вѣстн. юго-западн. и западн. Россіи, годъ I, т. II, августъ, отд. I, № 1, стр. 65—80. Подлинность этого письма подтверждается собственноручнымъ письмомъ самого Кунцевича, вскорѣ затѣмъ писаннымъ къ митрополиту Іосифу Рутскому и доселѣ сохранившимся въ архивѣ уніат. митроп. при св. Синодѣ, по дополнит. Описи подъ № 13 (напеч. въ означенномъ томѣ Вѣстн. юго-зап. и западн. Россіи вслѣдъ за письмомъ Кунцевича, № 2, стр. 81—83).

кротко, безъ всякой жестокости; что схизматикамъ, постоянно вопіющимъ о притѣсненіяхъ, слишкомъ вѣрятъ, а бѣдныхъ и ни въ чемъ неповинныхъ уніатовъ, безъ разслѣдованія и суда, порицаютъ и обвиняютъ; схизматикамъ поблажаютъ и покровительствуютъ нѣкоторые, даже католики, а на уніатовъ несправедливо нападаютъ; схизматики—враги отечества, принимаютъ къ себѣ турецкихъ шпіоновъ, нарушили право подаванья, принадлежащее королю, повсюду производятъ смуты и волненія и проч. и проч. (237). Митрополитъ Рутскій не замедлилъ обратиться съ жалобами къ папѣ Григорію XV, и папа прислалъ въ Польшу два письма, одно къ королю (отъ 22 марта 1622), другое къ самому Рутскому (отъ 11 апр.): короля просилъ защищать уніатскаго митрополита и всѣхъ уніатовъ отъ схизматиковъ, а Рутскаго старался утѣшить и подкрѣпить въ его тяжкой борьбѣ съ схизматиками (238).

Приближался новый сеймъ, назначенный королемъ на 24 генваря 1623 года. Съ боязнію ожидали этого сейма уніаты; думали, что теперь падетъ унія, что ее объявятъ уничтоженною, и нѣкоторые уніатскіе монахи готовились уже переходить въ католичество (239). Православные надѣялись восторжествовать и принимали свои мѣры. Митрополитъ Іовъ послалъ королю (отъ 6 дек. 1622) обширную записку, составленную Мелетіемъ Смотрицкимъ, подъ названіемъ: Justificacia Niewinnosci, въ которой подробно оправдывалъ себя и своихъ епископовъ и ко-

---

(237) Напечатано сполна у *Жоховскаго*, Colloquium Lubelskie, str. 91—95, и перепечатано у *Коялов.* Литов. церк. Унія, II, примѣч. 185.

(238) *Theiner*, Vetera Mon. Polon. et Lith. III, №№ 298. 299, p. 366—367.

(239) Донесеніе Рутскаго римской конгрегаціи — у *Гарашев.* Annal. eccl. Ruthen., p. 280.

торую вскорѣ затѣмъ напечаталъ ([240]). Дворянство волынское, съѣхавшись въ Луцкъ, избрало (13 дек.) пословъ на сеймъ, въ томъ числѣ извѣстнаго Лаврентія Древинскаго, и поручило имъ всячески стараться, чтобы права, дарованныя диссидентамъ, впредь не были нарушаемы, и чтобы, въ особенности, была исполнена для православныхъ сеймовая конституція 1607 года, предоставлявшая имъ право имѣть своего митрополита и епископовъ ([241]). Наконецъ, и отъ всего православнаго дворянства, обитавшаго въ предѣлахъ Литвы и Польши, прислана была на сеймъ весьма обширная Supplicatia (покорнѣйшая просьба), написанная Мелетіемъ же Смотрицкимъ. Въ этой просьбѣ, составленной съ большимъ искусствомъ, основательностію и силою, и въ томъ же (1623) году напечатанной, дворяне, между прочимъ, говорили: „вотъ уже 28 лѣтъ, какъ мы заявляемъ и перечисляемъ на каждомъ сеймѣ тѣ великія несправедливости и нестерпимое угнетеніе, какимъ подвергаютъ насъ отступники отъ нашей вѣры — митрополитъ и епископы, и со слезами, съ рыданіями умоляемъ васъ употребить ваше мощное ходатайство предъ его величествомъ, королемъ, чтобы онъ избавилъ русскій народъ отъ тяготѣющаго надъ нимъ гнета. Но доселѣ избавленія нѣтъ.... Не чужаго проситъ русскій народъ, а своего собственнаго: проситъ о сохраненіи своихъ правъ, своихъ вольностей. И въ чемъ же? въ дѣлахъ вѣры, которою мы обязались предъ Богомъ и которую должны сохранить. Ее-то вырываютъ у насъ изъ души наши отступники“... Затѣмъ дворяне перечисляли самыя права и вольности, кото-

([240]) *Петрушев.* Сводн. русско-галицк. лѣтоп., подъ 1623 годомъ, стр. 445—446; *Евген.* Опис. кіево-соф. собора, стр. 157.

([241]) Архив. юго-западн. Россіи, ч. II, т. I, № 13.

рыя предоставлены русскому народу польскими королями и которыя нарушаются уніею, и особенно указывали на актъ люблинскаго соединенія и на присягу царствующаго короля Сигизмунда III, данную имъ при вступленіи на престолъ. „Посмотрите внимательнѣе въ актъ соединенія русскаго народа съ Польшею. Вы увидите, что нашъ русскій народъ соединился съ польскимъ, какъ равный съ равнымъ, какъ народъ свободный съ свободнымъ. А въ чемъ же онъ свободный народъ, когда его могутъ принуждать даже въ вѣрѣ? Свобода и неприкосновенность его старожитной, греческой вѣры всегда была первою и важнѣйшею изъ всѣхъ его вольностей.... Въ актѣ соединенія король Сигизмундъ-Августъ раздѣляетъ русское дворянство или шляхту на два вида: на шляхту римскаго закона и на шляхту греческаго закона, и даетъ русскимъ того и другаго закона равное участіе во всѣхъ правахъ, вольностяхъ и достоинствахъ, которыми пользуется королевство польское. Подъ именемъ шляхты греческаго закона король разумѣлъ ту, которая въ то время, какъ и во всѣ прежніе вѣки, была подъ послушаніемъ константинопольскаго патріарха. Шляхты уніатскаго закона тогда не было, и король ее не зналъ. И если русскіе уніаты суть тоже, что русскіе римскаго закона, то и пусть пользуются правами и вольностями, данными послѣднимъ, и оставятъ въ покоѣ насъ, русскихъ греческаго закона, и данныя намъ права, которыя вовсе имъ не принадлежатъ.... Исходатайствуйте намъ у его величества короля, чтобы онъ благоволилъ оставить намъ ту самую свободу вѣры, то самое право избранія іерарховъ, какія имѣла наша церковь во время восшествія его на престолъ,—то право, которое онъ самъ, по примѣру предковъ своихъ, признавалъ, когда въ 1589 г. пре-

доставилъ константинопольскому патріарху Іереміи, посѣтившему его владѣнія, посвятить намъ митрополита Рогозу. Мы ничего не просимъ, кромѣ того, что уже болѣе шестисотъ лѣтъ намъ принадлежитъ, что̀, какъ святыню, всегда сохраняли намъ польскіе короли, что̀ утвердилъ за нами и самъ нынѣшній король своею присягою при своемъ восшествіи на престолъ и самимъ дѣломъ, предоставивъ нашему патріарху посвятить намъ митрополита". Рѣзкими чертами изображали далѣе русскіе дворяне тѣ бѣдствія, какія причиняла православнымъ унія. „Богъ свидѣтель, что̀ заставляютъ насъ переносить эти Пакосты, Шишки, Стецкіе, Душехваты, эти Палисвяты, Почаковскіе и Рутскіе, которые выдаютъ себя нынѣ за русскихъ епископовъ. Знаетъ то и король нашъ милостивый, знаете и ваша вельможность. Они возбраняютъ намъ свободное отправленіе нашего богослуженія, хватаютъ нашихъ священниковъ, мучатъ ихъ, заключаютъ въ темницы, и когда мы заступаемся за нашихъ духовныхъ, тревожатъ насъ самихъ судебными позвами и преслѣдованіями, вводятъ насъ въ убытки. Гродскія книги, когда мы желаемъ записать туда наши жалобы на нашихъ притѣснителей, заключаются предъ нами; гродскіе урядники не принимаютъ тогда нашихъ протестацій; возныхъ и уполномоченныхъ, которыхъ мы посылаемъ по этимъ дѣламъ, бьютъ и лишаютъ свободы. Но что̀ еще несноснѣе, поносятъ нашу честь, которая для насъ дороже самой жизни; дерзаютъ, своими ложными доносами, наводить сомнѣніе на нашу вѣрность престолу, заставляютъ подозрѣвать насъ въ измѣнѣ..... Въ Бѣлоруссіи полоцкій архіепископъ, пять уже лѣтъ, держитъ запечатанными православныя церкви Орши и Могилева. Граждане полоцкіе и витебскіе, которые не могутъ имѣть въ городѣ,

по запрещенію тогоже архіепископа, ни церкви, ни даже дома, для отправленія своего богослуженія, принуждены, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, выходить для того за заставы въ поле, да и то безъ священника: такъ какъ ни въ городѣ, ни близъ города имъ не позволено имѣть своего священнослужителя. Бѣдные люди, непривыкшіе къ иной вѣрѣ, кромѣ той, въ которой родились и выросли, поставлены въ необходимость возить своихъ дѣтей для крещенія за десять миль и болѣе, и, во время дальняго пути, многія дѣти умираютъ некрещенными. Такъ же далеко принуждены ѣздить и всѣ, желающіе получить церковное благословеніе брака. Многіе во все это время лишены были возможности исповѣдать свои грѣхи и удостоиться св. причащенія, и умирали безъ христіанскаго напутствія. Наконецъ, вотъ дѣло ужасное, невѣроятное, варварское и свирѣпое: въ прошломъ году, въ томъ же бѣлорусскомъ городѣ Полоцкѣ, тотъ же апостатъ-епископъ, чтобы еще болѣе досадить гражданамъ, намѣренно приказалъ выкопать изъ земли христіанскія тѣла, недавно погребенныя въ церковной оградѣ, и выбросить изъ могилъ на съѣденіе псамъ, какъ какую либо падаль“.... Въ заключеніе всего, русскіе дворяне, во имя цѣлости и благоденствія отечества, настоятельно просили, чтобы совсѣмъ выброшена была эта „кость раздора“, которая зовется уніею (соединеніемъ) и ведетъ только къ раздѣленію и смутамъ, и чтобы король исполнилъ, наконецъ, на настоящемъ сеймѣ свои обѣщанія православнымъ, такъ часто повторяемыя, и не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ, успокоилъ ихъ вѣру, явилъ свое благоволеніе къ ихъ духовнымъ архипастырямъ, которые такъ опозорены въ королевскихъ универсалахъ, и благоволилъ дать этимъ архипастырямъ ихъ

архіерейскія каѳедры ([242]). Но напрасны были всѣ просьбы русскаго православнаго дворянства; напрасны всѣ ходатайства пословъ, съѣхавшихся на сеймъ. Папа, по жалобѣ митрополита Рутскаго, прислалъ тогда новое письмо къ королю (отъ 28 генв. 1623) и убѣждалъ его и сенаторовъ, чтобы они защитили уніатовъ отъ жестокихъ (будтобы) гоненій со стороны схизматиковъ и казаковъ. И король не выдалъ своей излюбленной уніи. Съ согласія его, сеймъ могъ постановить только слѣдующее рѣшеніе: „успокоеніе людей, въ греческой вѣрѣ раздѣленныхъ, отлагаемъ, по множеству дѣлъ Рѣчи посполитой, на предбудущій сеймъ; а нынѣ обѣщаемъ тишину для обѣихъ сторонъ, какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ лицамъ, какого бы званія и состоянія они ни были, и кассуемъ (уничтожаемъ) всѣ процессы, задворные и комисарскіе декреты, банниціи, секвестры и всякія, по дѣламъ вѣры, тяжбы и распри, какія бы съ обѣихъ сторонъ ни оказались“ ([243]).

Сеймъ далеко не удовлетворилъ православныхъ: онъ не выбросилъ кости раздора—уніи, не посадилъ православныхъ митрополита и епископовъ на ихъ каѳедры; но онъ сдѣлалъ весьма значительную уступку православнымъ. Прекращая и уничтожая всѣ декреты и преслѣдованія, вызванные противъ нихъ уніатами, сеймъ уничтожалъ и декретъ, направленный противъ православныхъ архіереевъ, въ силу котораго они преслѣдовались, какъ измѣнники отечества и турецкіе шпіоны, и такимъ

([242]) Документы, объясн. исторію западно-русск. края, № 19, стр. 230; *Петрушев.* Сводн. русско-галицк. лѣтоп., подъ 1623 г., стр. 445. Спес. Вилен. Археогр. Сборн. I, № 88, стр. 263.

([243]) *Theiner*, Vetera Monum. Poloniae et Lith., III, № 301, p. 367; *Бант.-Каменск.* Истор. Изв. объ Уніи, подъ 1623 г., стр. 80.

образомъ какбы признавалъ, хотя косвенно, ихъ невинность. А обѣщая тишину всѣмъ лицамъ обѣихъ сторонъ, какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ, сеймъ давалъ право и православнымъ архіереямъ на спокойное существованіе въ государствѣ и на свободное отправленіе своихъ обязанностей. Такая уступка православнымъ была крайне непріятна уніатскимъ владыкамъ, и они тотчасъ же распространили въ народѣ слухъ, будто Борецкій и Смотрицкій, съ ихъ товарищами, добровольно отказались отъ своего сана. Распространенъ былъ и самый листъ ихъ отреченія, подложный, гдѣ они, сознаваясь въ своей виновности предъ королемъ, безъ позволенія котораго приняли посвященіе отъ Ѳеофана, объявляли, что такъ какъ король, по ходатайству сенаторовъ, теперь простилъ ихъ, то они, своею волею, навсегда отрекаются отъ своего архіерейскаго званія и предоставляютъ всю духовную власть митрополиту кіевскому Іосифу Рутскому и прочимъ епископамъ, законно поставленнымъ и утвержденнымъ королевскою властію, а сами впредь спокойно будутъ жить въ монастырѣ, назначенномъ имъ отъ короля. Узнавъ объ этомъ, митрополитъ Іовъ поспѣшилъ разослать окружную грамату ко всѣмъ православнымъ (отъ 23 мая), въ которой писалъ: „Съ самаго рукоположенія нашего святѣйшимъ патріархомъ іерусалимскимъ, по уполномоченности отъ нашего, константинопольскаго, мы съ братіею нашею, благочестивыми епископами, подвергались разнымъ клеветамъ отъ отступниковъ, и не переставали утѣшать васъ нашими письмами и утверждать въ отеческомъ благочестіи. Но вотъ и нынѣ, когда мы, по милости Божіей, какъ видно изъ опубликованныхъ грамать короля, ясно и до очевидности оправдались, предъ сенатомъ и всѣмъ сеймомъ противъ клеветы о нашей турецкой

измѣнѣ и признаны невинными, когда сеймовою конституціею всему народу русскому, духовнымъ и свѣтскимъ людямъ, обезпечено вольное держаніе старожитнаго восточнаго благочестія. до насъ дошло извѣстіе, что наши отступники не устыдились измыслить на насъ новую клевету, будто мы отреклись отъ нашего епископскаго рукоположенія и достоинства, и тѣмъ смущаютъ невинныя сердца православныхъ, и стараются увлекать ихъ въ свои сѣти. Посему мы сочли нужнымъ, по долгу нашего пастырства, отозваться настоящимъ нашимъ писаніемъ, которое посылаемъ чрезъ нашего брата и сослужителя, іеромонаха Леонтія, и остеречь васъ, чтобы вы не увлекались никакимъ вѣтромъ уніатскимъ, а, стоя твердо на основѣ старожитно-восточной церкви, пребывали въ послушаніи святѣйшимъ восточнымъ патріархамъ и посвященнымъ отъ нихъ митрополиту и епископамъ и готовы были скорѣе вкусить смерть, нежели измѣнить отеческой вѣрѣ". Затѣмъ митрополитъ извѣщалъ, что посылаетъ съ іеромонахомъ Леонтіемъ св. мvро священникамъ и св. антиминсы для церквей, и уполномочиваетъ его освящать новыя церкви, еще неосвященныя, избрать и поставить протопоповъ для надзора за духовенствомъ, устранять отъ священнослуженія поповъ — двоеженцевъ и троеженцевъ, если гдѣ окажутся, рѣшать для всего народа дѣла о бракахъ, на основаніи церковныхъ каноновъ, вездѣ проповѣдывать слово Божіе и утверждать сердца вѣрныхъ, и исправлять, устроять все въ церкви властію, данною отъ святителя ([244]). Порученіе, возлагавшееся на Леонтія, было, очевидно, весьма

([244]) *Голубев.* Матер. для исторіи западно-русск. церкви, № 39, въ Труд. кіев. акад. 1878 г.

важно, и митрополитъ открыто посылалъ теперь своего уполномоченнаго съ такимъ порученіемъ, конечно, потому, что полагался на недавнее рѣшеніе сейма, ограждавшее православныхъ.

Сеймъ 1623 года прекратилъ и уничтожилъ всѣ бывшіе до него процессы и тяжбы между православными и уніатами; но не прекратилъ, не уничтожилъ ихъ взаимной ненависти. Напротивъ, не удовлетворивъ вполнѣ ни той ни другой стороны, онъ только еще усилилъ между ними взаимное раздраженіе. А это раздраженіе и безъ того достигало тогда послѣднихъ степеней, особенно въ предѣлахъ полоцкой епархіи. Кунцевичъ, своими жестокими преслѣдованіями, давно уже, по выраженію Льва Сапѣги, „омерзѣлъ“ православнымъ, и они не знали, какъ отъ него избавиться. Мало того, что онъ поотнялъ у нихъ, по городамъ епархіи, всѣ церкви, онъ не позволялъ имъ совершать свое богослуженіе даже въ домахъ, даже въ шалашахъ за городскою чертою; схватывалъ православныхъ священниковъ, заключалъ ихъ въ темницы, изгонялъ изъ епархіи и проч. ([245]). Православные всѣмъ жаловались, вездѣ искали защиты: напрасно. На Кунцевича не дѣйствовали ни совѣты, ни просьбы, ни настоянія даже такихъ лицъ, каковъ былъ канцлеръ Сапѣга. Однажды жители Могилева попытались предложить Кунцевичу тридцать тысячъ польскихъ флориновъ, чтобы только онъ дозволилъ имъ свободу исповѣданія, не удалялъ отъ нихъ священниковъ и прекратилъ свое преслѣдованіе православія. Онъ отвергъ предложеніе могилевцевъ, говоря, что ищетъ спасенія ихъ душъ чрезъ унію. Выведенные изъ терпѣнія, три раза уже покушались православные,

([245]) *Суша*, Жизнь Кунцевича, стр. 71.

какъ мы видѣли, на жизнь фанатика: въ Могилевѣ, Полоцкѣ и Витебскѣ; Кунцевичъ не боялся смерти. И въ домашнихъ бесѣдахъ, и въ письмахъ къ знатнымъ лицамъ, и даже въ проповѣдяхъ съ церковной каѳедры, онъ возвѣщалъ, что схизматики хотятъ его убить, но пусть знаютъ, что онъ охотно положитъ свою душу за папу и за св. унію. И, дѣйствительно, самъ какбы напрашивался на смерть, намѣренно являясь тамъ, гдѣ она могла угрожать ему. Еще въ 1622 г., вскорѣ послѣ полученія извѣстнаго письма отъ канцлера Сапѣги, Кунцевичъ отправился въ Витебскъ и вздумалъ въ день пятидесятницы совершить торжественный крестный ходъ по городу, чтобы тѣмъ сильнѣе огорчить православныхъ, которые лишены были возможности отправлять въ этотъ великій праздникъ свое богослуженіе въ городѣ. И вотъ, когда процессія вступила на мостъ, на встрѣчу ей внезапно двинулась большая толпа православныхъ, предводимая городскимъ префектомъ Василевскимъ, съ намѣреніемъ, когда произойдетъ замѣшательство, сбросить Кунцевича съ моста въ рѣку. Но уніаты поняли это намѣреніе, подались назадъ и процессія разстроилась. На праздникъ преображенія Господня Кунцевичъ также захотѣлъ совершать самъ торжественное богослуженіе; тогда нѣсколько православныхъ, во время большаго выхода уніатскихъ священниковъ изъ алтаря, схватили одного изъ нихъ (Максима Турчиновича) и избили тутъ же, и намѣревались вторгнуться въ самый алтарь, чтобы умертвить Кунцевича; но были удержаны народною толпою. Поѣхалъ послѣ того Кунцевичъ въ Мстиславль съ своею проповѣдію объ уніи: здѣсь, *при самомъ* въѣздѣ, покушался убить его какой-то дворянинъ Масальскій, но самъ получилъ смертельный ударъ отъ одного изъ слугъ архіепи-

скопа. Поѣхалъ въ Оршу: тутъ мѣщане собирались утопить его въ Днѣпрѣ. Наконецъ, въ исходѣ октября 1623 года, Кунцевичъ рѣшился снова отправиться въ Витебскъ. Всѣ близкіе архіепископу и, въ особенности полоцкій подсудокъ Михаилъ Тышкевичъ, убѣждали его не ѣздить туда, говоря, что тамъ злоумышляютъ противъ него, что жизнь его можетъ быть еще полезною церкви, и предлагали, по крайней мѣрѣ, взять съ собою стражу. Онъ все отвергъ; сказалъ, что готовъ принять мученическую смерть и, отъѣзжая изъ Полоцка, велѣлъ приготовить себѣ могилу въ каѳедральномъ соборѣ. Прибывъ въ Витебскъ, произнесъ къ жителямъ слово изъ текста: *пріидетъ часъ, да всякъ, иже убіетъ вы, возмнится службу приносити Богу* (Іоан. 16, 2), и объявилъ: вы всюду ищете меня убить, а вотъ я самъ добровольно пришелъ къ вамъ, чтобы вкусить смерть за св. унію. И цѣлыя двѣ недѣли прожилъ въ городѣ, ожидая, пока его убьютъ. Вечеромъ въ субботу подъ 12 ноября доложили архіепископу, что мимо двора его часто проходитъ схизматическій попъ Илья въ свою синагогу, выстроенную за городомъ, и поноситъ архіерейскихъ слугъ и клиръ. Кунцевичъ приказалъ схватить этого попа въ наступающую ночь, когда онъ будетъ проходить въ свою синагогу. Въ тотъ же вечеръ витебскій консулъ Петръ Ивановичъ, уніатъ, пришелъ къ Кунцевичу и открылъ ему, что схизматики согласились въ ратушѣ завтра его умертвить, и члены ратуши намѣренно отлучились изъ города, чтобы на нихъ не пала отвѣтственность. Консулъ совѣтовалъ архіепископу или уѣхать изъ Витебска, или принять вооруженную стражу. Кунцевичъ не согласился ни на то ни на другое. Съ наступленіемъ воскреснаго дня, раннимъ утромъ, архидіаконъ Кунцевича и слуги

дѣйствительно схватили священника Илью, спѣшившаго въ свою загородную церковь для совершенія службы, и заключили въ поварскую кухню. Спутникъ священника поднялъ крикъ, и тотчасъ же на соборной и на всѣхъ церквахъ раздался набатъ. Это было условленнымъ знакомъ и призывомъ къ возстанію. Со всѣхъ сторонъ города толпы народа, мущины, женщины, дѣти, съ разнымъ оружіемъ и крикомъ, бросились въ архіерейскій домъ. Кунцевичъ приказалъ выпустить священника; но было уже поздно. Толпа избила и переранила слугъ и свиту архіепископа и вторглась въ комнату, гдѣ находился онъ самъ. Одинъ ударилъ его палкою по головѣ, другой разсѣкъ ее топоромъ, и, когда Кунцевичъ упалъ, стали бить его, кто чѣмъ попалъ. Затѣмъ разграбили весь его домъ: а тѣло его вытащили на площадь, ругались надъ нимъ, даже женщины и дѣти, садились на него, клали на него убитую собаку, и обнаженное волочили по городскимъ улицамъ, встащили на высокую гору надъ Двиною и столкнули съ крутизны къ рѣкѣ. Наконецъ, привязавъ къ тѣлу убитаго нѣсколько камней, бросили его въ Двину на самомъ глубокомъ мѣстѣ ([246]). Исполнилось желаніе несчастнаго фанатика. Онъ легко могъ бы избѣжать смерти и еще, можетъ быть, долго посвящалъ бы свою жизнь на служеніе Богу и той церкви, которую считалъ истинною. Но онъ намѣренно искалъ себѣ смерти, увлекаемый пожиравшею его страстію, во что бы то ни стало, достигнуть славы мученика. И глубоко ошибся. Онъ умеръ или умерщвленъ вовсе не за вѣру, которую проповѣдывалъ и которую, какъ пастырь, долженъ былъ проповѣдывать со всею ревностію, въ

([246]) *Суша*, Жизнь Кунцевича, стр. 70. 72—74. 76—78. 82—88.

духѣ христіанской кротости и любви, и распространять силою только духовныхъ наставленій и убѣжденій. Онъ умерщвленъ за тѣ антихристіанскія мѣры насилія и жестокости, какія употреблялъ противъ православныхъ для насажденія между ними уніи. Онъ своими вопіющими притѣсненіями, столько противными христіанству, довелъ православныхъ до ожесточенія, и насильно заставилъ, вынудилъ ихъ совершить надъ нимъ такое страшное преступленіе. Это не смерть христіанскаго мученика, а нѣчто похожее на самоубійство; не жертва Богу, а развѣ жертва собственному самолюбію, жаждавшему непремѣнно стяжать себѣ славный вѣнецъ мученичества.

О смерти Кунцевича немедленно дали знать королю, а митрополитъ Рутскій донесъ о ней въ Римъ папѣ Урбану III (31 дек.) и начальнику конгрегаціи распространенія вѣры, кардиналу Бандину (27 генв. 1624), прибавляя о самомъ себѣ лично, что онъ лишился теперь человѣка, который былъ его „правою рукою и единственнымъ утѣшеніемъ и облегченіемъ“. Папа разразился письмомъ къ королю (10 февр. 1624) и поучалъ: „жестокость убійцъ не должна остаться ненаказанною. Тамъ, гдѣ столь тяжкое злодѣяніе требуетъ бичей мщенія Божія, да проклятъ будетъ тотъ, кто удержитъ мечъ свой отъ крови. И ты, державный, не долженъ удержаться отъ меча и огня; пусть ересь почувствуетъ, что жестокимъ преступникамъ нѣтъ пощады“ и проч. ([247]). Но папа опоздалъ съ своими пастырскими убѣжденіями: король успѣлъ уже пока-

([247]) *Кульчинск.* Appendix ad Specimen eccl. Ruth., 70—82; *Theiner*, Vetera Mon. Polon. et Lith. III, № 304, p. 371; Supplem. ad Hist. Russiae Monum. №№ 193—196.

рать виновныхъ и покарать такъ, что едвали не превзошелъ всѣ желанія святѣйшаго отца. Еще 15-го генваря король прислалъ въ Витебскъ коммисію, во главѣ которой находился самъ канцлеръ Левъ Сапѣга, и уполномочилъ ее не только произвесть судъ, но немедленно и казнить преступниковъ. Коммисія прибыла, окруженная довольно сильною стражею изъ конницы и пѣхоты: такъ какъ опасались нападенія отъ казаковъ, къ покровительству которыхъ обратился городъ. Она открыла свои дѣйствія 18 генваря, и весьма спѣшно, въ три дня, исполнила возложенное на нее порученіе. Жители Витебска обвинены были въ томъ, что, признавая втеченіе трехъ лѣтъ своимъ архипастыремъ Іоасафа Кунцевича, вдругъ отказались отъ повиновенія ему, увлекшись посланіемъ Мелетія Смотрицкаго; потомъ упорно сопротивлялись Іоасафу и, наконецъ, позорно умертвили его. За эту вину девятнадцати лицамъ отрублены были головы, въ томъ числѣ двумъ первымъ бурмистрамъ витебскимъ и одному полоцкому, и имѣнія ихъ конфискованы; около ста другихъ гражданъ, бѣжавшихъ въ разныя стороны еще до прибытія комисаровъ, осуждены на смерть заочно, и имѣнія ихъ также конфискованы; у города Витебска отнято магдебургское право и всѣ вольности и привиллегіи, какими онъ пользовался; самая ратуша въ немъ разрушена и городъ подчиненъ во всемъ власти воеводы; колокола, въ которые били набатъ противъ архіепископа Кунцевича, отняты отъ всѣхъ церквей и впредь запрещенъ звонъ на церквахъ безъ разрѣшенія митрополита; разрушены были два шалаша за городомъ, въ которыхъ православные отправляли дотолѣ свое богослуженіе, и проч. Судъ былъ слишкомъ строгій и не безпристрастный. Хотѣли непремѣнно поразить право-

славныхъ суровостію наказаній, но не обратили вниманія на смягчающія вину обстоятельства,—на то, что Кунцевичъ самъ былъ главнымъ виновникомъ своей смерти, что своими насиліями онъ довелъ православныхъ до ожесточенія и они не въ одномъ Витебскѣ, но и въ Могилевѣ, и въ Полоцкѣ, и въ другихъ городахъ полоцкой епархіи, готовы были убить его ([248]).

Враги православныхъ торжествовали но хотѣли еще большаго. Рутскій въ своемъ, упомянутомъ нами, донесеніи кардиналу Бандину писалъ: „схизматики умертвили въ Витебскѣ архіепископа, безъ сомнѣнія, по наущенію отъ своихъ лжеепископовъ, которые безнаказанно скрываются въ Кіевѣ подъ покровительствомъ казаковъ, и разсылаютъ оттуда своихъ довѣренныхъ по всему королевству для отвлеченія отъ насъ вѣрующихъ и возмущенія ихъ противъ насъ“,—и потому просилъ ходатайства папы предъ королемъ, чтобы послѣдній своею королевскою властію низложилъ русскихъ лжеепископовъ и лжемитрополита: такъ какъ „отъ нихъ происходятъ эти возмущенія народа и убійства священниковъ и даже епископовъ“. И папа въ тотъ самый день, когда написалъ къ королю о наказаніи виновныхъ за смерть Кунцевича (10 февр.), послалъ къ Сигизмунду III и другое письмо, въ которомъ настаивалъ, чтобы онъ возбранилъ схизматическія братства, отмѣнилъ новые законы, направленные противъ уніатовъ, принялъ унію и уніатскихъ епископовъ подъ свое особое покровительство, а „лжеепископовъ русскихъ, возбуждающихъ мятежи и старающихся господствовать въ собраніяхъ казаковъ, подвергъ заслу-

([248]) Слѣдственное дѣло объ убіеніи Кунцевича напечатано у *Стебельскаго*—Przydatek do Chronologii, III, 290—328.

женному наказанію". Узнавъ потомъ, какъ безпощадно покаралъ король за смерть Кунцевича, папа прислалъ Сигизмунду свою похвальную грамату (10 мая), въ которой выражался, что „отнынѣ Витебскъ, явившій примѣръ столь необычайнаго преступленія, будетъ памятникомъ мщенія Божія и благочестія короля", и что „дѣяніе его величества весьма пріятно небу и заслуженно восхваляется голосомъ апостолической граматы" ([249]). Это еще болѣе могло возбуждать короля противъ православныхъ. И положеніе ихъ, по смерти Кунцевича, сдѣлалось до крайности опаснымъ, даже критическимъ. Кунцевича немедленно провозгласили мученикомъ; начались разсказы о его многочисленныхъ чудесахъ; народъ, какъ обыкновенно, легко увлекался этими разсказами, и многіе изъ православныхъ въ бывшей епархіи Кунцевича, особенно въ Витебскѣ, принимали унію, не имѣя болѣе надлежащаго руководства и поддержки. Мелетій Смотрицкій, который болѣе другихъ могъ опасаться теперь преслѣдованія, совсѣмъ отдалился отъ своей паствы и еще въ концѣ 1623 года отправился въ Кіевъ, а оттуда на востокъ. Въ Полоцкъ присланъ былъ на архіепископство новый ретивый уніатъ изъ виленскаго свято-троицкаго монастыря Антоній Селява ([250]). Въ Вильнѣ, несмотря на рѣшеніе послѣдняго сейма, прекратившаго всѣ взаимныя тяжбы уніатовъ и православныхъ, митрополитъ Рутскій, отъ лица

([249]) *Кулишъ*. Appendix ad Specim., p. 71. 73. 79. 81. 82; *Theiner*, Veter. Monum. Polon. et Lith., III, № 305, p. 379; Supplem. ad Hist. Russ. Monum. №№ 193. 194.

([250]) *Суша*, Жизнь Кунцевича, стр. 105. 111. 112; *Его же*—Saulus et Paulus, p. 25. 27. Въ августѣ 1624 года Мелетій находился уже въ Іерусалимѣ (*Голубъ*. Матер. для истор. западно-русск. церкви, № 61, въ Труд. кіев. акад. 1878 г.).

всего свято-троицкаго духовенства и братства и всѣхъ виленскихъ уніатовъ, возобновилъ тяжбу противъ членовъ свято-духовскаго братства, и въ своей жалобѣ не только повторялъ всѣ прежнія обвиненія противъ нихъ, но обвинялъ ихъ и въ новыхъ преступленіяхъ. И именно обвинялъ въ томъ, что они разсылали посланія Смотрицкаго по епархіи полоцкой и тѣмъ довели народъ до рѣшимости умертвить Кунцевича; издавали въ защиту себя дерзкія сочиненія, отвергавшія право патронатства въ церкви, принадлежащее королю; чествовали изображеніе Ѳеофана, котораго король объявилъ турецкимъ шпіономъ; самовольно отпустили недавно, безъ воли и вѣдома короля, Мелетія Смотрицкаго въ царство турецкое, и всенародно поминаютъ Смотрицкаго, какъ и лжемитрополита Борецкаго, въ церковныхъ молитвахъ; наконецъ, задумали построить себѣ, безъ дозволенія короля, каменную церковь и уже навозили для того много кирпича ([251]). Польское правительство помышляло даже о совершенномъ уничтоженіи православія въ Литвѣ и Польшѣ. Объ этомъ можно заключать изъ письма митрополита Іова Борецкаго къ одному изъ главныхъ совѣтниковъ короля, литовскому гетману князю Христофору Радзивилу (отъ 24 авг.). „Мы узнали, писалъ митрополитъ, о достойномъ вѣчной памяти благодѣяніи, какое оказали ясновельможность ваша церкви православныхъ, угнетенныхъ сыновъ нашего бѣднаго русскаго народа,—оказали смѣло и рѣшительно въ тотъ тяжелый для насъ часъ, когда всѣ уже вмѣстѣ согласились-было истребить родъ православныхъ“. Не находя словъ выразить князю свою благодарность и кланяясь ему до земли, Іовъ просилъ

([251]) Напеч. у *Коялов.* Литов. церк. Унія, II, примѣч. 209.

его не оставлять и впредь православныхъ безъ своего могущественнаго покровительства, и говорилъ: „мы стѣснены со всѣхъ сторонъ; на насъ смотрятъ хуже, чѣмъ на измѣнниковъ и изобличенныхъ злодѣевъ; хуже, чѣмъ на враговъ креста Христова; хуже, чѣмъ на язычниковъ. И мы, народъ вѣрный, народъ невинный, къ панамъ расположенный, народъ древле-христіанскій, терпимъ на собственной землѣ своей преслѣдованія отъ этой вавилонской блудницы, кровью опившейся! Далъ бы только Богъ вытерпѣть до конца". Къ концу года даже въ Кіевѣ войтъ Ѳедоръ Ходыка, съ нѣкоторыми мѣщанами, осмѣлился запечатывать православныя церкви. Митрополитъ немедленно далъ знать объ этомъ въ Запорожье гетману Коленику Андрееву и всему войску. Гетманъ послалъ двухъ полковниковъ, велѣлъ имъ собрать казаковъ, находившихся въ ближайшихъ къ Кіеву городахъ, и итти въ Кіевъ для обереганія вѣры. Казаки явились въ Кіевѣ послѣ Богоявленія въ 1625 году, распечатали православныя церкви, схватили войта Ходыку и мѣщанъ, ему помогавшихъ, посажали ихъ въ тюрьму, а уніатскому священнику церкви св. Василія на софійской горѣ, по имени Ивану, возбуждавшему ихъ и руководившему ими, отсѣкли голову, и отняли у этой церкви, находившейся въ вѣдѣніи кіеко-софійскаго уніатскаго капитула или монастыря, ея имѣнія ([252]).

Въ началѣ 1625 года собирался въ Варшавѣ вальный сеймъ. Запорожцы избрали и отправили на сеймъ трехъ своихъ по-

([252]) Вилен. Археол. Сборн. VII, № 55, стр. 81. 324. 325; *Соловьев.* Истор. Россіи, X, 95 и примѣч. 8; *Лебединц.* Матеріалы для истор. кіев. митрополіи, стр. 60.

словъ, давъ имъ инструкцію. Митрополитъ Іовъ, путешествовавшій тогда по своей епархіи, встрѣтилъ этихъ пословъ въ городѣ Корсуни (кіевскаго воеводства) и посовѣтовалъ имъ заѣхать въ Вильну къ ректору школъ и проповѣднику свято-духовскаго монастыря Іосифу Бобриковичу и выслушать отъ него наставленія, а самъ послалъ съ тѣмиже лицами къ Бобриковичу письмо (отъ 12 генв.) и нѣсколько мембрановъ за собственноручною подписью и печатью, и просилъ его написать на мембранахъ, по своему мудрому усмотрѣнію, ходатайства отъ имени митрополита къ болѣе важнымъ особамъ, напримѣръ, къ литовскому гетману, къ пану Краковскому, или даже къ самому королю, и вручить такія ходатайства казацкимъ посламъ. Въ инструкціи этимъ посламъ казаки поручали: „просить на сеймѣ, чтобы *король оставилъ нашу русскую вѣру*, по старымъ нашимъ правамъ и вольностямъ, въ покоѣ и нашихъ старшихъ духовныхъ, митрополита Іова Борецкаго и владыкъ—въ послушаніи и подъ благословеніемъ восточной церкви, утвердилъ ихъ своею граматою и надѣлилъ имѣніями, а уніатамъ запретилъ мучить нашу братію и преслѣдовать наши церкви; просить также, чтобы онъ оставилъ въ покоѣ кіевскій печерскій монастырь и утвердилъ своею граматою новаго архимандрита Захарію Копыстенскаго, избраннаго печерскою братіею, всею кіевскою шляхтою и всѣмъ рыцарствомъ запорожскаго войска“. Захарія избранъ былъ 20 ноября 1624 года на мѣсто архимандрита Елисея Плетенецкаго, скончавшагося 13 ноября. Король исполнилъ только послѣднюю просьбу и выдалъ (7 февр. 1625) архимандриту Захаріи Копыстенскому свою утвердительную грамату, потому что объ этомъ просили

сами кіево-печерскіе иноки ([253]). А первую просьбу оставилъ безъ вниманія, и на сеймѣ касательно русской вѣры и архіереевъ не сдѣлано никакого рѣшенія.

Митрополитъ Іовъ и его совѣтники, епископы, давно уже поняли, что нечего имъ ждать защиты и справедливости отъ польскаго правительства и естественно устремляли свои взоры къ единовѣрной и единоплеменной Москвѣ. Надобно допустить, что Іовъ, еще вскорѣ послѣ посвященія своего на митрополію, сообщилъ о себѣ извѣстіе московскому государю Михаилу Ѳедоровичу и патріарху Филарету Никитичу: потому что въ 1622 г. прислалъ къ тому и другому, какъ уже имъ извѣстный, свои ходатайственныя письма за митрополита пелагонскаго Іеремію, проѣзжавшаго чрезъ Кіевъ въ Москву для испрошенія милостыни. Къ концу тогоже года отправилъ въ Москву изъ своего лубенскаго преображенскаго монастыря проживавшій тамъ епископъ Исаія Копинскій двухъ старцевъ съ письмами къ царю и патріарху (отъ 4 дек.), гдѣ, именуя себя „епископомъ и эксархою малой Росіи, земли кіевской“, и, горько жалуясь на притѣсненія отъ уніатовъ, просилъ милостыни для себя и для 150 иноковъ и послушниковъ своей обители. Царь и патріархъ отвѣчали Исаіи также письмами (отъ 14 сент. 1623 г.) и послали ему своего жалованья три сорока соболей. Въ августѣ 1624 года Іовъ митрополитъ отправилъ въ Москву три письма, одно къ царю, другое къ патріарху, третье къ думному дьяку Грамотину, съ луцкимъ епископомъ Исаакіемъ Борисковичемъ, который ѣхалъ туда и по своему частному дѣлу. Въ пограничномъ городѣ Путивлѣ Исаакій заявилъ воево-

([253]) *Голубев.* Матер. для истор. зап.-русск. церкви, №№ 40. 41. 42, въ Труд. кіев. акад. 1878 г.

дамъ, что онъ поставленъ во епископа іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ и сначала жилъ въ луцкомъ преображенскомъ монастырѣ; но когда король польскій въ 1623 г., въ филипповъ постъ, прислалъ въ Луцкъ уніатскаго епископа Іеремію Почеповскаго, и тамъ начали угнетать православныхъ, а его, Исаакія, хотѣли даже убить, то онъ удалился въ Кіевъ, въ печерскій монастырь, и, купивъ себѣ въ волынской землѣ пустыньку, ѣдетъ теперь въ Москву за милостынею, чтобы устроить въ той пустынѣ, для своего мѣстопребыванія, монастырекъ во имя успенія пресв. Богородицы. Заявилъ также, что польскій король собираетъ много войска, чтобы побить запорожскихъ казаковъ и разорить православную вѣру, и что онъ, Исаакій, везетъ въ Москву отъ своего митрополита Іова Борецкаго три письма и имѣетъ еще словесныя духовныя дѣла къ патріарху Филарету. Воеводы дали о всемъ знать государю и послали къ нему письма митрополита Іова, вмѣстѣ съ письмомъ самого Исаакія. Во всѣхъ своихъ письмахъ (отъ 24 авг.) митрополитъ просилъ, чтобы Исаакія свободно пропустили въ Москву, дали ему милостыни и вѣрили ему во всемъ, что будетъ говорить, какъ „мужу, тайну царскую могущему сохранити“. О томъ же просилъ въ своемъ письмѣ и Исаакій. Царь далъ приказъ отпустить изъ Путивля въ Москву епископа Исаакія, съ его спутниками. Въ генварѣ 1625 г., 4 числа, Исаакій представлялся царю Михаилу Ѳедоровичу и поднесъ ему деревянный крестъ съ мощами отъ св. горы, да мощи св. великомученицы Варвары, и получилъ государева жалованья: сребропозлащенный кубокъ съ крышкою, 12 аршинъ камки, 13 аршинъ обьяри багровой, 40 соболей и 35 рублей деньгами. Въ февралѣ, 10 числа, представлялся патріарху Филарету

и поднесъ ему св. мyро и греческую книгу—житія святыхъ, а отъ него получилъ образъ, обложенный серебромъ, сребропозлащенный кубокъ, 12 аршинъ камки, 40 соболей и 25 рублей деньгами. Да кромѣ того выпросилъ для своего будущаго монастыря богослужебныя книги: напрестольное евангеліе, апостолъ, служебникъ, октоихъ и тріоди, постную и цвѣтную. По другому, болѣе важному дѣлу, о которомъ поручено было Исаакію доложить царю и патріарху только на словахъ, Исаакій имѣлъ бесѣду, 14 генваря, на казенномъ дворѣ, по указу государеву, съ княземъ Иваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ да съ думнымъ дьякомъ Грамотинымъ. Исаакію было поручено, какъ объяснялъ онъ боярамъ, бить челомъ великому государю, чтобы онъ принялъ Малороссію подъ свою высокую руку и защитилъ ее отъ поляковъ. Но бояре, отвѣчали Исаакію: „изъ твоихъ рѣчей видно, что мысль эта въ васъ самихъ еще не утвердилась и не окрѣпла между вами, и что казаковъ не будетъ столько, чтобы они одни могли стоять противъ поляковъ, да къ томужъ весною казацкое войско собирается итти моремъ на турокъ: такъ теперь царскому величеству этого дѣла начать нельзя. Но если и впередъ вамъ будетъ утѣсненіе въ вѣрѣ отъ поляковъ, а у васъ противъ нихъ будетъ соединеніе и укрѣпленіе, тогда вы дайте знать царскому величеству и святѣйшему патріарху, и они будутъ о томъ мыслить, какъ бы православную вѣру и церкви Божіи и васъ всѣхъ отъ еретиковъ въ избавленьи видѣть“. Исаакій сказалъ: „у насъ та мысль крѣпка; мы всѣ царской милости рады и подъ государевою рукою быть хотимъ; объ этомъ совѣтоваться между собою будемъ, но теперь боимся, если поляки на насъ

наступятъ скоро, то намъ, кромѣ государской милости, дѣться негдѣ. Если митрополитъ, епископы и войско запорожское прибѣгнутъ къ царской милости и поѣдутъ на государево имя, то государь ихъ пожаловалъ бы, отринуть не велѣлъ, а имъ, кромѣ государя, дѣться негдѣ". Такимъ образомъ предложеніе, привезенное Исаакіемъ, въ Москвѣ найдено телько преждевременнымъ, но не было отвергнуто. Исаакію дано даже обѣщаніе помощи, и онъ (23 февр.) отпущенъ былъ съ честію. Государь пожаловалъ ему еще три сорока соболей, цѣною на сто рублей, и поручилъ доставить митрополиту Іову пять сороковъ соболей на триста рублей, а патріархъ послалъ чрезъ Исаакія на благословеніе Іову образъ пресв. Богородицы въ серебропозлащенномъ окладѣ съ каменьями ([254]).

Послѣ этого сношенія западно-русскаго духовенства съ Москвою не только не прекращались, но еще усиливались. Въ

([254]) Моск. главн. архив. министер. иностр. дѣлъ, дѣла греческія, годъ 7130, № 1; Связк. 2, № 10; дѣла малороссійскія, годъ 1622, дек. 6; годъ 1625, февр., № 1. Епископъ Исаія, между прочимъ, писалъ къ царю: «Не имамы, къ кому прибѣгнути; царей и князей и боляръ благочестивыхъ не имамы; всѣ отступницы отъ благочестивой вѣры нашей: едины ляхи, вторыи унеяты, третіи сынове еретичестіи; отовсюду обстоятъ ны скорби и гоненія... Только всѣ мы, благочестивые, въ маленькомъ кутку тѣснимося на Украинѣ въ землѣ кіевской, колько насъ особъ святительскихъ, которыхъ посвятилъ святѣйшій патріархъ іерусалимскій Θеофанъ» (дѣла малоросс., годъ 1622, дек. 6). Епископъ Исаакій луцкій въ письмѣ къ царю, сохранившемся въ подлинникѣ, говорилъ: «унѣтове и отступницы вѣры святой восточной, съ царемъ ихъ и гонителемъ на благочестіе наше, изгнаша насъ отъ столицъ нашихъ епископскихъ, и посадиша своихъ законопреступныхъ, и жити намъ въ благочестіи не допускаютъ». Затѣмъ сообщалъ свѣдѣнія о себѣ, что онъ прожилъ семь лѣтъ при Мелетіѣ, патріархѣ александрійскомъ, пятнадцать лѣтъ на аѳонѣ и проч. (Тамъ же, дѣла малороссійскія, граматы и письма, 1624 г., № 1). Всѣ три письма митрополита Іова, присланныя съ епископ. Исаакіемъ, также сохранились въ подлинникахъ (тамъ же, дѣла малоросс., граматы и письма, 1624 г., №№ 2. 3. 4).

началѣ 1625 года (30 генв.) присылалъ сюда за милостынею перемышльскій епископъ Исаія Копинскій старцевъ изъ своихъ монастырей, ладинскаго, прилуцкаго и лубенкаго, и письмами своими благодарилъ царя и патріарха за пожалованные ему прежде три сорока соболей. Въ октябрѣ тогоже года прибылъ въ Москву владимірскій епископъ Іосифъ Курцевичъ, оставшійся здѣсь навсегда, и къ нему вскорѣ прибыли, въ качествѣ его послушниковъ, нѣсколько иноковъ изъ разныхъ западныхъ монастырей. Къ концу тогоже октября присылалъ къ царю Михаилу Ѳедоровичу изъ города Галича строителя Спиридона львовскій епископъ Іеремія Тисаровскій съ жалобою на притѣсненія отъ поляковъ и съ просьбою о милостынѣ. Примѣру своихъ владыкъ подражали и западно-русскіе монастыри. Изъ нѣкоторыхъ монастырей приходили въ Москву иноки съ тѣмъ, чтобы навсегда остаться въ какомъ либо великороссійскомъ монастырѣ, и, съ дозволенія государя, оставались. Такіе пришельцы были: въ ноябрѣ 1624 года—іеромонахъ и три монаха изъ прилуцкаго густинскаго монастыря; въ ноябрѣ слѣдующаго года—старецъ изъ кіево-печерскаго монастыря; въ іюлѣ 1626 г.—шесть старцевъ изъ лубенкаго мгарскаго монастыря. Большею частію западные монастыри присылали въ Москву за милостынею. Съ этою цѣлію приходили старцы: въ генварѣ 1626 года—изъ спасскаго бѣжецкаго монастыря; въ маѣ тогоже года — изъ почаевскаго монастыря; въ генварѣ 1627 г.—изъ чигиринскаго монастыря, а въ февралѣ—изъ монастырей трехтемировскаго и каневскаго; въ мартѣ 1628 г.—изъ монастырей виленскаго свято-духовскаго и галичскаго скитскаго. Такимъ образомъ, мало по малу, устроялось и утвержда-

лось сближеніе православныхъ западно-русскаго края съ православными московскаго государства (255).

Ненапрасно епископъ Исаакій Борисковичъ выражалъ въ Москвѣ опасеніе, какъ бы поляки не наступили скоро на Украйну. Въ сентябрѣ тогоже 1625 года польскій гетманъ Станиславъ Конецпольскій дѣйствительно вступилъ въ нее съ 30000 своего войска и съ 3000 нѣмцевъ,—и между русскими пронеслась вѣсть, что гетманъ пришелъ уменьшить запорожское войско и ввести въ Кіевѣ и другихъ городахъ латинскую вѣру, вмѣсто православной. Разоривъ нѣсколько казацкихъ поселеній, Конецпольскій 26 октября нанесъ казакамъ сильное пораженіе, такъ что они увидѣли себя въ необходимости, избравъ себѣ новаго гетмана Михаила Дорошенку, вступить съ поляками въ переговоры. Составилась коммисія, которая, въ числѣ другихъ обвиненій противъ казаковъ, выставляла и то, что они принимаютъ къ себѣ изъ Турціи духовныхъ и разныхъ обманщиковъ, каковъ былъ патріархъ Ѳеофанъ, и вопреки королевской власти посадили себѣ новыхъ владыкъ и митрополита при жизни старыхъ; еще и то, что они недавно въ Кіевѣ схватили

(255) Москов. главн. архив. министер. иностр. дѣлъ, дѣла греч., Связс. 3, №№ 3. 4; Связк. 4, №№ 3. 4. 6. 7. 10. 11. 16. 18; Связк. 5, №№ 9. 13. 14; Связк. 6, № 12. Подлинныя письма епископа Исаіи Копинскаго къ царю и патріарху отъ 19 генв. 1625 г., гдѣ Исаія, попрежнему, называетъ себя экзархомъ,—въ томъ же архивѣ, дѣла малоросс., граматы и письма, 1625 г., №№ 7. 8. Въ 1626 г. изъ лубенскаго мгарскаго монастыря вышли не шесть только старцевъ, которые и приняты въ Москву, а десять, и епископъ Исаія Копинскій писалъ (отъ 21 мая 1626 г.) путивльскимъ воеводамъ, чтобы этихъ бѣглецевъ, измѣнниковъ и попирателей закона Божія возвратили, и впредь таковыхъ не принимали, и подъ письмомъ подписался: «Ісаія Копинской, Божіею милостію, епископъ и экзархъ патріаршій» (тамъ же, малоросс. дѣла, грам. и письма, год. 1626, № 19).

войта, человѣка добраго, и мѣщанъ, заключили ихъ въ тюрьму, умертвили попа (уніатскаго), отняли землю у монастыря (уніатскаго). Казаки на это отвѣчали: „о патріархѣ и духовныхъ нашихъ король давно знаетъ; мы и духовные наши предъ нимъ оправдались... Что же касается войта кіевскаго и попа и другихъ: то, видя, какія притѣсненія терпятъ церкви наши старой греческой религіи въ княжествѣ литовскомъ, на Бѣлой Руси, на Волыни и Подолѣ, какъ не позволяютъ духовнымъ нашимъ отправлять въ нихъ богослуженіе, выгоняютъ ихъ изъ приходовъ, отдаютъ во власть уніатовъ, остерегаясь, чтобы и намъ тогоже не было, видя, что, по поводу этого попа, войтъ въ Кіевѣ не только церкви печатаетъ, доходы отнимаетъ, но и митрополита и насъ ругаетъ, видя все это, могли ли мы терпѣть? Отдаемъ на разсужденіе вашихъ милостей. А земля, взятая у монастыря кіевскаго, принадлежала церкви св. Василія, а не ему“. Переговоры кончились тѣмъ, что число реэстровыхъ казаковъ было крайне уменьшено и ограничено только 6000-ми, и казаки обязались не сами избирать себѣ старшаго или гетмана, а повиноваться тому старшинѣ, котораго будетъ назначать имъ изъ ихъ же среды король или, по волѣ короля, гетманъ коронный, хотя все это выполнялось недолго (Соловьев. X, 96—101). Надежда православныхъ на защиту отъ казачества должна была сильно поколебаться.

Оставалось у нихъ одно, послѣднее средство искать себѣ законной защиты, въ которой, впрочемъ, они давно уже извѣрились, именно искать ее на вальныхъ сеймахъ. Въ февралѣ 1626 г. казаки отправили на сеймъ въ Варшаву четырехъ своихъ пословъ просить, чтобы король, вспомнивъ ихъ прежнія заслуги, успокоилъ ихъ старожитную греческую вѣру; но на

сеймѣ не было дано на эту просьбу никакого отвѣта. Сеймъ 1627 года оказался болѣе внимательнымъ къ православнымъ и, по крайней мѣрѣ, повторилъ старое, избитое рѣшеніе: „такъ какъ на теперешнемъ сеймѣ, по краткости времени, вѣра греческая не могла быть успокоена, то отлагаемъ это до другаго сейма; а между тѣмъ утверждаемъ, чтобы обѣ стороны (т. е. православные и уніаты) были сохраняемы въ покоѣ“. На сеймахъ трехъ слѣдующихъ годовъ касательно вѣры православной не было ничего постановлено, хотя православные, какъ и прежде, посылали туда своихъ пословъ съ своимъ обычнымъ ходатайствомъ. Наконецъ, на сеймѣ 1631 года, бывшемъ къ концу генваря, еще разъ, и уже въ послѣдній при жизни короля Сигизмунда III, было повторено: „хотя мы всегда того желаемъ, чтобы люди, разрозненные между собою въ греческой вѣрѣ, когда нибудь могли быть примирены; но какъ на нынѣшнемъ сеймѣ, ради важныхъ Рѣчи посполитой дѣлъ, достигнуть этого было невозможно, то мы отлагаемъ то до будущаго сейма. А теперь, возобновляя прежнія о семъ конституціи, утверждаемъ настоящею конституціею покой для обѣихъ сторонъ, какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ людямъ всякаго званія и состоянія, какъ въ Коронѣ, такъ и въ вел. княжествѣ литовскомъ“ ([256]). Всѣ такія рѣшенія сеймовъ и короля были одною пустою проволочкою дѣла и обманомъ, ничего не рѣшали и никого не успокоивали, ни православныхъ, ни уніатовъ. Вслѣдствіе чего столкновенія между тѣми и другими не прекращались. Въ Кіевѣ церковь св. Василія и ея земли, отнятыя каза-

([256]) Вилен. Археол. Сборн. VII, № 57; Архив. юго-западн. Россіи, ч. II, т. I, № 14; Volumina Legum, III, p. 263, 320; *Бантышъ-Каменск.* Истор. Изв. объ Уніи, подъ 1627 и 1631 г.

ками у уніатовъ, были возвращены имъ въ февралѣ 1626 года, по рѣшенію королевской коммисіи; но черезъ полгода сынъ уніатскаго священника этой церкви, убитаго казаками, по имени Моусей, будучи самъ священникомъ православнымъ, сдѣлалъ на нее, съ нѣсколькими другими лицами, нападеніе, завладѣлъ ею и ея имѣніями, и отправлялъ въ ней православное богослуженіе до 1628 года, когда, по жалобѣ митрополита Рутскаго, былъ позванъ въ трибунальный судъ. Въ Могилевѣ, неизвѣстно въ какомъ году, но уже при архіепископѣ Антоніѣ Селявѣ, намѣстникъ его, игуменъ спасскаго монастыря Гервасій Гостиловскій со всею братіею, нѣсколько разъ приносилъ жалобу старостѣ могилевскому, канцлеру Льву Сапѣгѣ на бурмистровъ, райцевъ, лавниковъ и на всѣхъ мѣщанъ, что они сопротивляются волѣ короля, не хотятъ слушать своего отца Антонія Селяву, архіепископа, назначеннаго и присланнаго королемъ, а признаютъ своимъ архипастыремъ Мелетія Смотрицкаго, незаконно поставленнаго лжепатріархомъ Ѳеофаномъ, безъ королевскаго позволенія. И Сапѣга, въ бытность свою въ Могилевѣ, какъ самъ говоритъ, властію могилевскаго старосты напоминалъ властямъ и жителямъ города, что, поступая такъ, они противятся волѣ и распоряженіямъ короля ([257]). Въ Пинскѣ граждане также не хотѣли повиноваться уніатскому епископу Григорію, и въ началѣ 1627 года распечатали церковь св. Ѳеодора, запечатанную печатью Рутскаго, разбили на ней замокъ, и толпами собирались въ нее на богослуженіе, которое совершалъ православный священникъ Каминскій. Король, по

([257]) *Лебединцев.* Матер. для истор. кіев. митрополіи, стр. 59—69; Вилен. Арх. Сборн. II, № 30. Годъ этой послѣдней граматы—1621-й показанъ невѣрно: Селява въ томъ году еще не былъ архіепископомъ полоцкимъ.

жалобѣ Григорія, издалъ (5 марта 1627) приказъ бурмистрамъ, райцамъ, лавникамъ и всѣмъ мѣщанамъ пинскимъ, чтобы они не возмущались противъ своего епископа, не отнимали церквей изъ-подъ его власти, не держали и не скрывали у себя поповъ, ему непокорныхъ, и не дозволяли этимъ попамъ въ отнятыхъ церквахъ совершать богослуженіе. Дѣло тянулось до августа 1631 года, когда церковь св. Ѳеодора въ Пинскѣ была, наконецъ, отобрана у гражданъ и передана уніатскому епископу. Въ пинскомъ повѣтѣ владѣлецъ села Пинковичей и подстароста пинскій Николай Ельскій держалъ у себя православнаго священника Аввакума Петровича, проклятаго уніатскими архіереями и осужденнаго на банницію, который и отправлялъ въ томъ селѣ церковныя службы. По жалобѣ пинскаго уніатскаго епископа, владѣлецъ этотъ потребованъ былъ королевскою граматою отъ 20 марта 1627 года въ задворный судъ. Въ Вильнѣ монахи свято-троицкаго монастыря, по приказанію и при участіи своего старшаго ксендза Игнатія Дидриховича, вмѣстѣ со всѣми другими лицами, духовными и свѣтскими, жившими въ монастырѣ, пригласивъ еще себѣ на помощь множество сторонних людей, сдѣлали въ 1629 г., вечеромъ на праздникъ Богоявленія, открытое нападеніе на свято-духовскій монастырь, стрѣляли и бросали камни въ ворота, стѣны, окна и на дворъ монастыря, поранили камнемъ въ голову слуцкаго протопопа Андрея Мужиловскаго, находившагося здѣсь для богомолья, и причинили монастырю много вреда; но, не успѣвъ ворваться въ самый монастырь и произвесть въ немъ разореніе и опустошеніе, кричали съ угрозами, что будутъ всегда и вездѣ нападать на всякихъ людей, духовныхъ и свѣтскихъ, старожитной греческой вѣры, безчестить ихъ, бить и убивать. На это

тогда же принесли жалобу старшій или настоятель духова монастыря Іосифъ Бобриковичъ и старосты братства Янъ Огинскій, державца кормяловскій, и Лаврентій Древинскій, чашникъ земли волынской, какъ сами отъ себя, такъ и отъ имени всѣхъ князей, шляхты, рыцарства и людей посполитыхъ старожитной вѣры греческой ([258]).

Въ виду подобныхъ столкновеній, продолжавшихся уже много лѣтъ и тяжело отзывавшихся не на однихъ православныхъ, но часто и на уніатахъ, а всегда нарушавшихъ общественное спокойствіе, и испробовавъ всѣ средства принужденія и насилія для подавленія православія и распространенія уніи, вожди и покровители послѣдней не могли не сознавать, что одними этими средствами имъ не достигнуть своей цѣли, и что нужно подумать о другихъ мѣрахъ, чуждыхъ насилія, нужно попытаться, какъ бы войти съ православными въ какое либо мирное соглашеніе. И дѣйствительно еще сеймъ 1623 года предлагалъ уніатамъ и православнымъ составить общій соборъ и на немъ спокойно обсудить ихъ взаимныя несогласія и поискать способа къ примиренію. Но православные не согласились и сказали, что соборы нужны тѣмъ, кто сомнѣвается въ вѣрѣ, а они въ своей вѣрѣ не сомнѣваются, и что если быть собору, то на немъ долженъ предсѣдательствовать константинопольскій патріархъ, а не кто либо отъ лица папы. На томъ же сеймѣ нѣкоторые изъ главнѣйшихъ сенаторовъ указывали королю еще другое средство для привлеченія православныхъ, и потомъ, съ согласія короля, совѣтовали уніатскимъ владыкамъ послать въ Царьградъ умнаго

([258]) Вилен. Арх. Сборн. VI, №№ 53—54. 129; Акты Вилен. Археогр. Комм. VIII, № 52. Снес. А. З. Р. IV, № 229.

и ловкаго человѣка. Пусть онъ поживетъ тамъ довольно долго, вывѣдаетъ расположеніе патріарха и вступитъ съ нимъ въ переговоры, чтобы самъ патріархъ убѣдилъ русскихъ въ Литвѣ и Польшѣ примириться съ уніатами на основаніи флорентійской уніи, принятой нѣкогда греками. И такъ какъ патріархъ получаетъ изъ литовской Руси нѣкоторыя выгоды, пусть посланный предложитъ ему разомъ большую сумму денегъ и обѣщаетъ на будущее время щедрую милостыню всѣмъ грекамъ, которые будутъ приходить за нею въ литовско-польскія владѣнія. Наконецъ, пусть объяснитъ патріарху, что если онъ добровольно не поступится своею властію надъ православными въ этихъ владѣніяхъ, то лишится ее невольно: потому что, въ такомъ случаѣ, всѣ уніаты, держащіеся доселѣ восточнаго обряда, оставятъ его, перейдутъ въ латинство и насильно увлекутъ за собою православныхъ. Митрополитъ Рутскій, съ своими архіереями, охотно принялъ этотъ совѣтъ, извѣстилъ о немъ римскую конгрегацію распространенія вѣры и просилъ отъ нея рѣшенія, выражая, съ своей стороны, готовность послать въ Царьградъ надежнаго человѣка. Не знаемъ, что отвѣчала Рутскому конгрегація и былъ ли кто либо посылаемъ въ Царьградъ для переговоровъ съ патріархомъ: во всякомъ случаѣ проэктъ этотъ не имѣлъ успѣха ([259]). Въ началѣ 1624 года явился уже новый проэктъ. Рутскій созвалъ къ себѣ въ Новогрудокъ своихъ епископовъ и, вмѣстѣ съ ними, составилъ (20 генв.) инструкцію своимъ посламъ, которыхъ намѣревался отправить въ Кіевъ къ православнымъ владыкамъ. Рутскій наказывалъ посламъ: „Объявите имъ отъ лица нашего, что мы имѣемъ горячее желаніе

([259]) Донесеніе м. Рутскаго у *Harasiewicz*,—Annal. eccl. Ruth., p. 261—263.

примириться съ ними, какъ съ нашими братьями и сынами одного и тогоже русскаго народа. Спросите ихъ, искренно ли они желаютъ соединенія съ нами, какъ высказывали многимъ, во многихъ мѣстахъ, даже въ печати. Если дѣйствительно желаютъ, то не могутъ ли съѣхаться съ нами въ опредѣленное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ. Если могутъ, то пусть или сами назначатъ это мѣсто и время и извѣстятъ насъ, или согласятся пріѣхать въ то мѣсто и въ тотъ день, какіе мы назначимъ. Для предполагаемаго съѣзда достаточно будетъ съ нашей и съ ихъ стороны по три лица: по два духовныхъ и по одному свѣтскому. Способъ для нашего взаимнаго примиренія, указываемый многими знатными людьми съ нашей и съ ихъ стороны, состоитъ въ томъ, чтобы учредить въ нашихъ краяхъ, по примѣру московскихъ, постояннаго и самостоятельнаго патріарха, который бы не испрашивалъ себѣ благословенія ни отъ кого. Мы признаемъ этотъ способъ добрымъ и со всѣмъ усердіемъ готовы стараться о немъ: только бъ и они, съ своей стороны, изъявили сердечное желаніе и согласіе дѣйствовать вмѣстѣ съ нами. Да скажите имъ, что все это мы дѣлаемъ не изъ какого либо страха отъ теперешнихъ событій и не изъ боязни за Рѣчь посполитую, но по нашей пастырской заботливости о духовныхъ овцахъ“ ([260]). А между тѣмъ этотъ-то страхъ, по всей вѣроятности, и былъ главною причиною поступка, на который теперь рѣшались уніатскіе архіереи. Насильственная смерть Кунцевича, недавно совершившаяся, безъ сомнѣнія, поразила ихъ болѣе всѣхъ, и они могли ожидать себѣ подобной участи отъ народной ярости, въ случаѣ возстанія казаковъ, которые собирались заступиться за жителей Витебска. Судъ надъ убійцами Кунцевича еще не былъ

([260]) А. З. Р. IV, № 224.

оконченъ, хотя уже происходилъ. И вотъ, чтобы предотвратить отъ себя опасность, уніатскіе владыки и задумали, собравшись у своего митрополита, послать въ Кіевъ къ православнымъ владыкамъ предложеніе о примиреніи. Но лишь только судъ, происходившій въ Витебскѣ, кончился, и сдѣлалось извѣстнымъ, какая грозная кара постигла виновныхъ, и что казаки не явились на защиту ихъ, Рутскій съ своими товарищами пріободрился, и спустя недѣлю писалъ уже (27 генв.), какъ мы видѣли, кардиналу Бандину о тѣхъ самыхъ схизматическихъ архіереяхъ, съ которыми теперь думалъ по-братски примириться, что они-то и виновники всѣхъ народныхъ возмущеній и самой смерти Кунцевича, а потому и должны быть низложены. Отсюда можно заключить, что хотя и сохранилась подлинная инструкція, писанная и подписанная уніатскими владыками, тѣмъ лицамъ, которыхъ они намѣревались послать въ Кіевъ для переговоровъ о вѣрѣ, но этихъ лицъ они не посылали, и проэктъ объ учрежденіи въ западной Россіи патріаршества для объединенія православныхъ и уніатовъ остался только проэктомъ.

Но не одни уніаты желали и пытались достигнуть того, чтобы между ними и православными состоялось какое либо соглашеніе и водворился миръ. Тогоже желали и многіе православные, истомленные продолжительною борьбою съ сильными противниками, которыхъ поддерживалъ самъ король, и уже перетерпѣвшіе отъ нихъ столько преслѣдованій, лишеній и всякаго рода бѣдствій ([261]). И исполнителемъ этого желанія со стороны православныхъ вызвался быть не кто другой, какъ

([261]) *Голубъ*. Матер. для истор. зап.-русск. церкви, № 56, въ Труд. Кіев. Ак. 1878 года.

знаменитѣйшій между ними іерархъ, полоцкій архіепископъ Мелетій Смотрицкій, къ сожалѣнію, увлекшійся гораздо далѣе, чѣмъ слѣдовало бы. При своихъ блестящихъ способностяхъ и обширномъ образованіи, онъ не имѣлъ твердыхъ религіозныхъ убѣжденій, что̀ едвали не болѣе всего зависѣло отъ его воспитанія. Собственно религіозное воспитаніе его совершалось подъ тремя вліяніями: подъ вліяніемъ православія въ дѣтствѣ, подъ вліяніемъ строгаго латинства въ юности и подъ вліяніемъ протестантскихъ идей, когда онъ уже переступалъ предѣлы юности. Самое сильное вліяніе было второе: потому что оно происходило въ тотъ періодъ жизни Мелетія, когда въ немъ пробуждались и укрѣплялись мыслительныя силы; продолжалось во время его пребыванія въ виленской іезуитской академіи, и совершалось такими мастерами своего дѣла, каковы были іезуиты. Оттого и неудивительно, если Мелетій не былъ твердъ въ своей вѣрѣ и постоянно колебался то на одну, то на другую сторону, смотря по обстоятельствамъ, пока, наконецъ, совсѣмъ не отдался латинству. Сначала, когда онъ возвратился изъ заграничныхъ протестантскихъ университетовъ на родину и увидѣлъ, что̀ терпятъ здѣсь его единовѣрцы отъ латинянъ и уніатовъ, въ немъ громко заговорили впечатлѣнія дѣтства, и онъ написалъ въ защиту православныхъ лучшее изъ своихъ сочиненій „Плачь“, въ которомъ поражалъ папство съ такою безпощадностію, какую только могъ пріобрѣсть среди ученыхъ протестантовъ. Потомъ, лишь только прочиталъ двѣ латинскія книги, написанныя противъ этого сочиненія, онъ уже поколебался, и, поселившись въ виленскомъ свято-духовомъ монастырѣ, вошелъ въ сношенія съ уніатами и іезуитами, высказывалъ имъ полную склонность къ уніи и даже написалъ два сочиненія въ латинскомъ

духѣ, оставшіяся, впрочемъ, неизданными. Когда иноки свято-духова монастыря, видя такое непостоянство Мелетія, прямо объявили ему, чтобы онъ или оставилъ ихъ, или, если дѣйствительно желаетъ быть православнымъ инокомъ, принималъ монашество, и Мелетій избралъ послѣднее,—онъ снова сдѣлался защитникомъ православія и весьма рѣзко нападалъ на уніатовъ, особенно въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя издавались въ 1621 г. отъ имени свято-духовскаго братства. Но замѣчательно, въ одномъ изъ нихъ, именно въ „Оправданіи невинности“, онъ уже сочувственно отзывался о флорентійской уніи. Въ томъ же году Мелетій рѣшился на весьма важное дѣло. Всѣ неправославные христіане, жившіе въ Литвѣ и Польшѣ, имѣли свои катихизисы; одни православные не имѣли своего, т. е. не имѣли такого руководства, даннаго церковію, которымъ бы могли повѣрять свои мнѣнія о догматахъ вѣры и котораго могли бы держаться въ своихъ спорахъ съ иновѣрцами. Оттого въ сужденіяхъ о нѣкоторыхъ предметахъ вѣры православные писатели нерѣдко разногласили между собою и впадали въ ошибки, не имѣя возможности сослаться на ясное и положительное ученіе своей церкви. Мелетій захотѣлъ пособить этому горю своихъ единовѣрцевъ, взялся написать для нихъ катихизисъ, который и кончилъ въ 1623 году. Но какъ и Мелетій не имѣлъ предъ собою подробнаго православнаго руководства для повѣрки своихъ мыслей, и о нѣкоторыхъ предметахъ долженъ былъ говорить только по своему крайнему разумѣнію и убѣжденіямъ, то и написалъ катихизисъ почти совершенно латинскій или уніатскій. Этотъ-то катихизисъ, еслибы онъ былъ изданъ и распространенъ въ народѣ подъ именемъ православнаго, и предназначался быть надежнымъ средствомъ для примиренія право-

славныхъ съ уніатами. Но Мелетій зналъ, что катихизисъ его не можетъ быть изданъ, пока не будетъ одобренъ высшею церковною властію. И потому, отъѣзжая на востокъ, объявилъ митрополиту Іову и другимъ, что отправляется туда съ цѣлію провѣрить и исправить тамъ свой катихизисъ по греческимъ сочиненіямъ и представить его на разсмотрѣніе вселенскаго патріарха Кирилла Лукариса. А на одобреніе этого патріарха Мелетій очень расчитывалъ: потому что имѣлъ у себя письмо Лукариса, которое онъ, будучи еще патріаршимъ экзархомъ, якобы оставилъ (24 генв. 1601 г.) во Львовѣ на имя арцибискупа львовскаго Димитрія Суликовскаго, и въ которомъ, порицая протестантовъ, какъ еретиковъ, хвалилъ латинянъ и говорилъ, что восточная церковь и римская почти во всемъ согласны между собою ([262]). Митрополитъ Іовъ, не зная ни катихизиса, ни тайныхъ намѣреній Смотрицкаго, съ полнымъ сочувствіемъ отпустилъ его въ греческую землю и возложилъ на него нѣкоторыя порученія отъ себя для представленія патріарху.

Въ Константинополѣ ожидало Смотрицкаго совершенное разочарованіе. Онъ представился патріарху Кириллу Лукарису и засвидѣтельствовалъ предъ нимъ отъ себя и отъ лица всей западно-русской церкви должную покорность и уваженіе. Но потомъ, когда завелъ рѣчь о предметахъ вѣры и, открывая патріарху свои недоумѣнія, свое желаніе прочесть, для разумленія себя, болѣе замѣчательныхъ греческихъ богослововъ, спросилъ о сочиненіяхъ константинопольскаго патріарха Ген-

([262]) Письмо это напечатано у *Малышев.*: Мелетій Пигасъ, II, прил. I, стр. 159—163. Подлинность письма этого подвергаютъ сомнѣнію (*Kraszewsk.* Wilno IV, 72).

надія Схоларія относительно разностей между восточною и западною церковью (Мелетій, конечно, разумѣлъ тѣ подложныя сочиненія, совершенно уніатскія, которыя подъ именемъ Геннадія были издаваемы и распространяемы іезуитами и уніатами въ Литвѣ и Польшѣ), и еще о четырехъ книгахъ догматическаго богословія, написанныхъ патріархомъ александрійскимъ Мелетіемъ, Лукарисъ отвѣчалъ, что изъ сочиненій Геннадія сохранился только одинъ трактатъ объ исхожденіи Св. Духа, да и тотъ испорченный, а четыре книги Мелетія о догматахъ вѣры всѣ сожжены послѣ его смерти, по его завѣщанію. Мелетій выпросилъ тогда у Лукариса, для прочтенія, его собственный катихизисъ; но, къ изумленію своему, нашелъ здѣсь совсѣмъ не то, чего ожидалъ: увидѣлъ, какъ самъ, по крайней мѣрѣ, удостовѣряетъ, что Лукарисъ—врагъ не протестантства, а латинской церкви, что онъ допускаетъ только два таинства изъ семи, признаетъ молитвы за умершихъ безполезными и ненужными, отвергаетъ частный судъ и проч. Послѣ этого Смотрицкій о своемъ катихизисѣ не смѣлъ ужь и заикнуться предъ патріархомъ. Надобно замѣтить, что въ Константинополѣ и вообще на востокѣ тогда сильно дѣйствовала какъ латинская, такъ и протестантская, пропаганда; іезуиты и протестанты имѣли уже тамъ свои школы, своихъ послѣдователей, и вели между собою жаркую борьбу, и патріархъ Лукарисъ, видя крайне вредное вліяніе іезуитовъ среди своей паствы, всячески старался имъ противодѣйствовать и вытѣснить ихъ изъ столицы,—за что они и величали его ученикомъ Лютера и Кальвина. Изъ Константинополя, 17 августа 1624 г., Смотрицкій отправился въ Іерусалимъ, куда и прибылъ 29 августа, и гдѣ намѣревался оставаться до слѣдующей Пасхи, какъ извѣщалъ

митрополита Іова Борецкаго. Здѣсь Мелетій посѣтилъ всѣ св. мѣста, часто совершалъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ, молясь за своихъ соотечественниковъ, бесѣдовалъ съ патріархомъ Ѳеофаномъ и другими, во все всматривался, все старался узнать, и также совершенно разочаровался. Онъ нашелъ вездѣ крайнее невѣжество, крайній упадокъ православія и нравственности, и увидѣлъ слѣды латинства не только между мірянами, но и между православными іерархами. На возвратномъ пути онъ снова заѣхалъ въ Константинополь; но не остановился въ немъ, по случаю мороваго повѣтрія, хотя и нашелъ возможность неоднократно видѣться съ патріархомъ на короткое время за чертой города ([263]).

Въ отечество возвратился Мелетій, послѣ двухлѣтняго отсутствія къ концу 1625-го или въ самомъ началѣ слѣдующаго года, и былъ встрѣченъ единовѣрцами съ величайшею непріязнію. Дѣло въ томъ, что еще до возвращенія его, игуменъ дубенскихъ монастырей Кассіанъ Саковичъ распространилъ между ними молву о тѣхъ замыслахъ противъ православной церкви, съ какими отправлялся Мелетій на востокъ. Мелетія тотчасъ начали допрашивать, за чѣмъ онъ ѣздилъ, и не хотѣли вѣрить никакимъ его объясненіямъ. А когда сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ привезъ съ собою грамату константинопольскаго патріарха и собора, по которой всѣ ставропигіальные монастыри и братства, кромѣ львовскаго и виленскаго, лишались своихъ ставропигіальныхъ правъ и подчинялись власти епархіальныхъ архіереевъ—въ этомъ-то, вѣроятно, и состояло порученіе, какое

([263]) О времени прибытія Смотрицкаго въ Іерусалимъ—у *Голубев.* Матер. для ист. зап.-русск. церкви, № 41. О всемъ прочемъ, на основаніи «Апологіи» самого Смотрицкаго,—у *Суши*, Saulus et Paulus, p. 27—33.

давалъ митрополитъ Іовъ Мелетію,—тогда волненіе противъ Мелетія еще болѣе усилилось. Обиженныхъ этою граматою нашлось слишкомъ много, и его, какъ самъ онъ выразился въ одномъ письмѣ, „только-что не распяли“. А Захарій Копыстенскій, архимандритъ кіевской лавры, издавна считавшейся ставропигіею, распорядился, чтобы ни одинъ изъ кіевскихъ монастырей не давалъ Мелетію квартиры. Возбужденіе недовольныхъ простерлось и на митрополита Борецкаго, и кто-то, неизвѣстный, написалъ и распространилъ между православными брошюру, въ которой, попирая ногами листы, присланные патріархомъ чрезъ Смотрицкаго, прямо называлъ Борецкаго и Смотрицкаго отступниками. Къ счастію, скоро представился имъ случай опровергнуть эту клевету. Въ недѣлю православія (26 февр. 1626 г.) они, при многочисленномъ стеченіи духовенства, дворянства, кіевскихъ городскихъ властей, церковнаго братства и народа, показали несомнѣнные знаки своей невинности и вѣрности православію, совершивъ торжественный обрядъ анаѳематствованія на всѣхъ отступниковъ и еретиковъ. Но и послѣ этого волненіе не унималось, и потому митрополитъ призналъ нужнымъ разослать (9 мая) окружную грамату, въ которой снова защищалъ себя и Смотрицкаго противъ клеветы неизвѣстнаго писателя, удостовѣрялъ всѣхъ, что какъ доселѣ они неизмѣнно держали восточное исповѣданіе, такъ и впредь держать будутъ, что они не имѣли никакихъ сношеній съ отступниками, и что ничего не предпримутъ безъ воли всей православной церкви. Положеніе Смотрицкаго было весьма тяжелое; онъ проживалъ внѣ Кіева въ межигорскомъ монастырѣ, откуда и писалъ (29 авг.) игуменьѣ виленскаго женскаго монастыря, существовавшаго при свято-духовскомъ мужскомъ,

Александрѣ Куликовской, что напасти, обрушившіяся на него отъ лжебратій, превосходятъ его терпѣніе, и отъ оклеветанія онъ находился доселѣ какбы въ забытьи, что только теперь отчасти утихло волненіе, и онъ пришелъ въ себя и проч. Изъ тогоже письма видно, что Мелетій писалъ тогда и ко всему виленскому свято-духовскому братству (264). Но возвратиться въ свой свято-духовскій монастырь онъ уже почему-то не рѣшился, а задумалъ искать себѣ другаго монастыря—дерманскаго. Для этого въ послѣдніе мѣсяцы 1626 года Мелетій обратился къ князю Янушу Заславскому, воеводѣ волынскому, отцу брацлавскаго воеводы князя Александра Заславскаго, во владѣніяхъ котораго находился дерманскій монастырь. Александръ былъ ярымъ католикомъ. Янушъ ходатайствовалъ за Смотрицкаго предъ сыномъ. Случилось такъ, что въ домѣ Александра находился тогда митрополитъ Рутскій, у котораго Александръ и спросилъ мнѣнія. Рутскій отвѣчалъ, что Смотрицкій—злой схизматикъ и отлученъ имъ отъ церкви, и что тогда только можно дать ему дерманскій монастырь, если онъ приметъ унію. Спустя нѣсколько времени явился къ князю Александру въ городъ Дубны и самъ Смотрицкій съ своею просьбою, и на предложеніе князя

---

(264) *Голубев.* Матер. для истор. западно-русск. церкви, №№ 43. 45. 46 и примѣч. къ нимъ. Митрополитъ Іовъ въ письмѣ своемъ къ царю Михаилу Ѳедоровичу отъ 1 марта 1627 г., передавая ему разныя извѣстія, между прочимъ, писалъ: «вселукавый врагъ, съ своими горделивыми языки и лжу глаголющими устнами, обтече всѣхъ православныхъ, Іева Борецкаго, митрополита православнаго кіевскаго, и Мелентья Смотрицкаго, архіепископа полоцкого, блядяй отступити св. восточнаго православія и уклонитися къ западной новосѣченнѣй прелести,—еже никогда же и въ помышленіяхъ нашихъ бяше.... Вѣмъ, яко и вашей высокой православней державе смута сія и соблазна возможе о насъ доити; но темная лжа, благодатію Христовою и несомнѣнною, яже въ насъ къ востоку, вѣрою, безъ вѣсти бысть и помрачися»... (Москов. глав. арх. М. И. Д., дѣла малоросійскія, год. 1627, март. 12, № 1).

принять унію тотчасъ выразилъ свое согласіе. Но лишь только Смотрицкій уѣхалъ, князь послалъ вслѣдъ ему обширное письмо (отъ 19 февр. 1627 г.), въ которомъ, напоминая ему его непостоянство, какъ и прежде онъ давалъ обѣщанія уніатамъ и не исполнялъ, напротивъ преслѣдовалъ ихъ своими рѣзкими сочиненіями, настоятельно требовалъ, чтобы Мелетій далъ теперь письменное обязательство исполнить свое слово. Мелетій немедленно возвратился къ князю, сознался предъ нимъ во всѣхъ прежнихъ своихъ винахъ и клятвенно удостовѣрилъ, что готовъ принять унію непосредственно отъ самого митрополита Рутскаго, котораго и просилъ о томъ увѣдомить. Князь обо всемъ написалъ Рутскому (23 февр.) и обѣщался извѣстить его, какъ только Смотрицкій возвратится изъ Кіева, куда теперь отправился,—а отправлялся онъ туда съ цѣлію упросить митрополита Іова, чтобы онъ созвалъ въ Кіевѣ соборъ на 8-е сентября. Получивъ извѣстіе о возвращеніи Смотрицкаго въ Дубны, Рутскій, находившійся тогда въ Люблинѣ на трибунальномъ сеймѣ, внезапно оставилъ сеймъ, поспѣшилъ въ Дубны и, прибывъ туда раннимъ утромъ 6-го іюля, тайно проведенъ былъ въ замокъ князя. Здѣсь Смотрицкій произнесъ передъ уніатскимъ митрополитомъ исповѣданіе вѣры по обычной формулѣ, установленной для обращающихся къ латинству грековъ, самъ переписалъ свое исповѣданіе и укрѣпилъ собственноручною подписью, и Рутскій разрѣшилъ его отъ анаѳемы и принялъ въ лоно своей церкви. Тотчасъ объ этомъ отправлены были письма въ Римъ къ папѣ и кардиналу Бандину, какъ отъ самого Смотрицкаго, такъ и отъ Рутскаго и отъ князя Александра. До полученія изъ Рима отвѣта, Рутскій дозволилъ Смотрицкому скрывать его обращеніе къ уніи, и, по прежнему, называться

архіепископомъ полоцкимъ и во время богослуженія поминать имя патріарха и посвящать схизматическихъ священниковъ ([265]).

Здѣсь кстати замѣтимъ и о двухъ другихъ, довольно чувствительныхъ потеряхъ православной церкви, случившихся почти въ тоже самое время,—о совращеніи въ унію еще двухъ ученыхъ людей: Кассіана Саковича и Кирилла Транквилліона-Ставровецкаго. Саковичъ, носившій въ мірѣ имя Каллиста, былъ сыномъ православнаго священника въ Подтеличѣ и получилъ высшее образованіе въ академіяхъ краковской и замойской. По окончаніи своего ученія, занималъ нѣсколько времени должность домашняго учителя у Адама Киселя, и потомъ поступилъ въ кіево-братскій богоявленскій монастырь, гдѣ и принялъ, не прежде 1620 г., постриженіе въ монашество съ именемъ Кассіана, а около 1622 года былъ уже ректоромъ братскаго училища. Князь Александръ Острожскій-Заславскій, единственно по вниманію къ учености Кассіана, далъ ему игуменство надъ двумя православными монастырями въ Дубнѣ, хотя онъ былъ еще простымъ инокомъ. Но когда, въ 1626 г., митрополитъ Рутскій посѣтилъ князя Александра и началъ убѣждать его, чтобы онъ, какъ добрый католикъ, предоставлялъ православные монастыри въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ только тѣмъ, которые согласятся принять унію, Александръ пригласилъ Саковича побесѣдовать съ Рутскимъ. Эти бесѣды повторялись нѣсколько разъ и окончились тѣмъ, что Саковичъ, не желая разстаться съ дубенскими монастырями, которыми уже владѣлъ, согласился измѣнить православію, и тутъ же, въ домѣ князя Заславскаго, присоединенъ былъ къ уніатской церкви самимъ

([265]) *Сушa*, Saulus et Paulus, p. 35—69; Донесеніе папѣ у *Коялович*. Литов. церк. Унія, II, примѣч. 214, стр. 362—365.

митрополитомъ, а вслѣдъ за тѣмъ возведенъ и въ санъ дубенскаго архимандрита. Это совершилось незадолго до подобнаго же отпаденія въ унію Мелетія Смотрицкаго. По принятіи уніи, Саковичъ сдѣлался открытымъ врагомъ православной церкви, много и злобно писалъ противъ нея, хотя подъ конецъ своей жизни измѣнилъ и уніи и рѣзко порицалъ уніатовъ, принявъ латинство ([265]). Извѣстный уже намъ іеромонахъ Кириллъ Транквилліонъ-Ставровецкій, авторъ „Зерцала богословія“ (1618 г.) и „Учительнаго Евангелія“ (1619), перешелъ въ унію, кажется, преимущественно изъ-за этихъ самыхъ книгъ. Уже въ предисловіи къ послѣдней книгѣ онъ говорилъ, что едва только онъ рѣшился напечатать ее, какъ нѣкоторые малосмысленные изъ православныхъ возстали на него и повсюду распространяли противъ него и противъ его книги „укоризны, поношенія, смѣхотворенія и навѣты оболганія“, дерзали даже отлучать его отъ общества правовѣрныхъ и причисляли къ нечестивымъ еретикамъ; но выражалъ увѣренность, что люди, украшенные разумомъ духовнымъ и просвѣщеннымъ умомъ, когда внимательно прочтутъ это писаніе, то найдутъ тамъ истину, а не еретическое ученіе. Не добрый отзывъ получилъ Кириллъ и о другой своей книгѣ — „Зерцалѣ богословія“ отъ славившагося своимъ разумомъ духовнымъ схимонаха Іова, основателя скитской обители въ Угорникѣ (въ Галиціи). Къ нему самъ Кириллъ посылалъ эту книгу для просмотра, вмѣстѣ съ краткимъ извлеченіемъ изъ нея или исповѣданіемъ вѣры, положен-

---

([265]) О Кассіанѣ Саковичѣ и его сочиненіяхъ — у *Вишневскаго*, Historia Literat. Polskiej, VIII (въ русск. переводѣ, въ Кіев. Епарх. Вѣдом. 1878, № 11, стр. 327—335). Въ 1620 г. Саковичъ издалъ сочиненіе: Problemata..., и въ заглавіи его называлъ себя еще *Каллистомъ*, а не Кассіаномъ (тамъ же). См. также *Коялович*. Литов. церк. Унія, II, примѣч. 214, стр. 361. 362.

нымъ въ ея основу. Іовъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ (отъ 23 авг. 1619), указавъ нѣсколько догматическихъ погрѣшностей и неточностей въ исповѣданіи Кирилла, убѣждалъ его не печатать книги, пока она не будетъ разсмотрѣна учеными людьми. Но Кириллъ, раздраженный замѣчаніями старца, не послушался его, напечаталъ свою книгу и, несмотря на дурные толки, распространенные по всей Руси, особенно объ его „Учительномъ Евангеліи“, продолжалъ проповѣдывать свое ученіе въ разныхъ мѣстахъ, и въ половинѣ 1625 г. считался еще проповѣдникомъ въ Замостьѣ. Наконецъ, на погрѣшности въ Учительномъ Евангеліи обратили вниманіе и православные архипастыри: они осудили эту книгу на соборѣ, сдѣлали Кириллу выговоръ и потребовали, чтобы онъ исправилъ ее, подвергнулъ разбору и цензурѣ старшихъ и, только послѣ одобренія ея, издалъ въ свѣтъ. Но Кириллъ не захотѣлъ покориться рѣшенію православнаго собора и предпочелъ перейти въ унію, гдѣ приняли его съ радостію и сдѣлали, по граматѣ короля отъ 25 марта 1626 года, архимандритомъ черниговскимъ. Въ слѣдующемъ году, какъ мы видѣли, книги Кирилла Транквилліона осуждены были и въ Москвѣ и преданы сожженію. Кириллъ прожилъ еще довольно долго († 1646) и не отказывался отъ составленія книгъ, но не былъ, по крайней мѣрѣ, похожъ на Кассіана Саковича, не издавалъ ничего противъ православной церкви ([267]).

Возвратимся къ Мелетію Смотрицкому. Онъ не могъ до-

([267]) *Строев.* Опис. старопеч. книгъ гр. Толстова, стр. 153—154; *Голубев.* Матер. для ист. западно-русск. церкви, № 35 и примѣч. къ нему; *Головацк.* Библіограф. находки во Львовѣ, стр. 16, Спб. 1873; *Петрушевич.* Сводн. голицко-русск. Лѣтопись, подъ 1619 г., стр. 275—276.

вольствоваться тѣмъ, что самъ принялъ унію: ему хотѣлось увлечь за собою и другихъ. Поселившись теперь въ дерманскомъ монастырѣ, онъ, по совѣту Рутскаго, предпринималъ оттуда путешествія по Волыни, посѣщалъ жилища православныхъ и монастыри, всюду разглашалъ, что цареградскій патріахъ еретикъ и всѣхъ приводилъ въ смущеніе. А чтобы удостовѣрить православныхъ въ справедливости своихъ словъ, Мелетій написалъ къ патріарху Кириллу Лукарису письмо (21 августа 1627), въ которомъ, излагая свои недоумѣнія о предметахъ вѣры, умолялъ его прислать собственноручный отвѣтъ и свой катихизисъ, разсчитывая потомъ показывать этотъ отвѣтъ и катихизисъ всѣмъ. „Съ тѣхъ поръ, какъ я выѣхалъ изъ Константинополя и разстался съ тобою, святѣйшій отецъ,—писалъ Смотрицкій,—нѣтъ у меня ниодного дня, когда бы я не чувствовалъ своего несчастія и горя. Перенесши столько дорожныхъ трудовъ, заботъ и безпокойствъ уже не въ молодыхъ лѣтахъ, къ ущербу моего слабаго здоровья, я однакожъ не освободился у васъ отъ тяжести, которою обременилъ себя дома... Я ѣздилъ на востокъ для того, чтобы здравымъ совѣтомъ и животворнымъ ученіемъ твоимъ облегчить и исцѣлить мою душу отъ множества сомнѣній, которыя волнуютъ ее и грызутъ, какъ молъ. И что же? Я ничего тамъ не успѣлъ достигнуть, а когда возвратился домой, то завистливые и неблагодарные люди только-что не распяли меня... И вотъ я снова обращаюсь къ тебѣ, святѣйшій отецъ, потому что безъ твоего совѣта не могу жить; обращаюсь чрезъ письмо, такъ какъ не могу говорить съ тобою лично, припадаю къ стопамъ твоимъ и не встану, доколѣ любовь твоя не воздвигнетъ меня угнетеннаго. Мнѣ не къ кому болѣе прибѣгнуть. Въ нашемъ оте-

чествѣ нѣтъ ученаго человѣка; его и со свѣчею не найдешь... Я не зналъ сомнѣній, пока не прочиталъ твоего письма, которое ты оставилъ во Львовѣ у тамошняго епископа Димитрія Суликовскаго: доказательствомъ служитъ мое сочиненіе „Плачь“, не безъизвѣстное и твоему блаженству. Можешь судить, что испыталъ я, когда доставили мнѣ это твое письмо. Мой „Плачь“ почти во всемъ страдаетъ лютеранизмомъ, а твое письмо во всемъ благопріятствуетъ римскому исповѣданію, указывая во всѣхъ членахъ вѣры восточной церкви дѣйствительное единомыслiе съ западною... Оттого и родились у меня колебанія, замѣшательство въ мысляхъ и безпокойство совѣсти. И я, при первомъ удобномъ случаѣ, рѣшился прибѣгнуть къ тебѣ, чтобы облегчить мою душу, припоминая слова твоего письма, показывающія, что ты самъ желалъ уніи... Но когда я прочелъ въ Константинополѣ твое изложеніе никео-константинопольскаго символа, составленное въ разговорной формѣ, я, сверхъ ожиданія моего, нашелъ, что оно противорѣчитъ твоему письму.... Съ тѣхъ поръ я терзаюсь и путаюсь сомнѣніями еще больше прежняго, когда не посѣщалъ тебя. Посему умоляю тебя, какъ сынъ отца, какъ ученикъ учителя, выведи меня твоимъ мудрымъ совѣтомъ изъ лабиринта, научи меня, чего я долженъ держаться и какъ мыслить о членахъ вѣры, наприм., о грѣхѣ первородномъ, объ оправданіи, о предопредѣленіи, о преданіяхъ, о таинствахъ и проч.... Научи насъ всѣхъ, съ кѣмъ мы согласны въ упомянутыхъ членахъ вѣры, съ римлянами ли или съ протестантами, или мы признаемъ и исповѣдуемъ что нибудь третье, занимающее средину между тѣмъ и другимъ? Прошу вмѣстѣ наставленія и о тѣхъ разностяхъ въ вѣрѣ, которыя издавна существуютъ между

церквами восточною и западною, именно—объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, о чистилищѣ, объ опрѣснокахъ, о пріобщеніи мірянъ подъ однимъ видомъ.... Окажи намъ отеческую милость, чтобы мы сами съ собою и съ тобою согласны были въ членахъ вѣры, отъ которыхъ зависитъ спасеніе нашихъ душъ. Пришли намъ твой катихизисъ, и посредствомъ его и твоего письменнаго совѣта дай единомысліе въ наши уста и сердца во всемъ, о чемъ мы у тебя спрашивали“..... Но подъ конецъ своего длиннаго письма Смотрицкій не выдержалъ, чтобы не заговорить о своей излюбленной уніи. Онъ началъ умолять патріарха спасти Россію отъ угнетающихъ ее бѣдствій, и для этого поступить согласно съ тѣми мыслями, какія выразилъ онъ въ своемъ письмѣ къ Димитрію Суликовскому, водворить между уніатами и неуніатами миръ, согласіе, единство. „Этимъ,—говорилъ Смотрицкій, —ты отворишь нашему шляхетскому сословію двери къ земскимъ урядамъ и сенаторскимъ достоинствамъ, мѣщанамъ дашь доступъ къ отправленію городскихъ должностей въ ратушахъ; построишь намъ школы, украсишь церкви, приведешь въ порядокъ монастыри; пресвитеровъ освободишь отъ дани; поляковъ, литовцевъ и русскихъ соединишь братскою любовью; наконецъ, отрешь слезы всему несчастному русскому народу. Самъ навѣки прославишь возстановителемъ церкви Божіей въ знаменитомъ царствѣ польскомъ и утраченной вольности въ русскомъ народѣ, учинишь радость на небѣ и на землѣ и прославишь имя свое въ потомствѣ: потому что сдѣлаешь дѣло Божіе, когда засыплешь и выровняешь пропасть этой проклятой схизмы, и Русь, Ляхи и Литва станутъ хвалить и славить Бога, Творца своего, какбы едиными устами и

единымъ сердцемъ"... Расчеты Смотрицкаго, однакожъ, не сбылись: Кириллъ Лукарисъ не прислалъ ему никакого отвѣта ([268]).

Отправивъ письмо къ патріарху, Смотрицкій скоро самъ отправился въ Кіевъ; такъ какъ приближалось 8-ое число сентября, на которое, по его просьбѣ, митрополитъ Іовъ хотѣлъ созвать соборъ. Соборъ дѣйствительно состоялся, но весьма небольшой; изъ архіереевъ на немъ присутствовали только двое: Іовъ да Мелетій Смотрицкій, о совращеніи котораго въ унію еще никто не зналъ; находились также лица низшаго духовенства и воеводичъ земель молдавскихъ Петръ Могила, еще свѣтскій, но пользовавшійся между православными большимъ авторитетомъ, какъ по знатности своего рода и богатству, такъ и по своему образованію. Онъ происходилъ изъ фамиліи молдавскихъ бояръ *Могилъ*, и родился къ концу XVI столѣтія. Родной дядя его по отцу, Іеремія, былъ господаремъ Молдавіи (1593—1607); а отецъ, Симеонъ, господаремъ Валахіи (1601—1602) и потомъ Молдавіи (1607—1609). Оба эти господаря отличались приверженностію къ православію, старались покровительствовать львовскому православному братству и присылали ему значительныя денежныя пособія на постройку братской церкви. Гдѣ воспитывался Петръ Могила, мнѣнія различны; но болѣе вѣроятнымъ изъ нихъ намъ кажется, что онъ воспитывался въ львовскомъ братскомъ училищѣ, гдѣ и могъ проникнуться тою горячностью къ православной вѣрѣ и непріязнію къ уніи, которыя обнаружилъ впослѣдствіи, хотя, по обычаю времени, по окончаніи обученія въ львовскомъ училищѣ, вѣроятно, слушалъ лекціи и въ заграничныхъ академіяхъ. Бѣд-

([268]) Письмо у *Суши*, Saulus et Paul., p. 70—82.

ствіе, разразившееся надъ господарскимъ домомъ Могилъ въ 1612 г., заставило ихъ искать убѣжища въ Польшѣ, гдѣ они имѣли сильныя родственныя связи. Здѣсь Петръ Могила сначала вступилъ-было въ военную службу и участвовалъ въ извѣстной битвѣ и побѣдѣ подъ Хотиномъ (1621). Но чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого онъ рѣшился оставить міръ и вступить въ кіево-печерскую лавру. Теперь, т. е. въ сентябрѣ 1627 г. Петръ Могила явившійся на соборъ въ Кіевѣ, еще не былъ постриженъ въ монашество. О происходившемъ на соборѣ извѣстно только то, что всѣ присутствовавшіе предложили Мелетію подвергнуть составленный имъ катихизисъ, который безуспѣшно возилъ онъ для цензуры на востокъ, цензурѣ своихъ русскихъ духовныхъ властей и немедленно издать въ свѣтъ на пользу церкви. Мелетій охотно соглашался, но просилъ позволенія предварительно обнародовать свои разсужденія о шести разностяхъ въ догматахъ вѣры между церквами восточною и западною, чтобы облегчить цензурѣ чтеніе и обсужденіе самаго катихизиса. Намѣреніе Мелетія легко понять: онъ боялся, что его катихизиса, написаннаго въ латинскомъ духѣ, не пропустятъ, и потому расчитывалъ этими своими разсужденіями напередъ убѣдить своихъ будущихъ судей, что догматическія разности между православною и римскою церковію весьма незначительны и, въ строгомъ смыслѣ, не существуютъ. Позволеніе Мелетію было дано, и соборъ окончился ([269]).

([269]) *Суша*, Saulus et Paul., p. 82—83; *Смотрицк.* Protestacia (напеч. у *Голубев.* Матер. для ист. западно-русск. церкви, № 57, стр. 323 — 324). Относительно Петра Могилы—*Зубрицк.* Лѣтоп. Львов. братства, подъ годами: 1593. 1598. 1599. 1601. 1602. 1605. 1607. 1609. 1612; *Евген.* Опис. Кіево-Соф. собора, стр. 166.

Здѣсь необходимо замѣтить, что какъ Борецкій, такъ и Могила сочувствовали тогда Смотрицкому и имѣли къ нему довѣріе. Они думали, что можно сблизиться съ уніатами и войти съ ними въ соглашеніе безъ измѣны православію, и ожидали, что Смотрицкій, при своемъ умѣ и учености, укажетъ способъ такого соглашенія. Объ этомъ сочувствіи и полномъ довѣріи Борецкаго и Могилы, равно какъ виленскаго братства и другихъ, извѣщалъ Рутскаго самъ Мелетій; но только присовокуплялъ, что необходимо всячески содержать въ тайнѣ его обращеніе къ уніи и ихъ взаимныя сношенія: иначе, какъ только это огласится, онъ потеряетъ довѣріе у всѣхъ, и его начнутъ чуждаться и убѣгать, какъ поступали и съ другими, особенно высшіе духовные. Съ Могилою Смотрицкій наиболѣе старался сблизиться, и еще лѣтомъ, около Петрова дня, слѣд. прежде кіевскаго собора 8-го сентября, посѣтилъ домъ Могилы, прогостилъ у него десять дней, много бесѣдовалъ съ нимъ о разностяхъ римской церкви отъ православной, и нашелъ, что онъ—„человѣкъ непорочный, богобоязненный, покорный, разумный и весьма снисходительно отзывается о римской церкви и ея разностяхъ“. Равнымъ образомъ и Могила, сдѣлавшись уже архимандритомъ кіево-печерской лавры (утвержденъ граматою короля 29 ноября 1627), посѣтилъ дерманскій монастырь, въ началѣ 1628 года, проѣздомъ въ одно изъ своихъ монастырскихъ имѣній, и протостилъ у Смотрицкаго два дня. Но чего опасался Смотрицкій, то и случилось. Православные монахи дерманскаго монастыря случайно услышали отъ одного изъ слугъ Рутскаго, что ихъ настоятель имѣлъ съ Рутскимъ свиданіе въ Дубнахъ, и тотчасъ разбѣжались отъ Смотрицкаго и разславили его по всей Волыни, хотя онъ потомъ съумѣлъ разувѣрить ихъ въ справедли-

вости дошедшаго до нихъ слуха. На основаніи этой ли огласки, или и другихъ, болѣе положительныхъ, свѣдѣній, только Исаія Копинскій, перемышльскій епископъ, разослалъ по всей Руси граматы, которыми извѣщалъ, что православію грозитъ опасность, что Смотрицкій и Борецкій сносятся съ отступникомъ Рутскимъ и замышляютъ ввести унію, а потому нужно остерегаться Борецкаго и убѣгать Смотрицкаго. Граматы произвели общую тревогу. Раздосадованный Рутскій просилъ князя Іеремію Вишневецкаго, чтобы онъ прогналъ Исаію изъ своихъ владѣній: такъ какъ Исаія имѣлъ пребываніе въ основанныхъ имъ прилуцкихъ и лубенскомъ монастыряхъ, находившихся въ имѣніяхъ князя. Даже и Борецкій жаловался князю Вишневецкому на Исаію за такія его рѣзкія граматы, о чемъ и извѣстилъ Смотрицкаго отъ 9 февр. 1628 года, — указаніе, что граматы Копинскаго разосланы были еще прежде. Но казаки заступились за Исаію и не допустили его обидѣть ([270]).

([270]) Письмо Мелетія къ Рутскому (напеч. у *Коялов.* Литов. церк. Унія, II, примѣч. 216); Грамата Сигизмунда III Петру Могилѣ на архимандритство въ кіево-печ. лаврѣ (*Голуб.* Матер. для истор. зап.-русск. церкви, № 51. Снес. 49); *Суша*, Saulus et Paulus, p. 94—95. Митрополитъ Іовъ въ генварѣ 1628 года, ходатайствуя предъ царемъ московскимъ о милостынѣ для кіево-печерскаго монастыря, писалъ о себѣ: «что прочее мнѣ, нищему и недостойному, отъ всѣхъ нынѣ озлобленному, и отвнѣ и внутрь отъ лжебратіи оклеветуемому, ни ежедневныя пищи вдоволь къ потребѣ имѣти могущему, что̀, глаголю, достояше сотворити ми? Ничто же ино, развѣ еже паки и паки безтудствовати и къ вашему благочестивому царскому нищелюбію со умиленіемъ прибѣгнути и руки помощи, по вашему православному и прещедрому христолюбію, испросити. Подадите нищему богомольцу своему отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы св. православія вашего. Ибо воистину аще не бы величество ваше укрѣпляло мою бѣду и нужду и вседневную потребу, по нуждѣ бяше бы, оставльшу вся и благочестивыхъ остатки, бѣжати въ дальню страну, гдѣ безъ вѣсти. Но ваша святая милостыня... зѣло укрѣпи мя» (Москов. глав. арх. М. И. Д., дѣла малоросс., год. 1628, генв. 29, № 1).

Между тѣмъ Смотрицкій окончилъ принятое имъ на себя дѣло: написалъ о шести догматическихъ разностяхъ римской церкви отъ восточной, и желалъ прежде всего прочитать свои разсужденія предъ тѣми самыми лицами, по порученію которыхъ онъ писалъ. Созывать для этого соборъ опять въ Кіевѣ, при измѣнившихся обстоятельствахъ, вѣроятно, поопасались, и потому, по просьбѣ Смотрицкаго, Петръ Могила устроилъ желаемый съѣздъ или соборъ въ одномъ изъ своихъ лаврскихъ имѣній на Волыни, по имени Гродскѣ. На шестой недѣлѣ великаго поста, 1628 года, туда прибыли, кромѣ самого Петра Могилы, митрополитъ Іовъ, архіепископъ полоцкій Мелетій, епископы — луцкій Исаакій и холмскій Паисій и нѣкоторыя другія лица. Мелетій читалъ предъ собравшимися свои разсужденія и старался доказать, что всѣ шесть догматическихъ разностей западной церкви, которыми она отличается отъ восточной, именно: ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, о главенствѣ папы, о блаженствѣ душъ праведныхъ тотчасъ послѣ смерти, о чистилищѣ, объ опрѣснокахъ и о причащеніи мірянъ подъ однимъ видомъ, совершенно будтобы согласны съ ученіемъ Слова Божія, св. соборовъ и св. отцевъ, и до временъ патріарха Фотія первыя три были принимаемы и восточною церковію, а три послѣднія не были, по крайней мѣрѣ, осуждаемы ею; что обѣ церкви разнятся между собою не вѣрою, а только обрядами, и что въ восточной церкви одинъ нынѣ существенный недостатокъ, источникъ всѣхъ ея бѣдствій — схизма, отдѣленіе отъ папы, а потому и единственное средство спасенія для этой церкви есть унія съ римскою. Всѣ, присутствовавшіе на съѣздѣ, выслушавъ разсужденія Мелетія, сознавали чрезвычайную важность вопроса, который надлежало

рѣшить, и, не принимая на себя его рѣшенія, постановили созвать въ Кіевѣ къ празднику успенія пресв. Богородицы полный соборъ, пригласить на него не только духовенство, но и мірянъ въ лицѣ избранныхъ ими представителей, съ тѣмъ чтобы всѣ вмѣстѣ, въ духѣ братской любви и съ желаніемъ мира, разсудили и рѣшили, какимъ бы образомъ, *безъ нарушенія православной вѣры*, правъ и привиллегій, православнымъ соединиться съ уніатами. Митрополитъ Іовъ принялъ на себя, по своей обязанности, издать и разослать пригласительную грамату на соборъ; а Мелетію поручено было, чтобы онъ составилъ, такъ сказать, объяснительную записку къ митрополичьей граматѣ и изложилъ въ запискѣ тѣ причины, по которымъ необходимо православнымъ съѣхаться на этотъ соборъ и порѣшить на немъ вопросъ о примиреніи съ уніатами. Записку Мелетія и при ней разсужденія его о догматическихъ разностяхъ западной церкви отъ восточной предположено было напечатать и также разослать между православными ([271]).

Митрополитъ Іовъ издалъ свою пригласительную грамату 26-го мая. Онъ объявлялъ, что хотя уже осмой годъ идетъ, какъ православная церковь въ западной Россіи снова имѣетъ свою высшую духовную іерархію, и хотя онъ много разъ созывалъ къ себѣ православныхъ для совѣщаній о дѣлахъ благочестія, но еще ниразу не могли они собраться къ нему со всѣхъ окраинъ митрополіи, не собирались даже разомъ всѣ епископы и представители отъ церковныхъ братствъ. А вотъ теперь онъ, по изволенію Духа Святаго, вмѣстѣ съ находя-

([271]) *Смотрицк.* Протестація—у *Голуб.* Матер. для ист. западно-русск. церкви, № 57, стр. 324; *Суша*, Saul. et Paul., p. 84—85.

щимися при немъ епископами, архимандритами и другими духовными и свѣтскими лицами, созываетъ въ Кіевѣ на праздникъ Успенія полный соборъ, и проситъ прислать на него избранныхъ мужей изъ всѣхъ повѣтовъ отъ лица духовенства, дворянства, братствъ и всего народа. Но, замѣчательно, о цѣли собора и о предметахъ его разсужденій митрополитъ не сказалъ ни слова ([272]). Смотрицкій также исполнилъ возложенное на него порученіе: отъ пасхи до пятидесятницы онъ написалъ довольно обширное сочиненіе о причинахъ, по которымъ признавалъ необходимость созванія собора или, вѣрнѣе, необходимость для православныхъ принятія уніи и далъ этому сочиненію названіе „Апологіи“ своего путешествія на востокъ. „Апологіею назвалъ я свое сочиненіе, говоритъ онъ въ предисловіи къ читателю, потому, что издаю ее частію съ цѣлію заградить уста лжебратіямъ, распространяющимъ злые толки о моемъ странствованіи на востокъ, предпринятомъ три года тому назадъ; а частію для того, чтобы показать и опровергнуть различныя заблужденія и ереси, которыми наши новые писатели болѣе уже тридцати лѣтъ растлѣваютъ русскую церковь, навлекая отъ всѣхъ на весь народъ русскій подозрѣніе въ еретичествѣ“. Въ краткихъ словахъ содержаніе Апологіи Смотрицкаго можно выразить такъ: Вотъ уже третій годъ, какъ я возвратился на родину изъ моего путешествія на востокъ, гдѣ пробылъ два года. Я ходилъ туда къ отцу нашему патріарху и къ старѣйшинамъ нашей восточной церкви съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы узнать отъ нихъ и научиться о догматахъ благочестія, о вѣрѣ нашего упованія. Меня

([272]) Вилен. Арх. Сборн. II, № 32.

заставили путешествовать на востокъ заблужденія и ереси, которыя внесли въ нашу русскую церковь ея новые богословщики: Зизаній, Филаретъ, клирикъ Острожскій, Ортологъ и другіе, и которыми она страждетъ. Эти люди въ нечестіи своемъ возстали противъ величія Божія, вознесли хулу на тайну воплощенія, уничтожили, вслѣдъ за еретиками, св. таинства церкви... Арій, Савелій, Евномій, Несторій, Евтихій, какъ еретики, отлучены отъ церкви; но каждый изъ нихъ отрицалъ только одинъ какой либо догматъ вѣры, а наши лжеучители отвергаютъ всѣ догматы разомъ. Зизаній (Стефанъ) отвергаетъ частный судъ и блаженство праведныхъ душъ по исходѣ изъ тѣла, и ложно учитъ объ адѣ, о мученіяхъ грѣшниковъ, о ходатайствѣ Іисуса Христа, объ опрѣснокахъ. Филаретъ (авторъ Апокризиса) предложилъ русской церкви, вмѣсто вѣры, систему Кальвина, не признаетъ пресуществленія въ евхаристіи и различія между епископами и пресвитерами, усвояетъ мірянамъ право окончательнаго суда въ дѣлахъ вѣры, отвергаетъ главенство св. апостола Петра и папы. Ортологъ (т. е. самъ Смотрицкій) въ своемъ „Плачѣ“ учитъ, что грѣшнику, по смерти, наказанія отпускаются даромъ, что душа каждаго человѣка происходитъ отъ сѣмени его родителей, отдѣляетъ въ Пресв. Троицѣ существо отъ Ипостасей, признаетъ только два таинства, крещеніе и евхаристію, и отвергаетъ церковное преданіе. Острожскій клирикъ свою „Правдивую исторію флорентійскаго собора“ наполнилъ одною ложью, говоря, будто соборъ этотъ не привелъ ни къ чему, но былъ прерванъ насиліями, смутами, злодѣйствами. Все это глубоко огорчало меня, и я отправился на востокъ, чтобы уврачевать мою страждующую душу тамъ, откуда мы встарину приняли христіанскую вѣру

со всѣми ея благами. Но и тамъ я повсюду встрѣтилъ тѣже самыя лютеранскія и калвинскія заблужденія, какія господствуютъ и у насъ. Въ Царьградѣ съ церковной каѳедры и въ присутствіи патріарха проповѣдуютъ реформатскія мнѣнія, и самъ патріархъ Кириллъ—калвинистъ; мнѣ дали тамъ, въ качествѣ православнаго, катихизисъ совершенно протестантскій, изданный грекомъ Герганомъ. Что же остается намъ дѣлать, когда ни у насъ, ни на востокѣ нѣтъ уже православія? Остается искать соединенія съ римскою церковію, которая одна чужда всякаго заблужденія и сохраняетъ истинную вѣру Христову. Но греческая церковь сама непосредственно не въ состояніи этого сдѣлать: греки питаютъ къ латинянамъ старинную, закоренѣлую ненависть, и притомъ находятся въ тяжкой неволѣ у невѣрныхъ и въ грубомъ невѣжествѣ. Всего легче и вѣрнѣе восточная церковь могла бы соединиться съ западною при посредствѣ нашей церкви и нашего южно-русскаго народа, который живетъ подъ скипетромъ государя христіанскаго, католическаго, всегда готоваго содѣйствовать такому соединенію христіанъ, да и начинаетъ уже оставлять свои прежнія ложныя понятія о римлянахъ, благодаря постояннымъ сношеніямъ съ ними и почти ежедневнымъ разговорамъ о разницахъ того и другаго исповѣданія. А когда бы мы съ нашимъ народомъ приступили къ уніи, тогда, посредствомъ дѣльныхъ сочиненій и особенно хорошаго катихизиса на греческомъ, славянскомъ и волошскомъ языкахъ, мы безъ большаго труда привели бы къ познанію истины и къ св. единству всѣ прочіе народы, исповѣдующіе вѣру восточной церкви. Обязанность стараться о соединеніи нашей церкви съ римскою лежитъ преимущественно на митрополитѣ и на насъ, еписко-

пахъ, потомъ на архимандритахъ, игуменахъ, но вмѣстѣ и на князьяхъ, шляхтѣ, рыцаряхъ, братствахъ. Послѣ этого Смотрицкій обращается ко всему русскому народу, ко всему духовенству и мірянамъ, и проситъ ихъ съѣхаться, съ дозволенія короля, или прислать своихъ представителей на соборъ, чтобы окончательно принять на немъ унію съ Римомъ, и перечисляетъ разныя блага, духовныя и гражданскія, какія послѣдуютъ за тѣмъ для русскаго народа.

Нельзя не видѣть, что Смотрицкій своею Апологіею вовсе не исполнилъ того, что ему было поручено. Ему поручено было на съѣздѣ въ Гродскѣ изложить и объяснить въ запискѣ причины созванія собора такъ, чтобы привлечь православныхъ на соборъ и расположить ихъ заняться на соборѣ изысканіемъ способа къ примиренію съ уніатами; а въ Апологіи совмѣщено все, чтобы оттолкнуть православныхъ отъ предполагаемаго собора и возбудить противъ него. Мелетій допустилъ три важныя ошибки: во первыхъ, составилъ свою объяснительную записку или сочиненіе не отъ имени митрополита и всѣхъ архіереевъ, какъ слѣдовало бы, а лично отъ себя, когда противъ него было уже у православныхъ почти общее предубѣжденіе; во вторыхъ, прямо объявилъ православнымъ, что русская церковь потеряла православіе и заражена заблужденіями и ересями, какія привнесли въ нее ея новые богословы, и что такими же ересями заражена и вся церковь восточная, а одна римская сохраняетъ истинную вѣру; въ третьихъ, прямо объявилъ, что православные должны сойтись на соборъ, чтобы только принять тамъ унію съ римскою церковію, а не за тѣмъ, чтобы еще разсуждать объ этомъ предметѣ и заниматься вопросомъ, какъ бы, безъ нарушенія православія, примириться

съ уніатами. Апологія тѣмъ болѣе должна была оскорбить православныхъ, что Мелетій отзывается въ ней слишкомъ рѣзко о русской церкви и ея новыхъ писателяхъ и слишкомъ несправедливо. Писатели, имъ названные, если и ошибались иногда въ своихъ догматическихъ разсужденіяхъ, то ошибались относительно лишь нѣкоторыхъ и весьма немногихъ вопросовъ, каковы: о частномъ судѣ, о состояніи душъ въ загробной жизни и под.; но отнюдь не отвергали всѣхъ догматовъ, какъ выражался Смотрицкій; если и ошибались, то ошибались ненамѣренно, не съ злою цѣлію вредить православію, а потому, что не имѣли подъ руками опредѣленнаго православнаго руководства — катихизиса, и поневолѣ руководствовались одними своими соображеніями. Эти ошибки были лишь частныя мнѣнія названныхъ писателей, а вовсе не вѣрованія всей русской церкви; а такія ненамѣренныя и какбы несознательныя ошибки отнюдь нельзя сравнивать съ ересями Арія, Македонія и другихъ упорныхъ еретиковъ, какъ дѣлаетъ Смотрицкій. Утверждать же на основаніи того, что три-четыре писателя русской церкви допустили въ своихъ сочиненіяхъ нѣкоторыя догматическія погрѣшности, будто и вся русская церковь заразилась заблужденіями и ересями и потеряла православіе: это уже верхъ безразсудства и дерзости. Равно и все, сказанное Мелетіемъ о ересяхъ въ греческой церкви, было совершенно голословно и опиралось на одномъ собственномъ его свидѣтельствѣ. Окончивъ свою Апологію, Мелетій, въ началѣ іюня, послалъ ее въ Кіевъ, при письмахъ къ митрополиту Іову и архимандриту Петру Могилѣ, и просилъ поскорѣе разсмотрѣть ее, напечатать и обнародовать, чтобы православные еще до собора могли узнать, въ чемъ ихъ болѣзнь и какъ они могутъ

уврачевать ее. Но обнародывать между православными, для привлеченія ихъ на соборъ, сочиненіе, которое проникнуто такою явною ненавистью къ православной русской церкви и ея новымъ писателямъ и такою приверженностію и пристрастіемъ къ римской церкви, было совершенно невозможно. И очень естественно, если ни митрополитъ Іовъ, ни Петръ Могила, увидѣвшіе, что Смотрицкій написалъ совсѣмъ не такъ, какъ имъ хотѣлось, хотя и обѣщали отвѣчать ему, по прочтеніи его Апологіи, ничего ему не отвѣчали, вѣроятно, расчитывая, что сочиненіе это такъ и останется неизданнымъ. Но Смотрицкій, прождавъ отвѣта три недѣли, рѣшился перевесть свою Апологію на польскій языкъ, и самовольно, какъ бы наперекоръ православному митрополиту и кіево-печерскому архимандриту, напечаталъ ее во Львовѣ, съ разрѣшенія уніатскаго митрополита Рутскаго, вмѣстѣ съ своими разсужденіями о шести разностяхъ западной церкви отъ восточной, и постарался распространить свою книгу между православными, такъ что печатные листы ея попали и въ руки Борецкаго и Могилы ([273]). Книга возбудила общее негодованіе между православными: въ ней увидѣли хулу на православную церковь, а въ авторѣ—измѣнника и отступника отъ православія. И въ такомъ-то настроеніи съѣхались въ Кіевъ на соборъ къ празднику успенія пресв. Богородицы, по пригласительной граматѣ митрополита Іова, съѣхались уже не за тѣмъ, чтобы разсуждать о способахъ соглашенія и примиренія съ уніатами,

([273]) *Суша*, Saul. et Paulus, p. 87—98. Сочиненіе Мелетія напечатано тогда подъ заглавіемъ: Apologia peregrinacyi do kraiow wschodnich M. Smotryskiego we Lwowie, и содержитъ, вмѣстѣ съ приложеніями, 204 страницы въ 4-ку.

какъ предполагалось, а за тѣмъ, чтобы судить Смотрицкаго и его Апологію.

Соборъ открылся 13-го августа, утромъ, въ кіево-печерской лаврѣ. Здѣсь, подъ предсѣдательствомъ митрополита Іова, присутствовали три епископа: Исаакій луцкій, Паисій холмскій и Авраамій пинскій, и множество другихъ лицъ духовныхъ: архимандриты, въ томъ числѣ Петръ Могила, игумены, іеромонахи, протоіереи, іереи, а также и лица свѣтскаго званія. На соборѣ прочитанъ былъ обвинительный актъ противъ Мелетія Смотрицкаго и его Апологіи, составленный предварительно. Для этого еще задолго до собора вызваны были въ Кіевъ два наиболѣе образованные протоіерея: корецкій—Лаврентій Зизаній, авторъ извѣстнаго катихизиса, и слуцкій—Андрей Мужиловскій. Они, подъ руководствомъ митрополита Іова и Петра Могилы, внимательно пересмотрѣли Апологію, извлекли изъ нея ложныя мысли, противныя православію и свидѣтельствовавшія объ отступничествѣ Смотрицкаго, и изложили обвиненія противъ него въ 105-ти пунктахъ. Когда чтеніе обвинительнаго акта кончилось, митрополитъ отъ лица епископовъ объявилъ, что они вполнѣ раздѣляютъ эти обвиненія; тоже заявлено было протоіереемъ Зизаніемъ и отъ лица пресвитеровъ. Между тѣмъ, во время самаго засѣданія собора, пріѣхалъ въ Кіевъ Мелетій Смотрицкій и хотѣлъ остановиться въ лаврѣ; но ему не дозволили, а указали квартиру въ кіево-михайловскомъ монастырѣ. Едва успѣлъ Мелетій остановиться здѣсь, какъ къ нему прибыли съ собора четыре пресвитера, и старшій изъ нихъ, протоіерей Мужиловскій, отъ имени собора, спросилъ Мелетія, держится ли онъ своей Апологіи или нѣтъ. Мелетій отвѣчалъ, что лично явится на со-

боръ и объяснится. Ему замѣтили, что онъ не будетъ допущенъ на соборъ, пока не дастъ требуемаго теперь отвѣта. Мелетій началъ утверждать, что Апологія не содержитъ ничего противнаго православной вѣрѣ. Напротивъ, отвѣчали ему, соборъ нашелъ ее отъ начала до конца противною православной вѣрѣ и нечестивою. Мелетій стоялъ на своемъ, и пресвитеры отъ него удалились. Упорство Мелетія тотчасъ огласилось. Къ вечеру тогоже дня прислужники Мелетія донесли ему, что на нихъ всѣ указываютъ пальцами, какъ на уніатовъ и отступниковъ и угрожаютъ ихъ убить и утопить въ Днѣпрѣ,— что, конечно, непріятно подѣйствовало на Мелетія. На слѣдующій день, раннимъ утромъ, онъ послалъ письмо къ митрополиту Іову, жаловался на такое обращеніе съ нимъ, говорилъ, что въ своей Апологіи не написалъ ничего, противнаго вѣрѣ, а только указалъ ереси русскихъ писателей и способъ къ примиренію братьевъ съ братьями, и что если допустилъ что либо излишнее, то надобно врачевать любовію, а не ненавистію. Но едва письмо было отправлено, какъ до Мелетія дошли новые слухи, что его и всѣхъ его спутниковъ предадутъ завтра анаѳемѣ, и что казаки дали клятву умертвить его, какъ только онъ будетъ обличенъ соборомъ въ уніи. И перепуганный Мелетій написалъ къ Іову новое письмо; увѣрялъ, что желаетъ и умереть въ той самой церкви восточной, въ которой родился; просилъ не наказывать его свыше вины его, если она есть, и заявлялъ, что напечатанную Апологію можно еще остановить и не распространять болѣе, если только его допустятъ на соборъ и тамъ, общимъ совѣтомъ, постановятъ объ этомъ что либо. Послѣ обѣда, внезапно прибылъ въ свой михайловскій монастырь митрополитъ Іовъ съ

тремя епископами и нѣсколькими лицами низшаго духовенства, и пошелъ прямо въ церковь. Мелетій, увидѣвъ это, поспѣшилъ вслѣдъ за ними. Окончивъ молитву, Іовъ обратился къ Мелетію съ словами, что въ его Апологіи говоритъ духъ нечистый и гордый, и чрезъ нее вводятся въ церковь проклятыя латинскія ереси. Мелетій началъ защищаться и, когда изъ церкви перешли въ комнаты митрополита, спросилъ, въ чемъ его обвиняютъ. Тогда протоіерей Мужиловскій развернулъ печатную Апологію, прочелъ въ ней нѣсколько оглавленій—объ опрѣснокахъ, о Петрѣ, какъ вселенскомъ пастырѣ, о церкви, основанной на Петрѣ, о верховной власти папы надъ всею церковію и проч., и воскликнулъ: развѣ это не противно православной церкви, развѣ не хула противъ нее? При дальнѣйшихъ преніяхъ Мелетію объявили, что онъ изъ-за трехъ русскихъ писателей, не аппробованныхъ церковію, осмѣлился приписывать всей церкви ихъ заблужденія и ереси, что онъ оскорбилъ всю церковь и предъ всею церковію долженъ покаяться, и что тогда только онъ будетъ принятъ соборомъ въ общеніе, если отречется отъ своей Апологіи, дастъ клятву никогда впредь не возмущать церкви и не отступать отъ нея, и обѣщаетъ не возвращаться въ Дерманскій монастырь, а остаться въ Кіевѣ. Къ вечеру митрополитъ и находившіеся съ нимъ уѣхали въ лавру, а Мелетію прислали для подписи приготовленную формулу отреченія. Мелетію она не понравилась, и онъ передѣлалъ ее, переписалъ своею рукою, но, не подписавъ, отослалъ въ лавру, а самъ отправился туда же ко всенощной. Въ алтарѣ лаврской церкви отъ Мелетія настоятельно потребовали, чтобы онъ подписалъ составленное имъ же самимъ отреченіе, и онъ подписалъ. На праздникъ успенія пресв.

Богородицы Мелетій участвовалъ въ совершеніи божественной литургіи, вмѣстѣ съ митрополитомъ Іовомъ и прочими архіереями, въ большой лаврской церкви. По прочтеніи Евангелія, всѣ святители съ сослужащимъ духовенствомъ вышли изъ алтаря на средину церкви и стали на амвонѣ; у всѣхъ въ рукахъ были листы печатной Апологіи и зажженныя свѣчи. Намѣстникъ Мелетія въ свято-духовскомъ виленскомъ монастырѣ, Іосифъ Бобриковичъ, взошелъ на каѳедру и отъ имени Мелетія прочелъ слѣдующее отреченіе: „Я, Мелетій Смотрицкій, архіепископъ полоцкій, будучи подозрѣваемъ всею нашею русскою церковію въ отступничествѣ отъ православной вѣры восточной церкви, а послѣ изданія подъ моимъ именемъ книжки, названной „Апологіею“, еще болѣе заподозрѣнный въ томъ же отступничествѣ, торжественно объявляю всей моей русской церкви чрезъ васъ, присутствующихъ теперь въ св. печерской обители, во храмѣ успенія пречистой Дѣвы Богородицы, что отчасти я виноватъ самъ въ такомъ заблужденіи противъ православныхъ догматовъ, но большею частію оно произошло отъ злаго умысла той особы, которой мною довѣрено было издать Апологію на польскомъ языкѣ, именно отъ злаго умысла Кассіана Саковича, начальника дубенскаго преображенскаго монастыря. Сознавая и признавая такое мое неосторожное заблужденіе противъ православныхъ догматовъ восточной церкви, молю Господа Бога, да будетъ милостивъ къ моему прегрѣшенію, а всей церкви моей русской, предъ тѣмъ же милосердымъ Богомъ, добровольно даю обѣщаніе, что впредь буду остерегаться того всею моею душею. Во свидѣтельство моего раскаянія я предъ очами всѣхъ васъ, въ сей св. церкви, предаю безчестію, раздираю и попираю ногами мою Апологію,

памятуя клятву, которую изрекъ я Господу Богу въ тотъ часъ, когда, при преосвященномъ господинѣ моемъ (митрополитѣ) и прочихъ архіереяхъ нашей русской церкви, былъ рукополагаемъ на архіерейство отъ святѣйшаго патріарха іерусалимскаго Ѳеофана подъ власть святѣйшаго патріарха константинопольскаго". Вслѣдъ затѣмъ намѣстникъ Мелетія дѣйствительно разорвалъ листы Апологіи и бросилъ къ своимъ ногамъ. Тогда митрополитъ Іовъ предалъ проклятію Апологію и Кассіана Саковича, рвалъ листы Апологіи, поджигалъ свѣчею и топталъ ногами, и самъ Мелетій Смотрицкій также проклиналъ предъ всею церковію свою Апологію и Саковича, рвалъ ее, жегъ и топталъ; тоже повторили и прочіе архіереи и низшія духовныя лица. Радость была общая.

На слѣдующій день, 16-го августа, засѣданіе собора происходило въ кіево-михайловскомъ монастырѣ, и въ этомъ засѣданіи присутствовали, кромѣ прежнихъ архіереевъ, Мелетій Смотрицкій, архіепископъ полоцкій, епископъ витебскій и мстиславскій, и Исаія Копинскій, называвшійся теперь уже архіепископомъ смоленскимъ и черниговскимъ. Здѣсь было доложено собору повелѣніе короля, состоявшееся на предшествовавшемъ варшавскомъ сеймѣ, чтобы и чуждающіеся уніи русскіе духовные съѣхались и между собою обсудили, какъ бы, по примѣру католическаго духовенства и уніатскаго, принять участіе въ посильномъ вспоможеніи Рѣчи-посполитой при тогдашнихъ военныхъ обстоятельствахъ. Это-то королевское повелѣніе и было законнымъ предлогомъ, по которому митрополитъ Іовъ безбоязненно разослалъ свои граматы по всему государству, приглашая свое духовенство и мірянъ на соборъ въ Кіевъ къ празднику успенія, хотя воспользовался созваннымъ соборомъ

и для своихъ, собственно церковныхъ цѣлей. Обсуждая предложеніе короля, присутствовавшіе на соборѣ, хотя и указывали, что православные архіереи, за непринятіе уніи, живутъ вдали отъ своихъ епархій и не пользуются своими церковными имѣніями; да и все православное духовенство живетъ въ бѣдности и довольствуется только приношеніями и милостынею отъ мірянъ, однакожъ положили сдѣлать какія-то пожертвованія и отъ православнаго духовенства на нужды отечества и объ этомъ довести до свѣдѣнія слѣдующаго сейма чрезъ русскихъ пословъ. На томъ же засѣданіи составлена и подписана была грамата отъ лица собора ко всему православному русскому народу, въ которой митрополитъ и архіереи, въ томъ числѣ и Мелетій Смотрицкій, удостовѣряли, что они, какъ доселѣ не мыслили ни о какомъ отступничествѣ въ унію, такъ и впредь клятвенно обѣщаются беречься отъ того, при помощи Божіей, до самой своей кончины, а вмѣстѣ просили и убѣждали всѣхъ православныхъ пребывать твердыми въ христіанскомъ благочестіи и въ вѣрѣ, Богомъ преданной, апостолами проповѣданной, соборами вселенскими утвержденной и кровію мучениковъ запечатлѣнной. Чрезъ нѣсколько дней, когда Смотрицкій уже уѣхалъ изъ Кіева, нѣкоторые начали распространять молву, будто Апологію Смотрицкаго рвали, жгли и топтали въ печерской церкви только пресвитеры. И митрополитъ, вмѣстѣ съ остававшимися еще при немъ архіереями, для успокоенія народа, издалъ, 24 августа, новую грамату, которою свидѣтельствовалъ, что и онъ самъ-митрополитъ, и самъ Смотрицкій, и прочіе владыки, прокляли Апологію, рвали, жгли и попирали ногами. Обѣ эти граматы, равно какъ и другіе документы, относящіеся къ собору, осудившему Апологію Смотриц-

каго, тогда же, 30-го августа, напечатаны въ небольшой брошюрѣ подъ названіемъ: „Аполлія (погибель) Апологіи“, и брошюра посвящена отъ лица присутствовавшаго на соборѣ духовенства экзарху константинопольскаго престола, львовскому епископу Іереміи Тиссаровскому, который почему-то не могъ присутствовать на соборѣ ([274]).

Непродолжительно, однакожъ, было раскаяніе Смотрицкаго. Какъ только онъ вырвался изъ Кіева и возвратился въ свою дерманскую обитель, онъ тотчасъ написалъ на польскомъ языкѣ „Протестацію противъ кіевскаго собора 1628 года“, и 7-го сентября уже напечаталъ ее во Львовѣ. Въ ней, излагая исторію дѣла по своему, Мелетій жаловался особенно на митрополита Іова и Петра Могилу, что они обходились съ нимъ слишкомъ сурово и несправедливо, не хотѣли выслушать никакихъ его оправданій, дѣйствовали на него однѣми угрозами; объявлялъ всѣмъ, что отрекся отъ своей Апологіи не добровольно, а по принужденію, изъ страха смерти; выражалъ сожалѣніе, что не вкусилъ славной смерти за истину; отрекался предъ всѣмъ русскимъ народомъ отъ всего, что говорилъ, писалъ и подписалъ на этомъ соборѣ; исповѣдывалъ свой грѣхъ предъ Богомъ и всею католическою церковію, и просилъ молиться за него и проч. ([275]). Вскорѣ явилось и другое сочиненіе Смотрицкаго.

([274]) Эта «Аполлія Апологіи», излагающая исторію происходившаго тогда кіевскаго собора, недавно перепечатана г. *Голубевымъ* (Матер. для ист. зап.-русск. церкви, № 55). Смотрицкій, съ своей стороны, изложилъ извѣстіе о томъ же соборѣ въ письмѣ къ волынскому чашнику Лаврентію Древинскому (*Голубев.*, тамъ же № 56). См. такъ же у *Суши*, Saul. et Paul., p. 98—109; А. Ю. и З. Р. II, № 50.

([275]) «Протестація» перепечатана вся у *Голубева*, Матер. для ист. зап.-русск. церкви, № 57.

Еще въ день своего пріѣзда въ Кіевъ, 13 августа, онъ получилъ письмо отъ виленскаго свято-духовскаго братства и монастыря, которые просили его разрѣшить ихъ недоумѣніе: „такъ какъ одни считаютъ его уніатомъ, а другіе утверждаютъ, что онъ замышляетъ какія-то новости и покушается разорвать Русь на три части“. Смотрицкій тогда же кратко отвѣчалъ, что вовсе не думаетъ троить Русь, а желаетъ и старается, чтобы и раздвоенную Русь привести къ соединенію. Теперь, живя спокойно въ своей дерманской обители, онъ написалъ и 12-го декабря отправилъ въ Вильну обширный отвѣтъ, который въ слѣдующемъ году и напечаталъ подъ заглавіемъ: „Паренесисъ (увѣщаніе) къ виленскому свято-духовскому братству, а въ лицѣ его и ко всему тамошнему русскому народу“. Здѣсь Смотрицкій уже не скрывается, что принялъ унію, и объясняетъ, почему принялъ; убѣждаетъ всѣхъ послѣдовать его примѣру; напоминаетъ братчикамъ, какъ они, еще въ 1623 и 1626 г., высказали желаніе войти въ соглашеніе съ уніатами, да только не рѣшились отказаться отъ константинопольскаго патріарха; совѣтуетъ имъ избрать себѣ отдѣльнаго, самостоятельнаго патріарха у себя дома; утверждаетъ, что они напрасно борятся противъ уніи, что унія непремѣнно восторжествуетъ, и Русь, рано или поздно, сдѣлается уніатскою и проч.... Со стороны православныхъ выступилъ противъ Смотрицкаго слуцкій протоіерей Андрей Мужиловскій и издалъ „Антидотумъ (Противуядіе)“ противъ его Апологіи. Въ Антидотумѣ доказывалось, по мѣстамъ довольно рѣзко и бранчиво, что Смотрицкій говоритъ неправду въ своей Апологіи, излагая побужденія, заставившія его путешествовать на востокъ, и умствуетъ неосновательно и несправедливо, усвояя всей русской церкви заблужденія только нѣкоторыхъ ея писателей;

опровергались разсужденія Смотрицкаго объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, о главенствѣ папы, о чистилищѣ, объ опрѣснокахъ и проч., приложенныя къ Апологіи, и самъ Смотрицкій изображался, какъ человѣкъ двуличный, безпокойный и крайне непостоянный, перешедшій въ унію только по своекорыстію и гордости. Антидотумъ посвященъ былъ митрополиту Іову и вышелъ изъ печати не позже конца 1628-го или начала слѣдующаго года: такъ какъ 3-го апрѣля послѣдняго года Смотрицкій издалъ уже свое опроверженіе на эту книгу, подъ названіемъ: „Экзетесисъ или Росправа между Апологіею и Антидотумомъ“. Тутъ Смотрицкій нападаетъ съ бранью не только на самого Мужиловскаго, но и на всю православную церковь, на константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса, называя его прямо кальвинистомъ, на прочихъ восточныхъ архипастырей, представляя ихъ совершенными невѣждами, на русскихъ архипастырей и пастырей, величая ихъ еретиками, наемниками, невѣждами, и на всѣхъ православныхъ русскихъ, укоряя ихъ въ жестокомъ обращеніи съ уніатами, оправдываетъ себя противъ обвиненій, взведенныхъ на него Мужиловскимъ, и оканчиваетъ убѣжденіями къ русскимъ принять унію для ихъ собственнаго блага ([276]).

Дѣло Смотрицкаго возбуждало живѣйшее участіе въ Римѣ. Тамъ была великая радость, когда получены были извѣстія о

([276]) *Суша*, Saul. et Paul., p. 117—121. Было написано, со стороны православныхъ, и еще сочиненіе противъ Апологіи Смотрицкаго: Antopologia... *Диплица* (псевдонимъ *Евстафія Киселя*); но написано уже въ 1631 г., а напечатано въ 1632 г., съ посвященіемъ Петру Могилѣ. Объ этомъ, какъ и о другихъ, названныхъ въ текстѣ, сочиненіяхъ, см.—*Вишневск.* Истор. Польск. Литер., VIII (въ русск. переводѣ—Кіев. Епарх. Вѣдом. 1877, № 21, стр. 89—90; 1878, № 1, стр. 30—34).

принятіи имъ уніи. И самъ папа Урбанъ VIII удостоилъ его своимъ посланіемъ (отъ 7 окт. 1628), въ которомъ, привѣтствуя его съ обращеніемъ изъ схизмы къ католической церкви, выражалъ желаніе, чтобы онъ старался обратить и другихъ схизматиковъ. Всѣ сочиненія Смотрицкаго, начиная съ Апологіи, написанныя въ защиту уніи и латинства противъ православія, вызывали между католиками неумѣренныя похвалы. Многіе, въ томъ числѣ кардиналы, писали къ нему письма и величали его ученѣйшимъ мужемъ и польскимъ Цицерономъ. Самъ папа пожелалъ имѣть эти сочиненія въ латинскомъ переводѣ: Мелетій перевелъ свои сочиненія и переслалъ папѣ, а папа приказалъ положить манускриптъ Мелетіевъ въ своей избранной апостолической библіотекѣ, въ замкѣ св. Ангела ([277]).

Потерпѣвъ такое тяжкое уничиженіе и неудачу съ своимъ проэктомъ уніи на кіевскомъ соборѣ, гдѣ присутствовали одни только православные, Смотрицкій употреблялъ всѣ усилія, чтобы состоялся другой соборъ, бо̀льшій, на которомъ сошлись бы между собою православные и уніаты, и на которомъ онъ надѣялся увидѣть торжество своего проэкта. При содѣйствіи князя Александра Острожскаго-Заславскаго, теперь уже воеводы кіевскаго, особеннаго покровителя Смотрицкаго, мысль эта была доведена до свѣдѣнія короля на варшавскомъ сеймѣ 1629 г., бывшемъ въ началѣ года, — мысль не новая, возникавшая и на прежнихъ сеймахъ. Многіе сенаторы и нѣкоторые даже изъ православныхъ пословъ выразили ей полное сочувствіе и ходатайствовали предъ королемъ объ осуществленіи ея, находя,

([277]) *Суша*. Saul. et Paul., p. 83—84. 96—98. 122; *Theiner*, Vet. Monum. Polon. et Lith., III, № 224, p. 381.

что это послужило бы лучшимъ средствомъ къ успокоенію обѣихъ враждующихъ сторонъ. И король еще на сеймѣ издалъ универсалъ, которымъ приказывалъ, чтобы 28 октября тогоже года православные и уніаты съѣхались на одинъ общій соборъ во Львовѣ для взаимнаго соглашенія и примиренія, а предварительно тѣ и другіе, для лучшаго приготовленія себя къ этому собору, составили свои частные соборы или съѣзды 9-го іюля, православные въ Кіевѣ, уніаты же во Владимірѣ волынскомъ,— о чемъ Рутскаго извѣстилъ король отъ 29 марта. Уніаты дѣйствительно имѣли въ назначенное время свой съѣздъ на мызѣ Фалимичѣ, неподалеку отъ Владиміра, принадлежавшей луцкому епископу. Разослалъ и православный митрополитъ, отъ 12, 21 и 24 апрѣля, граматы и письма къ своимъ духовнымъ и мірянамъ и, ссылаясь на королевскій универсалъ, приглашалъ ихъ съѣхаться въ Кіевъ къ 9 числу іюля, которое, по старому календарю, падало на 29-е іюня, т. е. на праздникъ Петра и Павла. Но многіе изъ православныхъ начали протестовать противъ предполагавшихся соборовъ въ Кіевѣ и Львовѣ, понимая замыслы уніатовъ. Первый протестъ заявили отъ 29-го апрѣля православные воины, находившіеся въ королевскомъ войскѣ подъ Мальбуркомъ; второй, отъ 25-го іюня—все запорожское войско; третій отъ 5-го іюля—кіевское дворянство. Въ это послѣднее число пріѣхалъ въ Кіевъ комисаръ отъ короля, Адамъ Кисель (православный), назначенный быть блюстителемъ порядка на кіевскомъ соборѣ, и настаивалъ, чтобы соборъ непремѣнно открылся въ положенное время. И онъ дѣйствительно открылся 9-го Іюля (29-го Іюня) въ кіево-печерской лаврѣ, послѣ божественной литургіи, которую совершалъ самъ митрополитъ. Но на первомъ же засѣданіи присутствовавшіе напали

на своихъ пословъ, бывшихъ на сеймѣ, на чашника земли волынской (Лаврентія Древинскаго), подсудка брацлавскаго и какого-то пана Баковецкаго, за участіе ихъ въ ходатайствѣ предъ королемъ объ изданіи этого универсала и заявили, что отказываются ѣхать на львовскій соборъ, такъ какъ онъ имѣетъ цѣлію распространеніе уніи. Хотѣли, чтобы къ этому протесту подписался и митрополитъ; но Борецкій не согласился. Воевода кіевскій, князь Заславскій, пытался прогнать казаковъ, находившихся на соборѣ и, вѣроятно, много шумѣвшихъ; но ничего не могъ сдѣлать. На слѣдующій день соборъ вновь открылся въ лаврѣ, съ дозволенія настоятеля, но львовскіе послы противились этому; обвиняемые—чашникъ волынскій и подсудокъ брацлавскій начали-было оправдываться предъ соборомъ и всю вину слагали на одного Баковецкаго, но казаки тотчасъ подняли крикъ и своими угрозами заставили всѣхъ разойтись. На четвертый день отъ начала собора Борецкій, встрѣтившись въ пустынно-николаевскомъ монастырѣ съ княземъ Заславскимъ, просилъ у него совѣта, что̀ дѣлать: такъ какъ дворянство протестовало противъ собора и не явится на него, а казаки постановили не дозволять этого собора подъ страхомъ смерти. Въ тотъ же день (12 іюля) митрополитъ и прочіе духовные объявили Адаму Киселю, что не могутъ продолжать собора вслѣдствіе протестаціи отъ дворянъ, а Кисель занесъ объ этомъ въ кіевскія городскія книги. По закрытіи кіевскаго собора, православные отправили трехъ своихъ пословъ къ королю просить у него извиненія, что они не могутъ явиться на соборъ во Львовѣ, такъ какъ этому противятся кіевское дворянство, львовскій епископъ и всѣ братства; причемъ поручили посламъ сказать королю: мы думали, что соборъ во Львовѣ назначается для того, чтобы

униты и неуниты согласились на немъ только относительно распредѣленія между собою церковныхъ имуществъ, монастырей и приходскихъ церквей, а не относительно уніи въ вѣрѣ; на послѣднее мы никакъ не можемъ рѣшиться безъ согласія патріарховъ, чтобы опять не произошли такія же волненія, если даже небольшія, какія были при первоначальномъ принятіи уніи. Неизвѣстно, какъ принялъ король эти оправданія православныхъ, но собора во Львовѣ не отмѣнилъ ([278]).

Къ назначенному сроку съѣхались туда почти всѣ уніатскіе владыки, и между ними Мелетій Смотрицкій и самъ митрополитъ Рутскій, многіе монахи — базиліане и знатнѣйшіе изъ бѣлаго духовенства, всего до ста человѣкъ. Прибылъ также королевскій комисаръ князь Александръ Острожскій-Заславскій. Но изъ православныхъ не прибылъ никто. Въ день 28 октября,—это было воскресенье,—когда надлежало открыться собору; совершена была въ каѳедральномъ костелѣ ранняя литургія, въ присутствіи львовскаго арцибискупа и уніатскихъ владыкъ, и по окончаніи ея королевскій проповѣдникъ іезуитъ Бембусъ произнесъ витіеватое слово, заранѣе приготовленное, которымъ убѣждалъ православныхъ принять унію, хотя изъ православныхъ едвали кто и былъ въ костелѣ, развѣ только изъ любопытства. Спустя нѣсколько времени въ томъ же костелѣ совершилъ позднюю литургію самъ митрополитъ Рутскій съ своими епископами и многочисленнымъ духовенствомъ. Но открыть собора они не могли, потому что не было никого изъ

([278]) *Суша*, Saul. et Paul., p. 124—126; Supplem. ad Hist. Russ. Monum., № 199, p. 485; *Голубев.* Матер. для ист. зап.-русск. церкви, №№ 59—65. 67; А. З. Р. IV, 228; *Петрушевич.* Сводн. галицко-русск. Лѣт., подъ 1629 г., стр. 287—290.

православныхъ. Нѣсколько разъ посылалъ Рутскій приглашать православнаго львовскаго епископа Іеремію Тиссаровскаго и подчиненное ему духовенство и вообще православныхъ: все было напрасно. Послѣ обѣда уніаты въ мантіяхъ совершили процессію въ королевскій замокъ, протестуя тѣмъ противъ православныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ, не явившихся на соборъ, вопреки приказанію короля. Князь Заславскій посылалъ къ православному львовскому братству, чтобы члены его явились въ замокъ къ уніатамъ; но братство прислало только двухъ членовъ и объявило: это дѣло не наше, а нашихъ старшихъ духовныхъ. На третій день, т. е. во вторникъ, прибыли изъ Вильны православные чернецы свято-духовскаго монастыря и два свѣтскихъ братчика, князь Пузина и чашникъ волынскій Лаврентій Древинскій. Въ среду митрополитъ Рутскій, со всѣми своими владыками и монахами, приходилъ осмотрѣть новую каменную церковь православнаго львовскаго братства, уже оконченную, но еще не освященную. Священникъ братской церкви, о. Боярскій и нѣсколько братчиковъ встрѣтили митрополита и провели его въ церковь. Вскорѣ прибыли туда-же князь Пузина и Древинскій, представились митрополиту и бесѣдовали съ нимъ. При выходѣ изъ церкви, митрополитъ и всѣ уніаты обратились къ востоку и запѣли: „подаждь утѣшеніе рабомъ своимъ, всенепорочная“; а поляки, бывшіе съ ними, закричали: „слава Богу, примиреніе, примиреніе, унія, унія!“ О. Боярскій пригласилъ митрополита и всѣхъ, сопутствовавшихъ ему, къ себѣ въ домъ, гдѣ находилось и братство, и чествовалъ виномъ. При этомъ Смотрицкій сказалъ: „хорошо было бы, отцы, еслибы вы стали нами, а мы вами и пошли вмѣстѣ нашею торною дорогою“. Древинскій отвѣчалъ: „мы хотимъ

держаться того, что постановлено для насъ на седми вселенскихъ соборахъ св. отцами, а не теперешнихъ нововведеній". Скоро затѣмъ всѣ разошлись. Въ четвергъ епископъ владимірскій Мороховскій присылалъ просить православное братство, чтобы ему позволили отслужить въ братской церкви, и ему отвѣчали: „если имѣетъ грамату и позволеніе отъ патріарха, то пусть служитъ". Въ пятницу виленскіе чернецы и братчики кн. Пузина и Древинскій были у уніатовъ и просили ихъ походатайствовать предъ королемъ за православныхъ, что они не могли явиться на соборъ, а равно походатайствовать и о томъ, чтобы король дозволилъ цареградскому патріарху пріѣхать въ литовскую землю, и примолвили: „что постановитъ патріархъ, на то всѣ мы будемъ согласны". Уніаты отказались ходатайствовать и сказали: „если ужъ теперь вы не желаете принять уніи, то пусть каждый дѣлаетъ, что хочетъ, и держится своего, какъ можетъ; мы слушаемся папы, а не патріарха". И съ тѣмъ разошлись. Черезъ три дня всѣ уніатскіе владыки и прочіе уніаты, пріѣзжавшіе на соборъ, разъѣхались изъ Львова, проживъ въ немъ болѣе недѣли; а соборъ такъ и не открывался ([279]). Послѣ этого, возвратившись въ дерманскій монастырь, Мелетій Смотрицкій не появлялся болѣе на поприщѣ общественной дѣятельности, а уединенно провелъ послѣдніе годы своей жизни въ своей обители, занимаясь управленіемъ ея и предаваясь строгимъ монашескимъ подвигамъ. Онъ не оставлялъ своей любимой мысли, и въ февралѣ 1630 г. послалъ къ папѣ свой проэктъ о приведеніи рус-

([279]) Suplem. ad Hist. Russ. Monum., № 66, p. 157; *Суша*, Saul. et Paul., p. 127; *Петрушев.* Сводн. гал.-русск. Лѣт., подъ 1629 г., стр. 290—293.

скихъ схизматиковъ къ уніи; но проэктъ остался безъ послѣдствій. Съ августа 1633 г. Смотрицкій началъ жаловаться на свою болѣзнь, а 27 декабря скончался. Тѣло его погребено въ церкви дерманскаго монастыря самимъ митрополитомъ Рутскимъ, который тогда же разослалъ о смерти Мелетія окружное посланіе ([280]).

Доселѣ мы почти исключительно занимались ходомъ борьбы, которую должна была выдержать западно-русская церковь противъ своихъ враговъ во дни митрополита Іова, и которая, къ сожалѣнію, оставалась главнѣйшимъ явленіемъ въ ея жизни и теперь, послѣ возстановленія ея іерархіи іерусалимскимъ патріархомъ. Обратимся къ другимъ явленіямъ этой жизни при томъ же митрополитѣ. Кіевскій соборъ 1628 года обнаружилъ, что церковь, управляемая митрополитомъ Іовомъ, несмотря на всѣ гоненія и притѣсненія, какія терпѣла, имѣла уже видъ довольно благоустроенный. Въ Кіевѣ, при каѳедрѣ митрополита, существовала капитула (въ родѣ прежняго крылоса или нынѣшней консисторіи), и такая же капитула существовала и въ другомъ городѣ митрополичьей епархіи—Слуцкѣ при соборной церкви. Приходскія церкви раздѣлены были по округамъ, и въ этихъ округахъ для завѣдыванія церквами и духовенствомъ учреждены были протопопы, — для чего, какъ мы упоминали, еще въ 1623 г. Іовъ посылалъ своего уполномоченнаго іеромонаха съ окружною граматою. На кіевскомъ соборѣ присутствовали и подъ одною изъ грамать его подписались

([280]) *Суша*, Saul. et Paul., p. 128 и слѣд.; *Theiner*, Veter. Monum. Polon. et Lith., III, № 328, p. 387. Смотрицкій подписался здѣсь: archiepiscopus *dictus* Polocensis. Окружное посланіе о смерти его, составленное Рутскимъ, напечатано въ Кіев. Епарх. Вѣд. 1877, № 3, стр. 62—70.

нротопопы: кіевскій со всею кіевскою капитулою, слуцкій со всею капитулою соборной слуцкой церкви, острожскій, корецкій, дубенскій, чудновскій, копыссскій, шкловскій и многіе другіе. Монастыри раздѣлены были на три округа, которые находились подъ вѣдѣніемъ такъ-называвшихся протовъ: подъ тоюже соборною граматою подписались: архимандритъ кронскій (въ ковенскомъ повѣтѣ) и намѣстникъ митрополіи кіевской, протъ монастырей княжества литовскаго; игуменъ скита въ Угорникѣ (въ Галиціи), протъ монастырей воеводства руского (галицкаго), белзскаго и подольскаго, и игуменъ любартовскій, протъ монастырей воеводства кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго. Число православныхъ монастырей было еще довольно значительно и даже увеличивалось вслѣдствіе основанія новыхъ монастырей. Въ Кіевѣ и его окрестностяхъ, кромѣ михайловскаго-митрополичьяго и лавры, существовали монастыри: пустынно-николаевскій, богоявленскій братскій, кирилловскій и межигорскій. Въ Вильнѣ, какъ и прежде, былъ только одинъ монастырь—свято-духовскій; но въ подчиненіи ему находились монастыри: минскій петропавловскій, мужескій и женскій, евейскій въ воеводствѣ троцкомъ, цеперскій и сновскій въ воеводствѣ новогрудскомъ, новодворскій въ повѣтѣ пинскомъ, сѣлецкій въ воеводствѣ минскомъ и другіе. Изъ нихъ минскій мужескій петропавловскій монастырь въ 1623 году получилъ въ даръ отъ минскаго судьи Мартина Володковича фольварокъ Переспу, находившійся неподалеку отъ Минска; а минскій женскій монастырь, основанный только въ 1618 г. по благословенію свято-духовскаго архимандрита Леонтія Карповича, стараньемъ игуменьи Евгеніи Шамбелевны теперь приведенъ къ совершенному окончанію и устройству, и получилъ благо-

словенную грамату (25 авг. 1624) отъ митрополита Іова Борецкаго. Львовское ставропигіальное братство удерживало за собою монастыри: онуфріевскій и уневскій. Въ Слуцкѣ, благодаря покровительству, какое оказывалъ православнымъ мѣстный владѣлецъ, князь Христоферъ Радзивилъ, литовскій гетманъ, продолжали существовать три монастыря: свято-троицкій, ильинскій женскій и преображенскій братскій. Къ первому, по волѣ Радзивила, приписанъ былъ въ 1627 г. монастырь морочскій, находившійся въ мозырскомъ уѣздѣ, при устьѣ рѣчки Морочи. Для втораго, т. е. ильинскаго, монастыря поставлена была въ 1624 г., съ согласія Радзивила, новая игуменья Христина Косцюшковна митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ. А въ братскомъ преображенскомъ монастырѣ тотъ же митрополитъ благословилъ въ 1628 г. своею граматою соорудить новую церковь во имя преображенія Господня на мѣстѣ прежней, тогда сгорѣвшей. Паисій Ипполитовичъ епископъ холмскій подъ однимъ изъ актовъ кіевскаго собора 1628 года подписался „строителемъ монастыря мѣлецкаго“, въ которомъ, вѣроятно, и имѣлъ пребываніе. Исаія Копинскій, архіепископъ смоленскій и черниговскій, подъ тѣмъ же актомъ подписался „архимандритомъ монастырей заднѣпровскихъ“: такъ назывались два прилуцкихъ монастыря—густынскій и ладинскій и третій лубенскій — мгарскій, основанные и устроенные преимущественно на пожертвованія супруги князя Михаила Корыбута Вишневецкаго Раины Могилянки, при ближайшемъ участіи самого же Исаіи, или имъ непосредственно, и отданные ему Раиною въ пожизненное владѣніе. Тамъ онъ, и сдѣлавшись епископомъ, имѣлъ постоянное пребываніе, переходя изъ одного монастыря въ другой; самъ назначалъ имъ игуменовъ или намѣстниковъ, воздвигъ и

освятилъ церкви и келліи; самъ выкопалъ, съ однимъ только послушникомъ своимъ Геннадіемъ, въ ладинскомъ монастырѣ пещеру, и началъ копать такую же и въ мгарскомъ. Въ числѣ присутствовавшихъ на кіевскомъ соборѣ 1628 г. упоминаются настоятели еще четырехъ монастырей: почаевскаго (Іоаннъ Желѣзо), тригорскаго, бережанскаго и творовскаго ([281]).

Новыхъ монастырей, во дни митрополита Іова, возникло пять. Въ 1622 году королевскій дворянинъ Константинъ Долматъ, основавшій, четыре года тому назадъ, чеперскій монастырь, пожелалъ учредить еще новый монастырь. Для чего, пожертвовавъ два свои имѣнія Дятеловичъ и Люменецъ въ пинскомъ уѣздѣ, просилъ кіево-печерскаго архимандрита Елисея Пистенецкаго устроить на эти средства въ первомъ изъ названныхъ имѣній общежительный монастырь при церкви преображенія Господня, съ тѣмъ чтобы онъ навсегда оставался въ послушаніи константинопольскому патріарху и въ зависимости отъ кіево-печерской лавры: воля жертвователя тогда же была исполнена. Въ 1626 г. князь Богданъ Богдановичъ Соломерецкій задумалъ-было основать общежительный свято-духовскій монастырь, на 25 человѣкъ, въ имѣніи своемъ Борколабовѣ, въ оршанскомъ повѣтѣ; назначилъ на содержаніе монастыря, кромѣ земель въ самомъ Борколабовѣ, три села: Костянку, Вороновку и Стайки съ землями и крестьянами, и

([281]) *Голуб.* Матер. для ист. зап.-русск. церкви, №№ 47. 55, стр. 290 312—315; Собр. Минск. грам., №№ 81. 82. 86; *архим. Никол.* Опис. минск. епарх. 114. 119. 120. 161; Вилен. Археогр. Сборн. VII, № 55, стр. 326; Вѣстн. западн. Россіи, 1865—1866, кн. VIII, отд. I, стр. 21; у Лѣтоп. густын. монастыря, стр. 17—25. Виленскому свято-духов. монастырю подвѣдомы были и двѣ троскія церкви (Собр. грам. Вильны, Ковны.., II, № 59).

желалъ подчинить этотъ монастырь Мелетію Смотрицкому, какъ полоцкому архіепископу и архимандриту виленскаго свято-духова монастыря, а такъ же и всему виленскому свято-духовскому братству. Но, по обстоятельствамъ времени и вскорѣ послѣдовавшей кончинѣ князя Богдана Богдановича, намѣреніе его объ основаніи монастыря теперь не осуществилось, а было исполнено, какъ увидимъ, уже впослѣдствіи его наслѣдниками ([282]). Около 1626 г. основатель евейскаго монастыря, князь Богданъ Огинскій, подкоморій троцкій, съ женою своею Анною-Раиною, положилъ начало общежительному монастырю въ имѣніи своемъ Кронахъ (ковенскаго повѣта), соорудилъ въ немъ каменную церковь во имя Пресв. Троицы и, умирая, завѣщалъ на покупку мѣстности для монастыря двѣ тысячи копъ литовскихъ грошей. И въ 1628 г. кронскій архимандритъ, какъ мы упоминали, уже присутствовалъ на кіевскомъ соборѣ. А въ слѣдующемъ году жена покойнаго князя Богдана Огинскаго передала монастырю два имѣнія свои, Кроны и Войктово, и нѣсколько фольварковъ, купленныхъ ею на оставленные мужемъ и свои собственныя деньги, и въ фундушевой записи выразила свою волю, чтобы при монастырѣ существовала школа, чтобы настоятель и вся братія монастыря неизмѣнно оставались въ послушаніи цареградскому патріарху, и отдала этотъ монастырь „въ дозоръ, въ моцъ и подаване“ православному митрополиту. Въ 1628 г. новогрудскій каштелянъ Василій Коптя, по желанію матери своей Аполлоніи

([282]) Предисловіе *Захаріи Копыстенскаго* къ Бесѣд. св. Іоанна Златоустаго на Дѣянія Апостольскія, изд. 1624 г. въ кіевской лаврѣ; Вилен. Арх. Сборн. II, № 31; А. Ю. и З. Р. II, № 56, стр. 91.

Волловичъ Война, каштелянши брестской, питавшей особенное благоговеніе къ чудотворной купятицкой иконѣ Богоматери, купилъ село Купятицкое, въ пинскомъ повѣтѣ, устроилъ здѣсь монастырь, надѣлилъ его землями и крестьянами и подчинилъ виленскому свято-духову монастырю: такъ какъ оттуда принялъ для своего купятицкаго монастыря перваго игумена Иларіона Денисовича и первыхъ иноковъ. Около 1630 г. подкоморій Богданъ Стеткѣвичъ Заверскій, съ женою своею Еленою Богдановною, княжною Соломерецкою, купивъ село Кутейно, въ оршанскомъ повѣтѣ, основалъ мужескій кутеинскій монастырь во имя рождества Христова, и посадилъ въ немъ игуменомъ о. Іоиля Трупевича; а мать Богдана, жена брацлавскаго подкоморія Вильгельма Стеткѣвича, княжна Анна Богдановна Огинская, съ другимъ сыномъ своимъ Яномъ, основала въ томъ же селѣ, неподалеку отъ мужескаго, только на другой сторонѣ рѣки Кутеенки, женскій монастырь во имя успенія пресв. Богородицы, поставивъ въ немъ игуменьею Евфросинію Михайловну Киркоровну. Въ слѣдующемъ же году таже Анна Богдановна пожертвовала на мужескій кутеинскій монастырь слободу Бѣлковщину съ тѣмъ, чтобы игуменъ и братія, если пожелаютъ, устроили тамъ новый монастырь, завели школу еллино-словенскаго, латинскаго, польскаго и русскаго языковъ и друкарню, а на женскій кутеинскій монастырь пожертвовала имѣнія Свистолки, Тишино и Вораксино, чтобы игуменья и сестры монастыря, если пожелаютъ, устроили въ Свистолкахъ новый женскій монастырь. Непремѣннымъ условіемъ при основаніи и этихъ монастырей положено было то, чтобы они вѣчно оставались въ православіи и подъ верховною властію константино-

польскаго патріарха, въ зависимости отъ православнаго кіевскаго митрополита ([283]).

Король Сигизмундъ III хотя не признавалъ православной іерархіи, возстановленной патріархомъ Ѳеофаномъ и не оказывалъ надлежащаго покровительства православной церкви, не переставалъ однакожъ пользоваться правомъ подаванья по отношенію къ нѣкоторымъ православнымъ обителямъ: въ 1625 году, 7-го февраля, онъ пожаловалъ кіево-печерскій монастырь, со всѣми его угодьями и доходами, въ пожизненное управленіе вновь избранному архимандриту Захарію Копыстенскому; въ 1626 году, 16-го февраля,—кіевскій кирилловскій монастырь игумену Софронію Жеребилу-Лубонскому; а въ 1627 г., ноября 29, — кіево-печерскій монастырь архимандриту Петру Могилѣ ([284]).

Братства, по прежнему, стояли на стражѣ православія. Они, какъ мы видѣли, посылали своихъ представителей на соборы, по приглашенію самого митрополита, и имѣли тамъ сильный голосъ; посылали также уполномоченныхъ на сеймы и сеймики съ своими ходатайствами, и въ подкрѣпленіе этихъ ходатайствъ дѣлали иногда общія складчины. Кромѣ того, каждое братство имѣло свой опредѣленный кругъ дѣятельности, заботилось о своей церкви или монастырѣ, о своемъ духовенствѣ, о своей богадѣльнѣ или госпиталѣ, а нѣкоторые содержали еще свои школы и типографіи. Старѣйшими братствами

([283]) Собр. грам. Вильны, Ковно..., II, № 41; Русск. Истор. Библіот., изд. Арх. Коммис., IV, 51—52; Виленъ. Археогр. Сборн. II, № 33; А. З. Р. IV, № 230.

([284]) А. З. Р. IV, № 225; *Голубевъ.* Матер. для ист. зап.-русск. церкви №№ 42, 51.

считались два ставропигіальныя: львовское и виленское. За ними слѣдовали, по времени своего учрежденія, братства: перемышльское, минское, могилевское, слуцкое, — не говоримъ о другихъ, менѣе извѣстныхъ, каковы: драговинское, рогатинское и под. Самыя молодыя братства были кіевское-богоявленское и луцкое-крестовоздвиженское ([285]).

Первое мѣсто между братствами принадлежало виленскому, во главѣ котораго нѣсколько лѣтъ сряду находился ученѣйшій іерархъ Мелетій Смотрицкій, какъ архимандритъ свято-духовскаго монастыря. Виленское братство первое принимало на себя удары враговъ православія, и первое же отражало эти удары, защищая права и интересы не только свои собственные, но и всей православной церкви. Особенное уваженіе къ нему православныхъ выражалось уже тѣмъ, что они, учреждая новыя обители, отдавали ихъ, большею частію, подъ надзоръ и руководство виленскому свято-духовскому монастырю, въ полной надеждѣ видѣть ихъ всегда твердыми въ православіи. И виленское братство, съ своимъ монастыремъ, оказывало чрезъ эти обители, число которыхъ восходило до десяти, свое благотворное вліяніе на всю Литву и Бѣлоруссію. Братское училище и типографія находились въ такомъ состояніи, что заслужили одобрительный отзывъ о нихъ самого митрополита Іова. Училищемъ управлялъ мужъ, пользовавшійся уваженіемъ того же митрополита, іеромонахъ Іосифъ Бобриковичъ. До 1625 года онъ былъ только „ректоромъ школъ и казнодѣемъ“, т. е. церковнымъ проповѣдникомъ въ свято-духовскомъ монастырѣ, по-

([285]) *Голубев.* Матеріалы..., № 50; Вѣстн. юго-западн. и западн. Россіи, годъ I, сентябрь, отд. I, № 3.

томъ сдѣлался намѣстникомъ настоятеля въ монастырѣ Мелетія Смотрицкаго, не переставая быть и ректоромъ школъ, а по переходѣ Смотрицкаго въ унію, сдѣлался „старшимъ“ свято-духова монастыря, оставаясь вмѣстѣ и ректоромъ училища (286). Типографія братства работала непрестанно. Она издала на польскомъ языкѣ извѣстныя уже намъ сочиненія Мелетія Смотрицкаго, которыя онъ писалъ въ защиту братства и всего православія. Издавала богослужебныя книги, иныя по нѣскольку разъ, каковы: Псалтырь (въ 1621, 1623, 1627 и 1631 г.), Требникъ (1624 и 1628 г.), Служебникъ (1624), Полу-уставъ (1622), Новый Завѣтъ съ псалтырью (1623), Часословъ съ псалтырью (1631). Издала учебныя книги: Букварь (1621) и Грамматику (1629). Издала и книгу учительную — Бесѣды св. Макарія египетскаго. Эти бесѣды, въ числѣ пятидесяти, переведены были вновь съ греческаго языка на русскій „працею и стараньемъ иноковъ общежительнаго монастыря церкви Святаго и Животворящаго Духа, въ Вильни, року 1627“. Братство имѣло и свою библіотеку на разныхъ языкахъ. Къ сожалѣнію, много книгъ изъ этой библіотеки, греческихъ и латинскихъ, восточныхъ и западныхъ богослововъ и разныхъ историковъ, присвоилъ себѣ Мелетій Смотрицкій. Братство довѣрчиво высылало ему книги, по его усиленной просьбѣ, когда онъ поселился въ дерманскомъ монастырѣ. Мелетій, перешед-

(286) *Голубев.* Матеріалы..., №№ 41. 47, стр. 274. 291; *Коялов.* Литов. церк. Унія, II, примѣч. 209, стр. 354; А. Ю. и З. Р. II, № 50; Акт. Вил. Коммис. VIII, №№ 52. 55. Максимовичъ пишетъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, будто Іосифъ Бобриковичъ въ 1585—1592 г. былъ игуменомъ межигорскаго монастыря и оттуда въ 1593 г. перемѣстился въ Вильну, гдѣ и сдѣлался впослѣдствіи настоятелемъ свято-духова монастыря (Собр. Соч. II, 261—262).

ши въ унію, не захотѣлъ возвратить этихъ книгъ, несмотря на неоднократныя напоминанія и просьбы о томъ со стороны братства, равно какъ не возвратилъ и драгоцѣнной архіерейской ризницы и другихъ церковныхъ вещей, взятыхъ изъ свято-духовской обители, такъ что братство принуждено было начать противъ него искъ, оцѣнивая свои убытки въ десять тысячъ польскихъ злотыхъ ([287]).

Львовское братство занималось преимущественно своими собственными дѣлами, продолжая давнюю борьбу съ мѣстными латинянами. Много также озабочивала его постройка каменной церкви во имя успенія пресв. Богородицы, тянувшаяся уже болѣе тридцати лѣтъ среди разныхъ препятствій и требовавшая великихъ издержекъ. Главными помощниками братству въ этомъ дѣлѣ были молдавскіе государи, въ послѣднее время—Радулъ Мигоня и Миронъ Барнавскій. Благодаря особенно пожертвованіямъ послѣдняго, церковь, наконецъ, была совершенно окончена, и въ началѣ 1631 года торжественно освящена львовскимъ епископомъ Іереміею Тиссаровскимъ къ общей радости братства и всего православнаго народа. На освященіе церкви пріѣзжалъ изъ Кіева отъ митрополита Іова кіево-печерскій архимандритъ Петръ Могила, который оставался потомъ во Львовѣ довольно долго и, по данной уполномоченности отъ митрополита, старался дѣйствовать для поддержанія

([287]) См. Библіогр. *Сахарова* и *Ундольскаго* подъ означенн. годами, а такъ же *Строев.* Опис. старопеч. книгъ гр. Толстова, стр. 168—169. А о поступкѣ Смотрицкаго и искѣ противъ него—Вѣстн. западн. Россіи, 1865—1866, кн. IX, отд. I, № 3. Объ этомъ же говоритъ братство и въ изданной имъ 1632 г. книгѣ: Synopsis, albo krótkie spisanie praw, przywileyow..., narodowi Ruskiemu nadanych,—говоритъ именно подъ 1628 годомъ.

православія въ перемышльской епархіи. Были также пожертвованія на львовскую братскую школу, называвшуюся гимназіею: въ 1622 г., какъ мы уже упоминали, завѣщалъ на нее полторы тысячи червонныхъ золотыхъ гетманъ Сагайдачный; а въ 1630 г. записалъ на нее болѣе 2000 злотыхъ львовскій купецъ Иванъ Аффендикъ. Братская типографія сгорѣла въ 1628 году, но скоро была возстановлена,—для чего старосельскимъ старостою Димитріемъ Карлочіемъ пожертвовано было 500 злотыхъ. Впрочемъ, книгъ, напечатанныхъ тогда въ этой типографіи, извѣстно весьма немного. Изъ напечатанныхъ до пожара ея извѣстна только одна „Апологія“ Смотрицкаго на польскомъ языкѣ, а изъ напечатанныхъ послѣ пожара извѣстны три: а) Октоихъ (1630 г.), б) „Верше съ трагедіи: Христосъ пасхонъ (страждущій), св. Григорія Богослова, во св. великій пятокъ и на день воскресенія Христова“ (1630), и в) „Іоанникія Волковича размышленіе о муцѣ Христовой и стихи на воскресеніе Христово“ (1631). Октоихъ предварительно былъ исправленъ; для этого приняты были два печатныхъ его изданія: московское 1594 года и дерманское 1604 г., и два списка: славянскій, доставленный молдавскимъ господаремъ Мирономъ Бернавскимъ изъ нямецкаго монастыря, и греческій, присланный цареградскимъ патріархомъ Кирилломъ Лукарисомъ. Кромѣ того трудившіеся надъ изданіемъ Октоиха помѣстили въ немъ нѣсколько вновь переведенныхъ ими съ греческаго языка тропарей, кондаковъ и икосовъ ([288]).

([288]) *Зубрицк.* Лѣтоп. Львов. братства подъ означенн. годами; *Голубев* Матеріалы..., № 70; *Сахаров.* Библіогр. подъ означ. годами; *Строев.* Опис. староп. книгъ гр. Толстова, стр. 180—185.

О школахъ перемышльскаго и минскаго братствъ не сохранилось извѣстій за настоящее время. Могилевское братство принуждено было, наконецъ, передать свою школу, ок. 1624 года, уніатскому игумену спасскаго могилевскаго монастыря Гервасію Гостиловскому, намѣстнику полоцкаго архіепископа Антонія Селявы ([289]). За то два новыя братства, кіевское-богоявленское и луцкое-крестовоздвиженское, съ ихъ школами, болѣе и болѣе укрѣплялись. Кіевское церковное братство, вмѣсто первоначальной небольшой церкви во имя Богоявленія, построенной гетманомъ Сагайдачнымъ, пожелало соорудить въ своемъ монастырѣ большую церковь, также во имя Богоявленія и въ ней два придѣла: Благовѣщенія пресв. Богородицы и преп. Антонія и Ѳеодосія печерскихъ, и обратилось съ просьбою о помощи въ Москву. Царь прислалъ сорокъ соболей. Но какъ этой помощи оказалось недостаточно, то члены братства, духовные и мірскіе, въ другой разъ отправили въ Москву къ царю, патріарху и думному дьяку Граматину свои граматы (отъ 10 апр. 1625 г.), въ которыхъ, извѣщая, что церковь ихъ, при содѣйствіи отъ царя, уже доведена до верха, но еще не имѣетъ ни крова, ни иконостаса, вновь просили пособія для окончанія своей церкви, а также просили возвратить имъ грамату, данную братству іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ, которая послана была ими къ царю въ прошлый разъ, вмѣстѣ съ ихъ просительными граматами. Получивъ вскорѣ пособіе изъ Москвы и окончивъ свою церковь, тѣже братчики послали къ царю новую грамату (отъ 17 генв. 1626 г.), въ которой усердно благодарили его за оказанныя милости и умоляли пособить еще для украшенія

([289]) Виленъ. Археогр. Сборн. II, № 30, стр. 33—34.

ихъ церкви (290). Кіевское братство весьма быстро увеличивалось: около 1630 г. оно заключало въ себѣ уже почти все мѣстное духовенство и дворянство, многихъ членовъ изъ другихъ сословій и все запорожское войско. Братскій монастырь, по граматѣ патріарха Ѳеофана, удерживалъ за собою имя патріаршей ставропигіи, хотя соборнымъ рѣшеніемъ восточныхъ іерарховъ въ 1626 г. и былъ подчиненъ власти своего епархіальнаго архіерея, вмѣстѣ съ другими такими же ставропигіями. Гетманъ Сагайдачный, котораго не безъ основанія называли „фундаторомъ“ братскаго монастыря и школъ, пожертвовалъ на нихъ очень значительную сумму; но кромѣ того и кромѣ своихъ членскихъ взносовъ, члены братства старались, для усиленія своихъ средствъ, пріобрѣтать дворовыя и торговыя мѣста въ Кіевѣ. Одного только не доставало братству: королевской граматы. Наконецъ, по просьбѣ кіевскаго дворянства и по ходатайству сенаторовъ и земскихъ пословъ, король пожаловалъ братству и свою грамату (19 февр. 1629), которою утверждалъ на вѣчныя времена какъ самое братство, такъ и его церковь и богадѣльню, не упомянувъ почему-то о школѣ. Изъ ректоровъ братскаго училища извѣстны только два: инокъ Кассіанъ Саковичъ (1622 г.) и Томашъ, т. е. Ѳома Іевлевичъ (1631). Ректоръ Саковичъ оставилъ память, какъ о себѣ, такъ и объ училищѣ, въ своихъ „Вѣршахъ“ (стихахъ), которыя сочинилъ на смерть гетмана Сагайдачнаго и которыя тогда же были напечатаны въ особой брошюрѣ. Въ стихахъ онъ довольно подробно и точно, и до-

(290) Всѣ четыре подлинныя граматы братства — въ Москов. главн. арх М. И. Д., дѣла малороссійскія, граматы и письма, годъ 1625, №№ 10—12; годъ 1626, № 16.

вольно искусно изобразилъ всю жизнь знаменитаго гетмана и его заслуги для отечества, для православной церкви, для кіево-братскаго монастыря и школы и для другихъ монастырей и школъ. Эти стихи, написанные употреблявшимся тогда въ краѣ русскимъ языкомъ, были читаны надъ гробомъ Сагайдачнаго двадцатью „спудеями“ (т. е. студентами) Саковича, которые, вѣроятно, учились у него поэзіи и имена которыхъ всѣ напечатаны при стихахъ въ брошюрѣ. Въ числѣ учениковъ встрѣчаются „бурмистровичи“, „протопоповичи“ ([291]).

Луцкое братство, съ его церковію, училищемъ и богадѣльнею, было утверждено граматою короля еще въ 1619 году. Братская церковь, по граматамъ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана (1620 г.) и цареградскаго патріарха Кирилла Лукариса (1623 г.), считалась патріаршею ставропигіею, хотя потомъ (1628) соборнымъ рѣшеніемъ и подчинена была власти епархіальнаго архіерея. Въ 1623 г. патріархъ Лукарисъ утвердилъ и братскій уставъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „братія всѣми мѣрами обязаны заботиться о благолѣпіи церкви, о постоянномъ въ ней добромъ проповѣдникѣ и о школѣ, чтобы юноши, при попеченіи своихъ родителей, имѣли приличное содержаніе и образованіе“ (ст. 17). Въ слѣдующемъ году луцкое братство, по примѣру другихъ братствъ, учредило у себя киновію или общежительный монастырь и начертало для него правила, между которыми находилось и слѣдующее: „такъ какъ и пѣвчіе принадлежатъ ко внѣшней

([291]) Памятн. кіев. Коммис. II, №№ 6. 29, стр. 86. 292—293; *Максимов.* Собр. сочин. I, 380 — 386; II, 186. 194. 197. 199. 200; *Сахаров.* Обозр. библіогр., № 199.

церковной красотѣ, то мы требуемъ, чтобы игуменъ содержалъ на общемъ столѣ протопсалта, т. е. старшаго пѣвца и школьнаго учителя, равно заботился отечески и о другихъ отрокахъ, способныхъ къ пѣнію... А для смотрѣнія за всѣми тѣми отроками и за всею школою и для наблюденія за ихъ порядкомъ, игуменъ и братія имѣютъ выбрать изъ среды себя способнаго на то ректора, который, не требуя за науку никакой платы, долженъ будетъ повседневно наблюдать за обязанностями, какъ учителя, такъ и учениковъ, и въ каждыя четыре недѣли производить испытаніе, чему научатся“ (ст. 6). Перечисляя затѣмъ средства для содержанія своего монастыря, каковы: взносы самихъ иноковъ при поступленіи въ монастырь, собираніе милостыни, церковные доходы отъ продажи свѣчъ, просфоръ и проч., воздѣлываніе монастырскихъ огородовъ, рукодѣлія иноковъ, члены луцкаго братства въ особенности указывали на заведеніе при монастырѣ типографіи. Всѣ же недвижимыя имущества, принадлежащія братству, оставляли въ вѣдѣніи и распоряженіи свѣтскихъ братчиковъ, дворянъ и мѣщанъ луцкихъ, съ тѣмъ чтобы доходы съ этихъ имѣній употреблялись на строеніе или мурованіе церкви и всякія ея нужды, на призрѣніе богадѣльныхъ нищихъ и бѣдныхъ учениковъ, на содержаніе ихъ учителей, на убогихъ членовъ братства и под. Начертавъ уставъ для своего манастыря, братство начертало (ок. 1624 г.) довольно подробныя правила и для своей „греко-латино-славенской“ школы, устроенной „совѣтомъ и повелѣніемъ“ цареградскаго патріарха Кирилла и „благословеніемъ“ митрополита кіевскаго Іова. Здѣсь собственно о наукахъ и обученіи имъ было сказано: „дѣти въ школѣ должны быть раздѣлены на трое: одни будутъ учиться распознавать

буквы и складать, другіе—учиться читать и выучивать наизусть разные уроки, третьи –учиться объяснять читанное, разсуждать и понимать“ (ст. 9); „учитель обязанъ учить учениковъ и на письмѣ имъ предлагать отъ св. евангелія, отъ книгъ апостольскихъ, отъ всѣхъ пророковъ, отъ ученія св. отцевъ, отъ философовъ, поэтовъ, историковъ и прочая“ (ст. 12); „въ субботу должны повторять все, чему учились впродолженіе недѣли, и должны учиться пасхаліи, и лунному теченію, и счету, и вычисленію, и правиламъ церковнаго пѣнія“ (ст. 13); „въ школѣ прежде всего учатъ складывать буквы; потомъ учатъ грамматикѣ и вмѣстѣ церковному чину, чтенію и пѣнію; пріучаютъ такъ же ежедневно, чтобы дѣти одинъ другаго спрашивали по гречески, а отвѣчали по словенски, равно спрашивали по словенски, а отвѣчали на простомъ языкѣ....; за тѣмъ приступаютъ къ высшимъ наукамъ: къ діалектикѣ и риторикѣ, которыя переведены на славянскій языкъ“ (ст. 20). Типографію при луцкомъ братскомъ монастырѣ завели два его инока: іеромонахъ Павелъ Мотковичъ-Гянца и іеродіаконъ Сильвестръ, и въ 1628 г. напечатали въ ней двѣ брошюры: а) Стефана Полумерковича—„Епикидіонъ албо вѣрше жалобныя на погребеніе Василисы Яцковны“, и б) іеродіакона Давида Андреевича—„Ламентъ по пресвитерѣ Іоаннѣ Васильевичѣ“. Но скоро оба основателя типографіи переселились въ чорненскій монастырь, находившійся въ восьми верстахъ отъ Клевани при урочищѣ Чорная, куда іеромонахъ Павелъ избранъ былъ во игумена, и перенесли туда же типографію. Здѣсь, впрочемъ, они напечатали только одну небольшую книгу: „Діалогъ албо розмова человѣка хорого, албо умираючого, о добромъ зъистю зъ того свѣта“... И іеродіаконъ Сильвестръ, сдѣ-

лавшійся, по смерти Павла, его преемникомъ на игуменствѣ, завѣщалъ (1635) возвратить эту типографію въ луцкій братскій монастырь ([292]).

Существовали и другія православныя типографіи, кромѣ тѣхъ, которыя заведены были братствами или при братскихъ монастыряхъ. Таковы типографіи частныхъ лицъ: іеромонаха Павла Домжива-Лютковича, Тимоѳея Александровича Вербицкаго и Спиридона Соболя. Іеромонахъ Павелъ Домживъ-Лютковичъ, бывшій игуменомъ минскаго петропавловскаго монастыря при самомъ его основаніи, завелъ, вмѣстѣ съ іеродіакономъ Сильвестромъ, свою собственную типографію, съ которою они и переѣзжали съ мѣста на мѣсто. Сначала они дѣйствовали въ Угорцахъ, деревнѣ самборскаго уѣзда, и издали здѣсь: а) Объясненіе двѣнадцати членовъ апостольскаго символа вѣры, „коштомъ и накладомъ благочестиваго пана Александра Шептицкаго“ (1618); б) Евангеліе и Апостолъ (1620), и в) Казанье на память пана Александра Ѳедоровича Шептицкаго, сочиненное самимъ Павломъ Домживомъ-Лютковичемъ (1622). Потомъ переѣхали на Волынь въ село Четвертю къ князю Григорію Четвертинскому, и въ 1625 г. напечатали „благословеніемъ игумена загоровскаго монастыря—Захаріи и помощію тогожде монастыря“ двѣ книги: Псалтирь и Часословъ ([293]). Панъ Тимоѳей Александровичъ Вербицкій имѣлъ собственную типографію въ Кіевѣ и напечаталъ въ ней только

([292]) Памятн. Кіев. Коммис. I, №№ 3. 4. 6—10. 15; *Сахаров.* Обозр. библіогр. подъ означ. годами.

([293]) *Сахаров.* Обозр. библіогр. подъ означ. годами; *Попов.* Опис. рукоп. и староп. книгъ Хлудова, каталогъ книгъ № 74; *Строев.* Опис. старопеч. кн. Толстова, стр. 165.

одинъ Часословъ дважды, въ 1625 и 1626 годахъ, „помощію“ митрополита Іова Борецкаго, которому, какъ своему „благодѣтелю“, и посвятилъ свое изданіе. Типографъ Спиридонъ Соболь держалъ типографію такъ же въ Кіевѣ, „во дворѣ Іова Борецкаго, митрополита кіевскаго“, находившемся близъ воскресенской церкви на Подолѣ. Соболь напечаталъ въ ней: Минею Общую (1628), Лимонарь Іоанна Моска (1628), Октоихъ (1629) и Апостолъ (1630). Послѣдняя книга издана коштомъ и накладомъ пана Богдана Стеткевича, подкоморія мстиславскаго, только-что основавшаго кутеинскій монастырь въ имѣніи своемъ Кутейнѣ. Туда Соболь, вѣроятно, по приглашенію самого Стеткевича, и перенесъ свою типографію, и напечаталъ въ ней: Брашно духовное (1630) и Молитвословъ (1631) ([294]).

Но самою главною въ ряду западно-русскихъ типографій сдѣлалась теперь кіево-печерская, какъ по количеству, такъ отчасти и по достоинству ея изданій. Изъ бослужебныхъ книгъ— Служебникъ изданъ былъ здѣсь два раза: въ 1620 г. при архимандритѣ Елисеѣ Плетенецкомъ и съ его предисловіемъ, и въ 1629 г. при архимандритѣ Петрѣ Могилѣ. Въ послѣдній разъ служебникъ предварительно былъ исправленъ самимъ Петромъ Могилою, и въ началѣ служебника были напечатаны, вслѣдъ за посвященіемъ книги Господу Богу отъ Петра Могилы, соборное извѣщеніе объ исправленіи этого служебника, подписанное митрополитомъ Іовомъ и тремя другими архіереями, и предисловіе къ читателю, составленное игуменомъ кіево-братскаго монастыря Тарасіемъ Земкою и предлагавшее догма-

([294]) *Сахар.* Обозр. библ., №№ 221. 228. 277; *Строев.* Дополн. къ Опис. староп. кн., стр. 63; *Ундольск.* Очеркъ библіогр., №№ 335. 353.

тическое и обрядовое изъясненіе литургіи. Важность этого служебника, изданнаго Могилою, заключалась не только въ томъ, что онъ вновь былъ исправленъ, но еще болѣе въ томъ, что здѣсь при служебникѣ въ первый разъ предложено было изъясненіе литургіи въ руководство священникамъ, чего въ прежнихъ изданіяхъ служебника не бывало, и служебникъ этотъ изданъ съ одобренія собора архипастырей, дабы, по возможности, вытѣснить изъ употребленія и замѣнить собою всѣ прежніе служебники, не во всемъ исправные и согласные между собою. Псалтырь также издана была два раза (1624. 1629 г.), и Тріодь постная — два раза (1623. 1627). При послѣднемъ изданіи тріодь была сличена съ греческимъ текстомъ „тщаніемъ“ архимандрита Захаріи Копыстенскаго, и въ ней помѣщены синаксари, переведенные съ греческаго Тарасіемъ Левоничемъ Земкою „на общую россійскую бесѣду“, т. е. на простой общенародный языкъ. Два раза изданы были и Акаѳисты (1625. 1629), въ первый разъ „прилежаніемъ“ намѣстника лавры іеромонаха Филоѳея Кизаревича. Въ каноническомъ родѣ издана была здѣсь только одна небольшая книга, подъ названіемъ „Номоканонъ“, но издана три раза (1620. 1624. 1629). Это сборникъ правилъ изъ Кормчей и изъ другихъ источниковъ, составленный на Аѳонѣ и сдѣлавшійся извѣстнымъ въ славянскомъ переводѣ еще сначала XVI вѣка. Первое изданіе этого номоканона вышло съ предисловіемъ Памвы Беринды, второе—съ предисловіемъ Захарія Копыстенскаго, третье—съ предисловіемъ Петра Могилы. Сборникъ издавался съ цѣлію служить практическимъ руководствомъ для пастырей церкви, особенно для духовниковъ при наложеніи ими епитимій на кающихся. Драгоцѣнны были изданія св. отцевъ, выходив-

шія изъ кіево-печерской типографіи. Въ 1623 г. изданы здѣсь бесѣды св. Іоанна Златоустаго на 14 посланій св. апостола Павла. Переводъ бесѣдъ съ греческаго языка сдѣланъ былъ іеромонахомъ Кипріаномъ, родившемся въ Острогѣ и обучавшемся въ Венеціи и Падуѣ, по желанію княгини Ѳеодоры Чарторижской, а исправленъ священникомъ Лаврентіемъ Зизаніемъ-Тустановскимъ и іеромонахами Захаріемъ Копыстенскимъ и Памвою Берындою. Въ 1624 г. напечатаны бесѣды тогоже св. отца на Дѣянія св. апостоловъ, въ переводѣ, сдѣланномъ примикиріемъ печерскимъ, клирикомъ церкви львовскія и дидаскаломъ греческаго языка Гавріиломъ Дороѳеевичемъ, а исправленномъ іеромонахами Іосифомъ Святогорцемъ и Памвою Берындою. Въ 1625 г. издано Толкованіе св. Андрея, архіепископа кесарійскаго, на Апокалипсисъ, по переводу Захаріи Копыстенскаго, исправленному Лаврентіемъ Зизаніемъ. Въ 1628 г. изданы Поученія преп. аввы Дороѳея по переводу съ греческаго, исправленному Іосифомъ Святогорцемъ, протосинкелломъ александрійскаго престола. Издано было также здѣсь нѣсколько, впрочемъ небольшихъ, статей въ историческомъ и учительномъ родѣ, переведенныхъ съ греческаго, и именно: Повѣсть учительна о діаволѣ изъ скитскаго Отечника (1626. 1627), Житія преп. Памвы и св. мученицы Акилины (1626), Главизны поучительны діакона Агапита благочестив. царю Іустиніану,—переводъ самого Петра Могилы, какъ видно изъ предисловія (1628). Наконецъ, въ кіево-печерской типографіи напечатаны и нѣкоторыя оригинальныя сочиненія, каковы: а) Вирши Кассіана Саковича на смерть Сагайдачнаго (1622), б) двѣ проповѣди Захаріи Копыстенскаго, произнесенныя—одна надъ гробомъ архимандрита лавры Елисея Плетенецкаго, дру-

гая при его годичномъ поминовеніи (1625), в) Лексиконъ славенороссκій Памвы Берынды (1627), г) Аполлія Апологіи Смотрицкаго (1628), и д) Имнологія, поднесенная въ день Пасхи Петру Могилѣ отъ типографовъ печерскихъ (1630). Типографы печерскіе имѣли обычай помѣчать свои имена на книгахъ, ими напечатанныхъ, и извѣстны слѣдующіе: Памва Берында, называвшійся иногда архитипографомъ, Тарасій Земка, Стефанъ Берында, монахъ Іосифъ Кириловичъ, Тимоѳей Петровичъ, Андрей Наумовичъ и др. Нѣкоторыя книги изданы были въ печерской типографіи не на средства самой лавры, а на средства частныхъ лицъ, напримѣръ: Псалтырь и Бесѣды св. Іоанна Златоуста на Дѣянія апостольскія напечатаны иждивеніемъ пана Константина Долмата, извѣстнаго основателя чеперскаго и дятеловицкаго монастырей; Акаѳисты — иждивеніемъ намѣстника лавры Филоѳея Кизаревича; Лексиконъ славенороссκій—иждивеніемъ самого автора, Памвы Берынды, какъ и означено на этихъ книгахъ ([295]).

Не можемъ не упомянуть здѣсь еще объ одномъ сочиненіи, которое совсѣмъ уже было приготовлено для напечатанія его

([295]) См. подъ означенными годами — *Сахаров.* и *Ундольск.* Библіогр. и *Строев.* Опис. старопеч. книгъ. По выходѣ изъ типографіи Бесѣдъ св. Златоуста на посланія св. ап. Павла, «печерскаго монастыря келарь старецъ Захарѣй экзархъ» прислалъ 1 мая 1623 г., при письмѣ своемъ, по двѣ книги этихъ бесѣдъ московскому царю и патріарху, которые пожаловали ему за то, каждый, по сороку соболей въ сорокъ рублей да по сороку куницъ добрыхъ (Москов. главн. арх. М. И. Д., дѣла малоросс., год. 1623, мая 1, № 1). А когда вышли Бесѣды св. Златоуста на Дѣянія апостольскія, то съ подносными книгами отправился въ Москву одинъ изъ трудившихся по исправленію ихъ, Памва Берында, запасшись рекомендательнымъ письмомъ къ царю и патріарху отъ митрополита Іова, которое сохранилось въ подлинникѣ (тамъ же, дѣла малоросс., грам. и письма, год. 1624, сент. 1, № 5).

въ кіево-печерской типографіи, но, почему-то не было напечатано. Разумѣемъ сочиненіе Захаріи Копыстенскаго, подъ названіемъ: „Палинодія или книга обороны каѳолической, святой, апостольской всходней церкви". Копыстенскій рѣшился написать эту книгу по просьбѣ многихъ своихъ единовѣрцевъ, духовныхъ и свѣтскихъ, желая, съ одной стороны, защитить православіе, а съ другой показать самимъ отступникамъ—уніатамъ, что они тяжко согрѣшаютъ предъ Богомъ, преслѣдуя и притѣсняя православныхъ. „Оборона восточной церкви" Захаріи Копыстенскаго всѣмъ своимъ содержаніемъ направлена противъ „Обороны уніи", изданной въ 1617 году виленскимъ уніатскимъ архимандритомъ Львомъ Кревзою, опровергаетъ ее въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ она написана, и такъ же состоитъ изъ четырехъ частей: въ первой опровергаетъ мысль, будто Христосъ поставилъ апостола Петра своимъ намѣстникомъ и главою церкви; во второй—мысль, будто папа есть преемникъ ап. Петра и глава церкви; въ третьей—мысль, будто русскіе приняли крещеніе изъ Греціи, когда она находилась еще въ уніи съ Римомъ, и русскіе митрополиты были всѣ уніатами, за исключеніемъ немногихъ; въ четвертой—мысль, будто митрополитъ Рогоза и его сообщники законно и справедливо приняли унію. Книга Копыстенскаго—трудъ огромный и достопочтенный: въ началѣ ея авторъ перечислилъ болѣе сотни писателей и книгъ, которыми онъ пользовался, на греческомъ, латинскомъ, польскомъ, славянскомъ и западно-русскомъ языкахъ. По своему времени это сочиненіе весьма ученое и солидное, подобнаго которому не имѣли тогда русскіе на своемъ языкѣ, хотя и нечуждое недостатковъ и погрѣшностей, особенно въ тѣхъ частяхъ, гдѣ авторъ касается русской исторіи, говоритъ о русскихъ митро-

политахъ, о введеніи уніи и проч. Можно думать, что Копыстенскій принялся за свою книгу вскорѣ послѣ того, какъ вышла изъ печати книга Кревзы: потому что „Палинодія“ къ 26 ноября 1621 г. не только уже была составлена, но и прочитана, исправлена и одобрена людьми „мудрыми и въ письмѣ святомъ бѣглыми“, которымъ посылалъ ее авторъ для просмотра, и даже совершенно приготовлена къ печати. А почему она не была напечатана ни теперь, ни въ послѣдующее время, когда авторъ самъ сдѣлался архимандритомъ кіево-печерской лавры и хозяиномъ печерской типографіи (1624—1627), объ этомъ можно только гадать. Мы видѣли, что тогда въ большомъ ходу была мысль о соглашеніи и примиреніи православныхъ съ уніатами, что мысль эту раздѣляли и польское правительство, и уніатскіе владыки, и нѣкоторые изъ православныхъ, въ томъ числѣ самъ митрополитъ Іовъ и особенно Смотрицкій, и что Смотрицкій съ этою цѣлію еще съ 1621 года началъ писать свой катихизисъ, потомъ ѣздилъ на востокъ и, по возвращеніи, держалъ совѣщанія съ митрополитомъ и другими на двухъ съѣздахъ. Между тѣмъ изданіе „Палинодіи“ могло бы послужить важнымъ препятствіемъ къ достиженію той цѣли, къ которой стремился особенно Смотрицкій: книга эта могла только возбудить и усилить взаимную вражду православныхъ и уніатовъ, которую желательно было тогда, по возможности, укротить и умалить. Итакъ, не Смотрицкій ли, столько хлопотавшій о примиреніи православныхъ съ уніатами и имѣвшій большую силу у митрополита, былъ виновникомъ того, что печатаніе „Палинодіи“ не было разрѣшено или было пріостановлено высшею церковною властію? Какъ бы то впрочемъ ни было, но Палинодія, хотя и не была напечатана, не остава-

лась подъ спудомъ. Съ нея снимались копіи, и одна изъ такихъ копій, писанная въ 1634 году діакономъ Саввою Добранскимъ, сохранилась до настоящаго времени. Палинодіею пользовались другіе писатели для своихъ сочиненій или сборниковъ, напримѣръ, игуменъ кіево-михайловскаго монастыря Наѳанаилъ, около 1644 г., позаимствовалъ изъ нея цѣлыя десять главъ для своей „Книжицы“, которая потомъ, будучи переслана въ Москву и переложена на славянскій языкъ, напечатана здѣсь въ 1648 г. подъ названіемъ Книги о вѣрѣ ([296]).

Болѣе десяти лѣтъ продолжалось служеніе митрополита Іова западно-русской православной церкви, и въ такое трудное и тяжелое для нея время. Много требовалось ума, знанія, ревности, много мужества и практической мудрости, чтобы удержаться въ такое время на митрополитской каѳедрѣ, устоять непоколебимо на высотѣ православія и уберечь отъ расхищенія свою духовную паству, чтобы возстановить и утвердить какой либо порядокъ въ церкви, остававшейся около 25-ти лѣтъ безъ первосвятителя и подвергавшейся постояннымъ нападеніямъ отъ уніатовъ. Іовъ съ достоинствомъ выполнилъ свое призваніе. Изъ желанія блага своему народу, столько уже вытерпѣвшему отъ враждебной уніи, сочувствовалъ и Іовъ мысли войти въ соглашеніе и примиреніе съ уніатами, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы православіе при этомъ осталось неприкосновеннымъ. И потому, когда увидѣлъ, что замыслы Смотрицкаго простираются гораздо далѣе, даже до пожертвованія

([296]) Палинодія недавно напечатана въ Русск. Истор. Библіот. IV, 313—1200. О спискѣ Палинодіи 1634 года см. нашей Истор. Русск. Церкви, I, примѣч. 82. Списокъ этотъ принадлежитъ преосвящен. Павлу, епископу псковскому.

православіемъ уніи, то совершенно оставилъ эту мысль и не захотѣлъ вступать ни въ какіе переговоры съ уніатскими владыками. Другая мысль, которую Іовъ высказалъ первый со всею ясностію своимъ посольствомъ луцкаго епископа Исаакія въ Москву, состояла въ томъ, что православные, гонимые за свою вѣру во владѣніяхъ Польши, тогда только найдутъ себѣ миръ и безопасность, когда соединятся съ единовѣрною Россіею подъ скипетромъ московскаго государя. И хотя эта мысль, по обстоятельствамъ, не могла тогда осуществиться, тѣмъ не менѣе она встрѣчена была въ Москвѣ съ полнымъ сочувствіемъ, и нравственная связь Москвы съ Кіевомъ съ того времени не прекращалась. Іовъ еще неразъ присылалъ къ царю и патріарху Филарету Никитичу письма и ходатайствовалъ о милостынѣ, то для своего кіево-михайловскаго монастыря, на церковное строеніе, то для монастырей печерскаго, межигорскаго и другихъ, то для приходившихъ за милостынею аѳонскихъ иноковъ; неразъ сообщалъ царю и патріарху политическія извѣстія о Польшѣ, Литвѣ, Малороссіи, иногда чрезъ свои письма, иногда же устно чрезъ своихъ вѣрныхъ людей; прислалъ даже на службу къ царю своего роднаго сына Андрея и племянника Василія Княжицкаго. И царь, вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, давалъ, по ходатайству Іова, милостыню; посылалъ тайно ему самому денежное отъ себя жалованье, и, по просьбѣ его, отпускалъ къ нему (въ 1630 г.) изъ Путивля лекаря Гаврилку съ лекарствами, по случаю его, Іова, тяжкой болѣзни ([397]).

([397]) Ходатайство Іова о милостынѣ монастырямъ и о присылкѣ лекаря и исполненіе этого ходатайства (Москов. главн. арх. М. И. Д., дѣла малоросс., годъ 1630, марта 27, № 1). Ходатайство его о милостынѣ аѳонскимъ инокамъ (тамъ же, дѣла малоросс., граматы и письма, год. 1626,

Сестра Іова, уже послѣ его кончины, въ своей челобитной царю Михаилу Ѳедоровичу (18 марта 1640) не безъ основанія писала, что братъ ея митрополитъ Іовъ, пока былъ живъ, „служилъ вѣрно“ ему, государю, и его отцу патріарху Филарету Никитичу, и приказалъ одному изъ сыновей своихъ Андрею и своимъ племянникамъ служить московскому государю до самой смерти, а также и онъ, государь Михаилъ Ѳедоровичъ, оказывалъ свою царскую неизреченную милость не только самому Іову, но, ради его службы, и его братьямъ—Андрею и трехтемировскому игумену Порфирію, и продолжаетъ оказывать сыну Іова и племянникамъ, находящимся на московской службѣ ([298]). Наканунѣ своей смерти Іовъ составилъ духовное завѣщаніе, избравъ печерскаго архимандрита Петра Могилу и луцкаго епископа Исаакія Борисковича главными опекунами,

---

№ 22). Въ 1625 г. Іовъ присылалъ въ Москву двухъ своихъ людей Полочанина и Балакирева съ своими письмами и для устной передачи политическихъ вѣстей (тамъ же, дѣла малоросс., год. 1625, февр. 10, № 3). Въ 1627 г. присылалъ свои письма съ такими же вѣстями (тамъ же, год. 1627, марта 12, № 1). Въ 1630 г. прислалъ своего сына и племянника съ своими письмами объ нихъ (тамъ же, год. 1630, авг. 4, № 5). Въ томъ же 1630 г., окт. 4, царь послалъ путивльскимъ воеводамъ граматы свои и отца своего, патріарха, на имя кіев. митрополита Іова Борецкаго и печерскаго архимандрита Петра Могилы и 370 рублей, и приказалъ найти въ Путивлѣ надежныхъ людей, ведущихъ торговлю съ Кіевомъ, которые бы «тайно, чтобъ про то въ Кіевѣ никто не свѣдалъ», передали митрополиту и печерскому архимандриту тѣ граматы и деньги, и именно: митрополиту отъ царя 200 р. и отъ патріарха 100 р., а печерскому архимандриту 70 р. «къ прежней дачѣ въ прибавку, что послано къ нему напередъ сего 30 рублей», да провѣдали бы у митрополита и у печерскаго архимандрита о всякихъ вѣстяхъ. Митрополитъ и архимандритъ тогда же послали въ Москву свои письма съ такими вѣстями (тамъ же, год. 1630, окт. 4, № 6).

([298]) А. Ю. и З. Россіи, III, №№ 28—32. Еще о дѣтяхъ Іова—Вилен. Археогр. Сборн. VII, № 61; Львов. Лѣтопись въ Русск. Истор. Сборн. II I, стр. 242.

какъ своего кіево-михайловскаго монастыря, такъ и своего имущества. Въ завѣщаніи прежде всего „приказывалъ подъ неблагословеніемъ“, чтобы школы для просвѣщенія христіанскихъ дѣтей „въ братствѣ кіевскомъ, а не гдѣ индѣ фундовани были“, называя ихъ дѣломъ, „церкви Божіей и всему православному народу россійскому потребнѣйшимъ“. Книги своей библіотеки, греческія и латинскія, дарилъ Петру Могилѣ, а славянскія и польскія кіево-михайловскому монастырю. Всѣ свои святительскія облаченія оставлялъ томуже монастырю. Колокольню въ михайловскомъ монастырѣ, которую началъ строить, поручалъ окончить Петру Могилѣ, если то найдено будетъ возможнымъ. Столярныя работы, заказанныя для двухъ придѣловъ главной монастырской церкви, именно для придѣла введенія во храмъ пресв. Богородицы и для придѣла великомученицы Варвары, приказывалъ капитулѣ михайловскаго монастыря непремѣнно довести до конца, покрасить и поставить въ придѣлахъ. Дочери своей Евпраксіи и племянницѣ отказывалъ новую келлію въ женскомъ михайловскомъ монастырѣ (гдѣ жена его прежде была игуменьею) и дворъ свой на Подолѣ, черкасчинскій, если только онѣ сдѣлаются инокинями, а по смерти ихъ отказывалъ этотъ дворъ межигорскому монастырю. Скончался митрополитъ Іовъ 2-го марта 1631 года и погребенъ въ своемъ кіево-михайловскомъ монастырѣ (299).

(299) Духовное завѣщаніе Іова напеч. у *Голубев.* Матеріалы..., № 71. Надъ могилою Іова была помѣщена на мѣстномъ нарѣчіи слѣдующая эпитафія: «Въ церкви св. архангела Михаила Златоверхаго (которую возобновилъ) Россіане своего митрополита, дѣти отца, братія игумена, студенты мецената, убогіе милостивца, соединившись съ взаимнымъ плачемъ, похоронили, положили и написали 1631 года, мѣс. марта 2 дня, въ среду 2-й недѣли поста» (*Кальнофъ.* Тератург., въ Сборн. матеріал. для истор. топогр. Кіева, отд. II, стр. 41).

III.

Два лица преимущественно могли считаться кандидатами на митрополитскую каѳедру по смерти митрополита Іова: смоленскій и черниговскій архіепископъ Исаія Копинскій и архимандритъ кіево-печерской лавры Петръ Могила. Первый преимуществовалъ предъ всѣми по своему сану и по своимъ духовнымъ качествамъ. Онъ одинъ оставался теперь архіепископомъ у православныхъ, по отпаденіи Мелетія Смотрицкаго въ унію. Извѣстенъ былъ всѣмъ, какъ высокій подвижникъ, много лѣтъ проведшій въ антоніевой пещерѣ кіевской лавры, устроившій потомъ нѣсколько монастырей, и копавшій пещеры собственными руками даже въ санѣ епископа. Но наиболѣе выдавался Исаія въ глазахъ народа своею пламенною ревностію о православіи, наиболѣе прославился своими универсалами (1628 г.), въ которыхъ извѣщая православныхъ объ опасности, угрожавшей ихъ вѣрѣ, смѣло возставалъ не только противъ Смотрицкаго, но и противъ самого митрополита, замышлявшихъ сближеніе съ уніею. Второй, т. е. Петръ Могила возвышался надъ всѣми въ русской церкви своими внѣшними преимуществами: какъ человѣкъ знатный, „воеводичъ земель молдавскихъ“,—что̀ обыкновенно и выставлялъ въ самомъ своемъ титулѣ; какъ человѣкъ богатый,—чего недоставало тогдашнимъ православнымъ владыкамъ и что̀ для тогдашняго митрополита было весьма нужно для удовлетворенія самыхъ существенныхъ потребностей церкви, и, наконецъ, какъ настоятель въ собственномъ смыслѣ ставропигіальной лавры, вслѣдствіе чего признавалъ надъ собою власть только вселенскаго патріарха, не былъ подчиненъ никому

изъ русскихъ архіереевъ и занималъ среди русскаго духовенства самое почетное и независимое положеніе, называясь не просто архимандритомъ, но иногда, даже въ оффиціальныхъ бумагахъ, „великимъ архимандритомъ св. великой чудотворной лавры печерской“ ([300]). На Могилу, какъ на своего преемника, какбы предуказалъ самъ митрополитъ Іовъ, когда величая его въ своемъ духовномъ завѣщаніи такъ же „великимъ архимандритомъ“, избралъ его первымъ опекуномъ не только своего имущества, но и своего кіево-михайловскаго монастыря и предоставилъ ему окончить начатую здѣсь колокольню. Знаменательнымъ могло казаться и то обстоятельство, что въ десятый день по смерти Іова, 11 марта 1631 г., всѣ члены кіевскаго-богоявленскаго братства, духовные, дворяне и обитатели кіевскіе прочихъ сословій, единогласно просили Петра Могилу быть „старшимъ братомъ, опекуномъ и фундаторомъ того святаго братства, *обители и школы*“, и Могила охотно согласился, и тотчасъ же вписался въ списокъ братскій, называя себя искреннимъ послушникомъ святѣйшаго вселенскаго константинопольскаго патріарха ([301]). Нашелся-было еще человѣкъ, который будтобы домогался сдѣлаться митрополитомъ: это слуцкій протопопъ Андрей Мужиловскій. По крайней мѣрѣ, такъ донесено было королю Сигизмунду, и король написалъ (23 іюня 1631) кіевскому воеводѣ Тышкевичу, чтобы онъ воспрепятствовалъ избранію Мужиловскаго на митрополію, равно какъ избранію и кого либо другаго изъ лицъ, которые могутъ имѣть влія-

---

([300]) *Голубев.* Матеріалы..., № 55, стр. 312. Такъ же называли Петра Могилу и другіе (*Сахаров.* Обозр. библіогр., стр. 96).

([301]) Памятн. Кіев. Комм. II, № 2, стр. 40—41.

ніе на казаковъ и возбуждать ихъ противъ католиковъ и уніатовъ, и чтобы убѣждалъ казаковъ не избирать митрополита безъ вѣдома и подаванія короля. Вмѣстѣ съ тѣмъ король приказывалъ воеводѣ взять кіево-михайловскій монастырь подъ свою власть до тѣхъ поръ, пока туда не прибудетъ назначенный уже игуменъ, базиліанскій монахъ Германъ Тышкевичъ, родственникъ воеводы. Впрочемъ, король совѣтовалъ дѣйствовать при этомъ съ величайшею осторожностію, чтобы не возмутить казаковъ и не довести ихъ до кровопролитія, особенно если они уже взяли монастырь подъ свою власть и опеку. Желаніе короля исполнилось только отчасти: Мужиловскій не былъ избранъ на митрополитскую каѳедру. За то избранъ былъ другой, который еще болѣе Мужиловскаго славился своею ревностію о православіи и еще сильнѣе могъ дѣйствовать на казаковъ и возбуждать ихъ противъ уніи и латинства: избранъ былъ (около 20 іюля) именно Исаія Копинскій, архіепископъ смоленскій и черниговскій, и избранъ единогласно всею церковію, всѣмъ народомъ ([302]).

Не успѣлъ такъ же кіевскій воевода взять въ свое „держанье“ кіево-михайловскаго монастыря, чтобы передать его, по волѣ короля, своему родственнику, уніатскому монаху Тышкевичу. Братія кіево-михайловскаго монастыря поспѣшили из-

([302]) *Голубев.* Матеріалы..., № 72. Въ спискѣ кіевскихъ митрополитовъ, составленномъ при Петрѣ Могилѣ, сказано: «46 митрополитъ (Исаія) совѣтно отъ всего народа россійскаго избранъ; по немъ наста, лѣта 1632, нынѣшній свѣтло пречестнѣйшій о Христѣ, его милость отецъ Петръ Могила» (*Бычков.* Опис. рукописн. Сборн. Импер. публ. библ., I, 65—66). Въ другомъ современномъ документѣ выражено, что Исаія на митрополію кіевскую «отъ всее церкви згоднѣ обранъ» (А. З. Р. IV, № 231). Снеп. *Максимович.* Собр. Сочин. II, 201.

брать себѣ игумена православнаго—бывшаго дотолѣ намѣстникомъ въ печерской лаврѣ Филоѳея Кизаревича, который немедленно и занялъ свое настоятельское мѣсто. Было ли это дѣломъ всей братіи или одной только партіи, во всякомъ случаѣ дѣло не могло совершиться безъ воли Петра Могилы, безъ его разрѣшенія и распоряженія: потому что онъ былъ назначенъ, по завѣщанію Іова, опекуномъ кіево-михайловскаго монастыря. Къ сожалѣнію, какъ скоро объяснилось, это сдѣлано было не только для того, чтобы монастырь не перешелъ въ руки уніатовъ, но чтобы онъ не достался и новоизбранному православному митрополиту. Исаіи необходимо было теперь переселиться въ Кіевъ, а въ Кіевѣ онъ не могъ найти себѣ иного помѣщенія, кромѣ михайловскаго монастыря, гдѣ жилъ и его предмѣстникъ. И этого-то монастыря никакъ не хотѣлъ уступить новому митрополиту „Кизаревичъ. Прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ со дня избранія Исаіи, потребовалось много хлопотъ и усилій, пока михайловскіе иноки согласились принять къ себѣ на игуменство новаго митрополита. Въ 29-й день октября они составили письменный актъ, въ которомъ говорили, что, по смерти прежняго своего игумена митрополита Іова, они теперь всѣ „единогласно и полюбовно“ избрали себѣ предстателемъ, игуменомъ и пастыремъ новаго митрополита Исаію Копинскаго, „отъ всее церкви згоднѣ обраннаго“, зная его издавна, „въ томъ святомъ предстательствѣ вѣрнѣ съ братіями поступующаго и въ животѣ побожномъ всѣмъ прикладнаго, а надъ то въ вѣрѣ святой благочестивой добрѣ свѣдомого, статечнаго и ни въ чомъ не подозрѣного“. Этотъ актъ, скрѣпленный печатью и подписями всей капитулы кіево-михайловскаго монастыря, тогда же былъ занесенъ въ актовыя земскія книги

кіевскаго воеводства. Но и теперь болѣе мѣсяца Исаія не могъ поселиться въ своемъ монастырѣ: потому что изъ настоятельскихъ келлій не хотѣлъ выѣзжать прежде избранный игуменъ Филоѳей Кизаревичъ, хотя онъ оставался и намѣстникомъ печерской лавры. По одному слову Могилы, Кизаревичъ, какъ подчиненный ему, непремѣнно переселился бы на свое мѣсто въ лавру; но слово это, вѣрно, не произносилось. Оказалось нужнымъ употребить принужденіе. По приглашенію Исаіи, полковникъ запорожскаго войска Демьянъ Гарбузъ явился, 10 декабря, съ казаками въ михайловскій монастырь и выпроводилъ изъ него Кизаревича. Исаія, наконецъ, вступилъ въ управленіе своимъ монастыремъ, и что же увидѣлъ? Все было разграблено, и изъ святительской ризницы, завѣщанной Іовомъ, не осталось даже ни одного епитрахиля ([303]).

Что чувствовалъ тогда Исаія, что испыталъ при своемъ вступленіи на митрополію, какія нужды и горе увидѣлъ предъ собою, объ этомъ засвидѣтельствовалъ онъ самъ въ своихъ письмахъ къ московскому государю Михаилу Ѳедоровичу и патріарху Филарету отъ 31-го тогоже декабря, по содержанію, совершенно тождественныхъ. Выразивъ здѣсь, прежде всего, свою сердечную признательность царю и патріарху за ту милостыню, какую неразъ удостоивался получать отъ нихъ съ своими заднѣпровскими монастырями, Исаія вновь просилъ ущедрить его милостынею: „понеже, — писалъ онъ, — обнищахомъ даже до зѣла, наипаче же азъ, нищій богомольца

([303]) А. З. Р. IV, № 231; V, № 12. Кизаревичъ не переставалъ и послѣ этого титуловаться даже въ оффиціальныхъ актахъ не только намѣстникомъ печерской лавры, но и «игуменомъ златоверхомихайловскаго монастыря» (Опис. кіево-печер. лавры, Прибавл. №№ 5. 7, изд. 2).

вашъ, на негоже днѣсь, судомъ Божіимъ, паде жребій митрополіи кіевской, о нейже *много пострадахъ и днѣсь стражду*, такоже отъ сопостатовъ и явственныхъ гонителей благочестія, сице и *отъ мнимыхъ своихъ, завистію и рвеніемъ томимыхъ*.... Сопостаты (т. е. уніаты и латиняне) вооружились на насъ многою злобою и рвеніемъ, желая поглотить всѣхъ до единаго и до конца истребить благочестіе. Но мы, съ Божіею помощію, хотя и отвсюду тѣснимые, стараемся до времени, сколько возможно, противоборствовать ихъ злочестію. Если же, по грѣхамъ нашимъ, Богъ попуститъ, и мы не въ состояніи будемъ болѣе противостоять врагамъ, то мы умыслили приклонить главу къ вашей благочестивой, православной восточной державѣ, имѣя несомнѣнную надежду, что ваша милость не отрынетъ насъ, нищихъ, и не возгнушается нами.... Находясь въ тяжкихъ обстоятельствахъ, я не имѣю здѣсь никого, къ кому бы обратиться и у кого искать руки помощи: благочестивыхъ князей нѣсть, благородныхъ вельможъ оскудѣ, всѣ отъ восточнаго православія на западъ уклонишася; едва кто уже отъ худыхъ и неславныхъ при благочестіи и православнѣй вѣрѣ обрѣтается. Потому-то я и вынуждаюсь притекать къ вашей милости за помощію.... По смерти бывшаго предо мною блаженной памяти отца митрополита Іова Борецкаго, весь монастырь его *выпустошенъ остася, и до единаго патрахиля святительскаго при томъ мѣстѣ не оставиша, но вся разграбиша* (какъ же допустилъ это опекунъ монастыря?). Потому умоляю пожаловать, если можно, худость нашу какою либо вещію или матеріею на саккосъ или другую святительскую одежду для архіерейскаго служенія: у васъ этого преизобильно, у насъ же зѣло всего скудно“. Наконецъ, Исаія просилъ выслать ему

мощей святыхъ для антиминсовъ и все необходимое для освященія мура, которое (освященіе) онъ намѣревался совершить въ великій четвергъ, и пояснялъ: „у насъ во сія вся зѣло оскудно, не имамы, гдѣ ихъ достати; понежъ греченя мало бываютъ у насъ, а прежь сего отъ нихъ св. мощей доставали“. Изъ послѣднихъ словъ можно заключать, что Исаія до того времени еще не сносился съ цареградскимъ патріархомъ и не просилъ себѣ отъ него утвержденія въ митрополитскомъ санѣ: иначе испросилъ бы у тогоже патріарха и св. мощей. Вмѣстѣ съ письмами своими Исаія отправилъ въ Москву игумена густынскаго монастыря Іова и при немъ трехъ другихъ монаховъ, чтобы игуменъ на словахъ подробно передалъ царю и патріарху все, что нужно: „понеже не вся чрезъ хартію изъявлятися могутъ“. Пословъ своихъ митрополитъ отправилъ въ Москву тайно и сокровенно „ради зѣльныя боязни отъ супостатъ“, и просилъ, чтобы обратно проводили этихъ пословъ до самаго густынскаго монастыря „ради боязни стрегущихъ по пути“ ([304]). Таково было положеніе новаго кіевскаго первосвятителя!

Впрочемъ, несмотря на тайную непріязнь, которую, какъ можно догадываться, уже питалъ печерскій архимандритъ къ новому митрополиту, оба они, по видимости, соблюдали надлежащія отношенія между собою, и Могила признавалъ Исаію законнымъ митрополитомъ. Это ясно обнаруживалось при веденіи того важнаго дѣла, которымъ занимался тогда Могила. Не безъ причины митрополитъ Іовъ въ своемъ завѣщаніи строго

([304]) Письма Исаіи — въ Моск. главномъ архивѣ минист. иностр. дѣлъ, «дѣла греческія», Связка 10, № 6; напеч. въ Вѣстн. западн. Россіи 1865—1866 г., кн. V, отд. I, стр. 48—53.

наказывалъ, чтобы школы только въ братствѣ кіевскомъ, а не гдѣ либо индѣ, были фундованы: онъ, вѣрно, зналъ о намѣреніи Петра Могилы основать особую школу въ печерскомъ монастырѣ, которая могла послужить подрывомъ для братской. И Могила, казалось, послѣдовалъ завѣщанію Іова, когда, вскорѣ послѣ его кончины, принялъ на себя званіе старшаго брата, опекуна и фундатора кіевскаго братства, его обители и школъ. Спустя три мѣсяца, находясь во Львовѣ, Могила далъ отъ себя (15 іюня) въ главной церкви львовскаго братства письменный актъ, въ которомъ говорилъ, что, вознамѣрившись „фундовать школы“, онъ собралъ къ себѣ на то дѣло Божіе братію изъ нѣсколькихъ лицъ, и желая обезпечить ихъ содержаніе изъ своей собственности по фундушевой записи, даетъ теперь двумъ изъ нихъ, при немъ находящимся, іеромонаху Исаіи Трофимовичу и монаху Сильвестру Коссову, а равно и другимъ, которые впослѣдствіи къ нимъ присоединятся, обѣщаніе предъ Господомъ Богомъ, что все, имѣющее значиться въ фундушевой имъ записи, будетъ безъ отлагательства, отнюдь не далѣе какъ черезъ годъ, выполнено для нихъ въ Кіевѣ, въ печерскомъ монастырѣ или гдѣ ему-Могилѣ и имъ разсудится. Тутъ ясно не сказано, о какой школѣ заботился Могила, и можно думать, что онъ имѣлъ въ виду братскую школу, которой недавно взялся быть фундаторомъ. Это происходило еще до избранія Исаіи Копинскаго на митрополію. Но послѣ того, какъ Исаія былъ избранъ, Могила какбы отшатнулся отъ братской школы, состоявшей, вмѣстѣ съ братскимъ монастыремъ, въ подчиненіи митрополиту, и приступилъ къ основанію особой школы въ лаврѣ. Онъ, вмѣстѣ со всею печерскою братіею, постановилъ помѣстить школу и „новопостриженную бра-

тію для преподаванія наукъ", при троицкой церкви, устроенной надъ монастырскою брамою (воротами), въ больничномъ монастырѣ, находившемся на правой сторонѣ отъ брамы при выходѣ изъ лавры, назначивъ для больничнаго монастыря соотвѣтствующее мѣсто на лѣвой сторонѣ отъ тѣхъ же воротъ при выходѣ изъ лавры. А 18-го ноября 1631 г. издалъ грамату, въ которой отъ себя и отъ всей лаврской капитулы объявлялъ, что, по просьбѣ ихъ, вселенскій—константинопольскій патріархъ Кириллъ соизволилъ дать имъ свое пастырское благословеніе на основаніе православнаго училища въ кіево-печерскомъ монастырѣ при троицкой церкви надъ монастырскими воротами; что тоже „дозволилъ и благословилъ и преосвященный архіепископъ кіевскій, галицкій и всея Россіи, благочестивый тогоже вселенскаго патріарха константинопольскаго послушный и подвѣдомый митрополитъ киръ Исаія Копинскій", вмѣстѣ съ благочестивыми епископами: луцкимъ Исаакіемъ, пинскимъ Аврааміемъ и холмскимъ Паисіемъ; что о томъ же просили и все благочестивое духовенство, монашествующее и бѣлое, всѣ благородные обыватели воеводства кіевскаго, весь православный народъ польской державы, и что братія, призванные на то святое и весьма полезное всей православной церкви дѣло, уже водворены при троицкой церкви на назначенномъ имъ мѣстѣ, для преподаванія свободныхъ наукъ на греческомъ, славянскомъ и латинскомъ языкахъ, съ сохраненіемъ православной вѣры восточнаго благочестія, и будутъ всегда пользоваться отъ лавры полнымъ содержаніемъ ([305]). Если и при-

([305]) Опис. кіево-печер. лавры, Прибавл. №№ 4. 5. 6. 7; Памятн. Кіев. Коммис. II, № 7. *Герличъ* пишетъ, будто монахи троицкаго больничнаго монастыря не соглашались уступить его подъ школу, и Петръ Могила употре-

знать за несомнѣное, что вселенскій патріархъ благословилъ основать училище въ лаврѣ, то трудно повѣрить, чтобы тоже дозволилъ и благословилъ и митрополитъ кіевскій съ своими епископами, о томъ же просили кіевское дворянство, все духовенство и всѣ православные Литвы и Польши. Трудно потому, что едва только сдѣлалось извѣстнымъ объ открытіи лаврскаго училища, какъ всѣ дворяне, обыватели воеводства кіевскаго, вписные члены кіевскаго братства, обратились къ Петру Могилѣ съ просьбою, чтобы онъ благоволилъ перевести свои школы и находящихся при нихъ учителей изъ лавры въ братскій богоявленскій монастырь и навсегда здѣсь „уфундовалъ“. И когда Могила на это согласился, то дали ему отъ себя, 30 декабря, письменное удостовѣреніе, что онъ, соотвѣтственно выраженнымъ имъ условіямъ, какъ старшій братъ, будетъ пожизненнымъ блюстителемъ и опекуномъ не только братскихъ школъ, но и братскаго монастыря, со всѣми ихъ имѣніями, и будетъ завѣдывать ими совокупно съ ежегодно-избираемыми братскими старостами, не нарушая однакожъ „фундуша, пожалованнаго братству отъ святѣйшаго константинопольскаго патріарха“ (вѣроятно, разумѣются граматы патр. Ѳеофана, данныя братству по уполномоченности отъ константинопольскаго патріарха), и съ тѣмъ, чтобы призванные имъ учители всѣ неизмѣнно состояли подъ благословеніемъ цареградскаго патріарха. Вслѣдъ за кіевскими дворянами усильно просили Петра Могилу о томъ же и самъ митрополитъ Исаія Копинскій, и всѣ православные епископы, архимандриты, игумены,

---

билъ противъ нихъ насиліе, особенно противъ игумена того монастыря Арсенія (*Ioachima Jerlicza* Latopisiec albo Kroniczka, I, 58—59, Wasrzawa 1853).

іеромонахи, протоіереи, іереи и иноки, вписные братія кіево-богоявленскаго братства, и 5-го генваря 1632 г. дали отъ себя Могилѣ точно такое же письмённое удостовѣреніе, въ которомъ митрополитъ прибавилъ отъ себя только слѣдующее: „на возглашеніяхъ и эктеніяхъ должно быть поминаемо тамъ (т. е. въ училищномъ монастырѣ) имя митрополита, потому что какъ сначала то святое мѣсто стараніемъ нашимъ было фундовано, такъ и теперь за нашимъ благословеніемъ имѣетъ устрояться". Наконецъ, о томъ же самомъ просили Могилу и дали ему, 12-го марта, такое же письменное удостовѣреніе и гетманъ Иванъ Пестрижицкій, эсаулы, полковники и все запорожское войско, и обѣщались братскій монастырь, школы, богадѣльню и все, къ нимъ относящееся, имѣть подъ своею защитою и стоять за нихъ до самой смерти ([306]). Вотъ сколько просьбъ, и какихъ просьбъ, понадобилось, чтобы склонить Могилу, воеводича земель молдавскихъ, исполнить то, что завѣщалъ ему, какъ своему опекуну, митрополитъ Іовъ Борецкій! Впрочемъ, хотя Могила еще къ концу 1631 г. обѣщалъ кіевскимъ дворянамъ перенесть свою школу въ братскій монастырь, но она оставалась въ лаврѣ, по крайней мѣрѣ, до пасхи слѣдующаго года, какъ свидѣтельствуетъ небольшая книжка стихотвореній, подъ заглавіемъ: „Евхаристиріонъ", напечатанная въ лаврской типографіи 29 марта 1632 г. и поднесенная лаврскою школою Петру Могилѣ въ день воскресенія Христова. Эта книжка, остающаяся единственнымъ памятникомъ существованія лаврской могилянской школы, даетъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія и о самой школѣ. Въ заглавіи книжки школа называется гимназіею, а ученики ея

([306]) Памятн. Кіев. Коммис. II, №№ 8. 9. 10.

спудеями, т. е. студентами. Подъ стихотвореніями подписаны имена 23 учениковъ изъ класса риторики. Въ первой части книжки (а ихъ двѣ: первая названа „Геликонъ“, вторая „Парнасъ“) воспѣваются „осмь кореній наукъ вызволеныхъ“, которые насадилъ въ своей школѣ—Геликонѣ Петръ Могила. И коренья эти перечисляются такъ: первый—грамматика, вторый—риторика, третій—діалектика, четвертый—ариѳметика, пятый—музыка, шестый—геометрія, седьмой—астрономія, восьмой корень и верхъ всѣхъ наукъ — ѳеологія. Подъ предисловіемъ книжки подписался „професcоръ“ риторики Софроній Почаскій ([307]). Это уже было третье лице изъ среды той ученой братіи, которую собралъ Петръ Могила для преподаванія наукъ въ своей школѣ. Есть извѣстіе, хотя и несовременное, что Петръ Могила еще до основанія своей школы избралъ нѣсколько способныхъ молодыхъ людей и посылалъ ихъ на свой счетъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ и приготовленія къ учительству. Къ числу этихъ людей, вѣроятно, и принадлежалъ Софроній Почаскій, который въ 1622 г. былъ ученикомъ кіево-братской школы, и первый изъ своихъ товарищей подписался подъ виршами Саковича на смерть Сагайдачнаго. Къ тѣмъ же людямъ принадлежалъ Иннокентій Гизель, родившійся въ Пруссіи, въ реформатскомъ исповѣданіи, и тамъ же получившій первоначальное образованіе, но въ молодые годы пришедшій въ Кіевъ и принявшій здѣсь православіе и впослѣдствіи монашество; принадлежали, вѣроятно, еще два лица: Игнатій Аксеновичъ - Старушичъ и Іосифъ Коновичъ-

([307]) *Сахаров.* Обозр. библіогр., № 286; *Максимович.* Собр. Сочин. II, 202—203. 212—213.

Горбацкій, которые также являются въ числѣ первыхъ учителей могилянской школы ([308]). Но чтобы къ тѣмъ же воспитанникамъ Могилы, которыхъ посылалъ онъ за границу, принадлежали и іеромонахъ Исаія Трофимовичъ и монахъ Сильвестръ Коссовъ, это сомнительно: въ такомъ случаѣ они, естественно, возвратились бы изъ-за границы къ своему меценату, и ему не нужно было бы ѣхать во Львовъ, чтобы заключить съ ними условія въ братской церкви. Вѣроятнѣе, они состояли уже учителями въ львовскомъ братскомъ училищѣ, получивъ высшее образованіе, можетъ быть, и въ заграничныхъ училищахъ еще прежде, безъ помощи отъ Могилы. Да и самъ Могила свидѣтельствуетъ, что Исаія Трофимовичъ былъ іеромонахомъ виленскаго братства еще при архимандритѣ Леонтіѣ Карповичѣ (+1620) ([309]). Гдѣ бы впрочемъ ни воспитались тѣ учители, которыхъ собралъ Петръ Могила, но несомнѣнно, что онъ собралъ ихъ „съ великимъ стараніемъ и съ немалымъ иждивеніемъ“, и что это были „люди, испытанные въ святомъ восточномъ православіи, искусные въ знаніи свободныхъ наукъ и благочестивые“, какъ засвидѣтельствовалъ самъ митрополитъ

([308]) *Максимовичъ*. Собр. Сочин. II, 177—178. 186. Гавріилъ Домецкій, который самъ учился въ кіево-братскомъ училищѣ, писалъ, въ концѣ XVII в., къ новгородскому митрополиту Іову: «Пославъ Петръ Могила отъ всея капитулы кіевскія въ Царьградъ къ св. патріарху, испроси отъ него благословеніе завести школы въ Кіевѣ латинскихъ и польскихъ училищъ, и *прежде* избравъ монаховъ угодныхъ, разослалъ въ разныя государства ради наукъ, между которыми былъ покойникъ Иннокентій Гизель».

([309]) Петръ Могила въ своихъ запискахъ, которыя доселѣ не изданы, говоритъ: «Повѣда намъ отецъ Исаія Трофиміусъ, іеромонахъ виленскаго братства, объ единомъ старцѣ своемъ архимандритѣ виленскомъ Леонтіѣ Карповичѣ,—сей убо въ Вильнѣ первый начальникъ общему житію бѣхъ, — яко егда въ общемъ сокровищи сицево оскудѣніе бѣ»... и проч. (*Голубевъ*. Библіогр. замѣтка, въ Холмско-варшав. Епарх. Вѣстникѣ 1880, № 3, стр. 51).

Исаія Копинскій со всѣмъ духовенствомъ въ своемъ письменномъ удостовѣреніи, о которомъ нами упомянуто выше. Въ братскій богоявленскій монастырь лаврская школа Могилы, вмѣстѣ съ учителями, переведена не прежде, какъ во второй половинѣ 1632 года ([310]).

Но не одному братству кіевскому, съ его монастыремъ и училищемъ, показывалъ свое участіе и заботливость митрополитъ Исаія; сохранился памятникъ его заботливости и о братствѣ луцкомъ. При этомъ братствѣ, по примѣру нѣкоторыхъ другихъ, образовалось братство „юношеское“, т. е. изъ молодыхъ людей. Они написали себѣ уставъ и представили на разсмотрѣніе и утвержденіе митрополита. Исаія отвѣчалъ юношамъ (отъ 1-го марта) пастырскимъ посланіемъ: извѣщалъ ихъ, какъ много они утѣшили его своею ревностію о благочестіи, молилъ Бога, да наставляетъ и вразумляетъ ихъ во всемъ, и „благословляя ихъ отъ святѣйшія митрополіи кіевской благословеніемъ іерусалимскимъ“, признавалъ приличнымъ, разрѣшалъ и утверждалъ уставъ ихъ. Вслѣдъ затѣмъ святитель преподалъ членамъ новообразовавшагося братства и нѣсколько наставленій. „Прежде всего,—писалъ онъ,—напоминаемъ и просимъ: если Господь Богъ дастъ вамъ совершить что либо, то духъ гордости и тщеславія да не имѣетъ къ вамъ ни малѣйшаго доступа; но да пребываетъ въ васъ духъ покорности, смиренія и послушанія Христова, и особенно надлежащаго почтенія къ старшимъ и родителямъ вашимъ... Собранія ваши, сообразно начертаннымъ правиламъ, не должны бывать безъ поученія и наставленія книжнаго, во избѣжаніе празднословія,

([310]) Памятн. Кіев. Коммис. II, № 9, стр. 115—116.

смѣха и соблазна.... Прилагайте, каждый по возможности своей, попеченіе объ училищѣ и богоугодныхъ дѣлахъ милосердія въ вашемъ братствѣ. Пусть духовный отецъ, любящій нравственную чистоту, присутствуетъ всегда при вашихъ собраніяхъ; а для надзора, совѣта, порядка и наставленія вашего имѣйте всегда двухъ честныхъ мужей изъ старѣйшаго братства, духовнаго званія или свѣтскаго, которые не должны приписывать себѣ власти и ктиторства, но должны, по отеческой любви, ходить къ вамъ, какъ къ своимъ любимымъ дѣтямъ, и внушать вамъ все богоугодное, доброе и полезное для церкви Божіей... Пусть каждый изъ васъ ежегодно четыре раза, именно въ четыре поста, очищаетъ свою совѣсть исповѣдью и укрѣпляетъ себя пріобщеніемъ св. Христовыхъ таинъ. А для сего необходимо избрать одного благоразумнаго отца духовнаго и вполнѣ уважать его. Собранія ваши должны происходить при церкви православной.... Еретика-человѣка, т. е. уніата, схизматика отвращайтесь, не сообщайтесь съ нимъ и, какъ отъ члена сгнившаго, удаляйтесь.... Благочестіе восточное любите, а отступническихъ ересей берегитесь; ведите жизнь чистую и безъ порока; искренне храните братолюбіе, чѣмъ прославите Господа, и благословенные въ юности вашей исполните лѣта многая“ и проч. ([311]). Изъ этихъ наставленій можно заключать, что такое были братства юношескія или младшія при братствахъ старшихъ, и какое имѣли внутреннее устройство.

Памятникомъ заботливости митрополита Исаіи о подвѣдомомъ ему духовенствѣ служитъ его „Наказъ“ приходскимъ священникамъ. Наказъ содержитъ слѣдующія самыя простыя

([311]) Памятн. Кіев. Коммис. I, № 12.

правила, въ которыхъ, однакожъ, вѣрно нуждалось духовенство: а) каждый священникъ имѣлъ бы своего духовника и исповѣдывался предъ нимъ, какъ можно чаще; б) никто не переходилъ бы отъ одной церкви къ другой, безъ вѣдома своего православнаго митрополита, и для того не подкупалъ бы свѣтскихъ властей; в) никто, по своимъ духовнымъ дѣламъ, не обращался бы къ суду свѣтскому, но зналъ бы своего митрополита; г) никто не вмѣшивался бы въ приходъ другаго, и связаннаго и запрещеннаго однимъ священникомъ не разрѣшалъ бы и не прощалъ безъ вѣдома связавшаго; д) послѣ ѣды не совершать крещенія, особенно ночью, кромѣ великой нужды; е) ночью не вѣнчать брака, но тотчасъ послѣ службы Божіей, натощакъ и не упившись; ж) тщательно распрашивать свидѣтелей о приступающихъ къ браку, не вѣнчаны ли они съ кѣмъ прежде и не состоятъ ли между собою въ родствѣ; з) которые имѣютъ сожитіе между собою безъ вѣнчанія, тѣхъ отлучать отъ церкви и объявлять объ нихъ людямъ; и) никто да не ходитъ въ корчму, подъ строгою отвѣтственностію предъ нами, митрополитомъ; і) къ больнымъ ходить нелѣпостно, а не посылать дьяковъ, и о причастіи св. таинъ не торговаться; к) гдѣ церковь не освящена, стараться вмѣстѣ съ прихожанами объ освященіи ея: иначе она будетъ запечатана; л) въ алтарѣ долженъ находиться антиминсъ отъ православнаго митрополита, также чаша, дискосъ, лжица и все прочее, что нужно для службы Божіей; м) осужденныхъ свѣтскимъ судомъ на смерть исповѣдывать и удостоивать причастія, но просить судъ, чтобы они въ тотъ же день не были казнены; н) женщинъ, которыя, во время родовъ, готовятся умереть, тотчасъ же, по обмытіи ихъ, причащать; о) тяжко больныхъ, которые

предъ смертію не могутъ говорить и исповѣдаться, но желаютъ таинъ Христовыхъ, непремѣнно нужно причащать ([312]).

При кіево-печерской лаврѣ, неподалеку отъ нея, находился и женскій монастырь, называвшійся также печерскимъ. Въ 1632 г., 24 февраля, начальницѣ этого монастыря Олимпіадѣ Рогозянкѣ Силичовой и жившимъ съ нею инокинямъ отдала или пожертвовала какая-то Христина Малинская, урожденная княгиня Вишневецкая, еще два монастыря, преображенскій и благовѣщенскій, находившіеся въ ея родовомъ имѣніи, въ селѣ Сельцѣ, въ кіевскомъ воеводствѣ. Вмѣстѣ съ монастырями жертвовательницаотдала и самое Сельцо съ крестьянами, землями, угодіями и доходами, но съ условіемъ, чтобы монастыри эти, находясь подъ властію кіево-печерскаго женскаго монастыря и получая отъ него настоятельницъ, пребывали неизмѣнно „подъ послушенствомъ“ константинопольскаго патріарха. Пожертвованіе свое совершила Христина Малинская, по благословенію и дозволенію митрополита Исаіи и кіево-печерскаго архимандрита Петра Могилы ([313]).

Одною изъ самыхъ чувствительныхъ потерь въ то время для церкви православной и, въ частности, для митрополита Исаіи, была потеря князя Іереміи Корыбута Вишневецкаго, какъ по знатности его рода, такъ по богатству и связямъ. Въ его-то владѣніяхъ находились всѣ три монастыря, густынскій, лядинскій и мгарскій, которые, съ согласія и на пожертвованія его благочестивыхъ родителей, особенно его матери Раисы Могилянки, устроилъ Исаія и имѣлъ въ своемъ пожизненномъ

([312]) А. З. Р. IV, № 232.
([313]) Собр. Минск. грам. № 92.

управленіи. Не вдругъ, кажется, князь Іеремія измѣнилъ вѣрѣ отцевъ, но довольно долго колебался, хотя и отдавалъ предпочтеніе латинству. Это обнаружилъ онъ уже въ 1628 г., когда, какъ мы упоминали, по письму уніатскаго митрополита Рутскаго, готовъ былъ изгнать Исаію Копинскаго изъ своихъ владѣній за высказанную имъ ревность о православіи. Въ такомъ же нерѣшительномъ состояніи по отношенію къ вѣрѣ оставался князь Іеремія и спустя четыре года. Кіево-печерскій архимандритъ Петръ Могила, которому мать князя приходилась двоюродною сестрою, посвятилъ ему свою проповѣдь, произнесенную въ недѣлю крестопоклонную, въ лаврской церкви, и напечатанную 4 марта 1632 г. подъ названіемъ: „Крестъ Христа Спасителя и каждаго человѣка“. Въ посвященіи этой проповѣди князю, помѣченномъ 1-мъ числомъ іюня, и слѣд. послѣ прибавленномъ, Могила говорилъ: „когда я посмотрю на клейнодъ пресвѣтлаго дома вашей княжеской милости, вижу тамъ крестъ Христовъ, чрезъ вѣру православную церкви апостольской каѳолической на востокѣ уфундованный. Въ этой вѣрѣ, начиная отъ Димитрія Корибута и сына его Корибута Дмитріевича, короля чешскаго, брата Ягелла короля польскаго и Витовта князя литовскаго, всѣ предки вашего дома пребывали и составляли ея опору. Надѣюсь, что православная церковь найдетъ опору и въ особѣ вашей милости... Прошу и молю, чтобы ваша княжеская милость и сами пребывали въ отеческой вѣрѣ и подданныхъ своихъ старались удерживать въ ней, помня науку того знаменитаго мужа, который говоритъ, что пусть ни одинъ князь не допускаетъ перемѣнить отцевскаго вѣроисповѣданія на какое либо другое, такъ какъ въ дѣлахъ людскихъ ничего нѣтъ болѣе драгоцѣннаго религіи, т. е. прѣ-

вославной вѣры, и боронить ее необходимо со всевозможнымъ стараніемъ". Князь, повидимому, еще не измѣнилъ вполнѣ вѣрѣ отцевъ, но готовъ былъ измѣнить, и его нужно было просить, умолять, чтобы онъ оставался въ православіи и служилъ ему обороною. Эту же самую просьбу, только гораздо сильнѣе и подробнѣе, излагалъ предъ княземъ Іереміею Вишневецкимъ митрополитъ Исаія въ своемъ посланіи къ нему, и излагалъ не отъ себя только, но и отъ лица всей церкви. „Великая жалость, милостивый князь, объемлетъ сердца всѣхъ насъ, духовныхъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, — писалъ святитель,— при видѣ того, что ваша княжеская милость, вожделѣнная утѣха нашей старожитной греческой вѣры, не слѣдуешь по стопамъ своихъ предковъ и родителей. Плачетъ также и горько сѣтуетъ церковь Божія, мать наша, что ты отъ нея отвращаешься... Чтожъ нашелъ ты въ церкви Божіей сомнительнаго, подозрительнаго, еретическаго? Не она ли мать всего христіанства? Не Іерусалимъ ли—глава всего свѣта? Развѣ не тамъ Господь нашъ совершилъ наше спасеніе своею святѣйшею кровію? Не тамъ поставилъ самъ перваго епископа, патріарха іерусалимскаго, своего намѣстника? Развѣ не оттуда ученіе Христово распространилось по всему міру, отъ востока до запада, и дошло до самаго Рима? Чѣмъ же Римъ лучше Іерусалима, и зачѣмъ Іерусалимомъ, матерью всѣхъ церквей, пренебрегаютъ, а къ Риму обращаются, Іерусалимъ порицаютъ, а Римъ превозносятъ?... Въ Іерусалимѣ Христосъ за насъ умеръ, тамъ изъ мертвыхъ воскресъ, тамъ и вознесся на небо, тамъ и ниспослалъ Св. Духа на своихъ учениковъ и апостоловъ, тамъ на вѣчную память и св. гробъ свой оставилъ, тамъ и намѣстника по себѣ патріарха Іакова поставилъ. Чѣмъ же Римъ лучше Іерусалима?

Тутъ намѣстникъ Іисуса Христа—патріархъ, а тамъ намѣстникъ св. ап. Петра—папа; тутъ гробъ Христовъ, а тамъ гробъ Петровъ... По милости Божіей, въ церкви нашей нѣтъ никакого заблужденія, никакой ереси. Что разъ приняла она, какіе члены вѣры утверждены на седми вселенскимъ соборахъ, тѣ всѣ сохраняетъ она въ цѣлости, ничего къ нимъ не прибавляя и ничего отъ нихъ не убавляя. Не вѣдаю, кто сдѣлалъ ее такъ противною тебѣ, кто тебя отъ нея отвратилъ или отвращаетъ: Божіе неблагословеніе останется на немъ вѣчно. Всѣ мы знаемъ, подъ какими страшными условіями относительно вѣры, подъ какими обязательствами и клятвами, оставила тебя твоя родительница, отходя изъ сего міра. На чью-жъ душу падетъ то?... Что за утѣху, что за пріобрѣтеніе обрѣли и обрѣтаютъ себѣ всѣ тѣ, которые отступаютъ отъ старожитной своей вѣры? Если для славы это дѣлаютъ, то бо̀льшую славу и уваженіе отъ всѣхъ людей имѣютъ люди твердые въ своей вѣрѣ, нежели колеблющіеся и непостоянные. Развѣ не великую славу имѣли князья острожскіе, воевода кіевскій и сынъ его воевода волынскій? Развѣ не великую славу имѣлъ повсюду твой, святой памяти, родитель Михаилъ Корыбутъ? Развѣ не былъ онъ утѣхою и подпорою всѣмъ правовѣрнымъ? Развѣ не славны были рыцарскими доблестями въ Коронѣ-польской предки твои, начиная съ Олгерда, твоего прадѣда, великаго князя литовскаго?... Всѣ они были вѣры греческой, и имъ то ничего не вредило, напротивъ тѣмъ были они еще славнѣе. Всѣ они были вѣры греческой: ужели жъ ты одинъ будешь отъ нихъ отлученнымъ? Не дай того Боже... Мы молимъ и не престанемъ молить Господа Бога, чтобы Онъ не допустилъ тебя отступить отъ своей старожитной апостольской вѣры. Хоть

и говорятъ наши противники, что греческая вѣра — хлопская; но въ такомъ случаѣ хлопской вѣры были и цари греческіе и великіе монархи; хлопской вѣры были и апостолы, и патріархи, и всѣ св. отцы восточной церкви, которыхъ мы признаемъ великими. Униженно прошу вашу княжескую милость именемъ всего христіанства, именемъ всей церкви: не давай увлекать себя политическими видами; помни своихъ родителей, какой они были вѣры, не холопской, не еретической, но старожитной, апостольской, чистой и незатемненной никакими человѣческими вымыслами. Почемужъ тебѣ не слѣдовать вѣрѣ твоихъ предковъ, въ которой ты родился? Не къ чужой, но къ своей матери, церкви Божіей, вернешься... Именемъ Божіимъ, все духовенство, все христіанство со слезами просимъ: не отвращайся своей вѣры, но возвратись къ церкви Божіей, твоей природной матери, и утѣшь всѣхъ насъ“... и проч. Настоящее посланіе Исаіи Копинскаго, очевидно, написано въ такое время, когда онъ еще дѣйствительно былъ и признавался митрополитомъ, и имѣлъ право говорить отъ лица всего духовенства, всей церкви (314).

Очень вѣроятно, что и Петръ Могила, который 4-го марта напечаталъ свою проповѣдь, а чрезъ три мѣсяца, 1-го іюня, вздумалъ посвятить ее князю Іереміи Вишневецкому, и митрополитъ Исаія обращались къ могущественному князю и старались пробудить въ немъ любовь къ отеческой вѣрѣ по одному и томуже случаю, чрезвычайно важному для православныхъ, когда они наиболѣе нуждались въ поддержкѣ князя, и эта поддержка могла быть для нихъ весьма благодѣтельною. Въ 1632 г.,

(314) А. З. Р. IV, № 233.

30 апрѣля, скончался король Сигизмундъ III, главный виновникъ и поборникъ уніи, 45 лѣтъ царствовавшій и 45 лѣтъ непрерывно угнетавшій православіе для уніи. Православные рѣшились воспользоваться смертію своего гонителя и возвратить себѣ, при избраніи новаго короля, всѣ права, отнятыя у нихъ насиліемъ. Немедленно начались приготовленія къ конвокаціонному сейму, который назначенъ былъ на 27-е іюня. Дворяне спѣшили на сеймики, писали инструкціи своимъ посламъ; духовныя власти совѣщались между собою и сносились съ дворянами. Петръ Могила писалъ (12 мая) даже къ протестанту, князю Христофору Радзивилу, гетману литовскому, какъ къ своему „великому пріятелю“ и какъ „всегдашнему пріятелю и благожелателю народа россійскаго, сыновъ старожитной церкви восточной“, и просилъ его совѣта, поддержки, участія въ дѣлѣ православныхъ особенно теперь, выражаясь: „поистинѣ, насталъ часъ и намъ, обиженнымъ, отозваться и добиться своего, что намъ по справедливости принадлежитъ. Самъ Богъ тамъ, гдѣ правда, основа всѣхъ добродѣтелей, а она съ нами. Нужны намъ только согласіе и единодушіе... Со всѣмъ шляхетскимъ станомъ мы уже сносимся: наиболѣе же просимъ твоего мудраго совѣта и помощи“... ([315]). Неудивительно, если Могила и митрополитъ Исаія вспомнили тогда и о могущественномъ князѣ Іереміи Вишневецкомъ и попытались пробудить въ немъ сочувствіе къ православной вѣрѣ, привлечь его на свою сторону. Къ назначенному времени отправили своихъ пословъ на конвокаціонный сеймъ и православное духовенство, и дворяне, и

([315]) Вилен. Археогр. Сборн. VII, № 64. Радзивилъ присылалъ къ Могилѣ своего посланца съ отвѣтомъ (тамъ же № 263).

казаки, и братства. Главнымъ духовнымъ посломъ былъ кіево-печерскій архимандритъ Петръ Могила, имѣвшій уполномоченность не только отъ всего духовенства, но и лично отъ митрополита Исаіи Копинскаго, который, по болѣзни и слабости здоровья, не могъ самъ ѣхать на сеймъ. Дворянскимъ посламъ, въ числѣ которыхъ находились Лаврентій Древинскій, чашникъ волынскій, и князь Юрій Пузина, ловчій волынскій, было сказано: „прежде всего (ante omnia) стараться о томъ, чтобы православному митрополиту и епископамъ возвращены были епархіи и церковныя владѣнія, отнятыя уніатами, и чтобы православная церковь вполнѣ была удовлетворена во всѣхъ своихъ правахъ, а безъ того не приступать ни къ какимъ другимъ дѣламъ и къ самому избранію короля". Казаки также наказывали своимъ посламъ—добиваться полнаго успокоенія старожитной греческой вѣры и расширенія вольностей казацкихъ ([316]).

Но всего замѣчательнѣе поступило виленское свято-духовское братство отъ лица братствъ или, вѣрнѣе, отъ лица всего православнаго русскаго народа. Оно послало на сеймъ съ своими уполномоченными цѣлую книгу, которая заблаговременно была составлена, напечатана и посвящена всему сенату и всѣмъ посламъ, собравшимся на конвокаціонный сеймъ, подъ заглавіемъ: „Синопсисъ или краткое описаніе правъ, привилегій, свободъ и вольностей, данныхъ литовскими князьями и польскими королями народу русскому, находящемуся неизмѣнно въ послушаніи константинопольскому патріарху". Въ предисловіи къ книгѣ изложены были жалоба и просьба русскаго

([316]) *Гермич.* Latopisiec, str. 56; Архив. юго-западн. Россіи, ч. II, т. I, стр. 189; ч. III, т. I, стр. 326; *Голубев.* Матеріалы..., №№ 73. 74.

народа: жалоба на тѣ несправедливости и притѣсненія, которыя столько уже лѣтъ терпѣлъ онъ изъ-за своей старожитной греческой вѣры отъ отступниковъ—уніатовъ; просьба о томъ, чтобы сенаторы и послы, собравшіеся на конвокаціонный сеймъ, благосклонно приняли и прочли подносимую имъ книгу, обсудили дѣло со всѣмъ безпристрастіемъ и оказали, наконецъ, невинно-страждущему народу русскому должную справедливость ([317]). Въ самой книгѣ кратко излагались, въ хронологическомъ порядкѣ, по годамъ, тѣ права и привиллегіи, какія, со времени крещенія Руси и по 1632 годъ, даваемы или только подтверждаемы были сперва русскими, потомъ литовскими князьями и польскими королями западно-русскому народу, и при изложеніи постоянно указывалось на то, что эти права давались именно русскимъ, состоящимъ подъ властію константинопольскаго патріарха, а не уніатамъ, и что, въ частности, тѣ права, которыя пожалованы были виленскому братству Св. Троицы, пожалованы именно православному братству, а не уніатскому. Все это подтверждалось ссылками на несомнѣнные документы, или выписками изъ нихъ, или свидѣтельствами историковъ, не русскихъ, а латино-польскихъ, Кромера и Стрыйковскаго. Эта книга, составленная очень разумно, вѣроятно, самимъ ученымъ ректоромъ виленскаго свято-духовскаго училища Іосифомъ Бобриковичемъ или кѣмъ либо изъ наставни-

---

([317]) Предисловіе это напечатано, въ русскомъ переводѣ, у *Бантышъ-Каменскаго* подъ именемъ «свидѣтельства, поданнаго на тогдашнемъ сеймѣ отъ утѣсненнаго народа русскаго». Но напечатано съ пропусками, дополненіями, измѣненіями и безъ конца (Историч. Извѣст. объ Уніи, подъ 1632 годомъ). Самая книга по-польски имѣетъ заглавіе: Synopsis, albo krótkie spisanie praw, przywilejow, swiebody, wolnosci... narodowi Ruskiemu nadanych...

ковъ тогоже училища, и заключающая въ себѣ нѣкоторыя драгоцѣнныя свѣдѣнія, не встрѣчающіяся въ другихъ источникахъ ([318]), роздана была сенаторамъ и посламъ еще до открытія сейма, такъ что они могли, иные, можетъ быть, въ первый разъ, ясно увидѣть изъ нея и сознать всю непререкаемость правъ русскаго народа, попираемыхъ уніею. Послѣдствія такой мѣры немедленно обнаружились. Лишь только открылся сеймъ

([318]) Таковы свѣдѣнія о нѣкоторыхъ западно-русскихъ митрополитахъ, о времени основанія виленскаго святотроицкаго братства и др. Напримѣръ, относительно *митрополита Сильвестра Бѣлькевича* въ Синопсисѣ, подъ 1557 годомъ, сказано: нареченный митрополитъ Сильвестръ и воевода новгородскій Иванъ Горностай своими листами оповѣстили, что дворянинъ, посланный королемъ къ константин. патріарху Іоасафу, «воротился и принесъ Сильвестру благословеніе и сакру на митрополію всей Руси»; сказано далѣе, что вслѣдъ за тѣмъ король разослалъ универсалы свои, въ которыхъ, назначивъ день для поставленія митрополита, приказывалъ епископамъ и всему духовенству явиться въ Вильну на посвященіе митрополита и для отданія ему послушенства: «нѣсколько этихъ универсаловъ находится и у насъ»,— прибавили члены виленскаго свято-дух. братства. Относительно *митрополита Іоны Протасовича Островскаго* подъ 1567 годомъ сказано, что, по смерти въ томъ году митр. Сильвестра, король Сигизмундъ Августъ посылалъ листъ къ цареградскому патріарху Митрофану, и просилъ посвятить на митрополію новоизбраннаго митрополита Іону, *епископа туровскаго и пинскаго*, а при листѣ короля посылали свой листъ и обыватели вел. княжества литовскаго съ такою подписью: «паны сенаторы вел. княжества литовскаго, князья, воеводы, кастеляны, старосты и державцы закону греческаго Преосвященству твоему, господину и отцу нашему, челомъ бьемъ». «Этотъ листъ, — прибавили свято-духовскіе братчики,—понынѣ находится въ нашемъ скарбѣ церковномъ» (Снес. далѣе примѣч. 322). Подъ 1584 годомъ сказано: тотъ годъ былъ счастливъ для нашего свято-троицкаго братства, потому что «въ *тотъ годъ* (т. е. 1584-й) наипервей митрополитъ Онисифоръ братство наше заложилъ, далъ ему писанные порядки (уставъ) за подписомъ своей руки, и приложеніемъ митрополитской печати аппробовалъ... Этотъ уставъ въ оригиналѣ поднесь находится у насъ, и мы готовы показать его каждому». Эти свѣдѣнія, не бывшія у насъ подъ руками при составленіи IX-го тома нашей исторіи, мы напечатали здѣсь въ дополненіе къ 330, 350 и 418 страницамъ означеннаго тома.

(въ іюнѣ 1632 г.), и русскіе послы, ссылаясь на данныя имъ инструкціи, начали просить, чтобы православнымъ митрополиту и владыкамъ возвращены были архіерейскія мѣста, отнятыя уніатами, вмѣстѣ съ имѣніями, и православная церковь во всемъ была удовлетворена, и заявили, что иначе они не приступятъ ни къ какимъ другимъ дѣламъ, какъ весь сеймъ, всѣ сенаторы и послы признали законность этой просьбы и выразили согласіе заняться ею. Уніатскій митрополитъ Рутскій, лично присутствовавшій на сеймѣ, и другіе ревнители уніи были поражены, изумлены. Они такъ же заговорили о своихъ правахъ, о справедливости. И сеймъ рѣшилъ назначить особую коммисію, чтобы она подробно выслушала и обсудила взаимныя жалобы и препирательства обѣихъ сторонъ. Въ составъ коммисіи назначены пять знатнѣйшихъ членовъ изъ среды сенаторовъ, въ томъ числѣ государственный канцлеръ, епископъ кулмскій Іаковъ Задзикъ, великій гетманъ литовскій и воевода виленскій Левъ Сапѣга, великій гетманъ коронный и воевода сендомирскій Станиславъ Конецпольскій, и шесть членовъ изъ среды пословъ, въ томъ числѣ предводитель или маршалъ кола посольскаго, польный гетманъ литовскій, князь Христоферъ Радзивилъ. Предсѣдателемъ коммисіи пожелалъ быть самъ королевичъ польскій Владиславъ, въ качествѣ высшаго посредника между спорившими сторонами. Засѣданія этой коммисіи заслуживаютъ вниманія: потому что здѣсь въ первый разъ предоставлено было какъ уніатамъ, такъ и православнымъ, говорить все, что только они могли сказать другъ противъ друга и въ свою защиту ([319]).

([319]) Засѣданія этой коммисіи и происходившія на нихъ пренія изложены въ книгѣ, вскорѣ за тѣмъ изданной виленскимъ свято-духовскимъ братствомъ

Въ первое засѣданіе коммисіи со стороны православныхъ выступилъ панъ Михаилъ Кропивницкій, подсудокъ брацлавскій, уполномоченный всѣми другими православными послами, своими товарищами, и съ благословенія кіево-печерскаго архимандрита Петра Могилы, тутъ же находившагося, произнесъ рѣчь, начавъ ее словами: *сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь* (Пс. 17, 24). Въ рѣчи онъ, прежде всего, благодарилъ Бога, вложившаго мысль въ сердца королевича Владислава, сенаторовъ и пословъ выслушать обиды и права и стороны угнетенной, а потомъ благодарилъ самого королевича, сенаторовъ и пословъ за принятый ими на себя трудъ и покорнѣйше просилъ выслушать то и другое внимательно, положить конецъ обидамъ, которыя доселѣ терпѣли православные въ Литвѣ и Польшѣ, возвратить православнымъ митрополиту и епископамъ ихъ епархіи и имѣнія и совершенно успокоить старожитную греческую вѣру. Со стороны уніатовъ выступилъ самъ митрополитъ Велямин Рутскій и хотя началъ свою рѣчь тѣмиже словами псалмопѣвца, но вскорѣ, упомянувъ только, будто главнымъ вождемъ къ принятію уніи съ римскимъ костеломъ былъ безсмертной памяти князь Константинъ Острожскій, сталъ перечислять тѣ обиды, которыя причинили уніатамъ православные, и именно говорилъ: они умертвили и утопили владыку полоцкаго Іоасафа Кунцевича; ранили въ Вильнѣ митрополита Потѣя; утопили въ Кіевѣ намѣстника митрополичьяго Грековича; схватили четырехъ чернецовъ уніатовъ, совершавшихъ литургію

подъ заглавіемъ: Supplementum Synopsis, albo zupełniejsze obiaśnienie krótkiego opisania praw, przywilejow... и проч.

въ кіево-софійскомъ соборѣ, увезли къ казакамъ, мучили и утопили; забили въ Шаргородѣ уніатскаго протопопа, а въ Перемышлѣ чернеца. Вотъ и всѣ обиды, на которыя нашелся указать Рутскій. Ему отвѣчали православные, — сначала заговорилъ - было Лаврентій Древинскій, но тотчасъ уступилъ духовному лицу,—и это былъ не Петръ Могила, а кто-то изъ духовныхъ виленскаго свято-духова братства, какъ увидимъ изъ послѣдующей рѣчи, и, всего скорѣе, самъ настоятель монастыря и ректоръ Іосифъ Бобриковичъ,—отвѣчали, что князь Константинъ Острожскій вовсе не былъ главнымъ вождемъ къ принятію уніи, напротивъ былъ главнымъ ея противникомъ, и въ доказательство прочитали: печатную грамату князя отъ 25 іюня 1595 г., которою онъ приглашалъ всѣхъ православныхъ ратовать противъ уніи до смерти; протестацію князя противъ уніи, занесенную имъ въ книги на варшавскомъ сеймѣ 1596 г. еще до брестскаго собора, и подписанную княземъ инструкцію, съ которою отправили православные, по окончаніи брестскаго собора, пословъ своихъ къ королю и въ которой рѣшительно отвергали унію. Затѣмъ, относительно обидъ, перечисленныхъ Рутскимъ, православные сказали: правда, жители Витебска умертвили Кунцевича; но за одного пострадали сотни, въ томъ числѣ многіе невинные; Потѣя ранилъ въ Вильнѣ гайдукъ, но онъ потерпѣлъ за то самыя страшныя пытки и смерть; о смерти Грековича въ Кіевѣ и протопопа въ Шаргородѣ достовѣрныхъ свѣдѣній нѣтъ; чернеца въ Перемышлѣ, какъ разсказываютъ, убили слуги уніатскаго же епископа Крупецкаго; а о четырехъ чернецахъ, взятыхъ изъ кіево-софійскаго собора и будтобы утопленныхъ, о. Рутскій сказалъ неправду. И тутъ же прочитаны были, къ стыду Рутскаго: подлинное письмо (отъ 17 ноября 1622) къ по-

койному митрополиту Іову Борецкому кіевскаго бискупа, который благодарилъ Іова за то, что, по его ходатайству, казаки освободили всѣхъ четырехъ чернецовъ и прислали къ нему-бискупу, и такое же письмо одного изъ этихъ самыхъ чернецовъ, Александра Шкодлицкаго, который за тоже самое освобожденіе нижайше благодарилъ митрополита Іова. Настала очередь православнымъ перечислить тѣ обиды, какія терпѣли они отъ уніатовъ, и православные прочитали объ этомъ напередъ составленную записку. У насъ,—говорилось въ запискѣ,—еще въ 1596 г., тотчасъ послѣ брестскаго собора, который низложилъ всѣхъ владыкъ—отступниковъ, принявшихъ унію, отняты были архіерейскія каѳедры и имѣнія, и, несмотря на всѣ наши просьбы впродолженіе столькихъ лѣтъ, на неоднократныя рѣшенія сеймовъ и обѣщанія короля возвратить намъ отнятое, доселѣ остаются за уніатами. Тогда же запрещено было королевскими универсалами пропускать къ намъ отъ константинопольскаго патріарха духовныхъ особъ, которыя могли бы ставить намъ священниковъ. Затѣмъ послѣдовали несносныя притѣсненія нашей совѣсти и нарушенія нашихъ правъ. У насъ отняты многіе монастыри и церкви, иныя доселѣ запечатаны, и намъ не дозволялось молиться Богу даже въ шалашахъ. Насъ, кто служилъ въ ратушѣ, выгоняли изъ ратушъ и лишали права быть ихъ членами; изгоняли изъ ремесленныхъ цѣховъ и лишали права заниматься торговлею, а въ королевскихъ городахъ намъ запрещено даже имѣть осѣдлость. Вслѣдствіе такихъ стѣсненій по вѣрѣ, многіе младенцы умирали безъ крещенія, а люди взрослые безъ церковнаго напутствія... и проч. Переходя затѣмъ къ частностямъ, православные продолжали: „Въ Кіевѣ церковь

св. Софіи и другія опустошены, равно какъ и выдубицкій монастырь, находящійся во владѣніи уніатовъ. Въ Луцкѣ церкви обращены въ корчмы. Въ Холмѣ, Львовѣ и другихъ мѣстахъ запрещено ходить открыто съ св. тайнами къ больнымъ и провожать тѣла умершихъ христіанъ до могилы. Въ Вильнѣ церкви обращены въ корчмы, кухни, гостинницы; православныхъ выгнали изъ магистрата и цѣховъ, и людей невинныхъ заключали въ оковы, сажали въ подземныя тюрьмы ратуши; если кто отказывалъ, по духовному завѣщанію, что либо на церковь, запрещено было принимать; на шляхетскихъ грунтахъ, по силѣ королевской граматы, не допускали ставить каменную церковь (разумѣется свято-духовская); мандатами изъ надворныхъ судовъ и иными позвами людямъ невиннымъ причиняли всякое безпокойство, и наносили имъ притѣсненія и обиды разными другими способами. Въ Минскѣ церковный плацъ отдали на татарскую мечеть. Въ Полоцкѣ принуждали къ уніи оковами, а другихъ выгнали изъ города. Въ Туровѣ насильно отобрали церкви съ имуществами, и православнаго владыку (т. е. грека Авраамія стагонскаго) выгнали изъ города. Въ Пинскѣ священниковъ—неунитовъ забивали въ бочки и мучили. Въ Оршѣ, Могилевѣ, Мстиславлѣ и разныхъ другихъ городахъ церкви запечатывали и не дозволяли молиться Богу даже въ шалашахъ. Въ Ковнѣ церковь разграбили и церковныя земли отобрали. Монастыри трокскій, лаврашевскій, гродненскій и другіе до крайности опустошены. Въ Бѣльскѣ состоялся такой декретъ: если кто изъ мѣщанъ не пойдетъ за процессіею изъ церкви въ костелъ, то будетъ казненъ смертію. Въ Мятзелѣ люди греческой вѣры были насильно принуждаемы къ уніи тамошнимъ старостою и осуждены, подобно аріанамъ, на из-

гнаніе изъ города... На все это есть вѣрныя доказательства, хотя и не все въ точности разслѣдовано на мѣстѣ. Что же касается *нашего виленскаго братства*, то всѣ причиненныя ему обиды и притѣсненія *мы* можемъ перечислить по порядку и подтвердить выписями изъ книгъ трибунальскихъ, земскихъ и гродскихъ" ([320]). Послѣ этого первое засѣданіе коммисіи окончилось.

На слѣдующій день, когда открылось второе засѣданіе коммисіи, православнымъ предоставлено было подтвердить документами свои права, нарушенныя уніатами. И православные представили цѣлый рядъ документовъ, которые нарочно привезли съ собою изъ Вильны и Кіева, и которые свидѣтельствовали, что русскіе митрополиты въ Литвѣ и Польшѣ, а съ ними и ихъ епископы, и все духовенство, и вся паства — русскій народъ, постоянно находились подъ властію константинопольскаго патріарха, что этимъ-то русскимъ митрополитамъ, епископамъ, всему духовенству и народу жаловались и подтверждались королями всѣ церковныя права — на архіерейскія каѳедры и имѣнія, на церкви и монастыри, съ ихъ имѣніями, вообще на свободу вѣроисповѣданія, и что, слѣдовательно, уніаты поступили и поступаютъ противузаконно, отнявъ у православныхъ русскихъ архіерейскія каѳедры и имѣнія, отнимая церкви и монастыри, возбраняя православнымъ свободу богослуженія и принуждая ихъ къ принятію уніи. Первымъ документомъ, какой представили православные ком-

---

([320]) Часть этой записки православныхъ напечатана, въ русскомъ переводѣ, у Бантышъ-Каменскаго въ Историч. Извѣстіи объ Уніи, подъ 1632 г.; но только несправедливо приписана польскимъ историкамъ. О Минскѣ—см. Собр. Минск. грам. № 93.

мисіи, было подлинное, на пергаменѣ писанное, Дѣяніе виленскаго собора 1510 года, за подписями и печатями митрополита Іосифа Солтана и другихъ владыкъ и духовныхъ лицъ, дотолѣ хранившееся въ кіево-печерской лаврѣ. Изъ Дѣянія прочитаны были тѣ мѣста, которыя показывали, что митрополитъ и все духовенство находились тогда подъ властію константинопольскаго патріарха. Затѣмъ представлены и читаны были: грамата короля Сигизмунда I, которою онъ въ 1511 г. подтвердилъ митрополиту Іосифу Солтану и епископамъ и всему духовенству и людямъ греческаго закона всѣ духовныя права, какія имѣли они отъ начала своей вѣры и какія подтверждаемы были имъ вел. княземъ Витовтомъ и королями Казиміромъ и Александромъ; а также грамата тогоже короля, которою онъ извѣщалъ, что утверждаетъ на митрополіи преемника Іосифа Солтана, новоизбраннаго митрополита Іосифа (III), посвященнаго о. патріархомъ константинопольскимъ ([321]). Читаны были граматы короля Сигизмунда Августа, что онъ посылалъ въ 1557 г. своего дворянина къ константинопольскому патріарху за благословеніемъ и сакрою для новаго митрополита Сильвестра Бѣлькевича, а въ 1567 г. посылалъ самого избраннаго митрополита Іону, епископа туровскаго, для посвященія къ томуже патріарху, равно какъ конституціи 1569 и 1573 г., состоявшіяся при томъ же королѣ и обезпечивавшія людямъ греческаго закона полную свободу вѣроисповѣданія ([322]). Чи-

([321]) Въ граматѣ Сигизмунда I было именно сказано, что «митрополія конферована ему (Іосифу III) за посвященьемъ св. отца патріарха константинопольскаго» (Supplementum Synopsis, л. 5). Это къ 209-й страницѣ IX тома нашей исторіи.

([322]) О митрополитѣ Іонѣ Протасовичѣ сказано: «Іона епископъ туровскій, по избраніи обывателями и по конфирмаціи отъ короля Сигизмунда Августа,

таны были граматы Стефана Баторія 1585 года, которыми онъ подверждалъ русскому духовенству и людямъ греческой вѣры всѣ духовныя права, утвержденныя прежде граматами королей Казиміра, Александра и Сигизмунда I, и запрещалъ принуждать русскихъ къ принятію новаго календаря, пока не дозволитъ имъ того константинопольскій патріархъ, снесшись съ папою. Читаны были граматы короля Сигизмунда III, данныя имъ въ 1589 г. митрополиту Онисифору, патріарху константинопольскому Іереміи и виленскому братству Св. Троицы: въ первой граматѣ король объявлялъ, что считаетъ своимъ долгомъ сохранять неприкосновенными права и русскаго духовенства, какъ римско-католическаго; во второй предоставлялъ патріарху въ своихъ владѣніяхъ совершать безпрепятственно всѣ дѣла, свойственныя его власти, надъ всѣми духовными и мірянами греческой вѣры; въ третьей граматѣ утверждалъ какъ братство Св. Троицы, уже благословенное константинопольскимъ патріархомъ Іереміею, такъ и всѣ, сдѣланныя въ братствѣ патріархомъ, распоряженія... и проч. и проч. Вообще православные, на основаніи документовъ, представили до 23-хъ доказательствъ въ защиту своихъ правъ, попираемыхъ уніатами, и ясностію этихъ доказательствъ, дотолѣ малоизвѣстныхъ или вовсе неизвѣстныхъ членамъ коммисіи, привели ихъ въ изумленіе. Тогда приглашены были давать отвѣтъ уніаты, и на этотъ разъ держалъ рѣчь уже не самъ митрополитъ Веляминъ Рутскій, а его коадъюторъ, епископъ пинскій Рафаилъ Корсакъ. Онъ сказалъ:

посланъ былъ для посвященія на митрополію всея Руси къ константинопольскому патріарху,—что̀ и доказывалось королевскою граматою 1567 г., читанною на конвокаціонномъ сеймѣ» (Supplem. Synopsis, л. 5). Это—къ 350 страницѣ IX тома нашей исторіи.

что Русь бывала подъ властію патріарха, мы не отвергаемъ; но чтобы Русь не имѣла права подчиниться папѣ, на это мы не только несогласны, но утверждаемъ совершенно противное. И, въ доказательство своихъ словъ, продолжалъ: Русь съ самаго крещенія своего, по свидѣтельству Баронія, находилась въ послушаніи римскому первосвященнику. Ольга крестилась по граматѣ, принесенной ей изъ Рима. Владиміръ принялъ крещеніе отъ патріарха Николая Фрига, бывшаго въ послушаніи папѣ. При Витовтѣ, какъ видно изъ Статута Гербарта, на должности (ad ordines) избирались только лица католической вѣры и послушныя римской церкви, т. е. уніаты. Король Владиславъ, тотчасъ послѣ флорентійскаго собора, на которомъ Русь приняла унію съ Римомъ, далъ своею граматою и русскому духовенству, за принятіе уніи, одинаковыя права съ духовенствомъ римскимъ. Митрополитъ кіевскій Іосифъ спрашивалъ патріарха Нифонта о флорентійскомъ соборѣ и получилъ разрѣшеніе принимать этотъ соборъ. Митрополитъ Мисаилъ былъ уніатъ, какъ свидѣтельствуетъ посланіе его къ папѣ... и проч. Тутъ окончилось второе засѣданіе коммисіи.

Въ третье, четвертое и пятое засѣданія православные подробно опровергали доказательства, представленныя Корсакомъ. Привели рядъ свидѣтельствъ изъ Баронія, Длугоша, Кромера, Стрыйковскаго, Бѣльскаго, что русскіе приняли вѣру изъ Греціи, а не изъ Рима, что Ольга крестилась въ Константинополѣ, что Владиміръ прямо отвергъ проповѣдниковъ латинскихъ, и что тогдашніе патріархи Цареграда не находились въ единеніи съ папою. Согласились, что не только при Витовтѣ, но и послѣ него, по силѣ извѣстнаго городельскаго постановленія 1613 года, на высшія должности въ Литвѣ и Польшѣ допускались

только лица католической вѣры, послушныя римской церкви; но замѣтили, что тамъ разумѣлись собственно католики, а вовсе не разумѣлись уніаты, которыхъ тогда и не было, и въ объясненіе этого прочитали двѣ сеймовыя конституціи 1563 и 1568 г., которыми, при Сигизмундѣ Августѣ, было отмѣнено то городельское постановленіе. На прочія доказательства Корсака православные отвѣчали: король Владиславъ, дѣйствительно, пожаловалъ русскому духовенству грамату послѣ флорентійскаго собора, въ полной увѣренности, что теперь, когда митрополитъ русскій Исидоръ принялъ унію, приметъ ее и все русское духовенство съ своею паствою; но уніи въ русской церкви не приняли, и Исидоръ долженъ былъ бѣжать изъ Россіи. Переписка митрополита Іосифа съ патріархомъ Нифонтомъ не только не свидѣтельствуетъ о существованіи тогда уніи въ Литвѣ, но показываетъ противное. Нифонтъ начинаетъ свое отвѣтное посланіе словами: „ты извѣщаешь, что епископыримской церкви для васъ несносны и принуждаютъ васъ къ флорентійской уніи“,—значитъ, уніи между русскими вовсе тогда не было. Далѣе хотя и совѣтуетъ митрополиту имѣть съ римскими епископами дружеское общеніе, но заповѣдуетъ бдительно сохранять вѣру отеческую и всѣ постановленія восточной церкви. Равнымъ образомъ и въ „епистоліи“ митрополита Мисаила къ папѣ Сикстy IV, если даже признать ее неподложною, русскіе прямо жаловались папѣ, что латинское духовенство ихъ притѣсняетъ, принуждаетъ къ перемѣнѣ вѣры, даже перекрещиваетъ,—чего не могло бы быть, еслибы русскіе держались тогда уніи. Продолжая свои обличенія противъ уніатовъ, православные приводили еще нѣсколько документовъ, которые объясняли не въ пользу уніи, каковы: двѣ первыя граматы Сигизмуда III

владыкамъ, изъявившимъ желаніе принять унію; протестація русскихъ пословъ противъ уніи на варшавскомъ сеймѣ 1596 года; исповѣданіе вѣры, какое произнесли въ Римѣ Потѣй и Терлецкій и въ которомъ они совершенно отреклись отъ православной вѣры и всецѣло приняли вѣру латинскую.

Очевидно было, что коммисія благосклонно относилась къ православнымъ, давала имъ высказывать все, что только они желали сказать въ свою защиту, и терпѣливо выслушивала всѣ ихъ продолжительныя чтенія документовъ и объясненія. При всемъ томъ она сдѣлала для православныхъ весьма немного, встрѣтивъ рѣзкое сопротивленіе со стороны уніатовъ, нашедшихъ себѣ сильныхъ покровителей въ латинскомъ духовенствѣ. Коммисія могла составить только слѣдующій проэктъ соглашенія между уніатами и православными: а) въ Кіевѣ каѳедральная церковь съ имѣніями и выдубицкимъ монастыремъ должна оставаться за уніатскимъ митрополитомъ, а въ прочихъ церквахъ кіевскихъ, брацлавскихъ, галицкихъ, львовскихъ и жидичинскихъ, состоящихъ во власти неунитовъ, предоставляется имъ свободное богослуженіе; б) полученную княземъ Тышкевичемъ привиллегію (грамату) на монастырь св. Михаила въ Кіевѣ отмѣнить, а нынѣшняго владѣльца того монастыря (разумѣется Исаія Копинскій) оставить въ покоѣ; в) въ Могилевѣ утвердить за неунитами четыре церкви, а въ Оршѣ двѣ; г) дозволить неунитамъ окончить начатую ими каменную церковь Св. Духа (въ Вильнѣ) и возбужденный противъ нее судебный процессъ прекратить; д) львовское епископство съ уневскою архимандріею предоставить неунитамъ; е) за ними же обезпечить архимандрію кіево-печерскую и жидичинскую; ж) утвердить за братствами свободное управленіе ихъ школами, семи-

наріями и гошпиталями, а мѣщанъ—неунитовъ по городамъ допустить до всякихъ магистрацкихъ должностей... и проч. Этотъ проэктъ былъ скрѣпленъ подписями и печатями королевича Владислава, который назывался уже тогда королемъ шведскимъ, и уніатскаго митрополита Рутскаго, занесенъ въ акты конвокаціоннаго сейма, и для объявленія, какъ уніатамъ, такъ и православнымъ, разосланъ въ коніяхъ на сеймики ([323]).

Проэктъ не удовлетворилъ ни православныхъ, ни уніатовъ. Петръ Могила разослалъ изъ Варшавы письма во всѣ русскія воеводства, чтобы никто не соглашался на изложенныя въ проэктѣ условія, приглашалъ православныхъ съѣзжаться на слѣдующій избирательный сеймъ, назначенный на 27-е сентября, въ возможно большемъ количествѣ, чтобы требовать себѣ полнаго удовлетворенія, и для успѣшнѣйшаго достиженія этой цѣли совѣтывалъ дѣлать денежныя складчины. Дворяне воеводства волынскаго на своемъ провинціальномъ сеймѣ въ Луцкѣ обязались всѣ явиться лично на избирательный сеймъ въ Варшаву и не приступать къ избранію новаго короля, пока не будутъ возвращены православнымъ всѣ архіерейскія каѳедры и имѣнія, отнятыя уніатами, и возстановлены всѣ древнія права православной церкви, и пока не будетъ рѣшено, чтобы избранный король утвердилъ своею присягою эти права, и чтобы свобода вѣроисповѣданія для всѣхъ и вездѣ была обезпечена въ кодексѣ законовъ. Казаки также дали инструкцію своимъ посламъ домогаться на избирательномъ сеймѣ полнаго возстановленія правъ православной вѣры. Виленское свято-духовское

([323]) *Ostrowsk.* Dzieje i Prawa Kościoła Polskiego, III, 221—222, Poznań, 1846—1847.

братство напечатало въ своей типографіи новую книгу: „Дополненіе къ Синопсису, или подробнѣйшее объясненіе краткаго описанія правъ и привиллегій, данныхъ русскому народу, находящемуся подъ властію константинопольскаго патріарха“... Братство обстоятельно изложило въ этой книгѣ, какъ происходили состязанія между православными и уніатами предъ комисіею на конвокаціонномъ сеймѣ, посвятило эту книгу всѣмъ сенаторамъ и посламъ, имѣвшимъ собраться на избирательный сеймъ, и просило ихъ прочитать книгу со вниманіемъ и возвратить законныя права обиженнымъ, т. е. православнымъ ([324]). Не дремали и уніаты съ своими покровителями. Папскій нунцій въ Польшѣ и митрополитъ Рутскій немедленно отправили проэктъ соглашенія въ Римъ, и оттуда получили отвѣтъ, что папа, вмѣстѣ съ конгрегаціею распространенія вѣры, нашелъ этотъ проэктъ противнымъ канонамъ и декретамъ папскимъ, равно какъ интересамъ уніи и римскаго костела. Виленское уніатское братство Св. Троицы поспѣшило издать, въ защиту уніи, почти разомъ двѣ книги. Первая вышла изъ типографіи 1-го сентября подъ заглавіемъ: „Св. унія церкви восточной и западной, существовавшая въ русскомъ краѣ со времени его крещенія и надѣленная правами и привиллегіями отъ королей Литвы и Польши“. Вторая вышла 1-го октября подъ заглавіемъ „Права и привиллегіи, данныя королями Польши и Литвы обывателямъ греческой вѣры, находящимся въ уніи съ церковію римскою“. Обѣ книги направлены были противъ книгъ, изданныхъ православнымъ свято-духовскимъ братствомъ: пер-

([324]) *Ostrowsk.* Dzieje..., III, 223; Архив. юго-западн. Россіи, ч. III, т. I, № 17; ч. III, т. I, № 93. Снес. примѣч. 319.

вая—противъ Синопсиса, а вторая—противъ Синопсиса и Дополненія къ Синопсису. Въ той и другой своей книгѣ уніатское братство старалось доказать, что унія постоянно существовала въ западно-русскомъ краѣ, и что ей-то и ея послѣдователямъ давали короли права и привиллегіи, а не русскимъ схизматикамъ ([325]). Впрочемъ, обѣ эти уніатскія книги нѣсколько опоздали и едвали могли оказать значительное вліяніе на ходъ дѣла. Къ 27-му сентября собрался въ Варшавѣ избирательный сеймъ. Православные явились на него будтобы цѣлыми тысячами, говоря, что каждый шляхтичъ имѣетъ право участвовать въ избраніи короля, и привлекли на свою сторону множество и другихъ диссидентовъ. Лишь только сеймъ открылся, какъ въ обѣихъ „избахъ“ или палатахъ, сенаторской и посольской, поднялись рѣзкіе голоса за православныхъ, и сами православные рѣшительно объявили, что не приступятъ къ избранію короля, пока не будутъ возвращены имъ всѣ права, отнятыя уніатами. Особенно сильны были волненія въ избѣ посольской, гдѣ вмѣстѣ съ послами находились и собравшіеся на сеймъ дворяне. Всѣ изъ этой избы съ шумомъ отправились къ избѣ сенаторской и требовали здѣсь немедленно удовлетворить желанія православныхъ. И только съ большимъ трудомъ удалось нѣкоторымъ духовнымъ сенаторамъ и Льву Сапѣгѣ убѣдить взволнованныхъ пословъ и шляхту, чтобы они возвратились въ посольскую избу и вели дѣло законнымъ порядкомъ. Вновь начались въ этой избѣ жаркіе споры, продолжавшіеся три дня,

([325]) *Ostrowsk.* Dzieje..., III, 222. Первая книга названа по-польски: Iedność swięta Cerkwie Wschodniey y Zachodniey od początku Wiary... Вторая: Prawa i przywileje od naiiasn. Krolow Polskich... nadane obywatelom Korony polskiey... и проч.

и не привели ни къ чему. Тогда рѣшились образовать коммисію, назначивъ въ нее членовъ изъ среды сенаторовъ и изъ среды пословъ; но и коммисія, за разногласіемъ членовъ, не могла ничего сдѣлать. Наконецъ, предоставили самому королевичу Владиславу избрать себѣ совѣтниковъ по своему усмотрѣнію и вмѣстѣ съ ними покончить спорный вопросъ. Владиславъ избралъ въ члены своего совѣта и изъ католиковъ, но болѣе изъ православныхъ и протестантовъ (въ томъ числѣ Христофора Радзивила) ([326]).

Совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ королевича, выслушалъ заявленія обѣихъ сторонъ, уніатской и православной, и составилъ „Статьи для успокоенья народа русскаго греческой религіи, живущаго въ царствѣ польскомъ и вел. княжествѣ литовскомъ". Въ этихъ статьяхъ было постановлено:

1) Всѣмъ унитамъ и неунитамъ (т. е. православнымъ) предоставляется имѣть свободное отправленіе своего богослуженія и совершеніе св. таинствъ, чинить свои церкви и строить новыя, съ дозволенія короля, также заводить богадѣльни, семинаріи, школы, типографіи, и неунитамъ открывается свободный доступъ до городскихъ должностей во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ государства. Всѣ церковныя братства, какія доселѣ были у неунитовъ и какія впослѣдствіи будутъ учреждены ими, имѣютъ оставаться въ ихъ спокойномъ и безпрепятственномъ владѣніи.

2) Митрополитъ кіевскій уніатскій и его преемники сохраняютъ право и власть надъ всею Русью, принявшею унію, и вотчины митрополіи, съ выдубицкимъ монастыремъ, должны

([326]) *Ostrowsk.* Dzieje... III, 223—225.

оставаться за уніатскимъ митрополитомъ; только тѣ изъ нихъ, которыя въ кіевскомъ воеводствѣ принадлежатъ св. Софіи, по смерти нынѣшняго митрополита, должны быть возвращены церкви св. Софіи, или будутъ отданы по усмотрѣнію короля и Рѣчи-посполитой. Самая же церковь св. Софіи, кіевская, съ крестьянами, живущими на пляцахъ вокругъ нея, должна оставаться за митрополитомъ неунитскимъ, посвященнымъ отъ константинопольскаго патріарха. Этотъ митрополитъ, по давнимъ правамъ и обычаямъ, долженъ быть избираемъ всегда, при посредствѣ русскаго дворянства, духовенствомъ и обывателями греческой вѣры, не находящимися въ уніи, и получать привиллегію (грамату) отъ короля. Пустынный монастырь подъ Гродною, со всѣми его имѣніями, долженъ быть отданъ неунитамъ, чтобы въ немъ могла быть резиденція или самого кіевскаго митрополита, не состоящаго въ уніи, или его коадъютора, для управленія неунитскими церквами и духовенствомъ въ вел. княжествѣ литовскомъ.

3) Точно такъ же неуниты имѣютъ избирать себѣ четырехъ епископовъ: львовскаго, луцкаго, перемышльскаго, и мстиславскаго. *Перемышльская* епископія, какъ и *львовская*, со всѣми ея имѣніями, должна навсегда принадлежать неунитамъ; впрочемъ до смерти теперешняго уніатскаго епископа Аѳанасія Крупецкаго или до перемѣщенія его на другую епархію, имѣнія должны оставаться за нимъ, и только потомъ перейдутъ въ полное владѣніе неунитскаго архіерея. Этотъ послѣдній архіерей имѣетъ быть избранъ мѣстными обывателями, и получитъ привиллегію отъ будущаго короля на коронаціонномъ сеймѣ съ полною властію надъ всѣми неунитами; для резиденціи ему теперь же даются три монастыря: спасскій, св. Онуфрія

и такъ-называемый Смольница, а на содержаніе этого неунитскаго епископа, пока Крупецкій будетъ владѣть тамошнимъ владычествомъ, будущій король назначитъ по двѣ тысячи злотыхъ ежегодно. *Луцкое* епископство, съ каѳедрою и со всѣми имѣніями, должно быть передано теперешнимъ луцкимъ владыкою Почаповскимъ владыкѣ неуниту, избранному обитателями волынскими, неунитами, и передано тотчасъ, какъ только послѣдній получитъ привиллегію отъ короля на коронаціонномъ сеймѣ. Послѣ того Почаповскій, сохраняя титулъ епископа луцкаго, переселится въ жидичинскій монастырь, и будетъ владѣть имъ и его вотчинами до своего перемѣщенія или смерти; преемникъ же его, уніатскій епископъ, уже не будетъ называться луцкимъ. Въ вел. княжествѣ литовскомъ долженъ быть епископъ *мстиславскій*, избранный тамошними жителями, неунитами: привиллегію отъ короля онъ получитъ на коронаціонномъ сеймѣ, будетъ называться мстиславскимъ, оршанскимъ и могилевскимъ, а каѳедру свою имѣть въ Могилевѣ, въ спасскомъ монастырѣ. Жалованья этому епископу будетъ назначено по двѣ тысячи злотыхъ ежегодно: такъ какъ всѣ имѣнія, принадлежащія владычеству витебскому и мстиславскому, которыми нынѣ владѣетъ архіепископъ полоцкій Селява, должны оставаться при немъ и его преемникахъ, уніатскихъ архіепископахъ полоцкихъ. Вообще каѳедры и ихъ имѣнія, которыя остаются за уніатами, и имѣютъ быть раздаваемы только уніатамъ, и церковныя имѣнія ихъ никакимъ способомъ не будутъ отчуждаемы.

4) Архимандрія печерская, со всѣми ея имѣніями, монастырь златоверхо-михайловскій и всѣ другіе монастыри и церкви кіевскіе и къ Кіеву относящіеся, кромѣ выдубицкаго, должны оставаться за неунитами. Братству виленскому, названному

свято-троицкимъ, состоящему не въ уніи при церкви Св. Духа, дозволяется окончить начатую имъ каменную церковь, но только по подобію другихъ церквей и костеловъ, а не въ видѣ крѣпости, и томуже братству, въ замѣнъ церкви Св. Троицы, остающейся за уніатскимъ тамошнимъ братствомъ, имѣютъ быть даны въ Вильнѣ три церкви: Воскресенія Христова, св. Іоанна и св. Юрія на предмѣстьѣ. А такъ какъ теперь невозможно указать всѣ монастыри и церкви, которые имѣютъ быть отданы неунитамъ по всей Литвѣ и Польшѣ, потому что для этого потребовалась бы точная вѣдомость объ относительномъ количествѣ унитовъ и неунитовъ въ каждомъ населеніи, то на коронаціонномъ сеймѣ будетъ назначена королемъ коммисія изъ двухъ лицъ католической вѣры и двухъ греческой—неунитской, которые немедленно объѣдутъ всѣ города, мѣстечки и села и, примѣнительно къ пропорціи унитовъ и неунитовъ въ каждомъ мѣстѣ, распредѣлятъ между ними церкви безапелляціонно. Впрочемъ, нынѣ же назначаются неунитамъ, для отправленія богослуженія: въ Мстиславлѣ двѣ церкви, Св. Троицы и Св. Спаса; въ Могилевѣ, кромѣ спасскаго монастыря, назначеннаго для каѳедры неунитскаго владыки, четыре церкви, успенская, троицкая, воскресенская и вознесенская; въ Оршѣ двѣ, ильинская и воскресенская; въ Диснѣ одна, воскресенская, новопостроенная; въ Полоцкѣ также одна, которая будетъ указана упомянутыми комисарами.

5) Обѣимъ сторонамъ объявляется, что каждому, кто не захочетъ быть въ уніи, вольно будетъ переходить изъ уніатской епархіи въ епархію епископа, неунита, равно и каждому, кто пожелаетъ быть въ уніи, вольно будетъ переходить изъ неуніатской епархіи въ епархію уніатскаго владыки, наприм., изъ

мстиславской епархіи къ полоцкому уніатскому архіепископу, а изъ епархіи полоцкой къ мстиславскому владыкѣ, неуниту. И этотъ переходъ во всѣхъ епархіяхъ долженъ совершаться безпрепятственно съ той и другой стороны.

6) Обѣ стороны должны жить въ мирѣ и покоѣ, не наступая одна на другую; состязанія, которыя имѣли между собою, прекратить и потомъ никакихъ сочиненій, которыми обыкли оскорблять другъ друга, не выдавать; напротивъ всячески поддерживать взаимное согласіе и единеніе. Всѣ процессы виленскаго свято-духовскаго братства и минскаго и вообще всѣхъ городовъ и мѣстечекъ, братствъ и церквей, изъза исповѣданія вѣры, всѣ банниціи, декреты, указы, секвестры, аресты, касающіеся людей всякаго званія и состоянія, дѣйствительно (de facto) уничтожаются ([327]).

Эти статьи, составленныя на избирательномъ сеймѣ, при депутатахъ отъ сената и отъ кола рыцарскаго, королевичъ Владиславъ, король шведскій, утвердилъ своею подписью и печатью 1-го ноября 1632 г., и приказалъ немедленно записать въ актовыя книги города Варшавы. Примасъ королевства, архіепископъ гнѣзненскій, Янъ Венжикъ отъ имени латинскаго духовенства и митрополитъ Рутскій отъ имени уніатскаго протестовали, а уніатскіе владыки послали (8 ноября) свой протестъ и къ папѣ; но ничто не могло поколебать воли королевича. Ему необходимо было сдѣлать уступки православнымъ: потому что безъ этого они не соглашались приступать къ из-

([327]) Изложенныя статьи напечатаны—Supplem. ad Hist. Russiae Monum., № 67, p. 160; Архив. юго-западн. Россіи, ч. II, т. I, № 18; *Theiner*, Vetera Monum. Polon., III, № 336, p. 399; *Бант.-Камен.* Истор. Изв. объ Уніи, подъ 1632 годомъ.

бранію короля, а между тѣмъ прошло уже болѣе мѣсяца, какъ состоялся избирательный сеймъ. Когда же Владиславъ подписалъ означенныя статьи для успокоенія русскаго народа греческой вѣры, тогда дѣйствительно началось избраніе, и 13 ноября Владиславъ былъ избранъ въ короля Польши и вел. княжества литовскаго. Произнося, вслѣдъ за тѣмъ, въ церкви св. Іоанна, торжественную присягу исполнять всѣ такъ - называвшіяся — pacta conventa, новый король клялся, въ частности, исполнить и означенныя статьи, сказавъ: „а что касается людей греческой вѣры, разрозненныхъ между собою, то мы непремѣнно обязуемся успокоить ихъ на основаніи статей, данныхъ нами на теперешнемъ избирательномъ сеймѣ, по волѣ Рѣчипосполитой, при депутатахъ того и другаго учрежденія (т. е. сената и посольскаго кола)“ ([328]).

Такъ совершился государственный актъ величайшей важности для православныхъ въ Литвѣ и Польшѣ. Этимъ актомъ возвращены православнымъ тѣ права, какими они пользовались до уніи, хотя возвращены и не во всей обширности, вновь дарована полная свобода вѣроисповѣданія и возстановлена православная западно-русская митрополія. Около 25 лѣтъ отъ начала уніи православные вовсе не имѣли у себя митрополита и епископовъ, кромѣ двухъ и, наконецъ, одного, и польское правительство старалось навязать имъ уніатскаго митрополита и епископовъ, которыхъ однихъ признавало законными. Потомъ около 12-ти лѣтъ православные имѣли уже у себя своего митрополита и епископовъ, поставленныхъ іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ. Но

([328]) Протестація Рутскаго къ папѣ—*Theiner*, Vet. Monum. Polon., III, № 338, p. 402. Прочее—*Ostrowsk.* Dzieje... III, p. 223—230.

польское правительство не признавало ихъ, называло ихъ лжемитрополитомъ и лжеепископами и, по прежнему, усиливалось подчинить православныхъ власти уніатскаго митрополита и епископовъ. Теперь самъ польскій король, своимъ письменнымъ актомъ и присягою, даровалъ православнымъ право имѣть своего митрополита и четырехъ епископовъ. И этотъ актъ, хотя встрѣчалъ постоянное сопротивленіе со стороны уніатовъ и латинянъ, не былъ уже отмѣненъ никогда во всей цѣлости; напротивъ неразъ подтверждался и въ послѣдствіи королями и сеймами. Но, съ другой стороны, этимъ же актомъ навсегда прекращалась прежняя высшая іерархія, которую далъ православнымъ патріархъ Θеофанъ. Польское правительство, оставаясь вѣрнымъ себѣ, какъ прежде не признавало этой іерархіи, такъ и теперь не хотѣло признать. У православныхъ были на лицо митрополитъ и четыре епископа, ровно столько, сколько назначено для православныхъ епархій,— и однакожъ объ этихъ митрополитѣ и епископахъ въ статьяхъ короля Владислава даже не упомянуто, и никто изъ этихъ іерарховъ не утвержденъ на какой либо каѳедрѣ; напротивъ, православнымъ предоставлено вновь избрать себѣ митрополита и епископовъ. И они, какъ увидимъ, дѣйствительно избрали двухъ кандидатовъ на митрополію и представили на утвержденіе короля, хотя былъ у нихъ митрополитъ Исаія Копинскій; избрали кандидата на каѳедру луцкую, хотя былъ у нихъ епископъ луцкій Исаакій Борисковичъ; избрали кандидатовъ на каѳедры перемышльскую и вновь учрежденную мстиславскую, хотя у нихъ были еще два епископа—холмскій Паисій Ипполитовичъ и пинскій или туровскій Авраамій Стагонскій, которые, всего естественнѣе, могли бы быть перемѣщены на эти каѳедры:

такъ какъ прежнія ихъ каѳедры утверждены теперь за уніатами. Остался только на своей каѳедрѣ одинъ епископъ львовскій, Іеремія Тиссаровскій, и на его мѣсто православные не избрали теперь новаго кандидата: потому, конечно, что Іеремія получилъ посвященіе не отъ патріарха Ѳеофана, а прежде, и имѣлъ утвердительную грамату отъ короля Сигизмунда III ([329]). Нельзя же допустить, что православные вдругъ, сами собою, вздумали отречься отъ своего прежняго митрополита и всѣхъ епископовъ, поставленныхъ іерусалимскимъ патріархомъ, еслибы не были принуждены къ тому непреклонностію короля признать и утвердить этихъ святителей. Напрасно подозрѣвали Петра Могилу, будто онъ злоупотребилъ довѣріемъ митрополита Исаіи, пославшаго его отъ себя на сеймы, конвокаціонный и избирательный, и своими происками добылъ себѣ грамату на митрополію, устранивъ отъ нея Исаію: никакіе происки тутъ были не нужны; дѣло обошлось и безъ нихъ. Да и по происками Могилы могъ бы устраненъ быть отъ должности одинъ только митрополитъ; а почему же, вмѣстѣ съ нимъ, устранены и всѣ епископы Ѳеофанова посвященія? Они находились къ Могилѣ въ добрыхъ отношеніяхъ и, какъ увидимъ, всѣ трое участвовали въ его посвященіи въ санъ митрополита: знакъ, что они не считали его виновникомъ своего устраненія. Всѣ они, какъ и Исаія, съ самаго посвященія своего не были признаваемы и не имѣли утвержденія отъ польскаго короля; а

([329]) Впослѣдствіи самъ Петръ Могила въ своемъ посланіи къ православнымъ Минска писалъ, что до времени избранія короля Владислава «на столцахъ (каѳедрахъ) епископскихъ, кромѣ львовскаго, жаднаго—смо не видѣли упривиліованого (т. е. утвержденнаго граматою отъ короля)». Собр. Минск. грам. № 112, стр. 224.

еслибы имѣли, то новый король не могъ бы устранить ихъ, какъ не устранилъ Тиссаровскаго и какъ прежде Сигизмундъ III не могъ устранить Гедеона Балабана и Михаила Копыстенскаго: потому что граматы отъ королей давались каждому епископу до его живота ([330]). Послѣ этого митрополиту Исаіи и владыкамъ, устраненнымъ отъ епархій и епархіальныхъ дѣлъ, оставалось одно—жить на покоѣ въ какихъ либо обителяхъ.

IV.

Избраніе двухъ кандидатовъ на кіевскую православную митрополію совершилось еще на избирательномъ варшавскомъ сеймѣ 1632 года, вскорѣ послѣ избранія короля Владислава IV. Участвовавшіе въ избраніи этихъ кандидатовъ составили письменный актъ, который, какъ проливающій немало свѣта на обстоятельство дѣла, приводимъ вполнѣ. Актъ гласитъ: „Мы, сановники и рыцарство, и все духовенство, обыватели Короны польской и вел. княжества литовскаго, люди народа русскаго, религіи греческой, находящіеся въ послушаніи св. отца и пастыря нашего, патріарха константинопольскаго, собравшись сюда, для благополучнаго избранія новаго короля нашего, изъ

([330]) Іерличъ не говоритъ, чтобы митрополитъ Исаія имѣлъ привиллегію или грамату отъ короля, на митрополію, а выражается только, что «митрополитъ Исаія mieszkał w Monasterze Michała Swiętego za konsensem Zygmunta III, т. е. жилъ въ михайловскомъ монастырѣ съ согласія Сигизмунда III (—Latopisiec, str. 56). Но и этого нельзя признать вѣрнымъ, когда извѣстно, что Сигизмундъ назначилъ игуменомъ въ кіево-михайловскій монастырь уніатскаго монаха Тышкевича, и за Тышкевичемъ считался этотъ монастырь до самаго конвокаціоннаго сейма, бывшаго послѣ смерти Сигизмунда III.

всѣхъ земель, воеводствъ и повѣтовъ, гдѣ живутъ люди русскаго народа, вѣры греческой (т. е. изъ воеводствъ короны польской: кіевскаго, русскаго, волынскаго, подольскаго и брацлавскаго, а также изъ воеводствъ, земель и повѣтовъ въ вел. княжествѣ литовскомъ: виленскаго, троицкаго, новогрудскаго, витебскаго, полоцкаго, мстиславскаго, брестскаго, минскаго, брацлавскаго, оршанскаго, пинскаго и прочихъ), участвуя всѣ сообща, по древнимъ правамъ и обычаямъ, въ избраніи общаго пастыря нашего, митрополита всея Руси, находящейся въ послушаніи патріаршемъ, согласно, явно, ясно и добровольно объявляемъ и сознаемъ слѣдующее: принимая во вниманіе, что послѣ долгаго и скорбнаго для насъ времени, нашему русскому народу, мѣрами обсужденными и поставленными вновь избраннымъ королемъ его милостію, государемъ нашимъ милостивымъ, съ согласія всей Рѣчи посполитой *дано и возстановлено древнее право* и свобода, такъ, что мы можемъ теперь избирать вольною подачею голосовъ какъ верховнаго нашего пастыря митрополита кіевскаго, такъ и другихъ отцевъ епископовъ, согласно съ статьями, постановленными найяснѣйшимъ королемъ его милостію и депутатами, для сего дѣла назначенными; принимая также во вниманіе, что *въ силу необходимости и обязанности, возложенной на насъ тѣмиже статьями, мы должны* представить во время коронаціи двухъ избранныхъ въ санъ митрополита кандидатовъ, изъ которыхъ одного его королевская милость, государь нашъ милостивый, благоволитъ утвердить и уполномочить привиллегіями; принимая во вниманіе, что намъ было бы затруднительно собраться вторично въ такомъ составѣ и числѣ избирателей, имѣющихъ право на подачу голоса, въ какомъ находимся нынѣ, и что, по самому

порядку церкви Божіей, слѣдуетъ выбрать митрополита прежде, чѣмъ епископовъ, которые должны быть хиротонисаны митрополитомъ и находиться въ зависимости отъ него,—мы, вслѣдствіе вышеизложенныхъ причинъ, на семъ мѣстѣ избираемъ тѣхъ, кого самъ Господь Богъ указалъ сердцамъ нашимъ, соединяющихъ въ себѣ съ древнимъ и знатнымъ происхожденіемъ, высокими добродѣтелями, благочестіемъ и мудростію, постоянство и ревность къ религіи нашей и другія требуемыя условія. Мы избираемъ и представляемъ, вопервыхъ, преподобнаго отца Петра Могилу, воеводича земли молдавской, архимандрита печерскаго, съ такимъ условіемъ, что, если онъ получитъ привиллегію на санъ митрополита, то архимандрія будетъ неразлучно соединена съ митрополіею до конца его жизни или до того времени, пока митрополія не получитъ достаточнаго обезпеченія (бенефицій), такъ какъ до сихъ поръ эта высокая степень лишена всякихъ средствъ, между тѣмъ какъ митрополиту предстоятъ необходимые большіе расходы, особенно же для обновленія каѳедральной митрополичьей кіевской церкви пресвятой Премудрости или Софіи, находящейся въ разрушеніи и упадкѣ. Другаго же избираемъ его милость, пана *Михаила Ласка*, подстаростія винницкаго, обывателя воеводствъ кіевскаго и браславскаго. Всѣ единодушно подаемъ голоса наши на ихъ милостей, при семъ нашемъ согласномъ избраніи, представляемъ милостивому благоусмотрѣнію его королевской милости государя нашего милостиваго, которому изъ сихъ двухъ избранныхъ нами кандидатовъ благоволитъ предоставить санъ митрополита". Подъ этимъ актомъ подписались и приложили свои печати сорокъ девять православныхъ дворянъ, въ томъ числѣ: Адамъ изъ Брусилова Кисель, королевскій

секретарь, впослѣдствіи воевода брацлавскій и потомъ кіевскій; Лаврентій Древинскій, чашникъ волынскій и королевскій секретарь; Богданъ Стеткевичъ, подкоморій мстиславскій, основатель нѣсколькихъ монастырей. Самуилъ Машкевичъ, новогрудскій писарь, извѣстный своимъ историческимъ сочиненіемъ, князь Александръ Пузина, три князя Огинскіе и проч. ([331]). Вскорѣ за тѣмъ избраны были мѣстными православными обитателями, или, вѣроятнѣе, представителями ихъ, находившимися еще въ Варшавѣ на избирательномъ сеймѣ, кандидаты и на епископскія каѳедры: на луцкую—князь Александръ Пузина и на мстиславскую — старшій или игуменъ виленскаго свято-духова монастыря и ректоръ училища при монастырѣ Іосифъ Бобриковичъ. Только для занятія перемышльской каѳедры, какъ сейчасъ увидимъ, не успѣли православные избрать ко времени коронаціи короля и представить на его утвержденіе достойнаго кандидата ([332]).

Коронаціонный сеймъ собрался въ Краковѣ къ концу генваря 1633 года. Коронація Владислава IV назначена была на 30 генваря, но, по случаю его болѣзни, совершилась только 6-го февраля. Когда открылись занятія сейма, православные послы начали настаивать, чтобы утверждены были статьи примиренія унитовъ и неунитовъ, данныя королемъ при его избраніи, но встрѣтили сильное сопротивленіе со стороны латинянъ и уніатовъ. Еще отъ 1-го генваря папа прислалъ три посланія:

([331]) Актъ избранія Петра Могилы на митрополію напечатанъ у *Максимовича*, Собр. Сочин. I, 390—394. Сочиненіе Машкевича помѣщено въ Сказан. современниковъ о Димитріѣ-самозванцѣ.

([332]) Бобриковичъ избранъ православною шляхтою въ Варшавѣ 15 ноября 1632 года. Вилен. Археогр. Сборн. V, стр. 122. 217.

одно къ самому Владиславу и два къ своему нунцію въ Польшѣ и митрополиту Рутскому. Предъ королемъ выражалъ свою жалобу, по случаю дарованныхъ имъ, при избраніи его, статей, и убѣждалъ его принять уніатовъ подъ свое особое покровительство; а нунцію и Рутскому приказывалъ всячески дѣйствовать на короля, чтобы онъ или отмѣнилъ тѣ статьи, или не приводилъ ихъ въ исполненіе ([333]). И потому латиняне и уніаты сдѣлались теперь еще упорнѣе. Они говорили православнымъ посламъ: „статьи примиренія могутъ быть приняты настолько, насколько будутъ одобрены св. отцомъ-папою, а одобреніе отъ него еще не пришло“. Православные отвѣчали: „эти статьи король скрѣпилъ своею подписью, занесъ въ городскія книги Варшавы, запечатлѣлъ своею присягою, какъ и прочія пакта конвента; слѣд. это законъ для насъ, и намъ остается уже не разсуждать, а только утвердить его сеймовою конституціею“. Латиняне и уніаты: „мы протестовали въ свое время противъ этого закона, и мы не можемъ принять его, пока онъ не будетъ одобренъ папою“. Православные: „да что же ждать одобренія отъ папы, когда онъ уже писалъ, чтобы стояли за унію?“ Латиняне и уніаты: „папа писалъ не въ видѣ рѣшенія, но въ видѣ убѣжденія (non per modum decisionis, sed adhortationis); а теперь король отправитъ къ папѣ пословъ (въ томъ числѣ могутъ быть и изъ вашихъ) просить его отъ имени своего и всей республики, чтобы онъ далъ свое согласіе на статьи примиренія, и тогда онѣ войдутъ въ силу“. Православные: „мы не хотимъ слушать никого, кромѣ константино-

([333]) *Theiner*, Vet. Monum. Polon., III, №№ 339. 340, p. 402. 403; *Коялов.* Литов. церк. Унія, II, примѣч. 242.

польскаго патріарха, да и напередъ знаемъ, что папа не одобритъ этихъ статей; чего же еще намъ ждать? Мы не приступимъ ни къ чему на сеймѣ, пока эти статьи, данныя для успокоенія нашей религіи, не будутъ утверждены". Споры были жаркіе и продолжительные, но не привели ни къ чему: утвержденія статей на сеймѣ не состоялось ([334]). Несмотря на то, король остался вѣренъ своему слову и присягѣ, и немедленно приступилъ къ выполненію данныхъ обѣщаній. Прежде всего, изъ двухъ, представленныхъ ему, кандидатовъ на кіевскую православную митрополію, онъ указалъ одного, кіево-печерскаго архимандрита Петра Могилу, и пожаловалъ ему 12 марта, когда еще продолжался сеймъ, свою грамату. Здѣсь, упоминая о своемъ желаніи примирить русскихъ, разрозненныхъ по вѣрѣ, и о своихъ статьяхъ, данныхъ съ этою цѣлію, а съ другой стороны, указывая на то, что Могила избранъ единогласно отъ всѣхъ неунитовъ, что предки его и отецъ его Симеонъ, молдавскій воевода, вѣрно служили Рѣчи-посполитой, да и самъ Петръ Могила оказалъ ей услуги, когда, будучи еще свѣтскимъ, участвовалъ съ польскимъ войскомъ въ пораженіи турецкаго султана Османа подъ Хотиномъ, король говорилъ, что даетъ Петру Могилѣ „митрополію кіевскую и галицкую надъ всею Русью въ Коронѣ и вел. княжествѣ литовскомъ, въ уніи не будучою, при церкви св. Софіи, въ Кіевѣ лежачой", и предоставляетъ ему полную власть надъ всѣми неунитами, какую имѣетъ Рутскій надъ унитами; а въ замѣнъ митрополитскихъ имѣній позволяетъ ему, Могилѣ, держать до конца жизни, при митрополіи, и печерскую архимандрію со всѣми пожитками и

([334]) Supplem. ad Hist. Russ. Monum., № 68, p. 163—169.

еще кіево-николаевскій пустынный монастырь. Спустя два дня (14 марта) король пожаловалъ такую же грамату и избранному на епископію мстиславскую, оршанскую и могилевскую, игумену виленскаго свято-духова монастыря Іосифу Бобриковичу, и выражалъ въ ней, что Іосифъ, подчиняясь самъ кіевскому митрополиту, поставляемому константинопольскимъ патріархомъ, долженъ имѣть подъ своею властію всѣхъ неунитовъ, живущихъ въ епархіи полоцкаго уніатскаго архіепископа; что въ этой епархіи предоставляется всѣмъ желающимъ безпрепятственно переходить изъ уніи въ православіе, подъ власть православнаго епископа, и изъ православія въ унію, подъ власть уніатскаго архіепископа; что Іосифу позволяется свободно ѣздить въ Полоцкъ, Витебскъ, Мстиславль и въ другіе города и мѣстечки для посѣщенія монастырей и церквей, находящихся не въ уніи, и вообще по своимъ дѣламъ церковнымъ, и что на содержаніе Іосифу, такъ какъ для каѳедры его нѣтъ церковныхъ имѣній, будетъ ежегодно отпускаться изъ королевской казны по двѣ тысячи золотыхъ польскихъ. Наконецъ, тогоже 14-го марта, уже при заключеніи коронаціоннаго сейма, король издалъ и ко всѣмъ православнымъ Польши и Литвы слѣдующій Дипломъ: „Когда мы, во время избранія нашего, начиная наше благополучное царствованіе уврачеваніемъ ранъ Рѣчи-посполитой и умиреніемъ государственныхъ сословій, приняли на себя, по ихъ согласію и просьбѣ, заботу объ успокоеніи народа русскаго, греческой религіи, и, вмѣстѣ съ депутатами, къ намъ назначенными, совершили это надежными средствами (какъ о томъ достаточно свидѣтельствуютъ статьи, за подписомъ руки нашей внесенныя въ актовыя книги Варшавы и потомъ утвержденныя нашею присягою въ пактахъ

конвентахъ), то оставалось, чтобы на настоящемъ сеймѣ нашей счастливой коронаціи мы неотложно исполнили все, изложенное въ тѣхъ статьяхъ, и въ цѣломъ, и въ частяхъ. Но такъ какъ теперь мы всего этого вполнѣ учинить не могли, потому что земскіе послы многихъ воеводствъ и повѣтовъ, ссылаясь на данныя имъ братьями, уніатами, инструкціи, до самаго окончанія сейма не захотѣли приступить къ принятію изложеннаго въ означенныхъ статьяхъ: то мы, со всею Рѣчью-посполитою, удостовѣряемъ настоящимъ нашимъ дипломомъ и обязуемся данною нами присягою, что на первомъ слѣдующемъ сеймѣ мы прежде всего, не приступая ни къ чему, непремѣнно и въ точности исполнимъ и осуществимъ все, написанное въ тѣхъ статьяхъ. А теперь утверждаемъ для православныхъ, на основаніи давнихъ правъ и конституцій, свободное отправленіе богослуженія по всѣмъ городамъ, мѣстечкамъ и монастырямъ въ Коронѣ и вел. княжествѣ литовскомъ, также всѣ братства, школы, семинаріи, типографіи и госпитали, какими они, православные, владѣютъ, и одобряемъ всѣ привиллегіи, какія только они имѣютъ отъ нашихъ предмѣстниковъ и блаженной памяти короля, отца нашего. Что же касается до велебнаго отца Петра Могилы, архимандрита печерскаго, избраннаго неунитами въ митрополита кіевскаго и имѣющаго принять посвященіе отъ константинопольскаго патріарха, равно что касается до благороднаго Александра Пузины, избраннаго на владычество луцкое, отца Іосифа Бобриковича, избраннаго на владычество мстиславское, и того, кто будетъ избранъ мѣстными неунитами на владычество перемышльское,—то всѣмъ этимъ владыкамъ мы позволяемъ пользоваться всѣми своими правами и обязанностями надъ всѣми ненаходящимися въ уніи, и обращаться къ этимъ владыкамъ дается воля каждому, не хотящему

оставаться въ уніи, безъ малѣйшаго препятствія со стороны уніатовъ. А такъ какъ о. архимандритъ печерскій не имѣетъ теперь на своей митрополіи никакой бенефиціи (имѣнія), то онъ долженъ владѣть до живота своего, кромѣ св. Софіи, и печерскою архимандріею съ пустыннымъ николаевскимъ монастыремъ. Перемышльскому же и мстиславскому владыкамъ, по силѣ статей, будетъ ежегодно выдаваемо нами жалованье по двѣ тысячи злотыхъ. Что касается благороднаго Александра Пузины, номината на владычество луцкое и острожское, то онъ имѣетъ пребывать по особому нашему письменному акту. Наконецъ все, что только изъ варшавскихъ статей не приведено нами теперь въ исполненіе, мы непремѣнно исполнимъ на слѣдующемъ сеймѣ: въ этомъ мы удостовѣряемъ ихъ, неунитовъ, настоящимъ нашимъ дипломомъ, который есть сеймовое постановленіе, аппробованное авторитетомъ всего собранія, и для этого мы дали настоящій нашъ дипломъ за подписью нашею и депутатовъ, какъ отъ сената, такъ и отъ кола посольскаго, и за печатями коронною и вел. княжества литовскаго“ ([335]).

Петръ Могила, получивъ грамату отъ короля на митрополію, счелъ первымъ дѣломъ отправить своего посла въ Константинополь, чтобы испросить себѣ благословеніе отъ патріарха: посломъ былъ „докторъ теологіи“ Исаія Трофимовичъ Козловскій. И патріархъ Кириллъ Лукарисъ не замедлилъ прислать Могилѣ свое архипастырское благословеніе на митропо-

---

([335]) Вилен. Арх. Сборн. II, №36; А. З. Р. IV, № 5; Арх. юго-западн. Россіи, ч. II, т. I, № 20; Supplem. ad Hist. Russ. Monum. № 69, p. 169; *Бант.-Камен.* Истор. Изв. объ Уніи, подъ 1633 годомъ.

лію [336], — изъ чего можно заключать, что прежній митрополитъ, Исаія Копинскій, едвали имѣлъ утвержденіе въ своемъ санѣ отъ патріарха. Въ началѣ апрѣля (1633 г.) Петръ Могила уже разсылалъ свои граматы, которыми приглашалъ православныхъ или лично явиться, или прислать депутатовъ на его посвященіе во Львовъ къ ѳоминой недѣлѣ [337]. Почему во Львовъ, а не въ Кіевъ, догадаться не трудно. Въ Кіевѣ жилъ прежній митрополитъ Исаія, котораго привыкли уже считать за настоящаго митрополита, и многіе, въ томъ числѣ самъ Исаія, не понимали или не хотѣли понять истинной причины его устраненія отъ каѳедры, напротивъ были убѣждены, что онъ устраненъ только по честолюбію и происканъ Могилы, который, воспользовавшись обстоятельствами, исходатайствовалъ себѣ грамату на митрополію при живомъ митрополитѣ [338]. Потому въ Кіевѣ, еслибы здѣсь состоялось посвященіе Петра Могилы, могли произойти какія либо протестаціи или демонстраціи, даже кровавыя, со стороны приверженцевъ Исаіи — духовенства, черни, казаковъ, да и отъ самого Исаіи. А послѣ Кіева оставался одинъ Львовъ, гдѣ могло совершиться посвященіе новаго митрополита съ подобающимъ приличіемъ и благолѣпіемъ. Во Львовѣ имѣлъ пребываніе единственный православный епископъ, сохранившій свою каѳедру — Іеремія Тиссаровскій, и этотъ епископъ былъ старшимъ по службѣ изъ

---

[336] *Коссовъ*, Paterikon, str. 181, изд. 1635.

[337] Одна изъ такихъ граматъ отъ 4 апрѣля сохранилась. Памятн. Кіев. Комм. I, № 14.

[338] Мнѣніе это прямо высказываетъ одинъ изъ тогдашнихъ жителей Кіева—*Іерличъ*, хотя онъ былъ образованный шляхтичъ и притомъ православный (Latopisiec, I, 56—59).

всѣхъ православныхъ западно-русскихъ архіереевъ, и, главное, былъ одинъ изъ всѣхъ ихъ экзархомъ константинопольскаго патріарха, слѣд. всего приличнѣе могъ отъ имени патріарха посвятить кіевскаго митрополита. Къ назначенному времени прибыли во Львовъ всѣ три православные епископа, хотя и устраненные отъ епархій: Авраамій, бывшій пинскій и туровскій, Исаакій, бывшій луцкій, и Паисій, бывшій холмскій,—и замѣчательно, что современный львовскій лѣтописецъ уже не называетъ ихъ по именамъ принадлежавшихъ имъ епархій. Съѣхалось также во Львовъ великое множество архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ, шляхты, русской и польской, и людей другихъ сословій. Первое посвященіе (т. е. нареченіе) Могилы, по словамъ мѣстнаго лѣтописца, происходило въ среду на св. недѣли, второе (вѣроятно, въ санъ епископа) въ субботу, а третье (въ санъ митрополита) въ недѣлю проводную, иначе ѳомину, которая была тогда 28 апрѣля. Посвященіе Петра Могилы совершилъ экзархъ константинопольскаго патріарха Іеремія Тиссаровскій съ тремя другими, названными нами, русскими епископами, и совершилъ въ церкви, находившейся въ непосредственномъ вѣдѣніи самаго же патріарха, именно въ главной, недавно оконченной, великолѣпной церкви львовскаго ставропигіальнаго братства, которая, притомъ, для Петра Могилы имѣла еще особое значеніе потому, что въ сооруженіи ея, продолжавшемся много лѣтъ, весьма близкое участіе принимали своими пожертвованіями его родной дядя Іеремія и отецъ Симеонъ, бывшіе господарями Молдавіи. Братство львовское торжествовало, и не щадило издержекъ для угощенія, какъ главнаго виновника торжества, новаго митрополита, такъ и

всѣхъ прочихъ своихъ гостей (339). Петръ Могила прожилъ во Львовѣ около двухъ мѣсяцевъ, и въ концѣ іюня отправился торжественно, съ преднесеніемъ ему креста, на свою каѳедру въ Кіевъ. Съ дороги, изъ Радомысля, писалъ (отъ 29 іюня) къ православнымъ панамъ и приглашалъ ихъ сопутствовать ему при въѣздѣ въ Кіевъ и на освященіе кіево-софійскаго собора (340).

Въ Кіевѣ многіе встрѣтили первосвятителя съ великою радостію, и ему поднесены были два панегирика: одинъ отъ лавры, другой отъ кіево-братскаго училища—гимназіи. Первый подъ заглавіемъ: „Евфонія веселобрмячая на высоце славный ѳронъ митрополіи кіевской щастливе вступаючему, въ Бозѣ его милости, господину отцу, киръ Петру Могилѣ, воеводичю земель молдавскихъ, православному *упревилеіованному* митрополиту кіевскому, галицкому и всея Россіи, *екзарсѣ* св. ѳрону константинопольскаго, архимандриту св. чудотворныя лавры печерской кіевской, отъ кіевскихъ типографовъ, въ тойже св. чудотворной лаврѣ печерской працующихъ, при унижономъ поклонѣ прудко дедикованная, лѣта Господня 1633, іюля 5“. Второй, на польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Мнемозина славы, дѣлъ и трудовъ преосвященнаго въ Бозѣ, его милости, отца Петра Могилы, воеводича земель молдавскихъ..., *упривилегированнаго* православнаго митрополита кіевскаго, галицкаго и всей Руси, экзарха св. трона константинопольскаго...., на вожделѣнный пріѣздъ его въ Кіевъ—отъ студентовъ основанной

(339) Львовск. Лѣтопись въ Русск. Историч. Сборн. III, 247; *Зубрицк.* Лѣтоп. Львов. братства, подъ 1633 г.

(340) *Прот. Лебединц.* Матеріалы для истор. кіев. іерархіи, стр. 32—35.

имъ въ братствѣ кіевскомъ гимназіи, въ свѣтъ издана 1633 года". Въ панегирикахъ восхваляли знатное происхожденіе Петра Могилы, его отреченіе отъ міра, его покровительство наукамъ и особенно его послѣднія заслуги для церкви. „Ты, — говорилось въ предисловіи послѣдняго панегирика, — своимъ иждивеніемъ, своими заботами, своимъ бодрствованіемъ даровалъ тишину православному русскому океану, волновавшемуся въ продолженіи четырехъ сотъ лѣтъ (т. е. со временъ Гедимина, когда западная Русь вошла въ составъ литовскаго княжества), и доказалъ, яснѣе полуденнаго солнца, на избирательномъ и коронаціонномъ сеймахъ, желающему мира королю Владиславу и его сенату права православной церкви, твердыя по силѣ, какъ алмазъ, золотыя по своей драгоцѣнности, святыя по своей древности. Доказавъ неправду, которая тяготѣла надъ нами столько лѣтъ, ты уничтожилъ ее въ прахъ предъ помазанникомъ Божіимъ.... Теперь пожелай только отправиться до Вильны и другихъ городовъ русскаго и литовскаго міра, и увидишь, какъ встрѣтятъ тебя радостно тѣ, которыми полны были темницы, полны были ратуши, полны были темничныя подземелья за пречистую восточную вѣру, какъ встрѣтятъ тебя (въ Вильнѣ) и проводятъ до своего руководителя въ тѣснѣніи, предводителя въ благочестіи, подобнаго Златоусту въ витійствѣ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ скончавшагося архимандрита Леонтія Карповича. Увидѣвъ нетлѣнныя мощи его, увидѣвъ ближнихъ, за вѣру пострадавшихъ, ты почувствуешь, какимъ великимъ дѣломъ услужилъ ты несчастному народу нашему. Тоже самое, вѣрно, подтвердятъ тебѣ Перемышль, Луцкъ, Холмъ, Бѣлзъ, Минскъ, Брестъ, Витебскъ, Могилевъ и множество другихъ городовъ". Достойно замѣчанія, что въ самыхъ

заглавіяхъ обоихъ панегириковъ Петру Могилѣ онъ назывался митрополитомъ *упривилегированнымъ*, т. е. получавшимъ привиллегіи, законное право на митрополію отъ короля и патріарха, и *экзархомъ* константинопольскаго патріарха. Первое названіе прямо указывало на преимущество новаго митрополита предъ прежнимъ, Исаіею, не имѣвшимъ такихъ привиллегій. А послѣднее свидѣтельствовало, что вселенскій патріархъ Кириллъ Лукарисъ прислалъ Могилѣ, вмѣстѣ съ благословеніемъ на митрополію, и право быть и именоваться его экзархомъ, — и Петръ Могила, дѣйствительно, съ самаго посвященія своего титуловалъ себя этимъ именемъ ([341]).

Но не одни восторги и панегирики встрѣтили Могилу въ Кіевѣ; здѣсь ожидали его и тяжкія огорченія. Самымъ уже появленіемъ своимъ въ Кіевѣ, какъ митрополитъ упривилегированный, онъ, по выраженію мѣстнаго тогдашняго хроникера, „деградовалъ“, т. е. низлагалъ съ митрополитской каѳедры прежняго митрополита Исаію и лишалъ его всякой власти надъ церковію. Къ сожалѣнію, Исаія не захотѣлъ покориться своей участи, какъ покорились три другіе архіерея, подобно ему, по-

---

([341]) *Сахаров.* Обозр. Слав.-русск. библіогр., № 304; *Вишневск.* Hist. literatury Polsk. VIII, 382. Подъ стихотвореніями въ «Мнемозинѣ» подписались двѣнадцать учениковъ кіево-братской гимназіи или коллегіума, а предисловіе «Мнемозины» подписалъ одинъ, вѣроятно, бывшій ихъ учителемъ поэзіи, Александръ Скуменъ Тышкевичъ. Онъ самъ воспитывался прежде въ этойже гимназіи, потомъ докончилъ свое образованіе, по тогдашнему обычаю, въ иностранныхъ академіяхъ, въ Парижѣ публично защищалъ диссертацію, за которую удостоился получить дипломъ на степень магистра utriusque iuris. Кромѣ участія въ составленіи «Мнемозины», Ал. Тышкевичъ тогда же напечаталъ въ честь Петра Могилы брошюру на латинскомъ языкѣ: Felix cometa post natalem diem Petri Mogila metrop. Kiowiens. (*Вишневск.* ibid.). Подробнѣе объ этихъ панегирикахъ Могилѣ—у *Пекарск.* Представители кіевской учености, гл. III.

лучившіе посвященіе отъ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, но не получившіе привиллегій отъ короля. Исаія вздумалъ отстаивать свои права и сопротивляться Могилѣ, и тѣмъ естественно возбуждалъ сопротивленіе ему и въ своихъ приверженцахъ. Могила нашелся вынужденнымъ употребить противъ нихъ самыя крутыя мѣры, испытавъ, вѣроятно, безполезность всѣхъ другихъ. Онъ запретилъ или низложилъ поповъ, посвященныхъ Исаіею и, должно быть, упорствовавшихъ въ непокорности новому митрополиту, а самого Исаію велѣлъ взять изъ михайловской обители, гдѣ прежде находилась митрополитская каѳедра, и перевезть въ лавру, чтобы Исаія не возмущалъ его своими претензіями и жалобами въ судахъ духовныхъ и свѣтскихъ и не имѣлъ къ тому средствъ. Усердные исполнители воли Могилы, можетъ быть, безъ его вѣдома, будтобы прибыли къ Исаіи ночью, схватили дряхлаго и больнаго старика въ одной власяницѣ и, перебросивши его черезъ коня, какъ мѣшокъ какой либо, въ такомъ положеніи отправили его въ лавру (342). Исаія, впрочемъ, скоро освободился или былъ освобожденъ изъ лавры, давъ, вѣроятно, обѣщаніе Могилѣ жить спокойно, не дѣйствовать противъ него, и въ 1634—1635 г. несомнѣнно управлялъ михайловскимъ монастыремъ; но, какъ увидимъ, вражда и борьба между обоими митрополитами продолжалась и впослѣдствіи. Другое сопротивленіе встрѣтилъ Петръ Могила въ кіево-николаевскомъ монастырѣ, на который получилъ привиллегію отъ короля. Тамъ думали, что Могила получилъ ее про-

(342) *Іерличъ*—Latopisiec, str. 57. Іерличъ, конечно, не былъ очевидцемъ событія, а разсказываетъ о немъ, можетъ быть, только на основаніи народной молвы, съ неизбѣжными преувеличеніями и искаженіями; но отвергать дѣйствительность событія нѣтъ основаній.

тивозаконно, желая только завладѣть деньгами, которыя скопилъ въ продолженіе двадцати лѣтъ игуменъ Серапіонъ Бильскій, и не хотѣли покориться. Понадобилось обратиться къ силѣ. Могила привелъ къ монастырю нѣсколько сотъ человѣкъ съ пушками, овладѣлъ имъ, и, не нашедши игумена, успѣвшаго бѣжать, приказалъ сѣчь, одного за другимъ, иноковъ, пока они не открыли, гдѣ спрятаны были монастырскія деньги, болѣе же упорныхъ чернецовъ совсѣмъ выгналъ изъ монастыря съ безчестіемъ,—вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ будтобы перешли въ унію, а другіе предались бродяжничеству ([343]). Не обошлась безъ сопротивленія и прискорбныхъ столкновеній и передача кіево-софійскаго собора Петру Могилѣ. Намѣстникъ уніатскаго митрополита Станиславъ Корсакъ, узнавъ, что хотятъ отобрать у него этотъ соборъ, скрылся. Въ его отсутствіе,—какъ самъ онъ потомъ разсказывалъ въ своей жалобѣ, поданной въ кіевскій городскій судъ,—назначенные Петромъ Могилою принципалы печерской и каѳедральной русской капитулъ, оо. Анатолій Мужиловскій, Сильвестръ Коссовъ, Софроній Почапскій и другіе, со множествомъ кіевскихъ мѣщанъ, бояръ, слугъ, казаковъ, всего до пяти или шести сотъ человѣкъ прибыли 12 (по старому календарю 2) іюля къ софійскому собору и къ дому Корсака, гдѣ находились тогда нѣсколько родственниковъ его и духовныхъ лицъ латинской вѣры, и начали требовать ключи отъ собора. И такъ какъ жена Корсака не согласилась выдать ключей, то отбили всѣ замки у собора и забрали изъ него всѣ книги и всю церковную утварь. На другой

([343]) *Іерлич.* тамъ же стр. 58. И здѣсь, вѣроятно, не безъ преувеличеній.

день снова явились къ дому Корсакову, выгнали изъ него всѣхъ жильцовъ, забрали его въ свою власть, равно и всѣхъ жителей окрестной слободы, принадлежавшей софійскому собору. Наконецъ 17, т. е. 7, іюля прибылъ и самъ Петръ Могила, съ подчиненными ему принципалами, и принялъ въ свое вѣдѣніе, какъ софійскій соборъ и принадлежавшихъ ему слобожанъ окрестнаго мѣстечка, такъ и три приписныя къ собору церкви этого мѣстечка: деревянную св. Николая, называвшуюся десятинною, другую деревянную св. Симеона, находившуюся подлѣ воротъ мѣстечка, и третью—каменную св. Василія, называвшуюся нагорною (344).

Кромѣ „Диплома“, король Владиславъ пожаловалъ православнымъ во время своей коронаціи и вскорѣ за тѣмъ многія другія граматы, болѣе частнаго характера, которыми передавалъ имъ нѣкоторыя церкви отъ уніатовъ, утверждалъ и охранялъ существовавшія православныя братства и монастыри, возстановлялъ прежніе, разрѣшалъ учрежденіе новыхъ. Для передачи церквей православнымъ король назначалъ особыхъ комисаровъ; но уніаты вездѣ оказали имъ сопротивленіе. Въ Вильнѣ приказано было (граматою отъ 16 марта) возвратить православнымъ двѣ церкви: св. Іоанна Предтечи и пятницкую или, вѣрнѣе, пляцы этихъ церквей съ принадлежностями, такъ какъ самыя церкви уже не существовали. Но когда королевскій комисаръ, виленскій же городничій Константинъ - Евстафій Залѣсскій, пригласивъ съ собою нѣсколькихъ духовныхъ особъ отъ свято-духовскаго братства, явился (11 іюля) на означенные пляцы, то на одномъ изъ нихъ встрѣтилъ о. Николая

(344) *Лебединц.* Матеріалы для истор. кіев. митрополіи, стр. 25—33.

Рубицкаго, пресвитера пречистенскаго собора, а на другомъ о. Сильвестра Котлубая, которые отъ своего имени и отъ имени митрополита Рутскаго протестовали на словахъ и подали комисару свою протестацію на бумагѣ. Залѣсскій ие рѣшился дѣлать насилія, а донесъ о всемъ королю и предоставилъ обѣимъ сторонамъ вѣдаться предъ самимъ королемъ. Тоже повторилось и въ Минскѣ. Когда назначенный комисаръ Христофоръ Володковичъ, земскій писарь минскаго воеводства, вмѣстѣ съ игуменомъ минскаго православнаго петропавловскаго монастыря Ѳеофилактомъ и другими православными монахами и дворянами, пришелъ (2 іюня) къ свято-троицкой церкви, которую велѣно было возвратить православнымъ, то увидѣлъ вокругъ нея множество уніатовъ и въ числѣ ихъ игумена минскихъ уніатскихъ монастырей и намѣстника митрополичьяго Іосафата Бокіа. Выслушавъ грамату короля, они не хотѣли ей покориться и подали комисару свою протестацію, въ которой заявляли: въ дипломѣ, который далъ король православнымъ во время своей коронаціи отъ лица всей Рѣчи-посполитой, онъ обязался приступить къ исполненію статей, утвержденныхъ имъ при его избраніи, не прежде перваго, имѣющаго быть сейма; слѣд. тогда можетъ послѣдовать и передача православнымъ назначенныхъ имъ церквей, а отнюдь не теперь. Комисаръ принялъ протестацію и донесъ о всемъ королю ([345]). Удачнѣе, повидимому, обошлось дѣло въ Пинскѣ. Здѣсь, 14-го мая, воспротивились передачѣ православнымъ церкви св. Ѳеодора Тирона уніатскіе священники и вся капитула, въ

([345]) Собран. граматъ Вильны, Ковно..., II, № 92—94; Вѣстн. западн. Россіи, 1865—1866, кн. XII, отд. I, стр. 57; Собр. Минск. грам., № 95.

присутствіи вознаго и шляхты, и говорили королевскому комисару Ѳеодору Корсаку, что объ этой передачѣ вовсе не упомянуто въ дипломѣ, который данъ православнымъ королемъ и всею Рѣчью-посполитою на коронаціонномъ сеймѣ. Комисаръ принялъ протестъ и удалился; а между тѣмъ, когда, съ 15-го на 16-е мая, священникъ ѳедоровской церкви пришелъ, въ третьемъ часу ночи, къ заутрени, то увидѣлъ, что церковныя ворота и самая церковь отперты, что въ церкви находилось множество православныхъ и совершалось православное богослуженіе. Тогда пинскій епископъ Рафаилъ Корсакъ занесъ объ этомъ протестацію въ пинскія городскія книги ([346]). Еще удачнѣе, казалось, совершилась передача церкви Богоявленія въ Бѣльскѣ мѣщанамъ, составлявшимъ при ней нѣкогда, до появленія уніи, православное братство. Комисаръ Семенъ Гулевичъ-Воютинскій, земскій писарь луцкій, въ сопровожденіи вознаго и многихъ дворянъ воеводства подляшскаго, пришедши къ этой церкви (3 авг.), безпрепятственно отомкнулъ ее и передалъ православнымъ мѣщанамъ со всею утварью, также съ школою, госпиталемъ, поповскимъ домомъ и церковными грунтами, — и православные спокойно начали отправлять въ ней свое богослуженіе. Но какъ только узналъ объ этомъ владимірскій уніатскій епископъ Іосифъ Баковецкій, онъ прислалъ въ Бѣльскъ своего намѣстника Симоновича, который, собравши толпы латинянъ и уніатовъ, вооруженныхъ разнымъ оружіемъ, напалъ на богоявленскую церковь (8 сент.) и отнялъ ее у

([346]) Виленъ. Археогр. Сборн. VI, № 82, стр. 181. Томуже Ѳеодору Корсаку поручено было отобрать отъ уніатовъ и передать православнымъ по одной церкви въ Брестѣ и Кобринѣ (Собр. Минск. грам. № 94).

православныхъ со всѣми ея принадлежностями. Такое же сопротивленіе оказали уніаты въ Гроднѣ, Слонимѣ, Новогрудкѣ, Клещеляхъ и другихъ мѣстахъ ([347]). Были однакожъ города, въ которыхъ уніаты не могли воспрепятствовать исполненію королевской воли: напримѣръ, въ Могилевѣ всѣ церкви, по граматѣ Владислава отъ 2-го іюня, были распечатаны и отданы православнымъ ([348]). Вообще уніаты, несмотря на то, что новый король, во время своей коронаціи, роздалъ множество граматъ и ихъ духовнымъ—митрополиту, епископамъ, монастырямъ, мужскимъ и женскимъ, были очень недовольны его благосклонностію къ православнымъ; думали, что распоряженія его о передачѣ имъ нѣкоторыхъ церквей незаконны, по крайней мѣрѣ, преждевременны, и надѣялись, что слѣдующій сеймъ, можетъ быть, еще не утвердитъ статей примиренія, данныхъ Владиславомъ при его избраніи, или измѣнитъ ихъ,—въ чемъ отчасти, какъ увидимъ, и не ошиблись ([349]).

Изъ православныхъ братствъ весьма милостивую грамату пожаловалъ король (18 марта) *виленскому свято-духовскому* братству, которое,—надобно отдать ему честь,—болѣе всѣхъ и потрудилось для православной церкви на конвокаціонномъ и избирательномъ сеймахъ своими благовременными изданіями о правахъ ея въ Литвѣ и Польшѣ. Въ этой граматѣ Владиславъ не только подтвердилъ обѣ граматы своего отца, данныя братству,—грамату отъ 21 іюля 1589 г., которою утвержда-

---

([347]) Вилен. Арх. Сборн. II, №№ 101—103, стр. 240; *Harasiewicz*, Annal. eccl. Ruth., p. 312,

([348]) Вилен. Арх. Сборн. II, Записки *Ореста*, стр. X.

([349]) Граматы въ пользу уніатовъ—А. З. Р. V, №№ 2—4. 6—8; Акт. Вилен. Комм., I, №№ 17. 21; Собр. грам. Вильны... II, № 31 и др.

лось основаніе братства при виленскомъ свято-троицкомъ монастырѣ, по благословенію патріарха Іереміи, и предоставлялись братству, съ его училищемъ, типографіею и госпиталемъ, разныя права и преимущества, и грамату отъ 5 іюля 1593 г., которою утверждались за братствомъ его домы, грунты и прочія владѣнія и дозволялось ему построить на своихъ грунтахъ церковь, отдѣльную отъ свято-троицкаго монастыря, — но еще прибавилъ къ этимъ граматамъ „поясненія“. И—а) опредѣлилъ, чтобы братство, хотя оно уже не состоитъ при троицкомъ монастырѣ, а построило себѣ, по прежней королевской граматѣ, особую деревянную церковь во имя сошествія Св. Духа и имѣетъ право соорудить новую, каменную, продолжало и впредь навсегда называться свято-троицкимъ, какъ было изначала, и употреблять печать съ изображеніемъ Св. Троицы; б) утвердилъ при церкви Св. Духа монастырь общежительный по чину св. Василія великаго, заложенный первымъ архимандритомъ монастыря Леонтіемъ Карповичемъ, и притомъ не одинъ, а обѣ монастыря, существовавшіе уже при этой церкви, мужескій и женскій; в) утвердилъ за свято-духовскимъ монастыремъ всѣ другіе монастыри, находившіеся подъ его властію: петропавловскій въ Минскѣ, евейскій въ воеводствѣ троцкомъ, цеперскій и сновскій въ воеводствѣ новогрудскомъ, новодворскій и купятицкій въ повѣтѣ пинскомъ, сѣлецкій въ воеводствѣ минскомъ, равно какъ и тѣ монастыри, которые впредь будутъ основаны и, по волѣ основателей, будутъ отданы подъ власть виленскаго свято-духовскаго; г) утвердилъ, наконецъ, чтобы этотъ монастырь и братство при немъ имѣли право впредь навсегда принимать всякія пожертвованія и безпрепятственно владѣть пожертвованнымъ имуществомъ, движимымъ и недви-

жимымъ, а по дѣламъ судебнымъ подлежали только главному трибунальному суду. Мы поймемъ важность этой граматы, если вспомнимъ, что доселѣ, съ первыхъ лѣтъ уніи, польское правительство не признавало законнымъ самаго существованія въ Вильнѣ православнаго свято-духовскаго братства; вѣрило, по внушенію отъ уніатовъ, что обѣ граматы короля Сигизмунда, данныя виленскому свято-троицкому братству, должны принадлежать уніатскому троицкому братству, а не православному, что томуже уніатскому братству должны принадлежать и домы и всѣ прочія имѣнія, которыми будтобы незаконно владѣло православное, и что послѣднее будтобы самовольно, безъ разрѣшенія отъ короля, построило себѣ церковь во имя Св. Духа. Вслѣдствіе этого свято-духовское братство принуждено было, втеченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, выдерживать непрерывную тяжбу и всякаго рода притѣсненія отъ уніатскаго троицкаго братства, отстаивая свои привиллегіи, свои владѣнія, самое свое существованіе, и не находило никакой защиты въ правительствѣ. И вотъ теперь только въ первый разъ отъ начала уніи новый король призналъ и утвердилъ православное свято-духовское братство во всѣхъ его правахъ, съ его монастырями и прочими учрежденіями, и слѣд. принялъ подъ покровительство законовъ ([350]). Въ тотъ же самый день (18 марта) Владиславъ пожаловалъ свою грамату и *минскому петропавловскому* братству. Здѣсь онъ, прежде всего, утвердилъ братство и его монастырь, съ училищемъ, типографіею и богадѣльнею, — такъ какъ они были основаны уже во дни уніи и доселѣ не

([350]) Собр. грам. Вильны..., II, № 42; Вѣстн. западн. Россіи 1865—1866, кн. VIII, отд. I, стр. 13.

были признаваемы правительствомъ, — утвердилъ потомъ за братствомъ церковь рождества пресв. Богородицы въ Минскѣ, находившуюся въ его вѣдѣніи; женскій монастырь, существовавшій по сосѣдству съ мужескимъ петропавловскимъ; фольваркъ Переспу и другія владѣнія обоихъ монастырей, и дозволилъ братству построить новую церковь во имя преображенія Господня на пляцу, недавно пожертвованномъ Еввою Корсаковною, княгинею Соломорецкою ([351]). *Львовское* успенское ставропигіальное братство также получило, 5 марта, грамату отъ короля Владислава, которою онъ подтвердилъ всѣ права и привиллегіи и самаго братства и братскаго онуфріевскаго монастыря, пожалованныя имъ прежними королями и патріархомъ Іереміею. Но вскорѣ принуждено было просить себѣ новой граматы. Священникъ братской успенской церкви во Львовѣ Боярскій почему-то еще въ началѣ 1631 г. оставилъ свое мѣсто, и оно сдѣлалось вакантнымъ. Получивъ объ этомъ свѣдѣніе, король Сигизмундъ III прислалъ членамъ львовской ратуши приказъ (отъ 28 генв. 1631), чтобы они отнюдь не допускали на означенное мѣсто никого, кромѣ уніата и уніата ревностнаго. Братство крайне было огорчено, но должно было смириться, и подкупило членовъ ратуши, чтобы они не препятствовали ему избрать себѣ православнаго священника. Тѣ согласились и уступили, но только на этотъ разъ, а не навсегда. И потому, когда новый король прибылъ во Львовъ, на другой годъ послѣ своей коронаціи, братство поднесло ему и его канцеляріи богатые подарки и успѣло исходатайствовать себѣ но-

([351]) Собр. Минск. грам., № 123; Акты Вилен. археогр. Комм. XI, № 36; Вѣстн. западн. Россіи 1863–1864, кн. V, отд. I, стр. 6.

вую привиллегію (отъ 10 ноября 1634), которою Владиславъ, подтвердивъ всѣ права братства, предоставилъ ему впредь, по собственному усмотрѣнію, избирать и принимать священниковъ къ своей церкви, безъ всякаго вмѣшательства со стороны ратуши или кого либо другаго. Съ этого времени братство рѣшило имѣть при успенской церкви, вмѣсто священниковъ, трехъ іеромонаховъ и іеродіакона, которые и жили здѣсь, въ зданіяхъ братства, постоянно, подъ надзоромъ одного изъ нихъ, называвшагося старшимъ ([352]).

Не замедлили воспользоваться благосклонностію новаго короля и прежнія православныя братства, которыя, вслѣдствіе гоненій отъ уніи, или совсѣмъ прекратили-было, или едва продолжали свое существованіе, каковы: бѣльское и могилевское. *Бѣльское* братство образовалось еще до уніи въ 1593 г., по граматѣ своего епархіальнаго владыки Ипатія Потѣя, тогда еще православнаго, который, предоставивъ братству соборную богоявленскую церковь, благословилъ его учредить при ней школу, больницу и пріютъ для бѣдныхъ. Но потомъ, когда самъ сдѣлался отступникомъ отъ вѣры отцевъ, разогналъ православное братство, отнялъ у него церковь со всѣми при ней учрежденіями и передалъ уніатамъ. Православные, однакожъ, съумѣли уберечь, въ продолженіе многихъ лѣтъ, благословенную грамату, данную имъ нѣкогда на основаніе братства въ Бѣльскѣ, и теперь, представивъ ее королю Владиславу при его коронаціи, просили его возстановить ихъ права. Король призналъ православное бѣльское братство, и приказалъ

([352]) Памятн. Кіев. Коммис. III, № 10; *Петрушевич.* Сводн. галицко-русск. лѣтоп., стр. 293; *Зубрицк.* Лѣтоп. Львов. братства, подъ 1634 годомъ.

возвратить ему богоявленскую церковь, со всѣмъ, что ей принадлежало. И хотя уніаты, какъ мы упоминали, снова отняли ее; но братство не унывало, полагаясь на пожалованную ему королевскую грамату, и еще испросило себѣ благословеніе отъ митрополита Петра Могилы. Митрополитъ, благословляя братство, писалъ ему (отъ 24 мая 1634), чтобы оно, если не успѣетъ отстоять богоявленской церкви, построило себѣ другую церковь или даже отправляло свое богослуженіе въ какомъ либо домѣ, но усердно стремилось къ своей цѣли, держась уставовъ старѣйшихъ братствъ, львовскаго и виленскаго, а такъ какъ во владимірской епархіи нѣтъ православнаго епископа, то во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ подчинялось непосредственно ему, какъ митрополиту и патріаршему экзарху, и возносило имя его въ церковныхъ молитвахъ ([353]). *Могилевское* православное братство первоначально устроилось при спасскомъ могилевскомъ монастырѣ, въ концѣ XVI в.; но скоро монастырь этотъ былъ отнятъ у православныхъ и отданъ уніатамъ. Тогда братство хотѣло-было создать себѣ новую церковь и монастырь на мѣстѣ, купленномъ (въ 1619 г.) княземъ Иваномъ Огинскимъ; но среди гоненій, которымъ подвергались православные въ Могилевѣ, особенно послѣ извѣстнаго столкновенія съ фанатикомъ Кунцевичемъ, не могло осуществить своего желанія, и оставалось безъ церкви и монастыря до самой смерти короля Сигизмунда. Когда, по избраніи новаго короля, сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ подписалъ статьи, обезпечивавшія православнымъ свободу вѣроисповѣданія, могилевскіе мѣщане поспѣшили испросить у константинопольскаго патріарха Кирилла

([353]) А. З. Р. V, № 9.

Лукариса благословенную грамату на учрежденіе въ своемъ городѣ братства, по чину братствъ львовскаго и виленскаго, и представили ее Владиславу во время его коронаціи, ходатайствуя, чтобы и онъ утвердилъ это братство особливою своею привиллегіею и дозволилъ ему построить церковь и монастырь во имя Богоявленія на шляхетскомъ грунтѣ, купленномъ Яномъ Огинскимъ. Владиславъ, граматою отъ 3-го марта, дозволилъ могилевцамъ образовать братство, построить церковь и монастырь общежительный, по правиламъ св. Василія великаго, съ школою свободныхъ наукъ и разныхъ языковъ и съ госпиталемъ, и принялъ тотъ монастырь подъ свою государскую оборону. Приступая къ основанію монастыря, члены братства предварительно избрали для него архимандрита Варлаама Половка изъ иноковъ виленскаго свято-духовскаго монастыря, и обратились съ просьбою къ митрополиту Петру Могилѣ утвердить избраннаго въ санѣ. Могила, хотя и утвердилъ, но на будущее время приказалъ братчикамъ „своею митрополитанскою и экзаршею властію“ (отъ 4 ноября 1634), чтобы они не дерзали, въ случаѣ отсутствія епархіальнаго ихъ владыки, епископа мстиславскаго, оршанскаго и могилевскаго (какъ это, видно, случилось тогда), избирать сами для своего монастыря архимандрита безъ вѣдома митрополита-экзарха ([354]).

Одновременно съ тѣмъ, какъ возстановлялись нѣкоторые прежніе братства и монастыри, основывались и новые. Еще при коронаціи короля Владислава православные дворяне и мѣщане пинскіе просили его утвердить ихъ образовавшееся братство и дозволить имъ построить церковь и монастырь во

([354]) Вилен. Арх. Сборн., II, №№ 34. 35. 37. 39.

имя Богоявленія въ городѣ *Пинскѣ* на шляхетской землѣ, — на что они уже имѣли благословенный листъ отъ цареградскаго патріарха. И Владиславъ, граматою отъ 3-го марта, утвердилъ ихъ новое братство и дозволилъ имъ соорудить церковь и монастырь и держать въ немъ монаховъ ученыхъ по чину св. Василія великаго, а при монастырѣ имѣть школу наукъ греческаго, латинскаго, русскаго и польскаго языковъ и госпиталь, самому же этому братству руководствоваться правилами, данными цареградскимъ патріархомъ братствамъ львовскому и виленскому ([355]). Извѣстный ревнитель православія, чашникъ волынскій и королевскій секретарь, Лаврентій Древинскій и съ нимъ хорунжій Даніилъ Ела-Малинскій выпросили себѣ грамату у короля Владислава (отъ 18 мая 1633), которою онъ дозволялъ имъ соорудить на купленныхъ ими грунтахъ въ городѣ *Кременцѣ* церковь и монастырь во имя Богоявленія, по чину св. Василія великаго, учредить при монастырѣ братство, по правиламъ старшихъ братствъ — львовскаго, виленскаго и другихъ, завести школу, типографію и госпиталь, съ тѣмъ чтобы и братство и монастырь находились подъ властію православнаго кіевскаго митрополита и его преемниковъ. Когда братство и монастырь были основаны, митрополитъ Петръ Могила далъ имъ, по просьбѣ основателей, благословенную грамату (13 сент. 1636), и въ ней, властію экзаршею, опредѣлилъ, чтобы это братство и монастырь находились всегда въ послушаніи непосредственно самого вселенскаго патріарха, или его экзарха въ Россіи — митрополита, и никакой епископъ волынской или другой епархіи не простиралъ

([355]) Собр. Минск. грам. № 164.

на нихъ своей власти; чтобы въ кременецкомъ братствѣ и монастырѣ приняты были тѣже порядки, какіе существовали въ братствахъ кіевскомъ, львовскомъ и виленскомъ, и, въ частности, чтобы старшій или игуменъ монастыря избирался братствомъ чрезъ каждые два года; чтобы въ школѣ новаго братства, когда она будетъ устроена, преподавались науки по примѣру школы братской кіевской, и чтобы члены братства въ важнѣйшихъ дѣлахъ и въ случаяхъ апелляцій обращались къ нему-митрополиту, какъ къ патріаршему экзарху ([356]). Подкоморій мстиславскій Богданъ Вильгемовичъ Стеткевичъ и жена его Елена Богдановна, княжна Соломорецкая, основавшіе уже кутеинскій монастырь (ок. 1630 г.), получивъ въ наслѣдство имѣнія князя Богдана Богдановича Соломорецкаго, въ томъ числѣ Борколабово, гдѣ покойный князь хотѣлъ, но не успѣлъ учредить свято-духовскій монастырь, постановили записью отъ 1-го авг. 1633 года, въ замѣнъ борколабовскаго монастыря, основать общежительный монастырь, также во имя сошествія Св. Духа, въ другомъ своемъ имѣніи — *Буйничахъ*, въ повѣтѣ оршанскомъ, щедро надѣлили этотъ монастырь землями и селами, и подчинили его на первыхъ порахъ кутеинскому игумену Іоилю Трупевичу съ тѣмъ, чтобы когда буйницкій монастырь будетъ устроенъ, игуменъ его сдѣлался равноправнымъ игумену кутеинскому, чтобы оба монастыря, имѣющіе однихъ и тѣхъ же фундаторовъ, помогали другъ другу во всемъ, и

([356]) Рукопись моей библіот., № 105, содержащая, какъ граматы объ учрежденіи кременецкаго братства, такъ и уставы самаго браства и его школы, съ нѣсколькими другими статьями. Уставы эти буквально заимствованы у братства луцкаго (напеч. въ Памятн. Кіев. Коммис., I).

оба неизмѣнно оставались въ послушаніи константинопольскому патріарху ([357]).

Не одни уніаты не скрывали и не сдерживали своей враждебности къ православнымъ, несмотря ни на какія граматы, данныя для огражденія ихъ новымъ королемъ: такъ же поступали и латиняне. Въ Луцкѣ, 24 мая 1634 г., совершалась по городу латинская процессія съ св. дарами, по случаю праздника тѣла Господня. Процессія миновала уже крестовоздвиженскій монастырь луцкаго православнаго братства, какъ вдругъ до двѣнадцати о.о. іезуитовъ луцкой іезуитской коллегіи, а съ ними множество коллегіумскихъ слугъ и разныхъ городскихъ ремесленниковъ, всего около ста человѣкъ, съ саблями, кортиками, ружьями, иные же съ кольями и камнями, ворвались во дворъ православнаго монастыря, подъ тѣмъ предлогомъ, будтобы въ монастырѣ не производилось тогда колокольнаго звона. Одни бросились на колокольню и начали звонить и кричать неистово, чѣмъ привлекли новыя толпы народа. Другіе вторглись въ церковь, опрокинули въ ней подсвѣчники, посрывали завѣсы, ковры и проч. Еще иные устремились на училище, на богадѣльню, на братскія кельи, и били, рубили, увѣчили бѣдныхъ мальчиковъ-учениковъ, богадѣльныхъ старцевъ и старухъ, монаховъ и всѣхъ, кто попадался; самому игумену Исаакію нанесли удары камнями и кирпичами по рукѣ, спинѣ и шеѣ; учителю Босынскому отрубили палецъ на правой рукѣ; многимъ побили головы, выбили зубы и глаза и проч. Потомъ разбили два сундука съ деньгами, одинъ богадѣльный, другой церковный, и похитили деньги; повыбили

([357]) А. Ю и З. Р. II, № 56.

окна въ церкви, училищѣ, богадѣльнѣ, повыломали двери и сломали гонтовую крышу на оградѣ. Спустя четыре дня, 28-го мая, они снова собрались, вооруженные, и сперва напали на домъ одного православнаго, Николая Лихповича, ни въ чемъ неповиннаго, и заставили его спасаться бѣгствомъ; потомъ, расхаживая по улицамъ, хватали всякаго попадавшагося русскаго, били его и сѣкли; а въ сумерки схватили дворянина Ивана Ломинскаго, служившаго при луцкомъ православномъ епископѣ Аѳанасіѣ Пузинѣ, и предъ квартирою ксендза Лясскаго, съ его благословенія, и предъ глазами его и многихъ другихъ людей, нѣсколько разъ принимались бить палками и мучить этого дворянина, пока не убили совершенно. Православный епископъ немедленно внесъ протестъ въ луцкія городскія книги, а вслѣдъ за епископомъ такой же протестъ внесли князь Георгій Пузина, подкоморій владимірскій и Михаилъ Пузина отъ лица всѣхъ мѣстныхъ православныхъ дворянъ. Луцкій урядъ тотчасъ же назначилъ двухъ возныхъ для осмотра безчинствъ, произведенныхъ 24 мая въ православномъ монастырѣ іезуитами, и возные, производившіе освидѣтельствованіе въ присутствіи многихъ дворянъ, назначенныхъ урядомъ и приглашенныхъ монастыремъ, вполнѣ подтвердили справедливость изложеннаго въ протестахъ. Чѣмъ кончился судъ надъ виновными, неизвѣстно [358].

Подъ конецъ 1634 года православные начали уже приготовляться къ сейму, на которомъ долженъ былъ окончательно рѣшиться вопросъ о статьяхъ примиренія, данныхъ королемъ Владиславомъ при его избраніи. Митрополитъ Петръ Могила писалъ (4 ноября) къ могилевскому, а вѣроятно, и къ другимъ

---

[358] Памятн. Кіев. Коммис. I, № 31.

братствамъ: „Не тайны для васъ, думаемъ, наши труды и издержки, которые мы охотно понесли, не безъ пособія отъ всего благочестиваго народа, для блага церкви Божіей и успокоенія всего православія, на двухъ прошлыхъ сеймахъ во время междуцарствія и на третьемъ во время счастливой коронаціи нашего милостиваго короля. Вы теперь утѣшаетесь, что имѣете въ насъ своего пастыря упривиллегированнаго, равно и другихъ боголюбивыхъ епископовъ, которые внимательно, ревностно, дѣятельно заботятся о душахъ вашихъ. Дай Богъ, чтобы и на приближающемся сеймѣ мы съумѣли отстоять наши права, — и тогда настанутъ для нашего народа россійскаго давнія утѣхи. Но, истощивъ до великаго убожества въ три первыя наши экспедиціи на сеймы, и наши собственные, отцовскіе достатки, и средства нашего монастыря, тѣмъ болѣе, что на эти средства реставрируемъ и церковь св. Софіи, нашу митрополитанскую, которая вся было-опала, мы усердно просимъ васъ не только о томъ, чтобы вы явились на сеймъ, но и о томъ, чтобы вы оказали намъ вспомоществованіе, какъ для нашего путешествія на сеймъ, такъ и для обновленія нашей каѳедральной митрополитанской церкви“ ([359]). Нѣтъ сомнѣнія, что и уніаты, съ своей стороны, принимали всѣ мѣры, чтобы одержать на сеймѣ какой либо успѣхъ надъ православными, и надобно сказать, что тѣ и другіе, въ нѣкоторой степени, достигли своей цѣли. Король не могъ не сдержать своего слова, такъ рѣшительно высказаннаго въ дипломѣ православнымъ, и сдержалъ. Сеймъ, открывшійся въ февралѣ 1635 года, принялъ статьи примиренія и утвердилъ своею конституціею въ слѣдую-

([359]) Вилен. Археогр. Сборн. II, № 38, стр. 52.

щихъ выраженіяхъ отъ лица короля: „Согласно пактамъ конвентамъ и данному во время коронаціи удостовѣренію относительно успокоенія подданныхъ нашихъ греческой вѣры, мы исполняемъ предположенное примиреніе между ними по силѣ статей, при избраніи нашемъ состоявшихся, и настоящимъ уложеніемъ обѣщаемъ за себя и за нашихъ преемниковъ навсегда охранять какъ уніатовъ, такъ и неунитовъ. Для осуществленія этого примиренія мы повелѣли выдать на нынѣшнемъ сеймѣ привиллегію за подписаніемъ нашей руки и нашими печатями. А всѣ тяжбы и споры, начатые съ обѣихъ сторонъ по случаю вышеупомянутыхъ статей, предаемъ вѣчному забвенію и уничтожаемъ, принимая на себя обѣщаніе, изложенное въ конституціи 1609 года“ ([360]). Но когда, вслѣдъ за тѣмъ, пришлось дѣйствительно выдавать привиллегію или грамату, то вмѣсто одной король выдалъ двѣ, одну уніатамъ, другую православнымъ, и здѣсь уже допустилъ немалыя отступленія отъ статей примиренія въ пользу уніатовъ. Въ граматѣ, данной уніатамъ 14-го марта, король говорилъ: „Объявляемъ всѣмъ, кому о томъ знать слѣдуетъ, что, радѣя о благѣ общественномъ, мы приняли на себя водворить миръ между людьми греческой вѣры, и мѣры для этого примиренія пріостановили-было до деклараціи св. отца. Но такъ какъ св. отецъ сужденія своего не высказываетъ и положительной деклараціи доселѣ не учинилъ; а между тѣмъ на сеймѣ невозможно было приступить ни къ какимъ дѣламъ Рѣчи-посполитой, безъ принятія тѣхъ мѣръ, то и пришлось намъ уступить людямъ не находящимся въ уніи.

([360]) Volum. Legum, подъ 1635 годомъ; *Бант.-Каменск.* Истор. Изв. объ Уніи, подъ тѣмъ же годомъ.

Впрочемъ, мы поступили такъ не съ цѣлію утвердить права схизмы, а ради общественнаго блага, и даемъ настоящее наше свидѣтельство въ томъ, что, по благосклонности нашей къ людямъ, находящимся въ уніи съ римскимъ костеломъ, мы сохраняемъ за ними митрополію и принадлежащія ей имѣнія на вѣчныя времена; что за уніатами должны оставаться навсегда: архіепископство полоцкое, епископства владимірское, пинское, холмское, смоленское, съ монастырями, церквами и имѣніями, имъ принадлежащими; за уніатами также должны оставаться навсегда: виленскій монастырь Св. Троицы съ братствомъ и церковію св. Пятницы, съ принадлежащими ей фундушами, монастыри — гродненскій (а прежде, по статьямъ примиренія, онъ назначенъ былъ православному митрополиту), жидичинскій, могилевскій, минскій, новогрудскій, онуфріевскій, мстиславскій, плытинскій, полоцкій, брацлавскій и другіе, которые теперь находятся въ ихъ владѣніи. А въ Витебскѣ, Полоцкѣ, Новогрудкѣ неуниты не должны имѣть никогда ниодной церкви (между тѣмъ въ статьяхъ примиренія король обѣщалъ распредѣлить, чрезъ своихъ комисаровъ, церкви между унитами и неунигами, пропорціонально ихъ числу, по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ). Удостовѣряемъ также за себя и нашихъ преемниковъ, что епископства тѣ, архимандритства, игуменства не будемъ отдавать никому, какъ только заслуженнымъ базиліанскимъ монахамъ, которыхъ будутъ предлагать намъ и нашимъ преемникамъ нынѣшній уніатскій митрополитъ и его преемники уніаты“ ([361]).

([361]) *Кулишъ*, Wiara Prawosławna..., p. 261—262; Вилен. Археогр. Сборн. I, № 138, стр. 356; II, № 44, стр. 60.

Спустя четыре дня, 18 марта, король пожаловалъ привиллегію и православнымъ въ слѣдующихъ пунктахъ.

„Объявляемъ всѣмъ, кому слѣдуетъ, что мы, пребывая вѣрными статьямъ примиренія между унитами и неунитами греческаго обряда, которыя составили во время счастливаго нашего избранія, постановляемъ еще, сверхъ того нашего распоряженія, слѣдующее:

Луцкое епископство должно оставаться за нынѣшнимъ уніатскимъ епископомъ до его смерти; а послѣ его смерти оно будетъ передано, со всѣми, издревле принадлежащими къ нему имѣніями, епископу неунитскому, избранному волынскими обывателями и уже посвященному. Если же этотъ неунитскій епископъ умретъ прежде, то мы отдадимъ луцкое епископство тому, кого предлагаютъ уже намъ волынскіе обыватели. А когда луцкое епископство будетъ передано неуниту, тотчасъ жидичинская архимандрія должна быть передана униту, со всѣми своими имѣніями, съ церковію пресв. Троицы и съ домомъ, принадлежащимъ архимандріи въ городѣ Луцкѣ“. Этотъ пунктъ привиллегіи несогласенъ съ статьями примиренія, гдѣ было сказано, что уніатскій луцкій епископъ немедленно передастъ свое епископство и всѣ его имѣнія епископу неунитскому, а самъ переселится въ жидичинскій монастырь и, вѣроятно, составленъ по тому особому письменному акту, который король обѣщалъ въ своемъ извѣстномъ дипломѣ православнымъ дать избранному ими на епископство луцкое Александру Пузинѣ.

„Равнымъ образомъ, по смерти нынѣшняго перемышльскаго епископа-унита, мы передадимъ это епископство тому, кого изберутъ перемышльскіе обитатели-неуниты и кого уже намъ

предлагаютъ. Для пребыванія же неунитскаго перемышльскаго епископа мы назначаемъ и утверждаемъ монастыри: спасскій, св. Онуфія и такъ-называемый смольнинскій со всѣми, принадлежащими тѣмъ монастырямъ, имѣніями. А когда, по смерти нынѣшняго унитскаго епископа, примутъ въ свою власть перемышльское епископство неуниты, съ того времени унитскому епископу будутъ переданы церкви — спасская и николаевская, находящіяся въ предмѣстіи Перемышля, вмѣстѣ съ уніатами, тамъ живущими, и останутся во владѣніи того епископа и его преемниковъ". И въ этомъ пунктѣ сдѣлано отступленіе отъ статей примиренія или, точнѣе, прибавленіе къ нимъ. Тамъ сказано, что перемышльская епископія, подобно львовской, должна принадлежать православнымъ и самыя имѣнія ея будутъ переданы православному епископу, какъ только скончается или будетъ перемѣщенъ куда либо тогдашній уніатскій епископъ Крупецкій; а здѣсь прибавлено, что и по смерти Крупецкаго будутъ оставаться въ перемышльской епархіи уніатскіе епископы, хотя и не при прежнихъ владѣніяхъ.

„Гродненскій монастырь съ его имѣніями (прежде назначенный православному митрополиту) будетъ принадлежать уніатамъ; но въ замѣнъ того мы отдаемъ неунитамъ кіевскую выдубицкую архимандрію со всѣми имѣніями, издревле ей принадлежащими".

„Равно и спасскій монастырь въ Могилевѣ (прежде назначенный для пребыванія мстиславскаго православнаго епископа) останется во владѣніи уніатовъ; а церковь могилевская во имя воздвиженія св. Креста, съ тремя печерскими селами, которыя нынѣ держатъ уніаты, также церковь, называемая Блаженная (Beata), въ Минскѣ, должны принадлежать неунитамъ".

„Какъ нынѣшній неунитскій митрополитъ владѣетъ печерскою архимандріею и николаевскимъ монастыремъ съ кіевскою каѳедральною церковію св. Софіи, такъ и пусть владѣетъ ими до конца своей жизни; а по смерти его эти бенефиціи будутъ раздаваться согласно съ статьями примиренія, утвержденными при нашемъ избраніи“.

„Въ школахъ кіевскихъ и виленскихъ дозволяемъ учить неунитовъ по-гречески и по-латини, такъ впрочемъ, чтобы свободнымъ наукамъ обучали не далѣе діалектики и логики“.

„Какія церкви, гдѣ бы то ни было, назначатъ унитамъ и неунитамъ наши комисары, для того собственно посланные, обѣ стороны должны имъ покориться“.

„Всѣ юридическіе процессы, какъ они ни были возбуждены между унитами и неунитами, кассуемъ и уничтожаемъ, за исключеніемъ убытковъ и личныхъ обидъ, о которыхъ, если кто желаетъ, судиться не запрещаемъ“.

„Все это мы утверждаемъ именемъ нашимъ и нашихъ преемниковъ, и по этимъ пунктамъ настоящей нашей привиллегіи должны пользоваться навсегда своими правами, какъ униты, такъ и неуниты“ ([362]).

([362]) Рукопись моей библіотеки, № 106, содержащая собраніе папскихъ граматъ, рѣшеній римской Конгрегаціи о распространеніи вѣры, королевскихъ и сеймовыхъ декретовъ и другихъ документовъ, касающихся уніи и уніатскаго базиліанскаго ордена. Нѣкоторые изъ этихъ документовъ уже напечатаны, но бо́льшая часть—еще нѣтъ. Такова и королевская привиллегія, на латинскомъ языкѣ, нами изложенная: она помѣщена на 81 страницѣ означенной рукописи. О содержаніи этой привиллегіи говоритъ и Левъ Кишка (*Петрушевич*. Сводн. галицко-русск. лѣтоп., подъ 1635 г., стр. 74). Относительно выдубицкаго монастыря въ привиллегіи именно сказано: monasterium Grodnense, cum bonis, ad illud spectantibus, ad unitos spectabit; in racompensam vero non-unitis conferimus archimandriam Vidubicensem Kiiow. cum omnibus bonis, ab antiquo exnunc ad illam spectantibus. Относительно же

Въ тотъ же самый день, т. е. 18-го марта, латиняне и уніаты подали на сеймѣ свой протестъ, чрезъ гнѣзненскаго архіепископа и кіевскаго уніатскаго митрополита Рутскаго, и просили занесть въ варшавскіе городскіе акты. Въ протестѣ говорилось: мы еще при избраніи, и потомъ при коронаціи всемилостивѣйшаго нашего короля заявляли, что примемъ статьи примиренія лишь въ томъ случаѣ, если онѣ будутъ одобрены св. апостольскимъ престоломъ. Но какъ апостольскій престолъ извѣстилъ насъ, что нельзя намъ принять ихъ безъ оскорбленія нашихъ совѣстей и безъ опасности для нашего спасенія, то мы теперь объявляемъ, что никакимъ образомъ не можемъ согласиться на тѣ статьи и на конституцію настоящаго сейма о греческой религіи, и что уніатскіе прелаты станутъ защищать свои права и владѣнія, и не добровольно, а только по принужденію уступятъ тѣ церкви, какія не въ силахъ будутъ отнять у неунитовъ ([363]). Такимъ образомъ, хотя и сеймъ утвердилъ статьи примиренія своею конституціею, но на томъ же сеймѣ король долженъ былъ сознать и убѣдиться, что онѣ не приведутъ къ дѣйствительному примиренію уніатовъ съ православными, напротивъ могутъ повести ихъ только къ новымъ столкновеніямъ и раздорамъ, и что для цѣли нужны другія мѣры, болѣе надежныя. И едва прошелъ годъ, какъ это сознаніе и убѣжденіе открыто выразилъ самъ король предъ уніатами и православными, разославъ (5 сент. 1636) къ главнымъ духовнымъ лицамъ тѣхъ и другихъ, а равно и къ нѣкоторымъ свѣт-

---

кіевскихъ и виленскихъ школъ—слѣдующее: in scholis etiam Kiioviensibus et Vilnensibus graece et latine docere non-unitos permittimus, ita tamen, ut humaniora non ultra dialecticam et logicam doceant.

([363]) Рукопись моей библіот. № 106, стр. 82.

скимъ, свои листы. Въ посланіи къ православнымъ іерархамъ онъ писалъ: „Рознь между Русью, находящеюся въ уніи и не находящеюся, немало производитъ несообразностей въ Рѣчи-посполитой, и много отнимаетъ времени на сеймахъ; почему мы еще при счастливомъ нашемъ избраніи указали мѣры для примиренія Руси. Но на прошломъ сеймѣ мы дознали, сколько приведеніе этихъ мѣръ въ дѣйствіе затруднило Рѣчь-посполитую и навѣрно не престанетъ затруднять и впослѣдствіи. Посему, разсылая наши листы къ старшимъ духовнымъ обоихъ сторонъ и къ нѣкоторымъ свѣтскимъ,—такъ какъ у васъ и братства имѣютъ немалую силу въ дѣлахъ вѣры,—мы желаемъ, чтобы вы предъ наступленіемъ слѣдующаго сейма снеслись со всѣми ими (т. е. братствами) и поискали способовъ, которыми могли бы совершиться между вами и уніатами соединеніе и прочное согласіе: ибо пока вы не согласитесь между собою вѣрными средствами, одна сторона не перестанетъ безпокоить другую, преслѣдовать судомъ и утѣснять. Знаемъ, что главнѣйшимъ вопросомъ между вами и тѣми (уніатами) будетъ вопросъ о послушаніи вашемъ константинопольскому патріарху; но если разсудите, что сталось съ тою каѳедрою и дѣется теперь, вы легко поймете, что, не нарушая правъ патріаршества, вы можете, по примѣру Москвы и другихъ государствъ, имѣть у себя дома то, за чѣмъ относитесь на сторону. Совершите же дѣло, угодное Богу, полезное Рѣчи-посполитой, потребное русскому народу, особенно находящемуся въ уніи, и незабвенное для насъ“ ([864]). Мысль объ учрежденіи патріаршества въ западно-русской церкви для примиренія уніатовъ и православныхъ—мысль не новая: ее

([864]) Supplem. ad Hist. Russ. Monum., № 72.

уже пытались предложить православнымъ святителямъ еще въ 1624 г. уніатскіе. Но православнымъ нетрудно было уразумѣть намѣреніе уніатовъ. Послѣдніе могли примириться съ ними и соединиться подъ властію будущаго русскаго патріарха, безъ сомнѣнія, только съ условіемъ, если онъ самъ подчинится папѣ, т. е. приметъ унію. Слѣд., еслибы православные согласились учредить у себя самостоятельное патріаршество, въ такомъ случаѣ уніатамъ, вмѣстѣ съ латинянами, или польскому правительству оставалось бы только позаботиться, чтобы на каѳедру патріаршую возведенъ былъ человѣкъ, тайно расположенный къ уніи. И неудивительно, если предъ тѣмъ временемъ, какъ король вздумалъ разослать свои листы съ предложеніемъ православнымъ избрать себѣ своего патріарха, вмѣсто константинопольскаго, папа прислалъ воеводѣ волынскому свою грамату (отъ 10 іюля 1636), въ которой восхвалялъ его стараніе привести къ уніи кіевскаго митрополита Петра Могилу и луцкаго епископа Аѳанасія Пузину, и еще обѣщалъ прислать воеводѣ, чрезъ своего нунція въ Польшѣ, надежнаго человѣка для болѣе вѣрнаго успѣха ([365]). Можетъ быть, Петру Могилѣ предлагали тогда и патріаршество. Но всѣ старанія папистовъ оказались напрасными. Могила исполнилъ волю короля: разослалъ листы его православнымъ братствамъ, въ томъ числѣ и львовскому (отъ 26 окт. 1636), предъ наступленіемъ приближавшагося сейма, и совѣтывалъ внимательно обсудить дѣло для блага церкви и бѣдствующаго народа. Но въ тоже время наказывалъ братствамъ, чтобы послами на этотъ сеймъ, на которомъ православнымъ предлежало совѣщаться съ уніатами по вопросу о патріар-

([365]) *Theiner*, Vet. Monum. Polon. et Lith. III, № 357, p. 412.

шествѣ, избраны были люди, наиболѣе извѣстные своею ревностію къ православію: знакъ, что Могила понималъ затѣи уніатовъ и вовсе не думалъ имъ подчиниться ([366]). Проэктъ о патріаршествѣ окончился ничѣмъ.

Впрочемъ, хотя не удалась эта послѣдняя мѣра, которою король разсчитывалъ совершенно примирить уніатовъ съ православными, а прежнія свои статьи примиренія онъ призналъ недостаточными для цѣли, но эти статьи, утвержденныя королевскою властію и сеймовою конституціею, имѣли весьма важное значеніе для православныхъ. Этими статьями признана законность существованія православной церкви въ государствѣ со всѣми ея учрежденіями, возвращены православнымъ ихъ древнія права, дарованы четыре, а съ митрополитскою — пять епархій; въ этихъ статьяхъ православные находили новую, твердую опору для своей защиты. И если иногда король издавалъ указы въ пользу уніатовъ, то такіе же указы онъ издавалъ по временамъ и для православныхъ. Если по мѣстамъ уніаты продолжали нападать на православныхъ, то въ другихъ мѣстахъ сами подвергались ихъ нападеніямъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ православіе пользовалось своими правами совершенно свободно и почти безпрепятственно. Вообще положеніе православной церкви, при королѣ Владиславѣ IV и митрополитѣ Петрѣ Могилѣ, несмотря на непрекращавшіяся, иногда даже весьма тяжкія, притѣсненія отъ уніатовъ и латинянъ, значительно измѣнилось къ лучшему во всѣхъ ея пяти епархіяхъ.

Въ Кіевѣ, главномъ городѣ митрополитской епархіи, эта перемѣна была всего замѣчательнѣе. Здѣсь православіе, можно

([366]) *Зубрицк.* Лѣтоп. Львов. братства, подъ 1636 годомъ.

сказать, торжествовало. Все, что находилось здѣсь во власти уніи, каѳедральный софійскій соборъ съ приписными къ нему церквами и выдубицкій монастырь, перешло въ руки православнаго митрополита. И этотъ митрополитъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы возстановить, обновить и украсить не только возвращенные ему соборъ и монастырь, но и другіе монастыри и церкви на радость православнымъ. Обновленіе софійскаго собора началось съ 1634 года. Церковь была доведена уніатами, если не до разоренія, то до совершеннаго опустошенія. Въ ней было, кромѣ главнаго алтаря, восемь нижнихъ придѣловъ и два верхнихъ, на хорахъ; но не оставалось ни иконъ, ни сосудовъ, ни свящ. одеждъ. Совнѣ церковь оставалась безъ кровли, нѣкоторыя части зданія не имѣли верховъ, нѣкоторыя стѣны пообсыпались и пообвалились. Возобновленіе собора продолжалось около десяти лѣтъ: по крайней мѣрѣ, иконописаніе въ немъ окончилось только въ 1644 году ([367]). Выдубицкій монастырь перешелъ отъ уніатовъ въ руки митрополита Петра Могилы въ 1635 г. также разореннымъ и опустошеннымъ, а въ слѣдующемъ году самъ Могила называлъ уже себя „ктиторомъ и обновителемъ того св. монастыря выдубицкаго, по конечномъ запустѣніи и разрушеніи его отъ отступникъ унитовъ“, какъ гласитъ собственноручная запись Могилы на служебникѣ, подаренномъ имъ этому монастырю 23 ноября 1636 г. и доселѣ сохранившемся. Могила созвалъ иноковъ, далъ имъ игумена, обвелъ монастырь каменною оградою, соорудилъ полъ

([367]) Опис. Кіево-Соф. Соб., стр. 35; А. Ю. и З. Р. III, стр. 28. 65; *Строев.* Опис. старопеч. книгъ Царскаго, стр. 188; *Краевск.* Опис. Кіева, II, 782.

въ монастырской церкви и верхъ каменный, прежде обрушившійся ([368]). Въ тоже время митрополитъ обновилъ и въ своей лаврѣ главный храмъ во имя успенія пресв. Богородицы, вновь покрылъ его, а внутри украсилъ стѣнною иконописью; произвелъ необходимыя сооруженія, каменныя и деревянныя, при входѣ въ пещеры и въ самихъ пещерахъ, и воздвигъ изъ развалинъ находившуюся близъ лавры церковь Св. Спаса на Берестовѣ, построенную, по преданію, еще св. кн. Владиміромъ. Другую, болѣе знаменитую церковь Владимірову, десятинную, нѣсколько вѣковъ лежавшую въ развалинахъ, отъ которой едва выдавалась на поверхность только часть одной стѣны и вблизи которой существовала тогда лишь небольшая деревянная церковь св. Николая, велѣлъ въ 1635 г. раскопать, открылъ подъ обломками ея гробъ равноапостольнаго князя и въ немъ мощи его (собственно главу) и началъ-было также возобновлять; но, не успѣвъ окончить самъ, завѣщалъ окончить по смерти его, для чего и назначилъ тысячу злотыхъ. А третью церковь, весьма древнюю, во имя св. Василія или трехъ святителей, вблизи михайловскаго монастыря, которою предъ тѣмъ владѣли уніаты, поручилъ обновить и устроить кіево-братскому училищному монастырю, за которымъ эта церковь, равно какъ и другая, крестовоздвиженская, со всѣми ихъ маетностями, утверждены и граматою короля Владислава (7 іюня 1640) ([369]). На всѣ такія постройки, особенно на возобновленіе софійскаго собора, требовались огромныя издержки,

---

([368]) *Максимович.* Собр. сочин., II, 251.

([369]) *Закревск.* Опис. Кіева, I, 209. 283; II, 736. 783; Памятн. Кіев. Коммис. II, № 11.

и Могила для этого употреблялъ частію свои собственныя средства и средства лавры, частію пожертвованія другихъ и, наконецъ, обращался съ просьбою о помощи къ московскому государю. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ еще въ 1628 г., когда Могила былъ только архимандритомъ лавры, пожаловалъ ему грамату, которою дозволялось инокамъ лавры, чрезъ пять или шесть лѣтъ, приходить въ Москву для собиранія милостыни. На основаніи этой граматы Петръ Могила рѣшился въ 1640 г. отправить въ Москву депутатовъ не отъ лавры только, но и отъ монастырей николаевскаго пустыннаго, кіево-братскаго богоявленскаго, выдубицкаго и отъ софійскаго собора. Въ посланіи своемъ къ царю митрополитъ, прежде всего, благодарилъ его „за царское щедрѣйшее древнее пожалованіе“ съ граматою, а потомъ просилъ новой царской милостыни на созданіе и украшеніе кіево-софійскаго собора и всѣхъ означенныхъ монастырей, перечисляя ихъ нужды, и новыхъ царскихъ граматъ на свободный проѣздъ въ Москву за милостынею для неимущихъ монастырей кіевскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣдомляя объ открытіи мощей св. князя Владиміра въ десятинной церкви и посылая царю часть отъ этихъ мощей и два рѣзныхъ креста собственнаго рукодѣлія, усердно молилъ его устроить раку для новооткрытыхъ мощей, которыя предполагалъ перенести послѣ пасхи изъ десятинной церкви въ софійскій соборъ, и покрывало на гробъ преп. Ѳеодосія печерскаго. Присланные Могилою депутаты подробнѣе излагали предъ государемъ нужды своихъ обителей, и просили, между прочимъ, и свящ. одеждъ, и иконъ, и церковныхъ книгъ, которыя еще тогда не были изданы въ Кіевѣ. Царь приказалъ отпустить его государева жалованья кіевскому митрополиту Петру Могилѣ на 150 рублей и въ

кіевскіе монастыри, братскій, выдубицкій и николаевскій по сту рублей „на всякое церковное и монастырское строенье“. Кромѣ того пожаловалъ самимъ депутатамъ: митрополичю намѣстнику 40 соболей и 20 рублей, печерскому уставщику и архидіакону по 40 соболей и по 17 рублей, игуменамъ братскому и выдубицкому по 40 соболей и по 15 рублей, келарю николаевскому 40 куницъ и 10 рублей; велѣлъ отпустить безмездно въ печерскій, братскій и другіе монастыри печатныя мѣсячныя Минеи, какія были, а Петру Могилѣ посылалъ впослѣдствіи и иконописца-сусальника для украшенія лавры. Подобную же депутацію съ своимъ посланіемъ и богатыми дарами отправлялъ Петръ Могила въ началѣ 1646 г. и къ царю Алексѣю Михайловичу, который также обдѣлилъ всѣхъ присланныхъ депутатовъ своимъ царскимъ жалованьемъ ([370]).

Въ то время, когда, благодаря заботливости митрополита, обновлялись нѣкоторые мужескіе монастыри въ Кіевѣ, получила обновленіе и одна изъ обителей его женскихъ. Женскихъ монастырей было тогда въ Кіевѣ три: вознесенскій близъ лавры, въ которомъ считалось до ста монахинь; богословскій близъ ми-

---

([370]) А. Ю. и З. Р. III, №№ 18—48. 60—63. 66. 67. 84; Русск. Историч. Библіот. IV, 52. Петръ Могила, будучи еще архимандритомъ печерской лавры, присылалъ въ 1628 г., генв. 29, къ московскому царю и патріарху уставщика Исаакія и другихъ старцевъ съ своимъ письмомъ и съ граматами царей Ивана Васильевича IV и Ѳедора Ивановича, дозволявшими присылать изъ лавры за милостынею въ Москву чрезъ каждые пять лѣтъ, и просилъ какъ подвержденія этихъ граматъ, такъ и милостыни, и получилъ удовлетвореніе (Москов. главн. арх. М. И. Д., дѣла малоросс., год. 1628, генв. 29, № 1). А въ 1630 г., марта 27, вновь присылалъ своихъ старцевъ и просительное письмо къ царю и патріарху о милостынѣ и также получилъ удовлетвореніе (тамъ же, год. 1630, марта 27, № 1).

хайловскаго монастыря, гдѣ недавно игуменствовала, какъ мы упоминали, жена покойнаго митрополита Іова Борецкаго, и флоровскій, существовавшій на Подолѣ. Этотъ послѣдній монастырь въ 1566 г., граматою короля Сигизмунда Августа, отданъ былъ въ потомственное владѣніе кіевскому протопопу Іакову Гулькевичу, и съ теченіемъ времени, конечно, отъ небрежности владѣльцевъ пришелъ въ жалкое состояніе: церковь и всѣ прочія зданія въ монастырѣ обнищали и обветшали. Сдѣлавшись въ немъ игуменьею, урожденная панна Агаѳія Гуменицкая возобновила и разукрасила церковь, построила новыя келліи, собрала инокинь, обвела монастырь приличною оградою; выпросила, для содержанія его, у благочестивыхъ людей, а частію и купила за готовыя деньги, нѣсколько пляцовъ въ городѣ, и все въ монастырѣ привела въ добрый порядокъ. Въ виду всего этого, внукъ протопопа Гулькевича, инокъ кіево-печерской лавры, Иванъ Богушъ Гулькевичъ рѣшился, съ благословенія митрополита Петра Могилы, отказаться отъ всѣхъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на флоровскій монастырь, и передалъ ихъ самой игуменьѣ Гуменицкой и ея будущимъ преемницамъ законною записью, засвидѣтельствованною и Петромъ Могилою. А король Владиславъ IV, по просьбѣ игуменьи Агафьи Гуменицкой, утвердилъ своею граматою (27 дек. 1636) какъ существованіе, такъ и всѣ права флоровскаго монастыря, съ тѣмъ чтобы онъ навсегда оставался „подъ протекціею и урядомъ духовнымъ“ кіево-печерскаго архимандрита ([371]).

([371]) Боплант—въ Сборн. матеріал. для историч. топографіи Кіева, II, 45; А. Ю. и З. Р. II, №№ 52. 59. 145. Годъ подъ граматою № 52 показанъ неѣрно. Снес. нашей Исторіи IX, 342.

Другимъ предметомъ ревностныхъ заботъ Петра Могилы было кіево-братское училище. Не довольствуясь тѣмъ, что король Владиславъ своимъ дипломомъ, во время коронаціи, утвердилъ православнымъ всѣ ихъ братства, училища и типографіи, а слѣд. и училище кіево-братское, Могила тогда же исходатайствовалъ-было у короля еще особую грамату на преобразованіе своего училища въ академію. Къ сожалѣнію, коронный канцлеръ Заджикъ, епископъ хелмскій, и подканцлеръ Ѳома Замойскій не согласились приложить къ граматѣ печати: такъ была нежелательна латинянамъ и уніатамъ православная академія ([372]). И, безъ сомнѣнія, только изъ угожденія имъ, король хотя потомъ и дозволилъ православнымъ, въ данной имъ привиллегіи 1635 года, учить въ кіевской и виленской школахъ языкамъ и наукамъ, но не далѣе діалектики и логики, т. е. дозволилъ, чтобы школы эти существовали въ качествѣ лишь среднихъ, а не высшихъ учебныхъ заведеній. Къ изумленію, и среди православныхъ нашлись люди, которые на первыхъ порахъ отнеслись враждебно къ кіевскому училищу Петра Могилы, равно какъ и къ другому, основанному имъ въ Винницѣ, въ тамошнемъ вознесенскомъ монастырѣ, который подчиненъ былъ кіево-братскому и также назывался братскимъ ([373]). „Въ то время, свидѣтельствуетъ одинъ изъ воспитанниковъ кіевскаго же училища, хотя учившійся въ немъ нѣсколько позже,

---

([372]) *Островск.* Dzieje... III, str. 231; *Кульш.* Wiara..., 255.

([373]) Одинъ изъ иноковъ этого винницкаго братскаго вознесенскаго монастыря написалъ сочиненіе, уцѣлѣвшее въ рукописи доселѣ, подъ заглавіемъ: Indicium, to iest pokazanie Cerkwie prawdziwey. .. Przez iednego z zakonnikow reguły Baziliusza swiętego wkrótce wyłożone, A. D. 1638, Iulii 8, w monasterze Winnickim Brackim Wniebowstąpienia Panskiego (*Петрушевич.* Сводн. галицко-русск. лѣтоп., подъ 1638 г., стр. 492).

отъ неученыхъ поповъ и отъ казаковъ велiе было негодованiе: на што латинское и польское училище заводите, чего у насъ дотуду не бывало, и спаслись? Было-хотѣли самого Петра Могилу и учителей до смерти побити; едва ихъ уговорили“ (374). А болѣе подробныя свѣдѣнiя объ этомъ сохранились въ брошюрѣ, изданной въ 1635 г. однимъ изъ тогдашнихъ профессоровъ кiевскаго училища, Сильвестромъ Коссовымъ, подъ заглавiемъ: „Сказанiе или отчетъ о школахъ кiевскихъ и винницкихъ, въ которыхъ обучаютъ иноки греческой вѣры“ (375). Въ самомъ началѣ брошюры авторъ говоритъ: „Вотъ уже четвертый годъ проходитъ, благосклонный читатель, какъ мы, изучивъ науки Паллады въ *католическихъ академiяхъ*, стали насаждать въ русскiе умы латинскiй языкъ лучше бывшихъ до насъ наставниковъ, и это не по другимъ побужденiямъ, какъ только потому, чтобы заслужить намъ у Предвѣчнаго воздаянiе такими добрыми дѣлами, каково въ особенности просвѣщенiе незнающихъ, а также потому, что, вышедши сами изъ среды православнаго народа нашего, желаемъ распространить среди его свѣтъ Аполлона. Но такiя намѣренiя неблагопрiятно встрѣтило легкомыслiе, которое царствуетъ въ обществѣ. Лишь только мы, съ его милостью о. Петромъ Могилою, кiевскимъ митрополитомъ (тогда еще архимандритомъ), достигли до тебя, приснопамятный Кiевъ, и охраняемые св. стражами, твоею

---

(374) Гавріилъ Домецкій—въ письмѣ къ новгородскому митрополиту Іову.

(375) Въ подлинникѣ: Exegesis, to iest danie sprawy o szkołach kiiowskich y winnickich, w ktòrych uczą zakonnicy religiey greckiey, przez wieleb. oyca Sylwestra Kossowa, electa episkopa Mscisławskiego, Mohilewskiego, Orszanskiego, przed rokiem teraznieyszym w tych że szkołach przez trzy lata professora, napisane. Druk. w s. Lawrze Pieczarskiey, roku Pansk. 1635.

оградою непобѣдимою (т. е. печерскими угодниками), приложили primas Minervae manus, какъ о насъ начали внушать народу, будто мы уніаты, будто мы неправославные. Какіе перуны, какіе громы и молніи посыпались на насъ тогда, невозможно описать чернилами. Было такое время, что мы, исповѣдавшись, только и ждали, что вотъ начнутъ нами начинять желудки днѣпровскихъ осетровъ, или одного огнемъ, другаго мечемъ отправятъ на тотъ свѣтъ. Тогда-то Онъ, неисповѣдимый сердцевѣдецъ, видя невинность нашу и великую нужду русскаго народа въ ученыхъ мужахъ, разогналъ тучи ложныхъ мнѣній, остановилъ дѣйствіе грозныхъ молній и просвѣтилъ сердца всѣхъ, такъ что насъ признали истинными сынами восточной церкви, подвластными св. отцу константинопольскому патріарху. Потомъ, по особливой милости и благословенію Всевидца, ихъ милости паны обыватели Кіева и другихъ мѣстъ начали охотнѣе,нежели при нашихъ предшественникахъ (которые и до насъ преподавали латынь), наполнять своими дѣтьми, какъ муравьями, наши horrea Apollinea, называть ихъ Геликономъ, Парнасомъ, и хвалиться ими. Но кто же былъ выдумщикомъ—клеветникомъ (uđawcz)?—спросишь ты, благосклонный читатель. Не кто другой, какъ тотъ, кто выдаетъ насъ за аріанъ, кальвинистовъ и лютеранъ, кто думаетъ о насъ, будто мы, какбы министры и суперъинтенденты тѣхъ премерзкихъ сектъ, заражаемъ ихъ ересями людскіе умы, какъ въ Кіевѣ, такъ и въ Винницѣ. Это насъ сильно огорчаетъ: мы беремся за перо, чтобъ показать нашу невинность и опровергнуть такое о насъ мнѣніе, и вмѣстѣ объяснить, почему народу нашему необходимы латинскія школы“... Вслѣдъ затѣмъ авторъ дѣйствительно сначала объясняетъ различіе православія отъ лютеранства, кал-

винства и аріанства, и увѣряетъ, что хотя онъ и его сотрудники обучались въ иностранныхъ академіяхъ, но всѣ родились въ старожитной греческой вѣрѣ и непоколебимо утверждены въ ней, а потомъ доказываетъ, что языкъ латинскій нуженъ русскимъ особенно въ польскихъ трибуналахъ и судахъ, на сеймахъ и сеймикахъ, что православные потому и прежде учились латинскому языку въ своихъ школахъ, въ Вильнѣ и Львовѣ, не считая этого предосудительнымъ, а другіе получали образованіе въ Ингольштадтѣ и Ольмуцѣ... и проч. Въ заключеніе же своей брошюры авторъ обращается къ русскому народу съ такими словами: „ты, исполненный святыни народъ русскій, при иныхъ издавна принадлежащихъ тебѣ правахъ, прежде помазанниками Божіими преемственно тебѣ дарованныхъ, и нынѣ всепокорнѣйше проси, чтобы тебѣ не возбраняли этой манны свободныхъ наукъ, напротивъ, чтобы, удовлетворяя твоей настоятельной потребности, позволяли источнику общеполезныхъ музъ разливаться у тебя океаномъ, при содѣйствіи твоей же братіи, утвержденной въ древней твоей вѣрѣ. Ибо тогда только твои церкви наполнятся просвѣщенными и богобоязненными священниками; каѳедры твои процвѣтутъ краснорѣчивыми проповѣдниками; потомки твои, утвержденные въ отеческой вѣрѣ и украшенные ораторіею, ѳилософіею, юриспруденціею, прославятся своими мнѣніями, разсужденіями и рѣчами на общихъ сеймахъ, въ трибуналахъ, въ судахъ и земскихъ расправахъ; твои ходатаи по дѣламъ не преминутъ домогаться справедливости въ судахъ всякаго рода и каждый день оберегать исправно твои права. Мы же ради ихъ, ради тебя и ради клеветника, изъ зависти расточающаго клеветы на насъ, почитаемъ себя обязанными молить Всевышняго, да благоволитъ

даровать нашей Сусаннѣ своихъ Даніиловъ". Коссовъ не назвалъ клеветника по имени; но это, вѣроятно, былъ извѣстный тогда всѣмъ своею ненавистію къ православію отступникъ Кассіанъ Саковичъ: такъ какъ и спустя семь лѣтъ въ своемъ сочиненіи противъ православной церкви онъ повторялъ тѣже самыя клеветы, утверждая, будто въ школахъ Петра Могилы учители еретики и учатъ ереси,—и Могила, опровергая Саковича, напоминалъ ему именно о брошюрѣ Коссова, въ которой еще прежде опровергнуты эти клеветы ([376]). Впрочемъ, кто бы ни былъ клеветникъ, возбудившій-было народное движеніе противъ кіево-братскаго училища, важно то, что волненіе скоро улеглось, и православные еще усерднѣе начали отдавать туда своихъ дѣтей.

Для содержанія своего кіевскаго училища, которое называлъ то школами, то гимназіею, то коллегіумомъ или коллегіею, Могила назначилъ два лаврскихъ имѣнія—Вишеньки и Гныдинъ и свой собственный фольваркъ—Позняковщизну, который

([376]) Λίθος, albo kamień praszczy.... (см. далѣе примѣч. 479)... 1644, str. 376. Въ рукописи московской дух. академіи, содержащей славянскій переводъ Лиѳоса, читаемъ объ этомъ слѣдующее: «злоба се точію твоя естественная возбраняше ти совершенно истину исповѣдати, яко, якоже добрѣ, тако православно и благочестиво учатъ (учители кіево-могилянской коллегіи). Уже бо на сицевая ложная оболганія и клеветы печатію, написанный о исповѣданіи своемъ, яко не еретически и вѣрятъ и учатъ, отвѣтъ издаша, книжицу, наречену: *Ѳкзетесисъ* или извѣщеніе о училищахъ кіевскихъ. Мощно бы убо тебѣ отъ оноя добрѣ увидити и научитися, яко ни въ чесомъ же со всякими еретиками согласіе имѣютъ» (—л. 262 об.). Подъ клеветникомъ, съ которымъ боролся Коссовъ, нельзя разумѣть—а) іезуитовъ: ихъ тогда еще не было въ Кіевѣ; б) Мелетія Смотрицкаго: его уже не было въ живыхъ, а клеветникъ былъ живъ; в) Исаію Копинскаго: клеветы на кіево-братское училище начались съ основанія его, а Исаія, какъ мы видѣли, самъ писалъ тогда къ Петру Могилѣ объ этомъ училищѣ и восхвалялъ его учителей.

купилъ за четыре тысячи злотыхъ. Построилъ для училища въ братскомъ монастырѣ особую деревянную церковь во имя св. муч. Бориса и Глѣба, которая называлась „конгрегаціонною“, такъ какъ въ ней собиралась на молитву „конгрегація“ воспитанниковъ. Для помѣщенія классовъ соорудилъ большое двухъ-этажное зданіе; завелъ при училищѣ библіотеку, а для бѣдныхъ учениковъ учредилъ бурсу. О внутреннемъ устройствѣ кіевскаго училища и преподаваніи въ немъ наукъ при Петрѣ Могилѣ подробныхъ свѣдѣній не сохранилось; извѣстно только, что здѣсь преподавались и „высшія науки“, что преподаватели назывались „профессорами“, а ученики, конечно, высшихъ классовъ, „спудеями—студентами“ (377). Заботясь не объ умственномъ только, но и о нравственномъ воспитаніи въ своей коллегіи, Могила самъ составилъ и напечаталъ, для руководства своимъ питомцамъ, книгу: „Апѳологіонъ, сирѣчь молитвы и поученія душеполезная—въ душевную пользу спудеовъ и всѣхъ благочестивыхъ любомолитвенникъ“ (24 мая 1636). Въ придисловіи къ книгѣ онъ говорилъ къ этимъ спудеямъ: „Постаравшись, съ Божіею помощію, при моихъ слабыхъ силахъ, на мои собственныя средства, обновить гимназію, т. е. школы въ Кіевѣ, отчасти бывшія уже въ упадкѣ и опустѣлыя, я снабжалъ васъ, снабжаю и до конца моей жизни не престану снабжать книгами, учителями, содержаніемъ въ нихъ бѣдныхъ сотоварищей—студентовъ и прочими надобностями. Но мнѣ желательно также, чтобы въ тѣхъ школахъ не только преподавались *высшія науки*, а еще болѣе и выше всего посѣевалось и вкоренялось въ сердцахъ вашихъ благочестіе, безъ котораго всякая мудрость есть глупость предъ Богомъ и справедливо

(377) Опис. Кіево-Соф. собора, Прибавл. № 41, ст. 213; Лиѳосъ, стр. 376.

такъ именутся. Поручалъ я и приказывалъ трудящимся, какъ при мнѣ, такъ и въ тѣхъ школахъ, чтобъ какимъ либо методомъ, краткимъ и вамъ, юношамъ, совершенно приличнымъ, собрали, расположили и издали въ свѣтъ аскетическія упражненія. Иподному однакожъ изъ нихъ, при всей охотѣ и усердіи, не представлялось, какъ вамъ извѣстно, къ тому досуга, частію по случаю безпрестанныхъ бѣдствій и хлопотъ, частію же по причинѣ занятій и другихъ трудовъ церковныхъ и школьныхъ. Тогда, подумавъ, что кто ищетъ времени, тотъ уже тратитъ время, я самъ рѣшился, какбы для отдохновенія отъ другихъ ежедневныхъ трудовъ и заботъ, взять на себя обязанность, чтобы въ весеннее цвѣтущее время вашему цвѣтущему, дѣтскому и юношескому, возрасту собрать, на лугахъ богодухновенныхъ церковныхъ наукъ и св. писаній, издающіе достойное признательности благовоніе цвѣты благочестивыхъ размышленій и умиленныхъ молитвъ, и вамъ, всему содружеству, т. е. конгрегаціи кіевскихъ школъ, въ знакъ отеческой любви, въ даръ принести,—что̀ теперь и исполняю". Въ самой книгѣ—Апѳологіонѣ дѣйствительно изложены благочестивыя размышленія, или только наставленія о нихъ, и умиленныя молитвы: сначала размышленія и молитвы вечернія, которыми должны были юноши оканчивать каждый день своей жизни, отходя ко сну; потомъ—утреннія, которыми они должны были начинать каждый день своей жизни, возставъ отъ сна ([378]). Первымъ ректоромъ кіево-могилянской коллегіи былъ Исаія Трофимовичъ Козловскій, „докторъ богословія" и „премудрый богословія учитель", какъ называли его современ-

([378]) *Сахаров.* Обозр. слав.-русск. библ., № 334.

ники. Онъ былъ духовникомъ Петра Могилы и пользовался особымъ его довѣріемъ: по его порученію ѣздилъ въ Царьградъ за патріаршею грамотою на посвященіе Могилы въ митрополита; потомъ, вмѣстѣ съ другими членами коммисіи, принималъ отъ уніатовъ кіево-софійскій соборъ и, какъ увидимъ, исполнялъ и иныя весьма важныя дѣла. Могила отдалъ ему въ управленіе свой собственный монастырь, пустынно-николаевскій, который получилъ отъ короля для усиленія средствъ своего содержанія по сану митрополита, и Исаія оставался игуменомъ этого монастыря до самой своей кончины (15 марта 1651). Ректорствованіе Исаіи въ коллегіи продолжалось около шести лѣтъ (1632—1638). Въ послѣдующее время упоминаются, какъ ректоры ея: въ 1640 г. Іосифъ Кононовичъ Горбацкій, въ 1641 г. Игнатій Оксеновичъ Старушичъ, и въ 1646 г. Иннокентій Гизель. Кононовичъ и Старушичъ были вмѣстѣ и игуменами кіево-братскаго монастыря. Трофимовичъ и Гизель, хотя числились настоятелями иныхъ монастырей, но, вѣроятно, имѣли пребываніе въ самой коллегіи, которою управляли; а всѣ профессоры ея и учители состояли иноками братскаго монастыря и назывались „отцами коллегіатами кіевскаго богоявленскаго братства“ ([379]).

Другая школа, основанная Петромъ Могилою въ Винницѣ, продолжала также существовать; но скоро начала называться

([379]) Вѣстн. запад. Россіи, 1867, т. IV, кн. XI, отд. I, стр. 44; Памятн. Кіев. Коммис. II, стр. 155. 176; Литосъ, стр. 376; Казанье погребовое *Старушича*, — въ Обозр. Славяно-русск. библ. *Сахарова*, № 402. Кто были тогда игуменами кіевскаго богоявленскаго, т. е. кіево-братскаго монастыря—Опис. кіево-печер. лавры. Прибавл. №№ 5. 6, стр. 188. 191; А. Ю. и З. Р. III, №№ 20. 40. 48; Памятн. Кіев. Комм. II, стр. 145.

не винницкою, а гойскою: потому что перенесена была въ мѣстечко Гойсчы, луцкаго повѣта. Владѣлица мѣстечка Раина Соломерецкая, кастелянша смоленская, основала здѣсь, при каменной церкви св. архистратига Михаила, мужескій монастырь и подчинила его навсегда велебнымъ отцамъ кіево-братскаго училищнаго монастыря съ тѣмъ, чтобы ими заведена была въ новомъ монастырѣ школа, по подобію другихъ академій и коллегіумовъ, для преподаванія свободныхъ наукъ дѣтямъ шляхты и простаго народа. На содержаніе этого монастыря и школы Соломерецкая подарила (2 генв. 1639) фольваркъ и село Курозвонъ съ крестьянами, съ полями, лѣсами, рѣками, озерами, мельницами, пасѣками и разными другими угодіями; немедленно передала все это во владѣніе назначенному уже митрополитомъ Петромъ Могилою и кіевскими отцами коллегіатами игумену и ректору гойскаго монастыря и училища Игнатію Оксеновичу-Старушичу, и опредѣлила, чтобы и впредь, чрезъ каждые три года, назначался игуменъ и ректоръ въ гойскій монастырь и училище митрополитомъ Петромъ Могилою, какъ ихъ патрономъ и фундаторомъ, и отцами кіево-братскаго монастыря, а по смерти Могилы—только названными отцами. Старушичъ недолго оставался ректоромъ гойскаго училища: въ слѣдующемъ году онъ занималъ уже должность намѣстника кіевской лавры, а игуменомъ и ректоромъ училища въ гойскомъ монастырѣ былъ Иннокентій Гизель ([380]). Петръ Могила имѣлъ утѣшеніе скоро увидѣть плоды заботъ своихъ объ устроенныхъ имъ училищахъ. Едва прошло восемь лѣтъ со времени ихъ основанія, какъ онъ просилъ, „паче всѣхъ прошеній своихъ“,

([380]) Вѣстн. запад. Россіи, 1867, т. IV, кн. XI, отд. I, стр. 44.

царя Михаила Ѳедоровича соорудить въ Москвѣ особый монастырь, въ которомъ могли бы жить „старцы и братія общежительнаго кіевскаго братскаго монастыря“ и обучать дѣтей боярскихъ и простаго народа грамотѣ греческой и славянской, и увѣдомлялъ, что, по неоднократной просьбѣ валашскаго воеводы Василія, уже послалъ къ нему „благообразныхъ иноковъ и добре ученыхъ учителей“ для заведенія школы (381). Даже отступникъ отъ православія Саковичъ говорилъ (въ 1642 г.) уніатамъ: „Что ваши училища? Они ничего не значатъ не только предъ латинскими (іезуитскими), но и предъ училищами отца Могилы, кіевскимъ и гойскимъ“ (382). И Могила отвѣчалъ Саковичу: „ты вспоминаешь о школахъ кіевскихъ и гойскихъ и признаешь, что въ нихъ учатъ хорошо; это ты говоришь правду, ибо, по истинѣ, въ нихъ учатъ хорошо“ (383).

Не обошлось, конечно, и въ Кіевѣ безъ столкновеній съ уніатами и латинянами и вообще безъ огорченій, особенно для самого Петра Могилы. Въ февралѣ 1637 г. скончался уніатскій митрополитъ Іосифъ Велямин Рутскій въ дерманскомъ монастырѣ, гдѣ скончался и Смотрицкій. На мѣсто Рутскаго назначенъ былъ его коадъюторъ Рафаилъ Корсакъ, епископъ пинскій и туровскій, который вскорѣ, по просьбѣ уніатскихъ епископовъ, (отъ 1 марта) и утвержденъ папою. Новый митрополитъ прибылъ-было въ Кіевъ, предъявляя свои права на владѣнія и доходы кіево-софійскаго собора. Но принужденъ былъ

---

(381) А. Ю. и З. Р. III, №№ 33. 44.

(382) *Саковичъ*. Perspectiwa błędow, herezyi i zabobonow cerkwi Russkiey... Krakow, г. 1642. Въ библіотекѣ московской дух. академіи есть списокъ этого сочиненія въ современномъ славянскомъ переводѣ, за № 223, гдѣ приведенныя нами слова Саковича находятся на четв. 378—379.

(383) Лиѳосъ, стр. 376.

Могилою удалиться: такъ какъ, по извѣстнымъ статьямъ примиренія, эти имѣнія оставлены были за уніатскою митрополіею только до смерти Рутскаго (384). Воеводою въ Кіевѣ былъ Янъ Тышкевичъ, ярый католикъ, старавшійся всячески вредить православнымъ. „Я терплю великое преслѣдованіе отъ пана воеводы кіевскаго,—писалъ Могила въ 1640 г. минскому братству,—тутъ, въ Кіевѣ, вновь начали чинить надъ нами тиранство и проливать кровь. Досадуя, что въ моемъ коллегіумѣ обучается великое множество (громада) молодежи русской, и опасаясь, что юноши эти, изучивъ науки, могутъ показать правду всему свѣту и могущественно оборонять св. церковь, воевода приказалъ своему замковому намѣстнику взвести клевету на какого либо студента въ важномъ преступленіи, чтобы студенты, устрашившись, всѣ разбѣжались по другимъ училищамъ, въ которыхъ прежде учились. И вотъ въ первый понедѣльникъ великаго поста, когда студентъ Ѳедоръ Гоголевскій шелъ черезъ площадь, его схватили и повлекли въ замокъ. Тамъ слуга намѣстника Сепачъ удостовѣрялъ, будто ночью, когда онъ съ другими находился въ корчмѣ, студенты сдѣлали нападеніе на домъ и кого-то ранили. Намѣстникъ, вмѣсто того, чтобы произвесть разслѣдованіе, приказалъ тотчасъ студента обезглавить,—и это случилось въ мое отсутствіе изъ Кіева“. Можетъ быть, студентъ дѣйствительно былъ виноватъ; но какъ дѣло не было раз-

(384) *Theiner*, Veter. Monum. Polon. III, № 359, p. 413; *Петрушев.* Сводн. галицко-русск. Лѣтоп. подъ 1635 г. стр. 75—76. 490. Корсакъ, послѣ этого, лишившись большей части своихъ доходовъ и опасаясь казаковъ, которые хотѣли непремѣнно его схватить, уѣхалъ въ Римъ искать себѣ протекціи и хлопотать о прославленіи Іоасафа Кунцевича, и тамъ въ 1641 г. скончался (*Kulisz.* Wiara... 263; *Островск.* Dzieje... III, 237; *Петрушев.* Сводн. галицко-русск. Лѣтоп., стр. 296).

слѣдовано законнымъ порядкомъ, то Могила и могъ подозрѣвать здѣсь одну злонамѣренность ([385]). Латиняне имѣли уже въ Кіевѣ два монастыря на Подолѣ: доминиканскій и бернардинскій. Но монашествующіе этихъ орденовъ не въ состояніи были бороться съ православными. Потому воевода Тышкевичъ, съ общаго совѣта своихъ единовѣрцевъ, рѣшился водворить въ Кіевѣ іезуитовъ съ ихъ школою, и назначилъ для будущей іезуитской коллегіи фундушъ. Съ этою цѣлію въ 1645 г. вызваны были изъ Кракова въ Кіевъ, предварительно, только два іезуита, Станиславъ Смѣтка и Николай Циховскій. Они начали совершать исповѣдь въ храмахъ доминиканскомъ и бернардинскомъ и будтобы совратили въ латинство четырехъ православныхъ. Затѣмъ Циховскій открылъ въ бернардинскомъ храмѣ рядъ проповѣдей объ исхожденіи Св. Духа, и возбудилъ ими общее вниманіе, такъ что славившійся между своими единовѣрцами „ректоръ могилянской коллегіи и профессоръ философіи“ Иннокентій Гизель пригласилъ проповѣдника іезуита къ себѣ въ коллегію и предложилъ ему имѣть съ нимъ публичный диспутъ. Съ обоюднаго согласія диспутъ объ исхожденіи Св. Духа состоялся 8 іюня 1646 года, и продолжался три дня. Обѣ стороны, по обычаю, остались при своемъ, и каждая усвояла себѣ побѣду. Вскорѣ іезуитская коллегія, при покровительствѣ воеводы Тышкевича, къ великому негодованію православныхъ, дѣйствительно основалась въ Кіевѣ ([386]).

([385]) Собр. Минск. грам. № 112, стр. 225.

([386]) Сборник. матеріал. для историч. топографіи Кіева, отд. II, стр. 53—55; *Кульш.* Wiara Prawosł., str. 263. Циховскій издалъ впослѣдствіи этотъ Colloquium Kiioviense при своемъ сочиненіи: Tribunal. s. Patrum de processione Spiritus Sancti a Patre et Filio, Kracow. 1659.

Кромѣ столкновеній съ уніатами и латинянами, имѣлъ еще митрополитъ Петръ Могила въ Кіевѣ столкновенія, можетъ быть, самыя тяжелыя и прискорбныя, съ своимъ предмѣстникомъ Исаіею Копинскимъ. Мы уже упоминали, какъ отнесся Исаія съ своими попами къ новому митрополиту, прибывшему на свою каѳедру, и какъ поступилъ послѣдній съ тѣми попами и съ самимъ Исаіею. Отпущенный изъ лавры въ михайловскій монастырь, Исаія продолжалъ управлять имъ до 10-го августа 1635 года, когда выѣхалъ изъ монастыря и уже на всегда. Объ этомъ выѣздѣ сохранились два, почти противоположныя, извѣстія. Спустя восемь дней, иноки кіево-михайловскаго монастыря Дометіанъ и Геронтій, будтобы отъ лица всей своей братіи, внесли въ овручскія городскія книги протестъ, въ которомъ заявляли, что Исаія Копинскій, по смерти митрополита Іова, самъ устроилъ себѣ „елекцію“ на игуменство кіево-михайловскаго монастыря, на которое еще прежде избранъ былъ всею братіею намѣстникъ лавры Филоѳей Кизаревичъ, и, насильно выгнавъ послѣдняго изъ обители, занялъ его мѣсто; что потомъ, живя въ монастырѣ, заботился только о своихъ пожиткахъ, а о братіи нерадѣлъ и утѣснялъ ее тирански, и что, наконецъ, 10-го августа своевольно, безъ всякаго повода и причины отъ кого либо, выѣхалъ изъ монастыря неизвѣстно куда, и забралъ съ собою разные монастырскіе документы и многія наиболѣе цѣнныя церковныя вещи, какъ то: омофоръ, три фелони, два стихаря, четыре чаши, два креста, два евангелія, двѣ кадильницы, разныя книги и проч. (387). Другое извѣстіе сохранилось въ „Протестаціи“ самого Исаіи Копинскаго, которую онъ,

(387) А. З. Р. V, № 12.

спустя уже два года, т. е. въ 1637 г., занесъ во владимірскія градскія книги. Здѣсь, именуя себя „архіепископомъ сиверскимъ“ (извѣстно, что предъ избраніемъ на митрополію онъ назывался архіепископомъ смоленскимъ, черниговскимъ и *всего сѣвера*, т. е. всего сѣверскаго княжества или края, гдѣ находился Новгородъ-Сѣверскій), Исаія говорилъ, что Петръ Могила, не довольствуясь „першими великими кривдами и опрессіями“, какъ ему самому, такъ и монахамъ и челяди михайловскаго монастыря, продолжалъ дѣлать нападенія на маетности этой обители и довелъ ее до совершеннаго обнищанія; что, опасаясь за свою жизнь, онъ - Исаія, „оставивши монастырь свой во всемъ цѣлый и намѣстника отъ себѣ и иншихъ законниковъ угрунтовавши“, отправился къ королю, „о привилей и клеть стараючисе“, и что, во время отсутствія его—Исаіи изъ монастыря, Петръ Могила, „неслушне и неповажне, чрезъ упоръ и потугу“, взялъ этотъ монастырь съ его маетностями и, неизвѣстно по какому праву, отдалъ въ управленіе о. Филоѳею Кизаревичу, назвавъ его игуменомъ ([388]). Въ обоихъ этихъ извѣстіяхъ, безъ сомнѣнія, есть преувеличенія, какъ обыкновенно бывало въ протестахъ, но есть и доля правды. Петру Могилѣ естественно было желать, чтобы Исаія не оставался въ кіево-михайловскомъ монастырѣ, гдѣ была прежде каѳедра митрополита: такъ какъ, живя въ Кіевѣ, Исаія служилъ какбы постояннымъ укоромъ для новаго митрополита, а въ православныхъ, особенно изъ простаго народа, могъ возбуждать недоумѣніе, кому же изъ двухъ наличныхъ митрополитовъ должно

([388]) Протестація Исаіи—въ Град. Владимір. книг. 1637 г., № 8, л. 12 (Правосл. Обозр. 1874, I, 319).

повиноваться. Потому неудивительно, если Могила старался всячески выжить Исаію изъ михайловскаго монастыря и съ этою цѣлію позволялъ разныя нападенія на монастырь и его имѣнія. Всего вѣроятнѣе, нападенія дѣлалъ не самъ Могила, а его намѣстникъ по лаврѣ Кизаревичъ, который могъ оправдывать себя тѣмъ, что онъ домогается возвратить себѣ законныя права на михайловскій монастырь, отнятыя у него насильно Исаіею. Съ другой стороны, естественно и то, что Исаія нашелся, наконецъ, вынужденнымъ этими нападеніями своего совмѣстника удалиться изъ кіево-михайловскаго монастыря; но удаляясь, взялъ съ собою изъ монастыря нѣкоторыя церковныя вещи, которыя, можетъ быть, самъ же и устроилъ во время своего здѣсь игуменства. Какъ бы ни было впрочемъ, только, оставляя монастырь, Исаія вовсе не думалъ отказываться отъ него; напротивъ за тѣмъ и отправился теперь къ королю съ жалобою на Петра Могилу, чтобы отстоять монастырь за собою. Въ это-то время, если вѣрить уніатскому писателю, Исаія прибѣгъ за помощію къ врагу Петра Могилы, уніатскому митрополиту Рутскому, и Рутскій будтобы принялъ Исаію съ участіемъ и, можетъ быть, походатайствовалъ за него предъ королемъ или королевскою канцеляріею (389). По крайней мѣрѣ, жалоба Исаіи имѣла успѣхъ, и Петру Могилѣ послѣдовала отъ короля напоминальная грамата, чтобы „отецъ митрополитъ опресій больше чинити занехалъ“, монастырь михайловскій съ маетностями возвратилъ Исаіи Копинскому и „шкоды починенные нагородилъ (вознаградилъ)“, подъ опасеніемъ пени въ шестнадцать

(389) Сума, Sam. et Paulus, pag. 95—96.

тысячъ копъ грошей литовскихъ. Тогда Могила началъ искать случая войти въ соглашеніе съ Исаіею, и случай скоро представился. Пріѣхавъ 1-го февраля 1637 года въ Луцкъ, Петръ Могила узналъ, что тамъ же находится и архіепископъ сиверскій Исаія, и пригласилъ его къ себѣ въ домъ луцкаго епископа Аѳанасія Пузины. Здѣсь, въ присутствіи многихъ духовныхъ лицъ, оба соперника вели между собою пренія и переговоры, и кончилось тѣмъ, что Исаія „квитовалъ“ (освободилъ) Могилу „изо всѣхъ на него починенныхъ протестацій“, и отказался отъ всѣхъ противъ него процессовъ. Но лишь только соперники разстались, какъ Исаія поспѣшилъ отправить, чрезъ волынскаго вознаго Станислава Кчумовскаго, для внесенія въ градскія владимірскія книги ту самую протестацію 1637 г., о которой мы упоминали выше, и въ ней, изложивъ подробно весь ходъ своихъ препирательствъ съ Могилою, нами только-что описанныхъ, заявлялъ, что Могила насильно принудилъ его, во время луцкаго свиданія, отказаться отъ всѣхъ прежнихъ процессовъ (трудно представить, какъ это могло случиться въ присутствіи многихъ духовныхъ лицъ), и что, только „охраняючи здоровье свое“, онъ - Исаія согласился на уничтоженіе тѣхъ процессовъ. Не довольствуясь этимъ, Исаія отправился еще къ королю жаловаться на Петра Могилу. Король, граматою отъ 27 мая 1637 г., назначилъ коммисію, въ составъ которой вошли: волынскій воєвода Адамъ Самгушко, кіевскій архидіаконъ Николай Ляндкоронскій, кіевскій судья Стефанъ Аксакъ, кіевскій подсудокъ Лукашъ Витовскій и нѣсколько другихъ лицъ, и приказалъ, чтобы члены коммисіи нѣмедленно съѣхались въ Кіевъ, и, разслѣдовавъ дѣло съ подробностію, возвратили михайловскій монастырь Исаіи, а самый актъ слѣдствія представили ему —

королю ([390]). Неизвѣстно, какъ происходило слѣдствіе; но несомнѣнно, что оно окончилось не въ пользу Исаіи: потому что михайловскій монастырь не былъ ему возвращенъ. Да иначе и не могло случиться: такъ какъ, при подробномъ разслѣдованіи дѣла, должно было выясниться, что Филоѳей Кизаревичъ избранъ былъ въ игумены михайловскаго монастыря мѣстною братіею прежде Исаіи, и, значитъ, имѣлъ на монастырь болѣе права, — почему и всѣ нападенія на монастырь со стороны Петра Могилы и Кизаревича, всѣ покушенія ихъ отнять монастырь у Исаіи являлись, нѣкоторымъ образомъ, законными. Исаія послѣ этого поселился гдѣ-то въ Полѣсьѣ, непрерывая, однакожъ, сношеній съ своими прежними монастырями, лубенскимъ - мгарскимъ и двумя прилуцкими — густынскимъ и ладинскимъ, гдѣ монашествующіе признавали его своимъ общимъ отцемъ и пастыремъ и называли „епископомъ лубенскимъ“. Не къ чести Исаіи надобно сказать, что онъ началъ теперь вредить своему противнику ложными о немъ извѣстіями, и въ великомъ посту 1638 года писалъ изъ Полѣсья въ лубенскій и прилуцкіе монастыри къ игуменамъ и всей братіи слѣдующее: „Одноконечно, король польскій и паны радные и ляцкіе арцыбискупы приговорили на сеймѣ, что въ ихъ польской и въ литовской землѣ православной хрестьянскоѣ вѣрѣ не быть, и хрестьянскіе церкви поломать, и книги русскія вывесть. А кіевской де митрополитъ Петръ Могила вѣры хрестьянской нынѣ отпалъ, и благословенъ де митрополитъ Петръ Могила отъ папы римскаго нынѣ въ великой постъ въ

([390]) Граматы короля—въ Градск. Владимір. книг. 1837 г., № 192, л. 257, и № 193, л. 250 (Правосл. Обозр. 1874, I, 320).

патріархи, будто быть патріархомъ хрестьянскія вѣры. А присегалъ де онъ, Петръ Могила, королю и всѣмъ панамъ радным и арцыбискупамъ ляцкимъ, что ему хрестьянскую вѣру ученьемъ своимъ попрать и уставить всее службу церковную, по повелѣнью папы римского, римскую вѣру, и церкви хрестьянскія во всѣхъ польскихъ и литовскихъ городахъ превратить на костелы ляцкіе, и книги русскіе всѣ вывесть. А въ митрополиты де въ Кіевъ, въ печерскій монастырь, на Петрово мѣсто Могилы благословленъ нынѣ Карсакъ, бывшій владыко пинскій. А быть де въ кіевскомъ печерскомъ монастыри ляцкимъ чернцомъ Борнадиномъ, а въ никольскомъ кіевскомъ монастыри быть приговорено ляцкимъ Восакомъ, а въ михайловскомъ монастыри быть Домниканомъ". Правда, Исаія прибавлялъ, что о всемъ этомъ писалъ ему изъ Луцка князь Коширскій, воевода волынскій; но еслибы и дѣйствительно воевода писалъ, все-таки Исаіи не слѣдовало разглашать такія важныя извѣстія, прежде нежели достовѣрность ихъ не подтвердится. Между тѣмъ извѣстія оказались совершенно ложными ([391]). Въ старомъ помянникѣ антоніевой пещеры, при которой нѣкогда Исаія былъ настоятелемъ, сохранилась замѣтка, что онъ „року 1640 окт. 5 преставися". Но гдѣ преставился и гдѣ погребенъ, остается неизвѣстнымъ ([392]). Вообще вся эта печальная исторія столкновеній между двумя митрополитами, Исаіею Копинскимъ и Петромъ Могилою, намъ кажется, болѣе бросаетъ тѣни на перваго, чѣмъ на послѣдняго.

Письмо Исаіи въ лубенскій и прилуцкіе монастыри о пере-

([391]) А. Ю. и З. Р. II, стр. 5. 7—8. 12. 14. 16.
([392]) *Максимович*. Собр. сочин. I, 389; II, 204.

ходѣ митрополита кіевскаго Петра Могилы въ латинство и рѣшеніи правительства уничтожить въ Литвѣ и Польшѣ православіе имѣло роковыя послѣдствія,—а надобно замѣтить, что монастыри эти принадлежали тогда къ епархіи митрополита и находились подъ его властію (393). Игумены и всѣ монашествующіе безусловно повѣрили словамъ своего „лубенскаго епископа“, какъ они называли Исаію, и, можетъ быть, по его же совѣту, уговорились между собою немедленно бросить свои монастыри и всею массою, со всѣмъ имуществомъ, переселиться въ московское государство, для спасенія своей вѣры. Съ этою цѣлію они еще въ началѣ апрѣля 1638 года послали нѣсколько братій въ порубежный русскій городъ Путивль, чтобы чрезъ тамошняго воеводу узнать въ Москвѣ, примутъ ли ихъ въ случаѣ ихъ прихода. Когда въ маѣ послѣдовало изъ Москвы согласіе, то въ слѣдующемъ мѣсяцѣ (14-го числа) дѣйствительно прибыли въ Путивль: игуменъ густынскаго монастыря Василій съ братіею, въ числѣ 66 человѣкъ, и при нихъ 11 человѣкъ крестьянъ съ женами и дѣтьми; игуменъ — духовникъ ладинскаго женскаго монастыря Меѳодій съ настоятельницею монастыря Елисаветою Летинскою и 50-тью сестрами, а при нихъ 16 человѣкъ служекъ, и изъ третьяго, лубенскаго мгарскаго монастыря до четырнадцати человѣкъ братіи,—такъ какъ самъ игуменъ Каллистратъ съ остальными братіями одумался, и, несмотря на уговоръ, не захотѣлъ покидать своей обители. Прибывшіе въ Путивль говорили воеводѣ, для передачи царю Михаилу Ѳедоровичу, что они ушли изъ своихъ монастырей „отъ гоненья ляховъ на православную вѣру“, и въ доказательство сослались

(393) Лѣтоп. густын. монастыря, стр. 26; А. Ю. и З. Р. III, стр. 2.

прямо на то письмо, которое будтобы писалъ изъ Луцка князь Коширскій лубенскому епископу Исаіи, а послѣдній писалъ къ нимъ, и которое тутъ же изложили. Затѣмъ разсказывали, что когда густынскіе монахи стали собираться въ путь, то къ нимъ приходили изъ Прилукъ священники, самъ войтъ и многіе мѣщане, и съ мольбою упрашивали ихъ не уѣзжать изъ монастыря и жить въ немъ по прежнему; что потомъ владѣлецъ края князь Вишневецкій присылалъ своего урядника и слугъ взять игумена монастыря и старцевъ въ Прилуки со всѣмъ имуществомъ, но они убѣжали, а ихъ церковное и монастырское имущество, уже уложенное на возахъ и частію отправленное впередъ, все попало въ руки княжескихъ слугъ и разграблено, и что точно такъ же конотопскій урядникъ Сосновскій ограбилъ на пути всѣхъ сестеръ ладинскаго монастыря и отнялъ у нихъ двадцать возовъ „со всякимъ церковнымъ строеньемъ и съ рухледью и съ запасы и съ животиною“. Бѣгство этихъ монаховъ и монахинь возбудило большую скорбь и сожалѣніе во всѣхъ окрестныхъ православныхъ христіанахъ и особенно въ митрополитѣ Петрѣ Могилѣ; всѣ изумлялись ихъ легковѣрію и легкомыслію, всѣ осуждали ихъ неразуміе и упорство. Оставшійся въ своемъ монастырѣ лубенскій игуменъ Каллистратъ съ братіею писалъ въ Путивль къ игуменамъ густынскому и ладинскому, чтобы они возвратились на свою сторону и ни въ чемъ не сомнѣвались; а если не хотятъ возвратиться, то не разглашали бы на него и на его братію клеветы, не называли бы ложно ихъ и митрополита кіевскаго уніатами: ибо они, по старому, „живутъ въ православной вѣрѣ, и король съ своими панами на нынѣшнемъ сеймѣ ни въ чемъ имъ нарушенія въ вѣрѣ не учинилъ. И Каллистратъ, дѣйстви-

тельно, говорилъ правду: Петръ Могила вовсе не измѣнялъ православію; на сеймѣ тогда ничего противъ православныхъ постановлено не было; никакихъ особыхъ гоненій и преслѣдованій за православную вѣру тогда не воздвигалось; а если и были гоненія и преслѣдованія, даже весьма сильныя и безпощадныя, то собственно противъ казаковъ, которые, въ 1637—1638 г., неразъ возставали противъ поляковъ и сами производили разныя неистовства. Писалъ также Каллистратъ къ своимъ лубенскимъ старцамъ, находившимся въ Путивлѣ, и убѣждалъ ихъ воротиться въ лубенскій монастырь, а въ случаѣ ихъ неповиновенія угрожалъ проклятіемъ. Но изъ Путивля отвѣчали Каллистрату только упреками за его измѣну уговору и общеніе съ латинянами и, между прочимъ, выражались: „червь ты, а не человѣкъ,—како ты отца своего и всѣхъ насъ общаго пастыря Исаія Копинскаго отрѣкся еси, благословеніе и клятву поплевалъ еси, и его самаго мало на смерть не предалъ еси, и иному пастырю, мамона ради, послѣдовалъ еси?“ Царь Михаилъ Ѳедоровичъ повѣрилъ монахамъ и монахинямъ, бѣжавшимъ изъ литовскаго края будтобы отъ гоненій за вѣру, и приказалъ помѣстить первыхъ въ бѣлевскомъ преображенскомъ монастырѣ, а послѣднихъ въ брянскомъ вознесенскомъ; но потомъ велѣлъ перевесть первыхъ въ дудинъ-амвросіевъ монастырь (нижегородской губерніи), а послѣднихъ въ алатырскій никольскій, пока не выстроенъ былъ (1640 г.) для нихъ въ томъ же городѣ новый монастырь, который и начали называть, въ отличіе отъ прежняго, кіевскимъ никольскимъ новодѣвичьимъ. Между тѣмъ густынскій монастырь, покинутый прежними жильцами, болѣе года оставался совершенно необитаемымъ. Окрестные жители, посѣщая его, брали изъ

него все, что могли и хотѣли; а латинскіе монахи бернардины пріѣхали-было изъ Лубенъ со множествомъ народа, чтобы совершенно разобрать зданія монастыря и перевезти къ себѣ въ Лубны. Но православный игуменъ лубенскій Калдистратъ возбранилъ имъ это, и, посовѣтовавшись съ братіею, послалъ въ запустѣлый густынскій монастырь нѣсколько своихъ иноковъ для постояннаго жительства. Митрополитъ Петръ Могила, по просьбѣ ихъ, далъ имъ игумена изъ кіево-печерской лавры Илію Торскаго, весьма строгаго въ иноческой жизни и ревностнаго. Немедленно начались возобновленіе монастырскихъ зданій и постройка новыхъ. Могила черезъ нѣсколько времени самъ пріѣхалъ въ монастырь, утѣшилъ братію пастырскимъ словомъ, порадовался на благолѣпныя сооруженія и водрузилъ крестъ для созиданія большой церкви. Приступивъ къ этому, братія обратились съ просьбою къ молдовлахійскому воеводѣ Василію, который и оказалъ имъ немалое пособіе; потомъ, начиная съ 1641 года, нѣсколько разъ обращались въ Москву къ царю Михаилу Ѳедоровичу и преемнику его Алексѣю Михайловичу, и получали отъ нихъ, особенно отъ перваго, значительныя пожертвованія и деньгами, и церковными книгами, и сосудами и другою церковною утварью. И церковь въ густынскомъ монастырѣ была сооружена, и монастырь пришелъ въ благоустроенное состояніе. Равнымъ образомъ и лубенскій мгарскій монастырь, благодаря пожертвованіямъ отъ московскихъ государей, по ходатайству Петра Могилы, болѣе и болѣе устроялся и укрѣплялся ([394]).

([394]) А. Ю. и З. Р. III, №№ 1—16. 49—59. 72. 74. 79. 91—93; Лѣтоп. густынск. мон., стр. 30—38.

Изъ другихъ мѣстъ епархіи митрополита важнѣйшимъ, по прежнему, считалась Вильна. Еще на сеймѣ 1635 года, для исполненія сеймовой конституціи, король Владиславъ назначилъ коммисію и поручилъ ей объѣхать всѣ города, гдѣ живутъ уніаты и православные, и раздѣлить между ними церкви, а уніатскому митрополиту Рутскому далъ увѣщательную грамату не дѣлать этой коммисіи никакихъ препятствій. Но на первыхъ порахъ коммисія, по какимъ-то причинамъ, ничего не достигла. Въ слѣдующемъ году, по просьбѣ обитателей вел. княжества литовскаго, король вновь приказалъ (18 іюля) тѣмъ же комисарамъ, чтобы они исполнили возложенное на нихъ порученіе, начиная съ Вильны, какъ столичнаго города, и передали здѣсь, въ замѣнъ троицкаго монастыря, перешедшаго къ уніатамъ, православному свято-духовскому братству церкви, назначенныя ему въ статьяхъ примиренія (т. е. воскресенскую, іоанно-предтеченскую и юрьевскую въ предмѣстьѣ). И чрезъ нѣсколько времени послалъ (въ мартѣ 1637) грамату новому уніатскому митрополиту Корсаку, убѣждая его и прочихъ уніатскихъ епископовъ нисколько не препятствовать тѣмъ комисарамъ. Но невидно, чтобы и теперь отданы были въ Вильнѣ три названныя церкви православнымъ ([395]). У нихъ, по прежнему, оставалась здѣсь лишь одна церковь въ свято-духовскомъ монастырѣ; только этой церкви и этого монастыря уже не оспаривали у православныхъ, посѣщать ее и совершать въ ней богослуженіе имъ не возбраняли, и у свято-духовскаго братства и монастыря ни правъ, ни владѣній не отнимали: все это было

([395]) Собр. Минск. грам., №№ 106. 108. Юрьевская церковь въ Вильнѣ и въ 1640 г. несомнѣнно принадлежала еще уніатамъ (Вѣстн. западн. Россіи, 1868 г., т. III, кн IX, отд. I, стр. 45).

теперь признано правительствомъ и ограждено закономъ. Старшимъ или игуменомъ монастыря, по избраніи Іосифа Бобриковича на каѳедру мстиславскую, былъ о. Митрофанъ Дементіевъ или Дементьяновичъ (упом. въ 1635 г.), а за нимъ о. Самуилъ Шитикъ-Залѣсскій (упом. въ 1637 г.), принадлежавшій по происхожденію къ мѣстной городской знати и, какъ увидимъ, считавшійся однимъ изъ самыхъ ученыхъ мужей между православными. Съ этого времени въ свято-духовскомъ монастырѣ установилось правило, по которому старшій монастыря избирался только на три года, и чрезъ каждые три года происходили новые выборы старшаго. Самуилъ Шитикъ, вмѣстѣ съ званіемъ настоятеля монастыря, носилъ также званіе „намѣстника митрополіи въ вел. княжествѣ литовскомъ“, и слѣд. былъ главнымъ духовнымъ лицемъ въ Литвѣ, которому подчинено было митрополитомъ все православное духовенство митрополичей епархіи. Въ ноябрѣ 1637 года два старца виленскаго свято-духова монастыря, намѣстникъ монастыря Леонтій Шитикъ-Залѣсскій и дидаскалъ училища Веніаминъ Савастьяновичъ, ходили въ Москву за милостынею, и получили отъ царя Михаила Ѳедоровича двѣсти рублей на строеніе каменнаго своего храма, который еще не совсѣмъ былъ оконченъ (396). При свято-духовскомъ монастырѣ продолжало существовать училище, въ которомъ король Владиславъ дозволилъ преподавать

(396) Акт. Вилен. Коммис. VIII, №№ 57. 58. 60. 62. 63; Виден. Археогр. Сборн., II, №№ 40. 46. О приходѣ въ Москву названныхъ старцевъ за милостынею—Москов. главн. арх. министр. иностр. дѣлъ, дѣла греч., связк. 16, № 2. Въ 1641 г., авг.—ноябр., приходили въ Москву за милостынею еще два старца виленскаго свято-духова монастыря Іовъ и Игнатій, и получили ее, хотя не въ большомъ размѣрѣ—тамъ же, связк. 19, № 18.

не только языки, но и науки, хотя не далѣе логики и діалектики. И памятникомъ существованія этого училища доселѣ остается небольшая книга, изданная его питомцами въ 1635 году на польскомъ языкѣ въ Вильнѣ, подъ заглавіемъ „Эхо жалости на голосъ рыдающаго по неоплаканной смерти патрона своего, отзывающееся въ конгрегаціи студентовъ св. Константина и Елены при церкви Св. Духа". Кто это оплакивалъ смерть своего патрона, кто былъ самый патронъ и почему въ скорби о немъ принимали участіе и питомцы училища, съ точностію неизвѣстно. Но не разумѣлся ли здѣсь плачь святодухова монастыря по скончавшемся въ томъ году епископѣ мстиславскомъ Іосифѣ Бобриковичѣ, который столько лѣтъ былъ настоятелемъ этого монастыря и вмѣстѣ ректоромъ его училища? Названіе же конгрегаціи студентовъ по имени св. Константина и Елены объясняется тѣмъ, что въ церкви свято-духова монастыря устроенъ былъ особый придѣлъ во имя св. царя Константина и матери его Елены и отданъ навсегда для конгрегаціи студентовъ и учениковъ монастырскаго училища (397).

На свято-духовскій монастырь дѣлались новыя пожертвованія и вклады. Одинъ изъ старѣйшихъ и знатнѣйшихъ членовъ братства Лаврентій Древинскій, чашникъ земли волынской и королевскій секретарь, подарилъ монастырю на вѣчныя времена свой фольваркъ подъ Вильною на Зарѣчьѣ, Кенишковскій со всѣми землями, съ крестьянами, на нихъ

(397) Книга, вышедшая въ 1635 г. изъ типографіи виленскаго свято-духова монастыря, имѣла такое заглавіе: Echo żalu na głos łamentuiącego po nieoplacaney smierci patrona swego, odzywaiące sie w kongregacyi studentow ss. Konstantyna i Heleny przy cerkvi S. Ducha, w Wilnie drucowano. (См. каталогъ книгъ у *Крашевскаго*—Wilno, IV, 179).

жившими, и съ кирпичнымъ заводомъ, а въ самой Вильнѣ домъ на Антоколѣ (6 дек. 1635). Это было уже, сколько извѣстно, послѣднее дѣло Древинскаго для церкви православной, которой служилъ онъ со всею преданностію и любовію около сорока лѣтъ. Онъ находился еще въ 1596 г. на брестскомъ православномъ соборѣ, отвергшемъ унію, и, какъ одинъ изъ способнѣйшихъ и образованнѣйшихъ, посланъ былъ къ королю Сигизмунду,—другимъ посломъ былъ Матвей Малинскій, секретарь,—съ протестомъ отъ лица всѣхъ православныхъ противъ уніи и противъ митрополита и владыкъ, принявшихъ унію. Избранъ былъ потомъ въ 1599 году, на виленскомъ съѣздѣ православныхъ и протестантовъ, въ число провизоровъ для охраненія православныхъ отъ уніатовъ и латинянъ. Много разъ избираемъ и посылаемъ былъ волынскимъ дворянствомъ въ качествѣ посла на сеймы, гдѣ всегда ревностно отстаивалъ родное православіе и въ 1620 г. произнесъ извѣстную трогательную рѣчь. Состоялъ членомъ братствъ: львовскаго, луцкаго и виленскаго, неоднократно бывалъ старостою послѣдняго и мужественно защищалъ его права. Являлся обыкновенно въ числѣ депутатовъ отъ православныхъ, когда предполагались или происходили какіе либо переговоры съ уніатами о дѣлахъ вѣры, напримѣръ, во Львовѣ и на конвокаціонномъ сеймѣ по смерти короля Сигизмунда. На собственныя средства, вмѣстѣ съ хорунжіемъ Даніиломъ Малинскимъ, основалъ въ Кременцѣ богоявленскій монастырь, и при немъ братство, школу, типографію и госпиталь. И вотъ теперь изъ собственныхъ же имѣній сдѣлалъ значительное пожертвованіе на виленскій свято-духовскій монастырь. Имя Лаврентія Древинскаго, не безъ основанія, можетъ быть поставлено на ряду съ именами князя Константина Острож-

скаго и князя Богдана Огинскаго въ исторіи западно-русской церкви (398). Другой членъ свято-духовскаго братства, новогрудскій и вмѣстѣ виленскій мѣщанинъ Семенъ Ивановичъ Азаричъ завѣщалъ (8 дек. 1636) на братскій монастырь, въ которомъ желалъ быть погребеннымъ, двѣсти копъ литовскихъ и драгоцѣнную церковную утварь, сребропозлащенные—крестъ съ дорогими камнями и панагію, оправленное серебромъ евангеліе, серебряные—чашу, дискосъ, кадило и другіе церковные сосуды: пожертвованіе приходилось очень кстати, такъ какъ за два года предъ тѣмъ (16 апр. 1634) свято-духовская церковь была обокрадена, и изъ нея были похищены многія самыя дорогія вещи, золотыя, серебряныя и украшенныя каменьями, всего на шестьсотъ копъ грошей литовскихъ (399). Въ 1639 г. виленскій купецъ Павелъ Коссобуцкій, завѣщавшій похоронить его въ свято-духовскомъ монастырѣ, отказалъ: свято-духовскимъ монахамъ пятьсотъ злотыхъ польскихъ, свято-духовскому братству свѣтскому—тысячу злотыхъ, собственно на поддержаніе свято-духовской церкви, свято-духовскимъ инокинямъ двѣсти злотыхъ; для студенческаго придѣла во имя св. Константина и Елены, въ той же церкви находящагося, двѣсти злотыхъ; для придѣла торговцевъ въ тойже церкви во имя св. Іоанна евангелиста двѣсти злотыхъ; на братскій госпиталь сто злотыхъ (400).

Свято-духовское братство заботливо относилось и къ мона-

---

(398) Акт. Вилен. Коммис., IX, № 6; Памятн. Кіев. Коммис., I, стр. 2; III, стр. 91. А что Древинскій находился на брестскомъ соборѣ 1596 года и посланъ былъ тогда православными съ собора къ королю, объ этомъ сказано, подъ означеннымъ годомъ, въ извѣстномъ Синопсисѣ, изд. вилен. свято-духов. братствомъ въ 1632 году.

(399) Акт. Вилен. Коммис., IX, № 166; Вилен. Арх. Сборн. VI, № 122.

(400) Вѣстн. западн. Россіи, 1867, кн. I, отд. I, стр. 5—8.

стырямъ, подчиненнымъ виленскому свято-духовскому. Такъ, когда въ одномъ изъ такихъ монастырей, евьевскомъ, обветшала церковь, братія и сестры этого братства, духовные и свѣтскіе, положили (15 мая 1634) построить въ означенномъ монастырѣ новую, большую церковь во имя вознесенія Господня, съ двумя придѣлами, и немедленно сдѣлали для того, каждый, добровольныя приношенія,—между тѣмъ какъ основательница этого монастыря Раина Воловичовна Огинская, записью еще отъ 16 іюня 1633 г., разрѣшила инокамъ монастыря свободно пользоваться всякаго рода деревьями изъ ея рощи не только для церкви, но и для другихъ монастырскихъ построекъ, дала тысячу золотыхъ польскихъ на школу, существовавшую въ монастырѣ, и обѣщала дать еще пять тысячъ золотыхъ на покупку фольварка для монастыря ([401]). Уваженіе къ свято-духовскому монастырю не уменьшалось между православными, вслѣдствіе чего подъ его опеку и надзоръ отдавались и другіе церкви и монастыри, кромѣ прежнихъ. Лидскій подкоморій Александръ Тризна оставилъ (ок. 1633 г.) завѣщаніе, чтобы жена его Христина, послѣ его смерти, основала въ имѣніи его Ольдовѣ при церкви, гдѣ онъ желалъ быть погребеннымъ, небольшой монастырь, и поручила ту церковь съ монастыремъ въ дозоръ и опеку виленскимъ свято-духовскимъ монахамъ; чтобы отвела имъ для поселенія монастыря при той церкви три морга земли и отдала пляцъ и домъ, находившіеся въ Новогрудкѣ на ковенской улицѣ, и чтобы потомъ, пользуясь сама до самой своей смерти оставшимися отъ мужа имѣніями, ежегодно вносила по

([401]) Вѣстн. западн. Россіи, 1865—1866 г., кн. XII, отд. I, стр. 60; Акт. Вилен. Коммис., XI, № 37.

двѣсти злотыхъ польскихъ тѣмъ же монахамъ на ольдовскую церковь, а предъ своею кончиною заплатила имъ двѣ тысячи злотыхъ и отдала въ вѣчное владѣніе фольваркъ или внесла за него три тысячи злотыхъ. Часть этого завѣщанія Христина исполнила: отвела три морга для монастыря и передала свято-духовскимъ инокамъ пляцъ и домъ въ Новогрудкѣ. Но, вступивши скоро во второй бракъ, двѣсти рублей за 1634 годъ имъ не заплатила и оставшіяся послѣ покойнаго мужа имѣнія продала. Это вынудило виленскихъ свято-духовскихъ иноковъ начать съ нею тяжебное дѣло (402). Въ мѣстечкѣ Сурдегахъ, нынѣ ковенской губерніи, еще съ половины XVI вѣка существовалъ мужескій монастырь Нынѣ владѣлица мѣстечка Анна Ставецкая-Городенская, соорудивъ въ монастырѣ новую каменную церковь во имя сошествія Св. Духа и надѣливъ монастырь землями, лѣсами, крестьянами, отдала его (2 февр. 1636 г.) подъ власть и дозоръ виленскому свято-духовскому монастырю и братству, съ тѣмъ чтобы сурдегскій монастырь навсегда оставался въ послушаніи константинопольскому патріарху и кіевскимъ православнымъ митрополитамъ (403). Въ 1639 г. помѣщикъ новогрудскаго воеводства Григорій Мартиновичъ Володковичъ, построивъ въ имѣніи своемъ, мѣстечкѣ Грозовѣ, гдѣ существовала уже каменная церковь Іоанна Богослова, и другую церковь во имя успенія Пресв. Богородицы, основалъ при нихъ небольшой мужескій монастырь, подарилъ ему слободку Терпиловку съ крестьянами, фольваркъ Каскоровщизну съ по-

(402) Акт. Вилен. Коммис. VIII, № 57.

(403) Собр. грам. Вильны, Ковно..., II, № 43. Снес. нашей Истор. IX, 272.

лями, лѣсами, ставомъ, мельницею, и разныя другія угодья, и отдалъ этотъ грозовскій монастырь въ вѣчное держанье виленскому свято-духову монастырю и братству (404).

Впрочемъ, хотя и лучше жилось теперь православнымъ въ Вильнѣ, и враги не тѣснили ихъ по прежнему, но безъ столкновеній не обходилось. Въ 1637 г., 8-го марта, вечеромъ какой-то Стефанъ Томашевскій, съ толпою товарищей и слугъ, подъѣхавши по большой улицѣ на саняхъ къ свято-духову монастырю, вторгнулся на монастырское кладбище и началъ стрѣлять въ свято-духовскую церковь. И когда на шумъ и звонъ у монастырской калитки вышло нѣсколько монаховъ, сталъ поносить ихъ и хотѣлъ застрѣлить одного изъ нихъ, но не успѣлъ только вслѣдствіе осѣчки ружья. Затѣмъ съ крикомъ: „шпага моя будетъ купаться въ вашей крови“ удалился. На другой день, когда монахи принесли жалобу, приходилъ въ монастырь возный для освидѣтельствованія, и дѣйствительно нашелъ слѣды ружейныхъ выстрѣловъ на дверяхъ церкви. Другой случай былъ важнѣе. Въ томъ же году, 5-го апрѣля, въ день воскресный православные совершали погребальную процессію по большой улицѣ на свято-духовское кладбище. Когда процессія двигалась мимо троицкаго уніатскаго монастыря, вдругъ изъ воротъ его выскочили, нѣсколько монаховъ и другихъ лицъ, схватили одного изъ участвовавшихъ въ процессіи, скорняка Павла Семеновича поволокли его въ свой монастырь, били и заковали въ кандалы у колокольни. Тотчасъ, по требованію свято-духовскаго настоятеля, митрополичьяго намѣстника, Самуила Шитика-Залѣсскаго, явился въ троицкій монастырь возный, нашелъ

(404) Собр. Минск. грам., № 109.

тамъ скорняка закованнымъ въ кандалы у колокольни, и слышалъ отъ него, что его схватили во время погребальнаго шествія и били, не знаетъ за что, и еще угрожаютъ бить постромками, запрещая ему ходить въ свято-духовскую церковь и требуя, чтобы онъ призналъ себя виновнымъ въ происшедшемъ смятеніи. А уніатскіе монахи съ яростію при этомъ говорили: „пусть знаютъ схизматическіе попы, что имъ самимъ скоро тоже будетъ; мы ударимъ въ колоколъ, и разомъ вывернемъ ихъ съ корнемъ“. Чрезъ нѣсколько часовъ скорнякъ былъ выпущенъ изъ троицкаго монастыря, и явился показать себя сперва въ свято-духовъ монастырь, потомъ къ возному, который и засвидѣтельствовалъ, что все тѣло несчастнаго было избито постромками и окровавлено. Узнавъ, что Самуилъ Шитикъ, митрополичій намѣстникъ, принесъ по этому случаю жалобу отъ лица всего свято-духовскаго братства, троицкій настоятель Алексѣй Дубовичъ подалъ, съ своей стороны, жалобу на свято-духовскихъ монаховъ, будто они, именно 5-го апрѣля, когда схваченъ былъ скорнякъ Павелъ Семеновичъ, сами скопомъ вторглись въ троицкій монастырь и, схвативши здѣсь мальчика пѣвчаго Мартиновича, увлекли его въ свой монастырь, а потомъ, пришедши еще, гонялись за другимъ такимъ же пѣвчимъ Дылеевскимъ, стараясь его поймать и увлечь къ себѣ. Такой поступокъ, если онъ дѣйствительно былъ, объяснить легко. Свято-духовскіе монахи, очевидно, считали этихъ мальчиковъ—пѣвчихъ своими, и потому желали отнять ихъ у троицкихъ монаховъ, которые, вѣроятно, чѣмъ либо ихъ къ себѣ переманили ([405]).

Въ Минскѣ православные чувствовали себя болѣе сильными,

([405]) Акт. Вилен. Коммис., VIII, №№ 59. 60. 61. 62. 227.

нежели въ Вильнѣ,—и эту силу свою проявляли въ самой городской ратушѣ. Еще прежде (въ 1631 г.) уніаты жаловались королю, что ихъ въ Минскѣ не допускаютъ на службу въ ратушѣ, и король Сигизмундъ требовалъ за это къ своему суду православныхъ минскихъ бурмистровъ, райцевъ и лавниковъ. Въ половинѣ 1635 г. новый король, по жалобѣ латинянъ, также далъ приказъ, чтобы въ число членовъ минской ратуши избирались и послѣдователи римскаго исповѣданія. Между тѣмъ къ концу года королю сдѣлалось извѣстнымъ, что въ ратушу эту не былъ избранъ никто ни изъ латинянъ, ни изъ уніатовъ, а всѣ должности въ ней заняты православными. Тогда король вновь приказалъ (14 дек.), чтобы на будущій годъ непремѣнно были избраны въ число минскихъ бурмистровъ, райцевъ и лавниковъ и люди римской и уніатской вѣры, и даже заняли въ ратушѣ первыя мѣста ([406]). Въ томъ же 1635 г. митрополитъ Петръ Могила, объѣзжая свою обширную епархію и, посѣтивъ многія мѣста ея въ вел. княжествѣ литовскомъ, прибылъ въ Минскъ и, какъ самъ засвидѣтельствовалъ, нашелъ здѣсь между духовными и свѣтскими людьми, а особенно между иноками и инокинями, великую ревность и приверженность къ старожитному св. восточному благочестію, и немало утѣшился. Игуменья минскаго женскаго монастыря Евгенія Шембелевна, воспользовавшись личнымъ присутствіемъ въ Минскѣ своего архипастыря, просила его подтвердить грамату, данную ей прежде митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ на благословеніе обители. Петръ Могила охотно выдалъ почтенной старицѣ новую благословенную грамату (отъ 13 іюня 1635), въ которой,

([406]) Собр. Минск. грам., №№ 91. 103.

подтвердивъ прежнюю во всѣхъ частяхъ, прибавилъ еще, чтобы игуменья, для удобнѣйшаго надзора за сестрами, имѣла у себя намѣстницу, а для суда надъ ними избирала себѣ трехъ помощницъ изъ разумнѣйшихъ сестеръ, и въ случаяхъ нужды спрашивала совѣта у игумена минскаго петропавловскаго монастыря, съ апелляціями же назначилъ обращаться къ настоятелю виленскаго свято-духовскаго монастыря, которому петропавловскій минскій былъ подчиненъ. Первосвятитель оставался въ Минскѣ нѣсколько дней, и при немъ пріѣхалъ туда же и уніатскій митрополитъ Веляминъ Рутскій. Случилось такъ, что въ самый день его пріѣзда 17-го (27-го) іюня, когда все уніатское духовенство вышло для встрѣчи его за городъ, петропавловскій инокъ Елисей Илковскій, бывшій прежде въ уніи, напалъ, съ нѣсколькими своими помощниками, на домъ уніатскаго священника Григорія Герасимовича, находившійся въ вознесенскомъ монастырѣ, и, въ отсутствіе хозяина, будтобы перебилъ въ домѣ окна, разломалъ замки и двери, отыскивая какого-то бѣжавшаго „хлопца“. А чрезъ нѣсколько часовъ вновь явился, уже съ вознымъ и съ слугами самого митрополита Петра Могилы, и опять сдѣлалъ нападеніе на тотъ же домъ священника и искалъ своего хлопца и въ избѣ и въ коморахъ. Услышавъ объ этомъ, Рутскій присылалъ просить Могилу, чтобы онъ оказалъ обиженному священнику справедливость. Могила обѣщалъ разобрать дѣло, и для того назначилъ 19-е (29-е) число іюня. Но когда священникъ явился для разбирательства дѣла предъ лице Петра Могилы, окруженнаго духовными и свѣтскими особами, то будтобы услышалъ отъ нихъ только укоры и хулы и съ безчестіемъ долженъ былъ удалиться: вѣрно, онъ былъ найденъ дѣйствительно виновнымъ

въ укрывательствѣ бѣжавшаго хлопца (407). На минскій петропавловскій монастырь по временамъ дѣлались пожертвованія и вклады: въ 1634 г. какой-то панъ Николай Григорьевичъ Деревоедъ завѣщалъ на этотъ монастырь тридцать копъ грошей и на госпиталь при немъ тридцать копъ грошей; въ 1635 г. минскій войскій Адамъ Стефановичъ Ванковичъ—на монастырь сто копъ грошей, да на госпиталь десять копъ грошей. А въ 1643 г. витебскій воевода Христофоръ Кишка и жена его Екатерина Жилинская выдали настоятелю минскаго петропавловскаго монастыря удостовѣреніе, что недавно скончавшійся князь Иванъ Огинскій, кастелянъ мстиславскій, за которымъ прежде эта Екатерина Жилинская состояла въ замужествѣ, завѣщалъ тому монастырю два пляца въ Минскѣ, и что оба пляца непремѣнно перейдутъ во владѣніе монастыря по смерти ея—Екатерины и ея теперешняго мужа. Женскій же монастырь въ Минскѣ содержался преимущественно на тѣ вклады, какіе приносили сами сестры при вступленіи своемъ въ монастырь, какъ видно изъ завѣщанія основательницы и первой игуменьи его Евгеніи Шембелевны (1637 г.). Сама она, кромѣ тѣхъ денегъ, на которыя куплены были для монастыря первые домы и пляцы въ Минскѣ, внесла при поступленіи своемъ четыреста копъ грошей литовскихъ, двѣ племянницы ея — по триста копъ грошей, панна Захаревская—четыреста копъ грошей, дочь минскаго земскаго судьи Мартина Володковича—сто копъ грошей и домъ, купленный ея отцомъ, для монастыря, и проч., такъ что всей вкладной суммы составилось 3490 копъ грошей. Изъ этихъ денегъ монастырь употребилъ пять съ половиною

(407) Тамъ же №№ 98. 99.

тысячъ злотыхъ польскихъ на покупку одного фольварка и шесть тысячъ на покупку другаго.... Замѣчательно, что, несмотря на довольно благопріятныя тогда для православія обстоятельства въ краѣ, игуменья Евгенія не была увѣрена въ безопасности и долговѣчности своей обители, и завѣщала, что если на обитель сдѣлано будетъ отъ кого либо великое гоненіе, и оставаться въ ней окажется невозможнымъ, то сестры раздѣлили бы между собою всю вкладную монастырскую сумму поровну и разошлись ([408]). Въ минскомъ повѣтѣ, въ имѣніи своемъ Прилукахъ, при церкви Св. Троицы, гдѣ погребены были весьма многіе изъ князей Заславскихъ, Вишневецкихъ, Горскихъ и другихъ дворянъ, жена брацлавскаго подкоморія Вильгельма Стеткевича Анна Огинская основала (28 дек. 1635) небольшой монастырь, всего на пять человѣкъ, подарила ему сельцо Слухочычи съ крестьянами, землями и разными угодіями, и отдала этотъ монастырь подъ власть минскаго петропавловскаго настоятеля, такъ чтобы онъ, съ благословенія митрополита Петра Могилы, и назначалъ игумена въ прилуцкій монастырекъ и имѣлъ право суда надъ всею прилуцкою братіею и ея игуменомъ. Первымъ игуменомъ въ этомъ монастырѣ былъ о. Іосифъ Груковичъ, который и введенъ былъ (26 янв. 1636) во владѣніе сельцомъ, подареннымъ монастырю его основательницею ([409]).

Въ Слуцкѣ православные находились, какъ и прежде, подъ покровительствомъ мѣстныхъ владѣльцевъ, князей Радзивиловъ. Въ 1641 г. князь Богуславъ Радзивилъ далъ приказъ, чтобы

([408]) Тамъ же №№ 96. 104. 107. 118.

([409]) Вѣстн. западн. Россіи, 1865—1866 г., кн. X, отд. I, стр. 1—6. Снес. Собр. Минск. грам., № 113.

изъ слуцкаго скарбу ежегодно отпускаемо было слуцкому свято-троицкому монастырю по сорока копъ грошей или по сту золотыхъ польскихъ, а на всѣ православныя церкви въ Слуцкѣ по шестнадцати камней воску. Митрополитъ Петръ Могила заботился о слуцкомъ троицкомъ монастырѣ, и иногда перемѣщалъ туда иноковъ изъ своей печерской лавры, „абы ся на томъ мѣсцу хвала Божія ширила и множила“, а къ концу 1637 года перемѣстилъ изъ виленскаго свято-духовскаго монастыря и своего намѣстника по митрополіи въ вел. княжествѣ литовскомъ, Самуила Шитика-Залѣсскаго, возведши его въ санъ слуцкаго архимандрита (410). Изъ другихъ монастырей митрополичей епархіи, находившихся собственно въ Литвѣ, имѣемъ возможность упомянуть еще о монастырѣ кронскомъ, который, по волѣ основателя Богдана Огинскаго, состоялъ во власти и въ подаваньи непосредственно самого митрополита. Въ 1637 г. намѣстникъ митрополита въ Литвѣ Самуилъ Шитикъ-Залѣсскій преслѣдовалъ судомъ игумена этого монастыря Митрофана Зеневича за то, что онъ самовольно продалъ монастырское имѣніе Стравеники. Въ 1639 г. виленскій купецъ Павелъ Коссобуцкій завѣщалъ на этотъ монастырь двѣсти злотыхъ, да на госпиталь его двадцать злотыхъ; а въ 1646 г., января 8-го, пожертвовалъ на этотъ монастырь полторы тысячи злотыхъ и разныя угодья сынъ основателя монастыря, Самуилъ Огинскій, тіунъ троцкій (411).

---

(410) *Арх. Николая* Опис. Минск. епархіи, стр. 114; А. Ю. и З. Р. II, № 52, стр. 79; Русск. Истор. Библіот., IV, 54.

(411) Вѣстн. западн. Россіи, 1867 г., т. I, кн. I, стр. 7; Акт. Виленск. Комм. VIII, № 58; Собр. грам. Вильны..., II, № 43.

Еслибы оставалась въ силѣ та грамата, какую пожаловалъ король Владиславъ, 14-го марта 1633 г., Іосифу Бобриковичу, избранному и утвержденному на епископію могилевскую, мстиславскую и оршанскую, въ такомъ случаѣ православіе скоро восторжествовало бы въ бѣлорусскомъ краѣ и подавило бы унію. Этою граматою Іосифу подчинялись всѣ православные, жившіе въ предѣлахъ обширной полоцкой епархіи, и ему предоставлялось свободно посѣщать въ ней всѣ города и мѣстечки, въ томъ числѣ Полоцкъ и Витебскъ, для обозрѣнія православныхъ церквей и монастырей, а всѣмъ желающимъ разрѣшалось безпрепятственно переходить изъ православія въ унію и изъ уніи въ православіе. Между тѣмъ православіе существовало здѣсь цѣлыя столѣтія, а унія начала утверждаться, и то насильственно, въ какія нибудь десять лѣтъ со времени смерти Іоасафа Кунцевича. Послѣдствія этой граматы не замедлили обнаружиться. Въ томъ же 1633 г. прибыли въ Полоцкъ изъ Вильны нѣсколько лицъ православныхъ и, во главѣ ихъ, какой-то Стефанъ Аѳанасовичъ. Они въ короткое время успѣли отвлечь жителей Полоцка отъ подчиненія уніатскому архіепископу Антонію Селявѣ и до того возбудили ихъ, что полочане покушались даже на его жизнь. Въ октябрѣ, 12-го числа, какъ разсказываетъ самъ Селява, онъ поѣхалъ изъ своего дома рѣкою Двиною въ лодкѣ къ борисоглѣбскому монастырю. На берегу рѣки въ посадѣ Кривцовѣ стояла цѣлая громада полоцкихъ мѣщанъ, и изъ этой громады въ его лодку открыто сдѣланы были, одинъ за другимъ, два выстрѣла; пули пролетѣли мимо его головы. По пріѣздѣ въ монастырь, архіепископъ чрезъ нѣсколько времени услышалъ крикъ и выстрѣлы у монастырскихъ воротъ, и приказалъ схватить стрѣлявшихъ. Схва-

ченными оказались три полоцкихъ мѣщанина, которые, будучи приведены къ нему, рѣзко поносили его въ глаза. Когда Селява отправилъ ихъ, при трехъ слугахъ, въ сопровожденіи вознаго и двухъ шляхтичей-свидѣтелей, въ полоцкій замокъ на судъ, въ Полоцкѣ мѣщане напали на этихъ слугъ архіерейскихъ, отняли у нихъ своихъ арестованныхъ товарищей, а самихъ слугъ едва не убили, произнося страшныя хулы на архіепископа. Занося объ этомъ жалобу въ городскія книги, Селява присовокупилъ, что его жизни каждый часъ и въ каждомъ мѣстѣ угрожаетъ опасность (412). Отсюда можемъ заключать, какъ нетрудно было бы тогда возвратить уніатовъ полоцкой епархіи въ нѣдра православной церкви, и до какой степени они ненавидѣли унію. Къ сожалѣнію, на сеймѣ 1635 г. Владиславъ какбы отступился уже, до нѣкоторой степени, отъ своей граматы, данной первому православному епископу могилевскому: потому что пожаловалъ грамату уніатамъ, въ которой удостовѣрялъ, что въ Полоцкѣ и Витебскѣ неуниты никогда не будутъ имѣть ни одной церкви,—чѣмъ явно полагалась преграда свободному переходу уніатовъ въ православіе. Въ тоже время православныхъ могилевской епархіи постигло и другое горе: Іосифъ Бобриковичъ, ихъ первый епископъ, умный, образованный, ревностный, столько потрудившійся для православія и столько обѣщавшій, скончался. Онъ могъ быть произведенъ во епископа митрополитомъ Петромъ Могилою не раньше послѣдней четверти 1633 года, и правилъ своею епархіею не болѣе полутора года. Единственнымъ памятникомъ отъ Бобриковича сохранилось

(412) Вилен. Арх. Сборн., I, № 96.

письмо его изъ мѣстечка Головчина къ могилевскимъ гражданамъ, членамъ тамошняго православнаго братства. Здѣсь архипастырь просилъ своихъ духовныхъ чадъ не думать, будто онъ по какому нибудь гнѣву или въ укоризну имъ не захотѣлъ дольше оставаться въ ихъ богоспасаемомъ городѣ, и увѣрялъ совѣстію, что уѣхалъ отъ нихъ только по крайней нуждѣ. Виленское крестоносное братство, съ которымъ онъ такъ связанъ духовно, неоднократно звало его къ себѣ по дѣламъ великой важности для церкви, по случаю приближавшагося сейма. А его слабыя силы, изнуренныя постоянными хлопотами и трудами, требовали, чтобы онъ, для поправленія своего здоровья, имѣлъ пребываніе въ городѣ, болѣе богатомъ врачебными пособіями, чѣмъ Могилевъ. Затѣмъ епископъ говорилъ, что если Господь продолжитъ его жизнь, онъ нелѣпостно будетъ стараться о своемъ пастырскомъ долгѣ по отношенію къ паствѣ, и просилъ, по случаю своей болѣзни, задержавшей его въ дорогѣ, выслать ему денежную помощь, какую могилевцы обѣщали ему предъ его выѣздомъ изъ Могилева ([413]). Письмо это писано 14-го марта 1635 года, а 9-го апрѣля Бобриковичъ скончался въ Вильнѣ. Петръ Могила, когда услышалъ о его смерти, то воскликнулъ: „ахъ, правая рука у меня отсѣчена“, и самъ пріѣхалъ въ Вильну, чтобы предать землѣ тѣло своего достойнаго сотрудника. Онъ погребенъ въ свято-духовской обители, и на его-то, вѣроятно, кончину, какъ мы уже замѣтили, студенты свято-духовскаго коллегіума издали свою брошюру: „Эхо жалости“... Имя Іосифа Бобриковича, какъ истиннаго ревнителя православія, долго поми-

([413]) А. Ю. и З. Р., II, № 58.

налось наравнѣ съ именами Леонтія Карповича, Лаврентія Древинскаго и другихъ ([414]). Вскорѣ за тѣмъ Могила посѣтилъ осиротѣлую могилевскую епархію. Въ двадцатыхъ числахъ іюня мы видѣли его въ Минскѣ, а къ концу іюня онъ находился уже въ кутеинскомъ монастырѣ, оршанскаго уѣзда, и 29-го числа совершилъ здѣсь освященіе главной монастырской церкви во имя Богоявленія, въ присутствіи самой основательницы монастыря Стецкевичевой и ея сына Ѳеодора, подкоморія мстиславскаго, въ слѣдующій же день послалъ извѣстіе могилевцамъ, что прибудетъ въ ихъ городъ. Встрѣченный и принятый въ Могилевѣ съ великою любовію и усердіемъ всѣми сословіями, митрополитъ пересмотрѣлъ, по просьбѣ членовъ могилевскаго братства, всѣ граматы пожалованныя ему патріархами Іереміею, Ѳеофаномъ, Кирилломъ Лукарисомъ и королемъ Владиславомъ IV, призналъ братство ставропигіальнымъ, благословилъ его и объявилъ, что оно, во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ, должно подчиняться непосредственно ему—митрополиту, какъ экзарху патріарха, а не могилевскому епископу,—для чего и выдалъ братству (15 іюля) свою грамату ([415]).

Въ томъ же году на каѳедру могилевскую, мстиславскую и оршанскую избранъ и посвященъ былъ новый епископъ—Сильвестръ Коссовъ, бывшій профессоромъ въ кіево-братской коллегіи. На него палъ выборъ избирателей, бѣлорусскихъ дворянъ или шляхты, можетъ быть, потому особенно, что онъ самъ былъ шляхтичъ изъ среды ихъ, родившись въ витебскомъ

([414]) Вилен. Арх. Сборн. II, Прилож. стр. X; V, стр. 122; Русск. Истор. Библіот., IV, 89.

([415]) Вилен. Арх. Сборн. II, №№ 41. 42. 43.

воеводствѣ. Съ естественнымъ усердіемъ принялся новый владыка за пастырскіе труды для своего роднаго края и, вскорѣ по пріѣздѣ въ Могилевъ, совершилъ обозрѣніе своей епархіи, стараясь вездѣ возбуждать и поддерживать любовь къ православію своими убѣжденіями. И 8-го марта 1636 года уже писалъ къ мстиславскому городскому писарю: „Пріѣхали ко мнѣ въ Могилевъ родомскіе священники и, признавши меня пастыремъ, воздали мнѣ поклоненіе и повиновеніе, какъ пастырю законному, и учинили, согласно съ канонами св. отцевъ, отреченіе отъ уніи. Прошу принять ихъ, именно: о. Тимоѳея Борзиловскаго и о. Никифора Свиту подъ свое покровительство и опеку и защищать ихъ отъ всякихъ обидъ, какъ людей благочестивыхъ“. Но уніатскій архіепископъ полоцкій Антоній Селява тотчасъ же принесъ жалобу королю, что Коссовъ, не довольствуясь правами, предоставленными неунитамъ на шестинедѣльномъ сеймѣ 1635 года, и нарушая права, тогда же предоставленныя уніатамъ, самоправно пріѣзжалъ въ Полоцкъ и Витебскъ, старался привлекать къ себѣ знатныхъ людей и полоцкихъ обывателей, и возбуждалъ смятеніе противъ уніи. И король, соглашаясь съ Селявою, будто Коссовъ своимъ посѣщеніемъ названныхъ городовъ дѣйствительно нарушилъ права уніатовъ, прислалъ ему изъ Вильны приказаніе (отъ 1 мая 1636), чтобы онъ впредь никогда не осмѣливался ѣздить въ Полоцкъ и Витебскъ, — между тѣмъ какъ въ королевской граматѣ Добриковичу, предмѣстнику Коссова, прямо было сказано, что онъ безпрепятственно можетъ посѣщать и Полоцкъ и Витебскъ ([416]). Несмотря, впрочемъ, на это и на другія пре-

([416]) Вѣстн. юго-западн. и западн. Россіи, годъ I, ноябрь, кн. V, отд. I, стр. 51—55.

пятствія, какія противопоставлялись православнымъ въ краѣ, положеніе ихъ, съ учрежденіемъ могилевской епархіи, сдѣлалось гораздо лучше, чѣмъ было прежде. Въ самомъ Могилевѣ, гдѣ находилась каѳедра православнаго епископа, они не терпѣли никакихъ стѣсненій. За уніатами оставался здѣсь только спасскій монастырь; всѣ прочія церкви принадлежали православнымъ. Епископу, въ замѣнъ спасскаго монастыря, который первоначально ему назначался, отдана была церковь крестовоздвиженская, съ тремя селами кіево-печерскаго монастыря въ оршанскомъ уѣздѣ (Печерскъ, Борсуки, Тарасовичи), которыми доселѣ владѣли уніаты. Въ 1636 г., октября 18-го, Коссовъ созывалъ въ Могилевѣ помѣстный соборъ изъ подвѣдомаго ему духовенства, и кратко преподалъ на этомъ соборѣ своимъ священникамъ ученіе о седми таинствахъ, которое потомъ (17 генв. 1637 г.) и напечаталъ подъ названіемъ: „Дидаскалія“ въ типографіи кутеинскаго монастыря (417). Члены могилевскаго братства ревностно заботились объ устроеніи своего монастыря. Въ 1635 г., мая 2-го, виленское свято-духовское братство передало имъ, законнымъ порядкомъ, пляцъ, который купленъ былъ ими въ Могилевѣ на шкловской улицѣ еще въ 1619 г., но, по обстоятельствамъ, записанъ былъ тогда княземъ Иваномъ Огинскимъ на имя виленскаго братства. Въ 1636 году, августа 1-го, они заложили на этомъ пляцѣ каменную церковь во имя Богоявленія; а въ слѣдующемъ, декабря 3-го, когда постройка церкви еще продолжалась, Богданъ Стеткевичъ За-

(417) Временн. М. Истор. Общ., I, отд. III, стр. 10; VII, отд. III, стр. 77—79. Списокъ этой Дидаскаліи, въ славянскомъ переводѣ, сдѣланномъ еще во второй половинѣ XVII в., вѣроятно, въ Москвѣ, находится въ библіотекѣ московскаго чудова монастыря (Рукоп. XVII в., № 281).

верскій, подкоморій мстиславскій, подарилъ имъ другой, сосѣдній пляцъ на тойже шкловской улицѣ, чтобы на немъ устроены были школа или монастырскія келліи или кладбище. Между тѣмъ и сами члены братства, свѣтскіе и духовные, одинъ за другимъ, приносили на монастырь свои пожертвованія, такъ что въ теченіе семи лѣтъ (1634—1641) ему подарено было въ городѣ девять домовъ съ пляцами, четыре пляца безъ построекъ и, частію въ городѣ, частію внѣ города, до 22-хъ уволокъ земли: изъ нихъ шесть уволокъ съ поселенными на нихъ крестьянами и болѣе шести уволокъ лѣсу. Въ 1639 г., когда первый архимандритъ братскаго могилевскаго монастыря Варлаамъ Половка, по тяжкой болѣзни, удалился на покой въ бринцкій монастырь, члены могилевскаго братства послали просить Петра Могилу, какъ патріаршаго экзарха, чтобы онъ дозволилъ имъ, вмѣсто архимандрита, избирать для своего монастыря только старшаго на три года, по примѣру виленскаго свято-духова монастыря, и потомъ чрезъ каждые три года дѣлать новые выборы старшаго; чтобы, какъ патронъ могилевскаго братства, Могила самъ назначилъ въ ихъ монастырь старшаго на три года, мужа искуснаго въ общежитіи, такъ какъ они не имѣютъ въ виду, кого бы избрать; чтобы дозволилъ монаху кутеинскаго монастыря о. Павлу Пароховскому, еще не имѣющему іерейскаго сана, быть „казнодѣемъ“ (проповѣдникомъ) въ ихъ монастырѣ, и чтобы, наконецъ, приказалъ старшему, какой будетъ данъ могилевскому монастырю, завести здѣсь всѣ порядки монастырскаго общежитія. Одновременно съ братскимъ, богоявленскимъ, созидался въ Могилевѣ и другой монастырь. По ходатайству митрополита Петра Могилы, король далъ ему грамату (18 апр. 1636 г.), которою дозволялось построить въ Могилевѣ церковь

св. Николая на пляцахъ, пожертвованныхъ мѣщанами Гривлянскими, поселить при ней, для совершенія богослуженія, чернецовъ и священниковъ и безпрепятственно заводить монастырь, съ тѣмъ чтобы монастырь этотъ находился подъ властію могилевскаго епископа Сильвестра Коссова. Монастырь дѣйствительно, мало-по-малу, образовался и устроился, но только не мужескій, а женскій, и пріобрѣлъ себѣ нѣкоторыя новыя земельныя владѣнія. И потому въ 1646 г. Коссовъ просилъ короля утвердить своею граматою ново-устроившійся женскій монастырь, а вмѣстѣ и всѣ его владѣнія. Король, 6-го сентября, исполнилъ просьбу епископа ([418]). Вѣроятно, въ 1644 г., если не прежде, Коссову данъ былъ коадъюторъ — номинальный епископъ Іосифъ Горбацкій, игуменъ кіево-михайловскій, который и назывался „епископомъ бѣлорусскимъ“, хотя и не имѣлъ еще епископскаго посвященія и продолжалъ быть только игуменомъ, — подобно тому, какъ былъ коадъюторъ и у луцкаго епископа Аѳанасія Пузины ([419]).

Даже въ Полоцкѣ и Витебскѣ, гдѣ обѣщалъ король уніатамъ не допускать православныхъ церквей, и куда запретилъ онъ въѣздъ православному епископу, православные находили возможность бороться противъ уніи и отстаивать свои права. Всѣ паны обыватели (т. е. дворяне) воеводства полоцкаго единодушно упрашивали короля, чтобы онъ дозволилъ соорудить въ Полоцкѣ братскую православную церковь съ монастыремъ во имя Богоявленія,—и король дозволилъ граматою отъ 17-го

([418]) Вилен. Арх. Сборн. II, №№ 40. 45. 46. 48 и Прилож. стр. 100; V, стр. 125.

([419]) А. З. Р. V, № 19; Памятн. Кіев. Коммис., II, № 12, стр. 176.

іюля 1633 года. Церковь и монастырь были въ Полоцкѣ построены на шляхетской землѣ, пожертвованной для того паномъ Севастіаномъ Мірскимъ, блацлавскимъ земскимъ судьею. Въ 1639 г. на эту братскую полоцкую церковь виленскій купецъ Павелъ Коссобуцкій пожертвовалъ восемьсотъ злотыхъ, и потомъ завѣщалъ еще двѣсти злотыхъ, да на госпиталь при ней сто злотыхъ. Существованіе этой церкви и монастыря не давало покоя уніатскому полоцкому архіепископу Селявѣ. Онъ всячески старался вредить имъ, и то чрезъ своихъ слугъ и пѣвчихъ, то чрезъ наемныхъ людей постоянно причинялъ большія непріятности православному монастырю и живущимъ въ немъ, — вслѣдствіе чего игуменъ монастыря, съ благословенія могилевскаго епископа Коссова, то и дѣло подавалъ жалобы въ разныя управы. Но когда въ 1642 г. Селява, послѣ Рафаила Корсака, удалившагося въ Римъ и тамъ скончавшагося, сдѣлался уніатскимъ митрополитомъ, удержавъ за собою и полоцкую епархію, и возвратился въ Полоцкъ въ новомъ санѣ, то еще болѣе началъ притѣснять православную обитель, и открыто похвалялся: „теперь, оставаясь и митрополитомъ на полоцкой епархіи, я уже не стану терпѣть этой мечети — схизматической церкви; возьму, разрушу, выворочу съ корнемъ, а монаховъ, тамъ живущихъ, перевяжу, позаберу, и посмотрю, кто будетъ защищать ихъ“. Вслѣдствіе этого игуменъ полоцкаго богоявленскаго монастыря Петроній Тобіяшевичъ подалъ (16 іюля 1642) на Селяву, митрополита и архіепископа полоцкаго, жалобу въ земскій трибуналъ вел. княжества литовскаго не только отъ имени своего монастыря, но и отъ имени своего епископа Сильвестра Коссова, отъ имени всѣхъ дворянъ воеводства полоцкаго и всего бѣлорусскаго и литовскаго

края ([420]). Выведенные изъ терпѣнія непрестанными обидами со стороны своихъ враговъ, православные въ Полоцкѣ отплачивали иногда и имъ тѣмъ же: напримѣръ, въ 1643 г. сорвали повѣшенныя на городскихъ воротахъ католическія иконы св. Казиміра и Іоасафа Кунцевича, исцарапали ихъ и втоптали въ грязь; а кромѣ того открыто поносили унію, грозили уніатамъ и возбудили противъ нихъ народное волненіе, какъ можно заключать изъ приказа, даннаго тогда (14 сент.) полоцкимъ воеводою Янушомъ Кишкою, польнымъ гетманомъ вел. княжества литовскаго. Ссылаясь на королевскую привиллегію 1635 года уніатамъ, не допускавшую существованія православныхъ церквей въ Полоцкѣ, а также на королевское письмо къ нему-воеводѣ (отъ 28 мая 1638 г.), которымъ король поручалъ ему оказывать особое покровительство всѣмъ духовнымъ особамъ уніатскимъ и защищать ихъ отъ всякихъ, могущихъ случиться обидъ со стороны неунитовъ, Кишка именемъ короля объявлялъ православнымъ жителямъ Полоцка, духовнымъ и свѣтскимъ, чтобы они не дерзали строить въ Полоцкѣ свои церкви, отправлять въ нихъ богослуженіе, имѣть свое училище, не дерзали поднимать возмущенія, дѣлать угрозы, произносить хулы противъ уніатской вѣры, „какъ это теперь недавно случилось“, а въ противномъ случаѣ угрожалъ пенею въ 50 тысячъ на короля и 10 тысячъ на него-воеводу ([421]). Впрочемъ и послѣ этого приказа, порицанія противъ уніи въ

([420]) Акт. Вилен. Коммис., XI, № 39; Вѣстн. западн. Россіи 1867 г., т. I, кн. I, отд. I, стр. 7; Вѣстн. юго-западн. и западн. Россіи, 1862 г., кн. V, отд. I, стр. 59. Въ 1640 г. упоминается полоцкій православный игуменъ —Вилен. Археогр. Сборн. I, № 120.

([421]) Вѣстн. юго-западн. и западн. Россіи, 1862 г., кн. V, отд. I, стр. 63.

Полоцкѣ не прекращались: въ 1646 г., августа 26-го, одинъ скорнякъ, по имени Ѳедоръ Алексѣевичъ, находясь въ домѣ бурмистра, въ присутствіи полоцкаго ляндвойта Есмана и другихъ, рѣзко нападалъ на унію и, несмотря на запрещенія отъ ляндвойта, десятки разъ повторялъ: „это вѣра дьявольская, шатанская, и не отъ Бога та вѣра, но отъ дьявола“. И если въ томъ же году былъ случай, что одинъ полоцкій мѣщанинъ измѣнилъ православію и принялъ латинство, за то въ 1645 г. семь лицъ изъ полоцкаго мѣщанства отпали отъ латинства и приняли православіе (422).

Надъ жителями Витебска сильнѣе тяготѣла рука уніатскаго архіепископа Селявы. Извѣстно, что они, за убіеніе Іоасафа Кунцевича, лишены были магдебургскаго права. По ходатайству Селявы, Владиславъ возвратилъ имъ это право, но съ условіемъ, чтобы они всѣ съ своими семействами неизмѣнно пребывали въ уніи подъ властію уніатскаго владыки. Потому въ началѣ они не осмѣливались имѣть у себя въ городѣ православной церкви. И только два брата, шляхтичи, Семенъ и Иванъ Пышницкіе, жившіе внѣ Витебска въ своихъ имѣніяхъ, рѣшились построить подъ Витебскомъ какой-то шалашъ, куда и собирались православные изъ Витебска для своего богослуженія. Но Селява жаловался королю, и оба брата, строители шалаша, потребованы были (28 мая 1636 г.) на задворный королевскій судъ, а шалашъ, по всей вѣроятности, былъ разрушенъ. Въ слѣдующемъ году нѣкоторые изъ витебскихъ мѣщанъ показали болѣе смѣлости и внесли (18 октября) въ оршанскій городскій судъ протестацію противъ архіепископа Се-

(422) Вилен. Арх. Сборн. I, №№ 129. 147. 154.

лявы, язвительную и весьма оскорбительную для его чести, а къ 1639 г. построили даже въ самомъ городѣ, или „на городской землѣ“, подъ распорядительствомъ шляхетнаго Юрія Пыпки, зданіе на подобіе церкви и отняли для нея у уніатовъ какія-то давнія церковныя земли. Селява снова пожаловался, и король потребовалъ (23 ноября 1639) тѣхъ мѣщанъ на задворный судъ, а церковь велѣлъ разрушить и отнятыя церковныя земли возвратить уніатамъ. Когда убѣдились, что ни въ городѣ, ни подъ городомъ, нельзя было православнымъ Витебска имѣть своей церкви, вельможный панъ Левъ Богдановичъ Огинскій, тіунъ троцкій, сынъ основателя монастырей евейскаго и кронскаго, основалъ въ имѣніи своемъ Марковѣ, находившемся неподалеку отъ Витебска, внизъ по теченію рѣки Нѣмана, на возвышенномъ берегу ея, православный монастырь, и, 27 августа 1642 года, пожаловалъ на этотъ монастырь все село Марково съ тѣмъ, чтобы монастырь вѣчно оставался въ послушаніи святѣйшему константинопольскому патріарху. Сюда-то и притекали православные изъ Витебска для общественнаго богослуженія и вообще для удовлетворенія своихъ нуждъ духовныхъ. Селява ничего не могъ сдѣлать противъ этого монастыря: потому что онъ построенъ былъ не въ городѣ Витебскѣ, и построенъ шляхтичемъ и на шляхетской землѣ. Наконецъ, въ 1646 г., 21 мая, митрополитъ Селява лично явился въ полоцкій городскій судъ съ жалобою на весь магистратъ, на всѣхъ бурмистровъ, радцовъ и лавниковъ города Витебска и говорилъ: они забыли, что, по ходатайству моему и нѣкоторыхъ сенаторовъ, король возвратилъ Витебску магдебургское право только подъ условіемъ, чтобы всѣ его мѣщане, съ своими женами и дѣтьми и со всѣми потомками,

неотступно пребывали въ уніи съ римскимъ костеломъ. Они обязаны были, какъ члены магистрата, наблюдать, чтобы въ Витебскѣ и около него не строилось никакой схизматической церкви, и ниодинъ схизматикъ не засѣдалъ въ магистратѣ. И вмѣсто того, чтобы искоренять схизму въ Витебскѣ и отводить отъ нея простой народъ, они сами остаются тайными схизматиками, и 11 марта, когда умерла мать у бурмистра Матвея Лытки, дозволили пригласить въ городъ дезунитскихъ чернецовъ, и сами вмѣстѣ съ этими чернецами и народомъ, котораго собралось до трехъ тысячъ, въ день воскресный, торжественно провожали тѣло покойницы по улицамъ города мимо уніатской церкви на загородное кладбище. Такихъ-то послѣдователей имѣла у себя унія въ Витебскѣ, по свидѣтельству самого уніатскаго митрополита ([423]).

Если въ Витебскѣ Селява тѣснилъ православныхъ, опираясь, такъ сказать, на королевскую волю, то въ Диснѣ онъ дѣлалъ тоже самое совершенно вопреки этой воли. Еще въ статьяхъ примиренія между уніатами и православными было опредѣлено, чтобы въ Диснѣ отдана была послѣднимъ воскресенская церковь. И послѣ сейма 1635 г., по повелѣнію короля, она дѣйствительно была имъ отдана королевскимъ комисаромъ. Но Селява употреблялъ всѣ усилія къ отнятію этой церкви у православныхъ, и не допускалъ ихъ совершать въ ней богослуженія. Православные вынуждены были жаловаться, и король, граматою отъ 11 сентября 1642 г., убѣждалъ Селяву, чтобы ни онъ самъ, ни его помощники не дѣлали притѣсне-

([423]) Собр. Минск. грам., № 105; Акт. Вилен. Коммис. XI, № 44; Вѣстн. юго-западн. и западн. Россіи, 1862 г., кн. III, отд. I, стр. 124—126; кн. V, отд. I, стр. 55—58; 1863 г., кн. VIII, отд. I, стр. 33—36.

ній православнымъ дисненскимъ мѣщанамъ и оставили ихъ въ покойномъ обладаніи воскресенскою церковію. Селява однакожъ не послушался, и въ слѣдующемъ году (27-го апр.) король вновь подтвердилъ ему свою волю ([424]).

За то въ другихъ мѣстахъ своей епархіи, особенно въ имѣніяхъ дворянъ, Селява не въ состояніи былъ препятствовать православнымъ строить свои церкви и монастыри и молиться въ нихъ. Мстиславскій подкоморій Богданъ Вельгельмовичъ Стеткевичъ, уже основавшій два мужескихъ монастыря, кутеинскій и буйницкій, основалъ въ 1641 году еще женскій общежительный монастырь въ имѣніи своемъ Борколабовѣ на островѣ Борокъ, отдалъ новому монастырю во владѣніе тотъ островъ съ приписными къ нему землею и угодіями, и подчинилъ монастырь игумену кутеинскаго монастыря Іоилю Трупевичу, поручивъ ему устроить борколабовскій монастырь, какъ слѣдуетъ, позаимствовать для него уставъ изъ женскаго кутеинскаго монастыря, основаннаго матерію его-Стеткевича, и установить между этими двумя монастырями такое общеніе, чтобы они во всемъ помогали одинъ другому ([425]). Дворяне воеводства мстиславскаго, три брата Филонъ, Самуилъ и Мартиніанъ Москевичи, исполняя волю своего покойнаго родителя, пожертвовали (24 іюня 1641) въ имѣніи своемъ Тупичевщинѣ двѣ волоки земли и разныя угодья на имя тогоже кутеинскаго игумена Іоиля Трупевича съ братіею, и предоставили ему устроить при церкви, существовавшей въ томъ имѣніи, мужескій монастырь съ школою и держать его всегда въ своемъ

([424]) Вилен. Археогр. Сборн. IV, № 54.
([425]) А. З. Р. V, № 18.

вѣдѣніи: этотъ тупичевскій монастырь дѣйствительно былъ устроенъ ([426]). Брацлавскій земскій судья Севастіанъ Мірскій, иждивеніемъ котораго построенъ былъ богоявленскій монастырь въ Полоцкѣ, основалъ еще небольшой мужескій монастырь въ имѣніи своемъ Мірахъ, брацлавскаго повѣта, и записалъ (25 мая 1644) на содержаніе этого монастыря другое свое имѣніе Лещиловичи, находившееся въ полоцкомъ воеводствѣ, съ землями, крестьянами и разными угодіями. Всѣ основатели названныхъ нами монастырей повторяли въ своихъ фундушевыхъ записяхъ одно неизмѣнное условіе, чтобы монастыри ихъ оставались всегда въ православіи или послушаніи константинопольскому патріарху, и никогда не переходили въ руки уніатовъ ([427]). Въ 1642 г., 14 января, православный игуменъ борисовскаго воскресенскаго монастыря, находившагося на предмѣстьѣ города Борисова, Ѳеодосій Комаренскій, вмѣстѣ съ большою громадою мѣщанъ борисовскихъ, предъявили возному Стефану Ратомскому королевскую грамату и открытый листъ отъ борисовскаго старосты Адама Казанскаго, и просили, чтобы по этимъ документамъ возный ввелъ отца Ѳеодосія съ его инокаѧи во владѣніе тѣмъ монастыремъ и принадлежащими ему восемью пляцами. И возный въ тотъ же день исполнилъ волю короля и передалъ монастырь игумену Комаренскому, какъ „намѣстнику, отъ велебнаго въ Бозѣ отца Сильвестра Коссова, владыки могилевскаго, до того монастыря сосланному“. Кѣмъ былъ основанъ этотъ монастырь, самими ли мѣщанами Борисова или кѣмъ другимъ, и когда основанъ, те-

([426]) Вилен. Археогр. Сборн. II, № 47.
([427]) Вѣстн. западн. Россіи, 1867 г., т. I, кн. II, отд. I, стр. 19.

перь ли или прежде, и не находился ли доселѣ во владѣніи уніатовъ, изъ документа невидно ([428]).

Въ львовской епархіи, которою все еще управлялъ престарѣлый епископъ Іеремія Тисаровскій, хотя и не прекращалась закоренѣлая ненависть поляковъ—латинниковъ, а съ ними и уніатовъ, къ православнымъ русскимъ, замѣтна была также перемѣна къ лучшему. Львовское ставропигіальное братство, стоявшее во главѣ всѣхъ прочихъ братствъ епархіи, съ 1636 г. назначало, каждый годъ, двухъ членовъ своихъ засѣдать въ городскомъ магистратѣ для охраненія правъ своего народа. Въ слѣдующемъ году король Владиславъ пожаловалъ братству три граматы. Одною, отъ 20 февраля, дозволялъ православнымъ во Львовѣ совершать свои погребальныя процессіи открыто, со всѣми церковными обрядами, и запрещалъ магистрату навязывать священниковъ въ братскую городскую церковь; другою, отъ 11 марта, освобождалъ братскій госпиталь при онуфріевскомъ монастырѣ отъ всѣхъ налоговъ и повинностей; третьею, отъ того же числа, освобождалъ отъ постоя и другихъ повинностей домъ при городской братской церкви, въ которомъ жили инокини и полагалось начало женскаго монастыря. А въ 1639 г., когда братство принесло жалобу королю на притѣсненія отъ латинянъ, онъ далъ львовскому магистрату новый приказъ (30 апр.), чтобы никто не дерзалъ обижать во Львовѣ православныхъ, когда онъ-король принялъ ихъ подъ свое особое покровительство. Митрополитъ Петръ Могила, своею граматою отъ 19 февр. 1637 года, благословилъ львовское братство, одобрилъ и утвердилъ, какъ ставропигіальное, со всѣми его

([428]) Вѣстн. западн. Россіи 1867 г., т. I, кн. III, отд. I, стр. 38.

правами, означенными въ патріаршихъ ему граматахъ, и въ томъ же году писалъ прочимъ братствамъ края, чтобы они оказывали ставропигіальному подчиненность и уваженіе. А въ 1645 г. благословилъ своею граматою (отъ 3 февр.) и младшее братство, которое образовалось еще въ 1633 году при братскомъ онуфріевскомъ монастырѣ, и утвердилъ, чтобы оно пребывало всегда въ подчиненіи братству старшему, ставропигіальному, и отдавало ему ежегодный отчетъ ([429]). Въ 1641 году, 1 марта, скончался епископъ Іеремія Тисаровскій въ селѣ Золчовѣ бережанскаго округа, гдѣ и погребенъ въ приходской церкви. Собравшіеся на погребеніе его духовенство, дворянство, члены братствъ рѣшились тамъ же сдѣлать выборъ новаго кандидата на львовскую каѳедру. Избранъ былъ шляхтичъ Андрей Желиборскій, человѣкъ очень ученый, но имѣвшій отъ роду только 23 года. Митрополитъ не призналъ избранія законнымъ, потому что оно совершилось безъ его вѣдома и не на мѣстѣ епископской каѳедры. Новые выборы состоялись 5-го апрѣля въ городѣ Львовѣ, въ каѳедральной георгіевской церкви, въ присутствіи самого митрополита Петра Могилы. Избраны были единогласно два кандидата, шляхтичи: тотъ же Андрей Желиборскій и Даніилъ Болобанъ, и положено было представить актъ избранія королю и просить его, чтобы онъ пожаловалъ свою привиллегію одному изъ избранныхъ, и чтобы утвержденный королемъ принялъ посвященіе во епископа отъ православнаго кіевскаго митрополита. Актъ подписали: самъ митрополитъ Петръ

([429]) Памятн. Кіев. Коммис. III, № XI; *Зубрицк.* Лѣтоп. Львов. братства подъ означенными годами.

Могила и митрополичій намѣстникъ въ Коронѣ, луцкій братскій игуменъ Леонтій Шитикъ-Залѣсскій (вѣроятно, братъ Самуила Шитика-Залѣсскаго, митрополичьяго намѣстника въ вел. княжествѣ литовскомъ); три настоятеля монастырей — уніевскаго, онуфріевскаго и троицкаго въ Рудникахъ; львовскій намѣстникъ епископа со всѣми клирошанами львовской капитулы; представитель львовскаго ставропигіальнаго братства отъ имени всего братства; множество дворянъ земли львовской, галицкой и Каменца подольскаго, числомъ до 112-ти; нѣсколько намѣстниковъ львовскаго епископа въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ, Галичѣ, Каменцѣ подольскомъ, Бережанѣ, Рогатинѣ и проч., каждый съ подвѣдомымъ ему духовенствомъ и всѣми церковными братствами, и нѣсколько священниковъ также съ своими церковными братствами, — намѣстниковъ подписалось четырнадцать, а братствъ церковныхъ, очевидно, было множество въ епархіи. Король пожаловалъ привиллегію шляхтичу Андрею Желиборскому, и онъ, принявъ монашество съ именемъ Арсенія, былъ посвященъ во епископа, въ городѣ Луцкѣ, митрополитомъ Петромъ Могилою съ епископами—луцкимъ Аѳанасіемъ Пузиною, перемышльскимъ Сильвестромъ Гулевичемъ-Воютинскимъ и мстиславскимъ Сильвестромъ Коссовымъ, какъ свидѣтельствуетъ выданная ему тамъ (отъ 17 ноября 1641) ставленая святительская грамата. Новый епископъ еще въ Луцкѣ далъ (16 ноября) львовскому ставропигіальному братству письменное обязательство, что оставитъ ставропигію при всѣхъ правахъ и привиллегіяхъ, пожалованныхъ ей патріархами и королями ([430]). Въ слѣдующемъ году, въ день

([430]) *Петрушевич*. Сводн. Галицко-русск. лѣтоп., подъ 1641 г., стр. 87—91. 500; *Зубрицк*. Лѣтоп. Львов. братства, подъ 1641 годомъ.

св. великомученика Георгія (23 апр.), на храмовой праздникъ львовской каѳедральной церкви, епископъ Арсеній созывалъ по обычаю, котораго, какъ видно, держались тогда и въ прочихъ епархіяхъ края, свое епархіальное духовенство на годовый соборъ, и по случаю этого собора какой-то Григорій Бутовичъ, студентъ замойской академіи, напечаталъ и поднесъ епископу привѣтственное стихотвореніе, подъ заглавіемъ: „Еводія“ (благовоніе), въ которомъ восхвалялъ и самого епископа и его родичей, и дѣлалъ обращеніе къ собравшемуся на соборъ духовенству ([431]). Между тѣмъ притѣсненія православнымъ во львовской епархіи увеличивались: уніатскіе священники силою нападали на православныя церкви, отнимали церкви у православныхъ священниковъ и церковныхъ братствъ, вовлекали ихъ въ обременительные судебные процессы и доводили до крайняго разоренія. Въ виду этого епископъ Арсеній рѣшился лично отправиться въ Варшаву, чтобы ходатайствовать предъ королемъ и прочими властями о защитѣ православныхъ, и для успѣха дѣла выпросилъ себѣ въ ссуду у ставропигіальнаго братства двѣ тысячи злотыхъ ([432]).

Луцкая епархія возвращена была отъ уніатовъ православнымъ, и для нея, вскорѣ послѣ коронаціи Владислава, поставленъ былъ во епископа князь Александръ Пузина, принявшій въ монашествѣ имя Аѳанасія. Уніатскій епископъ Почановскій, которому дозволено было занимать луцкую каѳедру и пользоваться ея имѣніями до его смерти, скончался 5 окт. 1636 года. Послѣ этого уніатская каѳедра здѣсь закрылась, имѣнія ея

([431]) *Головацк.* Библіогр. находки во Львовѣ, стр. 27—30, С. п. б. 1873.
([432]) *Зубрицк.* Лѣтоп. Львов. братства, подъ 1646 годомъ.

перешли къ православному епископу, и уніатами въ епархіи завѣдывалъ жидичинскій уніатскій архимандритъ, бывшій обыкновенно епископомъ номинатомъ. Уніаты едва успѣли удержать за собою до ста церквей, съ семью монастырями, находившихся въ имѣніяхъ латинскихъ и уніатскихъ пановъ; а всѣ прочіе церкви и монастыри обширной луцкой епархіи перешли во власть православныхъ. Православный епископъ, безпрепятственно, каждый годъ созывалъ въ Луцкѣ свое епархіальное духовенство на соборы или синоды, которые происходили обыкновенно въ день св. Іоанна богослова, 26-го сентября, на храмовый праздникъ луцкой каѳедральной церкви, и дѣяніе одного изъ такихъ синодовъ тогда же было напечатано, подъ заглавіемъ: „Синодъ, ведле *звычаю дорочнаго*, отъ его милости, въ Бозѣ превелебнаго господина отца Аѳанасія Пузыны зъ Козельска, епископа луцкого и острозкого, благочестивого, сентеврія 26 року 1638, въ церкви каѳедралной луцкой, храмѣ св. апостола и евангелиста Іоанна богослова, съ *мнозствомъ духовенства православнаго* восточной св. церкви послушныхъ, хотливе собраннаго, *спокойне* и набожне отправованный и въ томъ же року въ Кремянци выдрукованый“ ([433]). Братскій крестовоздвиженскій монастырь въ Луцкѣ не подвергался болѣе нападеніямъ отъ враговъ, и король дозволилъ въ 1655 г. своему дворянину Александру Мозелю построить новую богадѣльню въ Луцкѣ съ тѣмъ, чтобы она была отдана въ вѣдомство крестовоздвиженскаго братства. Да и вообще о какихъ либо притѣсненіяхъ православнымъ по луцкой епархіи въ то время извѣстій не сохранилось. Въ Кре-

([433]) Harasiew. Annal. eccles. Ruth., pag. 302; Stebelsk. Przydaten do Chronologii, III, p. 224; Временн. Моск. Истор. Общ., I, отд. III, стр. 10·

менцѣ, другомъ изъ главныхъ городовъ луцкой епархіи, какъ мы видѣли, еще въ 1633 году получилъ начало, съ дозволенія короля, православный богоявленскій монастырь, который митрополитъ Петръ Могила благословилъ и утвердилъ своею грамотою въ 1636 г. и принялъ въ свое непосредственное вѣдѣніе. Вслѣдъ затѣмъ, неподалеку отъ Кременца, возникъ и другой православный мужескій общежительный монастырь. Монастырь этотъ основала вдова, дворянка Ирина Ярмолинская, урожденная Боговитина въ имѣніи своемъ Загойцахъ, кременецкаго повѣта, при церкви св. Іоанна милостиваго. Она надѣлила свой монастырь полями, лугами, лѣсами и разными угодіями, и на первый разъ сама избрала ему игумена, какого-то отца Антонія Руднѣцкаго, по указанію митрополита Петра Могилы, на послѣдующее же время предоставила назначать сюда настоятелей кіевскому православному митрополиту. О всемъ этомъ она сказала въ своей фундушевой записи, данной монастырю 28 августа 1637 года ([434]). По множеству ли епархіальныхъ дѣлъ, или по слабости своего здоровья, луцкій владыка Аѳанасій Пузина еще въ 1639 г. высказалъ волынскому дворянству, что онъ желалъ бы имѣть себѣ коадъютора, и именно въ лицѣ о. Іосифа Чаплица, архимандрита милецкаго. И дворяне въ томъ же году поручали своимъ посламъ исходатайствовать на это дозволеніе у сейма и короля. Спустя пять лѣтъ, по настоянію Пузины, волынскіе дворяне вновь наказывали своимъ посламъ, отправлявшимся на сеймъ, всѣми мѣрами стараться, чтобы о. Іосифу Чаплицу, избранному въ коадъютора луцкаго епископа, съ правомъ быть его преемникомъ, король

([434]) Памятн. Кіев. Коммис. I, № 18; IV, стр. 63.

пожаловалъ свою привиллегію, и на этотъ разъ, кажется, достигли успѣха: потому что Чаплицъ, дѣйствительно, сдѣлался преемникомъ Аѳанасія Пузины послѣ его смерти ([435]).

Перемышльская епархія такъ же, какъ и луцкая, возвращена была православнымъ, но подъ условіемъ, чтобы уніатскій епископъ Аѳанасій Крупецкій оставался на перемышльской каѳедрѣ и пользовался ея владѣніями до своей смерти, а православному епископу до того времени назначены были для мѣстопребыванія и въ управленіе монастыри: спасскій, онуфріевскій и смольницкій, съ ихъ имѣніями. Но здѣсь, къ сожалѣнію, съ самаго начала дѣла православныхъ пошли неудачно. Первымъ кандидатомъ на эту епископію они избрали еще въ 1633 г. какого-то Холопецкаго, и онъ получилъ уже привиллегію отъ короля, но скоро скончался. Въ томъ же году мѣстная шляхта избрала-было другаго кандидата Ивана Романовича Попеля; но и этотъ скоро скончался. И только въ 1636 г. православнымъ удалось избрать такого кандидата, который и получилъ привиллегію отъ короля и дѣйствительно былъ произведенъ во епископа перемышльской епархіи. То былъ одинъ изъ волынскихъ дворянъ, Симеонъ Гулевичъ-Воютинскій, земскій писарь луцкій, принявшій въ монашествѣ имя Сильвестра. Новый епископъ отправился въ свою епархію, сопровождаемый королевскими комисарами, которые должны были передать ему назначенные ему монастыри, и желалъ поселиться именно въ спасскомъ. Но узнавъ, что тамъ находится самъ уніатскій епископъ Крупецкій съ цѣлію не уступать монастыря схизматику, рѣшился, какъ это обыкновенно водилось тогда въ поль-

([435]) Архив. юго-западн. Россіи, ч. II, т. I, №№ 22. 25, стр. 261. 292.

скихъ владѣніяхъ, отнять владѣніе у своего противника силою. И вотъ, 10-го іюня, огромная толпа православныхъ дворянъ, мѣщанъ и поселянъ, числомъ, если вѣрить уніатскому сказанію, до 20000, внезапно напала на спасскій монастырь, разрушила ограду и завладѣла келліями, житницами и всѣмъ хозяйствомъ монастыря. Слуги и знакомые Крупецкаго спаслись на укрѣпленную башню, и оттуда защищались около десяти дней; а самъ Крупецкій, совершавшій тогда литургію, услышавъ необычайный шумъ, велѣлъ заключить церковныя двери и поспѣшилъ окончить службу. Но двери были выбиты, и вторгнувшіеся въ церковь, вмѣстѣ съ Гулевичемъ, бросились на Крупецкаго и хотѣли его застрѣлить или убить. Гулевичъ, однакожъ, своимъ крикомъ остановилъ ихъ; прикрылъ Крупецкаго архіерейскою мантіею, отвелъ его въ ризницу и заперъ въ ней, а въ полночь тайно вывелъ его оттуда и далъ ему возможность безопасно скрыться изъ монастыря. Несмотря на это, Крупецкій тотчасъ принесъ жалобу на Гулевича, обвиняя его въ томъ, что онъ, съ своими сообщниками, сдѣлалъ разбойническое нападеніе на спасскій монастырь, билъ его самого - Крупецкаго, заушалъ и заключилъ въ темницу, ранилъ брата его Януша, иныхъ даже убилъ, попиралъ ногами св. дары, похитилъ привиллегіи монастыря и причинилъ ему убытковъ на 700 тысячъ. И піотрковскій трибуналъ, рѣшавшій это дѣло заочно, на основаніи пристрастнаго разслѣдованія, осудилъ (въ 1637 г.) Гулевича и многихъ его сообщниковъ, въ томъ числѣ до двухсотъ дворянъ, на „инфамію“—безчестіе. Наказаніе весьма тяжкое, приравнивавшееся банниціи или изгнанію изъ края, съ лишеніемъ всѣхъ гражданскихъ правъ. И потому волынское дворянство, считавшее Гулевича однимъ изъ самыхъ заслуженныхъ своихъ собратій,

скорбя о постигшей его участи, поручало своимъ посламъ ходатайствовать на сеймахъ 1638 и 1639 г. объ отмѣнѣ этого несправедливаго судебнаго приговора и о выдачѣ Гулевичу изъ королевской канцеляріи „сублеваціи“, т. е. свидѣтельства объ уничтоженіи этого приговора. О томъ же ходатайствовалъ въ Варшавѣ и самъ Гулевичъ. Сначала ходатайство оставалось безуспѣшнымъ, судя потому, что послѣ сейма 1640 года у Гулевича совсѣмъ было - отобрали монастыри и церковныя имѣнія, ему назначенныя. Но на слѣдующемъ сеймѣ, вѣроятно, онъ былъ освобожденъ отъ „инфаміи“, такъ какъ постановлено было ввести его во владѣніе тѣми самыми монастырями и имѣніями. Впрочемъ, и теперь Крупецкій не хотѣлъ уступить, и когда для ввода Гулевича во владѣніе отправились, по его порученію, намѣстникъ его и еще одинъ монахъ, то Крупецкій приказалъ схватить ихъ и заключилъ въ темницу. Гулевичъ снова принужденъ былъ (въ 1644 г.) овладѣть спасскимъ монастыремъ силою ([436]). Во всей этой прискорбной борьбѣ двухъ епископовъ наиболѣе виноватымъ былъ, очевидно, епископъ уніатскій. Гулевичъ домогался только того, что ему было опредѣлено волею короля и сейма; Крупецкій открыто сопротивлялся этой волѣ и не хотѣлъ отдать Гулевичу того, на что онъ имѣлъ полное право. И если послѣдній употребилъ насиліе, то потому единственно, что другаго средства для достиженія цѣли

([436]) *Петрушев.* Сводн. Галицко-русск. Лѣтоп., подъ 1633, 1636, 1637 и 1644 годами, стр. 70. 77. 78. 95; Львов. русская Лѣтопись въ Русск. Истор. Сборн. III, стр. 253; *Зубрицк.* Лѣтоп. львов. братства, подъ 1632 г., стр. 77; *Гарашев.* Annal. eccl. Ruthen., p. 320—321; Русск. Истор. Библіот. IV, стр. 88; Архив. юго-зап. Россіи, ч. II, т. I, стр. 242. 263. 270. 297. 298; *Островск.* Dzieje... III, 238.

не оставалось, и оно постоянно практиковалось тогда въ подобныхъ случаяхъ. Упорство и намѣреніе Крупецкаго, чтобы въ перемышльской епархіи не могъ утвердиться православный епископъ, тѣмъ болѣе были преступны, что преобладающее большинство въ этой епархіи составляли еще православные, по свидѣтельству даже уніатскаго тогдашняго писателя. По его словамъ, перемышльская епархія была обширнѣйшею изъ всѣхъ западно-русскихъ епархій; приходскихъ церквей считалось въ ней до трехъ тысячъ. И Крупецкій, вступившій на перемышльскую каѳедру тотчасъ послѣ православнаго епископа Михаила Копыстенскаго, хотя епископствовалъ здѣсь сряду 43 года, едва успѣлъ пріобрѣсть для уніи до 600 церквей, т. е. одну пятую часть всѣхъ церквей епархіи, а четыре пятыхъ—2400 церквей, значитъ, принадлежали еще православнымъ. Вслѣдствіе такого преобладанія православныхъ не они терпѣли притѣсненія отъ уніатовъ, а будтобы уніаты отъ нихъ, и болѣе всѣхъ самъ уніатскій епископъ Аѳанасій Крупецкій. Нѣсколько разъ онъ былъ прогоняемъ съ своей каѳедры и опять возвращался на оную. Еще чаще, когда онъ путешествовалъ по епархіи, православные и встрѣчали и провожали его бранью, насмѣшками, камнями и грязью. Неразъ онъ подвергался тяжкимъ побоямъ, почти до смерти. Даже въ 1640 г. жители Самбора и другихъ мѣстъ покушались умертвить его, и онъ едва спасся отъ смерти ([437]).

Православные, жившіе въ тѣхъ епархіяхъ, которыя остались подъ властію уніатскихъ епископовъ, именно—въ пинской,

---

([437]) *Суша* у *Гарашев.* Annal. eccl. Ruth., p. 303. 319; *Петрушев* Сводн. Галицк.-русск. Лѣтоп., подъ 1640 г., стр. 85.

владимірской и холмской, были причислены, сколько можно догадываться, къ сосѣдней епархіи, луцкой, и отданы въ вѣдѣніе православнаго епископа Аѳанасія Пузины, хотя иногда дѣйствовалъ по отношенію къ нимъ и самъ непосредственно митрополитъ Петръ Могила, какъ экзархъ патріаршій. Положеніе этихъ христіанъ въ разныхъ мѣстахъ было неодинаковое, но большею частію плачевное. Въ Пинскѣ они имѣли двѣ церкви: св. Ѳеодора Тирона, переданную имъ въ 1633 году, и Богоявленія, которую соорудили вновь и при ней основали свой монастырь и братство, по королевской граматѣ 1634 года. Наблюденіе за этими церквами и монастыремъ Петръ Могила поручилъ настоятелю купятицкаго монастыря, находившагося въ одной мили отъ Пинска, Иларіону Денисовичу, который потому и назывался игуменомъ купятицкимъ и пинскимъ ([338]). Жители Каменца литовскаго, состоявшаго во владимірской епархіи, воздвигли въ своемъ городѣ церковь воскресенія Христова, снабдили ее всѣми церковными принадлежностями, надѣлили грунтами, пляцами, огородами, и просили митрополита Петра Могилу, чтобы благословилъ устроить при той церкви монастырь. Могила, граматою отъ 8-го августа 1637 года, благословилъ и утвердилъ устроеніе этого монастыря, подчинилъ его купятицкому монастырю и, ссылаясь на права свои, какъ патріаршаго экзарха, имѣющаго власть надъ церквами и во всѣхъ другихъ епархіяхъ своего округа, а особенно гдѣ недостаетъ православнаго епископа, принялъ новосоздаваемый каменецкій монастырь въ свое непосредственное вѣдѣніе. Назначать туда игумена предоставилъ на буду-

([338]) Русск. Истор. Библіот. IV, стр. 52. 86.

щее время настоятелямъ купятицкаго монастыря, но на первый разъ назначилъ самъ изъ монашествующихъ тогоже монастыря, именно о. Макарія Топаревскаго, мощи котораго почиваютъ нынѣ въ переяславскомъ вознесенскомъ монастырѣ. Эта грамата митрополита утверждена была и граматою короля Владислава, отъ 10 ноября 1639 г. (439). Въ городѣ Брестѣ, тойже владимірской епархіи, православнымъ передана была въ 1633 г. королевскимъ комисаромъ церковь рождества пресв. Богородицы. Чрезъ нѣсколько времени они пожелали устроить при своей церкви монастырь и возстановить то православное братство, которое существовало нѣкогда въ Брестѣ при соборной николаевской церкви по граматамъ (1591 г.) епископа Мелетія Хрептовича и короля Сигизмунда III. Съ этою цѣлію они обратились къ купятицкому настоятелю Иларіону Денисовичу и просили его прислать на игуменство берестейское одного изъ двухъ: или о. Макарія Топаревскаго, или о. Аѳанасія Филиповича. Брошенъ былъ жребій, и жребій палъ на Филиповича. Это былъ человѣкъ замѣчательный, особенно по своей пламенной любви къ православію и ненависти къ уніи. По окончаніи „наукъ церковно-русскихъ“, какъ самъ выражается въ своихъ запискахъ, онъ служилъ въ разныхъ мѣстахъ и, между прочимъ, у гетмана Сапѣги, гдѣ семь лѣтъ былъ въ качествѣ инспектора какому-то Дмитровичу (извѣстному Лубѣ), котораго поляки выдавали за московскаго царевича, сына Маринки, потомъ принялъ монашеское постриженіе (1627 г.) въ виленскомъ свято-духовскомъ мона-

(439) Акт. Вилен. Коммис. III, № 25. Снес. Русск. Истор. Библіот., IV, стр. 62.

стырѣ отъ Іосифа Бобриковича; проходилъ послушанія въ кутеинскомъ и межигорскомъ монастыряхъ, и состоялъ намѣстникомъ дубойскаго монастыря, пинской епархіи, пока послѣдній не былъ отобранъ (1636 г.) у православныхъ литовскимъ канцлеромъ Радзивиломъ на іезуитовъ. Поступивъ затѣмъ намѣстникомъ же въ сосѣдній монастыръ купятицкій, ходилъ, по порученію братіи, въ Москву за милостынею къ царю Михаилу Ѳедоровичу, и едва возвратился оттуда, какъ получилъ новое назначеніе. Въ 1640 году прибывъ въ Брестъ, Аѳанасій, прежде всего, старался познакомиться съ тѣми документами—привиллегіями, по которымъ существовало нѣкогда тамъ православное николаевское братство, и въ слѣдующемъ году отправился на сеймъ, чтобы исходатайствовать привиллегію на основаніе православнаго братства и монастыря при церкви рождества пресв. Богородицы. Король дѣйствительно пожаловалъ грамату (13 окт. 1641), и утвердилъ ею за православными и названную церковь, и братство, и монастырь, уже основанные ими, и школу русскаго и польскаго языка, и госпиталь. Но канцлеръ и подканцлеръ не захотѣли приложить печать къ королевской граматѣ, несмотря ни на какія просьбы. Это крайне огорчило Аѳанасія, и онъ вновь поѣхалъ въ Варшаву на сеймъ 1643 года, чтобы хлопотать о приложеніи печати. Но, не видя никакого успѣха и выведенный изъ терпѣнія неправдами уніатовъ и латинянъ противъ православныхъ, смѣло, въ присутствіи всего сейма, выступилъ предъ лице короля и, подавая ему копію съ чудотворной купятицкой иконы Богоматери, сказалъ: „представляю вашему величеству чудотворный образъ для того, чтобы „унея проклятая была сгублена на вѣки“,—и если проклятую унію искорените и православную восточную вѣру успо-

коите, то поживешь счастливыя лѣта; а если не успокоите православной вѣры и не уничтожите уніи проклятой, тебя постигнетъ гнѣвъ Божій. Выбирай себѣ, что хочешь, пока есть время". Всѣ были поражены такою смѣлостію, и сами православныя духовныя власти обвинили Аѳанасія, объявивъ, что онъ дѣйствовалъ только отъ себя. Онъ былъ взятъ и до окончанія сейма содержался въ заключеніи, а по окончаніи препровожденъ въ Кіевъ на усмотрѣніе митрополита. Митрополитъ довольно его испытывалъ, подвергъ духовной епитиміи и потомъ, по ходатайству брестскаго православнаго братства, вновь послалъ на брестское игуменство, въ надеждѣ, что онъ впредь будетъ осторожнѣе. Но теперь пробудившаяся противъ Аѳанасія ненависть враговъ не давала ему покоя. Нѣсколько разъ іезуитскіе питомцы и уніатскіе попы дѣлали нападеніе на его монастырь, преслѣдовали его на улицахъ и били, запрещая ходить со святынею. А когда, однажды, онъ отправилъ съ какими-то вещами своихъ иноковъ въ купятицкій монастырь, то въ Кобринѣ уніатскій архимандритъ Облочинскій велѣлъ схватить ихъ, отнялъ у нихъ коней и все имущество, отрѣзалъ бороду священнику, а діакона совершенно обнажилъ и прогналъ въ такомъ видѣ. Аѳанасій, въ 1644 году, ѣздилъ съ жалобою въ Краковъ; но едва возвратился оттуда, какъ взятъ былъ въ Варшаву и снова заключенъ въ темницу по обвиненію въ томъ, что когда-то участвовалъ въ воспитаніи самозванца — царевича Дмитровича (Лубы). Изъ темницы, въ которой содержался болѣе года, хотя тотчасъ же показалъ свою невинность, неразъ посылалъ докладныя записки къ королю, подробно излагая и повторяя одну и туже просьбу, чтобы онъ искоренилъ проклятую унію и успокоилъ православіе.

Король, наконецъ, приказалъ выпустить Аѳанасія изъ темницы и отправить въ Кіевъ къ митрополиту. По смерти Петра Могилы, луцкій епископъ Пузина взялъ Аѳанасія, какъ принадлежащаго къ его епархіи, изъ Кіева и снова послалъ въ Брестъ на игуменство, по просьбѣ тамошняго братства. Но въ 1648 г., когда началась казацкая война противъ Польши, Аѳанасія внезапно схватили и заключили въ брестскую темницу, подозрѣвая, что онъ посылаетъ казакамъ порохъ и воззванія. А такъ какъ не нашли возможности обличить его въ этомъ, то вздумали обвинять его за то, что онъ порицалъ и проклиналъ унію. Аѳанасій не только не согласился взять назадъ, какъ требовали, этихъ порицаній и проклятій, но повторялъ ихъ съ новою силою предъ самими своими судіями. Никакія убѣжденія іезуитовъ, которые являлись къ нему ночью въ темницу, никакія пытки, которымъ они подвергали его, не могли заставить страдальца отречься отъ православія. Въ туже ночь онъ взятъ былъ въ воинскій обозъ, вытерпѣлъ новыя, огненныя пытки отъ своихъ враговъ, силившихся вырвать у него отреченіе отъ православной вѣры, и вкусилъ мученическую смерть (5 сент. 1648 г.) (440).

Въ городѣ Дрогичинѣ, владимірской епархіи, православнымъ предоставлены были три церкви: спасская, троицкая и николаевская. Но мѣстный староста Мартинъ Лешневольскій отнялъ у нихъ эти церкви, выгналъ всѣхъ трехъ православныхъ священниковъ изъ города, лишивъ ихъ имущества, а мѣщанъ православныхъ преслѣдовалъ разными притѣсненіями, побоями, тю-

(440) Діаріушъ Аѳанасія Филиповича напечатанъ въ Русск. Истор. Библіот., IV, 49—156.

ремнымъ заключеніемъ. Король, получивъ объ этомъ жалобу, не похвалилъ Лешневольскаго, замѣтилъ ему, что для прекращенія разномыслія въ вѣрѣ можно употреблять иныя мѣры, а не такія жестокія, и приказалъ, чтобы онъ возвратилъ православнымъ священникамъ ихъ церкви и домы, а мѣщанамъ все, отнятое у нихъ, и впредь не только самъ не дѣлалъ имъ никакихъ притѣсненій, но, какъ староста города, удерживалъ отъ того и всѣхъ другихъ (грамата отъ 15 сент. 1636). Въ городѣ Бѣльскѣ, тойже епархіи, какъ мы видѣли, еще въ 1633 г. возвращена была православнымъ богоявленская церковь, при которой возстановили они и свое братство; но скоро затѣмъ она была насильно отнята у нихъ уніатами. Въ мартѣ 1636 года, когда сюда прибыли вновь королевскіе комисары, чтобы распредѣлить городскія церкви между уніатами и неунитами, то нашли здѣсь только „нѣсколько“ уніатовъ, а неунитовъ „великое множество“. При чемъ священники церквей воскресенской и николаевской, съ своими прихожанами, заявили, что они не хотятъ быть въ уніи, да и прежде не покорялись уніатскому владыкѣ; а прихожане богоявленской церкви представили граматы епископа Игнатія Потѣя, еще православнаго, патріарха Іереміи и самого короля Владислава IV, утверждавшія за ними эту церковь и при ней братство. Комисары признали справедливымъ возвратить православнымъ всѣ три названныя церкви, и передали ихъ подъ юридикцію луцкаго православнаго епископа; а уніатамъ, хотя, по числу ихъ, достаточно было бы и одной, оставили двѣ церкви: пречистенскую и троицкую. Луцкій владыка Аѳанасій Пузина немедленно прислалъ сюда, для завѣдыванія церквами, своего намѣстника іеромонаха Паисія Мостицкаго. Но едва прошло два мѣсяца,

какъ намѣстникъ этотъ принужденъ былъ подать въ судъ жалобу, отъ лица всѣхъ православныхъ въ Бѣльскѣ, на городскаго подстаросту, обоихъ уніатскихъ священниковъ и нѣсколькихъ мѣщанъ за то, что они, пригласивъ ротмистра Яна Сокола, имѣвшаго у себя отъ ста до двухъ сотъ человѣкъ пѣхоты, напали вооруженною силою сперва на богоявленскую церковь, потомъ на николаевскую и воскресенскую, овладѣли ими, отняли ихъ у православныхъ и запечатали своими печатями, и при этомъ безчестили православныхъ, иныхъ избили, другихъ ранили оружіемъ, а самого о. Паисія взяли подъ стражу, дергали за бороду, заключили въ оковы. Все это подтвердилъ на судѣ коронный возный, бывшій очевидцемъ случившагося, вмѣстѣ съ двумя дворянами. Церкви православнымъ были возвращены въ Бѣльскѣ, но притѣсненія отъ уніатовъ не прекращались. Въ 1644 году, 9 января, священникъ николаевской церкви, іеромонахъ Никодимъ Ѳедоровичъ, принесъ жалобу на уніатскаго троицкаго священника Ивана Малишевскаго, что онъ издавна преслѣдуетъ православныхъ, отнимаетъ у нихъ скотъ, подвергаетъ аресту тѣла ихъ умершихъ, нападаетъ на ихъ священниковъ среди улицы, и недавно отнялъ у одного серебряный крестъ, и что на дняхъ, когда приносящій жалобу возвращался отъ больнаго съ св. дарами домой, Малишевскій, вмѣстѣ съ другими своевольными людьми, заступилъ ему дорогу на улицѣ, поносилъ его всякими безчестными словами, билъ, таскалъ по землѣ за волосы, давилъ его колѣнами, стащилъ съ него епитрахиль и иноческое одѣяніе, отнялъ у него потиръ съ лжицею и воздухами, во время побоевъ пролилъ на землю изъ потира непотребленные больнымъ частицы тѣла и крови Христовой, и все отнятое взялъ себѣ. Справед-

ливость и этой жалобы подтвердилъ возный съ двумя дворянами свидѣтелями. Наконецъ, самъ епископъ луцкій Аѳанасій Пузина принесъ въ мѣльницкій гродскій судъ жалобу на владимірскаго уніатскаго епископа Іосифа Раповецкаго и его сообщниковъ, бѣльскаго протопопа Лукіана Боговольскаго, священника Ивана Малишевскаго и другихъ. Въ жалобѣ говорилось: уніаты, по наущенію владимірскаго владыки, заключили какой-то тайный договоръ съ нѣкоторыми православными мѣщанами бѣльскими, по которому послѣдніе, сколько можно догадываться, дали согласіе уступить первымъ свои церкви. И хотя договоръ заключенъ былъ безъ вѣдома всѣхъ прочихъ православныхъ жителей бѣльскихъ и духовенства, равно безъ согласія православнаго луцкаго епископа, и, какъ незаконный, былъ уничтоженъ королевскими комисарами при передачѣ ими въ 1636 году православнымъ трехъ церквей въ Бѣльскѣ, но уніаты, ссылаясь на этотъ договоръ, тогда же насильственно отняли у православныхъ отданныя имъ церкви, и потомъ въ 1644 году подвергли поруганію православнаго священника николаевской церкви о. Никодима, вмѣстѣ съ святынею. А недавно, именно 13 марта 1645 года, протопопъ Лукіанъ Боговольскій и уніатскіе священники, основываясь на томъ же договорѣ, напали, съ своими сообщниками, на церковь св. Николая, отбили у нея замки, изранили ея настоятеля, іеромонаха Гедеона, и принуждали православныхъ бѣльскихъ мѣщанъ къ уніи побоями, мученіями, тюремнымъ заключеніемъ, отнимали у нихъ имущество, изгоняли ихъ изъ города съ женами и дѣтьми, не исключая даже больныхъ. Спустя мѣсяцъ, бѣльскій староста маршалокъ Адамъ Козаковскій, по приказанію короля, писалъ (13 апр.) своему подстаростѣ, чтобы онъ

немедленно возвратилъ православнымъ отнятую у нихъ николаевскую церковь, хотя бы то пришлось сдѣлать въ самый день пасхи, и чтобы православные возвратились всѣ въ свои домы и не терпѣли никакихъ насилій ни отъ владимірскаго епископа, ни отъ бѣльскаго протопопа и ни отъ кого либо другаго (441).

Еще несноснѣе было положеніе православныхъ въ холмской епархіи. Тамъ уніатскимъ епископомъ былъ съ 1630 г. Меѳодій Терлецкій, человѣкъ ученый, получившій образованіе въ вѣнскомъ университетѣ, но злой фанатикъ, въ родѣ Іоасафа Кунцевича. Когда королевскіе комисары прибыли въ Холмъ и объявили собравшимся жителямъ города, въ присутствіи самого епископа, чтобы уніаты отдѣлились отъ неунитовъ и стали особо, то православные оказались въ большинствѣ. Несмотря на это, Меѳодій не соглашался уступить имъ ниодной церкви въ Холмѣ, и когда комисары заняли силою церковь успенскую въ предмѣстіи города и передали ее православнымъ, то епископъ поспѣшилъ туда съ толпою своихъ священниковъ, шляхты и народа и отнялъ церковь у неунитовъ, рѣзко порицая комисаровъ. Православные рѣшились соорудить себѣ новую церковь на купленной ими площади, свезли строительные матеріалы и приступили къ работѣ: епископъ велѣлъ забрать весь этотъ матеріалъ къ своей соборной церкви, а площадь отдалъ на странноприимный домъ. Православные, естественно, оказали сопротивленіе, добивались воротить себѣ отнятое: Меѳодій обвинилъ ихъ, какъ бунтовщиковъ, и своими судебными преслѣдованіями довелъ до того, что несчастные принуждены были покориться ему и клятвенно отречься отъ схизмы за себя

(441) Вилен. Археогр. Сборн., II, №№ 104—109.

и за своихъ потомковъ. Тоже повторилось и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ: Красноставѣ, Парчовѣ, Островѣ, Тышовѣ, Грубешовкѣ, Сокалѣ, Люблинѣ, Брускѣ. Вездѣ комисары только силою могли отбирать отъ уніатовъ нѣкоторыя церкви и передавали неунитамъ, и вездѣ епископъ также силою отнималъ эти церкви у православныхъ. И какъ только послѣдніе, выведенные изъ терпѣнія, возставали, чтобы возвратить себѣ отнятое, онъ преслѣдовалъ ихъ судомъ, какъ возмутителей, а суды подвергали ихъ самымъ тяжкимъ приговорамъ: однихъ присуждали къ обезглавленію, другихъ къ сѣченію розгами у позорнаго столба, третьихъ къ отсѣченію рукъ, къ конфискаціи имуществъ и под. Несчастные, въ виду такихъ приговоровъ, невольно смирялись, просили прощенія у епископа, а онъ требовалъ отъ нихъ отреченія отъ православія и клятвеннаго обязательства быть уніатами, и прощалъ. Въ Бельзѣ комисары нашли въ 1636 году только пятнадцать уніатовъ, тогда какъ православныхъ увидѣли необозримое множество, и потому присудили послѣднимъ три церкви: пятницкую, николаевскую и свято-духовскую, которыя и передали подъ юридикцію луцкаго православнаго епископа Аѳанасія Пузины; уніатамъ же оставили двѣ церкви: троицкую и св. Климента. Король, утверждая это рѣшеніе, прибавилъ уніатамъ еще третью церковь—спасскую. Но епископъ Терлецкій былъ недоволенъ и этимъ, и до самой своей смерти велъ тяжбу съ православными Бельза, стараясь отнять у нихъ данныя имъ церкви ([442]).

Здѣсь же скажемъ еще объ одной епархіи, находившейся

([442]) *Гарашев.* Annal. eccl. Ruth., p. 323—328; Архив. юго-западн. Россіи, ч. II, т. I, стр. 254. 321; Supplem. ad Hist. Russ. Monum., №№ 70. 71.

во власти уніатовъ временно, именно о смоленской и черниговской. Извѣстно, что по договору 1618 года, заключенному въ деревнѣ Деулинѣ близъ троицко-сергіевой лавры, русскіе принуждены были уступить Польшѣ: Смоленскъ, Дорогобужъ, Рославль, Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ-сѣверскій, Трубчевскъ и другіе города, съ посадскими людьми и съ уѣздными пашенными крестьянами, кромѣ гостей и торговыхъ людей, которымъ отдавалось на волю, кто въ которую сторону захочетъ; а духовенство, воеводъ, приказныхъ и служилыхъ людей Польша обязывалась выпустить изъ тѣхъ городовъ въ московское государство со всѣмъ ихъ имѣніемъ. На мѣсто православнаго духовенства, которое должно было удалиться, польское правительство прислало сюда духовенство уніатское; православные монастыри отданы были настоятелямъ—уніатамъ; въ нѣкоторыхъ городахъ появились даже латинскіе монахи—доминикане и іезуиты. Около 1625 г. учреждена здѣсь уніатская архіепископія, подъ названіемъ смоленской и черниговской, и первымъ архіепископомъ въ нее назначенъ архимандритъ виленскаго троицкаго монастыря Левъ Кревза, извѣстный своею ученостію и ярою приверженностію къ уніи. При немъ положеніе православныхъ въ епархіи было невыносимое: потому что онъ не позволялъ имъ имѣть нигдѣ ниодной церкви. Для противодѣйствія ему, разумѣется, тайнаго и для подаванія этимъ православнымъ духовной помощи, митрополитъ Іовъ Борецкій и переименовалъ, какъ мы видѣли, перемышльскаго епископа Исаію Копинскаго въ архіепископа смоленскаго и черниговскаго. И онъ, проживая обыкновенно въ своихъ заднѣпровскихъ монастыряхъ, удобно могъ ставить священниковъ и совершать другія святительскія дѣйствія для православныхъ,

жившихъ отъ него неподалеку, въ сѣверскомъ и смоленскомъ краѣ. Вторымъ уніатскимъ архіепископомъ смоленскимъ и черниговскимъ былъ Андрей Квашнинъ-Золотой, заслужившій имя „гонителя“ православныхъ. До взятія Смоленска поляками въ 1613 г. онъ самъ былъ православнымъ, считался ученикомъ тамошняго православнаго святителя Сергія, и пользовался его особенною любовію. Но когда Смоленскъ перешелъ подъ власть Польши, и Сергія не стало, Квашнинъ-Золотой принялъ унію, и въ 1640 г., получая королевскую привиллегію на архіепископію, „далъ присягу, что ему учинить въ Смоленску, и въ Дорогобужѣ, и въ Черниговѣ, и въ Стародубѣ всѣхъ людей благочестивыя христіанскія вѣры въ уніи, а старую вѣру греческаго благочестія искоренить безъ остатку“. Онъ такъ же, какъ и его предмѣстникъ, не позволялъ православнымъ имѣть ниодной церкви, и когда нѣкоторые православные дворяне рѣшились построить себѣ церковь на собственномъ грунтѣ, архіепископъ сжегъ ее, а самихъ строителей преслѣдовалъ судебнымъ порядкомъ. И подобное продолжалось до тѣхъ поръ, пока Смоленскъ и прочіе города, уже во второй половинѣ XVII вѣка, не присоединились снова къ московской державѣ (443).

Такимъ образомъ уніатское духовенство оставалось вполнѣ вѣрнымъ той протестаціи, какую заявило на сеймѣ 1635 года. Оно добровольно не уступало и не дозволяло православнымъ ниодной церкви; оно силою отстаивало за собою тѣ церкви, которыя отдавали имъ королевскіе комисары; оно не отнимало

(443) *Соловьев.* Истор. Россіи, IX, 147. 155; *Гарашевич.* Annal. eccl. Ruth., p. 301. 315—316; Истор. Опис. черниг. епархіи, I, 34; III, 9. 43; VI, 25; VII, 13; Акт. Вилен. Коммис. I, № 17, стр. 57; А. Ю. и З. Р. III, № 243, стр. 303.

этихъ церквей назадъ только тамъ, гдѣ не въ силахъ было отнять. Частныя жалобы на всѣ такія нарушенія сеймовой конституціи, раздававшіяся повсюду, мало приносили пользы: мѣстные суды, большею частію, поддерживали сторону уніатовъ. Оставалось ходатайствовать на сеймахъ и предъ королемъ: православные такъ и поступали. Волынское дворянство въ каждой своей инструкціи посламъ, отправлявшимся на сеймы (1638—1646 г.), повторяло наказъ стараться, прежде всего, о томъ, чтобы сеймовая конституція 1635 года, утвердившая права православныхъ, дарованная королемъ Владиславомъ при его избраніи и коронаціи, была выполняема съ точностію; чтобы протестація уніатовъ, заявленная на томъ же сеймѣ, была уничтожена; чтобы притѣсненія православнымъ со стороны уніатскаго духовенства, особенно въ епархіяхъ владимірской, перемышльской, холмской, были прекращены, и православнымъ отданы были церкви въ Люблинѣ, Красноставѣ, Сокалѣ, Бѣльскѣ и другихъ мѣстахъ, назначенныя комисарами (444). Съ такими же ходатайствами ѣздило на сеймы и православное духовенство, начиная съ самого митрополита (445). Чего стоили эти поѣздки и эти ходатайства, можно видѣть изъ письма Могилы къ членамъ минскаго братства въ 1640 г. Здѣсь онъ говорилъ между прочимъ: „въ виду новыхъ гоненій на православную церковь, я приготовился ѣхать на сеймъ и готовъ отдать послѣднее мое здоровье на услугу вамъ, если вы меня поддержите. Не безъизвѣстно вамъ, сколько потрудился я на прежнихъ сеймахъ

(444) Архив. юго-западн. Россіи, ч. II, т. I, №№ 21—23. 25. 26.

(445) Сборн. матеріал. для историч. топографіи Кіева, отд. III, № 41, стр. 60; Руск. Истор. Библіот., IV, стр. 88.

для нуждъ церкви, и какъ издержался: всѣ сокровища моихъ предковъ, господарей, на то пошли, и у меня не осталось ничего изъ золота и серебра и драгоцѣнностей отцовскихъ; а монастырскія имѣнія всѣ истощены и опустошены во время недавнихъ войнъ и набѣговъ татарскихъ. Прошу васъ сдѣлать складчину и прислать мнѣ помощь въ Варшаву; безъ поддержки отъ васъ я, показавшись въ Варшавѣ, тотчасъ долженъ былъ бы воротиться назадъ, ничего не достигнувъ. Обѣщаю вамъ приложить всякое стараніе и докучать посламъ, чтобы они исходатайствовали всѣмъ намъ успокоеніе“ ([436]). И если не теперь, то на сеймѣ 1641 года усилія православныхъ дѣйствительно увѣнчались немаловажнымъ успѣхомъ. Принявъ во вниманіе, съ одной стороны, что для несостоящихъ въ уніи свобода богослуженія утверждена статьями, данными королемъ при его избраніи, и тѣмиже статьями и королевскими комисарами назначены и указаны, какъ уніатамъ, такъ и неунитамъ епископства, братства, церкви, а съ другой стороны, что эта свобода богослуженія нарушена отнятіемъ церквей у православныхъ уніатами, и спокойствіе между ними вновь нарушено начавшимися тяжбами, сеймъ 1641 года постановилъ: вопервыхъ, всѣ судныя дѣла, вновь начавшіяся между уніатами и неунитами, духовными и свѣтскими, равно и состоявшіяся уже судебныя опредѣленія по тѣмъ дѣламъ, штрафы и секвестры имѣютъ быть разсмотрѣны на слѣдующемъ сеймѣ и, по разслѣдованіи, подвергнуться новому рѣшенію; вовторыхъ, на будущее время, по всѣмъ дѣламъ уголовнымъ между уніатами и неунитами, тѣ и другіе должны относиться прямо на сеймъ,

([436]) Собр. Минск. грам., № 112.

гдѣ онъ будетъ назначенъ, а по дѣламъ духовнымъ, каковы объ отнятіи церквей, разслѣдованія должны производить мѣстные суды, и, не постановляя своего рѣшенія, отсылать эти дѣла въ реляціонный королевскій судъ, который и будетъ рѣшать ихъ окончательно на основаніи сеймовой конституціи 1635 года (447). Уніаты тотчасъ поняли, что новое постановленіе сейма направлено противъ нихъ; что они могутъ лишиться всего, что доселѣ отняли у православныхъ при покровительствѣ мѣстныхъ судовъ, и что впредь уже нельзя будетъ такъ дерзко обижать православныхъ и отнимать у нихъ церкви и монастыри, назначенныя имъ самимъ правительствомъ. И потому уніатскій митрополитъ Антоній Селява, а съ нимъ и нѣсколько латинскихъ бискуповъ и свѣтскихъ сенаторовъ, внесли въ сенатѣ свой протестъ противъ этого постановленія сейма (448).

Много потрудился Петръ Могила, чтобы улучшить внѣшнее положеніе западно-русской церкви посреди латинянъ и уніатовъ, и оно дѣйствительно улучшилось, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ православные имѣли своихъ архипастырей. Вмѣстѣ съ тѣмъ ревностный митрополитъ старался всѣми мѣрами улучшить и внутреннее состояніе ввѣренной ему церкви.

Мы видѣли, что еще прежде въ нѣкоторыхъ православныхъ братствахъ и монастыряхъ западной Россіи существовала особая должность „казнодѣевъ“, т. е. проповѣдниковъ, которые и возвѣщали слово Божіе съ церковной каѳедры. Такіе проповѣдники были въ братствахъ виленскомъ, львовскомъ, и

(447) Volum. Legum и Историч. Обозр. Уніи Бантышъ-Каменск., подъ 1641 годомъ.

(448) *Островск.* Dzieje... III, str. 238.

явились въ новыхъ братствахъ, луцкомъ, кременецкомъ и другихъ, судя по ихъ уставамъ. При Петрѣ Могилѣ находимъ проповѣдниковъ и въ Кіевѣ, въ кіево-печерской лаврѣ и въ кіево-братскомъ училищномъ монастырѣ. Изъ печерскихъ проповѣдниковъ извѣстенъ Тарасій Земка, хотя отъ него не сохранилось ниодной проповѣди; изъ братскихъ — ректоръ училища и настоятель братскаго монастыря, Игнатій Оксеновичъ-Старушичъ. Отъ послѣдняго дошло до насъ „казанье погребовое“ (Кіев. 1641 г.) на смерть князя Ильи Четвертинскаго, которое можно назвать и похвальнымъ словомъ: такъ какъ ораторъ восхваляетъ здѣсь сначала — древность рода умершаго князя, потомъ—его воинскіе подвиги, наконецъ—его христіанскія добродѣтели. Кромѣ того дошелъ до насъ цѣлый, рукописный, сборникъ поученій, произнесенныхъ въ Кіевѣ около 1641 года, вѣроятно кѣмъ либо изъ братскихъ училищныхъ проповѣдниковъ, можетъ быть, тѣмъ же самымъ Игнатіемъ Старушичемъ: такъ какъ составитель поученій ссылается не только на славянскія и польскія, но и на латинскія и греческія книги, приводитъ свидѣтельства изъ Скарги, изъ Баронія, изъ древнихъ церковныхъ писателей Прокопія и Созомена, даже изъ языческихъ—Сенеки и Плутарха и показываетъ свое знакомство не съ греческимъ только, но и съ еврейскимъ языкомъ. Въ сборникѣ этомъ содержатся поученія почти на всѣ воскресные и праздничные дни года, а на нѣкоторые дни даже по два и по три поученія. Авторъ беретъ темы изъ дневныхъ чтеній, евангельскихъ и апостольскихъ, и раскрываетъ истины, большею частію, только съ положительной стороны, но по мѣстамъ касается латинянъ и уніатовъ. Такъ, въ одномъ поученіи онъ доказываетъ, что должно поститься въ установлен-

ные посты, въ среды и пятки, а не въ субботы и воскресенья; въ другомъ (на день пятидесятницы) говоритъ объ исхожденіи Св. Духа отъ единаго Отца; въ третьемъ припоминаетъ о двухъ владыкахъ, которые, стараясь сдѣлаться угодными королю и добыть себѣ мѣста въ его сенатѣ, самовольно отправились въ Римъ къ папѣ, никѣмъ не уполномоченные, и отъ лица всей Россіи въ царствѣ польскомъ приняли унію, тогда какъ русскимъ о томъ и во снѣ не снилось, и укоряетъ уніатовъ за то, что они ограбили православные церкви и монастыри и довели ихъ до запустѣнія ([449]). Очень естественно, если проповѣди православныхъ „казнодѣевъ“ были, на первыхъ порахъ, невысокаго достоинства,—вслѣдствіе чего, вѣроятно, и не издавались въ печати,—и если эти „казнодѣи“ подражали латино-польскимъ казнодѣямъ и пользовались ихъ печатными проповѣдями,—въ чемъ и упрекалъ православныхъ Мелетій Смотрицкій по отпаденіи своемъ въ унію. Подражательность была неизбѣжна: православныя училища были заведены по образцу латино-польскихъ и, при недавности своего учрежденія, еще не успѣли принести вполнѣ зрѣлыхъ плодовъ и приготовить самостоятельныхъ ученыхъ и ораторовъ. При всемъ томъ православные были довольны своими казнодѣями, хвалились ими, и ихъ проповѣди могли приносить свою долю пользы, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ произносились ([450]).

([449]) *Сахаров*. Обозр. славяно-русск. библіогр., №№ 264. 402; Опис. рукописей моск. синод. библ., № 246.

([450]) Смотрицкій въ своемъ „Екзегесисѣ“, отвѣчая слуцкому протопопу Андрею Мужиловскому, между прочимъ, писалъ: „ты говоришь о своихъ: развѣ нѣтъ у насъ мужей мудрыхъ и способныхъ? Знаю хорошо и безъ

Но такихъ мѣстъ было немного: только въ нѣкоторыхъ братствахъ и монастыряхъ. Во всѣхъ приходскихъ церквахъ, за исключеніемъ развѣ немногихъ городскихъ, священствовали люди мало образованные, которые не могли составлять собственныхъ поученій къ народу, да и сами нуждались въ постоянномъ наученіи и руководствѣ. И вотъ въ 1637 году, благословеніемъ и повелѣніемъ митрополита Петра Могилы, въ кіевской лаврѣ напечатано было „Евангеліе учительное“ или собраніе поученій на всѣ недѣли и праздники года — святѣйшаго патріарха константинопольскаго Каллиста. Это Евангеліе, употреблявшееся у насъ въ славянскомъ переводѣ издавна, переложено было съ греческаго и славянскаго языковъ на народный западно-русскій языкъ иноками виленскаго святодуховскаго братства, и напечатано ими въ 1616 году. Теперь Петръ Могила издалъ это Евангеліе на общепонятномъ для народа языкѣ вновь, и приложилъ отъ себя къ новому изданію предисловіе, въ которомъ, обращаясь къ священникамъ, убѣждалъ ихъ, чтобы они, какъ можно, чаще читали это учи-

---

твоей, антидотистъ, похвальбы, что у васъ мудрыхъ людей и ученыхъ даже съ излишкомъ; только при ихъ заботливости, знаніяхъ и мудрости, народъ вашъ такъ тученъ отъ хлѣба слова Божія, что едва въ силахъ пошевелиться для спасенія души своей. О, несчастный мудрый наставникъ! Гдѣ же слѣды вашей мудрости, чѣмъ хвалишься, кѣмъ превозносишься? То-то мудрые твои проповѣдники народили тебѣ еретическихъ заблужденій! Еслибъ не латинскіе сборники проповѣдей, то не спѣшилъ бы ты на каѳедру, ораторъ, и не имѣлъ бы, чѣмъ разудивить всѣхъ, софистъ. Цѣлуй Бессія, который научаетъ тебя проповѣдывать съ каѳедры: мнѣ хорошо извѣстно, что безъ него скрипѣли бы твои колеса, какъ у возницы безъ мази; а ты все-таки мудрецъ, да и твои всѣ. Одинъ на каѳедру съ Оссоріемъ, другой съ Фабриціемъ, третій съ Скаргою, а иные и съ другими проповѣдниками римской церкви, безъ которыхъ вы ни шагу... Въ цѣлой русской, такой обширной, землѣ вы не имѣете и трехъ ученыхъ, а между тѣмъ хвалитесь, что ихъ тысячи“...

тельное Евангеліе, и сами поучались изъ него, и поучали народъ истинамъ вѣры и спасенія ([451]).

Позаботился также Петръ Могила дать назидательное чтеніе и для всѣхъ вообще православныхъ. По его волѣ и приказанію составлены и напечатаны были въ Кіевѣ двѣ книги о св. угодникахъ кіево-печерскихъ. Оба сочиненія написаны на польскомъ языкѣ, вѣроятно, потому что, при составленіи ихъ, имѣлись въ виду не одни православные края, для которыхъ, впрочемъ, польскій языкъ былъ совершенно понятенъ, но и латиняне и уніаты, которые любили хвалиться, что только въ ихъ церкви есть святые и совершаются чудеса, а у православныхъ нѣтъ ни того, ни другаго, и отвергали нетлѣніе мощей, покоящихся въ кіевскихъ пещерахъ. Первую книгу, подъ заглавіемъ: „Патерикъ печерскій, или житія св. отцевъ печерскихъ“, составилъ и напечаталъ въ 1635 г. Сильвестръ Коссовъ, бывшій до того времени профессоромъ въ кіево-могилянскомъ училищѣ. При начертаніи этихъ житій онъ пользовался свѣдѣніями изъ славянскаго печерскаго патерика, существовавшаго въ рукописяхъ, изъ древней русской лѣтописи и нѣкоторыхъ другихъ источниковъ, и старался, хотя кратко, указать какъ подвиги, такъ и чудеса каждаго угодника Божія, а по мѣстамъ присовокуплялъ къ житіямъ отъ себя историческія примѣчанія, заимствованныя изъ Баронія, Длугоша, Стрыйковскаго и иныхъ иноземныхъ писателей. Кромѣ того Коссовъ помѣстилъ въ началѣ своего Патерика статью о пяти крещеніяхъ Руси, а въ концѣ — хронологію православныхъ митрополитовъ русскихъ отъ принятія Русью крещенія до

([451]) *Сахаров.* Обозр. слав.-русск. библіогр., № 349; снес. № 162.

Петра Могилы. Обѣ статьи помѣщены съ цѣлію показать какъ православнымъ, такъ и уніатамъ съ латинянами, что, вопреки мнѣнію послѣднихъ, русскіе приняли св. вѣру съ православнаго востока, а не отъ папы, и русскіе митрополиты всегда находились въ подчиненіи константинопольскому патріарху (452). Другая книга, по благословенію Могилы, составлена монахомъ кіево-печерскаго монастыря Аѳанасіемъ Кальнофойскимъ, подъ заглавіемъ: „Терaтургима, или чудеса, совершившіяся какъ въ самомъ печерскомъ монастырѣ, такъ въ обѣихъ его пещерахъ“, и напечатана въ 1638 году. Достойно замѣчанія, что книга эта, какъ выражается самъ авторъ въ посвященіи ея князю Ильѣ Святополку-Четвертинскому, „поступила въ станокъ типографскаго художества послѣ добраго полированія въ могилянскомъ атенеѣ“, т. е. послѣ того уже, какъ была процензирована и тщательно исправлена въ могилянскомъ коллегіумѣ. Въ ней изложено много любопытныхъ, историческихъ и топографическихъ, свѣдѣній о лаврѣ и ея пещерахъ и описано до 64 чудесъ за послѣдніе 44 года (1594—1638), съ подробнымъ указаніемъ обстоятельствъ каждаго чуда. Такимъ образомъ Терaтургима Кальнофойскаго была какбы продолженіемъ и дополненіемъ Патерика Сильвестра Коссова (453). Можно упомянуть здѣсь еще о двухъ книгахъ такого же рода, изданныхъ тогда для назидательнаго чтенія. Разумѣемъ—а) Описаніе чудесъ отъ

---

(452) Patericon, abo żywoty s. s. oycow pieczarskich... w Kiiowie, w drukarni Lawry pieczarskiey, roku 1635.

(453) Τερατουργήμα, lubo cuda, które były tak w samym swiętocudotwornym Monastyru pieczarskim kiiowskim, iako y w obudwu s. pieczarach..., teraz pierwszy raz zebrane y swiatu podane przez W. oyca Athanasiusza Kalnofoyskiego... Z Drukarni kijowo-pieczarskiey roku 1638.

купятицкой иконы Божіей Матери, составленное на польскомъ языкѣ игуменомъ купятицкаго монастыря Иларіономъ Денисовичемъ и первоначально напечатанное Аѳанасіемъ Кальнофойскимъ въ его Тератургимѣ, и вслѣдъ затѣмъ умноженное и вновь отдѣльно напечатанное въ томъ же 1638 г. самимъ авторомъ въ тойже типографіи, и б) Сказаніе о житіи препод. Варлаама и Іоасафа, употреблявшееся у насъ прежде въ славянскомъ переводѣ, а теперь переложенное съ греческаго и славянскаго языковъ на народное литовско-русское нарѣчіе иноками кутеинскаго монастыря и напечатанное (1637 г.) въ ихъ типографіи ([454]).

Печатаніе церковныхъ книгъ продолжалось при Петрѣ Могилѣ во всѣхъ западно-русскихъ типографіяхъ. Во Львовѣ дѣйствовали три типографіи: типографія ставропигіальнаго братства; типографія Михаила Слѣзки, который сначала работалъ въ братской типографіи, а потомъ, по королевской граматѣ (отъ 30 дек. 1638) и по граматѣ митрополита Петра Могилы (отъ 19 іюля 1639 г.), завелъ свою типографію, и съ которымъ братство вело изъ-за этого весьма жаркую тяжбу, окончившуюся, впрочемъ, примиреніемъ,—и третья типографія новаго львовскаго епископа Арсенія Желборскаго, который, вскорѣ послѣ своего посвященія (1641 г.), открылъ ее при своей каѳедральной церкви св. Георгія. Во всѣхъ этихъ львовскихъ типографіяхъ напечатано тогда до 25 церковныхъ книгъ. Иноки виленскаго свято-духова монастыря трудились разомъ

([454]) Parergon... cudow... obraza... Bogorodice w monastyru Kupiatickim (Русск. Истор. Библіот. IV, примѣч. стр. 2); *Сахаров.* Обозр. библіогр., № 345.

въ двухъ своихъ типографіяхъ, въ Вильнѣ и Евьѣ, и напечатали до 15 книгъ. Въ Кіевѣ была теперь только одна—кіево-печерская типографія, и въ ней напечатано до 12 книгъ. Въ кутеинскомъ монастырѣ, гдѣ съ 1630 года дѣйствовала типографія Спиридона Соболя, перенесенная сюда изъ Кіева, а потомъ основана собственная типографія, напечатано шесть книгъ. Въ Буйничахъ, имѣніи основателя кутеинскаго монастыря пана Богдана Стеткевича, подкоморія мстиславскаго, куда ок. 1635 г. перенесена была типографія Соболя, напечатана одна книга. Въ Могилевѣ, куда изъ Буйничъ перенесена была въ 1637 г. таже типографія Соболя, напечатаны двѣ книги. Въ Луцкѣ, въ типографіи луцкаго братскаго монастыря, напечатана одна книга ([455]). Петръ Могила обращалъ строгое вниманіе на печатаніе церковныхъ книгъ. Въ лаврской типографіи всѣ книги печатались только его „благословеніемъ и повелѣніемъ“; при нѣкоторыхъ онъ помѣщалъ отъ своего лица предисловіе къ читателямъ или посвященіе книги кому либо изъ знатныхъ особъ, а двѣ книги, Тріодь цвѣтная и Служебникъ, изданы даже его „благословеніемъ и исправленіемъ“ или „тщаніемъ“, т. е. были предварительно имъ самимъ исправлены. Тріодь цвѣтная была имъ „отъ греческаго изслѣдована“ и издана еще въ 1631 г., когда онъ былъ кіево-печерскимъ архимандритомъ, а впослѣдствіи (1642 г.), „за его благословеніемъ и повелѣніемъ“, была напечатана вновь въ этомъ исправленномъ видѣ

([455]) О книгахъ, печатанныхъ въ означенныхъ типографіяхъ съ 1631 по 1648 годъ, см. въ Обозр. славяно-русск. библ. *Сахарова*. О типографіи Мих. Слёзки и о тяжбѣ съ нимъ львовскаго братства—у *Зубрицк.* Лѣтоп. львов. братства, подъ 1638—1643 годами. Грамата П. Могилы Слёзкѣ напечатана въ Кіев. Епарх. Вѣдом. 1873, № 22, стр. 650.

Михаиломъ Слёзкою. Служебникъ былъ дважды изданъ самимъ Могилою въ 1629 г., когда, по исправленіи книги, Могила представлялъ ее, какъ мы видѣли, на разсмотрѣніе собора архипастырей, и въ 1639 г., когда вновь пересмотрѣлъ ее и сличилъ „съ текстомъ правдиваго грецкаго и старожитныхъ (западно-) русскихъ и московскихъ служебниковъ“. Въ этомъ изданіи своего служебника Могила сдѣлалъ дополненія: помѣстилъ, въ концѣ, вновь составленныя эктеніи и молитвы на 27 различныхъ случаевъ примѣнительно къ обстоятельствамъ своей церкви (какъ то: объ обращеніи заблудшихъ отъ истины, объ искорененіи ересей и схизмъ, о разграбляющихъ церковныя имѣнія и озлобляющихъ служителей церковныхъ и под.) съ тѣмъ, чтобы, когда понадобится, эти эктеніи и молитвы присовокуплялись къ эктеніямъ, начальной и сугубой, и молитвамъ во время совершенія литургіи ([456]). Требовалъ такъ же Могила, чтобы и въ другихъ типографіяхъ церковныя книги печатались только съ его дозволенія и благословенія, для чего учредилъ въ Кіевѣ что-то въ родѣ цензурнаго комитета изъ пресвитеровъ ([457]). И это исполнялось, напримѣръ, въ львовскихъ типографіяхъ, но не всегда. Потому онъ счелъ нужнымъ въ 1637 г. напомнить львовскому братству: „мы требуемъ, чтобы братія, безъ нашего архіерейскаго благословенія, не осмѣливались печатать никакихъ книгъ въ львовской

([456]) *Сахаров.* Обозр. библіогр., №№ 260. 278. 375. 392. 421. 425. 434.

([457]) Въ граматѣ, данной типографу Слёзкѣ, Могила писалъ: „а книги, которыя бы презъ друкъ на свѣтъ не вышли, албо не добре исправлены выданы были, теды для корректуры и совершенной аппробаціи до презвитеріумъ нашего кіевского, подъ послушенствомъ святѣйшаго патріарха константинопольскаго будучого, маетъ и повиненъ будетъ, помененный панъ Сліозка прислати экземпляръ для прочитания“ (см. выше, примѣч. 455).

братской типографіи, подъ опасеніемъ нашего неблагословенія“ ([458]). Когда же и послѣ этого нашлись во Львовѣ люди, которые дерзнули издавать, безъ вѣдома, дозволенія и благословенія митрополита, церковныя книги, наполненныя погрѣшностями, и издали такимъ образомъ именно Служебникъ, то Могила, какъ самъ свидѣтельствуетъ въ предисловіи къ своему Служебнику 1639 года, разослалъ граматы къ своей паствѣ, въ которыхъ изрекалъ „неблагословеніе“ на всѣхъ, кто осмѣлился бы покупать Служебники львовскаго изданія и совершать по нимъ литургію ([459]). Подчинялись ли требованіямъ Могилы о цензурѣ издатели книгъ въ прочихъ типографіяхъ, виленской, евейской, кутеинской и др., неизвѣстно; но на книгахъ, вышедшихъ тогда изъ этихъ типографій, ни на одной не помѣчено въ заглавіи, что она напечатана за благословеніемъ митрополита Петра Могилы ([460]). Должно, впрочемъ, сказать, что не въ кіевской только, а и въ другихъ типографіяхъ книги издавались иногда послѣ сличенія ихъ съ греческимъ текстомъ и исправленія. Такъ изданы были: Октоихъ (1639 г.) и Анѳологіонъ (1643 г.) братіею львовскаго брат-

---

([458]) Съ благословенія Могилы во Львовѣ напечатаны: Евангеліе 1636 г., Служебникъ 1637 г., Анфологіонъ 1638 г., Апостолъ 1639 г., Октоихъ 1639 г., Тріодъ цвѣтная 1642 г. (*Сахаров.* тамъ же №№ 333. 346. 357. 376. 378. 421). Напоминаніе братству о цензурѣ Могила изложилъ въ своей граматѣ къ нему (Памятн. Кіев. Коммис. III, отд. I, стр. 87).

([459]) *Сахаров.* тамъ же № 375; *Строев.* Опис. старопеч. книг. Толстова, № 93. Служебникъ львовскаго изданія, запрещенный Могилою, вѣроятно, не дошелъ до насъ; а Служебникъ, изданный львовскимъ братствомъ въ 1637 г., какъ значится въ самомъ заглавіи его, напечатанъ съ благословенія Могилы (*Сахаров.* № 316).

([460]) *Сахаров.* №№ 288. 319. 320. 362. 365. 376. 388. 403. 404 и др.

ства, Полууставъ (1637 г.) и Діоптра (1642 г.) иноками виленскаго свято-духова монастыря ([461]).

Прилагая свои усилія къ тому, чтобы церковно-богослужебныя книги издавались для православныхъ безъ погрѣшностей и въ возможно-исправленномъ видѣ, Петръ Могила пожелалъ дать православнымъ и такую книгу, изъ которой они могли бы узнать подробно, какъ учитъ ихъ церковь объ истинахъ вѣры и нравственности, и чѣмъ отличается ея ученіе отъ ученія другихъ христіанскихъ церквей и обществъ. Доселѣ православные, на востокѣ и въ Россіи, пользовались для этого древними исповѣданіями и изложеніями вѣры, направленными противъ древнихъ ересей, а вмѣстѣ и тѣми вѣроизложеніями, которыя написаны были по отпаденіи римской церкви отъ православной каѳолической, и направлены противъ латинскихъ заблужденій. Но съ XVI вѣка, когда на западѣ появилась реформація, вскорѣ раздѣлившаяся на секты, когда послѣдователи ея или протестанты начали жаркіе споры и съ латинянами, и между собою, и съ православными, проникая въ разныя страны міра, когда возникли новые догматическіе вопросы и заблужденія, и какъ протестанты, такъ и латиняне признали нужнымъ составить подробныя изложенія своего ученія съ его отличительными чертами, т. е. катихизисы, прежнія изложенія вѣры православныхъ оказывались уже недостаточными: въ нихъ нельзя было находить прямыхъ отвѣтовъ на новые вопросы и противъ новыхъ заблужденій. И неудивительно, если, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, Стефанъ Зи-

([461]) *Сахаров.* №№ 352. 378. 418. 434; *Строев.* Опис. старопеч. книгъ гр. Толстова, №№ 91, 100.

заній и другіе западно-русскіе писатели по нѣкоторымъ вопросамъ, не имѣя положительнаго руководства своей церкви, ошибались и разногласили между собою, а латиняне и уніаты укоряли православныхъ, что они не въ состояніи дать отчета въ своихъ вѣрованіяхъ и уклоняются въ разныя протестантскія заблужденія и ереси. Все это заставляло православныхъ чувствовать нужду въ такомъ же подробномъ изложеніи своей вѣры, какое имѣли уже у себя ихъ противники латиняне и протестанты. Смотрицкій вызвался-было удовлетворить этой нуждѣ; но, вмѣсто православнаго, составилъ катихизисъ латинскій, разсчитывая черезъ него увлекать неопытныхъ изъ православія въ унію, которою самъ увлекся, а кромѣ того старался распространить молву, что на востокѣ, куда онъ путешествовалъ, православіе совсѣмъ искажено, что самъ патріархъ цареградскій Кириллъ Лукарисъ впалъ въ ересь калвинскую, позволяетъ проповѣдывать ее въ своихъ церквахъ и даже написалъ совершенно калвинскій катихизисъ. Къ сожалѣнію, въ 1629 г., какбы въ подтвержденіе словъ Смотрицкаго, издано было въ Женевѣ врагами Кирилла Лукариса подъ его именемъ „Восточное Исповѣданіе православной вѣры“ на латинскомъ языкѣ, содержащее въ себѣ 18 главъ и кромѣ того четыре вопроса съ четырьмя на нихъ отвѣтами, дѣйствительно не православное, а калвинское. Православные смутились. Предстоятели западно-русской церкви отправляли въ слѣдующемъ году своихъ пословъ къ іерусалимскому патріарху Ѳеофану, находившемуся тогда въ Яссахъ, спросить его, точно ли изданное подъ именемъ Лукариса исповѣданіе принадлежитъ ему, и хотя Ѳеофанъ успокоилъ ихъ своимъ отрицательнымъ отвѣтомъ, назвавъ исповѣданіе то подложнымъ, но успокоилъ не надолго.

Въ началѣ 1632 г. оно явилось, подъ именемъ Кирилла Лукариса, въ самомъ Константинополѣ, а въ 1633 г. вторично издано въ Женевѣ и уже на греческомъ языкѣ. Православные не переставали смущаться и волноваться, слыша отъ враговъ постоянные укоры въ кальвинизмѣ. Новый цареградскій патріархъ Кириллъ Беррійскій, преемникъ и врагъ Лукариса, хотя осудилъ соборне (въ 1638 г.) изданное подъ именемъ Лукариса исповѣданіе вѣры, но осудилъ вмѣстѣ и самого Лукариса, какъ еретика,—что̀ еще болѣе смутило и огорчило православныхъ ([462]). Наконецъ, преемникъ Кирилла Беррійскаго патріархъ Парѳеній въ маѣ 1640 года вновь разсмотрѣлъ на соборѣ тоже самое исповѣданіе, и отцы собора нашли, что всѣ 18 главъ исповѣданія, кромѣ седьмой, равно и приложенные къ нимъ четыре вопроса съ отвѣтами, исполнены кальвинскаго еретичества, указали кратко ересь въ каждой главѣ, и опредѣленіемъ своимъ отвергли всѣ эти главы и вопросы съ отвѣтами, какъ неправославные, а кальвинскіе, объявили составителя ихъ, не называя его по имени, чуждымъ православной вѣры и обольстителемъ, а всѣхъ, кто сталъ бы держаться ученія, изложеннаго въ этихъ главахъ, и называть его православнымъ, отлучили отъ церкви. Все это изложено въ соборной граматѣ, подъ которою подписались не только патріархъ съ присутствовавшими на соборѣ греческими іерархами и другими лицами, но и митрополитъ молдо-влахійскій Варлаамъ съ своими епископами и митрополитъ кіевскій Петръ Могила съ своими, и которая въ декабрѣ 1641 г. на греческомъ языкѣ

([462]) Μελετίου Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία, III, 447; *Pichler*, Der patriarch Cyrillus Lucaris und seine zeit, s. 183. 186—189, München 1862; *Allatii* De eccles. occident. et orient. perpetua cons., p. 1061.

издана была молдавскимъ господаремъ въ Яссахъ, и вскорѣ за тѣмъ переведена, по приказанію Петра Могилы, на польскій языкъ и издана въ Кіевѣ, и на двухъ языкахъ, греческомъ и латинскомъ, напечатана въ Парижѣ ([463]). Но недостаточно было только осудить предъ лицемъ всего христіанскаго міра и отвергнуть ложное исповѣданіе вѣры, выдававшееся за исповѣданіе восточной православной церкви, а необходимо было еще дать православнымъ и указать самимъ иновѣрцамъ истинное ея исповѣданіе, подробно изложенное, изъ котораго какъ тѣ, такъ и другіе могли бы съ точностію знать, чему же и какъ она учитъ. Такое-то православное исповѣданіе вѣры св. каѳолической восточной церкви и рѣшился начертать кіевскій архипастырь Петръ Могила. Когда онъ приступилъ къ этому дѣлу, и сколько времени продолжалось оно, неизвѣстно; но только къ 1640 г. катихизисъ былъ уже готовъ, и Петръ Могила счелъ необходимымъ подвергнуть его разсмотрѣнію собора.

([463]) Списокъ этой соборной граматы, въ славянскомъ переводѣ, съ яснымъ обозначеніемъ, что она составлена „въ лѣто отъ Р. Х. 1640, мѣсяца мая, индикта 1“, есть въ рукописномъ непереплетенномъ Сборникѣ Моск. Синод. библіотеки, значущемся подъ буквою А, № 1, л. 2—5. Въ Яссы и Кіевъ, для прочтенія и подписанія, грамата была прислана. Петръ Могила подписался подъ нею такъ: «Соборному сему посланію святѣйшаго отца и пастыря нашего, патріархи К—пол., во всемъ съгласуа и соизволяа, именемъ моимъ и всея церкве православно-каѳолическіа, въ малой Россіи о Христѣ сущіа, азъ смиренный Петръ Могила, Б. М., А—Е., Мтр.—политъ К. Г. и всеа Россіи, Екз. С. Ѳрон. К. П., Арх.—М. печарскій, подписую рукою власною». Вслѣдъ за Могилою подписались епископы: луцкій Аѳанасій Пузина, львовскій Арсеній Желиборскій, перемышльскій Сильвестръ Гулевичъ и мстиславскій Сильвестръ Коссовъ. Объ упомянутыхъ изданіяхъ этой граматы свидѣтельствуетъ Петръ Могила въ „Лиѳосѣ“ (Рукоп. Моск. Д. Акад. № 83, л. 266. Рукопись содержитъ славянскій переводъ книги «Лиѳосъ»). И не къ кіевскому собору 1640 года, а къ этой соборной граматѣ относятся слова и изъ ней заимствована 17-я глава объ евхаристіи, приведенныя въ Описаніи рукописей Моск. Синод. библіот. (№ 195) отд. II, ч. 2, стр. 595—596.

Соборы епархіальные были обыкновенны въ кіевской митрополіи. Каждый епископъ однажды въ годъ созывалъ духовенство своей епархіи для разсужденій объ ея нуждахъ. Мы видѣли такіе соборы въ епархіяхъ могилевской, луцкой и львовской. Созывалъ у себя въ Кіевѣ епархіальные соборы и Петръ Могила (464). Но теперь онъ пожелалъ созвать въ Кіевѣ соборъ изъ представителей всей своей митрополіи. Въ своей пригласительной граматѣ (отъ 24 іюня 1640 г.), которую разослалъ Могила ко всему духовенству и братствамъ, онъ довольно подробно объяснилъ, почему и для чего созывался этотъ соборъ. „Немало прошло времени, — писалъ архипастырь,— какъ вся православная церковь русская, будучи подвержена сильному гоненію отъ отступниковъ, поставлена въ невозможность отдалить отъ себя хищныхъ волковъ, чтобы православные и послушные сыны восточной церкви не имѣли никакого съ ними обращенія по дѣламъ вѣры. Отъ того многіе православные, одни по невѣдѣнію, другіе отъ частаго присутствія при ихъ поученіяхъ и богослуженіи, чрезвычайно исказили себя, такъ что трудно распознать, подлинно ли они православные, или только по имени; а иные, не только свѣтскіе, но и духовные, совсѣмъ отставши отъ православія (о, сжалься надъ симъ Боже!), пристали къ разнымъ богомерзскимъ сектамъ. Отъ того санъ духовный и монашескій пришелъ въ нестроеніе; и на-

---

(464) Въ граматѣ своей отъ 2-го апр. 1640 г. къ минскому братству Могила, между прочимъ, говорилъ: «не вѣдаючи о сеймѣ, розеслалъ универсалы, взываючи *на Сынодъ мой діоцезіальный* на день св. великомученика Георгія; еднакъ скоро мя зошла вѣсть о сеймѣ, заразъ тутъ до близшихъ откладаючи на день св. Іоанна, универсалы другіе выдалемъ» (Собр. Минск. грам. № 112, стр. 226).

стоятели, предавшись нерадѣнію, не только не заботятся нимало о порядкѣ, но и во всемъ далеко отдалились отъ древнихъ отцевъ. Такимъ же образомъ и въ братствахъ, отвергши ревность своихъ предковъ и поправши нравы, каждый хочетъ своего и дѣлаетъ по своему. Словомъ: вся наша церковь русская—не въ догматахъ вѣры, (которые содержатся нерушимо), но въ обычаяхъ, относящихся къ молитвѣ и благочестивой жизни,—весьма повреждена. Взирая на это смущеннымъ окомъ и съ скорбнымъ сердцемъ, мы всегда заботились, какъ бы то могло быть исправлено и доведено до обычаевъ древнихъ предковъ нашихъ, при которыхъ благочестіе возсіяло. Особенно же со времени архіерейства нашего, чрезъ которое всемогущій Богъ поставилъ насъ первенствующимъ пастыремъ въ церкви русской, нѣтъ для насъ ничего милѣе, какъ видѣть въ нашихъ духовныхъ овцахъ, при вѣрѣ православной, и пламенное усердіе къ молитвѣ, и жизнь христіанскую. А этого, по нашему разумѣнію, не иначе достигнуть можно, какъ только чрезъ соборъ, на который, прибывши, какъ наши сослужители архіереи, такъ и другіе честные духовные отцы, достаточно просвѣщенные въ догматахъ вѣры и испытанные въ благочестивой жизни, усердно, съ призваніемъ Духа Святаго, совѣщались бы и приложили трудъ и стараніе о томъ, чтобы вся церковь наша русская во всемъ вышесказанномъ могла быть достойно исправлена и доведена до своего древняго благолѣпія. Объ этомъ многократно и самъ я и многіе изъ свѣтскихъ и духовныхъ съ нами имѣли разсужденіе, и искренно желали, чтобы мы, когда нибудь взаимно снесшись между собою, посовѣщались и изыскали удобнѣйшій способъ къ сохраненію благочестія и исправленію поврежденныхъ обычаевъ, къ просвѣщенію духовному и ко всякому церковному

благоустройству. Но душевный врагъ, завистникъ добра, во все время полагалъ тому препятствія, о чемъ хорошо извѣстно всѣмъ вашимъ милостямъ. Теперь же, когда наступило великое гоненіе, по желанію многихъ, какъ духовныхъ такъ и свѣтскихъ лицъ, а болѣе побуждаясь нашею совѣстію, которая такого безпорядка долѣе терпѣть намъ не позволяетъ, также и для потребности весьма важной—мы, слѣдуя давнему обычаю церкви россійской, назначили соборъ въ богоспасаемомъ городѣ Кіевѣ, при нашей каѳедральной церкви св. Софіи, на день рождества пресв. Богородицы, въ нынѣшнемъ 1640 году. На этотъ соборъ мы зовемъ именемъ Господнимъ и просимъ какъ вашу честь духовныхъ, преимущество имѣющихъ и къ совѣщанію духовному способныхъ, такъ и ихъ милостей свѣтскихъ братій, ревнующихъ о благочестіи и свѣдущихъ въ правилахъ церковныхъ. А непослушнымъ напоминаемъ: пусть бы они, внявъ нашему пастырскому голосу и въ назначенное мѣсто своевременно прибывши, порадѣли, прежде всего, о томъ, чтобы согласіе вѣры православной всѣ одинаково разумѣли и сохраняли; потомъ, чтобы санъ духовный оставался въ своемъ порядкѣ; а братства свѣтскія, пребывая неколебимо при своихъ правахъ и вольностяхъ и во святомъ благочестіи и, вѣдая одни о нуждахъ и преслѣдованіи другихъ, служили взаимно другъ другу совѣтомъ и помощію. Притомъ, настоятельно отъ васъ, духовныхъ и свѣтскихъ, требуемъ, чтобы, если окажется что нужнымъ какому братству, вы благоволили бы изъяснить то въ инструкціи своимъ уполномоченнымъ посламъ, для постановленія и опредѣленія соборнаго. И если милости ваши, все это отъ насъ пастыря своего признательно принявши, охотно пришлете съ тѣми пунктами къ назначенному

времени, то мы, по милости Божіей, имѣемъ неколебимую надежду, что православная церковь русская чрезъ сей соборъ достигнетъ прежняго своего благолѣпія и желаннаго устройства; а благочестіе среди страданій получитъ тогда облегченіе и помощь. Пространнѣе объ этомъ будетъ изложено нами прибывшимъ на соборъ; а нынѣ вашимъ милостямъ—наши молитвы и архіерейское благословеніе“ (465). Соборъ, на который приглашалъ кіевскій архипастырь, дѣйствительно состоялся. О составѣ этого собора находимъ слѣдующее краткое извѣстіе у одного почти современнаго писателя, бывшаго воспитанникомъ, а потомъ наставникомъ кіево-могилянскаго коллегіума: „въ 1640 г. преосвященный митрополитъ кіевскій, галицкій и всея Россіи, святой памяти Петръ Могила собралъ въ Кіевѣ синодъ, на которомъ находились послы отъ всѣхъ православныхъ епископовъ русскихъ: отъ Аѳанасія Пузины луцкаго, отъ Сильвестра Гулевича перемышльскаго, отъ Арсенія Желнборскаго львовскаго, отъ Сильвестра Коссова мстиславскаго, также изъ разныхъ монастырей и городовъ, русскихъ и литовскихъ, мудрые посланцы, а въ числѣ ихъ и мудрые отцы кіевскіе. На томъ синодѣ маршалкомъ (распорядителемъ) былъ Самуилъ Шицикъ, ученый архимандритъ слуцкій. Дѣлопроизводителями же (въ подлинникѣ: *писарями*) были отцы великой учености: Іосифъ Кононовичъ, ректоръ кіевскій, впослѣдствіи епископъ мстиславскій, и Иннокентій Гизель, ректоръ гойскій, нынѣ архимандритъ кіевопечерскій“ (466). А кромѣ того сохра-

---

(465) Напечатаны два списка этой граматы: къ братству минскому (Собр. Минск. грам., № 115) и къ братству луцкому (Памятн. Кіев. Коммис. I, отд. I, № 17).

(466) *Іоаннік. Голятовск.* Мессія правдивый, стр. 320—321, Кіевъ, 1669.

нилось современное описаніе самыхъ засѣданій собора, хотя не въ подлинномъ текстѣ, но въ польскомъ переводѣ Кассіана Саковича и съ его злобными примѣчаніями, предисловіемъ и заключеніемъ. Воспользуемся этимъ, въ высшей степени любопытнымъ, описаніемъ.

Соборъ начался, какъ было назначено, 8-го сентября въ кіево-софійской церкви и продолжался десять дней. Въ первый день, по окончаніи литургіи, среди церкви поставлены были сѣдалища. Митрополитъ занялъ мѣсто съ правой стороны. За нимъ сѣли, то на лѣвой, то на правой сторонѣ, послы отъ всѣхъ русскихъ епископовъ (которые почему-то сами лично не прибыли), и именно: Исаакій Борисковичъ, бывшій епископъ луцкій, сѣлъ на мѣстѣ Аѳанасія Пузины епископа луцкаго; Авраамій, бывшій епископъ пинскій, на мѣстѣ Арсенія Желнборскаго, епископа львовскаго; о. Панкратій Гридичъ—на мѣстѣ Сильвестра Гулевича, епископа перемышльскаго; о. Софроній Чижевскій—на мѣстѣ Сильвестра Коссова, епископа мстиславскаго. Подлѣ пословъ сѣли у праваго клироса о. Исаія Трофимовичъ Козловскій, игуменъ кіево-николаевскій, а у лѣваго слуцкій архимандритъ Самуилъ Шицикъ, а за ними, обычнымъ порядкомъ, расположились игумены, протопопы и попы. Митрополитъ произнесъ длинную рѣчь о надлежащемъ приготовленіи себя къ собору, а владыки выразили митрополиту благодарность за его пастырскую заботливость. Затѣмъ избрали маршалкомъ собора архимандрита Самуила Шицика, который, занявъ свое мѣсто, предложилъ всему собранію держатьсебя трезвенно и помнить часы, назначен ные для соборныхъ засѣданій.

На вторый день, 9-го сентября, послѣ ранней литургіи,

о. Оксеновичъ, ректоръ кіевскихъ школъ, говорилъ проповѣдь, въ которой обозрѣлъ всѣ соборы разныхъ вѣковъ, при комъ и для чего они созывались, и что на нихъ было постановлено, и указалъ на настоятельную потребность собора состоявшагося теперь. Потомъ маршалокъ объявилъ, что обстоятельнѣе о причинѣ этого собора имѣетъ сказать о. Исаія, игуменъ никольскій, и пригласилъ внимательно его послушать. Рѣчь Исаіи была слѣдующая: „Святый, избранный, богоносный соборъ! Въ церкви нашей русской употребляются славянскія книги, которыя немногіе русскіе священники понимаютъ,—что видя, противники и еретики понапечатали книгъ на польскомъ языкѣ, легкомъ для пониманія, и ложно выдали ихъ за православныя церковныя, между тѣмъ какъ въ нихъ много еретическихъ заблужденій. Кто доставалъ такія книги и читалъ ихъ, тотъ и самъ по нимъ вѣрилъ и другихъ научалъ вѣрить, вслѣдствіе чего многіе христіане отпали отъ нашей вѣры въ различныя ереси, и нынѣ утѣсняютъ, насилуютъ и смущаютъ церковь. Въ виду этого о. митрополитъ, желая успокоить ее и привести къ первоначальной правотѣ, написалъ Катихизисъ съ великою осторожностію и тщательнымъ изслѣдованіемъ церковныхъ писаній, и статьи этого катихизиса вноситъ и полагаетъ предъ вами, преосвященный соборъ! Первая статья о символѣ вѣры, чтобы всѣ православные одинаково вѣрили и исповѣдывали“. Тотчасъ за рѣчью началось на соборѣ чтеніе катихизиса, а потомъ слушали объясненія пословъ, прибывшихъ на соборъ, до самаго вечера.

На третій день, 10-го сентября, собирались дважды: рано утромъ и послѣ обѣда. Въ раннемъ засѣданіи сначала слушали каноны, какъ крестить, какъ совершать святѣйшую

жертву, какіе употреблять сосуды,—серебряные, оловянные, а не иные,—и о томъ, чтобы при вѣнчаніи быть осторожнѣе. Потомъ обратились къ чтенію катихизиса: о душахъ праведныхъ, что онѣ хотя находятся на небѣ, въ руцѣ Божіей и въ блаженствѣ, но еще неполномъ, и о частномъ судѣ для каждаго тотчасъ по смерти. Тогда же запрещено нюханіе табаку. Въ послѣобѣденномъ засѣданіи читались правила: неученаго въ попы не посвящать; попу, не знающему правилъ, не исповѣдывать, а двоеженца-попа не допускать къ совершенію церковныхъ службъ, подъ страхомъ вѣчнаго осужденія. Затѣмъ митрополитъ внесъ жалобу на львовское успенское братство, печатавшее, несмотря на его запрещеніе, книги: Евангелія, Служебники и проч., и заказалъ подъ клятвою, чтобы никто не смѣлъ покупать тѣхъ книгъ.

На четвертый день, 11-го сентября, въ утреннее засѣданіе былъ разговоръ съ о. Исаакіемъ касательно душъ праведныхъ, гдѣ онѣ находятся. О. Исаакій доказывалъ, что онѣ—въ раю земномъ, а митрополитъ, что—на небѣ. Послѣ долгаго спора рѣшили послать аппелляцію о томъ константинопольскому патріарху. Потомъ была рѣчь о душѣ человѣческой, откуда она дается, отъ родителей ли, или творится Богомъ. Рѣшили: человѣкъ зачинается отъ материнаго плода безъ души, какъ и Адамъ созданъ былъ Богомъ безъ души, и потомъ уже Богъ вложилъ въ него безсмертный духъ; а послѣ того, какъ дастъ Богъ человѣку душу, она живетъ въ сердцѣ и головѣ. Затѣмъ разсуждали о душахъ грѣшныхъ, гдѣ онѣ находятся по смерти, и рѣшили: души грѣшныхъ задерживаются до послѣдняго суда на воздухѣ въ чистилищѣ; ибо, говорятъ, душа грѣшила вмѣстѣ съ тѣломъ, съ нимъ должна терпѣть и муку. Нако-

нецъ, постановили, чтобы жидовка у христіанки, и христіанка у жидовки дѣтей, при рожденіи, не принимали. Въ послѣобѣденномъ засѣданіи избрали четырехъ депутатовъ въ консисторію для слушанія дѣлъ о неурядицахъ и ссорахъ между попами, при чемъ судъ и вызовы на судъ должны происходить безплатно, и только послѣ суда виновный обязанъ платить пошлину. Потомъ читались правила о крещеніи и доложено, что въ крайней нуждѣ можетъ крестить и баба, а какъ крестить, бабы должны поучиться у поповъ. Говорили еще: объ елеѣ, которымъ помазуютъ на всенощной, что остатокъ его долженъ быть съѣденъ, а не сохраняемъ, какъ случалось прежде, для другихъ всенощныхъ; объ елеѣ, употребляемомъ при елеосвященіи, что остатокъ его долженъ быть сожженъ, и о томъ, сколько должно быть поповъ для совершенія этого таинства; объ исповѣди и разрѣшеніи больныхъ и преступниковъ, какъ разрѣшать ихъ; какъ, по правиламъ, проводить нарочитые и обыкновенные праздники. Постановили: крестный ходъ кругомъ церкви долженъ совершаться на-вспять, т. е. противъ солнца, какъ и въ алтарѣ; въ процессіяхъ на похоронахъ попы должны идти предъ тѣломъ, а не за тѣломъ.

На пятый день, 12 сентября, въ утреннемъ собраніи читали катихизисъ, начиная отъ словъ: во „едину, святую, соборную и апостольскую церковь“, и что̀ значитъ: „въ церковь“, и далѣе о седми церковныхъ таинствахъ, — при чемъ была рѣчь о формѣ таинствъ, особенно же о формѣ евхаристіи — вслѣдствіе вопроса о. Панкратія: въ какое время и чрезъ какія слова совершается таинство евхаристіи. Послѣ долгаго спора рѣшили обратиться къ патріарху. Послѣ обѣда читали правила, чтобы русскія кухарки жидамъ не служили,

и чтобы Русь не покупала мяса у жидовъ, которые, обрѣзавъ и осквернивъ его, продаютъ христіанамъ.

На шестой день, 14 сентября (13 числа, которое случилось въ воскресенье, соборныхъ засѣданій не было), митрополитъ совершилъ, со всѣмъ духовенствомъ, заупокойную литургію о валашскихъ господаряхъ и о своихъ родственникахъ. А послѣ обѣда читали катихизисъ, начавши отъ словъ: „чаю воскресенія мертвыхъ“, и, окончивъ первую часть, прочли и всю слѣдующую часть объ „Отче нашъ“ и о девяти блаженствахъ. Затѣмъ читаны были права кіевскаго братства, и митрополитъ обратился къ собору съ просьбою, чтобы онъ позаботился на вѣчныя времена о кіевскихъ школахъ: такъ какъ все это, говорилъ онъ, устроено съ великими издержками и тяжкими трудами,—при чемъ митрополитъ напомнилъ, чтобы ректоръ кіевскихъ школъ служилъ съ палицею.

На седьмой день, 15 сентября, утромъ окончено было чтеніе катихизиса: въ частности, читали о вѣрѣ, любви и надеждѣ, потомъ объ установленныхъ и частныхъ постахъ, о воскресныхъ дняхъ и праздникахъ, въ которые если кто не будетъ своихъ слугъ или крестьянъ освобождать отъ работъ, то за это мірянъ отлучать отъ церкви, а священниковъ лишать священства и даже проклинать. Послѣ обѣда допрашивали, всѣ ли согласны, особенно изъ знатныхъ пословъ-игуменовъ, на слѣдующія три вещи: 1) на опредѣленіе 24 пресвитеровъ въ священическій судъ, чтобы они судили, какъ капитула; 2) чтобы о. Исаію, игумена никольскаго, признать докторомъ богословія, и 3) чтобы ректоръ кіевскихъ школъ служилъ съ палицею.

На осмый день, 16 сентября, утромъ окончено чтеніе пра-

вилъ, въ которыхъ нашли, чтобы на литургіи Златоуста и св. Василія не падали ницъ во время переноса св. даровъ, какъ предъ святѣйшимъ таинствомъ, а только на „вонмемъ, святая святымъ“ и на „со страхомъ Божіимъ“, т. е. при возношеніи св. даровъ. Снова подтверждено было: монахамъ и монахинямъ въ кумовство между собою не вступать; иновѣрца нельзя приглашать въ воспріемники, а только русскій у русскаго долженъ быть кумомъ при крещеніи. Разсуждали о елеосвященіи и постановили: для одного дважды или трижды въ день не освящать елея и не одинъ попъ долженъ освящать тотъ елей, а должны — семь поповъ, если же семи не найдется, то, по крайней мѣрѣ, три; одного и тогоже дважды не святить, а для каждаго раза другой. Касательно браковъ и свадьбъ положили: непремѣнно распрашивать, нѣтъ ли у жениха жены, или у невѣсты мужа, хотя бы въ чужой странѣ; въ такомъ случаѣ другой не брать и за другаго не выходить. Послѣ обѣда читано постановленіе, которымъ о. игумену никольскому предоставлялось быть пресвитеромъ и ревизоромъ надъ протопопами. Протопопы же обязывались понедѣльно служить у св. Софіи; а чтобы болѣе привлечь ихъ къ тому, имъ назначили за то по 15 грошей. Была рѣчь и о томъ, что назначить посламъ, отправляемымъ въ Царьградъ, и что патріарху, чтобы онъ просмотрѣлъ тѣ артикулы и подтвердилъ, что признаетъ нужнымъ.

На девятый день, 17-го сентября, соборъ разсуждалъ и постановилъ: чернецы, по уставу св. Василія, должны имѣть въ монастыряхъ общежитіе, а если того нельзя вполнѣ достигнуть, то, по крайности, трапеза у нихъ должна быть общая. Если чернецъ простой не будетъ оказывать послушанія старшему,

то не давать ему пищи и исключить изъ монастыря. Вѣнчать, крестить, кумиться чернецамъ не дозволяется. Старшіе въ монастырѣ носятъ одежду изъ иноземнаго сукна не дороже четырехъ злотыхъ, а другіе — кожухъ и сермягу. Шелковаго пояса никому не носить, а если у кого найдется такой, то оторать въ пользу монастыря. Братства, для сохраненія благочестія, имѣютъ быть независимыми отъ епископовъ. На будущее время въ монахи не постригать не бывшихъ на послушаніи въ никольскомъ монастырѣ.

На десятый день, 18 сентября, дочитаны каноны и постановлено: монастырей, ни большихъ, ни малыхъ, не основывать безъ благословенія епископовъ и безъ привиллегій. Въ которомъ монастырѣ не будетъ восьми человѣкъ братіи, а по крайности—шести съ послушниками, тамъ игумена не звать игуменомъ, а только старцемъ, и то подъ началомъ другаго, бо́льшаго, монастыря. Къ черницамъ, кромѣ духовника, никто не долженъ ходить. Чернецы и черницы да не дерзаютъ проживать по селеніямъ и городамъ, но только въ монастыряхъ, и черницы подъ началомъ какой либо извѣстной старицы. Когда умретъ братъ въ какомъ либо монастырѣ, тогда братія обязаны, по христіанскому долгу, отслужить по душѣ умершаго три литургіи, подъ страхомъ проклятія. Въ заключеніе разсуждали: съ чѣмъ отправить пословъ въ Царьградъ къ патріарху и что̀ послать патріарху за трудъ, дабы, по крайности, не съ пустыми руками къ нему явиться ([367]).

([367]) Описаніе Кіевскаго собора 1640-го года напечатано въ Русск. Истор. Библіот., IV, стр. 21—48. Что на этомъ соборѣ сдѣланы многія постановленія, о томъ свидѣтельствуютъ два уцѣлѣвшіе его канона, 26-й и 66-й, напеч. въ Требникѣ П. Могилы (см. далѣе примѣч. 488).

Нельзя не пожалѣть, что не дошли до насъ самые акты кіевскаго собора съ подробнымъ изложеніемъ происходившихъ на немъ разсужденій и постановленныхъ имъ рѣшеній. Но и краткое описаніе собора, нами представленное и содержащее лишь перечень его занятій, достаточно показываетъ, какъ важны были эти занятія. Соборъ, очевидно, стремился къ тому, чтобы исправить, по возможности, всѣ безпорядки, вкравшіеся въ западно-русскую церковь, и довести ее до прежняго благолѣпія,—для чего и былъ созванъ Могилою,—и потому коснулся всѣхъ сторонъ ея жизни, и ученія вѣры, и богослуженія, и управленія, въ частности далъ правила относительно таинствъ и обрядовъ, относительно бѣлаго духовенства, монастырей, братствъ и проч. Но самымъ первымъ и главнѣйшимъ предметомъ соборныхъ занятій было разсмотрѣніе Катихизиса: на этотъ предметъ, какбы на единственный, указалъ въ своей вступительной рѣчи о. Исаія Козловскій; этому предмету соборъ преимущественно посвятилъ шесть дней изъ десяти, въ которые происходили его засѣданія. Матеріалы для соборныхъ разсужденій и рѣшеній, большею частію, были подготовлены заблаговременно,—почему въ описаніи собора и повторяется такъ часто: „читали, слушали, продолжали чтеніе“... Кѣмъ подготовлены? Вѣроятно, не самимъ Могилою, а кѣмъ либо изъ кіевской ученой братіи, по его порученію: такъ, по свидѣтельству современника, Ѳедора Скуминовича, бывшаго прежде православнымъ игуменомъ, ректоромъ училищъ и членомъ митрополитанской консисторіи и уклонившагося тогда въ унію, монастырскій уставъ или правила для монаховъ, читанныя на кіевскомъ соборѣ 1640 года, написаны были, по порученію

Могилы, о. Исаіею Козловскимъ ([365]). Что же касается, въ частности, вопроса объ авторѣ катихизиса, читаннаго на соборѣ, то для рѣшенія этого вопроса есть въ описаніи собора два указанія. На вторый день соборныхъ засѣданій, прежде нежели началось чтеніе катихизиса, о. Исаія выразился въ своей рѣчи, что митрополитъ П. Могила, желая успокоить церковь и привести ее къ первоначальной правотѣ, написалъ катихизисъ, который и полагаетъ предъ соборомъ, хотя выраженіе: „написалъ (spisawszy)“ и не опредѣляетъ съ точностію, самъ ли написалъ, или поручалъ написать. А на седьмой день соборныхъ засѣданій, когда чтеніе катихизиса совершенно окончилось, предложенъ былъ собору вопросъ: всѣ ли согласны признать о. Исаію докторомъ богословія. За что жъ это и почему именно теперь, по разсмотрѣніи катихизиса, вздумали почтить о. Исаію такимъ высокимъ достоинствомъ? Не потому ли, что онъ-то и былъ настоящимъ составителемъ катихизиса, о чемъ могли знать всѣ присутствовавшіе на соборѣ? По крайней мѣрѣ, страннымъ было бы спрашивать соборъ о признаніи о. Исаіи докторомъ богословія, еслибы при этомъ не имѣлось въ виду и не указывалось какое либо богословское его сочиненіе. А такого сочиненія у Исаіи, если не ему принадлежитъ катихизисъ, вовсе не было. Исаію уважали за его богословскія познанія, и Сильвестръ Коссовъ еще въ 1635 г. называлъ его, въ предисловіи къ своему Патерику, докторомъ богословія; но потому-то, что Исаія считался между своими лучшимъ знато-

([365]) *Скуминовичъ.* Przyczyny porzucenia dysunicy, przezacnemu narodowi Ruskiemu podane. Rozd. V, § 1, Wiln. 1643. Впослѣдствіи Скуминовичъ былъ латинскимъ епископомъ (*Петрусевъ.* Сводн. галицко-русск. Лѣтоп., подъ 1659 г. стр. 557).

комъ богословія, Могила и могъ поручить ему составленіе катихизиса. А такъ какъ катихизисъ, подъ заглавіемъ: „Православное исповѣданіе каѳолической и апостольской церкви восточной“, составленъ по порученію Могилы и, можетъ быть, даже при его руководственномъ участіи, такъ какъ катихизисъ внесенъ былъ на кіевскій соборъ отъ имени митрополита Петра Могилы, и потомъ посланъ былъ, какъ сейчасъ увидимъ, въ Царьградъ, на ясскій соборъ и на разсмотрѣніе всѣхъ восточныхъ патріарховъ отъ имени тогоже митрополита Петра Могилы, то неудивительно, что подъ его именемъ катихизисъ этотъ и сдѣлался извѣстнымъ, и издавался впослѣдствіи, какъ на востокѣ, такъ и въ Россіи.

Константинопольскій патріархъ Парѳеній, къ которому присланъ былъ отъ кіевскаго митрополита вновь составленный Катихизисъ, понимая особенное значеніе его не для кіевской только, но и для всей восточной церкви, разсудилъ, чтобы онъ былъ разсмотрѣнъ еще на другомъ соборѣ, составлявшемся тогда въ Яссахъ. Соборъ этотъ составлялся по желанію молдавскаго господаря Василія Лупулы, который, ревнуя о православіи, писалъ и въ Царьградъ и въ Кіевъ и просилъ прислать въ столицу Молдавіи достойныхъ представителей церкви греческой и русской, чтобы они вновь разсмотрѣли и опровергли кальвинское исповѣданіе вѣры, приписываемое Кириллу Лукарису, не преставшее смущать православныхъ. Тогда отъ лица константинопольскаго патріарха и синода присланы были въ Яссы, съ званіемъ патріаршихъ экзарховъ: Порѳирій бывшій митрополитъ никейскій, и Мелетій Сиригъ—іеромонахъ и великій проповѣдникъ, славившійся на востокѣ своею ученостію и твердостію въ православіи, а отъ лица кіевской церкви—

три, болѣе другихъ извѣстныя по своему просвѣщенію, лица: Исаія Трофимовичъ—игуменъ никольскій, Іосифъ Кононовичъ—ректоръ кіево-могилянскаго коллегіума, игуменъ богоявленскій, и Игнатій Оксеновичъ—проповѣдникъ. Прибывшіе на соборъ занялись подробнымъ опроверженіемъ калвинскихъ заблужденій названнаго выше исповѣданія, можетъ быть, тѣмъ самымъ, которое написано было Мелетіемъ Сиригомъ, по желанію молдавскаго господаря Василія Лупулы, съ благословенія цареградскаго патріарха Парѳенія, и издано уже впослѣдствіи ([469]). Тогда же Лупула напечаталъ въ своей господарской типографіи соборную грамату 1640 года,— о чемъ мы уже упоминали,—направленную противъ тогоже исповѣданія и подписанную не только греческими, но и молдавскими и мало-русскими іерархами, за что̀ и получилъ отъ пословъ, присутствовавшихъ на соборѣ, хвалебную и благодарственную гра-

([469]) Сочиненіе Мелетія Сирига противъ исповѣданія вѣры, приписываемаго Кириллу Лукарису, встрѣчающееся и въ нашихъ рукописяхъ (Рукоп. *Царскаго*, № 246), напечатано было на греческомъ языкѣ въ 1690 г., въ Букарестѣ, иждивеніемъ господаря Угровлахіи Ивана Константиновича, воеводы Басарамбскаго. Въ началѣ книги помѣщены: двѣ граматы іерусалимскаго патріарха Досиѳея, одна къ этому воеводѣ, а другая ко всѣмъ читателямъ книги, и житіе Мелетія Сирига, написанное тѣмъ же патріархомъ. Всѣ эти три статьи, вмѣстѣ съ заглавіемъ книги, помѣщены въ славянскомъ переводѣ, въ рукописномъ непереплетенномъ Сборникѣ Моск. Синод. библіот., значущемся подъ буквою А, № 1. Въ первой граматѣ Досиѳей говоритъ: «въ наша времена мѣшанина ересей, нечестіе, глаголю, Калуина усмотрися и посрамися; блаженный Василій воевода, синодъ собравъ въ Гіасѣ (Яссахъ) и повелѣвъ блаженному Мелетію Сиригу написати сію книгу во всеконечное изничтоженіе ея» (—л. 343). Во второй граматѣ пишетъ, что молдовлахійскій господарь Василій Лупула «писа въ Полшу, въ Кіевъ и къ великому синоду въ Константинополь, непощади имѣнія, но расточи имѣнія Христа ради множайшія, и собра мѣстный синодъ въ Гіасѣ при Парѳеніи старомъ, патріархѣ Константинопольскомъ, присущимъ мѣстоблюстителемъ изъ Константинополя и Кіева и самаго митрополита россійскаго Петра Могилы, хри-

мату ([470]). Послѣ того послы эти внимательно пересмотрѣли всю книгу Катихизиса, присланнаго отъ кіевскаго митрополита Петра Могилы и, какъ говоритъ іерусалимскій патріархъ Нектарій, „по многихъ востязаніихъ и толкованіихъ писаній священныхъ, къ концу благому приведоша, восчистивше тую отъ чуждыя мысли всякія и новшествъ“,—причемъ исправителемъ книги, по указанію собора, былъ Мелетій Сиригъ ([471]). Исправленная книга Катихизиса представлена была константинопольскому патріарху Парѳенію, а также и прочимъ патріархамъ, александрійскому Іоанникію, антіохійскому Макарію и іерусалимскому Паисію, и всѣ они, съ соборомъ епископовъ и константинопольскаго клира, нашли ее содержащею истинные и правые догматы каѳолической вѣры, признали право-

столюбезнаго и истинно преосвященнаго, и анаѳематствоваша убо главы сія и списателя ихъ... И подвигне, купно съ всесвят. патріархомъ Парѳеніемъ старымъ, учителя Мелетія сложити настоящую книгу» (—л. 349. См. такъ же Описс. рукоп. Моск. Синод. библ., № 308). Что ясскій соборъ обсуждалъ и осудилъ кальвинскія главы, приписываемыя Лукарису, объ этомъ свидѣтельствуетъ и самъ Мелетій Сиригъ въ письмѣ къ царю Михаилу Ѳедоровичу отъ 15 дек. 1644 года (Сношен. Россіи съ Востокомъ, II, 305—306.)

([470]) См. примѣч. 463 и текстъ, къ которому оно относится. При соборной граматѣ тогда же напечатана и эта грамата пяти пословъ, двухъ греческихъ и трехъ русскихъ, къ господарю Лупулѣ, подписанная ими. Въ самомъ концѣ изданія помѣчено: «типомъ изобразися въ Ясехъ... в лѣто 1642 мѣсяца дек.»—т. е., по нынѣшнему, въ декабрѣ 1641 года (Рукоп. неперепл. Сборн. Моск. Синод. библ., подъ букв. А, № 1, л. 5). Отсюда можно заключать, что соборъ ясскій происходилъ еще въ 1641 году, а судя по работамъ его, вѣроятно, продолжался и въ 1642 году. Кіевскіе послы возвратились въ Кіевъ только осенью 1642 г. (см. примѣч. 474).

([471]) Грамата патр. Нектарія печат. при Православномъ Исповѣданіи П. Могилы. Въ житіи Мелетія Сирига іерусалимскій патр. Досиѳей говоритъ о немъ: «Православное глаголемое Исповѣданіе, еже написаша убо Росси и кіевскій Петръ, сій исправи повелѣніемъ сущаго въ Гіасіи синода» (Непереплет. Сборн. Моск. Синод. библіот., подъ буквою А, № 1, л. 352).

славнымъ исповѣданіемъ не однихъ россовъ, но и всѣхъ грековъ, и утвердили своими подписями 11-го мая 1643 года ([472]). Желаніе Петра Могилы исполнилось. Церковь православная имѣла, наконецъ, книгу, на которую могла указывать всѣмъ, какъ на свою символическую книгу. Оставалось только издать ее въ свѣтъ. Къ сожалѣнію, на патріаршемъ престолѣ въ Константинополѣ послѣдовала перемѣна. Спустя около трехъ съ половиною мѣсяцевъ патріархъ Парѳеній старый былъ низверженъ (31 авг.) и потомъ сосланъ въ заточеніе. Новый патріархъ Парѳеній вторый, содѣйствовавшій низверженію прежняго, возгласилъ на него анаѳему во время самаго своего поставленія на патріаршество (8-го сентября), и затѣмъ враждебно относился ко всѣмъ, кто былъ близокъ къ его предмѣстнику, и ко всему, что было имъ сдѣлано и утверждено. Мелетій Сиригъ, главный исправитель кіевскаго катихизиса, возвратившійся-было въ Царьградъ, увидѣвъ эту враждебность новаго патріарха, счелъ за лучшее снова отправиться въ Яссы; оттуда совершилъ онъ въ 1643 году путешествіе въ Кіевъ и вообще въ Россію, и, написавъ тамъ канонъ молебный кіево-печерскимъ угодникамъ и службу на положеніе ризы Господней, перенесенной въ Москву, возвратился въ Яссы. Объ изданіи катихизиса, соборне исправленнаго и одобреннаго при Парѳеніи старомъ, въ Греціи никто и не думалъ, хотя самая книга находилась въ полномъ уваженіи: по крайней мѣрѣ, въ началѣ 1655 года цареградскій патріархъ Паисій въ своей соборной граматѣ къ нашему патріарху Никону, между

([472]) Грамата патр. Парѳенія напечатана при „Православномъ Исповѣданіи".

прочимъ, писалъ: „для того, чтобы знали, какія необходимыя и существенныя истины нашей вѣры, у насъ на соборѣ составлена (т. е. разсмотрѣна) одна книга для всѣхъ—Православное Исповѣданіе вѣры соборной и апостольской церкви восточной,—въ которой заключены всѣ члены нашей древней вѣры. И книгу ту утвердили и подписали всѣ архіереи и клирики нашей страны, вмѣстѣ съ тогдашнимъ предстоятелемъ собора, блаженной памяти киръ Парѳеніемъ старымъ, равно и прочіи три патріарха подписали и утвердили. И если вы пожелаете имѣть ее,—а вамъ нужно имѣть ее, да будемъ всѣ пять патріаршествъ въ одномъ и томъ же единомысліи,—то мы пришлемъ вамъ списокъ этой книги". И только въ 1662 г., т. е. спустя почти двадцать лѣтъ, книга эта въ первый разъ была напечатана, на греческомъ языкѣ, въ Амстердамѣ бывшимъ переводчикомъ при дворѣ султана, грекомъ Панагіотомъ ([473]). Всего прискорбнѣе было то, что рукопись „Православнаго Исповѣданія" въ томъ его видѣ, какъ оно было исправлено въ Яссахъ, и утверждено въ Константинополѣ, не была выслана въ Кіевъ, гдѣ все болѣе и болѣе дѣлалось настоятельнымъ изданіе такого исповѣданія. Въ 1643 году Ѳедоръ Скуминовичъ, уклонившійся изъ православія въ унію, издалъ книгу, въ которой говорилъ, будто всего болѣе понудило его оставить прежнихъ своихъ единовѣрцевъ—русскихъ то, что они на самые простые вопросы о догматахъ вѣры не могутъ

([473]) Москов. главн. архив. мин. иностр. дѣлъ, дѣла греч., связк. 23, №№ 15. 19; *Муравьев.* Сношен. Россіи съ Восток. II, 268. 276; *патр. Досиѳ.* Житіе Мелетія Сирига, въ неперепл. Сборн. Моск. Синод. библ., подъ буквою А, № 1, л. 351; Опис. рукоп. Моск. Синод. библіот., отд. II, ч. 2, стр. 190, № 140, л. 481. 487 об.; Посланіе патр. Паисія къ Никону—въ Скрижали, изданной Никономъ, л. 648–649.

дать опредѣленнаго отвѣта, не имѣя у себя положительнаго ученія церкви, и съ насмѣшкою писалъ: „ѣздили съ катихизисомъ въ Валахію, и, не докончивъ дѣла, вернулись домой еще прошлой осенью (т. е. 1642 года). Изъ Константинополя доселѣ нѣтъ никакого рѣшенія, и еще неизвѣстно, что-то породится отъ такихъ продолжительныхъ разсужденій. Слышно только, что греки говорятъ: „не Руси учить насъ вѣрѣ“ ([474]).

Петръ Могила не могъ болѣе терпѣть и, не теряя надежды издать свое „Православное Исповѣданіе“ въ полномъ видѣ, когда оно получится изъ Константинополя, рѣшился немедленно напечатать его въ сокращеніи, подъ заглавіемъ: „Собраніе короткой науки о артикулахъ вѣры православно-каѳолической христіанской, ведлугъ вызнаня и науки церкве св. восточной, соборной и апостольской“.... Книга издана была въ кіево-печерской типографіи сперва на польскомъ языкѣ, доступномъ и иновѣрцамъ, для того, какъ сказано въ предисловіи, „чтобъ зажать ротъ безстыднымъ непріятелямъ восточнаго православія, которые осмѣливаются взводить на него разныя ереси“, а потомъ въ 1645 г. и на русскомъ, чтобы служить руководствомъ для православныхъ и особенно для дѣтей ихъ, обучающихся въ школахъ, для чего даже библейскіе тексты въ ней приведены не на славянскомъ языкѣ, а на мѣстномъ народномъ нарѣчіи. Изданный теперь краткій катихизисъ отнюдь не есть самое „Православное Исповѣданіе“ въ томъ видѣ, въ какомъ оно составлено въ Кіевѣ и разсматривалось на кіевскомъ соборѣ, а есть только сокращеніе этого Исповѣданія: потому что нѣкоторые вопросы и отвѣты въ томъ

([474]) Przyczyny porzucenia disunicy, Rozd. V, §§ 1. 3. 4.

и другомъ, несомнѣнно, были изложены различно ([475]), а многіе другіе совсѣмъ опущены въ краткомъ катихизисѣ, между тѣмъ какъ въ кіевской редакціи Православнаго Исповѣданія, несомнѣнно, находились и обсуждались на кіевскомъ соборѣ ([476]). Да и Могила не рѣшился бы напечатать цѣликомъ Православное Исповѣданіе въ его кіевской редакціи, зная, что она подверглась въ Яссахъ значительнымъ перемѣнамъ, и въ предисловіи къ краткому катихизису прямо обѣщался вскорѣ издать и обширный катихизисъ, съ доказательствами изъ св. писанія, соборовъ и отцевъ, разумѣя, конечно, Православное Исповѣданіе, хотя не въ кіевской, а въ исправленной редакціи. Какъ велика была нужда даже въ такомъ краткомъ катихизисѣ, видно изъ того, что въ слѣдующемъ (1646) году онъ

([475]) Въ 1689 г. кіевскій митрополитъ Гедеонъ и кіево-печерскій архимандритъ Варлаамъ, со всѣмъ духовнымъ соборомъ митрополіи кіевской, отвѣчая на запросъ московскаго патріарха Іоакима, привели въ своемъ посланіи (отъ 25 марта) выписки изъ многихъ кіевскихъ книгъ о времени пресуществленія св. даровъ въ таинствѣ евхаристіи. Въ числѣ этихъ книгъ они поименовали, подъ № 6, и рукописное «Православное Исповѣданіе вѣры», соборне разсмотрѣнное и скрѣпленное собственноручными подписями и печатями митрополита Петра Могилы и трехъ подчиненныхъ ему епископовъ: Аѳанасія Пузины, Сильвестра Гулевича и Сильвестра Коссова (очевидно, въ кіевской редакціи), которое еще цѣло было тогда въ библіотекѣ лавры; а вслѣдъ за тѣмъ назвали, подъ № 7, и «книжицу меньшую отъ того же помененнаго Православнаго Исповѣданія сокращенную», и напечатанную при П. Могилѣ въ 1645 г., попольски и по-русски, подъ заглавіемъ: «Собраніе короткой науки о членахъ вѣры». Изъ обѣихъ книгъ привели вопросы и отвѣты о пресуществленіи св. даровъ въ евхаристіи,—и эти вопросы и отвѣты оказываются изложенными совершенно различно, хотя основная мысль въ отвѣтахъ одна и таже (Подлинное посланіе кіев. митр. Гедеона къ патр. Іоакиму—въ рукопис. неперепл. Сборн. Моск. Синод. библіот., подъ буквою А, № 1, л. 379 об.).

([476]) Таковы вопросы—о происхожденіи человѣческихъ душъ, о частномъ судѣ по смерти человѣка, о мѣстопребываніи душъ праведныхъ и грѣшныхъ послѣ частнаго суда, что̀ значитъ вѣровать въ церковь, и друг.

дважды перепечатанъ во Львовѣ епископомъ львовскимъ Арсеніемъ Желборскимъ и типографщикомъ Слѣзкою, а въ 1649 г., съ нѣкоторыми измѣненіями, напечатанъ и въ Москвѣ, по благословенію патріарха ([477]). Полнаго Православнаго Исповѣданія, для напечатанія его, Могила изъ Константинополя не дождался.

Не успѣлъ Могила окончить вполнѣ одного дѣла, какъ принужденъ былъ приниматься за другое. Извѣстный Кассіанъ Саковичъ, измѣнившій прежде православію, а теперь измѣнившій и уніи и сдѣлавшійся изъ дубенскаго уніатскаго архимандрита латинскимъ ксендзомъ въ Краковѣ, издалъ тамъ въ 1642 году на польскомъ языкѣ книгу подъ заглавіемъ: „Перспектива или изображеніе заблужденій, ересей и суевѣрій греко-русской дезунитской церкви, находящихся какъ въ догматахъ вѣры, такъ въ совершеніи таинствъ и въ другихъ обрядахъ и церемоніяхъ“.... ([478]). Цѣлію изданія этой книги, какъ говоритъ авторъ далѣе въ самомъ ея заглавіи, было будтобы только то, чтобы „римско-католики почувствовали жалость къ народу русскому и захотѣли отводить русскихъ отъ ихъ заблужденій и приводить къ совершенному соединенію съ свя-

---

([477]) *Сахаров.* Обозр. славяно-русск. библіогр., №№ 465. 466. 510. Слѣзка потому ли, что перепечаталъ катихизисъ, можетъ быть, самовольно, безъ дозволенія митрополита, или потому, что перепечаталъ, можетъ быть, съ какими либо искаженіями, былъ отлученъ П. Могилою за изданіе этой книги отъ церкви (тамъ же примѣч. къ № 466).

([478]) Ἐπανόρθωσις abo perspectiwa i objasnienie błedow, herezjey i zabobonow w grecko-ruskiey cerkwi dizunickiey, tak w artykutach wiary, jako w administrowaniu sakramentow i w inszych obrzędach i ceremoniach znayadujących się... w Krakowie 1642. Въ библіотекѣ московской дух. академіи есть списокъ этой книги въ славянскомъ переводѣ того времени— Рукоп. въ четв., № 223, л. 237—385.

тымъ римскимъ костеломъ". Авторъ имѣлъ въ виду преимущественно дезунитскую, т. е. православную западно-русскую церковь, но касается и уніатовъ, какъ державшихся тогоже самаго богослуженія и обрядности, и особенно не пощадилъ ихъ въ предисловіи къ своей книгѣ. Послѣ предисловія въ книгѣ можно различать восемь главныхъ отдѣловъ. Въ первыхъ седми Саковичъ разсматриваетъ, по порядку, седмь таинствъ, каждое порознь, начиная съ крещенія, и старается указать заблужденія или суевѣрія не столько въ ученіи о томъ или другомъ таинствѣ, не столько даже въ чинопослѣдованіяхъ таинствъ, сколько въ церковной практикѣ или въ томъ, какъ, съ какими обычаями, при какой обстановкѣ совершалось тогда каждое таинство въ западно-русской церкви. Въ осьмомъ отдѣлѣ, самомъ обширномъ, занимается церковнымъ уставомъ, критически перебираетъ разныя церковныя службы и частныя священнодѣйствія, и высказываетъ язвительныя замѣчанія относительно праздниковъ малорусской церкви, ея постовъ, храмовъ, сказыванія въ ней проповѣдей, ея училищъ и проч. Въ заключеніи, упрекнувъ русскихъ въ лютеранствѣ и калвинизмѣ, убѣждаетъ ихъ соединиться съ римскою церковію, съ которою ихъ церковь будтобы согласна во всемъ, кромѣ ученія объ исхожденіи Св. Духа и о папѣ. Книга Саковича, проникнутая явною непріязнію къ той церкви, къ которой онъ нѣкогда принадлежалъ, наполненная ложью, клеветами и насмѣшками противъ нея, и представлявшая состояніе ея въ самомъ мрачномъ, безотрадномъ видѣ, не могла не произвести тягостнаго впечатлѣнія на православныхъ, тѣмъ болѣе на ихъ архипастыря Петра Могилу, и онъ не остался безмолвнымъ. Въ 1644 г., т. е. спустя какіе нибудь полтора года, онъ выпу-

стиль изъ кіево-печерской типографіи довольно объемистую книгу, на польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Лиѳосъ или Камень, брошенный съ праши истины св. православной русской церкви смиреннымъ отцемъ Евсевіемъ Пименомъ (по-русски: православнымъ пастыремъ) на сокрушеніе лживо-темной Перспективы.... Кассіана Саковича“..... ([479]). Здѣсь авторъ преслѣдуетъ своего противника шагъ за шагомъ, и отражаетъ каждое его нападеніе. И потому книга „Лиѳосъ“ расположена въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ и „Перспектива“, и раздѣлена на тѣже самыя главныя части. Въ предисловіи къ Лиѳосу авторъ опровергаетъ предисловіе Перспективы. Затѣмъ въ отдѣлѣ о крещеніи перебираетъ, по порядку, одно за другимъ всѣ возраженія Саковича относительно этого таинства, приводитъ каждое изъ нихъ порознь и на каждое даетъ особый отвѣтъ; въ отдѣлѣ о мvропомазаніи перебираетъ всѣ возраженія относительно мvропомазанія, и на каждое порознь даетъ особый отвѣтъ, и такимъ образомъ проходитъ всѣ отдѣлы Перспективы, перебирая изложенныя въ нихъ возраженія и давая на каждое особый отвѣтъ. Нѣкоторые отвѣты весьма обширны. Въ заключеніи, опровергнувъ первую мысль, выраженную въ заключеніи Перспективы, будто русскіе слѣдуютъ

([479]) Λίθος albo Kamień praszczy prawdy cerkwie swięteу prawosławney ruskiey na skruszenie faleczno-ciemney Perspectiwy, od Kassiana Sakowicza... wydanego, wypuszczony przez pokornego oyca Eusebia Pimina w monasteru s... Ławry pieczarskiej kijowskiej... 1644. Списокъ и этой книги въ славянскомъ переводѣ есть въ библіотекѣ московской дух. академіи—Рукоп. въ листъ, № 83, л. 1—293. Предисловіе начинается словами: *«Лѣто уже другое мимо идетъ*, читателю благохотный, *отнеле* Касіанъ Саковичъ, бывый архимандрита дубенскій, прежде сый неистово яростивъ унитъ, отъ вѣры чина законнаго и законопреданія унитовъ устремленне низпаде, и *иде въ Краковъ написанія ради лжемрачныя Перспективы*“ (л. 2).

нѣкоторымъ заблужденіямъ лютеранизма и калвинизма, соглашается со второю мыслію, что русскіе дѣйствительно несогласны съ латинянами въ ученіи о происхожденіи Св. Духа и о главенствѣ папы. Но чтобы показать, какъ учитъ объ этомъ православная церковь и почему не соглашается съ римскою, авторъ Лиѳоса, тотчасъ послѣ заключенія, прибавилъ къ своей книгѣ два небольшіе трактата: объ исхожденіи Св. Духа и о первенствѣ въ церкви, гдѣ, изложивъ основанія православнаго ученія объ этихъ предметахъ, разобралъ возраженія латинянъ, и на каждое далъ особый отвѣтъ. Невозможно разсмотрѣть и оцѣнить здѣсь всѣ отвѣты Лиѳоса,—иначе пришлось бы переписать всю книгу,—но можно подвести ихъ подъ нѣкоторые роды. Въ однихъ отвѣтахъ составитель Лиѳоса прямо говоритъ Саковичу, что обвиненія его противъ церкви малорусской—неправда, ложь, клевета. Въ другихъ—что его обвиненія падаютъ собственно на дѣйствія частныхъ лицъ, духовныхъ и мірянъ, на ихъ произволѣныя отступленія отъ правилъ и постановленій церкви, и несправедливо вмѣняются самой церкви; что такія отступленія и злоупотребленія въ церковной практикѣ бывали во всякое время и въ римской и въ другихъ церквахъ; что если въ малорусской церкви отступленія эти умножились, то виною тому—унія, изъ-за которой православное духовенство и народъ пятьдесятъ уже лѣтъ терпятъ всякаго рода притѣсненія и гоненія, и что противъ этихъ отступленій теперь принимаются уже мѣры православными архипастырями. Въ отвѣтахъ третьяго рода, именно на тѣ обвиненія, которыя падали дѣйствительно на самыя чинопослѣдованія церкви малорусской, авторъ Лиѳоса иногда только объясняетъ своему противнику неправильность его пониманія и толкованія этихъ чино-

послѣдованій, и раскрываетъ истинный смыслъ разныхъ церковныхъ службъ, обрядовъ, церемоній, ссылаясь, между прочимъ, на греческіе и на славянскіе трѣбники и служебники, рукописные и печатные стрятинскаго и кіевскаго изданія. А иногда—доказываетъ противнику, что его обвиненія и порицанія неосновательны, и, въ защиту осуждаемыхъ имъ чинопослѣдованій или ученія малорусской церкви, приводитъ правила древнихъ соборовъ, свидѣтельства древнихъ церковныхъ историковъ, изреченія св. отцевъ—Діонисія ареопагита, Іустина, Григорія богослова, Августина и другихъ, даже свидѣтельства позднѣйшихъ латинскихъ писателей—Ѳомы Аквината, Баронія, Беллярмина. Характеръ полемики въ Лиѳосѣ, какъ и въ Перспективѣ, по обычаю того времени, желчный и бранчивый: Лиѳосъ рѣзко выставляетъ и порицаетъ не только нравственные, но и физическіе недостатки Саковича. Авторомъ Лиѳоса обыкновенно называютъ самого Петра Могилу, какъ русскіе писатели, начиная съ Галятовскаго, такъ и польскіе—Циховскій, Кулѣшъ, Стебельскій и другіе ([480]). Но одинъ изъ послѣднихъ, іезуитъ Рутка, въ своемъ полемическомъ сочиненіи противъ Галятовскаго, говорилъ ему: „Лиѳосъ или Камень писалъ Петръ Могила? Не вѣримъ: онъ чуждъ былъ еретическаго духа. Мы имѣемъ извѣстіе, что сочинителями Камня были Коссовы, Калиментовы и другіе изъ вашей дружины“ ([481]). И это мнѣніе едва ли не слѣдуетъ признать болѣе вѣроятнымъ. Сочинить

([480]) *Галятовск.* Stary kościoł zachodni nowemu kościołowi rzymskiemu, ч. II, стр. 93, Черниг. 1672; *Стебельск.* Zywoty s. s. Ewfrozynii y Parascewii, tom. I, Opisanie awtorow... въ статьѣ: Mohila Piotr.

([481]) Goliat swoim mieczem porażony. Lublin, 1682 (*Вишневск.* Hist. Literaty Polsk. VIII, 381).

такую объемистую книгу, какъ Лиѳосъ, и такого разнообразнаго содержанія, требовавшую множества мелкихъ справокъ, соображеній и продолжительнаго труда, сочинить въ какіе нибудь пятнадцать или осьмнадцать мѣсяцевъ, Петръ Могила одинъ, намъ кажется, не имѣлъ даже физической возможности при другихъ, неотложныхъ, архипастырскихъ его занятіяхъ. Всего скорѣе онъ, какъ только получилъ и прочелъ книгу Саковича, могъ разбить ее на нѣсколько частей и поручить своей ученой братіи или сотрудникамъ, чтобы каждый изъ нихъ подробно разобралъ и опровергъ порученную ему часть, а самъ потомъ держалъ только главную редакцію всего сочиненія. При такомъ предположеніи очень естественно, что Лиѳосъ изданъ былъ не подъ именемъ какого либо частнаго лица, а подъ общимъ именемъ православнаго пастыря (Евсевія Пимена), и что въ Лиѳосѣ постоянно говорится о Петрѣ Могилѣ въ третьемъ лицѣ и съ подобающимъ уваженіемъ, хотя, разумѣется, Могила могъ и самъ такъ писать о себѣ, скрываясь подъ псевдонимомъ ([482]). Кто бы, впрочемъ, ни былъ истиннымъ сочинителемъ Лиѳоса, появленіе этой книги имѣло весьма важное значеніе. Это была, можно сказать, полная Апологетика православной западно-русской церкви противъ тогдашнихъ нападеній на нее отъ уніатовъ и латинянъ, а отчасти и ея Литургика, съ объясненіемъ ея богослуженія, таинствъ и

([482]) Напримѣръ: „имѣетъ Кіевъ, Божіею милостію, прилѣжнымъ же попеченіемъ его милости, отца митрополиты своего православнаго, достойныхъ людей въ изобиліи“ (—л. 3 об.). Или: „въ лѣто 1635 его милость, отецъ митрополита въ Вильнѣ бысть, умоленіемъ духовныхъ“... (— л. 33). Или еще: „нашъ, его милость, отецъ митрополита чрезъ протопопы, якоже ваши униты творятъ, церковь не посвящаетъ“... (—л. 257 об.).

обрядовъ, ея постовъ, праздниковъ, устройства храмовъ и проч. И надобно прибавить, что книга написана, по тому времени, очень основательно, и могла быть истинно полезною для православныхъ. Вскорѣ она вызвала, собственно своими двумя послѣдними трактатами, возраженія со стороны лятинянъ, а православными переведена на русскій языкъ и проникла даже въ московское государство ([483]).

Спустя два года, и именно къ концу 1646 года (16 дек.), Петръ Могила издалъ въ кіево-печерской типографіи еще книгу, надъ которою, несомнѣнно, трудился самъ, и которая имѣла великую важность для церкви. Разумѣемъ его „Евхологіонъ, альбо Молитвословъ, или Требникъ“. Что подвигло Могилу заняться составленіемъ этой книги, объясняетъ онъ въ своемъ предисловіи къ ней. „Удостоенный,—говоритъ онъ,—изволеніемъ Божіимъ, архіерейскаго сана въ церкви русской православно-каѳолической и званія архіепископа въ митрополіи кіевской, галицкой и всея Россіи, я во всѣ дни жизни моей соболѣзновалъ сердцемъ о скудости моихъ познаній. Но твердо помня, что Спаситель нашъ І. Христосъ взыщетъ отъ меня сло-

([483]) Сочиненія, писанныя противъ Лиѳоса латинянами, перечислены у *Вишневскаго* въ Истор. Польской литературы, VIII, 372. Списки Лиѳоса въ славянскомъ переводѣ, сколько извѣстно, находятся въ библіотекахъ: Имп. публичной, кіев. дух. академіи и моск. дух. академіи (№ 83). Послѣдній списокъ еще въ 1665 г. далъ вкладомъ въ троицкій сергіевъ монастырь келарь того монастыря, старецъ Симонъ Азарьинъ, какъ свидѣтельствуетъ собственноручная его запись по листамъ книги внизу (л. 1—67). А въ Москвѣ, по указу царя Алексѣя Михайловича, книга эта, подъ названіемъ: «Камень», слѣд. въ славянскомъ переводѣ, списана еще въ 1652 г. однимъ изъ пѣвчихъ, прибывшихъ въ Москву изъ Кіева, именно Петромъ Бережанскимъ (Замѣчанія для истор. русск. пѣнія, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1846, III, отд. I, 25). Значитъ, переводъ книги Лиѳосъ на славянскій языкъ сдѣланъ еще прежде 1652 года.

весныхъ овецъ своихъ, ввѣренныхъ мнѣ въ паству, и вѣдая несомнѣнно, что противники наши и лжебратія св. православія тяжко и съ насиліемъ оскорбляютъ православныхъ разными досажденіями и обидами, безстыдно называютъ нашихъ духовныхъ неучами и невѣждами въ совершеніи божественныхъ таинствъ и другихъ богослуженій, утверждаютъ, что Русь православная уклонилась въ ересь, не знаетъ ни числа, ни формы, ни матеріи, ни намѣренія (интенціи), ни обрядовъ божественныхъ таинствъ, не умѣетъ дать о нихъ отчета и въ совершеніи ихъ держится различнаго способа, я, потрудившись по силамъ моимъ, о укрѣпляющемъ меня Іисусѣ, предпринялъ отнять такое тяжкое поношеніе противниковъ отъ православнаго причта св. россійской церкви. И, по благодати Божіей, не вотще потрудился, какъ можетъ видѣть каждый просвѣщенный и благочестивый читатель этой книги, названной Требникомъ“. Обращаясь затѣмъ къ прежнимъ требникамъ львовскаго, стрятинскаго, острожскаго и виленскаго изданія, Могила хотя утверждаетъ, что между ними есть согласіе въ разсужденіи совершенія седьми церковныхъ таинствъ, но сознается, что есть между ними и несогласіе въ отправленіи нѣкоторыхъ церемоній, есть въ нихъ погрѣшности и обмолвки, происшедшія частію отъ простоты и неразсудительности исправителей, частію отъ невнимательности переписчиковъ и особенно отъ недостатка познаній въ лицахъ, трудившихся надъ цензированіемъ и изданіемъ тѣхъ книгъ, что эти лица „много нужныхъ вещей опустили, а ненужныхъ прибавили“, и указываетъ даже нѣсколько примѣровъ такихъ опущеній и прибавленій. Такимъ образомъ, побужденіями для составленія новаго Требника Петру Могилѣ послужили, съ

одной стороны, укоризны враговъ православнымъ священникамъ, что они не умѣютъ совершать таинствъ и обрядовъ, вовсе не понимаютъ ихъ смысла и совершаютъ ихъ различно, а съ другой — то, что въ прежнихъ требникахъ дѣйствительно находились несогласія, погрѣшности, и многое нужное было опущено, а ненужное прибавлено. И Могила имѣлъ цѣлію дать православнымъ священникамъ такой требникъ, изъ котораго они научились бы понимать самый смыслъ таинствъ и обрядовъ и совершать ихъ правильно, одинаково и согласно, и въ которомъ не было бы ни погрѣшностей, ни опущеній, ни прибавленій прежнихъ требниковъ. Какъ же выполнилъ Могила свою задачу? Онъ не вновь сочинилъ свою книгу, а собралъ и почерпнулъ ее, какъ самъ выражается въ предисловіи, изъ греческихъ евхологіевъ и стародавнихъ рукописныхъ славянскихъ требниковъ и, прибавимъ, отчасти даже изъ требника римскаго, и расположилъ все собранное въ трехъ частяхъ. Въ первой помѣстилъ чинопослѣдованія всѣхъ седьми таинствъ съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ соприкосновенныхъ чиновъ: такъ къ чинопослѣдованіямъ крещенія и муропомазанія присоединилъ чины о принятіи въ церковь іудеевъ, язычниковъ, еретиковъ, отступниковъ и раскольниковъ, къ чинопослѣдованію елеосвященія—чины молебствія за болящихъ, на исходъ души, чины погребенія мірянъ и священниковъ и под. Во второй части помѣстилъ чины различныхъ освященій, какъ то: освященія воды, церквей и церковныхъ вещей—иконъ, сосудовъ, облаченій, также монастырей, домовъ, кладязей, кораблей, овощей и проч. и проч. Въ третьей—чины различныхъ молебновъ и молитвъ по разнымъ случаямъ: въ день пятидесятницы, въ день новолѣтія, во вре-

мя брани, во время бездождія, голода, моровой язвы, и проч. Но Петръ Могила не ограничился въ своемъ требникѣ изложеніемъ однихъ чинопослѣдованій. Вмѣстѣ съ чинопослѣдованіями таинствъ и важнѣйшихъ обрядовъ онъ помѣстилъ особыя статьи, въ которыхъ изъясняетъ ихъ смыслъ и значеніе, ихъ существенныя условія и принадлежность, равно какъ и поведеніе священника при совершеніи ихъ; перечисляетъ различные случаи, какіе могутъ встрѣтиться при совершеніи того или другаго таинства или обряда, и даетъ наставленія, какъ поступать въ такихъ случаяхъ; наконецъ, учитъ священника, какія мысли и чувства онъ долженъ внушать своимъ прихожанамъ при совершеніи того или другаго таинства или обряда. Съ этою цѣлію въ концѣ первой части Требника Могила приложилъ, для руководства, шесть поученій, вѣроятно, имъ самимъ составленныхъ. По крайней мѣрѣ, одно изъ нихъ несомнѣнно ему принадлежитъ: это поученіе на случай совершенія брака, произнесенное имъ въ 1645 г., на польскомъ языкѣ, въ Яссахъ при вѣнчаніи литовскаго гетмана Януша Радзивила на дочери молдавскаго господаря Василія Лупулы ([484]). „Ты имѣешь теперь, благочестивый читатель,—говоритъ Могила въ своемъ предисловіи къ Требнику,—весьма потребную для тебя книгу, собранную убогимъ тщаніемъ и трудомъ моего смиренія. Найдешь въ ней чинное отправленіе св. седми таинствъ церков-

([484]) Первоначально оно было напечатано на польскомъ языкѣ, особою брошюрою, въ кіево-печерской типографіи, подъ заглавіемъ: Mowa duchowna... przez..., Oyca Piotra Mohile... 1645. Въ славянскомъ переводѣ этого поученія, помѣщенномъ въ требникѣ, обращенія Могилы лично къ молодымъ супругамъ Радзивиламъ опущены. Снес. А. Ю. и З. Россіи, III, № 60, стр. 65.

ныхъ, извлеченное мною изъ греческихъ евхологіевъ и древнихъ рукописныхъ славянскихъ требниковъ. Имѣешь въ ней и достаточную науку о томъ, что такое таинство, въ чемъ сила и дѣйственность каждаго таинства, съ какимъ приготовленіемъ должно приступать къ совершенію таинствъ, съ какою тщательностію и благоговѣніемъ совершать ихъ и преподавать вѣрнымъ, какъ поучать народъ Божій, чтобы онъ приступалъ къ принятію таинствъ и надлежащимъ образомъ велъ себя при разныхъ случаяхъ, какіе могутъ ему встрѣтиться при этомъ. Имѣешь въ этой книгѣ живой чинъ и порядокъ, какъ различныхъ освященій, такъ и разныхъ молитвъ и молебновъ...; имѣешь о всемъ церковномъ порядкѣ достаточную науку". Справедливость требуетъ замѣтить, что нѣкоторыя изъ своихъ объяснительныхъ статей Могила почти цѣликомъ заимствовалъ изъ требника римскаго, переведши только ихъ на славянскій языкъ, а нѣкоторыя составилъ подъ вліяніемъ однородныхъ статей тогоже требника, воспользовавшись ихъ главными мыслями ([485]). Извѣстно также, что въ объяснительныхъ статьяхъ Могилы встрѣчаются мнѣнія, не принятыя православною церковію, каковы: о времени пресуществленія св. даровъ, о пресуществленіи, вмѣстѣ съ Агнцемъ, самихъ частицъ, полагаемыхъ на дискосѣ, о значеніи епитиміи, какъ наказанія и удовлетворенія за грѣхи, хотя эти мнѣнія существовали въ малорусской церкви еще до Могилы, въ качествѣ православныхъ, изла-

([485]) *Заимствованы* изъ римскаго требника статьи: о таинствахъ крещенія, мѵропомазанія и покаянія, о посѣщеніи больныхъ, также о томъ, кого недостоитъ сподобить христіанскаго церковнаго погребенія. *Составлены* подъ вліяніемъ римскаго требника статьи: о тайнѣ елеосвященія, первая глава о тайнѣ супружества; уставъ, како вскорѣ причастити больнаго; указъ о чинномъ погребеніи тѣлъ правовѣрныхъ христіанъ.

гались даже въ печати, и не Могила заимствовалъ ихъ у латинянъ. Помѣстивъ въ своемъ требникѣ цѣлый рядъ пояснительныхъ статей,—чего въ прежнихъ требникахъ вовсе не было,—Петръ Могила сдѣлалъ въ немъ и другія существенныя перемѣны сравнительно съ прежними требниками. Нѣкоторые чины и частные обряды и молитвы, встрѣчавшіеся въ прежнихъ требникахъ, исключилъ изъ своего требника или, точнѣе, не принялъ въ него; другіе сократилъ; третьи расширилъ и дополнилъ, и всѣ внимательно вновь пересмотрѣлъ и исправилъ въ самомъ слогѣ ([486]). А кромѣ того внесъ въ свой требникъ много (до 37-ми) новыхъ чиновъ, не находившихся въ прежнихъ требникахъ. Есть между этими новыми чинами такіе, которые представляются составленными по образцу однородныхъ чиновъ римскаго требника, именно: объ освященіи разныхъ церковныхъ одеждъ, сосудовъ, иконъ, креста, колоколовъ; но и за тѣмъ остается до 20-ти чиновъ, которыхъ не встрѣчаемъ не только въ славянскихъ и греческихъ печатныхъ требникахъ, но и въ римскомъ, и которые Могила могъ частію заимствовать изъ древнихъ славянскихъ рукописей, а частію составить вновь на основаніи церковной практики. Съ какого времени Петръ Могила принялся за составленіе своего громаднаго Требника (въ немъ 1529 страницъ въ листъ, и содержится до 126 чиновъ и статей), неизвѣстно. Но въ 1640 г.

([486]) *Исключилъ*: возслѣдованіе о пріобщеніи воды св. Богоявленій, чинъ братотворенію; молитву надъ тѣми, которые сами себя закляли; взаимное помазаніе священниковъ въ таинствѣ елеосвященія, употребленіе вина и обхожденіе вокругъ аналоя при совершеніи брака, хожденіе посолонь и проч. *Сократилъ*: чинъ исповѣди, молитву: «Отче святый, врачю душъ и тѣлесъ»... и друг. *Расширилъ и дополнилъ*: возслѣдованіе о избавленіи недугующаго отъ обуреванія и насилія духовъ нечистыхъ, чины: на отверзеніе и очищеніе церкве осквернённой, на злоключеніе людей, въ нашествіе ратникъ, за царя и воинство во время брани и др.

требникъ уже былъ готовъ, хотя невполнѣ, и, если вѣрить Іоанникію Галятовскому, „апробованъ отъ синоду кіевского“ (487). По крайней мѣрѣ, нѣкоторые вопросы касательно таинствъ и обрядовъ, несомнѣнно, обсуждались на томъ кіевскомъ соборѣ, и рѣшенія собора по этимъ вопросамъ находимъ въ требникѣ Могилы (488). Дополненіе этого требника продолжалось и послѣ 1640 года: напримѣръ, чины для освященія разныхъ церковныхъ сосудовъ и одеждъ составлены Могилою, по всей вѣроятности, уже послѣ 1642 года, когда Саковичъ укорялъ православныхъ въ своей Перспективѣ за неимѣніе такихъ чиновъ, и Могила, какъ мы упоминали, внесъ въ свой требникъ даже поученіе, сказанное имъ въ 1645 году. Издавая свой требникъ, Петръ Могила имѣлъ въ виду ввести его во всеобщее употребленіе по своей митрополіи и замѣнить имъ прежніе требники. Почему въ предисловіи къ своему требнику, указывая на его преимущества, убѣждалъ священниковъ пріі-

(487) *Галятов.* Мессія правдивый, стр. 321. Галятовскій пишетъ: „Потымъ Петръ Могила митрополитъ кіевскій выдалъ книгу, названую ‹Требникъ›, отъ синоду кіевскаго и отъ *свят. патріаржы константинопольскаго* апробованую›. Послѣднія слова дѣлаютъ свидѣтельство Галятовскаго сомнительнымъ.

(488) Таковы! 1) „канонъ 26-й собору кіевскаго, бывшаго року 1640, о погребной процессіи и о литіи около церкве“, именно чтобы священникъ въ погребальной процессіи шелъ предъ тѣломъ умершаго, а не позади его и чтобы, совершая литію вокругъ церкви, шелъ отъ запада на востокъ противъ солнца, а не отъ востока на западъ—не по солнцу (Требн. 1, стр. 546), и 2) «канонъ 66-й собору кіевского, бывшаго въ лѣто 1640, о погребѣ священническомъ и о памятяхъ по немъ› (—стр. 751). Таковы же постановленія этого собора о томъ, чтобы въ воспріемники дитяти при крещеніи не были приглашаемы иноки и инокини, иновѣрцы и еретики (—стр. 12), чтобы во время литургіи, при переносѣ св. даровъ на великомъ входѣ, земнаго поклона имъ не творить (—стр. 269), и чтобы, если при совершеніи елеосвященія останется елей, его вновь не святить и не хранить для новаго употребленія (—стр. 447).

обрѣтать его и пользоваться имъ, а прежніе неисправные требники оставить и не противиться своему архипастырю, подобно прекословникамъ, которые, несмотря на его приглашеніе не печатать, безъ исправленія и благословенія его, церковныхъ книгъ, особенно служебниковъ и требниковъ, затыкаютъ, ради скверная своего прибытка, свои уши и изощряютъ свой языкъ на злословіе. И нѣтъ сомнѣнія, что Петръ Могила достигъ бы своей цѣли, еслибы жизнь его еще продолжалась. Къ сожалѣнію, спустя полмѣсяца послѣ изданія своего Требника, онъ скончался, и распространеніе Требника пріостановилось. Тѣмъ не менѣе достоинства этого требника признавались всѣми, и онъ имѣлъ сильное вліяніе на всѣ послѣдующіе требники, изданные въ западно-русской церкви (а ихъ явилось во второй половинѣ XVII в. до десяти). Нѣкоторые изъ нихъ только позаимствовали тѣ или другія статьи и исправленія текста изъ требника Могилина, а большая часть были прямымъ его сокращеніемъ ([489]). Да и нынѣ еще мы обращаемся иногда къ требнику Петра Могилы, въ тѣхъ случаяхъ, на которые въ нашихъ велико-русскихъ требникахъ нѣтъ чинопослѣдованій, напримѣръ на основаніе и освященіе новаго монастыря.

Были у Могилы и другія весьма важныя предпріятія на пользу церкви. Онъ трудился надъ исправленіемъ текста славянской библіи, и уже собиралъ деньги для новаго изданія ея въ болѣе исправномъ видѣ, чѣмъ было изданіе Острожское. Онъ желалъ вновь перевести на славянскій языкъ житія святыхъ, составленныя Метафрастомъ, и уже досталъ греческій

([489]) Требники эти были изданы: въ Кіевѣ: 1652, 1659, 1677, 1679, 1681, 1689 г.; во Львовѣ—1668 и 1697; въ Стрятинѣ—1660, и въ Вильнѣ—1697 г.

списокъ ихъ съ аѳона (490). Но не успѣлъ окончить этихъ своихъ предпріятій за преждевременною своею кончиною.

Петръ Могила скончался 50-ти лѣтъ отъ роду, въ четвертомъ часу ночи подъ 1-е генв. 1647 года. За девять дней до своей кончины, чувствуя себя больнымъ, онъ написалъ свое духовное завѣщаніе. Здѣсь онъ словами выразилъ тоже самое, о чемъ дѣлами свидѣтельствовалъ впродолженіе всей своей жизни. Выразилъ, прежде всего, свою любовь и непоколебимую приверженность къ св. православной вѣрѣ, въ которой родился, былъ воспитанъ и провелъ всю жизнь, и въ которой теперь желалъ предстать предъ престоломъ Божіимъ. Выразилъ свою любовь къ просвѣщенію, къ своей коллегіи и къ св. храмамъ. „Лишь только,—писалъ онъ,—Господь Богъ сподобилъ меня сдѣлаться архипастыремъ кіевской митрополіи и еще прежде архимандритомъ печерской лавры, я, видя, что упадокъ вѣры и благочестія въ русскомъ народѣ происходитъ не отъ чего иного, какъ отъ совершеннаго недостатка у него просвѣщенія и школъ, далъ обѣтъ Богу моему—все мое имущество, доставшееся отъ родителей, и все, что будетъ оставаться отъ доходовъ съ имѣній, принадлежащихъ ввѣреннымъ мнѣ, по моему служенію, св. мѣстамъ, обращать частію на возстановленіе разрушенныхъ храмовъ Божіихъ, отъ которыхъ остались жалкія развалины, частію на основаніе школъ въ Кіевѣ и утвержденіе правъ и вольностей народу русскаго... И этотъ недостойный обѣтъ мой и намѣреніе Господь Богъ, по своей благости, бла-

(490) О первомъ предпріятіи свидѣтельствуетъ Слѣзка въ своемъ посвященіи Петру Могилѣ Цвѣтной тріоди, изд. въ 1642 г. (Опис. старопеч. книгъ Царскаго, стр. 187); а о послѣднемъ—св. Димитрій Ростовскій въ предисловіи къ своему изданію Чети-Миней.

гословилъ такъ, что при жизни моей я видѣлъ великую пользу для церкви Божіей отъ тѣхъ наукъ, и много появилось людей ученыхъ и благочестивыхъ на служеніе ей. Почему, желая оставить коллегію, какъ единственный залогъ мой, обезпеченною на будущее время, я подарилъ ей и настоящимъ завѣщаніемъ моимъ даю и дарю на вѣки“.... За тѣмъ Могила перечисляетъ самые дары, какіе завѣщалъ на коллегію, на церкви и монастыри, на основанную имъ богадѣльню и своему единственному брату Моисею, господарю Молдавіи. На коллегію онъ завѣщалъ: пятьдесятъ пять тысячъ злотыхъ, бывшихъ въ долгу на кіевскомъ кастелянѣ Адамѣ Киселѣ; двадцать тысячъ злотыхъ, которыя долженъ былъ внести отцамъ коллегіатамъ наслѣдникъ Могилы за два купленныя имъ имѣнія, находившіяся въ ихъ завѣдываніи; шесть тысячъ злотыхъ наличными деньгами; всю свою библіотеку на разныхъ языкахъ; серебряную позолоченную митру, украшенную драгоцѣнными камнями; серебряный митрополичій крестъ—„въ вѣчный знакъ своей любви“ и саккосъ бѣлаго глазета, унизанный жемчугомъ; четвертую часть своего столоваго серебра; хуторъ Позняковщизну, купленный за четыре тысячи злотыхъ; всѣ домы, пріобрѣтенные имъ-Могилою (вѣроятно, въ Кіевѣ) и обои изъ разноцвѣтной камки—собственно студентамъ коллегіи на ихъ конгрегацію. Вмѣстѣ съ тѣмъ завѣщалъ: въ софійскій соборъ митру бархатную и три саккоса; въ печерскій монастырь митру жемчужную и всѣ остальные свои саккосы; лампаду, купленную за 72 гривны серебра; четвертую часть своего столоваго серебра и половину хозяйственнаго своего заведенія въ хуторѣ Напологахъ; въ спасскую церковь подлѣ лавры, имъ—Могилою возобновленную, четвертую часть тогоже серебра; въ

богоявленскую церковь кіевскаго братства и коллегіи—св. мощи въ кіотѣ, часть животворящаго древа въ золоченномъ крестикѣ и половину своего хозяйственнаго заведенія въ хуторѣ Напологахъ; на окончаніе и совершенное возобновленіе десятинной церкви тысячу злотыхъ наличными деньгами; на монастырь выдубицкій пятьсотъ злотыхъ наличными деньгами. Изъ остальныхъ денегъ, какія окажутся и какія получатся отъ продажи домашнихъ запасовъ, половину завѣщалъ раздать въ разные общежительные монастыри, не имѣвшіе никакихъ доходовъ, какъ то: въ Скитъ, въ Межигорье, въ Тригорье, въ Креховъ, въ Угорникъ, въ Мгаръ, въ Густынь, также въ дѣвичьи монастыри и богадѣльни. На свою богадѣльню, основанную имъ въ мѣстечкѣ Печерскомъ возлѣ св. Ѳеодосія, завѣщалъ тысячу пятьсотъ злотыхъ. Брату своему Моусею завѣщалъ благопріобрѣтенныя свои имѣнія въ воеводствахъ бѣльжскомъ и кіевскомъ, комнатные уборы и прочія домашнія вещи, экипажи и лошадей. Подъ конецъ своего завѣщанія Могила снова вспоминаетъ о своей коллегіи и говоритъ: „что касается до моей кіевской коллегіи, то я отдаю ее подъ покровительство ясновельможнымъ господамъ: Александру Огинскому воеводѣ минскому, Адаму Киселю кастеляну кіевскому, Богдану Стеткевичу кастеляну новогродскому...., князю Николаю Четвертинскому и инымъ православнымъ господамъ, которыхъ, именемъ милосердія Божія, умоляю, чтобы этотъ единственный залогъ православной русской церкви, при стараніи, попеченіи и покровительствѣ ихъ милостей, вѣчно пребывалъ для умноженія славы Божіей и образованія православно-русскихъ дѣтей“. На отцевъ же коллегіатовъ, за всѣ свои пожертвованія, Могила возлагалъ только ту обязанность, чтобы они, какъ при

жизни его, такъ и впредь обучали въ кіевскихъ школахъ, по королевской привиллегіи; сами жили въ общинѣ по даннымъ имъ—Могилою правиламъ; и кіевскую коллегію сохранили въ цѣлости согласно съ фундаціею; а по душѣ его совершали богослуженіе каждую недѣлю въ четвергъ и ежегодно въ день его кончины. Погребсти свое тѣло завѣщалъ въ печерскомъ монастырѣ, въ большой церкви, при лѣвомъ крылосѣ между столбами ([491]).

Имя Петра Могилы—одно изъ лучшихъ украшеній нашей церковной исторіи. Онъ, несомнѣнно, превосходилъ всѣхъ современныхъ ему іерарховъ не только мало-русской, но и велико-русской церкви и даже всей церкви восточной: превосходилъ своимъ просвѣщеніемъ, еще болѣе своею любовію къ просвѣщенію и своими подвигами на пользу просвѣщенія и церкви. Для своей мало-русской церкви онъ оказалъ величайшую услугу тѣмъ, что отстоялъ предъ королемъ Владиславомъ IV главнѣйшія ея права, поруганныя латинянами и уніатами, и мужественно защищалъ ее впродолженіе всего архипастырскаго служенія; возстановилъ въ ней многое, прежде ниспровергнутое или разрушенное врагами и положилъ въ ней начало для лучшаго порядка вещей. Всей русской церкви оказалъ великую услугу основаніемъ и обезпеченіемъ своей коллегіи, послужившей первымъ разсадникомъ и образцомъ для духовно-учебныхъ заведеній въ Россіи. Всей православной восточной церкви—тѣмъ, что заботился составить „Православное Исповѣданіе“, принятое и одобренное всѣми ея первосвятителями и доселѣ остающееся ея символическою книгою. Современники высоко цѣнили достоинства

([491]) О времени смерти П. Могилы и лѣтахъ его—*Іерличъ*, Latopisiec, I, 55–56. 59. Завѣщаніе Могилы—въ Патятн. Кіев. Коммис. II, № 12.

Могилы. Самъ папа Урбанъ VIII писалъ къ нему, отъ 3 ноября 1643 г., посланіе (къ предмѣстникамъ Могилы этого не бывало), въ которомъ величалъ его своимъ „почтеннымъ братомъ“ и старался привлечь его на свою сторону, т. е. къ принятію уніи, присовокупляя, что подробнѣе будетъ писать къ нему о дѣлѣ конгрегація кардиналовъ, и что если онъ пожелаетъ прислать въ Римъ по этому дѣлу двухъ своихъ искусныхъ иноковъ, то они будутъ приняты благосклонно ([492]). И даже такой врагъ православія и православныхъ, какъ Саковичъ, вынужденъ былъ сказать о Могилѣ: „взялъ отецъ Могила церковь св. Софіи въ Кіевѣ, отъ колико сотъ лѣтъ пусту сущу, а нынѣ такъ ее украсилъ, что отъ всѣхъ имѣетъ похвалу; такожде и монастыри строитъ, и школы заводитъ, и много доброво въ странѣ народу своему дѣлаетъ. И естли бы только схизму хотѣлъ оставить, а въ соединеніи съ костеломъ римскимъ быти, безъ всякаго размышленія не токмо митрополья, но и патріаршескаго сану достоилъ бы быти“ ([493]). Не упоминаемъ о панегирикахъ, какіе писали Могилѣ православные при его жизни, а представимъ только нѣкоторые ихъ отзывы объ немъ уже послѣ его кончины. Кіевскій шляхтичъ Іоакимъ Іерличъ, видимо принадлежавшій къ числу лицъ, нерасположенныхъ къ Могилѣ при его жизни, и передавшій въ своей лѣтописи, безъ повѣрки, ходившіе въ толпѣ слухи о его будтобы жестокостяхъ по отношенію къ прежнему митрополиту Исаіи Копинскому и нѣкоторымъ монашествующимъ, засвидѣтель-

([492]) *Theiner*, Veter. Monum. Poloniae et Lith., III, № 374, p. 424; Hist. Russiae Monum., II, № 113, p. 215.

([493]) Перспектива въ славян: переводѣ — Рукоп. моск. дух. академіи, № 223, л. 244.

ствовалъ однакожъ въ той же лѣтописи, что онъ „жилъ на этомъ свѣтѣ богобоязненно, хорошо и трезво, и подвизался въ дѣлахъ благочестивыхъ, всегда заботясь о цѣлости церкви Божіей и оберегая свое стадо, хотя и не чуждался мірской славы“ (494). Одинъ изъ бывшихъ при Могилѣ питомцевъ и потомъ наставниковъ его коллегіи, а съ 1650 г. сдѣлавшійся и ректоромъ ея, слѣдовательно изъ числа преданныхъ ему лицъ, Лазарь Барановичъ такъ писалъ о немъ впослѣдствіи въ своемъ стихотвореніи: „могила скрыла отъ насъ нашего Могилу. При этомъ пастырѣ принялась у насъ добрая нива. Не можемъ достаточно оплакать Могилу: былъ онъ намъ отецъ и пастырь любезный. Любезнаго любезно приняли на небѣ, а намъ бы надобенъ былъ второй Могила.... Мы плачемъ, ты же утѣшенъ при Господѣ: пекись же о насъ, пастырь. Пусть, сѣя слезами, пожнемъ радостью; но безъ твоихъ молитвъ мы этого не достигнемъ“ (495).

V.

Окончилось второе двадцатипятилѣтіе церковной уніи и борьбы съ нею православія въ западно-русскомъ краѣ. Это двадцатипятилѣтіе было для православныхъ благопріятнѣе предшествовавшаго. Теперь они имѣли у себя полную высшую іерархію—митрополита и нѣсколько епископовъ, тогда какъ прежде у нихъ было только два епископа, а подъ конецъ оставался одинъ. Правда, въ первыя двѣнадцать лѣтъ перемѣны

(494) *Іерлич.* Latopisiec, I, 56.
(495) *Баранович.* Lutnia Appolinowa, str. 499, Kiev. 1671.

къ лучшему почти не замѣчалось. Польское правительство не хотѣло признать ни митрополита, ни епископовъ православныхъ, напротивъ считало ихъ самозванцами и, въ началѣ, даже измѣнниками, и воздвигло на нихъ сильное гоненіе, такъ что епископы не могли пребывать въ своихъ епархіяхъ, а должны были скрываться. Гоненія, простиравшіяся не на однихъ іерарховъ, но и на всѣхъ православныхъ, отличались прежнею несправедливостію и жестокостію: потому что въ Польшѣ все еще царствовалъ прежній король—іезуитъ Сигизмундъ III, и во главѣ уніи стоялъ прежній митрополитъ—фанатикъ Веляминъ Рутскій. При всемъ томъ перемѣна къ лучшему въ положеніи православныхъ, несомнѣнно, уже существовала: на защиту православія въ краѣ выступили казаки. Если въ Вильнѣ, Полоцкѣ и другихъ мѣстахъ правительство, по прежнему, угнетало православныхъ, то въ Кіевѣ, вокругъ Кіева и вообще въ Малороссіи, гдѣ находились казаки, этого уже не могло быть. Въ Кіевѣ митрополитъ Іовъ Борецкій спокойно занималъ свою каѳедру и совершалъ свое архипастырское служеніе. Онъ созывалъ соборы, разсылалъ свои посланія ко всей своей паствѣ, имѣлъ свои капитулы въ Кіевѣ и даже въ Слуцкѣ, поставлялъ своихъ намѣстниковъ—протопоповъ для наблюденія за приходскими церквами и своихъ уполномоченныхъ—протовъ для надзора за монастырями. Православные дворяне безпрепятственно основывали и поддерживали монастыри въ своихъ имѣніяхъ. Неразъ и сеймы дѣлали православнымъ уступки, хотя незначительныя. Самъ даже Сигизмундъ III нашелся почему-то вынужденнымъ утвердить своею граматою кіевское православное братство, хотя не вдругъ, а спустя почти пятнадцать лѣтъ со времени его основанія.

Съ кончиною Сигизмунда судьба православныхъ осязательно улучшилась. Новый король, Владиславъ, при самой коронаціи своей, хотѣлъ совершенно уравнять православныхъ съ уніатами, предоставивъ одинаковую свободу тому и другому исповѣданію; далъ православнымъ митрополита и четырехъ епископовъ, назначилъ имъ епархіи, указалъ содержаніе, призналъ и подтвердилъ права православныхъ братствъ и монастырей, дозволилъ православнымъ основывать новыя братства, церкви, монастыри, заводить училища и типографіи, опредѣлилъ, какіе изъ прежнихъ церквей и монастырей должны быть возвращены православнымъ и какіе остаться за уніатами и назначилъ для того особыхъ комисаровъ. И хотя вскорѣ за тѣмъ, подъ давленіемъ отъ латинянъ, нѣсколько отступилъ отъ своихъ первоначальныхъ рѣшеній и склонился на сторону уніатовъ, хотя уніаты, гдѣ только находили возможнымъ, сопротивлялись королевской волѣ при отобраніи у нихъ церквей и монастырей для православныхъ и всячески притѣсняли послѣднихъ, особенно въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ у православныхъ не было своихъ епископовъ; но права, данныя православнымъ, уже не отмѣнялись ни королемъ, ни сеймами, права эти православные смѣло отстаивали противъ своихъ враговъ и употребляли въ свою пользу, особенно въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ имѣли своихъ іерарховъ.

Нельзя отрицать, что унія продолжала распространяться и въ настоящее двадцатипятилѣтіе своего существованія въ западно-русскомъ краѣ. Распространенію ея, какъ и прежде, преимущественно содѣйствовали гоненія, которымъ подвергались православные священники и міряне за свою вѣру, отнятіе у нихъ церквей и запрещеніе строить новыя церкви, отня-

тіе гражданскихъ правъ, а съ другой стороны—измѣна православію дворянъ—помѣщиковъ, которые, переходя, одинъ за другимъ, въ унію, а чаще прямо въ латинство, запрещали и своимъ крестьянамъ оставаться въ православіи, и приказывали имъ переходить въ унію, обращали въ своихъ имѣніяхъ всѣ православныя церкви въ уніатскія и прогоняли православныхъ священниковъ. Одинъ Рутскій, если вѣрить уніатскому свидѣтельству, обратилъ къ уніи до трехъ милліоновъ православныхъ ([496]). Но обращенія эти, какъ вынужденныя, были, большею частію, притворныя. И вотъ едва только Владиславъ, объявивъ православнымъ свободу исповѣданія, послалъ своихъ комисаровъ въ разные города и мѣстечки для возвращенія нѣкоторыхъ церквей, отнятыхъ уніатами, православнымъ, послѣднихъ вездѣ обнаруживалось множество, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже несравненно болѣе, чѣмъ уніатовъ, хотя до того времени всѣ церкви въ этихъ мѣстахъ считались уніатскими, какбудто тамъ жили одни уніаты. Съ воцареніемъ Владислава, когда православные ограждены были въ своихъ правахъ, распространеніе уніи должно было уменьшиться, если не совершенно прекратилось, и для православныхъ дворянъ снова открылся теперь доступъ къ самымъ высшимъ мѣстамъ на государственной службѣ. Въ 1624 г. митрополитъ Веляминъ Рутскій, въ своемъ донесеніи въ Римъ, хвалился тѣмъ, что изъ числа уніатовъ есть уже три сенатора, именно одинъ воевода и два кастеляна, изъ схизматиковъ же (православныхъ) нѣтъ болѣе ниодного сенатора. А къ концу 1646 г., какъ видно изъ духовнаго

([496]) *Суша*, О распространеніи уніи,—у *Гарашевич*. Annal. eccles. Ruthen., pag. 310.

завѣщанія Петра Могилы, православные имѣли изъ среды своей, по крайней мѣрѣ, трехъ сенаторовъ или сановниковъ, которые, по самой должности своей, могли быть сенаторами: воеводу минскаго — князя Александра Огинскаго, кастеляна кіевскаго—Адама Киселя и кастеляна новогродскаго—Богдана Стеткевича,—не упоминаемъ о другихъ православныхъ дворянахъ, занимавшихъ также высокія должности на службѣ и поименованныхъ въ томъ же завѣщаніи ([497]).

Неблагопріятные отзывы находимъ у извѣстнаго Кассіана Саковича о православныхъ церквахъ и духовенствѣ, особенно сельскихъ. Церквей у православныхъ было много; но всѣ эти церкви были до крайности бѣдны и запущены. А духовенство сельское находилось въ совершенномъ невѣжествѣ и полной зависимости отъ мѣстныхъ владѣльцевъ. Попы дорого платили за мѣста панамъ, вносили имъ ежегодные оброки, отбывали на нихъ и другія повинности. „Кого послать,—писалъ Саковичъ,—въ далекій путь съ подводою? Попа. Съ кого сорвать большую взятку за самую малую вину? Съ попа, и прочее. А попы до того уже привыкли къ свому тяжкому положенію, что оно и не кажется имъ тяжелымъ. Иной священникъ и не вѣсть какія притѣсненія переноситъ отъ пана, только бы быть свободнымъ отъ уніи, а за все прочее не стоитъ“. Но Петръ Могила или авторъ Лиѳоса, опровергавшій книгу Саковича, отвѣчалъ ему, что не одни православныя церкви и духовенство находятся въ такомъ горестномъ положеніи, но и уніатскія, что тѣже самыя притѣсненія терпятъ отъ пановъ и уніатскіе

([497]) Донесеніе Рутскаго — у *Гарашев.* Annal. Ruthen., p. 295; Завѣщ. Могилы—въ Памятн. кіев. Коммис. II, 170—171.

попы, и что за это укорять православныхъ несправедливо. На такое тяжкое положеніе уніатскаго духовенства жаловался въ 1624 году и самъ Рутскій съ своими епископами ([498]).

Что же касается до монастырей, то состояніе ихъ у православныхъ было гораздо лучше, чѣмъ у уніатовъ. Авторъ Лиѳоса, продолжая свои опроверженія противъ Саковича относительно православныхъ церквей, говорилъ ему: „вмѣсто того, чтобы порицать православныхъ, посмотри лучше на свою братію, уніатовъ, что они дѣлаютъ съ монастырями и церквами, которые надѣлены были имѣніями. Мало ли было фундушей у славнаго монастыря въ Литвѣ *супрасльскаго?* А теперь до чего онъ доведенъ уніатами? Тамъ было, когда онъ находился во владѣніи православныхъ, до ста или, по меньшей мѣрѣ, до осмидесяти человѣкъ братіи, при архимандритѣ, кромѣ пѣвчихъ, а нынѣ живетъ едва нѣсколько монаховъ. И, что еще хуже, тамъ свѣтскій господинъ владѣетъ церковнымъ имуществомъ и селами, которыми прежде управлялъ архимандритъ, и чрезъ своего слугу выдаетъ монахамъ, какое хочетъ, жалованье, а всѣ доходы съ нѣсколькихъ десятковъ селъ обращаетъ на свой пожитокъ,—и уніаты нимало о томъ не заботятся. Спроси только въ томъ монастырѣ: гдѣ тѣ древнія иконы, которыя со всѣхъ сторонъ обиты были серебряными-позлащенными досками? И узнаешь, что уніаты употребили ихъ на свои прихоти, а въ церкви, вмѣсто серебряныхъ, поставили иконы полотняныя италіанскія. Хорошо мѣняются съ

([498]) Перспектива—въ Рукоп. моск. дух. Акад., № 223, л. 371 об. — 372 и друг.; Лиѳосъ — въ Рукоп. тойже Акад. № 83, л. 251 — 253; *Гарашев.* Annal. eccl. Ruthen., p. 288. 290.

Богомъ: за позлащенное серебро даютъ Ему полотно малеванное. Посмотри на монастырь *лавришевскій*, который съ давнихъ временъ богато надѣленъ былъ имѣніями, и гдѣ, подъ нашимъ управленіемъ, жило нѣсколько десятковъ иноковъ и каждый день славилось имя Божіе. Нынѣ онъ стоитъ пустой; въ немъ не живетъ ниодного человѣка. Посмотри на монастырь *новогродскій*, къ которому отчислили села и имѣнія лавришовскія: несомнѣнно, тамъ не найдешь больше четырехъ или пяти иноковъ, а въ церкви этого монастыря, которая есть каѳедральная митрополичья, увидишь бумажныя иконы. Посмотри на монастырь *черейскій*, гдѣ, подъ нашимъ управленіемъ, обитало нѣсколько десятковъ иноковъ, а теперь едва ли найдешь тамъ десятокъ. Посмотри на монастырь, названный *Лещъ* (лещинскій): тамъ увидишь едва одного монаха, а иногда и одного не бываетъ. Посмотри на монастыри *онуфріевскій* и *пустынскій*: увидишь, что гдѣ прежде жило нѣсколько десятковъ православныхъ иноковъ, тамъ живетъ нынѣ особнякомъ одинъ Корсакъ. А сколько у тѣхъ двухъ монастырей крестьянъ? Опускаю иные, меньшіе монастыри въ Литвѣ, которые вашею уніею до основанія ниспровергнуты. Пойди еще на Волынь, и спроси, что дѣется въ старожитномъ *жидичинскомъ* монастырѣ, много ли живетъ тамъ иноковъ, что тамъ за чинъ. Посмотри на старожитный монастырь *дорогобужскій*: не одного ли только архимандрита съ послушникомъ увидишь ты тамъ? И скажи, что за богослуженіе отправляется теперь тамъ, гдѣ прежде, при нашемъ управленіи, бывало, по крайней мѣрѣ, до двадцати иноковъ съ архимандритомъ. Посмотри и на мірскія церкви, изъ которыхъ иныя надѣлены были богатымъ имуществомъ, а иныя скуднымъ: до чего доведены онѣ подъ

управленіемъ вашихъ уніатовъ? Пойди только въ *Вильну* и спроси: кто теперь живетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ построена была церковь св. Параскевы мученицы? Тебѣ укажутъ, что тамъ стоитъ теперь корчма и домъ позорный. Пойди въ *Минскъ* и спроси: на какомъ мѣстѣ стоитъ мечеть татарская? Ты узнаешь, что—на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде была церковь во имя рождества Господа нашего І. Христа... Такъ-то уніатская ревность о благочестіи умножаетъ славу Божію на Руси! Взглянижъ теперь здравыми, безпристрастными очами на наши убогіе православные монастыри, не имѣющіе фундушей, утѣсняемые различными бѣдствіями и нуждою. Посмотри въ землѣ кіевской (не упоминаю о монастыряхъ, имѣющихъ фундуши) на монастырь *межигорскій*: тамъ болѣе полутораста иноковъ живетъ въ общинѣ, питаясь трудами рукъ своихъ, по примѣру великаго Антонія пустынножителя. Посмотри за Днѣпръ, и тамъ увидишь монастыри *мгарскій* и *густынскій* (о меньшихъ монастыряхъ не упоминаю), въ которыхъ братія благочестно проводятъ жизнь свою въ общинѣ и въ тѣснотѣ. Посмотри на монастырь *тригорскій* также общежительный, и тамъ найдешь до осмидесяти иноковъ, пребывающихъ въ великомъ смиреніи и тѣснотѣ. Иди на Покутье въ *Скитъ* (т. е. скитскій монастырь): тамъ найдешь до двухсотъ ангеловъ во плоти, живущихъ вмѣстѣ, и подражающихъ житію древнихъ пустынниковъ. Посмотри на монастырь *креховскій* подъ Львовомъ, и тамъ увидишь, какъ и въ Скиту, нѣсколько десятковъ иноковъ, благочестиво живущихъ безъ всякихъ фундушей. Посмотри еще на Бѣлую-Русь: тамъ, подъ Оршею, въ *кутеинскомъ* монастырѣ найдешь до двухсотъ братій, точно такъ же подражающихъ въ тѣлѣ житію ангельскому. Тоже увидишь и въ монастырѣ *бойницкомъ*, не

упоминаю о многихъ другихъ. Посмотри еще и на православныя братства: *виленское, кіевское, луцкое* и многія другія въ Коронѣ и въ Литвѣ: какъ они, по благодати Божіей, процвѣтаютъ въ строгомъ благочестіи! И согласись, волею или неволею, что какъ было во времена апостольскія, среди бѣдствій и всякихъ притѣсненій, и во времена гоненія, такъ дѣется нынѣ и у насъ, православныхъ русскихъ: сила Божія въ немощахъ совершается" ([499]). Надобно замѣтить, что почти всѣ уніатскіе монастыри перешли уже, одинъ за другимъ, изъ-подъ власти своихъ епархіальныхъ архіереевъ подъ власть Базиліанъ-монашескаго ордена, учрежденнаго Рутскимъ въ 1617 году, и управлялись своимъ особымъ начальникомъ—протоархимандритомъ, который, вмѣстѣ съ его совѣтниками, избираемъ былъ на съѣздахъ или конгрегаціяхъ настоятелями и другими представителями монастырей. Рутскій настойчиво преслѣдовалъ свою цѣль—превратить всѣ уніатскіе монастыри въ базиліанскіе. При немъ, кромѣ первой конгрегаціи, бывшей въ 1617 г., происходили еще шесть базиліанскихъ конгрегацій въ разныхъ мѣстахъ, какъ для избранія протоархимандритовъ, такъ и для рѣшенія другихъ дѣлъ ордена. А подъ конецъ жизни Рутскаго числилось уже до тридцати базиліанскихъ монастырей. Но и базиліане, захватывая въ свои руки монастыри, вовсе не заботились о поддержаніи ихъ, а старались только извлекать изъ нихъ собственныя выгоды: потому что монастыри—супрасльскій, лавришевскій, новогродскій, черейскій, лещинскій, пустынскій, жидичинскій, дорогобужскій, которые, по свидѣтель-

([499]) Лиѳосъ—въ Рукоп. моск. дух. Акад., № 83, л. 254 — 256. Въ подлинномъ текстѣ этотъ отрывокъ напечатанъ у *Петрушев.* Сводн. галицко-русск. лѣтоп., подъ 1664 годомъ, стр. 506—507.

ству Лиѳоса, доведены были до такого разоренія, находились всѣ подъ властію базиліанъ ([500]).

Базиліанскому ордену предоставлено было заводить уніатскія школы, имѣть попеченіе объ нихъ и вообще вести дѣло церковнаго и мірскаго образованія среди уніатовъ. И базиліане, руководимые Рутскимъ, старались исполнить этотъ долгъ свой, но не довольно усердно и мало успѣшно. Желая основать уніатскую семинарію, Рутскій просилъ въ 1620 г. римскую конгрегацію распространенія вѣры отпустить, чрезъ папскаго нунція въ Польшѣ, назначенныя для того конгрегаціею 1000 талеровъ, и присовокуплялъ, что для заведенія семинаріи имѣется уже нѣсколько тысячъ. Но этихъ денегъ было, вѣроятно, еще недостаточно, и на кобринскомъ соборѣ, созванномъ Рутскимъ въ 1626 г., положено было сдѣлать для устройства семинаріи сборъ какъ съ базиліанскихъ монастырей, такъ и отъ мірскаго клира. Сборъ однакожъ мало удался. Чрезъ два года базиліанскій протоархимандритъ Рафаилъ Корсакъ писалъ, отъ 13 февраля, Рутскому: „соборъ въ Минскѣ я открылъ. Священники внесли на семинарію контрибуціи 200 злотыхъ, а контрибуція съ монастырей нашихъ на семинарію можетъ считаться плохою: здѣсь только спорятъ, и контрибуціи отъ нихъ можно получить не болѣе 200 злотыхъ, да изъ Вильны 1000. Всѣ остальные монастыри не хотятъ давать: Бытенъ 200 злотыхъ, Жировицы 200, новогрудокъ 250, Могилевъ 20, Черея 100, Полоцкъ 250“ ([501]). И

---

[500]) *Петров.* Очеркъ исторіи базиліан. ордена въ бывшей Польшѣ,—въ Труд. Кіев. дух. Акад. 1870, II, 486—487; IV, 349—356.

([501]) Представленіе Рутскаго римской конгрегаціи отъ 15 Іюня 1620 г.—въ рукописномъ Сборникѣ архива Почаевской лавры, № 201, л. 100. Письмо

хотя Рутскій, мало по малу, собралъ сумму до 50 тысячъ злотыхъ, благодаря пожертвованіямъ отъ короля Сигизмунда III, отъ латинскихъ бискуповъ и уніатскихъ владыкъ; хотя устроилъ было семинарію въ Минскѣ и назначилъ жалованье для двадцати четырехъ русскихъ учителей въ ней; но учить въ семинаріи было некому. Учители не хотѣли трудиться, а всякъ спѣшилъ найти себѣ другое мѣсто, болѣе выгодное и почетное ([502]). Можетъ быть, или учительское жалованье было мало, или справедливо извѣстіе львовской лѣтописи, что сумма, собранная Рутскимъ на семинарію, была перехвачена въ 1630 г. казаками во время войны ихъ съ Польшею ([503]). Семинарія, вѣроятно, скоро закрылась: ибо въ 1641 г., при утвержденіи папою Антонія Селявы въ должности уніатскаго митрополита, ему вмѣнено было въ обязанность вновь завести семинарію въ Минскѣ и построить для нея зданіе ([504]). Не успѣвъ, въ столь долгое время, основать для себя семинаріи, уніаты довольствовались только нѣсколькими школами, которыя притомъ были въ незавидномъ положеніи. „Если скажете,—писалъ Кассіанъ Саковичъ, обращаясь къ уніатскимъ владыкамъ,—что вы имѣете училища при своихъ соборныхъ церквахъ, какъ то: въ Володимірѣ, Новогродкѣ, Минскѣ и новое въ Холмѣ, то я отвѣчаю на ваши рѣчи, что тѣ училища маленькія, а не большія.

Корсака Рутскому отъ 13 февр. 1628 г.—тамъ же л. 102 (Труд. Кіев. дух. Акад. 1870, II, 430—431. 474—475). О кобринскомъ соборѣ 1626 года—у *Кульчинск.* въ Appendix-ѣ къ Specim. eccles. Ruthenicae.

([502]) *Саковичъ.* Перспект.—въ Рукоп. моск. дух. акад., № 223, л. 379.

([503]) Львов. лѣтопись, напеч. въ Русск. Истор. Сборн., III, 246, Москв. 1839.

([504]) Рукописн. Сборникъ архива почаев. лавры, № 201, л. 103 (Труд. кіев. дух. акад. 1870, II, 475).

Въ володимірскомъ нѣсколько болѣе десяти учениковъ; въ Новогродкѣ и Минскѣ также не загустѣло учениковъ, а холмское училище, какъ недавно зачалось, такъ и недолго будетъ стоять... Что ваши училища? Они ничего не значатъ не только предъ латинскими (іезуитскими), но и предъ училищами отца Могилы—кіевскимъ и гойскимъ. И еслибы только въ этихъ послѣднихъ не учили еретическимъ ученіямъ, тогда, по истинѣ, русскіе имѣли бы со временемъ, чѣмъ утѣшиться“ ([505]). Такимъ образомъ, по свидѣтельству даже отъявленнаго врага православія и православныхъ, училища ихъ были гораздо выше и лучше училищъ уніатскихъ.

Вскорѣ послѣ кончины кіевскаго митрополита Петра Могилы началась значительная перемѣна въ судьбѣ кіевской митрополіи. Открылась ожесточенная борьба гетмана Богдана Хмельницкаго съ поляками. Совершилось присоединеніе Малороссіи къ великой Россіи. А за тѣмъ послѣдовало постепенное соединеніе и западно-русской православной митрополіи съ восточно-русскимъ или московскимъ патріархатомъ.

([515]) *Саковичъ*. Перспект.—въ Рукоп. моск. дух. акад., № 223, л. 378 об.—379.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
12	27	Никитича;	Никитича:
17	27	428:	428;
29	18	во всѣ	вовсе
90	8	послѣ,дованіе	послѣдованіе
133	22	межигородскаго	межигорскаго
163	6	Бѣло-озеро	Бѣлое море
206	14	николавскій	николаевскій
281	21	Elenchus str. 10)	(Elenchus str. 10)
399	30	Снеп.	Снес.
444	6	ипархіальныхъ	епархіальныхъ
445	5	троицкаго	троцкаго
484	28	Краевск.	Закревск.
494	18	Апѳологіонъ	Анѳологіонъ
495	19	Апѳологіонъ	Анѳологіонъ
544	29	Pzzydaten	Przydatek
610	22	Таковы!	Таковы:
604	21	*ишневскій*	*Вишневскій*